

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕВКОВ

Том XIII

Государственное Издательство

ПЕТЕРБУРГ • 1919

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Ломже

Томъ XIII
Былое и думы.
чч. IV и V.

Государственное Издательство

Петербургъ. — 1919.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

БЫЛОЕ И ДУМЫ.

Часть четвертая.

МОСКВА, ПЕТЕРБУРГЪ И НОВГОРОДЪ

(1840—1847).

СТР.

Глава XXV. Диссонансъ.— Новый кругъ.— Отчаянный гегелизмъ.— В. Бѣлинскій. М. Бакунинъ и пр.—Ссора съ Бѣлинскимъ и мирь.— Новгородскіе споры съ дамой.—Кругъ Станкевича.	3
Глава XXVI. Предостереженія.— Герольдія.— Канцелярія министра.— III Отдѣленіе.—Исторія будочника.—Генераль Дубельтъ.—Графъ Бенкендорфъ.— Ольга Александровна Жеребцова.— Вторая ссылка	38
Глава XXVII. Губернское правленіе.—Я у себя подъ надзоромъ.—Духоборцы и Павелъ.—Отечская власть помѣщиковъ и помѣщицъ.—Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.—Каннибальское слѣдствіе.—Отставка	66
Глава XXVIII. Grübelel.—Москва послѣ ссылки.—Покровское.—Смерть Матвѣя.—Іерей Іоаннъ	81
Глава XXIX. НАШИ. I. Московскій кругъ.—Застольная бесѣда.—Западники (Боткинъ, Рѣдкинъ, Крюковъ, Е. К...). II. На могилѣ друга	99
Глава XXX. НЕ НАШИ. Славянофилы и панславизмъ.—Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ.—П. Я. Чаадаевъ	120
Глава XXXI. Кончина моего отца.—Наслѣдство.—Дѣлешь.—Два племянника	156
Глава XXXII. Послѣдняя поѣздка въ Соколово.—Теоретическій разрывъ.—Натянутое положеніе.—Dahin! Dahin!	184
Глава XXXIII. Частный приставъ въ должности камердинера.—Оберъ-полицейстеръ Кокошкинъ.—«Безпорядокъ въ порядкѣ».—Еще разъ Дубельтъ.—Паспортъ	194

	СТР.
Н. Х. Кетчеръ (1842—1847)	204
Эпизодъ изъ 1844 года	234
Комментарій	241
<i>Между четвертой и пятой частью</i>	<i>279</i>

Часть пятая.

ПАРИЖЪ—ИТАЛІЯ—ПАРИЖЪ

(1847—1852).

Предисловіе	283
-----------------------	-----

Cogitata et visa.

Глава XXXIV. ПУТЬ. Потерянный пассъ.—Кенигсбергъ.—Собственно-ручной носъ.—Приѣхали!—И уѣзжаемъ	284
Глава XXXV. МЕДОВЫЙ МЪСЯЦЪ РЕСПУБЛИКИ. Англичанинъ въ мѣховой курткѣ.—Герцогъ де Ноайль.—Свобода и ея бюстъ въ Марсели.—Аббатъ Сибуръ и всемірная республика въ Авиньонѣ	290
Западныя арабески: Тетрадь первая. I. Сонъ. II. Въ грозу.	297
Глава XXXVI. «La Tribune des Peuples».—Мицкевичъ и Рамонъ де-ла-Сагра.—Хористы революціи 13 іюня 1849.—Холера въ Парижѣ.—Отъѣздъ	307
Глава XXXVII. Вавилонское столпотвореніе.—Нѣмецкіе umwältungsmäppegъ.—Французскіе красные горцы.—Итальянскіе fuorusciti въ Женевѣ.—Маццини, Гарibaldi, Орсини...—Романская и германская традиція.—Прогулка на «Князѣ Радецкомъ»	327
Глава XXXVIII. Швейцарія.—Джемсъ Фази и рефужье.—Monterosa	361
Западныя арабески. Тетрадь вторая. I. II Pianto. II. Post Scriptum.	382
Глава XXXIX. Деньги и полиція.—Императоръ Джемсъ Ротшильдъ и банкиръ Николай Романовъ.—Полиція и деньги.	398
Глава XL. Центральныи европейскій комитетъ.—Русскій генеральный консулъ въ Ниццѣ.—Письмо къ А. Ѳ. Орлову.—Преслѣдованіе ребенка.—Фогты.—Перечисленіе изъ надворныхъ совѣтниковъ въ тягловые крестьяне.—Приемъ въ Шателъ (1850—1851)	415
Глава XLI. П.-Ж. Прудонъ.—Изданіе «La Voix du Peuple». —Переписка.—Значеніе Прудона.	446
Раздумье по поводу затронутыхъ вопросовъ	464
Глава XLII. Сопр d'état.—Прокуроръ покойной республики.—Гласъ коровой въ пустынь.—Высылка прокурора.—Порядокъ и цивилизація торжествуютъ.	474
Глава XLIII. 1848. Тифондная горячка	482
Глава XLIV	500
Глава XLV. Крушеніе сердца	512
Глава XLVI. Еще годъ. 1851	518

	СТР.
Глава XLVII	527
Глава XLVIII. OCEANO NOX. (1851). Лѣтомъ	531
Глава XLIX. 1852	542
Глава L. Смерть	553
<i>Прибавленіе.</i> Гаугъ.—Теддингтонъ.—Передъ отъѣздомъ.—Послѣ при- ѣзда.—Еще посѣщеніе	562
Русскія тѣни. I. Н. И. Сазоновъ	572
II. Энгельсоны.	590 ¹⁾
Опечатки и дополненія.	624

¹⁾ Историко-литературный комментарий къ V части помѣщенъ въ началѣ XIV тома.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**Москва, Петербургъ и
Новгородъ**

(1840—1847)

ГЛАВА XXV.

Диссонансъ.—Новый кругъ.—Отчаянный гегелизмъ.—В. Бѣлинскій, М. Бакунинъ и пр.—Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ.—Новгородскіе споры съ дамой.—Кругъ Станкевича.

Въ началѣ 1840 года разстались мы съ Владиміромъ, съ бѣдной, узенькой Клязьмой. Я покидалъ нашъ вѣнчальный городокъ съ щемящимъ сердцемъ и страхомъ; я предвидѣлъ, что той простой, глубокой, внутренней жизни не будетъ болѣе и что придется подвязать много парусовъ.

Не повторятся больше наши долгія одинокія прогулки за городомъ, гдѣ, потерянные между луговъ, мы такъ ясно чувствовали и весну природы, и нашу весну...

Не повторятся зимніе вечера, въ которые, сидя близко другъ къ другу, мы закрывали книгу и слушали скрипъ пошевной и звонъ бубенчиковъ, напоминавшій намъ то 3 марта 1838, то нашу поѣздку 9 мая...

Не повторятся!

...На сколько ладовъ и какъ давно люди знаютъ и твердятъ, что «жизни май цвѣтеть одинъ разъ и не больше» ¹⁾, а все же іюнь совершеннолѣтія, съ своей страдной работой, съ своимъ щербнемъ на дорогѣ беретъ человѣка врасплохъ. Юность невнимательно несется къ какой-то алгебрѣ идей, чувствъ и стремлений, частное мало занимаетъ, мало бьетъ, а тутъ—любовь, найдено *неизвѣстное*, все свелось на одно лицо, прошло черезъ него, имъ становится всеобщее дорого, имъ изящное красиво; постороннее и тутъ не бьетъ: они *даны* другъ другу—кругомъ хоть трава не расти!

А она растеть себѣ съ крапивой и репейникомъ и рано или поздно начинаетъ жечь и цѣпляться.

¹⁾ Изъ «Resignation» Шиллера.

Мы знали, что Владимира съ собой не увеземъ, а все же думали, что май еще не прошелъ. Мнѣ казалось даже, что, возвращаясь въ Москву, я снова возвращаюсь въ университетскій періодъ. Вся обстановка поддерживала меня въ этомъ. Тотъ же домъ, та же мебель,—вотъ комната, гдѣ, запершись съ Огаревымъ, мы конспировали въ двухъ шагахъ отъ Сенатора и моего отца; да вотъ и онъ самъ, мой отецъ, состарѣвшійся и сгорбившійся, но такъ же готовый меня журить за то, что поздно воротился домой. «Кто-то завтра читаетъ лекціи? когда репетиція? Изъ университета зайду къ Огареву»... Это—1833 *годы!*

Огаревъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ налицо.

Ему былъ разрѣшенъ вѣздъ въ Москву за нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня. Домъ его снова сдѣлался средоточіемъ, въ которомъ встрѣчались старые и новые друзья. И, несмотря на то, что прежняго единства не было, все симпатично окружало его.

Огаревъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ одаренъ особой магнитностью, женственной способностью притяженія. Безъ всякой видимой причины къ такимъ людямъ льнуть, пристають другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокаиваютъ ихъ, они—*открытый столъ*, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣе, покойнѣе и идетъ прочь другомъ.

Знакомые поглощали у него много времени, онъ страдалъ отъ этого иногда, но дверей своихъ не запиралъ, а встрѣчалъ каждого кроткой улыбкой. Многіе находили въ этомъ большую слабость. Да, время уходило, терялось, но пріобрѣталась любовь не только близкихъ людей, но постороннихъ, слабыхъ; вѣдь, и это стоитъ чтенія и другихъ занятій! ¹

Я никогда толкомъ не могъ понять, какъ это обвиняютъ людей, въ родѣ Огарева, въ праздности. Точка зрѣнія фабрикъ и рабочихъ домовъ врядъ ли идетъ сюда. Помню я, что еще во времена студентскія, мы разъ сидѣли съ Вадимомъ ¹⁾ за рейнвейномъ; онъ становился мрачнѣе и мрачнѣе и вдругъ, со слезами на глазахъ, повторилъ слова Донъ Карлоса, повторившаго, въ свою очередь, слова Юлія Цезаря: «Двадцать три года, и ничего не сдѣлано для безсмертія!». Его это такъ огорчило, что онъ изо всей силы ударилъ ладонью по зеленой рюмкѣ и глубоко разрѣзалъ себѣ руку. Все это такъ, но ни Цезарь, ни Донъ Карлосъ съ Позой, ни мы съ Вадимомъ не объяснили, для чего же нужно что-нибудь дѣлать для *безсмертія*. Есть дѣло: надобно его и сдѣлать, а какъ же

¹⁾ Пассекъ.

это дѣлать для дѣла или *въ знакъ памяти* роду человѣческому?

Все это что-то смутно, да и что такое дѣло?

Дѣло, business ¹⁾... Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла, купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю, военные называютъ дѣломъ шагать по журавлиному и вооружаться съ ногъ до головы въ мирное время. По моему, служить связью, центромъ цѣлага круга людей — огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ и скованномъ. Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ ли, сколько во всемъ сдѣланномъ мною отразились наши бесѣды, наши споры, ночи, которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ или еще болѣе *праздно* проводили за бокаломъ вина?

...Но вскорѣ потянуль и въ этой средѣ воздухъ, напомнившій, что весна прошла. Когда улеглась радость свиданій, и миновались пиры, когда главное было пересказано и приходилось продолжать путь, мы увидѣли, что той беззаботной, свѣтлой жизни, которую мы искали по воспоминаніямъ, нѣтъ больше въ нашемъ кругѣ и особенно въ домѣ Огарева. Шумѣли друзья, кипѣли споры, лилось иногда вино, но не весело, не такъ весело, какъ прежде. У всѣхъ была задняя мысль, недомолвка; чувствовалась какая-то натяжка; печально смотрѣлъ Огаревъ, и К. ²⁾ зловѣще поднималъ брови. Посторонняя нота звучала въ нашемъ аккордѣ вопіющимъ диссонансомъ, всей теплоты, всей дружбы Огарева не доставало, чтобъ заглушить ее.

То, чего я опасался за годъ передъ тѣмъ, то случилось, и хуже, чѣмъ я думалъ.

Отецъ Огарева умеръ въ 1838; незадолго до его смерти онъ ³⁾ женился. Вѣсть о его женитьбѣ испугала меня; все это случилось какъ-то скоро и неожиданно. Слухи объ его женѣ, доходившіе до меня, не совсѣмъ были въ ея пользу; онъ писалъ съ восторгомъ и былъ счастливъ, — ему я больше вѣрилъ, но все же боялся.

Въ началѣ 1839 года они пріѣхали на нѣсколько дней во Владиміръ. Мы тутъ увидѣлись въ первый разъ послѣ того, какъ аудиторъ Оранскій намъ читалъ приговоръ. Тутъ было не до разбора; помню только, что въ первыя минуты ея голосъ провелъ нехорошо по моему сердцу, но и это минутное впечатлѣніе исчезло въ яркомъ свѣтѣ радости. Да, это были тѣ дни полноты и личнаго счастья, въ которые человѣкъ, не подозрѣвая, касается высшаго

¹⁾ Дѣло въ коммерческомъ смыслѣ, «гешефтъ».

²⁾ Кетчеръ.

³⁾ Никслай Платоновичъ.

предѣла, послѣдняго края личнаго счастья. Ни тѣни чернаго воспоминанія, ни малѣйшаго темнаго предчувствія, молодость, дружба, любовь, избытокъ силъ, энергіи, здоровья и безконечная дорога впереди. Самое мистическое настроеніе, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданью, какъ колокольный звонъ, пѣвчіе и зажженные паникадила.

У меня въ комнатѣ, на одномъ столѣ, стояло небольшое чугунное распятіе. «На колѣни!—сказаль Огаревъ,—и поблагодаримъ за то, что мы всѣ четверо вмѣстѣ!» Мы, стали на колѣни возлѣ него и, обтирая слезы, обнялись.

Но одному изъ четырехъ врядъ нужно ли было ихъ обтирать. Жена Огарева съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣла на происшедшее; я думаль тогда, что это—*getenue* ¹⁾, но она сама сказала мнѣ впослѣдствіи, что сцена эта показалась ей натянутой, дѣтской. Оно, пожалуй, и могло показаться такъ со стороны, но зачѣмъ же она смотрѣла со стороны, зачѣмъ она была такъ трезва въ этомъ упоеніи, такъ совершеннолѣтня въ этой молодости?

Огаревъ возвратился въ свое имѣніе, она поѣхала въ Петербургъ хлопотать о его возвращеніи въ Москву.

Черезъ мѣсяць она опять проѣзжала Владиміромъ — одна. Петербургъ и двѣ-три аристократическія гостинныя вскружили ей голову. Ей хотѣлось внѣшняго блеска, ее тѣшило богатство. Какъ-то сладить она съ этимъ? думаль я. Много бѣдъ могло развиться изъ такой противоположности вкусовъ. Но ей было ново и богатство, и Петербургъ, и салоны; можетъ, это было минутное увлеченье?... Она была умна, она любила Огарева, и я надѣялся.

Въ Москвѣ опасались, что это не такъ легко переработается въ ней. Артистическій и литературный кругъ довольно льстиль ея самолюбію, но главное было направлено не туда. Она согласилась бы имѣть при аристократическомъ салонѣ придѣлъ для художниковъ и ученыхъ и насильно увлекала Огарева въ пустой міръ, въ которомъ онъ задыхался отъ скуки. Ближайшіе друзья стали замѣчать это, и К., давно уже хмурившійся, грозно заявилъ свое *veto*. Вспыльчивая, самолюбивая и непривыкнувшая себя обуздывать, она оскорбляла самолюбія, столько же раздражительныя, какъ ея. Угловатыя, нѣсколько сухія манеры ея и насмѣшки, высказываемыя тѣмъ голосомъ, который при первой встрѣчѣ такъ странно провелъ мнѣ по сердцу, вызвали рѣзкій отпоръ. Побранившись мѣсяца два съ К., который, будучи правъ въ фондѣ, былъ постоянно не правъ въ формѣ, и возстановивъ противъ себя нѣ-

1) Сдержанность.

сколько человѣкъ, можетъ, слишкомъ обидчивыхъ, по матеріальному положенію, она, наконецъ, очутилась лицомъ къ лицу со мной.

Меня она боялась. Во мнѣ она хотѣла помѣриться и окончательно узнать, что возьметъ верхъ: *дружба или любовь*, какъ будто, имъ нужно было брать этотъ верхъ. Тутъ больше замѣшалось, чѣмъ желаніе поставить на своемъ въ капризномъ спорѣ: тутъ было сознаніе, что я всего сильнѣе противодѣйствую ея видамъ, тутъ были завистливая ревность и женское властолюбіе. Съ К. она спорила до слезъ и перебранивалась, какъ злая дѣти бранятся, всякій день, но безъ ожесточенія; на меня она смотрѣла, блѣднѣя и дрожа отъ ненависти. Она упрекала меня въ разрушеніи ея счастья изъ самолюбиваго притязанія на исключительную дружбу Огарева, въ отталкивающей гордости. Я чувствовалъ, что это несправедливо, и, въ свою очередь, сдѣлался жестокъ и безпощаденъ. Она сама признавалась мнѣ, пять лѣтъ спустя, что ей приходила въ голову мысль меня отравить,—вотъ до чего доходила ея ненависть. Она съ Natalie раззнакомилась за ея любовь ко мнѣ, за дружбу къ ней всѣхъ нашихъ. ²

Огаревъ страдалъ. Его никто не пощадилъ: ни она, ни я, ни другіе. Мы выбрали грудь его (какъ онъ самъ выразился въ одномъ письмѣ) «полемъ сраженія» и не думали, что, тотъ ли, другой ли одолѣваетъ, ему равно было больно. Онъ заклиналъ насъ мириться, онъ старался смягчить угловатости,—и мы мирились; но дико кричало оскорбленное самолюбіе, и наболѣвшая обидчивость вспыхивала войной отъ одного слова. Съ ужасомъ видѣлъ Огаревъ, что все дорогое ему рушится, что женщинѣ, которую онъ любилъ, не свята его святыня, что она чужая... но не могъ ее разлюбить. Мы были свои, но онъ съ печалью видѣлъ, что и мы ни одной капли горечи не убавили въ чашѣ, которую судьба поднесла ему. Онъ не могъ грубо порвать узы *Naturgewalt'a* ¹⁾, связывавшаго его съ нею, ни крѣпкія узы симпатіи, связывавшія съ нами; онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ изойти кровью, и, чувствуя это, онъ старался сохранить ее и насъ,—судорожно не выпускалъ ни ея, ни нашихъ рукъ, а мы свирѣпо расходились, четвертуя его, какъ палачи! ³

Жестокъ человѣкъ, и одни долгія испытанія укрощаютъ его; жестокъ въ своемъ невѣдѣніи ребенокъ, жестокъ юноша, гордый своей чистотой, жестокъ попъ, гордый своей святостью, и доктринеръ, гордый своей наукой,—всѣ мы безпощадны и всего безпощаднѣе, когда мы правы. Сердце обыкновенно растворяется и ста-

¹⁾ Власти природы.

новится мягкимъ вслѣдъ за глубокими рубцами, за обожженными крыльями, за сознанными паденіями, вслѣдъ за испугомъ, который обдаеть человѣка холодомъ, когда онъ одинъ, безъ свидѣтелей начинаетъ догадываться, какой онъ слабый и дрянной человѣкъ. Сердце становится кротче; обтирая потъ ужаса, стыда, боясь свидѣтеля, оно ищетъ *себѣ* оправданій—и находитъ ихъ *другому*. Роль судьбы, палача тѣ той минуты поселяеть въ немъ отвращеніе.

Тогда я былъ далекъ отъ этого!

Переменяясь, продолжалась вражда. Озлобленная женщина, преслѣдуемая нашей нетерпимостью, заступала дальше и дальше въ какія-то пути, не могла въ нихъ итти, рвалась, падала—и не мѣнялась. Чувствуя свое безсиліе побѣдить, она сгорала отъ досады и *dépit* ¹⁾, отъ ревности безъ любви. Ея растрепанныя мысли, безсвязно взятая изъ романовъ Ж. Сандъ, изъ нашихъ разговоровъ, никогда ни въ чемъ не дошедшія до ясности, вели ее отъ одной нелѣпости къ другой, къ эксцентричностямъ, которыя она принимала за оригинальную самобытность, къ тому женскому освобожденію, въ силу котораго онѣ отрицають изъ существующаго и принятаго *на выборъ*, что имъ не нравится, сохраняя упорно все остальное.

Разрывъ становился неминуемъ, но Огаревъ еще долго жалѣлъ ее, еще долго хотѣлъ спасти ее, надѣялся. И когда на минуту въ ней пробуждалось нѣжное чувство или поэтическая струйка, онъ былъ готовъ забыть на вѣки вѣковъ прошедшее и начать новую жизнь гармоніи, покоя, любви. Но она не могла удержаться, теряла равновѣсіе и всякій разъ падала глубже. Нить за нитью болѣзненно рвался ихъ союзъ до тѣхъ поръ, пока беззвучно перетерлась послѣдняя нитка,—и они разстались навсегда.

Во всемъ этомъ является одинъ вопросъ не совсѣмъ понятный. Какимъ образомъ то сильное симпатическое вліяніе, которое Огаревъ имѣлъ на все окружающее, которое увлекало постороннихъ въ высшія сферы, въ общіе интересы, скользнуло по сердцу этой женщины, не оставивъ на немъ никакого благотворнаго слѣда? А между тѣмъ, онъ любилъ ее страстно и положилъ больше силы и души, чтобъ ее спасти, чѣмъ на все остальное; и она сама сначала любила его,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Много я думалъ объ этомъ. Сперва, разумѣется, винилъ одну сторону, потомъ сталъ понимать, что и этотъ странный, уродливый

¹⁾ Огорченія.

фактъ имѣеть объясненіе, и что въ немъ, собственно, нѣтъ противорѣчія. Имѣеть вліяніе на симпатическій кругъ гораздо легче, чѣмъ имѣеть вліяніе на *одну* женщину. Проповѣдывать съ амвона, увлекать съ трибуны, учить съ кафедръ гораздо легче, чѣмъ воспитывать *одного* ребенка. Въ аудиторіи, въ церкви, въ клубѣ одинаковость стремленій, интересовъ идетъ впередъ, во имя ихъ люди встрѣчаются тамъ,—стоитъ продолжать развитіе. Огарева кружокъ состоялъ изъ прежнихъ университетскихъ товарищей, молодыхъ ученыхъ, художниковъ и литераторовъ; ихъ связывала общая религія, общій языкъ и еще больше—общая ненависть. Тѣ, для которыхъ эта религія не составляла въ самомъ дѣлѣ жизненнаго вопроса, мало-по-малу отдалялись, на ихъ мѣсто являлись *другіе*, а мысль и кругъ крѣпли при этой свободной игрѣ избирательнаго сродства и общаго связующаго убѣжденія.

Сближеніе съ женщиной—дѣло чисто личное, основанное на иномъ, тайно-физиологическомъ сродствѣ, безотчетномъ, страстномъ. Мы прежде близки, потомъ знакомимся. У людей, у которыхъ жизнь не подтасована, не приведена къ одной мысли, уровень устанавливается легко; у нихъ все случайно; вполнину уступаетъ онъ, вполнину она; да если и не уступаютъ—бѣды нѣтъ. Съ ужасомъ открываетъ, напротивъ, человѣкъ, преданный своей идеѣ, что она чужда существу, такъ близко поставленному. Онъ принимается наскоро будить женщину, но большей частью только пугаетъ или путаетъ ее. Оторванная отъ преданій, отъ которыхъ она не освободилась, и переброшенная черезъ какой-то оврагъ, ничѣмъ не наполненный, она вѣрится въ свое освобожденіе заносчиво, самолюбиво, черезъ пень-колоду отвергаетъ старое, безъ разбора принимаетъ новое. Въ головѣ, въ сердцѣ безпорядокъ, хаосъ... вожжи брошены, эгоизмъ разнузданъ... А мы думаемъ, что сдѣлали дѣло, и проповѣдуемъ ей, какъ въ аудиторіи!

Талантъ воспитанія, талантъ терпѣливой любви, полной преданности, преданности хронической, рѣже встрѣчается, чѣмъ всѣ другіе. Его не можетъ замѣнить ни одна страстная любовь матери, ни одна сильная доводами діалектика.

Ужъ не оттого ли люди истязаютъ дѣтей, а иногда и большихъ, что ихъ такъ трудно воспитывать, а сѣчь такъ легко? Не мстимъ ли мы наказаніемъ за нашу неспособность?

Огаревъ это понялъ еще тогда; потому-то его всѣ (и я въ томъ числѣ) упрекали въ излишней кротости.

... Кругъ молодыхъ людей, составившійся около Огарева, не былъ нашъ прежній кругъ. Только двое изъ старыхъ друзей, кромѣ насъ, были налицо. Тонъ, интересы, занятія,—все измѣнилось.

Друзья Станкевича ¹⁾ были на первомъ планѣ; Бакунинъ ²⁾ и Бѣлинскій ³⁾ стояли въ ихъ главѣ, каждый съ томомъ Гегелевой философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью, безъ которой нѣтъ кровныхъ, страстныхъ убѣжденій.

Германская философія была привита московскому университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи, вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству—невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?».

Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, зато совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натурфилософъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ ⁴⁾ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шелъ или, по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя сѣни, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ—Станкевичъ.

Станкевичъ, тоже одинъ изъ *праздныхъ* людей, *ничего* не совершившихъ, былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчательнъ: изъ него вышла цѣлая фаланга ученыхъ,

¹⁾ Николай Владиміровичъ.

²⁾ Михаилъ Александровичъ.

³⁾ Виссаріонъ Григорьевичъ.

⁴⁾ Индійская священ. эпопея на санскритскомъ языкѣ.

литераторовъ и профессоровъ, въ числѣ которыхъ были Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій ¹⁾).

До ссылки между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фронтёрами и французами, мы ихъ—сентименталистами и нѣмцами. Первый человекъ, признанный нами и ими, который дружески подаль обоимъ руки и снялъ своей теплой любовью къ обоимъ, своей примиряющей натурой послѣдніе слѣды взаимнаго непониманія, былъ Грановскій; но когда я пріѣхалъ въ Москву, онъ еще былъ въ Берлинѣ ²⁾, а бѣдный Станкевичъ потухалъ на берегахъ Lago di Como, лѣтъ двадцати семи ³⁾.

Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ, естественно, долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ ему шелъ, это былъ «побѣдный вѣнокъ», выступавшій на его блѣдномъ предсмертномъ челѣ юноши. Другіе были слишкомъ здоровы и слишкомъ мало поэты, чтобъ надолго остаться въ спекулятивномъ мышленіи безъ перехода въ жизнь. Исключительно умозрительное направленіе совершенно противоположно русскому характеру, и мы скоро увидимъ, какъ *русскій духъ* переработалъ Гегелево ученіе, и какъ *наша* живая натура, несмотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое. Но въ началѣ 1840 года не было еще и мысли у молодежи, окружаншей Огарева, бунтовать противъ текста за духъ, противъ отвлеченій—за жизнь.

Новые знакомые приняли меня такъ, какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцовъ, людей, выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ плѣна или ссылки: съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ свой союзъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не уступая ничего, а намекая на то, что они—*сегодня, а мы—уже вчера*, и требуя безусловнаго принятія «Феноменологіи» и «Логики» Гегеля, и притомъ по ихъ толкованію. ⁴⁾

Толковали же они объ нихъ безпрестанно; нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ «Логики», въ двухъ «Эстетики», «Энциклопедіи», и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколь-

¹⁾ Тимофей Николаевичъ.

²⁾ Грановскій пріѣхалъ въ Москву въ августѣ 1839 г., Герценъ познакомился съ нимъ въ свой пріѣздъ въ декабрѣ того же года.

³⁾ Умеръ въ августѣ 1840 г. въ Генуѣ.

кихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и о ея *по-себѣ бытіи*». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Такъ, какъ Франкѣръ въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что въ Россіи его принимаютъ за великаго математика, и что все юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней, употребляя тѣ же буквы, какъ онъ,—такъ заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры ¹⁾, Маргейнеке ²⁾, Михелеты ³⁾, Отто ⁴⁾, Вадке ⁵⁾, Шаллеры ⁶⁾, Розенкранцы ⁷⁾ и самъ Арнольдъ Руге ⁸⁾, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ «привратникомъ Гегелевой философіи», если-бъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Маросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ *покупали*.

Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія,—ясности, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія; молодые философы приняли, напротивъ, какой-то условный языкъ, они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ да еще, для большей легкости, оставляя всѣ латинскія слова *in situ* ⁹⁾, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей.

Я имѣю право это сказать, потому что, увлеченный тогдашнимъ потокомъ, я самъ писалъ точно такъ же да еще удивлялся, что извѣстный астрономъ Перевошиковъ называлъ это «птичьимъ языкомъ». Никто въ тѣ времена не отрекся бы отъ подобной фразы: «Конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ». Замѣчательно, что тутъ русскія слова, какъ на извѣстномъ обѣдѣ

¹⁾ Карль, послѣдователь Гегеля.

²⁾ Филиппъ-Конрадъ, гейдельбергскій профессоръ.

³⁾ Людвигъ, самый ревностный послѣдователь Гегеля.

⁴⁾ Иоаннъ, іенскій профессоръ.

⁵⁾ Нѣмецкій естествоиспытатель.

⁶⁾ Юліусъ, проф. философіи въ Гале.

⁷⁾ Вильямъ, нѣмецкій философъ.

⁸⁾ Нѣмецкій писатель и революціонеръ.

⁹⁾ Въ дѣвственномъ видѣ.

генераловъ, о которомъ говорилъ Ермоловъ ¹⁾, звучать иностранныя латинскихъ.

Нѣмецкая наука, и это ея главный недостатокъ, приучилась къ искусственному, тяжелому, схоластическому языку своему именно потому, что она жила въ академіяхъ, т.-е. въ монастыряхъ идеализма. Это языкъ поповъ науки, языкъ для *върныхъ*, и никто изъ оглашенныхъ его не понималъ; къ нему надобно было имѣть ключъ, какъ къ шифрованнымъ письмамъ. Ключъ этотъ теперь не тайна; понявши его, люди были удивлены, что наука говорила очень дѣльные вещи и очень простыя на своемъ мудромъ нарѣчїи. Фейербахъ сталъ первый говорить человѣчественнѣе.

Механическая слѣпка нѣмецкаго *церковно*-ученаго діалекта была тѣмъ непростительнѣе, что главный характеръ нашего языка состоитъ въ чрезвычайной легости, съ которой все выражается на немъ — отвлеченныя мысли, внутреннія лирическія чувствованія, «жизни мышья бѣготня» ²⁾, крикъ негодованія, искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка, болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ гениально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категорїи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку: къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»...

То же въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части «Фауста» (оттого ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея), было столько же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и

¹⁾ Алексѣй Петровичъ, славился остроуміемъ.

²⁾ «Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы» Пушкина,

не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, зато производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько, думаю, за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ, какъ «Всемогущество Божіе», «Атласъ». Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое.

Отсюда легко понять поле, на которомъ мы должны были непременно встрѣтиться и сразиться. Пока пренія шли о томъ, что Гёте объективенъ, но что его объективность субъективна, тогда какъ Шиллеръ—поэтъ субъективный, но его субъективность объективна и, *vice versa* ¹⁾, все шло мирно. Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться.

Гегель во время своего профессората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіюще въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гельдерлина ²⁾, который спасъ подъ полой свою «Феноменологію», когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индійскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ, ни къ прусскому христіанству; тогда онъ не читалъ своихъ лекцій о философіи религіи, а писалъ геніальныя вещи въ родѣ статьи о «палачѣ и о смертной казни», напечатанной въ Розенкранцевой біографіи.

Гегель держался въ кругу отвлеченій для того, чтобъ не быть въ необходимости касаться эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложеній; для нихъ онъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись, какъ больной, но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. Чрезвычайно слабыя

¹⁾ Наоборотъ.

²⁾ Іоганнъ, нѣмецкій поэтъ.

умы (одинъ Гансъ ¹⁾ дѣлаеть исключеніе), окружавшіе его, принимали букву за самое дѣло, имъ нравилась пустая игра діалектики. Вѣроятно, старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недалновидность черезъ край удовлетворенныхъ учениковъ своихъ. Діалектическая метода, если она не есть развитіе самой сущности, воспитаніе ея, такъ сказать, въ мысль, становится чисто внѣшнимъ средствомъ гонять сквозь строй категорій всякую всячину, упражненіемъ въ логической гимнастикѣ,—тѣмъ, чѣмъ она была у греческихъ софистовъ и у средневѣковыхъ схоластиковъ послѣ Абеляра ²⁾.

Философская фраза, надѣлавшая всего больше вреда и на которой нѣмецкіе консерваторы стремились помирить философію съ политическимъ бытомъ Германіи: «все дѣйствительное разумно», была иначе высказанное начало *достаточной причины* и соотвѣтственности логики и фактовъ. Дурно понятая фраза Гегеля сдѣлалась въ философіи тѣмъ, что нѣкогда были слова христіанскаго жирондиста Павла: «Нѣтъ власти, какъ отъ Бога». Но если всѣ власти отъ Бога, и если существующій общественный порядокъ оправдывается разумомъ, то и борьба противъ него, если только существуетъ, оправдана. Формально принятыя эти двѣ сентенціи—чистая тавтологія; но тавтологія или нѣтъ, она прямо вела къ признанію предрержащихъ властей, къ тому, чтобъ человѣкъ сложилъ руки,—этого-то и хотѣли берлинскіе буддисты. Какъ такое воззрѣніе ни было противоположно русскому духу, его, откровенно заблуждаясь, приняли наши московскіе гегельянцы.

Бѣлинскій,—самая дѣятельная, порывистая, діалектически-страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе, вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и не самобытные; въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста.

— Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія,—сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ,—вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

¹⁾ Эдуардъ, представитель философской школы въ нѣмецкой юриспруденціи.

²⁾ Петръ, схоластическій философъ и богословъ XII ст.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ «Бородинскую годовщину» Пушкина.

Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами... Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ «Бородинской годовщиной». ⁵

Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться; его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отста-
лыми.

Середь этой междоусобицы я увидѣлъ необходимость *ex ipsa fonte bibere* ¹⁾ и серьезно занялся Гегелемъ. Я думаю даже, что человѣкъ, не *пережившій* «Феноменологии» Гегеля и «Противорѣчій общественной экономіи» Прудона, не перешедшій черезъ этотъ горнь и этотъ закалъ, не полонъ, не современенъ.

Когда я привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей; таковъ онъ въ первыхъ сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его гений закусывалъ удила и несся впередъ, забывая «бранденбургскія ворота». Философія Гегеля — алгебра революціи, она несбыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она, можетъ, съ намѣреніемъ дурно формулирована.

Такъ, какъ въ математикѣ—только тамъ съ большимъ правомъ—не возвращаются къ опредѣленію пространства, движенія, силъ, а продолжаютъ діалектическое развитіе ихъ свойствъ и законовъ, такъ и въ формальномъ пониманіи философіи, привыкнувъ однажды къ началамъ, продолжаютъ одни выводы. Новый человѣкъ, не забившій себя методой, обращающейся въ привычку, именно за эти-то преданія, за эти догматы, принимаемые за мысли, и цѣпляется. Людямъ, давно занимающимся и, слѣдственно, не безпристра-

¹⁾ Пить изъ самаго источника.

стнымъ, кажется удивительнымъ, какъ другіе не понимаютъ вещей «совершенно ясныхъ».

Какъ не понять *такую* простую мысль, какъ, напр., что «душа безсмертна, а что умираетъ одна личность»,—мысль, такъ успѣшно развитую берлинскимъ Михелетомъ въ его книгѣ. Или еще блѣе простую истину, что безусловный духъ есть личность, сознающая себя черезъ міръ, а между тѣмъ имѣющая и свое собственное самопознаніе.

Всѣ эти вещи казались до того легки нашимъ друзьямъ, они такъ улыбались «французскимъ» возраженіямъ, что я былъ на нѣкоторое время подавленъ ими и работалъ, и работалъ, чтобъ дойти до отчетливаго пониманія ихъ философскаго jargon. ⁶

По счастью, схоластика такъ же мало свойственна мнѣ, какъ мистицизмъ; я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась, и повязка упала. Странное дѣло, споръ съ дамой привелъ меня къ этому.

Въ Новгородѣ, годъ спустя, познакомился я съ однимъ генераломъ ¹⁾. Познакомился я съ нимъ, потому что онъ всего меньше былъ похожъ на генерала.

Въ его домѣ было тяжело, въ воздухѣ были слезы,—тутъ, очевидно, прошла смерть. Сѣдые волосы рано покрыли его голову, и добродушно-грустная улыбка больше выражала страданій, нежели морщины. Ему было лѣтъ пятьдесятъ. Слѣдъ судьбы, обрубившей живыя вѣтви, еще яснѣе виднѣлся на блѣдномъ, худомъ лицѣ его жены ²⁾. У нихъ было слишкомъ тихо. Генераль занимался механикой, его жена по утрамъ давала французскіе уроки какимъ-то бѣднымъ дѣвочкамъ; когда онъ уходили, она принималась читать, и одни цвѣты, которыхъ было много, напоминали иную, благоуханную, свѣтлую жизнь, да еще игрушки въ шкапу,—только ими никто не игралъ.

У нихъ было трое дѣтей; два года передъ тѣмъ умеръ девятилѣтній мальчикъ, необыкновенно даровитый; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ другой ребенокъ отъ скарлатины; мать бросилась въ деревню спасать послѣднее дитя перемѣной воздуха, и черезъ нѣсколько дней воротилась: съ ней въ каретѣ былъ гробикъ.

Жизнь ихъ потеряла смыслъ, кончилась и продолжалась безъ нужды, безъ цѣли. Ихъ существованіе удержалось сожалѣніемъ другъ о другѣ; одно утѣшеніе, доступное имъ, состояло въ глубокомъ убѣжденіи необходимости одного для другого, для того, чтобъ

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Филиповичъ.

²⁾ Лариса Дмитріевна.

какъ-нибудь нести крестъ. Мало я видѣлъ больше гармоническихъ браковъ, но уже это и не былъ бракъ,—ихъ связывала не любовь, а какое-то глубокое братство въ несчастіи; ихъ судьба тѣсно затягивалась и держалась вмѣстѣ тремя маленькими холодными ручонками и безнадежной пустотою около и впереди.

Осиротѣвшая мать совершенно предалась мистицизму; она нашла спасеніе отъ тоски въ мірѣ таинственныхъ примиреній, она была обманута лестью религіи человѣческому сердцу. Для нея мистицизмъ былъ не шутка, не мечтательность, а опять-таки—дѣти, и она защищала ихъ, защищая свою религію. Но какъ умъ чрезвычайно дѣятельный, она вызывала на споръ и знала свою силу. Я послѣ и прежде встрѣчалъ въ жизни много мистиковъ въ разныхъ родахъ, отъ Витберга и послѣдователей Товянскаго ¹⁾, принимавшихъ Наполеона за военное воплощеніе Бога и снимавшихъ шапку, проходя мимо Вандомской колонны, до забытаго теперь «Мапа» ²⁾, который самъ мнѣ рассказывалъ свое свиданіе съ Богомъ, случившееся на шоссе между Монморанси и Парижемъ. Всѣ они, большею частью, люди нервные, дѣйствовали на нервы, поражали фантазію или сердце, мѣшали философскія понятія съ произвольной символиккой и не любили выходить на чистое поле логики.

На немъ-то и стояла твердо и безбоязненно Л. Д. Гдѣ и какъ она успѣла пріобрѣсти такую артистическую ловкость діалектики, я не знаю. Вообще, женское развитіе — тайна; все ничего, наряды да танцы, шаловливое злословіе и чтеніе романовъ, глазки и слезы,— и вдругъ является гигантская воля, зрѣлая мысль, колоссальный умъ. Дѣвочка, увлеченная страстями, исчезла, и передъ вами Теруанъ де-Мерикуръ ³⁾, красавица-трибунъ, потрясающая народныя массы, княгиня Дашкова ⁴⁾ восемнадцати лѣтъ, верхомъ, съ саблей въ рукахъ среди крамольной толпы солдатъ.

У Л. Д. все было кончено, тутъ не было сомнѣній, шаткости,

¹⁾ Андрей, извѣстный польскій мистикъ.

²⁾ «Марап»—прозвище, присвоенное себѣ въ 1840 г. скульпторомъ Гано (Ganneau), пытавшимся основать новую религію, названную имъ «евадизмъ» (отъ словъ «Ева» и «Адамъ»), предназначенную водворить полное равенство между мужчиной и женщиной. Главными послѣдователями этого ученія были Ф. Пиа, Гетцель, Торе и Кайо (Caillaux); его храмъ былъ въ ателье на островѣ Сень-Луи. «Марап», вызванный къ королевскому прокурору, явился въ блузѣ и деревяннхъ башмакахъ, съ головой, покрытой большою сѣрой фетровой шляпой; полиція его не тревожила; культъ этотъ исчезъ въ 1848 г.

³⁾ «Амазонка революціи», дѣятельная въ 1793 г.

⁴⁾ Екатерина Романовна, игравшая видную роль при воцареніи Екатерины II.

теоретической слабости; врядь были ли иезуиты или кальвинисты такъ стройно послѣдовательны своему ученію, какъ она.

Вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть смерть, она, лишившись своихъ малютокъ, возненавидѣла жизнь. Это-то и надобно для христіанства, для этого апогеоза смерти: пренебреженіе земли, пренебреженіе смерти не имѣетъ другого смысла. Итакъ, гоненіе на все жизненное, реалистическое: на наслажденіе, на здоровье, на веселость, на привольное чувство существованія. И Л. Д. дошла до того, что не любила ни Гёте, ни Пушкина.

Нападки ея на мою философію были оригинальны. Она иронически увѣряла, что всѣ діалектическія подмостки и тонкости— барабанный бой, шумъ, которымъ трусы заглушаютъ страхъ своей совѣсти.

— Вы никогда не дойдете,—говорила она,—ни до личнаго Бога, ни до безсмертія души никакой философіей, а храбрости быть атеистомъ и отвергнуть жизнь за гробомъ у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться этихъ послѣдствій, внутреннее отвращеніе отталкиваетъ ихъ; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобъ отвести глаза, чтобъ дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей.

Я возражалъ, я спорилъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у меня нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, чѣмъ я на своей.

Надобно было, чтобъ для довершенія бѣды подвернулся тутъ инспекторъ врачебной управы, добрый человѣкъ, но одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ нѣмцевъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ ¹⁾; отчаянный поклонникъ Окена и Каруса ²⁾, онъ разсуждалъ цитатами, имѣлъ на все готовый отвѣтъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвался и воображалъ, что совершенно согласенъ со мной.

Докторъ выходилъ изъ себя, бѣсился, тѣмъ больше, что другими средствами не могъ взять; находилъ воззрѣнія Л. Д. женскими капризами, ссылаясь на Шеллинговы чтенія объ академическомъ ученіи и читалъ отрывки изъ Бурдаховой ³⁾ физиологіи для доказательства, что въ человѣкѣ есть начало вѣчное и духовное, а внутри природы спрятанъ какой-то личный Geist ⁴⁾.

Л. Д., давно прошедшая этими «задами» пантеизма, сбивала его и, улыбаясь, показывала мнѣ на него глазами. Она, разумѣется, была правѣе его, и я добросовѣстно ломалъ себѣ голову и доса-

¹⁾ Карлъ Ивановичъ Тиме.

²⁾ Карлъ-Густавъ, талантливый физиологъ и философъ.

³⁾ Карлъ Бурдахъ, выдающійся физиологъ.

⁴⁾ Духъ.

доваль, когда мой докторъ торжественно смѣялся. Споры эти занимали меня до того, что я съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученье моей неувѣренности недолго продолжалось, истина мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; я склонился на сторону моей противницы, но не такъ, какъ она хотѣла.

— Вы совершенно правы, — сказала я ей, — и мнѣ совѣстно, что я съ вами спорилъ; разумѣется, что нѣтъ ни личнаго духа, ни безсмертія души, оттого-то и было такъ трудно доказать, что оно есть. Посмотрите, какъ все становится просто, естественно безъ этихъ впередъ идущихъ предположеній.

Ее смутили мои слова, но она скоро оправилась и сказала:

— Жаль мнѣ васъ, а, можетъ, оно и къ лучшему: вы въ этомъ направленіи долго не останетесь, — въ немъ слишкомъ пусто и тяжело. А вотъ, — прибавила она, улыбаясь, — нашъ докторъ, тотъ неизлѣчимъ, ему не страшно; онъ въ такомъ туманѣ, что не видитъ ни на шагъ впередъ.

Однако, лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

Мѣсяца два-три спустя проѣзжалъ по Новгороду Огаревъ; онъ привезъ мнѣ «Wesen des Christentums» ¹⁾ Фейербаха. Прочитавъ первыя страницы, я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, ненужно намъ облекать истину въ миѳы!

Въ разгарѣ моей философской страсти я началъ тогда рядъ моихъ статей о «дилетантизмѣ въ наукѣ», въ которыхъ, между прочимъ, отмстил и доктору ²⁾.

Теперь возвратимся къ Бѣлинскому.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ въ 1840 году, пріѣхали и мы туда. Я не шелъ къ нему. Огареву моя ссора съ Бѣлинскимъ была очень прискорбна; онъ понималъ, что нелѣпое воззрѣніе у Бѣлинскаго была переходная болѣзнь, да и я понималъ, но Огаревъ былъ добрѣе. Наконецъ, онъ натянулъ своими письмами свиданіе. Наша встрѣча сначала была холодна, неприятна, натянута, но ни Бѣлинскій, ни я, мы не были большіе дипломаты; въ продолженіе ничтожнаго разговора я помянулъ статью о бородинской годовщинѣ. Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста и, вспыхнувъ въ лицѣ, пренаивно сказалъ мнѣ: «Ну, слава Богу, договорились же! а то я съ моимъ глупымъ нравомъ не зналъ, какъ начать... Ваша взяла: три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше

¹⁾ «Сущность христіанства», Лейпцигъ, 1841 г.

²⁾ Статьи эти были начаты до пріѣзда Огарева 30 мая 1842 г.

убѣдили, чѣмъ всё доводы. Забудемте этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго; тамъ былъ инженерный офицеръ; хозяинъ спросилъ его, хочетъ ли онъ со мной познакомиться? «Это авторъ статьи о бородинской годовщинѣ?» спросилъ его на ухо офицеръ.—«Да».—«Нѣтъ, покорно благодарю», сухо отвѣтилъ онъ. Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть,—я горячо пожалъ руку офицеру и сказалъ ему: вы благородный человѣкъ, я васъ уважаю... Чего же вамъ больше?»

Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго мы шли съ нимъ рука въ руку. ⁷

Бѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей рѣчи, со всей неистощимой энергіей на свое прежнее воззрѣніе. Положеніе многихъ изъ его пріятелей было не очень завидное; plus royalistes que le roi ¹⁾, они съ мужествомъ несчастія старались отстаивать свои теоріи, не отказываясь, впрочемъ, отъ почетнаго перемирія.

Всѣ люди дѣльные и живые перешли на сторону Бѣлинскаго, только упорные формалисты и педанты отделились; одни изъ нихъ дошли до того нѣмецкаго самоубійства наукой, схоластической и мертвой, что потеряли всякій жизненный интересъ и сами потерялись безъ вѣсти; другіе сдѣлались православными славянофилами. Какъ сочетаніе Гегеля со Стефаномъ Яворскимъ ни кажется странно, но оно возможнѣе, чѣмъ думаютъ; византійское богословіе—точно такъ же внѣшняя казуистика, игра логическими формулами, какъ формально принимаемая діалектика Гегеля. «Москвитянинъ» ²⁾ въ нѣкоторыхъ статьяхъ далъ торжественное доказательство, до чего можетъ дойти при талантѣ содомизмъ философіи и религіи.

Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля его философію. Совсѣмъ напротивъ, отсюда-то и начинается его живое, мѣткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными. Я считаю Бѣлинскаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ николаевскаго періода. Послѣ либерализма, кой-какъ пережившаго 1825 г. въ Полевомъ ³⁾, послѣ мрачной статьи Чаадаева ⁴⁾, является выстрадавшее, желчное отрицаніе и страстное вмѣшательство во всё вопросы Бѣлинскаго. Въ рядѣ критическихъ статей онъ кстати и некстати касается всего,

¹⁾ Больше роялисты, чѣмъ король.

²⁾ Журналъ М. П. Погодина, С. П. Шевырева и ихъ единомышленниковъ.

³⁾ Николай Алексѣевичъ.

⁴⁾ «Философическое письмо», въ которомъ указано на безрадостное прошлое и будущее Россіи.

вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто подымаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на подорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой-нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ: «Родные люди вотъ какіе» въ «Онѣгинѣ», чтобъ вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статьи о «Тарантасѣ», о «Парашѣ» Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ и «Гамлетѣ»? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустранимая послѣдовательность, ловкость въ плаваніи между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ всегда взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не анти-критикой, такъ доносомъ! Бѣлинскій стегалъ ихъ безошадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ, ограниченныхъ творцовъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжности; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія *задушевыя* мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтушія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую аннинской лентой. Какъ же они за то его и ненавидѣли!

Славянофилы, съ своей стороны, начали официально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурлоковъ и зипуновъ. Стоитъ вспомнить, что Бѣлинскій прежде писалъ въ «*Отечественныхъ* Запискахъ», а Кирѣевскій началъ издавать свой превосходный журналъ подъ заглавіемъ «*Европеецъ*»; эти названія всего лучше доказываютъ, что въ началѣ были только оттѣнки, а не мнѣнія, не партіи.

Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25 числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли «*Отечественныя Записки*»; тяжелый нумеръ рвали изъ рукъ въ руки. «Есть Бѣлинскаго статья?» «Есть»,—и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, *уваженій* какъ ни бывало.

Недаромъ Скобелевъ ¹⁾, комендантъ Петропавловской крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: «Когда же къ намъ? у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу». ⁸

Я въ другой книгѣ ²⁾ говорилъ о развитіи Бѣлинскаго и объ

¹⁾ Иванъ Никитичъ.

²⁾ «*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*».

его литературной дѣятельности, здѣсь скажу нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Бѣлинскій былъ очень застѣнчивъ и вообще терялся въ незнакомомъ обществѣ или въ очень многочисленномъ; онъ зналъ это и, желая скрыть, дѣлалъ пресмѣшныя вещи. К. ¹⁾ уговорилъ его ѣхать къ одной дамѣ; по мѣрѣ приближенія къ ея дому, Бѣлинскій все становился мрачнѣе, спрашивалъ, нельзя ли ѣхать въ другой день, говорилъ о головной боли. К., зная его, не принималъ никакихъ отговорокъ. Когда они пріѣхали, Бѣлинскій, сходя съ саней, пустился, было, бѣжать, но К. поймалъ его за шинель и повелъ представлять дамѣ.

Онъ являлся иногда на литературно-дипломатическіе вечера князя Одоевскаго ²⁾. Тамъ толпились люди, ничего не имѣвшіе общаго, кромѣ нѣкотораго страха и отвращенія другъ отъ друга; тамъ бывали посольскіе чиновники и археологъ Сахаровъ ³⁾, живописцы и А. Мейендорфъ ⁴⁾, статскіе совѣтники изъ образованныхъ, Іакинѣвъ Бичуринъ ⁵⁾ изъ Пекина, полужандармы и полулитераторы, совсѣмъ жандармы и вовсе не литераторы. А. К. ⁶⁾ домолчался тамъ до того, что генералы принимали его за авторитетъ. Хозяйка дома ⁷⁾ съ внутренней горестью смотрѣла на подлые вкусы своего мужа и уступала имъ такъ, какъ Людовикъ-Филиппъ въ началѣ своего царствованія, снисходя къ своимъ избирателямъ, приглашалъ на балы въ Тюльери цѣлые rez-de-chaussée ⁸⁾ подтяжечныхъ мастеровъ, москательныхъ лавочниковъ, башмачниковъ и другихъ почтенныхъ гражданъ.

Бѣлинскій былъ совершенно потерянь на этихъ вечерахъ между какимъ-нибудь саксонскимъ посланникомъ, не понимавшимъ ни слова по-русски, и какимъ-нибудь чиновникомъ III Отдѣленія, понимавшимъ даже тѣ слова, которыя умалчивались. Онъ обыкновенно занемогалъ потомъ на два, на три дня и проклиналъ того, кто уговорилъ его ѣхать.

Разъ въ субботу, наканунѣ новаго года, хозяинъ вздумалъ

¹⁾ Вѣроятно, Кетчеръ.

²⁾ Владиміръ Ѳedorовичъ.

³⁾ Иванъ Петровичъ, издатель «Сказаній русскаго народа».

⁴⁾ Александръ Казиміровичъ, баронъ, писатель.

⁵⁾ Знатокъ китайскаго языка, бывшій архимандритъ.

⁶⁾ Андрей Александровичъ Краевскій, издатель «Отеч. Записокъ», потомъ «Голоса».

⁷⁾ Ольга Степановна, урожд. Ланская.

⁸⁾ Нижній этажъ.

варить жженку en petit comité ¹⁾, когда главные гости разѣхались. Бѣлинскій непремѣнно бы ушелъ, но баррикада мебели мѣшала ему: онъ какъ-то забился въ уголъ и передъ нимъ поставили небольшой столикъ съ виномъ и стаканами. Жуковскій, въ бѣлыхъ форменныхъ штанахъ съ золотымъ «позументомъ», сѣлъ наискось противъ него. Долго терпѣлъ Бѣлинскій, но, не видя улучшенія своей судьбы, онъ сталъ нѣсколько подвигать столъ; столъ сначала уступалъ, потомъ покачнулся и грохнулъ наземь, бутылка бордо пресерьезно начала поливать Жуковского. Онъ вскочилъ, — красное вино струилось по его панталонамъ; сдѣлался гвалтъ, слуга бросился съ салфеткой домарать виномъ остальные части панталонъ, другой подбиралъ разбитыя рюмки... Во время этой суматохи Бѣлинскій исчезъ и, близкій къ кончинѣ, пѣшкомъ прибѣжалъ домой.

Милый Бѣлинскій! какъ его долго сердили и разстраивали подобныя происшествія, какъ онъ объ нихъ вспоминалъ съ ужасомъ, не улыбаясь, а похаживая по комнатѣ и покачивая головой.

Но въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладиаторская натура! Да, это былъ сильный боець! Онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзійей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла. Блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!

Притѣсняемый денежно литературными подрядчиками ²⁾, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало симпатичными, снѣдаемый болѣзнью, для которой балтійскій климатъ былъ убійствененъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя

¹⁾ Въ маленькомъ обществѣ.

²⁾ А. А. Краевскимъ.

оригинала, и закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещашія отъ негодованія, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей.

Часто, выбившись изъ силъ, приходилъ онъ отдыхать къ намъ; лежа на полу съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ игралъ съ нимъ цѣлые часы. Пока мы были втроемъ, дѣло шло какъ нельзя лучше, но при звукѣ колокольчика судорожная гримаса пробѣгала по лицу его, и онъ безпокойно оглядывался и искалъ шляпу; потомъ оставался, по славянской слабости. Тутъ одно слово, замѣчаніе, сказанное не по немъ, приводило къ самымъ оригинальнымъ сценамъ и спорамъ...

Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на Страстной недѣлѣ; подають постныя блюда. «Давно ли,—спрашиваетъ онъ, вы сдѣлались такъ богомольны?» — «Мы ѣдимъ,—отвѣчаетъ литераторъ,— постное просто на просто для людей». — «Для людей?»—спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ. Для людей!» — повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто. «Гдѣ ваши люди? Я имъ скажу, что они обмануты; всякій открытый порокъ лучше и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія, поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну васъ доску со всѣми царями, попами и плантаторами! Прощайте, я не ѣмъ постнаго для поученія, у меня нѣтъ людей!»

Въ числѣ закоснѣлѣйшихъ нѣмцевъ изъ русскихъ былъ одинъ магистръ нашего университета, недавно пріѣхавшій изъ Берлина; добрый человѣкъ въ синихъ очкахъ, чопорный и приличный, онъ остановился навсегда, разстроивъ, ослабивъ свои способности философіей и филологіей. Доктринеръ и нѣсколько педантъ, онъ любилъ поучительно наставлять. Разъ на литературной вечеринкѣ у романиста, наблюдавшаго для своихъ людей посты, магистръ проповѣдывалъ какую-то чушь *honnête et modérée* ¹⁾. Бѣлинскій лежалъ въ углу на кушеткѣ, и когда я проходилъ мимо, онъ меня взялъ за полу и сказалъ:

«Слышалъ ли ты, что этотъ извергъ вретъ? у меня давно языкъ чешется, да что-то грудь болитъ и народу много; будь отцомъ роднымъ, одурачь какъ-нибудь, прихлопни его, убей какой-нибудь насмѣшкой, ты это лучше умѣешь—ну, утѣшь».

Я расхохотался и отвѣтилъ Бѣлинскому, что онъ меня травливаетъ, какъ бульдога на крысь, я же этого господина почти не знаю, да и едва слышалъ, что онъ говоритъ.

¹⁾ Честную и умѣренную.

Къ концу вечера магистръ въ синихъ очкахъ, побранивши Кольцова за то, что онъ оставилъ народный костюмъ, вдругъ сталъ говорить о знаменитомъ «Письмѣ» Чаадаева и заключилъ пошлую рѣчь, сказанную тѣмъ докторальнымъ тономъ, который самъ по себѣ вызываетъ на насмѣшку, слѣдующими словами: «Какъ бы то ни было, я считаю его поступокъ презрительнымъ, гнуснымъ, я не уважаю такого человѣка».

Въ комнатѣ былъ одинъ человѣкъ, близкій съ Чаадаевымъ, это я. О Чаадаевѣ я буду еще много говорить, я его всегда любилъ и уважалъ и былъ любимъ имъ; мнѣ казалось неприличнымъ пропустить дикое замѣчаніе. Я сухо спросилъ его, полагаетъ ли онъ, что Чаадаевъ писалъ свою статью изъ видовъ или неоткровенно?
— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ магистръ.

На этомъ завязался непріятный разговоръ; я ему доказывалъ, что эпитеты гнусный, презрительный *гнусны и презрительны*, относясь къ человѣку, смѣло высказавшему свое мнѣніе и пострадавшему за него. Онъ мнѣ толковалъ о цѣлости народа, о единствѣ отечества, о преступленіи разрушать это единство, о святыняхъ, до которыхъ нельзя касаться.

Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій. Онъ вскочилъ съ своего дивана, подошелъ ко мнѣ уже блѣдный, какъ полотно, и, ударивъ меня по плечу, сказалъ: «Вотъ они высказались—инквизиторы, цензора—на веревочкѣ мысль водить»... и пошелъ, и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. «Что за обидчивость такая?! палками бьютъ,—не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ,—не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ, видите, зацѣпилъ народную честь,—не смѣй говорить; рѣчь—дерзость, лакей никогда не долженъ говорить! Отчего же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ, кажется, чувствительность тоже должна быть развитѣе, чѣмъ въ Костромѣ да Калугѣ, не обижаются словами?».

— Въ образованныхъ странахъ,—сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ,—есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтить... и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ. Онъ былъ страшень, великъ въ эту минуту. Скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ.

Сказавши это, онъ бросился на кресло, изнеможенный, и замолчалъ. При словѣ «гильотина» хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обез-

покоились, сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ, но именно въ эти минуты самолюбіе людское и закусываетъ удила. И. Тургеневъ совѣтуетъ человѣку, когда онъ такъ затешется въ спорѣ, что самому дѣлается страшно, провести разъ десять языкомъ внутри рта, прежде чѣмъ вымолвить слово.

Магистръ, не зная этого домашняго средства, продолжалъ противъ вялые пустяки, обращаясь больше къ другимъ, чѣмъ къ Бѣлинскому.

— Несмотря на вашу нетерпимость,—сказалъ онъ, наконецъ,—я увѣренъ, что вы согласитесь съ однимъ...

— Нѣтъ!—отвѣчала Бѣлинскій,—что бы вы ни сказали, я не соглашусь ни съ чѣмъ!

Всѣ разсмѣялись и пошли ужинать. Магистръ схватилъ шляпу и уѣхалъ.

...Лишенія и страданія скоро совсѣмъ подточили болѣзненный организмъ Бѣлинскаго. Лицо его, особенно мышцы около губъ, печально остановившійся взоръ равно говорили о сильной работѣ духа и о быстромъ разложеніи тѣла.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ осенью 1847 г.; онъ былъ очень плохъ, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергія, и ярко свѣтилась своимъ догорающимъ огнемъ. Въ такую минуту написалъ онъ свое письмо къ Гоголю ¹⁾.

Вѣсть о февральской революціи еще застала его въ живыхъ; онъ умеръ, принимая зарево ея за занимающееся утро!

Такъ оканчивалась эта глава въ 1854 году; съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Я сталъ гораздо *ближе* къ тому времени, ближе увеличивающейся далью отъ здѣшнихъ людей, пріѣздомъ Огарева ²⁾ и двумя книгами: анненковской ³⁾ біографіей Станкевича и первыми частями «Сочиненій» Бѣлинскаго. Изъ вдругъ раскрывшагося окна въ больничной палатѣ дунуло свѣжимъ воздухомъ полей, молодымъ воздухомъ весны...

«Переписка» Станкевича прошла незамѣтно. Она появилась не кстати. Въ концѣ 1857 Россія еще не приходила въ себя послѣ похоронъ Николая, ждала и надѣялась; это худшее настроеніе для воспоминаній... Но книга эта не пропадетъ. Она останется на убогомъ кладбищѣ однимъ изъ рѣдкихъ памятниковъ своего времени, по которымъ *грамотный* можетъ прочесть, что *тогда* хоронилось безгласно. Моровая полоса, идущая отъ 1825 до 1855 года, скоро

¹⁾ Извѣстное письмо изъ Зальцбрунна отъ 15 іюля 1847 г. ⁹

²⁾ Огаревъ пріѣхалъ навсегда въ Лондонъ.

³⁾ Павелъ Васильевичъ.

совсѣмъ задвинется; человѣческіе слѣды, заметенные полиціей, пропадутъ, и будущія поколѣнія не разъ остановятся съ недоумѣніемъ передъ гладко убитымъ пустыремъ, отыскивая пропавшіе пути мысли, которая *въ сущности* не перерывалась. Повидимому, потокъ былъ остановленъ, Николай перевязалъ артерію, но кровь переливалась проселочными тропинками. Вотъ эти-то волосяные сосуды и оставили свой слѣдъ въ «Сочиненіяхъ» Бѣлинскаго, въ «Перепискѣ» Станкевича.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Россія *будущаю* существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только-что вышедшими изъ дѣтства, до того ничтожными и незамѣтными, что имъ было достаточно мѣста между ступней самодержавныхъ ботфортъ и землей, а въ нихъ было наслѣдіе 14 декабря,—наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси. Новая жизнь эта прозябала, какъ трава, пытающаяся расти на губахъ непростывшаго кратера.

Въ самой пасти чудовища выдѣляются дѣти, не похожія на другихъ дѣтей; они растутъ, развиваются и начинаютъ жить совсѣмъ другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддержанные, напротивъ, всѣмъ гонимые, они легко могутъ погибнуть безъ малѣйшаго слѣда, *но остаются* и, если умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними. Это—начальныя ячейки, зародыши исторіи, едва замѣтные, едва существующіе, какъ всѣ зародыши вообще.

Мало-по-малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и многосторонность для развитія; развиваясь до конца, т.-е. до крайности, вѣтви опять соединяются, какъ бы онѣ ни назывались: кругомъ Станкевича, славянофилами или нашимъ кружкомъ.

Главная черта всѣхъ ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ официальной Россіи, отъ среды, ихъ окружавшей, и съ тѣмъ вмѣстѣ стремленіе выйти изъ нея, а у нѣкоторыхъ порывистое желаніе вывести и ее самое.

Возраженіе, что эти кружки, незамѣтные ни сверху, ни снизу, представляютъ явленіе исключительное, постороннее, безсвязное, что воспитаніе большей части этой молодежи было экзотическое, чужое, и что они скорѣе выражаютъ переводъ на русское французскихъ и нѣмецкихъ идей, чѣмъ что-нибудь свое,—намъ кажется очень неосновательнымъ.

Можетъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка была въ аристократіи закраинка русскихъ иностранцевъ, оборвавшихъ всѣ связи съ народной жизнью; но у нихъ не было ни живыхъ инте-

ресовъ, ни круговъ, основанныхъ на убѣжденіяхъ, ни своей литературы. Они вымерли бесплодно. Жертвы петровскаго разрыва съ народомъ, они остались чудаками и капризниками; это были люди не только не нужные, но и не жалкіе. Война 1812 года положила имъ предѣлъ,—старые доживали свой вѣкъ, новыхъ не развивалось въ томъ направленіи. Ставить въ ихъ число людей въ родѣ П. Я. Чаадаева было бы страшнѣйшей ошибкой.

Протестація, отрицаніе, ненависть къ родинѣ, если хотите, имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ равнодушная чуждость. Байронъ, бичуя англійскую жизнь, бѣгая отъ Англии, какъ отъ чумы, оставался типическимъ англичаниномъ. Гейне, старавшійся изъ озлобленія за гнусное политическое состояніе Германіи офранцузиться, оставался истымъ нѣмцемъ. Высшій протестъ противъ юдаизма,—христіанство исполнено юдаическаго характера. Разрывъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англійей могъ развить войну и ненависть, но не могъ сдѣлать изъ сѣверо-американцевъ не-англичанъ.

Люди, вообще, отрѣшаются отъ своихъ фізіологическихъ воспоминаній и отъ своего наслѣдственнаго склада очень трудно; для этого надобно или особенную безстрастную стертость, или отвлеченныя занятія. Безличность математики, внѣ-человѣческая объективность природы не вызываютъ этихъ сторонъ духа, не будятъ ихъ; но какъ только мы касаемся вопросовъ жизненныхъ, художественныхъ, нравственныхъ, гдѣ человѣкъ не только наблюдатель и слѣдователь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участникъ, тамъ мы находимъ фізіологическій предѣлъ, который очень трудно перейти съ прежней кровью и прежнимъ мозгомъ, не исключивъ изъ нихъ слѣды колыбельныхъ пѣсенъ, родныхъ полей и горъ, обычаевъ и всего окружавшаго строя.

Поэтъ и художникъ въ истинныхъ своихъ произведеніяхъ всегда народенъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, какую бы онъ ни имѣлъ цѣль и мысль въ своемъ творествѣ, онъ выражаетъ, волею или неволею, какія-нибудь стихіи народнаго характера, и выражаетъ ихъ глубже и яснѣе, чѣмъ сама исторія народа. Даже отрѣшаясь отъ всего народнаго, художникъ не утрачиваетъ главныхъ чертъ, по которымъ можно узнать *чьихъ онъ*. Гете—нѣмецъ и въ греческой «Ифигеніи» и въ восточномъ «Диванѣ». Поэты въ самомъ дѣлѣ, по римскому выраженію, — «пророки»; только они высказываютъ не то, чего нѣтъ и что будетъ случайно, а то, *что неизвѣстно, что есть* въ тускломъ сознаніи массъ, что еще дремлетъ въ немъ.

Все, что искони существовало въ душѣ народовъ англо-саксонскихъ, перехвачено, какъ кольцомъ, одной личностью,—и каждое волокно, каждый намекъ, каждое посягательство, бродившее изъ

поколѣнія въ поколѣніе, не отдавая себѣ *отчета*, получило форму и языкъ.

Вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы Англія временъ Елизаветы, особенно большинство народа, понимала отчетливо Шекспира; она и теперь не понимаетъ отчетливо, да, вѣдь, они и себя не понимаютъ отчетливо. Но что англичанинъ, ходящій въ театръ, инстинктивно, по сочувствію понимаетъ Шекспира, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Ему на ту минуту, когда онъ слушаетъ, становится что-то знакомѣе, яснѣе. Казалось бы, народъ такой способный на быстрое соображеніе, какъ французы, могъ бы тоже понять Шекспира. Характеръ Гамлета, напр., до такой степени обще-человѣчскій, особенно въ эпоху сомнѣній и раздумья, въ эпоху сознанія какихъ-то черныхъ дѣлъ, совершившихся возлѣ нихъ, какихъ-то измѣнъ великому въ пользу ничтожнаго и пошлаго, что трудно себѣ представить, чтобы его не поняли. Но, несмотря на всѣ усилія и опыты, Гамлетъ чужой для француза.

Если аристократы прошлога вѣка, систематически пренебрегавшіе всѣмъ русскимъ, оставались въ самомъ дѣлѣ невѣроятно больше русскими, чѣмъ дворовые оставались мужиками, то тѣмъ больше русскаго характера не могло утратиться у молодыхъ людей оттого, что они занимались науками по французскимъ и нѣмецкимъ книгамъ. Часть московскихъ славянъ съ Гегелемъ въ рукахъ взошла въ ультра-славянизмъ.

Самое появленіе кружковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было естественнымъ отвѣтомъ на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

Объ застоѣ послѣ перелома въ 1825 году мы говорили много разъ. Нравственный уровень общества палъ, развитіе было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-помалу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло.

Подъ этимъ большимъ *свѣтомъ* безучастно молчалъ большой *миръ* народа; для него ничего не перемѣнилось,—ему было скверно, но не сквернѣе прежняго; новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время *не пришло*. Между этой крышей и этой основной дѣти перьяе приподняли голову, можетъ, оттого, что они не подозревали, какъ это опасно; но, какъ бы то ни было, этими дѣтьми ошеломленная Россія начала приходить въ себя.

Ихъ остановило совершеннѣйшее противорѣчіе *словъ* ученія съ *быльями* жизни вокругъ. Учителя, книги, университетъ говорили одно, и это одно было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда говорили другое, съ чѣмъ ни умъ, ни сердце не согласны, но съ чѣмъ согласны предрѣжающія власти и денежные выгоды. Противорѣчіе это между воспитаніемъ и нравами нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Руси. Шершавый нѣмецкій студентъ, въ круглой фуражкѣ на седьмой части головы, съ міросокрушительными выходками гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ нѣмецкому шписбургеру ¹⁾, а исхудалый отъ соревнованія и честолюбія *collégien* французскій уже *en herbe l'homme raisonnable, qui exploite sa position* ²⁾.

Число воспитывающихся у насъ всегда было чрезвычайно мало; но тѣ, которые воспитывались, получали не то чтобъ объемистое воспитаніе, но довольно общее и гуманное; оно *очеловѣчивало* учениковъ всякій разъ, когда принималось. Но *человѣчка*-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣванія помѣщичьяго быта. Приходилось или снова расчеловѣчиться—такъ толпа и дѣлала, или пріостановиться и спросить себя: «Да нужно ли непременно служить? Хорошо ли дѣйствительно быть помѣщикомъ?» Засимъ, для однихъ, болѣе слабыхъ и нетерпѣливыхъ, начиналось праздное существованіе корнета въ отставкѣ, деревенской лѣни, халата, странностей, картъ, вина; для другихъ—время искуса и внутренней работы. Жить въ полномъ нравственномъ разладѣ они не могли, не могли также удовлетвориться отрицательнымъ устраненіемъ себя; возбужденная мысль требовала выхода. Разное разрѣшеніе вопросовъ, одинаково мучившихъ молодое поколѣніе, обусловило распаденіе на разные круги.

Такъ сложился, на примѣръ, нашъ кружокъ и встрѣтилъ въ университетѣ, уже готовымъ, кружокъ сунгуровскій. Направленіе его было, какъ и наше, больше политическое, чѣмъ научное. Кругъ Станкевича, образовавшійся въ то же время, былъ равно близокъ и равно далекъ съ обоими. Онъ шелъ другимъ путемъ: его интересы были чисто теоретическіе.

Въ тридцатыхъ годахъ убѣжденія наши были слишкомъ юны, слишкомъ страстны и горячи, чтобъ не быть исключительными. Мы могли холодно уважать кругъ Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философскія системы, занимались анализомъ

¹⁾ Spiessbürger—мѣщанинъ, лавочникъ.

²⁾ Французскій гимназистъ уже въ зачаткѣ разсудительный чловѣкъ, пользующійся своимъ положеніемъ.

себя и успокаивались въ роскошномъ пантеизмѣ, изъ котораго не исключалось христіанство. Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ, и самую науку считали средствомъ. Правительство постаралось закрѣпить насъ въ революціонныхъ тенденціяхъ нашихъ.

Въ 1834 году былъ сосланъ весь кружокъ Сунгурова и исчезъ.

Въ 1835 году сослали насъ; черезъ пять лѣтъ мы возвратились, закаленные испытаннымъ. Юношескія мечты сдѣлались невозвратнымъ рѣшеніемъ совершеннолѣтнихъ. Это было самое блестящее время Станкевичева круга. Его самого я ужъ не засталъ,— онъ былъ въ Германіи, но именно тогда статьи Бѣлинскаго начинали обращать на себя вниманіе всѣхъ.

Возвратившись, мы помѣрились. Бой былъ неравенъ съ обѣихъ сторонъ; почва, оружіе и языкъ—все было разное. Послѣ безплодныхъ преній, мы увидѣли, что пришелъ нашъ чередъ серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и нѣмецкую философію. Когда мы довольно усвоили ее себѣ, оказалось, что между нами и кругомъ Станкевича спору нѣтъ.

Кругъ Станкевича долженъ былъ неминуемо распуститься. Онъ свое сдѣлалъ, и сдѣлалъ самымъ блестящимъ образомъ; вліяніе его на всю литературу и на академическое преподаваніе было огромно,—стоитъ назвать Бѣлинскаго и Грановскаго; въ немъ сложился Кольцовъ, къ нему принадлежали Боткинъ ¹⁾, Катковъ ²⁾ и пр. Но замкнутымъ кругомъ онъ оставаться не могъ, не перейдя въ нѣмецкій доктринаризмъ,—живые люди изъ русскихъ къ нему не способны.

Возлѣ Станкевичева круга, сверхъ насъ, былъ еще другой кругъ, сложившійся во время нашей ссылки, и былъ съ ними въ такой же черезполосицѣ, какъ и мы; его-то впоследствии назвали «славянофилами». *Славяне* приближались съ противоположной стороны къ тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ, которые занимали насъ, были гораздо больше ихъ ринуты въ живое дѣло и въ настоящую борьбу.

Между ними и нами, естественно, должно было раздѣлиться общество Станкевича. Аксаковы ³⁾, Самаринъ ⁴⁾ примкнули къ славянамъ, т.-е. къ Хомякову ⁵⁾ и Кирѣевскимъ ⁶⁾; Бѣлинскій, Баку-

¹⁾ Василій Петровичъ.

²⁾ Михаилъ Никифоровичъ.

³⁾ Братья Иванъ и Константинъ Сергѣевичи.

⁴⁾ Юрій Ѳедоровичъ.

⁵⁾ Алексѣй Степановичъ.

⁶⁾ Иванъ и Петръ Васильевичи.

нинъ—къ намъ. Ближайшій другъ Станкевича, наиболѣ родной ему всѣмъ существомъ своимъ, Грановскій, былъ нашимъ съ самаго прїѣзда изъ Германіи.

Если-бъ Станкевичъ остался живъ, кружокъ его все же бы не устоялъ: онъ самъ перешелъ бы къ Хомякову или къ намъ.

Въ 1842 сортировка по сродству давно была сдѣлана, и нашъ станъ сталъ въ боевой порядокъ лицомъ къ лицу со славянами. Объ этой борьбѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ объ элементахъ, изъ которыхъ составилъ кругъ Станкевича; это бросаетъ своего рода лучъ на странные подземные потоки, въ тиши подмывающіе плотную кору русско-нѣмецкаго устройства.

Станкевичъ былъ сынъ богатаго воронежскаго помѣщика, сначала воспитывался на всей барской волѣ, въ деревнѣ, потомъ его посылали въ острогожское училище (и это чрезвычайно оригинально). Для хорошихъ натуръ богатое и даже аристократическое воспитаніе очень хорошо. Довольство даетъ развязную волю и ширь всякому развитію и всякому росту, не стягиваетъ молодой умъ преждевременной заботой, боязнь передъ будущимъ, наконецъ, оставляетъ полную волю заниматься тѣми предметами, къ которымъ влечетъ.

Станкевичъ развивался стройно и широко; его художественная, музыкальная и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно рефлектирующая и созерцающая натура заявила себя съ самаго начала университетскаго курса. Способность Станкевича не только глубоко и сердечно понимать, но и примирять или, какъ нѣмцы говорятъ, *снимать* противорѣчія, была основана на его художественной натурѣ. Потребность гармоніи, стройности, наслажденія дѣлаетъ ихъ снисходительными къ средствамъ; чтобъ не видать колодца, они покрываютъ его холстомъ. Холстъ не выдержитъ напора, но зіяющая пропасть не мѣшаетъ глазу. Этимъ путемъ нѣмцы доходили до пантеистическаго квіетизма и опочили на немъ; но такой даровитый русскій, какъ Станкевичъ, не остался бы надолго «мирнымъ».

Это видно изъ перваго вопроса, который неволью тревожитъ Станкевича тотчасъ послѣ курса.

Срочныя занятія окончены; онъ предоставленъ себѣ; его не ведутъ, но *онъ не знаетъ, что ему дѣлать*. Продолжать нечего было, кругомъ никто и ничто не звало живого человѣка. Юноша, пришедшій въ себя и успѣвшій оглядѣться послѣ школы, находился въ тогдашней Россіи въ положеніи путника, просыпающагося въ степи: ступай, куда хочешь,—есть слѣды, есть кости погибнувшихъ, есть дикіе звѣри и пустота во всѣ стороны, грозящая ту-

пой опасностью, въ которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и съ любовью, это—*ученье*.

И вотъ Станкевичъ натягиваетъ ученя занятія; онъ думаетъ, что его призваніе быть историкомъ, и онъ начинаетъ заниматься Геродотомъ; изъ этого занятія, можно было предвидѣть, ничего не выйдетъ.

Хотѣлось бы ему и въ Петербургъ, гдѣ такъ кипитъ *какая-то* дѣятельность, и куда его манитъ театръ и близость къ Европѣ, хотѣлось бы ему побывать почетнымъ зрителемъ училища въ Острогжскѣ; онъ рѣшается быть полезнымъ «на этомъ скромномъ поприщѣ»,—это еще меньше Геродота удастся. Его, въ сущности, тянетъ въ Москву, въ Германію, въ родной университетскій кругъ, къ роднымъ интересамъ. Безъ близкихъ людей онъ жить не могъ (новое доказательство, что около не было близкихъ интересовъ). Потребность сочувствія такъ сильна у Станкевича, что онъ иногда выдумывалъ сочувствіе и таланты, видѣлъ въ людяхъ такія качества, которыхъ не было въ нихъ вовсе, и удивлялся имъ ¹⁾.

Но — и въ этомъ его личная мощь — ему вообще не часто нужно было прибѣгать къ такимъ фикціямъ; онъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ удивительныхъ людей, *умѣлъ ихъ* встрѣчать, и каждый, подѣлившійся его душою, оставался на всю жизнь страстнымъ другомъ его, и каждому своимъ вліяніемъ онъ сдѣлалъ или огромную пользу или облегчилъ ношу.

Въ Воронежѣ Станкевичъ захаживалъ иногда въ единственную тамошнюю бібліотеку за книгами. Тамъ онъ встрѣчалъ бѣднаго молодого человѣка простого званія, скромнаго, печальнаго. Оказалось, что это — сынъ прасола, имѣвшаго дѣла съ отцомъ Станкевича по поставкамъ. Онъ приголубилъ молодого человѣка; сынъ прасола былъ большой начетчикъ и любилъ поговорить о книгахъ. Станкевичъ сблизился съ нимъ. Застѣнчиво и боязливо признался юноша, что онъ и самъ пробовалъ писать стихи, и, краснѣя, рѣшился ихъ показывать. Станкевичъ обомлѣлъ передъ громаднымъ талантомъ, не сознающимъ себя, не увѣреннымъ въ себѣ. Съ этой минуты онъ его не выпускалъ изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока вся Россія съ восторгомъ перечитывала пѣсни Кольцова. Весьма можетъ быть, что бѣдный прасоль, тѣснымъ родными, неотгрѣтый

¹⁾ Ключниковъ ⁹⁾ пластически выразилъ это слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Станкевичъ — серебряный рубль, завидующій величинѣ мѣднаго пятака» (Анненк., біограф. Станкевича, стр. 133). А. И. Г.

⁹⁾ Иванъ Петровичъ, поэтъ.

никакимъ участіемъ, ничьимъ признаніемъ, изошелъ бы своими пѣснями въ пустыхъ степяхъ заволжскихъ, черезъ которыя онъ гонялъ свои гурты, и Россія не услышала бы этихъ чудныхъ кровно-родныхъ пѣсенъ, если-бъ на его пути не стоялъ Станкевичъ.

Бакунинъ, кончивъ курсъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Его отецъ, говорятъ, сердясь на него, самъ просилъ, чтобы его перевели въ армію; брошенный въ какой-то потерянной бѣлорусской деревнѣ, съ своимъ паркомъ, Бакунинъ одичалъ, сдѣлался нелюдимымъ, не исполнялъ службы и дни цѣлые лежалъ въ тулупѣ на своей постели. Начальникъ парка жалѣлъ его, но, дѣлать было нечего, онъ ему напомнилъ, что надобно или служить, или итти въ отставку. Бакунинъ не подозрѣвалъ, что онъ имѣетъ на это право, и тотчасъ попросилъ его уволить. Получивъ отставку, Бакунинъ пріѣхалъ въ Москву; съ этого времени (около 1836) началась для Бакунина серьезная жизнь. Онъ прежде ничѣмъ не занимался, ничего не читалъ и едва зналъ по-нѣмецки. Съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ даромъ мышленія онъ блуждалъ, безъ плана и компаса, въ фантастическихъ построеніяхъ и ауто-дидактическихъ попыткахъ. Станкевичъ понялъ его таланты и засадилъ его за философію. Бакунинъ по Канту и Фихте выучился по-нѣмецки и потомъ принялся за Гегеля, котораго методу и логику онъ усвоилъ въ совершенствѣ, и кому ни проповѣдывалъ ее потомъ! Намъ и Бѣлинскому, дамамъ и Прудону.

Но Бѣлинскій черпалъ столько же изъ самаго источника; взгляды Станкевича на искусство, на поэзію и ея отношеніе къ жизни выросъ въ статьяхъ Бѣлинскаго въ ту новую мощную критику, въ то новое воззрѣніе на міръ, на жизнь, которое поразило все мыслящее въ Россіи и заставило съ ужасомъ отпрянуть отъ Бѣлинскаго всѣхъ педантовъ и доктринеровъ. Бѣлинскаго Станкевичу приходилось заарканивать; увлекающійся за всѣ предѣлы талантъ его, страстный, безпощадный, злой отъ нетерпимости оскорблялъ эстетически уравновѣшенную натуру Станкевича.

И въ то же время ему приходилось служить опорой, быть старшимъ братомъ, ободрять Грановскаго, тихаго, любящаго, задумчиваго и расхандрившагося тогда. Письма Станкевича къ Грановскому изящны, прелестны,—и какъ же его любилъ Грановскій!

«Я еще не опомнился отъ перваго удара,—писалъ Грановскій, вскорѣ послѣ кончины Станкевича;—настоящее горе еще не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери, только иногда сжимается сердце. Онъ унесъ съ собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не

былъ я такъ много обязанъ. Его вліяніе на насъ было безконечно и благотворно».

...И сколько человѣкъ могли сказать это! Можетъ, сказали!..

Въ станкевичевскомъ кругу только онъ и Боткинъ были достаточные и совершенно обезпеченные люди. Другіе представляли самый разнообразный пролетаріатъ. Бакунину родные не давали ничего; Бѣлинскій—сынъ мелкаго чиновника въ Чембарахъ, исключенный изъ московскаго университета «за слабыя способности», жилъ скудной платой за статьи. Красовъ ¹⁾, окончивъ курсъ, какъ-то поѣхалъ въ какую-то губернію къ помѣщику *на кондицію*, но жизнь съ патріархальнымъ плантаторомъ такъ его испугала, что онъ пришелъ пѣшкомъ назадъ въ Москву, *съ котомкой за спиной*, зимою, въ обозѣ чыхъ-то крестьянъ. Вѣроятно, каждому изъ нихъ отецъ съ матерью, благословляя на жизнь, говорили (и кто осмѣлится упрекнуть ихъ за это?): «Ну, смотри же, учись хорошенько; а выучишься, прокладывай себѣ дорогу, тебѣ неоткуда ждать наслѣдства, намъ тебѣ тоже нечего дать, устраивай самъ свою судьбу да и объ насъ подумай». Съ другой стороны, вѣроятно, Станкевичу говорили о томъ, что онъ по всему можетъ занять въ обществѣ почетное мѣсто, что онъ призванъ, по богатству и рожденію, играть роль, такъ, какъ Боткину все въ домѣ, начиная отъ старика отца до приказчиковъ, толковало словомъ и примѣромъ о томъ, что надобно ковать деньги, наживаться и наживаться.

Что же коснулось этихъ людей, чье дыханіе пересоздало ихъ? Ни мысли, ни заботы о своемъ общественномъ положеніи, о своей личной выгодѣ, объ обезпеченіи; вся жизнь, всѣ усилія устремлены къ общему безъ всякихъ личныхъ выгодъ; одни забываютъ свое богатство, другіе—свою бѣдность и идутъ, не останавливаясь, къ разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ. Интересъ истины, интересъ науки, интересъ искусства, *humanitas* ²⁾ поглощаетъ все.

И замѣтите, что это отрѣшеніе отъ міра сего вовсе не ограничивалось университетскимъ курсомъ и двумя-тремя годами юности. Лучшіе люди круга Станкевича умерли; другіе остались, какими были, до нынѣшняго дня. Бойцомъ и нищимъ палъ, трудомъ и страданіями изнуренный, Бѣлинскій. Проповѣдую науку и гуманность, умеръ, идучи на свою кафедру, Грановскій. Боткинъ не сдѣлался въ самомъ дѣлѣ купцомъ... Никто изъ нихъ *не отличился* по службѣ.

То же самое въ двухъ смежныхъ кругахъ: въ славянскомъ и въ нашемъ. Гдѣ, въ какомъ углу современнаго Запада найдете вы

¹⁾ Василій Ивановичъ, поэтъ.

²⁾ Гуманизмъ.

такія группы отшельниковъ мысли, схимниковъ науки, фанатиковъ убѣжденій, у которыхъ сѣдѣють волосы, а стремленія вѣчно юны?

Гдѣ? Укажите! Я бросаю смѣло перчатку, исключая только *на время* одну страну, Италію, и отмѣрю шага поля битвы, т.-е. не выпущу противника изъ статистики въ исторію.

Что такое былъ теоретическій интересъ и страсть истины и религии во времена такихъ мучениковъ разума и науки, какъ Бруно, Галилей и пр., мы знаемъ; знаемъ и то, что была Франція энциклопедистовъ во второй половинѣ XVIII вѣка, а далѣе? А далѣе—*sta, viator!* ¹⁾

Въ современной Европѣ нѣтъ юности и нѣтъ юношей. Мнѣ на это уже возражалъ самый блестящій представитель Франціи послѣднихъ годовъ реставраціи и іюльской династіи, Викторъ Гюго. Онъ, собственно, говорилъ о молодой Франціи двадцатыхъ годовъ, и я готовъ согласиться, что я слишкомъ обще выразился ²⁾; но далѣе я и ему ни шагу не уступлю. Есть собственныя признанія. Возьмите «*Les mémoires d'un enfant du siècle*» ³⁾ и стихотворенія Альфреда де Мюссе, возстановите ту Францію, которая просвѣчиваетъ въ запискахъ Ж. Сандъ, въ современной драмѣ и повѣсти, въ процессахъ.

Но что же доказываетъ все это? Многое, но на первый случай то, что нѣмецкой работы китайскіе башмаки, въ которыхъ Россію водятъ полтора-два лѣтъ, натерли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякій разъ, когда удастся расправить члены, являются такія свѣжія и молодыя силы. Это нисколько не обезпечиваетъ будущаго, но дѣлаетъ его крайне *возможнымъ*.

¹⁾ Стой, путникъ!

²⁾ В. Гюго, прочитавъ «Былое и думы» въ переводѣ Делаво, писалъ мнѣ письмо въ защиту французскихъ юношей временъ реставраціи. А. И. Г.

³⁾ «Исповѣдь сына вѣка», романъ Мюссе.

ГЛАВА XXVI.

Предостереженія.— Герольдія.— Канцелярія министра.— III Отдѣленіе.— Исторія будочника.— Генераль Дубельтъ.— Графъ Бенкендорфъ.— Ольга Александровна Жеребцова.— Вторая ссылка.

Какъ ни привольно было намъ въ Москвѣ, но приходилось перебираться въ Петербургъ. Отецъ мой требовалъ этого; графъ Строгановъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, велѣлъ меня зачислить по канцеляріи министерства, и мы отправились туда въ концѣ лѣта ¹⁾ 1840 года.

Впрочемъ, я былъ въ Петербургѣ двѣ-три недѣли въ декабрѣ 1839.

Случилось это такъ. Когда съ меня сняли надзоръ и я получилъ право вѣзжать «въ резиденцію и въ столицу», какъ выражался К. Аксаковъ, отецъ мой рѣшительно предпочелъ древней столицѣ невскую резиденцію. Графъ Строгановъ ²⁾, попечитель, писалъ брату, и мнѣ слѣдовало явиться къ нему. Но это не все, Я былъ представленъ владимірскимъ губернаторомъ къ чину коллежскаго асессора: отцу моему хотѣлось, чтобъ я этотъ чинъ получилъ какъ можно скорѣе. Въ герольдіи есть чередъ для губерній; чередъ этотъ идетъ черепашьимъ шагомъ, если нѣтъ особенныхъ ходатайствъ. Они почти всегда есть. Цѣна имъ дорогая, потому что все представленіе можно пустить внѣ очередоваго порядка, но одного чиновника нельзя вырвать изъ списка. Поэтому надо платить за всѣхъ, «а то за что же остальные даромъ обойдутъ чередъ?» Обыкновенно чиновники дѣлають складку

¹⁾ Въ срединѣ мая.

²⁾ Сергѣй Григорьевичъ.

и посылають депутата отъ себя. На этотъ разъ издержки бралъ на себя мой отецъ, и такимъ образомъ нѣсколько владимірскихъ титулярныхъ совѣтниковъ обязаны ему, что они мѣсяцевъ восемь прежде стали ассессорами.

Отправляя меня въ Петербургъ хлопотать по этому дѣлу, мой отецъ, простившись со мною, еще разъ повторилъ: «Бога ради, будь остороженъ, бойся всѣхъ, отъ кондуктора въ дилижансѣ до моихъ знакомыхъ, къ которымъ я даю тебѣ письма, не довѣряйся никому. Петербургъ теперь не то, что былъ въ наше время; тамъ во всякомъ обществѣ навѣрное есть муха или двѣ. *Tiens toi roug averti*» ¹⁾.

Съ этимъ эпиграфомъ къ петербургской жизни сѣлъ я въ дилижансѣ первоначальнаго заведенія, т.-е. имѣющаго всѣ недостатки, послѣдовательно устраненные другими, и поѣхалъ ²⁾.

Пріѣхавъ часовъ въ девять вечеромъ въ Петербургъ, я взялъ извозчика и отправился на Исаакіевскую площадь,—съ нея хотѣлъ я начать знакомство съ Петербургомъ. Все было покрыто глубокимъ снѣгомъ, только Петръ I на конѣ мрачно и грозно вырѣзывался среди ночной темноты на сѣромъ фонѣ:

Чернѣя сквозь ночной туманъ,
Съ подъятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ.
Куда-то кажетъ вдаль рукою
Съ коня могучій великанъ;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

(«Юморъ»).

Отчего битва 14 декабря была именно на этой площади? отчего именно съ пьедестала этой площади раздался первый крикъ русскаго освобожденія? зачѣмъ каре жалось къ Петру I — награда ли это ему... или наказаніе? Четырнадцатое декабря 1825 было слѣдствіемъ дѣла, прерваннаго двадцать перваго января 1725 ³⁾. Пушки Николая были равно обращены противъ возмущенія и противъ статуи; жаль, что картечь не разстрѣляла мѣднаго Петра...

Возвратившись въ гостиницу, я нашелъ у себя одного род-

¹⁾ Намотай себѣ на усъ.

²⁾ Контора дилижансовъ учреждена въ 1820 г.; дилижансы лѣтніе на 7, зимніе на 4 мѣста.

³⁾ Вѣроятно, Герценъ хотѣлъ указать день смерти Петра I, но ошибся: она произошла 28 января.

стенника ¹⁾); поговоривши съ нимъ о томъ, о семъ, я, не думая, коснулся до Исаакіевской площади и до 14 декабря.

— Что дядюшка? — спросилъ меня родственникъ; — какъ вы оставили его?

— Слава Богу, какъ всегда; онъ вамъ кланяется...

Родственникъ, не мѣняя нисколько лица, одними зрачками телеграфировалъ мнѣ упрекъ, совѣтъ, предостереженіе; зрачки его, косясь, заставили меня обернуться, — истопникъ клалъ дрова въ печь; когда онъ затопилъ ее, причеъ самъ отправлялъ должность раздувальнаго мѣховъ; и сдѣлалъ на полу лужу снѣгомъ, оттаявшимъ съ его сапогъ, онъ взялъ кочергу длиною съ казачью пику и вышелъ.

Родственникъ мой принялся тогда меня упрекать, что я при истопникѣ коснулся такого *скабрёзнаго* предмета да еще по-русски. Уходя, онъ сказалъ мнѣ вполголоса:

— Кстати, чтобъ не забыть, тутъ ходитъ цырюльникъ въ отель; онъ продаетъ всякую дрянъ, гребенки, порченую помаду; пожалуйста, будьте съ нимъ осторожны, я увѣренъ, что онъ въ связи съ полиціей, — болтаетъ всякій вздоръ. Когда я здѣсь стоялъ, я покупалъ у него пустяки, чтобъ скорѣе отдѣлаться.

— Для поощренія. Ну, а прачка тоже числится по корпусу жандармовъ?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, вы скорѣе другого попадетесь; только что воротились изъ ссылки, — за вами десять нянь приставятъ.

— Въ то время, какъ и семерыхъ довольно, чтобъ быть безъ глаза.

На другой день поѣхалъ я къ чиновнику, занимавшемуся прежде дѣлами моего отца; онъ былъ изъ малороссіянъ, говорилъ въ вопіющимъ акцентомъ по-русски, вовсе не слушая, о чемъ рѣчь, всему удивлялся, закрывая глаза и какъ-то по мышиному приподнимая пухленькія лапки... Не вытерпѣлъ и онъ и, видя, что я взялъ шляпу, отвелъ меня къ окошку, осмотрѣлся и сказалъ мнѣ: «Ужъ это ви не погнѣвайтесь, такъ по стародавнему знакомству съ семействомъ вашего батюшки и ихъ покойныхъ братцевъ, ви, т.-е., насчетъ гисторіи, бывшей съ вами, не очень поговаривайте. Ну, помиуйте, сами обсудите, къ чему это нужно? теперь все прошло, какъ димъ; ви что-то молвили при моей кухаркѣ, — чухна, кто ее знаетъ, я даже такъ немножко очень испугався».

Пріятный городъ, подумалъ я, оставляя испуганнаго чиновника...

¹⁾ С. Л. Львовъ-Львицкій, служилъ въ должности младшаго столоначальника I отдѣленія канцеляріи мин. вн. дѣлъ.

Рыхлый снѣгъ валилъ хлопьями, мокро-холодный вѣтеръ пронималъ до костей, рвалъ шляпу и шинель. Кучеръ, едва видя на шагъ передъ собой, шурясь отъ снѣгу и наклоняя голову, кричалъ: «гись, гись!». Я вспомнилъ совѣтъ моего отца, вспомнилъ родственника, чиновника и того воробья-путешественника въ сказкѣ Ж. Сандъ, который спрашивалъ полузамерзнувшего волка въ Литвѣ, зачѣмъ онъ живетъ въ такомъ скверномъ климатѣ? «Свобода,—отвѣчала волкъ,—заставляетъ забыть климатъ».

Кучеръ правъ—«берегись, берегись!»... И какъ мнѣ хотѣлось поскорѣй уѣхать...

Я и то недолго остался въ мой первый прїездъ. Въ три недѣли я все покончилъ и къ новому году прискакалъ назадъ во Владиміръ.

Опытность, пріобрѣтенная мною въ Вяткѣ, послужила мнѣ чрезвычайно въ герольдіи. Я зналъ уже, что герольдія—нѣчто въ родѣ прежняго Сень-Джайля въ Лондонѣ—вертепъ официально признанныхъ воровъ, которыхъ никакая ревизія, никакая реформа измѣнить не можетъ. Сень-Джайль для очистки взяли приступомъ, скупая дома и приравнивая ихъ землѣ; то же слѣдуетъ сдѣлать съ герольдіей. Къ тому же она совершенно не нужна: какое-то паразитное мѣсто, служба служебнаго повышенія, министерство табели о рангахъ, археологическое общество изысканія дворянскихъ грамотъ, канцелярія въ канцеляріи. Само собою разумѣется, что и злоупотребленія тамъ должны были быть *второго порядка!*

Повѣренный моего отца привелъ ко мнѣ длиннаго старика въ мундирномъ фракѣ, котораго каждая пуговица висѣла на ниткахъ, нечистаго и уже закусившаго, несмотря на ранній часъ. Это былъ корректоръ изъ сенатской типографіи; поправляя грамматическія ошибки, онъ за кулисами помогалъ инымъ ошибкамъ разныхъ оберъ-секретарей. Я въ полчаса сговорился съ нимъ, поторговавшись точно такъ, какъ бы рѣчь шла о покупкѣ лошади или мебели. Впрочемъ, онъ самъ положительно отвѣчать не могъ, бѣгалъ въ сенатъ за инструкціями и, наконецъ, получивши ихъ, просилъ «задаточку».

— Да сдержатъ ли они обѣщаніе?

— Нѣтъ, ужъ это позвольте, это не такіе люди, этого никогда не бываетъ, чтобъ, получивши благодарность, не исполнить долгъ чести,—отвѣтилъ корректоръ до того обиженнымъ тономъ, что я счелъ нужнымъ его смягчить легкой прибавочкой благодарности.

— Въ герольдіи-съ,—замѣтилъ онъ, обезоруженный мной,—былъ прежде секретарь, удивительный челоуѣкъ; вы, можетъ, слы-

хали о немъ? бралъ напропалую и все съ рукъ сходило. Разъ какой-то провинціальный чиновникъ пришелъ въ канцелярію по-толковать о своемъ дѣлѣ да, прощаясь, потихоньку изъ-подъ шляпы ему и подаетъ сѣренькую бумажку. «Да что у васъ за секреты?—говоритъ ему секретарь,—помилуйте, точно любовную записку подаете. Ну, сѣренькая, тѣмъ лучше, пусть другіе просители видятъ, это ихъ поощритъ, когда они узнаютъ, что двѣсти рублей я взялъ, да зато дѣло обдѣлалъ». И растянувъ ассигнацію, онъ ее сложилъ и сунулъ въ жилетный карманъ.

Корректоръ былъ правъ: секретарь исполнилъ долгъ чести.

Я оставилъ Петербургъ съ чувствомъ очень близкимъ къ ненависти. А между тѣмъ дѣлать было нечего, надобно было перебраться въ непріязненный городъ.

Я недолго служилъ, всячески лынялъ отъ дѣла и потому многого о службѣ мнѣ рассказывать нечего. Канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ относилась къ канцелярії вятскаго губернатора, какъ сапоги вычищенные относятся къ невычищеннымъ; та же кожа, тѣ же подошвы, но одни въ грязи, а другіе подъ лакомъ. Я не видалъ здѣсь пьяныхъ чиновниковъ, не видалъ, какъ берутъ двугривенники за справку, а что-то мнѣ казалось, что подъ этими плотно пригнанными фраками и тщательнo вычесанными волосами живетъ такая дрянная, черная, мелкая, завистливая и трусливая душонка, что мой столоначальникъ въ Вяткѣ казался мнѣ больше человѣкомъ, чѣмъ они. Я вспоминалъ, глядя на новыхъ товарищей, какъ онъ разъ, на пирушкѣ у губернскаго землемѣра ¹⁾, выпивши, игралъ на гитарѣ плясовую и, наконецъ, не вытерпѣлъ, вскочилъ съ гитарой и пустился впрысядку; ну, эти ничѣмъ не увлекутся, въ нихъ не кипитъ кровь, вино не вскружитъ имъ голову. Въ танцклассѣ, гдѣ-нибудь съ нѣмочками они умѣютъ пройти французскую кадрили, представить изъ себя разочарованныхъ, сказать стихъ Тимофеева ²⁾ или Кукольника...—дипломаты, аристократы и Манфреды ³⁾. Жаль только, что министръ Дашковъ ⁴⁾ не могъ этихъ Чайльдъ-Гарольдовъ отучить въ театрѣ, въ церкви, вездѣ дѣлать фронтъ и кланяться.

Петербуржцы смѣются надъ костюмами въ Москвѣ, ихъ оскорбляютъ венгерки и картузы, длинные волосы, гражданскіе усы. Москва, дѣйствительно, городъ штатскій, нѣсколько распушенный, непривыкшій къ дисциплинѣ, но достоинство это или недостатокъ,

¹⁾ Михаилъ Петровичъ Ивакинъ.

²⁾ Алексѣй Васильевичъ, бездарный поэтъ.

³⁾ Герой одноименной драмы Байрона.

⁴⁾ Дмитрій Васильевичъ, министръ юстиціи.

это—нерѣшенное дѣло. Стройность одинаковости, отсутствіе разнообразія, личнаго, капризнаго, своеобразнаго, обязательная форма, внѣшній порядокъ,—все это въ высшей степени развито въ самомъ нечеловѣческомъ состояніи людей—въ казармахъ. Мундиръ и однообразіе—страсть деспотизма. Моды нигдѣ не соблюдаются съ такимъ уваженіемъ, какъ въ Петербургѣ; это доказываетъ незрѣлость нашего образованія: наши платья чужія. Въ Европѣ люди одѣваются, а мы рядимся и поэтому боимся, если рукавъ широко или воротникъ узокъ. Въ Парижѣ только боятся быть одѣтымъ безъ вкуса, въ Лондонѣ боятся только простуды, въ Италіи всякій одѣвается, какъ хочетъ. Если-бъ показать эти батальоны одинаковыхъ сюртуковъ плотно застегнутыхъ щеголей на Невскомъ проспектѣ, англичанинъ принялъ бы ихъ за отрядъ полисменовъ.

Всякій разъ я дѣлалъ надъ собою усиліе, входя въ министерство. Начальникъ канцеляріи К. К. фонъ-Поль, гернгутеръ ¹⁾, добродѣтельный и лимфатическій уроженецъ съ острова Даго, наводилъ какую-то благочестивую скуку на все его окружавшее. Начальники отдѣленій озабоченно бѣгали съ портфелями, были недовольны столоначальниками; столоначальники писали, писали, дѣйствительно, были завалены работой и имѣли перспективу умереть за тѣми же столами,—по крайней мѣрѣ, просидѣть, безъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ, лѣтъ двадцать. Въ регистратурѣ былъ чиновникъ, тридцать третій годъ записывавшій исходящія бумаги и печатавшій пакеты.

Мое «упражненіе въ стилѣ» и здѣсь доставило мнѣ нѣкоторую льготу; испытавъ мою неспособность ко всему другому, начальникъ отдѣленія поручилъ мнѣ составленіе общаго отчета по министерству изъ частныхъ, губернскихъ. Предусмотрительность начальства нашла нужнымъ впередъ объяснить нѣкоторые будущіе выводы, не оставляя ихъ на произволъ цифръ и фактовъ. Такъ, напр., въ слегка набросанномъ планѣ отчета было сказано: «Изъ разсматриванія числа и характера преступленій (ни число, ни характеръ еще не были извѣстны) в. в. изволите усмотрѣть успѣхи народной нравственности и усиленное дѣйствіе начальства съ цѣлью оную улучшить».

Судьба и графъ Бенкендорфъ спасли меня отъ участія въ подложномъ отчетѣ. Это случилось такъ.

Въ первыхъ числахъ декабря ²⁾, часовъ въ девять утромъ, Матвѣй сказалъ мнѣ, что кварталный надзиратель желаетъ меня

¹⁾ Представитель религіозной секты XVIII ст.

²⁾ 7-го числа.

видѣть. Я не могъ догадаться, что его привело ко мнѣ, и велѣлъ просить. Квартальный показаль мнѣ клочокъ бумаги, на которомъ было написано, чтобъ онъ «*приласилъ* меня въ 10 часовъ утра въ III Отдѣленіе собств. е. в. канцеляріи».

— Очень хорошо,—отвѣчалъ я. Это у Цѣпного моста?

— Не безпокойтесь, у меня внизу сани, я съ вами поѣду.

Дѣло скверное, подумаль я, и сердце сильно сжалось. Я взошелъ въ спальню. Жена моя сидѣла съ малюткою, который только-что сталъ оправляться послѣ долгой болѣзни. «Что онъ хочеть?» спросила она.—Не знаю, какой-нибудь вздоръ, мнѣ надобно съѣздить съ нимъ... Ты не безпокойся.—Жена моя посмотрѣла на меня, ничего не отвѣчала, только поблѣднѣла, какъ будто, туча набѣжала на ея лицо, и подала мнѣ малютку протереться.

Я испыталъ въ эту минуту, насколько тягостнѣе всякій ударъ семейному человѣку: ударъ бьетъ не его одного, и онъ страдаетъ за всѣхъ и невольно винить себя за ихъ страданія.

Переломить, подавить, скрыть это чувство можно, но надобно знать, чего это стоитъ; я вышелъ изъ дома съ черной тоской. Не таковъ былъ я, отправляясь шесть лѣтъ передъ тѣмъ съ полицмейстеромъ Миллеромъ въ Пречистенскую часть.

Проѣхали мы Цѣпной мостъ, Лѣтній садъ и завернули въ бывшій домъ Кочубея; тамъ во флигелѣ помѣщалась свѣтская инквизиція, учрежденная Николаемъ; не всегда люди, входившіе въ заднія ворота, передъ которыми мы остановились, выходили изъ нихъ, т.-е., можетъ, и выходили, но для того, чтобы потеряться въ Сибири, погибнуть въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Шли мы всякими дворами и двориками и дошли, наконецъ, до канцеляріи. Несмотря на присутствіе комиссара, жандармъ насъ не пустиль, а вызвалъ чиновника, который, прочитавъ бумагу, оставилъ квартальный въ коридорѣ, а меня просилъ итти за нимъ. Онъ меня привелъ въ директорскую комнату. За большимъ столомъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько креселъ, сидѣлъ одинъ одиноконекъ старикъ худой, сѣдой, съ зловѣщимъ лицомъ ¹⁾. Онъ для важности дочиталь какую-то бумагу, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. На груди его была звѣзда; изъ этого я заключилъ, что это какой-нибудь корпусный командиръ шпионовъ.

— Видѣли вы генерала Дубельта?

— Нѣтъ.

¹⁾ Адамъ Александровичъ Сагынскій, чиновникъ особыхъ порученій при III Отдѣленіи.

Онъ помолчалъ, потомъ, не смотря мнѣ въ глаза, морщась и сводя бровями, спросилъ какимъ-то стертымъ голосомъ (голосъ этотъ мнѣ ужасно напомнилъ нервно-шипящіе звуки Голицына junior'a московской слѣдственной комиссіи):

— Вы, кажется, не очень давно получили разрѣшеніе приѣзжать въ столицу?

— Въ прошедшемъ году.

Старикъ покачалъ головой.

— Плохо вы воспользовались милостью государя. Вамъ, кажется, придется опять ѣхать въ Вятку.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—хорошо показываете вы признательность правительству, возвратившему васъ.

— Я совершенно ничего не понимаю,—сказалъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Не понимаете?... Это-то и плохо! Что за связи, что за занятія? вмѣсто того, чтобъ первое время показать усердіе, смыть пятна, оставшіяся отъ юношескихъ заблужденій, обратить свои способности на пользу,—нѣтъ! куда! Все политика да пересуды, и все во вредъ правительству. Вотъ и договорились. Какъ васъ опытъ не научилъ? Почемъ вы знаете, что въ числѣ тѣхъ, которые съ вами толкуютъ, нѣтъ всякій разъ какого-нибудь *мерзавца* ¹⁾, который лучше не просить, какъ черезъ минуту прійти сюда съ доносомъ.

— Ежели вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете. Я ломаю себѣ голову и никакъ не понимаю, куда ведутъ ваши слова или на что намекаютъ.

— Куда ведутъ?... Хм... Ну, а скажите, слышали вы, что у Синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ ночью человѣка?

— Слышалъ,—отвѣчалъ я пренаивно.

— И, можетъ, повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

— Съ разсужденіями, я, чай?

— Вѣроятно.

— Съ какими же разсужденіями?—Вотъ оно—наклонность къ порицанію правительства. Скажу вамъ откровенно, одно дѣлаетъ вамъ честь, это ваше искреннее сознаніе, и оно будетъ, навѣрное, принято графомъ въ соображеніе.

¹⁾ Я честнымъ словомъ увѣряю, что слово «мерзавецъ» было употреблено почтеннымъ старцемъ. А. И. Г.

— Помилуйте,—сказалъ я,—какое тутъ сознаніе! объ этой исторіи говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министра в. д., въ лавкахъ. Что же тутъ удивительнаго, что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

— Разглашеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе, нетерпимое законами.

— Вы меня обвиняете, мнѣ кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ государю сказано только, что вы способствовали къ распространенію такого вреднаго слуха, на что послѣдовала высочайшая резолюція о возвращеніи васъ въ Вятку ¹⁾.

— Вы меня просто страшаете,—отвѣчалъ я. Какъ же это возможно за такое ничтожное дѣло сослать семейнаго человѣка за тысячу верстъ, да и притомъ приговорить, осудить его, даже не спросивъ, правда или нѣтъ?

— Вы сами признались.

— Да какъ же записка была представлена и дѣло кончено прежде, чѣмъ вы со мной говорили?

— Прочтите сами.

Старикъ подошелъ къ столу, порылся въ небольшой пачкѣ бумагъ, хладнокровно вытащилъ одну и подалъ. Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: такое полнѣйшее отсутствіе справедливости, такое наглое, безстыдное беззаконіе удивило даже въ Россіи.

Я молчалъ. Мнѣ показалось, что самъ старикъ почувствовалъ, что дѣло очень нелѣпо и чрезвычайно глупо, такъ что онъ не нашелъ болѣе нужнымъ защищать его и, тоже помолчавъ, спросилъ:

— Вы, кажется, сказали, что вы женаты?

— Женатъ,—отвѣчалъ я.

— Жаль, что это прежде мы не знали; впрочемъ, если что можно сдѣлать, графъ сдѣлаетъ, я ему передамъ нашъ разговоръ. Изъ Петербурга *во всякомъ случаѣ* васъ вышлютъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ, но чувствовалъ, что лицо горѣло; все, что я не могъ высказать, все, задержанное внутри, можно было видѣть въ лицѣ.

Старикъ опустилъ глаза, подумалъ и вдругъ апатическимъ голосомъ, съ притязаніемъ на тонкую учтивость, сказалъ мнѣ:

— Я не смѣю дольше задерживать васъ; желаю душевно,—впрочемъ, дальнѣйшее вы узнаете.

¹⁾ Точнѣ содержаніе официальныхъ бумагъ передано мною въ №№ 311 и 312.

Я бросился домой. Разъядающая злоба кипѣла въ моемъ сердцѣ: это чувство безправія, безсилія, это положеніе пойманнаго звѣря, надъ которымъ презрительный уличный мальчишка издѣвается, понимая, что всей силы тигра недостаточно, чтобъ сломить рѣшетку.

Жену я засталъ въ лихорадкѣ; она съ этого дня занемогла и, испуганная еще вечеромъ, черезъ нѣсколько дней имѣла преждевременные роды. Ребенокъ умеръ черезъ день. Едва черезъ три или черезъ четыре года оправилась она ¹⁾).

Говорятъ, что чувствительный *pater familias* Николай Павловичъ плакалъ, когда умерла его дочь...

И что это у нихъ за страсть—поднять сумбуръ, скакать во весь опоръ, хлопотать, все дѣлать опрометью, точно пожаръ, тронъ рушится, царская фамилія гибнетъ,—и все это безъ всякой нужды! Поэзія жандармовъ, драматическія упражненія сыщиковъ, роскошная постановка для доказательства вѣрноподданческаго усердія... Опричники, стремянные, гончія!

... Грустно сидѣли мы вечеромъ того дня, въ который я былъ въ III Отдѣленіи, за небольшимъ столомъ; малютка игралъ на немъ своими игрушками, мы говорили мало; вдругъ кто-то такъ рванулъ звонокъ, что мы поневолѣ вздрогнули. Матвѣй бросился отворять дверь, и черезъ секунду влетѣлъ въ комнату жандармскій офицеръ, гремя саблей, гремя шпорами, и началъ отборными словами извиняться передъ моей женой: «онъ не могъ думать, не подозрѣвалъ, не предполагалъ, что дама, что дѣти, чрезвычайно неприятно...»

Жандармы--цвѣтъ учтивости; еслибы не священная обязанность, не долгъ службы, они бы никогда не только не дѣлали доносовъ, но и не дрались бы съ форейторами и кучерами при разъяздахъ. Я это знаю съ Крутицкихъ казармъ, гдѣ офицеръ *désolé* былъ такъ глубоко огорченъ необходимостью шарить въ моихъ карманахъ.

Поль-Луи Курье ²⁾ уже замѣтилъ въ свое время, что палачи и прокуроры становятся самыми вѣжливыми людьми. «Любезнѣйшій палачъ,—пишетъ прокуроръ,—вы меня дружески одолжите, принявъ на себя трудъ, если вамъ это не обезпокоитъ, отрубить завтра утромъ голову такому-то». И палачъ торопится отвѣчать, что «онъ считаетъ себя счастливымъ, что такой бездѣлицей можетъ сдѣлать

¹⁾ См. №№ 316 и 322. II, 408

²⁾ Знаменитый французскій памфлетистъ.

приятное г. прокурору, и остается всегда готовый къ его услугамъ—палачъ». А тотъ—*третій* остается преданнымъ безъ головы.

— Васъ просить къ себѣ генераль Дубельтъ.

— Когда?

— Помилуйте, теперь, сейчасъ, сію минуту.

— Матвѣй, дай шинель.

Я пожалъ руку женѣ,—на лицѣ у нея были пятна, рука горѣла. Что за спѣхъ въ десять часовъ вечера? заговоръ открыть, побѣгъ, драгоценная жизнь Николая Павловича въ опасности? Дѣйствительно, подумалъ я, я виноватъ передъ будочникомъ: чему было дивиться, что при этомъ правительствѣ какой-нибудь изъ его агентовъ прирѣзалъ двухъ-трехъ прохожихъ? Будочники второй и третьей степени развѣ лучше своего товарища на Синемъ мосту? А самъ-то будочникъ будочниковъ?

Дубельтъ прислалъ за мной, чтобъ *мнѣ сказать*, что графъ Бенкендорфъ требуетъ меня завтра въ восемь часовъ утра къ себѣ для объявленія мнѣ высочайшей воли!

Дубельтъ,—лицо оригинальное, онъ навѣрное умнѣе всего Третьяго и всѣхъ трехъ отдѣлений Собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди, прежде чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ или, лучше, накрылъ все, что тамъ было. Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т.-е. выражали тонкую смышленость хищныхъ звѣрей, вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ всегда учтивъ.

Когда я взошелъ въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ мундирномъ сюртукѣ безъ эполетъ и, куря трубку, писалъ. Онъ въ ту же минуту всталъ и, прося меня сѣсть противъ него, началъ слѣдующей удивительной фразой:

— Графъ Александръ Христофоровичъ доставилъ мнѣ случай познакомиться съ вами. Вы, кажется, видѣли Сагынскаго сегодня утромъ?

— Видѣлъ.

— Мнѣ очень жаль, что поводъ, который заставилъ меня васъ просить ко мнѣ, не совсѣмъ приятный для васъ. Неосторожность ваша навлекла снова гнѣвъ его величества на васъ.

— Я вамъ, генераль, скажу то, что сказалъ г. Сагынскому: я не могу себѣ представить, чтобы меня выслали только за то, что я повторилъ уличный слухъ, который, конечно, вы слышали прежде меня, а, можетъ, точно такъ же рассказывали, какъ я.

— Да, я слышалъ и говорилъ объ этомъ, и тутъ мы равны;

но вотъ гдѣ начинается разница: я, повторяя эту нелѣпость, клялся, что этого никогда не было, а вы изъ этого слуха сдѣлали поводъ обвиненія всей полиціи. Это—все несчастная страсть de dénigrer le gouvernement ¹⁾),—страсть, развитая въ васъ во всѣхъ, господа, пагубнымъ примѣромъ Запада. У насъ не то, что во Франціи, гдѣ правительство на ножахъ съ партіями, гдѣ его таскаютъ въ грязи; у насъ управленіе *отеческое*, все дѣлается какъ можно келейнѣе... Мы выбиваемся изъ силъ, чтобъ все шло какъ можно тише и глаже, а тутъ люди, остающіеся въ какой-то безплодной оппозиціи, несмотря на тяжелыя испытанія, страшатъ общественное мнѣніе, рассказывая и сообщая письменно, что полицейскіе солдаты рѣжутъ людей на улицахъ. Не правда ли, вѣдь, вы писали объ этомъ?

— Я такъ мало придаю важности дѣлу, что совсѣмъ не считаю нужнымъ скрывать, что я писалъ объ этомъ, и прибавлю къ кому,—къ моему отцу.

— Разумѣется, дѣло не важное; но вотъ оно до чего васъ довело. Государь тотчасъ вспомнилъ вашу фамилію и что вы были въ Вяткѣ и велѣлъ васъ отправить назадъ. А потому графъ и поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобъ вы завтра, въ восемь часовъ утра пріѣхали къ нему: онъ вамъ объявитъ высочайшую волю.

— Итакъ, на томъ и останется, что я долженъ ѣхать въ Вятку съ больной женой, съ больнымъ ребенкомъ, по дѣлу, о которомъ вы говорите, что оно неважно?..

— Да вы служите? — спросилъ меня Дубельтъ, пристально взглядываясь въ пуговицы моего виць-мундирнаго фрака.

— Въ канцеляріи министра в. д.

— Давно ли?

— Мѣсяцевъ шесть:

— И все время въ Петербургѣ?

— Все время.

— Я понятія не имѣлъ.

— Видите,—сказалъ я, улыбаясь,—какъ я себя скромно велъ.

Сагтынскій не зналъ, что я женатъ, Дубельтъ не зналъ, что я на службѣ, а оба знали, что я говорилъ въ своей комнатѣ, какъ думалъ, и что писалъ отцу... Дѣло было въ томъ, что я тогда только-что началъ сблизаться съ петербургскими литераторами, печатать статьи, а главное, я былъ переведенъ изъ Владиміра въ Петербургъ графомъ Строгановымъ безъ всякаго участія тайной полиціи и, пріѣхавши въ Петербургъ, не пошелъ *являться* ни къ Дубельту, ни въ III Отдѣленіе, на что мнѣ намекали добрые люди.

¹⁾ Чернить правительство.

— Помилуйте,—перебилъ меня Дубельтъ,—всѣ свѣдѣнія, собранныя о васъ, совершенно въ вашу пользу; я еще вчера говорилъ съ Жуковскимъ,—дай Богъ, чтобъ объ моихъ сыновьяхъ такъ отзывались, какъ онъ отозвался.

— А, все-таки, въ Вятку...

— Вотъ видите, ваше *несчастіе*, что докладная записка *была подана* и что многихъ обстоятельствъ не было на виду. Ъхать вамъ надобно, этого поправить нельзя, но я полагаю, что Вятку можно замѣнить другимъ городомъ. Я переговорю съ графомъ,—онъ еще сегодня ѣдетъ во дворецъ. Все, что возможно сдѣлать для облегченія, мы постараемся сдѣлать; графъ—человѣкъ ангельской доброты.

Я всталъ. Дубельтъ проводилъ меня до дверей кабинета. Тутъ я не вытерпѣлъ и, приостановившись, сказалъ ему:

— Я имѣю къ вамъ, генераль, небольшую просьбу. Если вамъ меня нужно, не посылайте, пожалуйста, ни квартальныхъ, ни жандармовъ: они пугаютъ, шумятъ, особенно вечеромъ. За что же больная жена моя будетъ больше всѣхъ наказана въ дѣлѣ будочника?

— Ахъ, Боже мой, какъ это неприятно!—возразилъ Дубельтъ. Какіе они всѣ неловкіе. Будьте увѣрены, что я не пошлю больше полицейскаго. Итакъ, до завтра; не забудьте: въ 8 час. у графа; мы тамъ увидимся.

Точно будто мы сговаривались вмѣстѣ ѣхать къ Смурову ¹⁾ ѣсть устрицы.

На другой день ²⁾, въ восемь часовъ я былъ въ приѣмной залѣ Бенкендорфа. Я засталъ тамъ человѣкъ пять-шесть просителей; мрачно и озабоченно стояли они у стѣны, вздрагивали при каждомъ шумѣ, жались еще больше и кланялись всѣмъ проходящимъ адъютантамъ. Въ числѣ ихъ была женщина вся въ траурѣ, съ заплаканными глазами; она сидѣла съ бумагой, свернутой въ трубочку, въ рукахъ; бумага дрожала, какъ осиновый листъ. Шага три отъ нея стоялъ высокій, нѣсколько согнувшійся старикъ, лѣтъ семидесяти, плѣшивый и пожелтѣвшій, въ темнозеленой военной шинели, съ рядомъ медалей и крестовъ на груди. Онъ время отъ времени вздыхалъ, качалъ головой и шепталъ что-то себѣ подъ носъ.

У окна сидѣлъ, развалиясь, какой-то «другъ дома», лакей или дежурный чиновникъ. Онъ всталъ, когда я взошелъ; глядяваясь въ

¹⁾ Старая фирма, торговавшая гастрономическими и бакалейными товарами.

²⁾ 8 декабря.

его лицо, я узналъ его: мнѣ эту противную фигуру показывали въ театрѣ,—это былъ одинъ изъ главныхъ уличныхъ шпионовъ, помнится, по фамиліи Фабръ. Онъ спросилъ меня:

— Вы съ просьбой къ графу?

— По его требованію.

— Ваша фамилія?

Я назвалъ себя.

— Ахъ,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ, какъ будто встрѣтилъ стараго знакомаго,—сдѣлайте одолженіе, не угодно ли сѣсть? Графъ черезъ четверть часа выйдетъ.

Какъ-то было страшно тихо и unheimlich ¹⁾ въ залѣ; день плохо пробивался сквозь туманъ и замерзнувшія стекла; никто ничего не говорилъ. Адъютанты быстро пробѣгали взадъ и впередъ да жандармъ, стоявшій за дверями, гремѣлъ иногда своей сбруей, переступая съ ноги на ногу. Подошло еще человѣка два просителей. Чиновникъ бѣгалъ каждаго спрашивать за чѣмъ. Одинъ изъ адъютантовъ подошелъ къ нему и началъ что-то рассказывать полушопотомъ, причемъ онъ придавалъ себѣ видъ отчаяннаго повѣсы; вѣроятно, онъ рассказывалъ какія-нибудь мерзости, потому что они часто перерывали разговоръ лакейскимъ смѣхомъ безъ звука, причемъ почтенный чиновникъ, показывая видъ, что ему мочи нѣтъ, что онъ готовъ надорваться, повторялъ: «перестаньте, ради Бога, перестаньте, не могу больше».

Минуть черезъ пять явился Дубельтъ, разстегнутый, по-домашнему, бросилъ взглядъ на просителей, причемъ они поклонились, и издали, увидя меня, сказалъ: «Bonjour, M. H., votre affaire va parfaitement bien ²⁾), на хорошей дорогѣ...»

Оставляютъ меня, что ли? Я хотѣлъ, было, спросить, но прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить слово, Дубельтъ уже скрылся. Вслѣдъ за нимъ взошелъ какой-то генералъ, вычищенный, убранный, затянутый, вытянутый, въ бѣлыхъ штанахъ, въ шарфѣ,—я не видывалъ лучшаго генерала. Если когда-нибудь въ Лондонѣ будетъ выставка генераловъ, такъ, какъ въ Цинцинати теперь Baby-Exhibition ³⁾, то я совѣтую послать именно его изъ Петербурга. Генералъ подошелъ къ той двери, изъ которой долженъ былъ выйти Бенкендорфъ, и замеръ въ неподвижной вытяжкѣ; я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ этотъ идеаль унтеръ-офицера... Ну, должно быть, солдатъ посѣкъ онъ на своемъ вѣку за шагистику...

¹⁾ Жутко.

²⁾ Здравствуйте, г. Г., ваше дѣло идетъ превосходно.

³⁾ Выставка куколъ.

Откуда берутся эти люди? Онъ родился для выкидыванія артикула и для строя! Съ нимъ пришелъ, вѣроятно, его адъютантъ, тончайшій корнетъ въ мѣрѣ, съ неслыханно длинными ногами, бѣлокурый, съ крошечнымъ бѣличьимъ лицомъ и съ тѣмъ добродушнымъ выраженіемъ, которое часто остается у матушкиныхъ сынковъ, никогда ничему неучившихся или, по крайней мѣрѣ, невыучившихся. Эта жимолость въ мундирѣ стояла въ почтительномъ отдаленіи отъ образцоваго генерала.

Снова влетѣлъ Дубельтъ, этотъ разъ пріосанившись и застегнувшись. Онъ тотчасъ обратился къ генералу и спросилъ, что ему нужно? Генеральъ правильно, какъ ординарцы говорятъ, когда являются къ начальникамъ, отрапортовалъ: «Вчерашній день отъ князя Александра Ивановича ¹⁾ получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ дѣйствующую армію на Кавказъ, счелъ обязанностью явиться передъ отбытіемъ къ его сіятельству».

Дубельтъ выслушалъ съ религіознымъ вниманіемъ эту рѣчь и, наклонясь нѣсколько въ знакъ уваженія, вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Графъ,—сказалъ онъ генералу,—искренно жалѣеть, что не имѣетъ времени принять в. пр. Онъ васъ благодарить и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути.—При этомъ Дубельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами.

Генеральъ отступилъ торжественнымъ маршемъ, юноша съ бѣличьимъ лицомъ и съ ногами журавля отправился за нимъ. Сцена эта искупила мнѣ много горечи того дня. Генеральскій фронтъ, прощаніе по довѣренности и, наконецъ, лукавая морда Рейнеке-Фукса, цѣлующаго безмозглую голову его превосходительства,—все это было до того смѣшно, что я чуть-чуть удержался. Мнѣ кажется, что Дубельтъ замѣтилъ это и съ тѣхъ поръ началъ уважать меня.

Наконецъ, двери отворились à deux battants ²⁾, и взошелъ Бенкендорфъ. Наружность шефа жандармовъ не имѣла въ себѣ ничего дурного; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ.

Можетъ, Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей

¹⁾ Чернышевъ, военный министръ.

²⁾ На обѣ половинки.

внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все,—я готовъ этому вѣрить, особенно, вспоминая прѣсное выраженіе его лица,—но и добра онъ не сдѣлалъ: на это у него не доставало энергіи, воли, сердца. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія на службѣ такому холодному, безпощадному человѣку, какъ Николай.

Сколько невинныхъ жертвъ прошло его руками, сколько погибло отъ невниманія, отъ разсѣянія, отъ того, что онъ занятъ былъ волокитствомъ, и сколько, можетъ, мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродило въ его головѣ и мучило его на томъ пароходѣ, гдѣ, преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничества католической церкви съ ея всепрощающими индульгенціями... ¹⁰

— До свѣдѣнія государя императора,—сказалъ онъ мнѣ,—дошло, что вы участвуете въ распространеніи вредныхъ слуховъ для правительства. Его величество, видя, какъ вы мало исправились, изволилъ приказать васъ отправить обратно въ Вятку; но я, по просьбѣ генерала Дубельта и основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ объ васъ, докладывалъ е. в. о болѣзни вашей супруги и государю угодно было измѣнить свое рѣшеніе. Е. в. воспрещаетъ вамъ вѣздъ въ столицы, вы снова отправитесь подъ надзоръ полиціи ¹⁾, но мѣсто вашего жительства предоставлено назначить министру внутреннихъ дѣлъ.

— Позвольте мнѣ откровенно сказать, что даже *вс сію* минуту я не могу вѣрить, чтобъ не было другой причины моей ссылки. Въ 1835 г. я былъ сосланъ по дѣлу праздника, на которомъ вовсе не былъ, теперь я наказываюсь за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Странная судьба!

Бенкендорфъ поднялъ плечи и, разводя руками, какъ человѣкъ, исчерпавшій всѣ свои доводы, перебилъ мою рѣчь:

— Я вамъ объявляю монаршую волю, а вы мнѣ отвѣчаете разсужденіями. Что за польза будетъ изъ всего, что вы мнѣ скажете и что я вамъ скажу? это — потерянные слова. Перемѣнить теперь ничего нельзя; что будетъ потомъ, долею зависить отъ васъ. А такъ какъ вы напомнили объ вашей первой исторіи, то я особенно рекомендую вамъ, чтобъ не было третьей, — *такъ легко* въ третій разъ вы, навѣрное, не отдѣляетесь.

Бенкендорфъ благосклонно улынулся и отправился къ просителямъ. Онъ очень мало говорилъ съ ними, бралъ просьбу, бро-

¹⁾ О надзорѣ не могло быть сказано, такъ какъ онъ вовсе не былъ установленъ, что видно изъ приведенныхъ во II томѣ документовъ и изъ отсутствія Гердена въ спискахъ поднадзорныхъ по Новгородской губерніи.

саль въ нее взглядъ, потомъ отдавалъ Дубельту, перерывая замѣчанія просителей той же граціозно-снисходительной улыбкой. Мѣсяцы цѣлые эти люди обдумывали и приготовлялись къ этому свиданію, отъ котораго зависитъ честь, состояніе, семья; сколько труда, усилій было употреблено ими прежде, чѣмъ ихъ приняли, сколько разъ стучались они въ запертую дверь, отгоняемые жандармомъ или швейцаромъ. И какъ, должно быть, щемяши, велики нужды, которыя привели ихъ къ начальнику тайной полиціи; вѣроятно, предварительно были исчерпаны всѣ законные пути,—а чело-вѣкъ этотъ отдѣляется общими мѣстами, и, по всей вѣроятности, какой-нибудь столоначальникъ положитъ *какое-нибудь* рѣшеніе, чтобъ сдать дѣло въ *какую-нибудь* другую канцелярію. И чѣмъ онъ такъ озабоченъ, куда торопится?

Когда Бенкендорфъ подошелъ къ старику съ медалями, тотъ сталъ на колѣни и вымолвилъ:

— Ваше сіятельство, взойдите въ мое положеніе!

— Что за мерзости! — закричалъ графъ. Вы позорите ваши медали!—и полный благороднаго негодованія, онъ прошелъ мимо, не взявъ его просьбы. Старикъ тихо поднялся, его стеклянный взглядъ выражалъ ужасъ и помѣшательство, нижняя губа дрожала, онъ что-то лепеталъ.

Какъ эти люди безчеловѣчны, когда на нихъ приходитъ капризь быть человѣчными!

Дубельтъ подошелъ къ старику, взялъ просьбу и сказалъ:

— Зачѣмъ это вы, въ самомъ дѣлѣ? ну, давайте вашу просьбу, я пересмотрю.

Бенкендорфъ уѣхалъ къ государю.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я Дубельта.

— Выберите себѣ, какой хотите, городъ съ министромъ в. д., мы мѣшать не будемъ. Мы завтра все дѣло перешлемъ туда; я поздравляю васъ, что такъ уладилось.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

Отъ Бенкендорфа я поѣхалъ въ министерство. Директоръ нашъ, какъ я сказалъ, принадлежалъ къ тому типу нѣмцевъ, которые имѣютъ въ себѣ что-то лемуновское, долговязое, нерасторопное, тянущееся. У нихъ мозгъ дѣйствуетъ медленно, не сразу схватываетъ и долго работаетъ, чтобъ дойти до какого-нибудь заключенія. Разсказъ мой, по несчастію, предупредилъ сообщеніе изъ III Отдѣленія; онъ вовсе не ждалъ его и потому совершенно растерялся, говорилъ какія-то безсвязныя вещи, самъ замѣтилъ это и, чтобъ поправиться, сказалъ мнѣ: «Erlauben Sie mir, deutsch zu

спреченъ¹⁾. Можетъ, грамматически рѣчь его и вышла правильнѣе на нѣмецкомъ языкѣ, но яснѣе и опредѣленнѣе она не стала. Я замѣтилъ очень хорошо, что въ немъ боролись два чувства: онъ понималъ всю несправедливость дѣла, но считалъ обязанностію директора оправдать дѣйствіе правительства; при этомъ онъ не хотѣлъ передо мной показать себя варваромъ да и не забывалъ вражду, которая постоянно царствовала между министерствомъ и тайной полиціей. Стало быть, задача сама-по-себѣ выразить весь этотъ сумбуръ была не легка. Онъ кончилъ признаніемъ, что ничего не можетъ сказать безъ министра, къ которому и отправился.

Графъ Строгановъ позвалъ меня²⁾, разспросилъ дѣло, выслушалъ все внимательно и сказалъ мнѣ въ заключеніе:

— Это — чисто полицейская уловка. Ну, да хорошо и я, съ своей стороны, имъ отвѣчу. — Я, право, думалъ, что онъ сейчасъ отправится къ государю и объяснитъ ему дѣло, но такъ далеко министры не ходятъ. — Я получилъ, — продолжалъ онъ, — высочайшее повелѣніе объ васъ, вотъ оно; вы видите, что мнѣ предоставлено избрать мѣсто и употребить васъ на службу. Куда вы хотите?

— Въ Тверь или въ Новгородъ, — отвѣчалъ я.

— Разумѣется... ну, а такъ какъ мѣсто зависитъ отъ меня и вамъ, вѣроятно, все равно, въ который изъ этихъ городовъ я васъ назначу, то я вамъ дамъ первую вакансію совѣтника губернскаго правленія, т.-е. высшее мѣсто, которое вы по чину можете имѣть. Шейте себѣ мундиръ съ шитымъ воротникомъ, — добавилъ онъ шутя.

Вотъ и отыгрался, только не въ мою масть.

Черезъ недѣлю Строгановъ представилъ въ сенатъ о назначеніи меня совѣтникомъ въ Новгородъ.

А, вѣдь, пресмѣшно: сколько секретарей, ассессоровъ, уѣздныхъ и губернскихъ чиновниковъ домогались долго, страстно, упорно домогались, чтобъ получить это мѣсто; взятки были даны, святѣйшія обѣщанія получены, — и вдругъ министръ, исполняя высочайшую волю и въ то же время дѣлая отместку тайной полиціи, *наказывалъ* меня этимъ повышеніемъ, бросалъ человѣку подъ ноги, для позолоты пилюли, это мѣсто, — предметъ пламенныхъ желаній и самолюбивыхъ грезъ, человѣку, который его бралъ съ твердымъ намѣреніемъ бросить при первой возможности.

¹⁾ Позвольте мнѣ говорить по-нѣмецки.

²⁾ Бумага III Отдѣленія отъ 9 декабря могла быть получена или въ тотъ же день или 10-го; слѣдъ, разговоръ со Строгановымъ происходилъ не непосредственно послѣ бесѣды съ Полемъ, къ которому Герценъ отправился прямо отъ Бенкендорфа.

Отъ Строганова я поѣхалъ къ одной дамѣ; объ этомъ знакомствѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Между рекомендательными письмами, которыя мнѣ далъ мой отецъ, когда я ѣхалъ въ Петербургъ ¹⁾, было одно, которое я десять разъ бралъ въ руки, перевортывалъ и пряталъ опять въ столъ, откладывая визитъ свой до другого дня. Письмо это было къ семидесятилѣтней знатной, богатой дамѣ; дружба ея съ моимъ отцомъ шла съ незапамятныхъ временъ; онъ познакомился съ ней, когда она была при дворѣ Екатерины II, потомъ они встрѣтились въ Парижѣ, вмѣстѣ ѣздили туда и сюда, наконецъ, оба пріѣхали домой на отдыхъ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Я, вообще, не любилъ важныхъ людей, особенно женщинъ, да еще къ тому же семидесятилѣтнихъ; но отецъ мой спрашивалъ второй разъ, былъ ли я у Ольги Александровны Жеребцовой. И я, наконецъ, рѣшился проглотить эту пилюлю. Офиціантъ привелъ меня въ довольно сумрачную гостиную, плохо убранную, какъ-то почернѣвшую, полинявшую; мебель, обивка,—все сдало цвѣтъ, все стояло, видно, давно на этихъ мѣстахъ. На меня пахло домомъ княжны Мещерской; старость не меньше юности протаптываетъ свои слѣды на всемъ окружающемъ. Самоотверженно ждалъ я появленія хозяйки, приготовляясь къ скучнымъ вопросамъ, къ глухотѣ, къ кашлю, къ обвиненіямъ новаго поколѣнія, а, можетъ, и къ моральнымъ поученіямъ.

Минуть черезъ пять взошла твердымъ шагомъ высокая старуха, съ строгимъ лицомъ, носившимъ слѣды большой красоты; въ ея осанкѣ, поступи и жестахъ выражались упрямая воля, рѣзкій характеръ и рѣзкій умъ. Она проницательно осмотрѣла меня съ головы до ногъ, подошла къ дивану, отодвинула однимъ движеніемъ руки столъ и сказала мнѣ:

— Садитесь сюда на кресла, поближе ко мнѣ, я, вѣдь, короткая пріятельница съ вашимъ отцомъ и люблю его.—Она развернула письмо и подала мнѣ, говоря: «Пожалуйста, прочтите мнѣ, у меня болятъ глаза». Письмо было писано по-французски, съ разными комплиментами, съ воспоминаніями и намеками. Она слушала, улыбаясь, и, когда я кончилъ, сказала:

— Умъ-то у него не старѣетъ, все тотъ же; онъ очень былъ любезенъ и очень кистикъ ²⁾. А что, теперь все сидитъ въ комнатѣ, въ халатѣ, представляетъ больного? Я два года тому назадъ роѣзжала Москвой, была тогда у вашего батюшки; насили, гово-

¹⁾ Еще въ декабрѣ 1839 г.

²⁾ Caustique — колкій, язвительный.

рить, могу принять, разрушаюсь, а потомъ разговорился и забылъ свои болѣзни. Все—баловство; онъ немного старше меня, года два-три, да и то есть ли, а вотъ я и женщина, а все еще на ногахъ. Да, да, много воды утекло съ тѣхъ временъ, о которыхъ вашъ отецъ поминаетъ. Ну, подумайте, мы съ нимъ были изъ первыхъ танцоровъ. Англезы тогда были въ модѣ; вотъ я съ Иваномъ Алексѣичемъ, бывало, и танцуемъ у покойной императрицы; можете вы себѣ представить вашего батюшку въ свѣтло-голубомъ французскомъ кафтанѣ, въ пудрѣ и меня съ фикжами и décolletée? Съ нимъ было очень пріятно танцовать, il était bel homme ¹⁾, онъ былъ лучше васъ,—дайте-ка хорошенько на васъ посмотрѣть,—да, точно онъ былъ получше... Вы не сердитесь,—въ мои лѣта можно говорить правду. Да, вѣдь, вамъ и не до того, я думаю, вѣдь, вы литераторъ, ученый. Ахъ, Боже мой, кстати, расскажите мнѣ, пожалуйста, что это съ вами за гисторія была? Батюшка вашъ писалъ ко мнѣ, когда васъ послали въ Вятку; я пробовала говорить съ Блудовымъ,—ничего не сдѣлалъ. За что это васъ услали? они, вѣдь, не говорятъ, все у нихъ *sécret d'état* ²⁾.

Въ ея манерѣ было столько простоты и искренности, что, вопреки ожиданію, мнѣ было легко и свободно. Я отвѣчалъ полусутливо и полусерьезно и рассказалъ ей наше дѣло.

— Воюетъ со студентами,—замѣтила она; все въ головѣ одно—конспираціи; ну, а тѣ и рады подслуживаться; все пустяками занимаются. Людишки такіе дрянные около него,—откуда это онъ ихъ набралъ? Безъ роду и племени. Такъ, видите, mon cher conspirateur, что же вамъ было тогда лѣтъ шестнадцать?

— Ровно двадцать одинъ годъ,—отвѣчалъ я, смѣясь отъ души ея полнѣйшему презрѣнію къ нашей политической дѣятельности, т.-е. къ моей и Николаевой,—но зато я былъ старшій.

— Четыре-пять студентовъ испугали, видите, tout le gouvernement ³⁾... срамъ какой.

Потолковавши въ этомъ родѣ съ полчаса, я всталъ, чтобъ ѣхать.

— Пойдите-ка, пойдите-ка,—сказала мнѣ Ольга Александровна еще болѣе дружескимъ тономъ,—я не кончила мою исповѣдь; а какъ это вы увезли свою невѣсту?

— Почему вы знаете?

— Э, батюшка, слухомъ свѣтъ полнится,—молодость, des passions ⁴⁾; я говорила тогда съ вашимъ отцомъ, онъ еще сердился

¹⁾ Онъ былъ красивый мужчина.

²⁾ Государственная тайна.

³⁾ Все правительство.

⁴⁾ Страсти.

на васъ; ну, да, вѣдь, умный человекъ, понялъ... благо, вы счастливо живете—чего еще? Какъ же, говорить, прїѣзжалъ въ Москву противъ приказа,—попался бы, ну, послали бы въ крѣпость. Я ему на это и молвила: ну, да, вѣдь, не попался, такъ это надобно радоваться вамъ, а что пустяки городить да придумывать, что могло бы быть. Ну, вы всегда, говорить онъ мнѣ, были отважны и жили очертя голову. А что же, батюшка, оканчиваю не хуже другихъ вѣкъ, отвѣтила я ему. А это что ужъ такое; безъ денегъ оставилъ молодыхъ! на что это похоже!? Ну, говорить, пошлю, не сердитесь... Познакомите меня съ вашей супругой-то, а?

Я поблагодарилъ ее и сказалъ, что я прїѣхалъ покамѣстъ одинъ.

— Гдѣ же вы остановились?

— У Демута.

— И тамъ обѣдаете?

— Иногда тамъ, иногда у Дюме.

— На что же это по трактирамъ-то? дорого стоитъ, да и такъ нехорошо женатому человекъ. Нескучно, что ли, вамъ со старухой обѣдать? приходите-ка. А я, право, очень рада, что познакомилась съ вами; спасибо вашему отцу, что прислалъ васъ ко мнѣ: вы очень интересный молодой человекъ, хорошо понимаете вещи, даромъ, что молоды. Вотъ мы съ вами и потолкуемъ о томъ, о семь, а то, знаете, съ этими куртизанами скучно,—все одно: объ дворѣ да кому орденъ дали,—все пустое.

Тьеръ въ одномъ томѣ исторіи консулата ¹⁾ довольно подробно и довольно вѣрно рассказалъ умерщвленіе Павла. Въ его рассказѣ два раза упомянута одна женщина, сестра послѣдняго фаворита Екатерины, графа Зубова ²⁾. Красавица собой, молодая вдова генерала, кажется, убитого во время войны, страстная и дѣятельная натура, избалованная положеніемъ, одаренная необыкновеннымъ умомъ и мужскимъ характеромъ, она сдѣлалась средоточіемъ недовольныхъ во время дикаго и безумнаго царствованія Павла. У нея собирались заговорщики, она подстрекала ихъ, черезъ нее шли сношенія съ англійскимъ посольствомъ. Полиція Павла заподозрила ее, наконецъ, и она, во-время извѣщенная, можетъ, самимъ Паленомъ ³⁾, успѣла уѣхать за границу. Заговоръ былъ тогда готовъ, и она получила, танцуя на балу прусскаго короля, вѣсть о томъ, что Павелъ убитъ. Вовсе не скрывая радости, она съ восторгомъ объявила новость всѣмъ, находившимся въ залѣ.

¹⁾ «Histoire de la révolution française depuis 1789 jusqu'au 18 brumaire».

²⁾ Князь Платонъ Александровичъ.

³⁾ Графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ-Паленъ.

Это до того скандализировало прусскаго короля, что онъ велѣлъ ее выслать въ 24 часа изъ Берлина.

Она поѣхала въ Англiю. Блестящая, избалованная придворной жизнью и снѣдаемая жаждой большого поприща, она является львицей первой величины въ Лондонѣ и играетъ значительную роль въ замкнутомъ и недоступномъ обществѣ англiйской аристократiи. Принцъ Валлiйскiй, т.-е. будущiй король Георгъ IV, у нея ногъ, вскорѣ болѣе... Пышно и шумно шли годы ея заграничнаго житья, но шли и срывали цвѣтокъ за цвѣткомъ.

Вмѣстѣ съ старостью началась для нея пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминанiй. Ея сынъ ¹⁾ былъ убитъ подъ Бородинымъ, ея дочь умерла и оставила ей внуку, графиню Орлову ²⁾. Старушка всякiй годъ ѣздила въ августѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга въ Можайскъ посѣтить могилу сына. Одиночество и несчастье не сломили ея сильнаго характера, а сдѣлали его только угрюмѣе и угловатѣе. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очеркъ своихъ вѣтвей; листья облетѣли, костливо зябли голые сучья, но Фѣмъ яснѣ виднѣлся величавый ростъ, смѣлые размѣры, и стержень, посѣдѣлый отъ инея, гордо и сумрачно выдерживалъ себя и не гнулся отъ всякаго вѣтра и отъ всякой непогоды.

Ея длинная, полная движенiя жизнь, страшное богатство встрѣчь, столкновенiй образовали въ ней ея высокоумѣнный, но далеко на лишенный печальной вѣрности взглядъ. У нея была своя философiя, основанная на глубокомъ презрѣнiи къ людямъ, которыхъ она оставить все же не могла, по дѣятельному характеру.

— Вы ихъ еще не знаете,—говорила она мнѣ, провожая киваньемъ головы разныхъ толстыхъ и худыхъ сенаторовъ и генераловъ,—а ужъ я довольно на нихъ насмотрѣлась, меня не такъ легко провести, какъ они думаютъ; мнѣ двадцати лѣтъ не было, когда братъ ³⁾ былъ въ пущемъ фаворѣ, императрица меня очень ласкала и очень любила. Такъ, повѣрите ли, старики, покрытые кавалерiями, едва таскавшiе ноги, наперерывъ бросались въ переднюю подать мнѣ салопъ или теплые башмаки. Государыня скончалась,—и на другой день домъ мой опустѣлъ, меня бѣгали, какъ заразы, знаете, при сумасшедшемъ-то, и тѣ же самыя персоны. Я шла своей дорогой, не нуждалась ни въ комъ и уѣхала за море. Послѣ моего возвращенiя Богъ посѣтилъ меня большими несчастьями, только я ни отъ кого участiя не видала; были два-три ста-

¹⁾ Александръ Александровичъ Жеребцовъ.

²⁾ Жена А. Ѳ. Орлова, Ольга Александровна.

³⁾ Зубовъ.

рыхъ пріятеля, тѣ, точно, и остались. Ну, пришло новое царство-ваніе; Орловъ ¹⁾, видите, въ силѣ, т.-е. я не знаю, насколько это правда... такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ; знаютъ, что онъ мой наслѣдникъ, и внучка-то меня любить,—ну, вотъ и пошла такая дружба; опять готовы подавать шубу и галоши! Охъ! знаю я ихъ, да скучно иной разъ одной сидѣть, глаза болятъ, читать трудно, да и не всегда хочется, я ихъ и пускаю, болтаютъ всякій вздоръ,—развлеченіе; часъ, другой и пройдетъ...

Странная, оригинальная развалина другого вѣка, окруженная выродившимся поколѣніемъ на бесплодной и низкой почвѣ петербургской придворной жизни, она чувствовала себя выше его и была права. Если она дѣлила сатурналии Екатерины и оргіи Георга IV, то она же дѣлила опасность заговорщиковъ при Павлѣ. ¹¹

Ея ошибка состояла не въ презрѣннн ничтожныхъ людей, а въ томъ, что она принимала произведенія дворцоваго огорода за все наше поколѣніе. При Екатеринѣ дворъ и гвардія, въ самомъ дѣлѣ, обнимали все образованное въ Россіи; больше или меньше, это продолжалось до 1812 г. Съ тѣхъ поръ русское общество сдѣлало страшные успѣхи; война вызвала къ сознанію, сознаніе—къ 14 декабря, общество внутри раздвоилось. Уже со стороны дворца остается не лучшее: казни и свирѣпья мѣры отдаляли однихъ, новый тонъ отдалили другихъ. Александръ продолжалъ образованная традиціи Екатерины; при Николаѣ свѣтскіи-аристократическій тонъ замѣняется сухимъ, формальнымъ, дерзко-деспотическимъ, съ одной стороны, и безпрекословно покорнымъ—съ другой, смѣсь наполеоновской отрывистой и грубой манеры съ чиновничьимъ бездушіемъ. Новое общество, средоточіе котораго въ Москвѣ, быстро развилось.

Есть удивительная книга, которая поневолѣ приходитъ въ голову, когда говоришь объ Ольгѣ Александровнѣ. Это—«Записки» княгини Дашковой, напечатанныя лѣтъ двадцать тому назадъ въ Лондонѣ. Къ этой книгѣ приложены «Записки» двухъ сестеръ Вильмотъ, жившихъ у Дашковой между 1805 и 1810 годами. Обѣ—ирландки, очень образованныя и одаренныя большимъ талантомъ наблюденія. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы, чтобъ ихъ письма и «Записки» были извѣстны у насъ.

Сравнивая московское общество передъ 1812 г. съ тѣмъ, которое я оставилъ въ 1847 году, сердце бьется отъ радости. Мы сдѣлали страшный шагъ впередъ. Тогда было общество недоволь-

¹⁾ Гр. Алексѣй Федоровичъ.

ныхъ, т.-е. отставныхъ, удаленныхъ, отправленныхъ на покой; теперь есть общество *независимыхъ*. Тогдашніе львы были капризные олигархи: графъ А. Г. Орловъ, Остерманъ ¹⁾, «общество тѣней», какъ говоритъ miss Willmot, общество государственныхъ людей, умершихъ въ Петербургѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ и продолжавшихъ пудриться, покрывать себя лентами и являться на обѣды и пиры въ Москвѣ, будируя, важничая и не имѣя ни силы, ни смысла. Московскіе львы съ 1825 года были: Пушкинъ, М. Орловъ, Чаадаевъ, Ермоловъ ²⁾. Тогда общество съ подобострастіемъ толпилось въ домѣ графа Орлова, дамы «въ чужихъ брильянтахъ» ³⁾, казалеры, *не смѣя садиться* безъ разрѣшенія; передъ ними графская дворня танцевала въ маскарадныхъ платьяхъ. Сорокъ лѣтъ спустя, я видѣлъ то же общество, толпившееся около кафедры одной изъ аудиторій московскаго университета; дочери дамъ въ чужихъ каменьяхъ, сыновья людей, не смѣвшихъ сѣсть, съ страстнымъ сочувствіемъ слѣдили за энергической, глубокою рѣчью Грановскаго, отвѣчая взрывами рукоплесканій на каждое слово, глубоко потрясавшее сердца смѣлостью и благородствомъ.

Вотъ этого-то общества, которое сѣзжалось со всѣхъ сторонъ Москвы и тѣснилось около трибуны, на которой молодой воинъ науки вель серьезную рѣчь и пророчилъ былымъ, этого общества не подозрѣвала Жеребцова. Ольга Александровна была особенно добра и внимательна ко мнѣ, потому что я былъ первый образчикъ міра, неизвѣстнаго ей; ее *удивилъ* мой языкъ и мои понятія. Она во мнѣ оцѣнила возникающіе всходы другой Россіи, не той, на которую весь свѣтъ падалъ изъ замерзшихъ оконъ Зимняго дворца. Спасибо ей и за то!

Я могъ бы написать цѣлый томъ анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Александровны: съ кѣмъ и кѣмъ она ни была въ сношеніяхъ... отъ графа д'Артуа ⁴⁾ и Сегюра ⁵⁾ до лорда Гренвила ⁶⁾ и Каннинга ⁷⁾, и притомъ она смотрѣла на всѣхъ независимо, по-своему и очень оригинально. Ограничусь однимъ небольшимъ случаемъ, который постараюсь передать ея собственными словами.

¹⁾ Федоръ Андреевичъ, сынъ сосланнаго канцлера.

²⁾ Алексѣй Петровичъ.

³⁾ Миссъ Вильмотъ.—А. И. Г.

⁴⁾ Титулъ французскаго короля Карла X до вступленія на престолъ въ 1824 г.

⁵⁾ Луи-Филиппъ, графъ, французскій посолъ въ СПб.

⁶⁾ Вильямъ-Виндгамъ, выдающійся англійскій государственный дѣятель.

⁷⁾ Джорджъ, англійскій государственный дѣятель.

Она жила на Морской. Разъ какъ-то шелъ полкъ съ музыкой по улицѣ; Ольга Александровна подошла къ окну и, глядя на солдатъ, сказала мнѣ:

— У меня дача есть недалеко отъ Гатчины, лѣтомъ иногда я ѣзжу туда отдохнуть. Передъ домомъ я велѣла сдѣлать большой скверъ, знаете, эдакъ на англійскій манеръ, покрытый дерномъ. Въ запрошлый годъ пріѣзжаю я туда; представьте себѣ: часовъ въ шесть утромъ слышу я страшный трескъ барабановъ; лежу ни живая, ни мертвая въ постели; все ближе да ближе; звоню, прибѣжала моя калмычка.—Что, мать моя, это случилось?—спрашиваю я,—шумъ какой?—Да это, говоритъ, Михаилъ Павловичъ ¹⁾ изволилъ солдатъ учить.—Гдѣ это?—На нашемъ дворѣ.—Понравился скверъ,—гладко и зелено! Представьте себѣ, дама живетъ, старуха, больная, а онъ въ шесть часовъ въ барабанъ... Ну, думаю, это—пустяки. «Позови дворецкаго». Пришелъ дворецкій; я ему говорю: ты сейчасъ вели заложить телѣжку да поѣзжай въ Петербургъ и найми сколько найдешь бѣлоруссовъ, да чтобъ завтра и начали копать прудъ. Ну, думаю, авось, *навалнаю* ученія не дадутъ подъ моими окнами. Все это невоспитанные люди!..

... Естественно, что я прямо отъ графа Строганова поѣхалъ къ Ольгѣ Александровнѣ и разсказалъ ей все случившееся.

— Господи, какія глупости, часъ отъ часу не легче,—замѣтила она, выслушавши меня. Какъ это можно съ фамиліей ташиться въ ссылку изъ такихъ пустяковъ! Дайте, я переговорю съ Орловымъ; я рѣдко его о чемъ-нибудь прошу,—они всѣ не любятъ этого; ну, да иной разъ можетъ же сдѣлать что-нибудь. Побывайте-ка у меня денька черезъ два, я вамъ отвѣтъ сообщу.

Черезъ день утромъ она прислала за мной. Я засталъ у нея нѣсколько человекъ гостей. Она была повязана бѣлымъ батистовымъ платкомъ, вмѣсто чепчика,—это обыкновенно было при знакомѣ, что она не въ духѣ; шурила глаза и не обращала почти никакого вниманія на тайныхъ совѣтниковъ и явныхъ генераловъ, приходившихъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

Одинъ изъ гостей съ предовольнымъ видомъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и, подавая ее Ольгѣ Александровнѣ, сказалъ:

— Я вамъ привезъ вчерашній рескриптъ князю Петру Михайловичу ²⁾, можетъ, вы не изволили еще читать?

Слышала ли она или нѣтъ, я не знаю, но только она взяла

¹⁾ Великій князь.

²⁾ Волконскій.

бумагу, развернула ее, надѣла очки и, морщась, съ страшными усилиями, прочла: «Кня—зь, Пе—тръ, Ми—хайло—вичъ!»... Что вы это мнѣ даете?... А?... Это не ко мнѣ?

— Я вамъ докладывалъ-съ, это рескриптъ..

— Боже мой, у меня глаза болятъ, я не всегда могу читать письма, адресованныя ко мнѣ, а вы заставляете чужія письма читать.

— Позвольте, я прочту... я, право, не подумалъ.

— И, полноте, что трудиться понапрасну, какое мнѣ дѣло до ихъ переписки; доживаю кое-какъ послѣдніе дни, совсѣмъ не тѣмъ голова занята.

Господинъ улыбнулся, какъ улыбаются люди, попавшіе въ просякъ, и положилъ рескриптъ въ карманъ.

Видя, что Ольга Александровна въ дурномъ расположении духа и въ очень воинственномъ, гости одинъ за другимъ откланялись. Когда мы остались одни, она сказала мнѣ:

— Я просила васъ сюда зайти, чтобъ сказать вамъ, что я на старости лѣтъ дурой сдѣлалась: наобѣщала вамъ, да ничего и не сдѣлала; не спросясь броду-то и ненадобно соваться въ воду; знаете, по мужицкой пословицѣ?.. Говорила вчера съ Орловымъ объ вашемъ дѣлѣ,—и не ждите ничего...

Въ это время офиціантъ доложилъ, что графиня Орлова пріѣхала.

— Ну, это ничего, свои люди, сейчасъ доскажу.

Графиня, красивая женщина и еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подошла къ рукѣ и освѣдомилась о здоровьѣ, на что Ольга Александровна отвѣчала, что чувствуетъ себя очень дурно; потомъ, назвавши меня, прибавила ей:

— Ну, сядь, сядь, другъ мой. Что дѣтки, здоровы?

— Здоровы.

— Ну, слава Богу; извини меня, я вотъ рассказываю о вчерашнемъ... Такъ вотъ, видите, я говорю ей мужу-то: что бы тебѣ сказать государю, ну, какъ это пустяки такіе дѣлаютъ? Куда ты! руками и ногами уперся; это, говоритъ, по части Бенкендорфа; съ нимъ, пожалуй, я переговорю, а докладывать государю не могу: онъ не любить, да у насъ это и не заведено.—Что же это за чудо, говорю я ему, поговорить съ Бенкендорфомъ? Я это и сама умѣю. Да и онъ-то что ужъ изъ ума выжилъ, самъ не знаетъ, что дѣлаетъ? все актриски на умѣ,—кажется, ужъ и не подѣлаетъ волочиться; а тутъ какой-нибудь секретаришка у него дѣлаетъ доносы всякіе, а онъ и подаетъ. Что же онъ сдѣлаетъ? Нѣтъ, ужъ ты лучше, говорю, не срами себя, что же тебѣ просить

Бенкендорфа, онъ же все и напакостилъ.—У насъ, говорить, ужъ такъ заведено, и пошелъ мнѣ тутъ разсказывать... Ну, вижу, что онъ просто боится итти къ государю... Что онъ у васъ это, звѣрь, что-ли, какой, что подойти страшно? и какъ же всякій день вы его пять разъ видите?—молвила я да такъ и махнула рукой,—поди съ ними, толкуй. Посмотрите,—прибавила она, указывая мнѣ на портретъ Орлова,—экой бравый представлень какой, а боится слово сказать!

Вмѣсто портрета, я не могъ удержаться, чтобъ не посмотрѣть на графиню Орлову. Положеніе ея было не изъ самыхъ пріятныхъ. Она сидѣла, улыбаясь, и иногда взглядывала на меня, какъ бы говоря: лѣта имѣютъ свои права, старушка раздражена; но, встрѣчая мой взглядъ, не подтверждавшій того, она дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ меня. Въ рѣчь она не вступала, и это было очень умно. Ольгу Александровну унять было бы трудно; у старухи разгорѣлись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтобъ вихрь пронесся черезъ голову.

— Вѣдь, это, чай, у васъ тамъ, гдѣ вы это были, въ этой въ Вологдѣ, писаря думаютъ: графъ Орловъ—случайный человѣкъ, въ силѣ... Все это—взоръ, это подчиненные его, небось, распускаютъ слухъ. Всѣ они не имѣютъ никакого вліянія; они не такъ себя держатъ и не на такой ногѣ, чтобъ имѣть вліяніе... Вы уже меня простите, взялась не за свое дѣло. Знаете, что я вамъ посоветую? Что вамъ въ Новгородъ ѣздить! Поѣзжайте лучше въ Одессу, подальше отъ нихъ и городъ почти иностранный да и Воронцовъ ¹⁾, если не испортился, человѣкъ другого «режиму».

Довѣріе къ Воронцову, который тогда былъ въ Петербургѣ и всякій день ѣздилъ къ Ольгѣ Александровнѣ, не вполнѣ оправдалось; онъ хотѣлъ меня взять съ собой въ Одессу, *если* Бенкендорфъ изъявитъ согласіе.

...Между тѣмъ, прошли мѣсяцы, прошла и зима; никто мнѣ не напоминалъ объ отъѣздѣ, меня забыли, и я ужъ перестала быть *sur le qui vive* ²⁾, особенно послѣ слѣдующей встрѣчи. Вологодскій военный губернаторъ Бологовской ³⁾ былъ тогда въ Петербургѣ; очень короткій знакомый моего отца, онъ довольно любилъ меня, и я бывалъ у него иногда. Онъ участвовалъ въ убійствѣ Павла, будучи молодымъ семеновскимъ офицеромъ, и потомъ былъ замѣшанъ въ непонятное и необъясненное дѣло Сперанскаго въ 1812 году.

¹⁾ Свѣтл. князь Михаилъ Семеновичъ.

²⁾ Насторожѣ.

³⁾ Дмитрій Николаевичъ, губернаторъ съ 1836 г. до 30 декабря 1840 г., а затѣмъ сенаторъ.

Онъ былъ тогда полковникомъ въ дѣйствующей арміи, его вдругъ арестовали, свезли въ Петербургъ, потомъ сослали въ Сибирь. Онъ не успѣлъ доѣхать до мѣста, какъ Александръ простилъ его, и онъ возвратился въ свой полкъ. Разъ весною прихожу я къ нему; спиною къ дверямъ въ большихъ креслахъ сидѣлъ какой-то генералъ, мнѣ не было видно его лица, а только одинъ серебряный эполетъ.

— Позвольте мнѣ представить,—сказалъ Бологовской, и тутъ я разглядѣлъ Дубельта.

— Я давно имѣю удовольствіе пользоваться вниманіемъ Леонтія Васильевича,—сказалъ я улыбаясь.

— Вы скоро ѣдете въ Новгородъ?—спросилъ онъ меня.

— Я полагаю, что мнѣ надобно у васъ спросить объ этомъ.

— Ахъ, помилуйте, я совсѣмъ не думалъ напоминать вамъ, я васъ просто такъ спросилъ. Мы васъ передали съ рукъ на руки графу Строганову и не очень торопимъ, какъ видите; сверхъ того, такая законная причина, какъ болѣзнь вашей супруги... (Учтивѣйшій въ мірѣ человѣкъ!)

Наконецъ, въ началѣ іюня я получилъ сенатскій указъ объ утвержденіи меня совѣтникомъ новгородскаго губернскаго правленія. Графъ Строгановъ думалъ, что пора отправляться, и я явился около 1 іюля ¹⁾ въ Богомъ и св. Софіей хранимый градъ Новгородъ и поселился на берегу Волхова, противъ самаго того кургана, откуда вольтеріанцы XII столѣтія бросили въ рѣку чудотворную статую Перуна ²⁾.

¹⁾ 2-го.

²⁾ Квартира Герцена была въ кварталѣ храма св. Софіи, домъ Шелякина.

ГЛАВА XXVII.

Губернское правленіе. — Я у себя подъ надзоромъ.—Духоборцы и Павелъ.—
Отецеская власть помѣщиковъ и помѣщицъ.—Графъ Аракчеевъ и военныя
поселенія. — Каннибальское слѣдствіе.—Отставка.

Передъ моимъ отъѣздомъ графъ Строгановъ сказалъ мнѣ, что новгородскій военный губернаторъ *Елпидифоръ Антоховичъ* Зуровъ въ Петербургѣ, что онъ говорилъ ему о моемъ назначеніи, и совѣтовалъ съѣздить къ нему. Я нашелъ въ немъ довольно простаго и добродушнаго генерала очень армейской наружности, небольшого роста и среднихъ лѣтъ ¹⁾. Мы поговорили съ нимъ съ полчаса, онъ привѣтливо проводилъ меня до дверей, и тамъ мы разстались.

Пріѣхавши въ Новгородъ, я отправился къ нему,—переменная декорацийъ была удивительна. Въ Петербургѣ губернаторъ былъ въ гостяхъ, здѣсь—дома; онъ даже ростомъ, казалось мнѣ, былъ больше въ Новгородѣ. Не вызванный ничѣмъ съ моей стороны, онъ счелъ нужнымъ сказать, что онъ не терпитъ, чтобъ совѣтники подавали голосъ или оставались бы письменно при своемъ мнѣніи; что это задерживаетъ дѣла; что, если что не такъ, то можно переговорить, а какъ на *мнѣнія* пойдетъ, то тотъ или другой долженъ выйти въ отставку. Я, улыбаясь, замѣтилъ ему, что меня трудно испугать отставкой, что отставка—единственная цѣль моей службы, и прибавилъ, что пока горькая необходимость заставляетъ меня служить въ Новгородѣ, я, вѣроятно, не буду имѣть случая подавать своихъ мнѣній.

¹⁾ Родился въ 1797 г.; новгородскимъ воен. губернаторомъ назначенъ былъ изъ отставки въ 1839 г.

Разговора этого было совершенно достаточно для обоих. Выходя отъ него, я рѣшилъ не сближаться съ нимъ. Сколько я могъ замѣтить, впечатлѣніе, произведенное мною на губернатора, было въ томъ же родѣ, какъ то, которое онъ произвелъ на меня, т.-е. мы настолько терпѣть не могли другъ друга, насколько это возможно было при такомъ недавнемъ и поверхностномъ знакомствѣ ¹⁾).

Когда я присмотрѣлся къ дѣламъ губернскаго правленія, я увидѣлъ, что мое положеніе не только очень непріятно, но чрезвычайно опасно. Каждый совѣтникъ отвѣчалъ за свое отдѣленіе и дѣлилъ отвѣтственность за всѣ остальные. Читать бумаги по всѣмъ отдѣленіямъ было рѣшительно невозможно, надобно было подписывать на вѣру. Губернаторъ, послѣдовательный своему мнѣнію, что совѣтникъ никогда не долженъ совѣтовать, подписывалъ, противно смыслу и закону, первый послѣ совѣтника того отдѣленія, по которому было дѣло. Лично для меня это было превосходно: въ его подписи я находилъ нѣкоторую гарантію, потому что онъ дѣлилъ отвѣтственность и потому еще, что онъ часто, съ особеннымъ выраженіемъ, говорилъ о своей высокой честности и робеспьеровской неподкупности. Что касается до подписей другихъ совѣтниковъ, онѣ мало успокаивали. Люди эти были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили они одной службой, т.-е. однѣми взятками. Пеняť на это нечего; совѣтникъ, помнится, получалъ 1,200 руб. асс. въ годъ; семейному человѣку продовольствоваться этимъ невозможно. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общиѣ добычѣ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля. Они не очень сближались со мной, особенно, когда разглядѣли, что между мной и губернаторомъ дружба была очень умѣренная. Другъ друга они берегли и предостерегали, до меня имъ дѣла не было ²⁾).

Къ тому же мои почтенные сослуживцы не боялись большихъ денежныхъ взысканій и начѣтовъ, потому что у нихъ ничего не было. Они могли рисковать, и тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе было дѣло; будетъ ли начѣтъ въ 500 рублей или въ 500.000, для нихъ было все равно. Доля жалованія шла, въ случаѣ начѣта, на уплату

¹⁾ Въ «Рус. біографическомъ словарѣ» Зуровъ выставленъ съ очень положительной стороны; это—особенность большинства томовъ изданія: отгнать людей въ противоположность ихъ жизни и дѣятельности.

²⁾ Должности совѣтниковъ занимали: въ 1839—40 гг. Стахіѣ Ефимовичъ Поповъ и Яковъ Ивановичъ Самсоновъ, а съ 1841 г. еще и Василій Васильевичъ Хлопинъ.

казнѣ и могла длиться двѣсти - триста лѣтъ, если-бъ чиновникъ дѣлся такъ долго. Обыкновенно или чиновникъ умиралъ или государь, и тогда наслѣдникъ на радостяхъ прощалъ долги. Такіе манифесты являются часто и при жизни того же государя, по поводу рожденія, совершеннолѣтія и всякой всячины,—они на нихъ считали. У меня же, напротивъ, захватили бы ту часть имѣнія и тотъ капиталъ, который отецъ мой отдѣлилъ мнѣ.¹²

Если-бъ я могъ положиться на своихъ столоначальниковъ, дѣло было бы легче. Я сдѣлалъ многое для того, чтобъ привязать ихъ, обращался учтиво, помогалъ имъ денежно и довелъ только до того, что они перестали меня слушаться; они только боялись совѣтниковъ, которые обращались съ ними, какъ съ мальчишками, и стали вполпьяно приходиться на службу. Это были бѣднѣйшіе люди, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ надеждъ; вся поэтическая сторона ихъ существованія ограничивалась маленькими трактирами и настойкой. По своему отдѣленію, стало быть, приходилось тоже быть насторожѣ.

Сначала губернаторъ мнѣ далъ IV отдѣленіе,—тутъ откупныя дѣла и всякія денежныя. Я просилъ его переимѣнить, онъ не хотѣлъ, говорилъ, что не имѣетъ права переимѣнить безъ воли другаго совѣтника. Я въ присутствіи губернатора спросилъ совѣтника II отдѣленія, онъ согласился, и мы помѣнялись. Новое отдѣленіе было меньше заманчиво; тамъ были паспорта, всякіе циркуляры, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ.

Нелѣпѣе, глупѣе ничего нельзя себѣ представить; я увѣренъ что три четверти людей, которые прочтутъ это, не повѣрятъ¹⁾, а между тѣмъ, это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапортъ полицмейстера *о самомъ себѣ*, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ поведенія ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: «занимается государственной службой». Вотъ до какихъ геркулесовскихъ столповъ безумія можно доправиться, имѣя двѣ-три позиціи, враждебныя другъ другу, кан-

¹⁾ Это до такой степени справедливо, что какой-то нѣмецъ, разъ десять ругавшій меня въ «Morning Advertiser», приводилъ въ доказательство того, что я не былъ въ ссылкѣ, то, что я занимаю должность совѣтника губернскаго правленія. А. И. Г.

целярскія формы, вмѣсто законовъ, и фельдфебельскія понятія, вмѣсто правительственнаго ума ¹⁾).

Нелѣпость эта напоминаетъ мнѣ случай, бывшій въ Тобольскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гражданскій губернаторъ былъ въ ссорѣ съ вице-губернаторомъ; ссора шла на бумагахъ, они другъ другу писали всякія приказныя колкости и остроты. Вице-губернаторъ былъ тяжелый педантъ, формалистъ, добрякъ изъ семинаристовъ; онъ самъ составлялъ съ большимъ трудомъ свои *язвительные* отвѣты и, разумѣется, цѣлью своей жизни дѣлалъ эту ссору. Случилось, что губернаторъ уѣхалъ на время въ Петербургъ. Вице-губернаторъ занялъ его должность и въ качествѣ губернатора получилъ отъ себя дерзкую бумагу, посланную наканунѣ; онъ, не задумавшись, велѣлъ секретарю отвѣчать на нее, подписалъ отвѣтъ и, получивъ его, какъ вице-губернаторъ, снова принялся съ усиліями и напряженіями строчить самому себѣ оскорбительное письмо. Онъ считалъ это высокой честностью.

Съ полгода ²⁾ вытянулъ я ляжку въ губернскомъ правленіи; тяжело было и крайне скучно. Всякій день въ 11 часовъ утра налѣвалъ я мундиръ, прицѣплялъ статскую шпажонку и являлся въ присутствіе. Въ 12 приходилъ военный губернаторъ; не обращая никакого вниманія на совѣтниковъ, онъ шелъ прямо въ уголъ и тамъ ставилъ свою саблю, потомъ, посмотрѣвши въ окно и поправивъ волосы, онъ подходилъ къ своимъ кресламъ и кланялся присутствующимъ. Едва вахмистръ съ страшными сѣдыми усами, стоявшими перпендикулярно къ губамъ, торжественно отворялъ дверь, и брэнчанье сабли становилось слышно въ канцеляріи, совѣтники вставали и оставались, стоя въ согбенномъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока губернаторъ кланялся. Одно изъ первыхъ дѣйствій оппозиціи съ моей стороны состояло въ томъ, что я не принималъ участія въ этомъ соборномъ возстаніи и благочестивомъ ожиданіи, а спокойно сидѣлъ и кланялся ему тогда, когда онъ кланялся намъ.

Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, чтобъ совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣнія губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ къ совѣтникамъ съ дѣловымъ вопросомъ. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумаги, и каждый писалъ свое имя,—это была фабрика подписей.

¹⁾ Все это совершенно противорѣчитъ документамъ; вѣроятно, острожноичалъ съ Герценомъ владимірскій полицмейстеръ, зная объ очень близкихъ отношеніяхъ его къ Курутѣ и его семьѣ.

²⁾ Описка—полтора года.

Помня знаменитое изреченіе Талейрана, я не старался особенно блеснуть усердіемъ и занимался дѣлами насколько было нужно, чтобъ не получить замѣчанія или не попасть въ бѣду. Но въ моемъ отдѣленіи было два рода дѣлъ, на которыя я не считалъ себя въ правѣ смотрѣть такъ поверхностно, это были дѣла о раскольникахъ и о злоупотребленіи помѣщицъею властью.

У насъ раскольниковъ не постоянно гоняютъ; такъ, вдругъ *найдется* что-то на синодъ или на министерство вн. д., они и сдѣлаютъ набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую-нибудь общину, ограбятъ ее и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъ смысленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ оттуда объ опасности, остальные тотчасъ собираютъ деньги, прячутъ книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, даютъ выкупъ; тѣмъ дѣло и кончается лѣтъ на десять.

Въ Новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоборцевъ ¹⁾. Ихъ начальникъ, старый ямской голова, чуть ли не въ Зайцевѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика,—вѣроятно, съ цѣлю обратить его. Духоборцы, какъ квакеры, не снимаютъ шапки; съ покрытой головой взошелъ сѣдой старецъ къ гатчинскому императору. Этого онъ вынести не могъ. Мелкая и щепетильная обидчивость особенно поразительна въ Павлѣ и во всѣхъ его сыновьяхъ, кромѣ Александра; имѣя въ рукахъ дикую власть, они не имѣютъ даже того звѣринаго сознанія силы, которое удерживаетъ большую собаку отъ нападеній на маленькую.

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ?!—закричалъ Павелъ, отдуваясь, и со всѣми признаками бѣшеной ярости. — Ты знаешь меня?!

— Знаю,—отвѣчалъ спокойно раскольникъ,—ты Павелъ Петровичъ.

— Въ цѣли его, въ каторжную работу, въ рудники!—продолжалъ *рыцарственный* Павелъ. Старика схватили и императоръ велѣлъ *зажечь* съ четырехъ концовъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселеніе. На слѣдующей станціи кто-то изъ его приближенныхъ бросился къ его ногамъ и сказалъ ему, что онъ осмѣлился пріостановить исполненіе высочайшей воли и ждетъ, чтобъ онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрезвѣлъ и понялъ, что странно рекомендоваться народу, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники. Онъ велѣлъ синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Евфиміевскій

¹⁾ Духоборцевъ ли, я не увѣренъ. А. И. Г.

монастырь; онъ думалъ, что православные монахи домучать его лучше каторжной работы, но онъ забылъ, что наши монахи—не только православные, но—люди, любящіе деньги и водку, а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣютъ.

Старикъ прослылъ у дохоборцевъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣною золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельѣ, одѣтый весь въ бѣломъ, — его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили дозволеніе схоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до Новгородской губерніи. Одни духоборцы знаютъ, гдѣ онъ схороненъ; они увѣрены, что онъ при жизни имѣлъ уже даръ дѣлать чудеса и что его тѣло нетлѣнно.

Я все это слышалъ долею отъ владимірскаго губернатора И. Э. Куруты, долею отъ ямщиковъ въ Новгородѣ и, наконецъ, отъ посошника въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Теперь въ этомъ монастырѣ нѣтъ больше политическихъ арестантовъ, хотя тюрьма и наполнена разными попами, церковниками, непокорными сыновьями, на которыхъ жаловались родители, и пр. Архимандритъ, плечистый, высокій мужчина, въ мѣховой шапкѣ, показывалъ намъ тюремный дворъ. Когда онъ взошелъ, унтеръ-офицеръ съ ружьемъ подошелъ къ нему и рапортовалъ: «Вашему Преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно, арестантовъ столько-то». Архимандритъ въ отвѣтъ благословилъ его. Что за путаница!

Дѣла о раскольникахъ были такого рода, что всего лучше было ихъ совсѣмъ не подымать вновь; я ихъ просмотрѣлъ и оставилъ въ покоѣ. Напротивъ, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей властью слѣдовало сильно перетряхнуть; я сдѣлалъ все, что могъ, и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морского офицера. Это, кажется, единственная заслуга моя по служебной части.

Какая-то барыня держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ. Горничная просила разобрать ея права на вольность. Мой предшественникъ благоразумно придумалъ до рѣшенія дѣла оставить ее у помѣщицы въ полномъ повиновеніи. Мнѣ слѣдовало подписать; я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что незавидна будетъ судьба дѣвушки у ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастью, въ это время взошелъ губернской прокуроръ ¹⁾. Прокуроръ по общественному положенію, по служебнымъ отношеніямъ, по пуговицамъ на мундирѣ, долженъ быть врагомъ губернатора, по крайней мѣрѣ, во всемъ перечить ему. Я нарочно при немъ продолжалъ разговоръ; губернаторъ началъ сердиться, говорилъ, что все дѣло не стоитъ трехъ словъ. Прокурору было совершенно все равно, что будетъ и какъ будетъ съ просительницей, но онъ тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ св. законовъ. Губернаторъ, которому, въ сущности, еще больше было все равно, сказалъ мнѣ, насмѣшливо улыбаясь:

— Тутъ выходъ одинъ: или къ барынѣ, или въ острогъ.

— Разумѣется, лучше въ острогъ,—замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ, изображеннымъ въ сводѣ законовъ,—замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по-вашему,—сказалъ, еще болѣе смѣясь, губернаторъ:—услужили вы вашей *протее*; какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодаритъ васъ.

Я не продолжалъ пренія,—цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю.

Между нерѣшенными дѣлами моего отдѣленія была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буйствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣніи отставнаго морского офицера Струговщикова. Дѣло началось по просьбѣ его матери, потомъ крестьяне жаловались. Съ матерью онъ какъ-то поладилъ, а крестьянъ самъ обвинилъ въ намѣреніи его убить, не приводя, впрочемъ, никакихъ серьезныхъ доказательствъ. Между тѣмъ, изъ показаній его матери и дворовыхъ людей видно было, что человекъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства. Больше года дѣло это спало сномъ праведныхъ; справками и ненужными переписками можно всегда затянуть дѣло и потомъ, *почисливъ* рѣшеннымъ, сдать въ архивъ. Надо было сдѣлать представленіе въ сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя. Предводители обыкновенно отвѣчаютъ уклончиво, не желая потерять избирательный голосъ. Пустить дѣло въ ходъ совершенно зависѣло отъ моей воли, но надобенъ былъ *coup de grâce* ²⁾ предводителя.

¹⁾ Въ 1839 и 1840 гг. Павелъ Петровичъ Гриневичъ, въ 1841 г. Ѳедоръ Васильевичъ Головковъ.

²⁾ Послѣдній ударъ.

Новгородскій предводитель ¹⁾, милиціонный дворянинъ, съ владимірской медалью, встрѣчаясь со мной, чтобъ заявить начитанность, говорилъ книжнымъ языкомъ до-карамзинскаго періода; указывая разъ на памятникъ, который новгородское дворянство воздвигнуло *самоу себѣ* въ награду за патріотизмъ въ 1812 г., онъ какъ-то съ чувствомъ отзывался о «такъ сказать, трудной, священной и тѣмъ не менѣ лестной» обязанности предводителя.

Все это было въ мою пользу.

Предводитель пріѣхаль въ губернское правленіе для свидѣтельства въ сумасшествіи какого-то церковника; послѣ того, какъ всѣ председатели всѣхъ палатъ истожили весь запасъ глупыхъ вопросовъ, по которымъ сумасшедшій могъ заключить объ нихъ, что и они не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и церковника возвели окончательно въ должность безумнаго, я отвелъ предводителя въ сторону и рассказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса и кончилъ тѣмъ, что отозвался объ морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, «кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства».

— Вѣроятно,—сказалъ я,—вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель, взятый врасплохъ, общалъ отвѣчать по совѣсти, прибавивъ, «что честь и правдивость—безпремѣнные атрибуты росейскаго дворянства».

Сомнѣваясь немного въ безпремѣнности этихъ атрибутовъ, я таки пустилъ дѣло въ ходъ; предводитель сдержалъ слово. Дѣло пошло въ сенатъ, и я помню очень хорошо ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ, назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи. Морякъ былъ увѣренъ, что дѣло кончено, и, какъ громомъ пораженный, явился послѣ указа въ Новгородъ. Ему тотчасъ сказали, какъ что было; яростный офицеръ собирался напасть на меня изъ-за угла, подкупить бурлаковъ и сдѣлать засаду, но, непривычный къ сухопутнымъ кампаніямъ, мирно скрылся въ какой-то уѣздный городъ. ¹³

По несчастію, «атрибутъ» звѣрства, разврата и неистовства съ дворовыми и крестьянами является «безпремѣннѣе» правдивости и чести у нашего дворянства. Конечно, небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ не дерется съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣчетъ всякій день, да и то между ними бываютъ «Пѣночкины» ²⁾,

¹⁾ Николай Ивановичъ Бѣлавинъ.

²⁾ Помѣщикъ въ разсказѣ Тургенева «Бурмистръ».

остальные не далеко ушли еще отъ Салтычихи ¹⁾ и американскихъ плантаторовъ.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ переписку псковскаго губернскаго правленія о какой-то помѣщицѣ Ярыжиной. Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей, между прочимъ, свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительнѣйшія наказанія: била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ.

Не знаю, что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя. Она поставила ее на колѣни на дрань или на тесницы, въ *которыхъ были набиты гвозди*. Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ валькомъ и, когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну; по счастью, его не было въ людской, барыня вышла, а дѣвушка, полубезумная отъ боли, окровавленная, въ одной рубашкѣ, бросилась на улицу и въ частный домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ; полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени, наконецъ, судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро: позвать мужа Ярыжиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое, оставя въ подозрѣніи, что она способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской... ихъ впредь не наказывать. На этомъ основаніи барынь отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіе дѣла содержалась гдѣ-то..

Дѣвушка, перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой; дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ переслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чиновника. Вѣроятно, средства Ярыжиной не шли до подкупа столичныхъ, министерскихъ и жандармскихъ, слѣдопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица отправилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку, всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ; чѣмъ ихъ дѣло кончилось, не знаю.

Я въ другомъ мѣстѣ ²⁾ рассказалъ о человѣкѣ, засѣченномъ княземъ Трубецкимъ, и о камергерѣ Базилевскомъ, высѣченномъ своими людьми. Прибавлю еще одну дамскую исторію.

Горничная жены пензенскаго жандармскаго полковника несла чайникъ, полный кипяткомъ; дитя ея барыни, бѣжавши, нат-

¹⁾ Дарья Николаевна Салтыкова, извѣстная въ концѣ XVIII ст. своимъ выдающимся звѣрствомъ съ крѣпостными.

²⁾ «Крещеная собственность». А. И. Г. ⁹⁾.

⁹⁾ Ошибка—о Трубецкомъ въ «Русскомъ крѣпостничествѣ», № 706.

кнулся на горничную, и та пролила кипятокъ; ребенокъ былъ обваренъ. Барыня, чтобъ отмстить той же монетой, велѣла привести ребенка горничной и обварила ему руку изъ самовара... Губернаторъ Панчулидзевъ, узнавъ объ этомъ чудовищномъ происшествіи, душевно жалѣлъ, что находится въ деликатномъ отношеніи съ жандармскимъ полковникомъ и что, вслѣдствіе этого, считаетъ неприличнымъ начать дѣло, которое могутъ счесть за личность!

А тутъ чувствительныя сердца и начнутъ удивляться, какъ мужики убиваютъ помѣщиковъ съ цѣлыми семьями, какъ въ Старой-Руссѣ солдаты военныхъ поселеній избили всѣхъ русскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ русскихъ.

Въ переднихъ и дѣвичьихъ, въ селахъ и полицейскихъ застѣнкахъ схоронены цѣлые мартирологи страшныхъ злодѣйствъ; воспоминаніе объ нихъ бродитъ въ душѣ и поколѣніями назрѣваетъ въ кровавую, беспощадную месть, которую *предупредить леико*, а остановить врядъ возможно ли будетъ.

Старая-Русса, военныя поселенія—страшныя имена! Неужели исторія, впередъ закупленная аракчеевской на-водкой ¹⁾, никогда не отдернетъ саванъ, подъ которымъ правительство спрятало рядъ злодѣйствъ, холодно, систематически совершенныхъ при введеніи поселеній? Мало ли ужасовъ было вездѣ, но тутъ прибавился особый характеръ, петербургско-гатчинскій, нѣмецко-татарскій. Мѣсяцы цѣлые продолжалось *забиваніе палками* и *застѣканіе розгами* непокорныхъ; полъ не просыхалъ отъ крови въ земскихъ избахъ и канцеляріяхъ... Всѣ преступленія, могущія случиться на этомъ клочкѣ земли со стороны народа противъ палачей, оправданы впередъ!

Монгольская сторона московскаго періода, исказившая славянскій характеръ русскихъ, фухтельное безчеловѣчье, исказившее петровскій періодъ, воплотилось во всей роскоши безобразія въ графѣ Аракчеевѣ. Аракчеевъ, безъ сомнѣнія, — одно изъ самыхъ гнусныхъ лицъ, всплывшихъ послѣ Петра I на вершины русскаго правительства; этотъ

«Холопъ вѣнчаннаго солдата»,

какъ сказалъ объ немъ Пушкинъ, былъ идеаломъ образцоваго капрала, такъ, какъ онъ носился въ мечтахъ отца Фридриха II: нечеловѣческая преданность, механическая исправность, точность хронометра, никакого чувства, рутина и дѣятельность, ровно столько ума, сколько нужно для исполнителя, и ровно столько честолюбія,

¹⁾ Аракчеевъ положилъ, кажется, 100.000 р. въ ломбардъ для выдачи черезъ сто лѣтъ съ процентами тому, кто напишетъ лучшую исторію Александра I. А. И. Г.

зависти, желчи, чтобъ предпочитать власть деньгамъ. Такіе люди — кладъ для царей. Только мелкой злопамятностью Николая и можно объяснить, что онъ не употребилъ никуда Аракчеева, а ограничился его подмастерьями.

Павелъ открылъ Аракчеева по сочувствію. Александръ, пока еще у него былъ стыдъ, не очень приближалъ его; но, увлеченный фамиліной страстью къ выправкѣ и фронту, онъ ввѣрилъ ему походную канцелярію. О побѣдахъ этого генерала-отъ-артиллеріи мы мало слышали ¹⁾; онъ исполнялъ больше статскія должности въ военной службѣ, его сраженія давались на солдатской спинѣ, его враги приводились къ нему въ цѣпяхъ, они впередъ были побѣждены. Въ послѣдніе годы Александра Аракчеевъ управлялъ всей Россіей. Очъ мѣшался во все, на все имѣлъ право и бланковыя подписи. Разслабленный и впадавшій въ мрачную меланхолію, Александръ поколебался немного между кн. А. Н. Голицынымъ и Аракчеевымъ и, естественно, склонился окончательно на сторону послѣдняго.

Во время таганрогской поѣздки Александра, въ имѣніи Аракчеева, въ Грузинѣ, дворовые люди убили любовницу графа ²⁾; это убійство подало поводъ къ тому слѣдствію, о которомъ съ ужасомъ до сихъ поръ, т. е. черезъ семнадцать лѣтъ, говорятъ чиновники и жители Новгорода.

Любовница Аракчеева, шестидесятилѣтняго старика, его крѣпостная дѣвка, тѣснила дворню, дралась, ябедничала, а графъ по ролъ по ея доносамъ. Когда всякая мѣра терпѣнія была перейдена, поваръ ее зарѣзалъ. Преступленіе было такъ ловко сдѣлано, что никакихъ слѣдовъ виновника не было.

Но виновный былъ нуженъ для мести нѣжнаго старика; онъ бросилъ дѣла всей имперіи и прискакалъ въ Грузино. Середь пытокъ и крови, середь стона и предсмертныхъ криковъ, Аракчеевъ, повязанный окровавленнымъ платкомъ, снятымъ съ трупа наложницы, писалъ къ Александру чувствительныя письма, и Александръ отвѣчалъ ему: «Пріѣзжай отдохнуть на груди твоего друга отъ твоего несчастія». Должно быть, баронетъ Вилліе ³⁾ былъ правъ, что у императора передъ смертью вода разлилась въ мозгу.

¹⁾ Аракчеевъ былъ жалкій трусъ, объ этомъ говоритъ графъ Толь въ своихъ «Запискахъ» и статсъ-секретарь Марченко въ небольшомъ разсказѣ о 14 декабря, помѣщенномъ въ «Полярной Звѣздѣ». Я слышалъ о томъ, какъ онъ спрятался во время старо-русскаго возстанія и какъ былъ безъ души отъ страха, отъ инженернаго генерала Рейхеля *). А. Н. Г.

²⁾ Анастасія Минкина.

³⁾ Лейбъ-хирургъ.

*) Казиміръ Яковлевичъ, жилъ въ Новгородѣ.

Но виновные не открывались: русскій человекъ удивительно умѣетъ молчать.

Тогда совершенно бѣшенный, Аракчеевъ явился въ Новгородъ, куда привели толпу мучениковъ. Желтый и почернѣлый, съ безумными глазами и все еще повязанный кровавымъ платкомъ, онъ началъ новое слѣдствіе; тутъ эта исторія принимаетъ чудовищные размѣры. Человекъ восемьдесятъ были захвачены вновь. Въ городѣ брали людей по одному слову, по малѣйшему подозрѣнію, за дальнее знакомство съ какимъ-нибудь лакеемъ Аракчеева, за неосторожное слово. Проѣзжіе были схвачены и брошены въ острогъ; купцы, писаря ждали по недѣлямъ въ части допроса. Жители прятались по домамъ; боялись ходить по улицамъ; о самой исторіи никто не осмѣливался поминать.

Клейнмихель¹⁾, служившій при Аракчеевѣ, участвовалъ въ этомъ слѣдствіи...

Губернаторъ превратилъ свой домъ въ застѣнокъ, съ утра до ночи возлѣ его кабинета пытали людей. Старо-русскій исправникъ, человекъ, привычный къ ужасамъ, наконецъ, изнемогъ и, когда ему велѣли допрашивать подъ розгами молодую женщину, беременную во второй половинѣ, у него неостало силъ. Онъ взошелъ къ губернатору—это было при старикѣ Поповѣ²⁾, который мнѣ рассказывалъ—и сказалъ ему, что эту женщину невозможно съчь, что это прямо противно закону; губернаторъ вскочилъ съ своего мѣста и, бѣшенный отъ злобы, бросился на исправника съ *поднятымъ кулакомъ*: «Я васъ сейчасъ велю арестовать, я васъ отдамъ подъ судъ, вы—*измѣтнники!*». Исправникъ былъ арестованъ и подалъ въ отставку; душевно жалѣю, что не знаю его фамиліи—да будутъ ему прощены его прежніе грѣхи за эту минуту, скажу просто, геройства: съ такими разбойниками вовсе была не шутка показать человеческое чувство.

Женщину пытали, она ничего не знала о дѣлѣ, однакожь, умерла.

Да и «Благословенный» Александръ умеръ. Не зная, что будетъ далѣе, эти изверги сдѣлали послѣднее усиліе и добрались до виновнаго; его, разумѣется, приговорили къ кнуту. Середь торжества слѣдопроизводителей пришелъ приказъ Николая отдать ихъ подъ судъ и остановить все дѣло.

Губернатора велѣно было судить сенату³⁾,—оправдать его

¹⁾ Пегръ Андреевичъ.

²⁾ Совѣтникъ губернскаго правленія, сослуживецъ Герцена.

³⁾ Чрезвычайно досадно, что я забылъ имя этого достойнаго начальника губерніи; помнится, его фамилія Жеребцовъ⁴⁾. А. И. Г.

⁴⁾ Дмитрій Сергѣевичъ, губернаторъ 1818—1825 гг.

даже тамъ нельзя было. Но Николай издалъ милостивый манифестъ послѣ коронаціи; подъ него не подошли друзья Пестеля и Муравьева ¹⁾),—подъ него подошелъ этотъ мерзавецъ. Черезъ два-три года онъ же былъ судимъ въ Тамбовѣ за злоупотребленіе властью въ своемъ имѣніи; да, онъ *подошелъ* подъ манифестъ Николая— онъ былъ ниже его.

Въ началѣ 1842 года я былъ до невозможности утомленъ губернскимъ правленіемъ и придумывалъ предлогъ, какъ бы отдѣлаться отъ него. Пока я выбиралъ то одно, то другое средство, случай совершенно внѣшній рѣшилъ за меня.

Разъ въ холодное зимнее утро пріѣзжаю я въ правленіе. Въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидавши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мной на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея Мусинъ-Пушкинъ ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ 10 оставался; она умоляла дозволить ей взять съ собой дитя. Пока она мнѣ рассказывала дѣло, взошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ ея просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать, не понимая глупаго закона, продолжала просить; ему было скучно, женщина, рыдая, цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: «да что ты за дура такая! вѣдь, по-русски тебѣ говорю, что я ничего не могу сдѣлать, что же ты пристаешь?!». Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголь, гдѣ ставилъ саблю.

И я пошелъ... Съ меня было довольно... Развѣ эта женщина не приняла меня за *одного изъ нихъ*? Пора кончить комедію.

— Вы нездоровы?—спросилъ меня совѣтникъ Хлопинъ, переведенный изъ Сибири за какіе-то грѣхи. ¹⁴

— Болень,—отвѣчалъ я, всталъ, раскланялся и уѣхалъ. Въ тотъ же день написалъ я рапортъ о моей болѣзни, и съ тѣхъ поръ нога моя не была въ губернскомъ правленіи. Потомъ я подалъ въ отставку «за болѣзнью». Отставку мнѣ сенатъ далъ, присовокупивъ къ ней чинъ *надворнаго совѣтника*; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запрещенъ вѣздъ въ столицу и велѣно жить въ Новгородѣ.

Огаревъ, возвратившійся изъ первой поѣздки за границу, принялся хлопотать въ Петербургѣ, чтобъ намъ было разрѣшено перѣѣхать въ Москву. Я мало вѣрилъ успѣху такого протектора и

¹⁾ Двое изъ пяти повѣшенныхъ декабристовъ.

страшно скучалъ въ дрянномъ городишкѣ съ огромнымъ историческимъ именемъ. Между тѣмъ, Огаревъ все обдѣлалъ. 1 июля 1842 г. императрица, пользуясь семейнымъ праздникомъ ¹⁾, просила государя разрѣшить мнѣ жительство въ Москвѣ, взявъ во вниманіе болѣзнь моей жены и ея желаніе переѣхать туда. Государь согласился, и черезъ три дня моя жена получила отъ Бенкендорфа письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что мнѣ разрѣшено сопровождать ее въ Москву, вслѣдствіе предстательства государыни. Онъ заключилъ письмо пріятнымъ извѣщеніемъ, что полицейскій надзоръ будетъ продолжаться и тамъ ²⁾.

Новгородъ я оставлялъ безъ всякаго сожалѣнія и торопился какъ можно скорѣе уѣхать. Впрочемъ, при разлукѣ съ нимъ, случилось чуть ли не единственно пріятное происшествіе въ моей Новгородской жизни.

У меня не было денегъ, ждаты изъ Москвы я не хотѣлъ, а потому и поручилъ Матвѣю сыскать мнѣ тысячи полторы р. асс. Матвѣй черезъ часъ явился съ содержателемъ гостиницы Гибинымъ, котораго я зналъ и у котораго въ гостиницѣ жилъ съ недѣлю ³⁾. Гибинъ, толстый купецъ съ добродушнымъ видомъ, кланяясь, подалъ пачку ассигнацій.

— Сколько желаете процентовъ?—спросилъ я его.

— Да я, видите,—отвѣчалъ Гибинъ,—этимъ дѣломъ не занимаюсь и въ припентъ денегъ не даю, а такъ какъ слышанъ отъ Матвѣя Савельевича, что вамъ нужны деньги на мѣсяць, на другой, а мы вами очень довольны, а деньги, слава Богу, свободныя есть,—я и принесъ.

Я поблагодарилъ его и спросилъ, что онъ желаетъ: простую расписку или вексель? Но Гибинъ и на это отвѣчалъ:

— Дѣло излишнее, я вашему слову вѣрю больше, чѣмъ гербовой бумагѣ.

— Помилуйте, да, вѣдь, могу же я умереть?

— Ну, такъ къ горести объ вашей кончинѣ,—прибавилъ Гибинъ смѣясь,—не много прибудетъ отъ потери денегъ.

Я былъ тронутъ и, вмѣсто расписки, горячо пожалъ ему руку. Гибинъ, по русскому обычаю, обнялъ меня и сказалъ:

— Мы, вѣдь, все смекаемъ, знаемъ, что служили-то вы поневолѣ и что вели себя не то, что другіе, прости Господи, чиновники,

¹⁾ День «серебряной свадьбы» государя.

²⁾ Въ комментаріяхъ къ № 505 приведенные выше факты изложены правильно. 18

³⁾ По приѣздѣ въ Новгородъ.

и за нашего брата и за черный народъ заступались, вотъ я и радъ, что потрафился случай сослужить службу.

Когда мы поздно вечеромъ выѣзжали изъ города, ямщикъ осадилъ лошадей противъ гостиницы, и тотъ же Гибинъ подалъ мнѣ на дорогу тортъ величиною съ колесо...

Вотъ моя «пряжка за службу!».

ГЛАВА XXVIII.

Grübeleî.—Москва послѣ ссылки.—Покровское.—Смерть Матвѣя.—
Іерей Іоаннъ.

Жизнь наша въ Новгородѣ шла нехорошо. Я пріѣхалъ туда не съ самоотверженіемъ и твердостью, а съ досадой и озлобленіемъ. Вторая ссылка съ своимъ пошлымъ характеромъ раздражала больше, чѣмъ огорчала; она не была до того несчастна, чтобы поднять духъ, а только дразнила, въ ней не было ни интереса новости, ни раздраженія опасности. Одного губернскаго правленія съ своимъ Елпидифоромъ, Антіоховичемъ Зуровымъ, совѣтникомъ Хлопинымъ и вице-губернаторомъ Пименомъ Араповымъ¹⁾, было заглаза довольно, чтобы отравить жизнь.

Я сердился; грустное расположеніе брало верхъ у Natalie. Нѣжная натура ея, привыкнущая въ дѣтствѣ къ печали и слезамъ, снова отдавалась себя-буравящей тоскѣ. Она долго останавливалась на мучительныхъ мысляхъ, легко пропуская все свѣтлое и радостное. Жизнь становилась сложнѣе, струнъ было больше, а съ ними и больше тревоги. Вслѣдъ за болѣзью Саши,—испугъ III Отдѣленія, несчастные роды, смерть младенца. Смерть младенца едва чувствуется отцомъ, забота о родильницѣ заставляетъ почти забывать промелькнувшее существо, едва успѣвшее проплакать и взять грудь. Но для матери новорожденный—старый знакомый, она давно *чувствовала* его, между ними была физическая, химическая, нервная связь; сверхъ того, младенецъ для матери—выкупъ за тяжесть беременности, за страданія родовъ; безъ него мученія,

¹⁾ Пимень Николаевичъ, драматическій писатель и историкъ русскаго театра; въ 1841 г. былъ смѣненъ Ѳедоромъ Яковлевичемъ Бунаковымъ.

лишенная цѣли, оскорбляютъ, безъ него ненужное молоко бро- сается въ мозгъ.

Послѣ кончины Natalie я нашелъ между ея бумагами запи- сочку, о которой я совсѣмъ забылъ. Это были нѣсколько строкъ, написанныхъ мною за часъ или за два до рожденія Саши. Это была молитва, благословеніе, посвященіе не родившагося существа на «службу человѣчества», обреченіе его на «трудный путь».

Съ другой стороны было написано рукой Natalie: «1 января, 1841 г. Вчера Александръ далъ мнѣ этотъ листокъ; лучшаго по- дарка онъ не могъ сдѣлать, этотъ листокъ разомъ вызвалъ всю картину трехлѣтняго счастья, непрерывнаго, безпредѣльнаго, осно- ваннаго на одной любви.

«Такъ перешли мы въ новый годъ; что бы ни ждало насъ въ немъ, я склоняю голову и говорю за насъ обоихъ: да будетъ Твоя воля!

«Мы встрѣчали новый годъ дома, уединенно; только А. Л. Вит- бергъ былъ у насъ. Недоставало маленькаго Александра въ кружкѣ нашемъ; малютка покоился безмятежнымъ сномъ,—для него еще не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Спи, мой ангелъ, беззаботно, я молюсь о тебѣ—и о *тебѣ*, дитя мое, еще не родив- шееся, но котораго я уже люблю всей любовью матери, твое дви- женіе, твой трепетъ такъ много говорятъ моему сердцу. Да будетъ твое пришествіе въ міръ радостно и благословенно!»¹⁾

Но благословеніе матери не сбылось: младенецъ былъ казненъ Николаемъ. Мертвящая рука русскаго самодержца замѣшалась и тутъ, и тутъ задушила!

Смерть малютки не прошла ей даромъ.

Съ грустью и взошедшей внутрь злобой переѣхали мы въ Новгородъ.

Правда того времени, такъ, какъ она тогда понималась, безъ искусственной перспективы, которую даетъ даль, безъ охлажденія временемъ, безъ исправленнаго освѣщенія лучами, проходящими черезъ ряды другихъ событій, сохранилась въ записной книгѣ того времени. Я собирался писать журналъ, начиналъ много разъ и ни- когда не продолжалъ. Въ день моего рожденія въ Новгородѣ Natalie подарила мнѣ бѣлую книгу, въ которой я иногда писалъ, что было на сердцѣ или въ головѣ.

Книга эта уцѣлѣла. На первомъ листѣ Natalie написала: «Да будутъ всѣ страницы этой книги и всей твоей жизни свѣтлы и радостны!»²⁾.

¹⁾ Невѣрно. См. № 263.

²⁾ Неполно. См. стр. 473—474 т. III,

А черезъ три года она прибавила на ея послѣднемъ листѣ:

«Въ 1842 г. я желала, чтобъ всѣ страницы твоего дневника были свѣтлы и безмятежны; прошло три года съ тѣхъ поръ и, оглянувшись назадъ, я не жалѣю, что желаніе мое не исполнилось,— и наслажденіе и страданіе необходимо для полной жизни, а успокоеніе ты найдешь въ моей любви къ тебѣ,—въ любви, которой исполнено все существо мое, вся жизнь моя.

«Миръ прошедшему и благословеніе грядущему! 25 марта, 1845, Москва».

Вотъ что тамъ записано 4 апрѣля 1842 года:

«Господи, какая невыносимая тоска! Слабость ли это или мое законное право? Неужели мнѣ считать жизнь оконченною, неужели всю готовность труда, всю необходимость обнаруженія держать подъ спудомъ, пока потребности заглухнуть, и тогда начать пустую жизнь. Можно было бы жить съ единой цѣлью внутренняго образованія, но середь кабинетныхъ занятій является та же ужасная тоска. Я долженъ обнаруживаться... ну, пожалуй, по той же необходимости, по которой пищить сверчокъ... и еще годы надобно таскать эту тяжесть!»

И, будто, самъ испугавшись, я выписалъ вслѣдъ затѣмъ стихи Гете:

Gut verloren—etwas verloren!
 Ehre verloren—viel verloren!
 Musst Ruhm gewinnen,
 Da werden die Leute sich anders besinnen.
 Mut verloren—alles verloren!
 Da wär' es besser nicht geboren ²⁾.

и потомъ:

...«Мои плечи ломаются, но еще несутъ!» ³⁾.

...«Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ, наши страданія—почки, изъ которыхъ разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой трудъ, отчего

²⁾ Между первымъ и вторымъ стихами пропущено:

Musst rasch dich besinnen
 Und neues gewinnen.

Все вмѣстѣ значитъ: Потерять имущество—потерять немного! Стоить только собраться съ мыслями и приобрести новое. Утратить честь—утратить много! Чтобы отношеніе къ тебѣ людей измѣнилось, ты долженъ приобрести славу. Потерять мужество—все потерять! Въ такомъ случаѣ лучше было бы не родиться (изъ цикла «Sprüche»).

³⁾ Невѣрно. См. № 344.

въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. Пусть же они останутся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть! ¹⁾

...«Я не могу долго пробыть въ моемъ положеніи, я задохнусь,—и какъ бы ни вынырнуть, лишь бы вынырнуть. Писалъ къ Дубельту (просилъ его, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ право переѣхать въ Москву). Написавши такое письмо, я дѣлаюсь боленъ, on se sent flétri ²⁾. Вѣроятно, это—чувство, которое испытываютъ публичныя женщины, продаваясь первые разы за деньги...» ³⁾

И вотъ эту-то досаду, этотъ строптивый крикъ нетерпѣнія, эту тоску по *свободной дѣятельности*, чувство цѣпей на ногахъ Natalie приняла иначе.

Часто заставлялъ я ее у кровати Саши съ заплаканными глазами; она увѣряла меня, что все это отъ разстроенныхъ нервовъ, что лучше этого не замѣчать, не спрашивать... Я вѣрилъ ей.

Разъ воротился я домой поздно вечеромъ; она была уже въ постели; я взошелъ въ спальную. На сердцѣ у меня было скверно: Ф. ⁴⁾ пригласилъ меня къ себѣ, чтобъ сообщить мнѣ свое подозрѣніе на одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, что онъ въ сношеніяхъ съ полиціей. Такого рода вещи обыкновенно щемятъ душу не столько возможной опасностью, сколько чувствомъ нравственнаго отвращенія.

Я ходилъ молча по комнатѣ, перебирая слышанное мною, вдругъ мнѣ показалось, что Natalie плачетъ; я взялъ ее платокъ,—онъ былъ совершенно взмоченъ слезами.

— Что съ тобой?—спросилъ я, испуганный и потрясенный.

Она взяла мою руку и голосомъ, полнымъ слезъ, сказала мнѣ:

— Другъ мой, я скажу тебѣ правду; можетъ, это самолюбіе, эгоизмъ, сумасшествіе, но я чувствую, вижу, что не могу развлечь тебя; тебѣ скучно,—я понимаю это, я оправдываю тебя, но мнѣ больно, больно и я плачу. Я знаю, что ты меня любишь, что тебѣ меня жаль, но ты не знаешь, откуда у тебя тоска, откуда это чувство пустоты, ты чувствуешь бѣдность твоей жизни... и въ самомъ дѣлѣ, что я могу сдѣлать для тебя?

Я былъ похожъ на человѣка, котораго вдругъ разбудили середь ночи и сообщили ему, прежде чѣмъ онъ совсѣмъ проснулся, что-то страшное: онъ уже испуганъ, дрожитъ, но еще не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Я былъ такъ вполне покоенъ, такъ увѣренъ въ нашей

¹⁾ Запись 11 сентября, невѣрно.

²⁾ Чувствуешь себя опозореннымъ.

³⁾ Запись 8 апрѣля, невѣрно.

⁴⁾ И. И. Филиповичъ.

полной, глубокой любви, что и не говорилъ объ этомъ, это было великое *подразумѣваемое* всей жизни нашей; покойное сознаніе, безпредѣльная увѣренность, исключаящая сомнѣніе, даже неувѣренность въ себѣ, составляли основную стихію моего личнаго счастья. Покой, отдохновеніе, художественная сторона жизни,— все это было—какъ передъ нашей встрѣчей на кладбищѣ, 9 мая 1838, какъ въ началѣ владимірской жизни—въ ней, въ ней и въ ней!

Мое глубокое огорченіе, мое удивленіе сначала разсѣяли эти тучи, но черезъ мѣсяць, черезъ два онѣ стали возвращаться. Я успокаивалъ ее, утѣшалъ, она сама улыбалась надъ черными призраками, и снова солнце освѣщало нашъ уголокъ; но только-что я забывалъ ихъ, они опять подымали голову, совершенно ничѣмъ не вызванные, и, когда они проходили, я впередъ боялся ихъ возвращенія.

Таково было расположеніе духа, въ которомъ мы, въ іюль 1842 года, переѣхали въ Москву.

Московская жизнь, сначала слишкомъ разсѣянная, не могла благотворно дѣйствовать, ни успокоить. Я не только не помогъ ей въ это время, а, напротивъ, далъ поводъ развиться сильнѣе и глубже всѣмъ Grübeleien ¹⁾...

Когда мы приѣзжали изъ новгородской ссылки въ Москву, вотъ что случилось передъ самымъ отъѣздомъ.

Какъ-то утромъ я взошелъ въ комнату моей матери; молодая горничная убирала ее; она была изъ новыхъ, т.-е. изъ доставшихся моему отцу послѣ Сенатора. Я ее почти совсѣмъ не зналъ. Я сѣлъ и взялъ какую-то книгу. Мнѣ показалось, что дѣвушка плачетъ; взглянулъ на нее,—она въ самомъ дѣлѣ плакала и вдругъ въ страшномъ волненіи подошла ко мнѣ и бросилась мнѣ въ ноги.

— Что съ тобой, что съ тобой? Говори просто!—сказалъ я ей, самъ удивленный и сконфуженный.

— Возьмите меня съ собой... я вамъ буду служить вѣрой и правдой, вамъ надобно горничную, возьмите меня. Здѣсь я *должна* погибнуть отъ стыда...—и она рыдала, какъ дитя.

Тутъ только я разглядѣлъ причину.

Съ разгорѣвшимся отъ слезъ и стыда лицомъ, съ выраженіемъ страха и ожиданія, съ умоляющимъ взглядомъ стояла передо мной бѣдная дѣвушка съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, которое даетъ женщинѣ беременность.

Я улынулся и сказалъ ей, чтобы она приготавливала свои пожитки. Я зналъ, что моему отцу было все равно, кого я возьму съ собой. Она у насъ прожила годъ. Время подъ конецъ нашей жизни

¹⁾ Мучительнымъ думамъ.

въ Новгородѣ было тревожно—я досадовалъ на ссылку и со дня на день ждалъ въ какомъ-то раздраженіи разрѣшенія ѣхать въ Москву. Тутъ я только замѣтилъ, что горничная очень хороша собой... Она догадалась... и все прошло бы безъ шага далѣе. Случай помогъ. Случай всегда находится, особенно, когда ни съ одной стороны его не избѣгаютъ.

Мы переѣхали въ Москву. Пирѣ шли за пирами... Возвратившись разѣ поздно ночью домой, мнѣ приходилось итти задними комнатами. Катерина отворила мнѣ дверь. Видно было, что она только-что оставила постель, щеки ея разгорѣлись ото сна; на ней была наброшена шаль; едва подвязанная густая коса готова была упасть тяжелой волной... Дѣло было на разсвѣтѣ. Она взглянула на меня и, улыбаясь, сказала:

— Какъ вы поздно.

Я смотрѣлъ на нее, упиваясь ея красотой, и инстинктивно, полусознательно положилъ руку на ея плечо, шаль упала... она ахнула: ея грудь была обнажена.

— Что вы это?!—прошептала она, взглянула взволнованно мнѣ въ глаза и отвернулась, словно, для того, чтобы оставить меня безъ свидѣтеля... Рука моя коснулась разгоряченнаго сномъ тѣла... Какъ хороша природа, когда человѣкъ забываясь отдается ей, терается въ ней...

Въ эту минуту я любилъ эту женщину, и будто въ этомъ упоеніи было что-нибудь безнравственное... кто-нибудь обиженъ, оскорбленъ... и кто же? Ближайшее, самое дорогое мнѣ существо на землѣ. Мое страстное увлеченіе имѣло слишкомъ мимолетный характеръ, чтобы овладѣть мною. Тутъ не было корней ни съ той, ни съ другой стороны (съ ея стороны врядъ было ли и увлеченіе), и все прошло бы безслѣдно, оставя по себѣ улыбку, знойное воспоминаніе и, можетъ, раза два вспыхнувшую краску на щекахъ... Вышло не такъ, замѣшались другія силы; *необдуманно* былъ мною пущенъ камень... остановить, направить было внѣ моей воли...

Мнѣ показалось, что Н. что-то слышала, что-то подозрѣвала; я рѣшился рассказать ей, что было. Трудныя такія исповѣди, но мнѣ казалось это необходимымъ очищеніемъ, экспіаціей, возобновленіемъ той откровенной чистоты отношеній, которую молчаніе съ моей стороны могло потрясти, испугать. Я считалъ, что самая откровенность смягчитъ ударъ, но онъ поразилъ сильно и палъ глубоко; она была сильно огорчена, ей казалось, что я ее увлекъ съ собой въ какое-то паденіе. Зачѣмъ я не подумалъ о послѣдствіяхъ и не остановился не передъ самымъ поступкомъ, а передъ тѣмъ *отраженіемъ*, которое онъ долженъ былъ вызвать въ

существомъ, такъ неразъяснимо, тѣсно связанномъ со мной? Развѣ я не зналъ аскетическую точку зрѣнія, съ которой женщина, самая развитая и давно покончившая съ христіанствомъ, смотритъ на *излѣтну*, не дѣлая никакихъ различій, не принимая никакихъ облегчающихъ причинъ?

Упрекать женщину въ ея исключительномъ взглядѣ врядь справедливо ли. Развѣ кто-нибудь серьезно, честно старался разбить въ нихъ предрасудки? Ихъ разбиваетъ жизнь, а оттого и надломится не предрасудокъ, а жизнь. Люди обходятъ вопросы, насъ занимающіе, какъ старухи и дѣти обходятъ кладбища или мѣста на которыхъ ¹⁾

Она перешагнула, но коснувшись гроба! Она все поняла, но ударъ былъ неожиданъ и силенъ; вѣра въ меня поколебалась, идолъ былъ разрушенъ, фантастическія мученія уступили факту. Развѣ случившееся не подтверждало праздность сердца? Въ противномъ случаѣ развѣ оно не противостояло бы первому искушенію—и какому? и гдѣ? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. И кто *соперница*? Кому она пожертвована? Женщинѣ, вѣшавшейся каждому на шею...

Я чувствовалъ, что все это было не такъ; чувствовалъ, что она никогда не была жертвована; что слово «соперница» нейдетъ и что если-бъ *эта* женщина не была легкой женщиной, то ничего бы и не было, но, съ другой стороны, я понималъ и то, что оно могло такъ казаться.

Борьба на смерть шла внутри нея, и тутъ, какъ прежде, какъ послѣ, я удивлялся. Она ни разу не сказала слова, которое могло бы обидѣть Катерину, по которому она могла бы догадаться, что Natalie знала о бывшемъ,—упрекъ былъ для меня. Мирно и тихо оставила она нашъ домъ. N. ее отпустила съ такою кротостью, что простая женщина, рыдая, на колѣняхъ передъ ней сама рассказала ей, что было, и, все же, наивное дитя народа, просила прощенія.

N. занемогла. Я стоялъ возлѣ свидѣтелемъ бѣдъ, надѣланныхъ мною, и больше, чѣмъ свидѣтелемъ,—собственнымъ обвинителемъ, готовымъ итти въ палачи. Перевернулось и мое воображеніе—мое *паденіе* принимало все большіе и большіе размѣры. Я понизился въ собственныхъ глазахъ и былъ близокъ къ отчаянію. Въ записной книгѣ того времени уцѣлѣли слѣды цѣлой психической болѣзни, отъ покаянія и себяобвиненія до ропота и нетерпѣнія, отъ смиренія и слезъ до негодованія...

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

«Я виноватъ, много виноватъ, я заслужилъ крестъ, лежащій на мнѣ (записано 14 марта 1843 года)... Но когда человѣкъ съ глубокимъ сожалѣніемъ своей вины, съ полнымъ раскаяніемъ и отреченіемъ отъ прошедшаго проситъ, чтобъ его избили, казнили, онъ не возмутится никакимъ приговоромъ, онъ вынесетъ все, смиренно склоняя голову; онъ надѣется, что ему будетъ легче по ту сторону наказанія жертвы, что казнь примиритъ, замкнетъ прошедшее. Только сила карающая должна на томъ остановиться; если она будетъ продолжать кару, если она будетъ поминать старое, человѣкъ возмутится, и самъ начнетъ реабилитировать себя... Что же, въ самомъ дѣлѣ; онъ можетъ прибавить къ своему искреннему раскаянію? Чѣмъ ему еще примириться? Дѣло человѣческое состоитъ въ томъ, чтобы, оплакавши вмѣстѣ съ виновнымъ его наказаніе, указать ему, что онъ все еще обладаетъ силами возстановленія. Человѣкъ, котораго увѣрятъ, что онъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, долженъ или зарѣзаться или еще глубже пасть, чтобы забыться,—иного выхода ему нѣтъ» ¹⁾.

13 апрѣля. «Любовь!.. Гдѣ ея сила? Я любя нанесъ оскорбленіе. Она, еще больше любя, не можетъ стереть оскорбленіе. Что же послѣ этого можетъ человѣкъ для человѣка? Есть развитія, для которыхъ нѣтъ прошедшаго, оно *въ нихъ* живо и не проходить... они не гнутся, а ломаются, они падаютъ паденіемъ другого и не могутъ сладить съ собой» ²⁾.

30 мая 1843. «Исчезло утреннее алое освѣщеніе, и когда миновали бури, и разсѣялись мрачныя тучи, *мы были больше умны и меньше счастливы*» ³⁾.

Грустно сосредоточивалась Natalie больше и больше,—вѣра ея въ меня поколебалась, идолъ былъ разрушенъ.

Это былъ кризисъ, болѣзненный переходъ изъ юности въ совершеннолѣтіе. Она не могла сладить съ мыслями, точившими ее, она была больна, худѣла... Испуганный, упрекая себя, стоялъ я возлѣ и видѣлъ, что той самодержавной власти, съ которой я могъ прежде заклинать мрачныхъ духовъ, у меня нѣтъ больше, мнѣ было больно это и безконечно жаль ее.

Говорятъ, что дѣти растутъ въ болѣзняхъ; въ эту психическую болѣзнь, которая поставила ее на край чахотки, она выросла колоссально. Вмѣсто утренняго яркаго, но косога освѣщенія, она входила этимъ скорбнымъ путемъ въ свѣтлый полдень. Организмъ

¹⁾ Невѣрно, запись 14 марта.

²⁾ Неполно и невѣрно.

³⁾ Такой записи въ «Дневникѣ» вовсе нѣтъ.

вынесъ,—это только и было нужно. Не утрачивая ни одной юты женственности, она мыслью развилась съ необычайной смѣлостью и глубиной. Тихо и съ самоотверженной улыбкой склонялась она передъ неотвратимымъ, безъ романтическаго ропота, безъ личной строптивости и безъ кичливаго удовольствія, съ другой стороны.

Не въ книгѣ и книгой освободилась она, а ясновиднѣемъ и жизнью. Неважныя испытанія, горькія столкновенія, которыя для многихъ прошли бы безслѣдно, провели сильныя борозды въ ея душѣ и были достаточнымъ поводомъ внутренней глубокой работы. Довольно было легкаго намека, чтобъ отъ послѣдствія къ послѣдствію она доходила до того безбоязненнаго пониманія истины, которое тяжело ложится и на мужскую грудь. Она грустно разставалась съ своимъ иконостасомъ, въ которомъ стояло такъ много завѣтныхъ святыхъ, облитыхъ слезами печали и радости; она покидала ихъ, не краснѣя, какъ краснѣютъ большія дѣвочки своей вчерашней куклы. Она не отвернулась отъ нихъ, она ихъ уступила съ болью, зная, что она станетъ отъ этого обднѣе, беззащитнѣе, что кроткій свѣтъ мерцающихъ лампадъ замѣнится сѣрымъ разсвѣтомъ, что она дружится съ суровыми, равнодушными силами, глухими къ лепету молитвы, глухими къ загробнымъ упованіямъ. Она тихо отняла ихъ отъ груди, какъ умершее дитя, и тихо опустила ихъ въ гробъ, уважая въ нихъ прошлую жизнь, поэзію, данную ими, ихъ утѣшенія въ иныя минуты. Она и послѣ не любила холодно касаться до нихъ, такъ, какъ мы минуемъ безъ нужды ступать на земляную насыпь могилы.

При этой сильной внутренней работѣ, при этой ломкѣ и перестройкѣ всѣхъ убѣжденій явилась естественная потребность отдыха и одиночества.

Мы уѣхали въ подмосковную моего отца ¹⁾.

И какъ только мы очутились одни, окруженные деревьями и полями, мы широко вздохнули и опять свѣтло взглянули на жизнь. Мы жили въ деревнѣ до поздней осени ²⁾. Изрѣдка приѣзжали гости изъ Москвы. К. ³⁾ гостилъ съ мѣсяцъ, всѣ друзья явились къ 26 августа ⁴⁾; потомъ опять тишина, тишина и лѣсъ, и поля—никого, кромѣ насъ.

Уединенное Покровское, потерянное въ огромныхъ лѣсныхъ дачахъ, имѣло совершенно другой характеръ, граздо больше серьезный, чѣмъ весело брошенное на берегу Москвы-рѣчки Васильев-

¹⁾ Въ Покровскомъ пробыли лѣто 1843 г.

²⁾ До конца августа.

³⁾ Н. Х. Кетчеръ, былъ въ 1843 г.

⁴⁾ Но не 1843, а 1844 года.

ское съ своими деревнями. Разница эта даже была замѣтна между крестьянами. Покровскіе мужички, задвинутые лѣсами, меньше васильевскихъ походили на подмосковныхъ, несмотря на то, что жили двадцатью верстами ближе къ Москвѣ. Они были тише, проще и чрезвычайно тѣсно сжились между собой. Мой отецъ переселилъ въ Покровское одну богатую крестьянскую семью изъ Васильевского, но они никогда не считали эту семью за принадлежащую къ ихъ селу и называли ихъ «посельщиками».

Съ Покровскимъ я тоже былъ тѣсно соединенъ всѣмъ дѣтствомъ; тамъ я бывалъ даже такимъ ребенкомъ, что и не помню, а потомъ съ 1821 года почти всякое лѣто, отправляясь въ Васильевское или изъ Васильевского, мы заѣзжали туда на нѣсколько дней. Тамъ жилъ старикъ Кашенцовъ, разбитый параличомъ, въ опалѣ съ 1813 года и мечталъ увидѣть своего барина съ кавалеріями и регаліями; тамъ жилъ и умеръ потомъ, въ холеру 1831, почтенный сѣдой староста съ брюшкомъ, Василій Яковлевъ, котораго я помнилъ во всѣ свои возрасты и во всѣ цвѣта его бороды, сперва темно-русой, потомъ совершенно сѣдой; тамъ былъ молочный братъ мой Никифоръ, гордившійся тѣмъ, что для меня отняли молоко его матери, умершей впоследствии въ домѣ умалишенныхъ.

Небольшое село изъ какихъ-нибудь двадцати или двадцати пяти дворовъ стояло въ нѣкоторомъ разстояніи отъ довольно большого господскаго дома. Съ одной стороны былъ расчищенный и обнесенный рѣшеткой полукруглый лугъ, съ другой—видъ на запруженую рѣчку, для предполагаемой лѣтъ за пятнадцать тому назадъ мельницы, и на покосившуюся, ветхую деревянную церковь, которую ежегодно собирались поправить, тоже лѣтъ пятнадцать, Сенаторъ и мой отецъ, владѣвшіе этимъ имѣніемъ сообща.

Домъ, построенный Сенаторомъ, былъ очень хорошъ: высокія комнаты, большія окна и съ обѣихъ сторонъ сѣни въ родѣ террасъ. Онъ былъ построенъ изъ отборныхъ толстыхъ бревенъ, ничѣмъ не покрытыхъ ни снаружи, ни внутри, и только проконопаченныхъ паклей и мохомъ. Стѣны эти пахли смолой, выступавшей тамъ-сямъ янтарнымъ потомъ. Передъ домомъ, за небольшимъ полемъ, начинался темный строевой лѣсъ, черезъ него шель просѣкъ въ Звенигородъ; по другую сторону тянулась селомъ и пропадала во ржи пыльная, тонкая тесемка проселочной дороги, выходящей черезъ майковскую фабрику на Можайку. Дубравный покой и дубравный шумъ, непрерывное жужжаніе мухъ, пчелъ, шмелей... и запахъ... этотъ травяно-лѣсной запахъ, насыщенный растительными испареніями, листомъ, а не цвѣтами... котораго я такъ жадно искалъ и въ Италіи, и въ Англіи, и весной, и жаркимъ лѣтомъ, и почти

никогда не находилъ. Иногда будто пахнетъ имъ, послѣ скошеннаго сѣна, при сирокко, передъ грозой... и вспомнится небольшое мѣстечко передъ домомъ, на которомъ, къ великому оскорбленію старосты и дворовыхъ людей, я не велѣлъ косить траву подъ гребенку; на травѣ трехлѣтній мальчикъ, валяющійся въ клеверѣ и одуванчикахъ, между кузнечиками, всякими жуками и божьими коровками, и мы сами, и молодость, и друзья!

Солнце сѣло, еще очень тепло, домой итти не хочется, мы сидимъ на травѣ. К. ¹⁾ разбираетъ грибы и бранится со мной безъ причины. Что это, будто колокольчикъ? Къ намъ, что ли? Сегодня суббота,—можетъ быть.—«Исправникъ ѣдетъ куда-нибудь», говоритъ К., подозрѣвая, что это не онъ. Тройка катитъ селомъ, стучить по мосту, ушла за пригорокъ, тутъ одна дорога и есть—къ намъ. Пока мы бѣжимъ навстрѣчу, тройка у подѣзда; Михаилъ Семеновичъ ²⁾, какъ лавина, уже скатился съ нея, смѣется, цѣлуется и моритъ со смѣха въ то время, какъ Бѣлинскій, проклиная даль Покровскаго, устройство русскихъ телѣгъ, русскихъ дорогъ, еще слѣзаетъ, расправляя поясицу. А К. уже бранитъ ихъ:

— Да что васъ это нелегкая принесла въ восемь часовъ вечера! не могли раньше ѣхать! все привередникъ Бѣлинскій,—не можетъ рано встать. Вы что смотрѣли!

— Да онъ еще больше одичалъ у тебя,—говоритъ Бѣлинскій,—да и волосы какіе отрастилъ! Ты, К., могъ бы въ «Макбетъ» представлять подвижной лѣсъ. Погоди, не истощай всего запаса ругательства; есть злодѣи, которые позже нашего приѣзжаютъ.

Другая тройка уже загибаетъ на дворъ: Грановскій, Е. К. ³⁾.

— Надолго ли вы?

— На два дня.

— Превосходно! — И самъ К. радъ до того, что встрѣчаетъ ихъ почти такъ, какъ Тарасъ Бульба своихъ сыновей.

Да, это была одна изъ свѣтлыхъ эпохъ нашей жизни; отъ прошлыхъ бурь едва оставались исчезающія облака; дома въ кругу друзей была полная гармонія!

А чуть, было, нелѣпая случайность не перепортила все.

Какъ-то вечеромъ Матвѣй, при насъ показывая Сашѣ что-то на плотинѣ, поскользнулся и упалъ въ воду съ мелкой стороны. Саша перепугался, бросился къ нему; когда онъ вышелъ, вцѣпился въ него ручонками и повторялъ сквозь слезы: «Не ходи, не ходи,

¹⁾ Кетчеръ.

²⁾ Щепкинъ.

³⁾ Е. Ѳ. Коршъ.

ты утонешь!». Никто не думалъ, что эта дѣтская ласка будетъ для Матвѣя послѣдняя, и что въ словахъ Саши заключалось для него страшное пророчество.

Измокшій и замаравшійся Матвѣй пошелъ спать,—и мы больше не видали его.

На другое утро я стоялъ на балконѣ; часовъ въ семь послышались какіе-то голоса, больше и больше, нестройные крики, и вслѣдъ за тѣмъ показались мужики, бѣжавшіе стремглавъ... «Что у васъ тамъ?» — «Да бѣда, — отвѣчали они, — человѣкъ-отъ вашъ, никакъ, тонеть... одного во-время вытащили, а другого не могутъ сыскать». Я бросился къ рѣкѣ. Староста былъ налицо и распорядился безъ сапогъ и съ засученными портками; двое мужиковъ съ кояги забрасывали неводъ. Минуть черезъ пять они закричали: «Нашли, нашли!» и вытащили на берегъ мертвое тѣло Матвѣя. Цвѣтушій юноша этотъ, красивый, краснощекій, лежалъ съ открытыми глазами, безъ выраженія жизни, и ужъ нижняя часть лица начала вздуться. Староста положилъ тѣло на берегу, строго наказалъ мужикамъ не дотрогиваться, набросилъ на него армякъ, поставилъ караульнаго и послалъ за земской полиціей...

Когда я возвратился домой, я встрѣтился съ Natalie; она уже знала, что случилось, и, рыдая, бросилась ко мнѣ.

Жаль, очень жаль намъ было Матвѣя. Матвѣй въ нашей небольшой семьѣ игралъ такую близкую роль, былъ такъ тѣсно связанъ со всѣми главными событіями ея послѣднихъ пяти лѣтъ и такъ искренно любилъ насъ, что потеря его не могла легко пройти.

«Можетъ,—писалъ я тогда,—для него смерть — благо, жизнь ему сулила страшные удары, у него не было выхода. Но страшно быть свидѣтелемъ такого спасенія отъ будущаго. Онъ развился подъ моимъ вліяніемъ, но слишкомъ поспѣшно, его развитіе мучило его своей неравномѣрностью» ¹⁾).

Печальная сторона въ судьбѣ Матвѣя состояла именно въ разрывѣ, который неосторожное развитіе внесло въ его жизнь, и въ немогутъ наполнить его, въ отсутствіи твердой воли одолѣть имъ. Благородныя чувства и нѣжное сердце въ немъ были сильнѣе ума и характера. Онъ быстро, *по-женски* почуялъ многое, особенно изъ нашего возрѣнія; но смиренно возвратиться къ началамъ, къ азбукѣ и выполнить ученіемъ пустоты и пробѣлы онъ не былъ въ состояніи. Званія своего онъ не любилъ, да и не могъ любить. Общественное неравенство нигдѣ не является съ такимъ унижа-

¹⁾ «Дневникъ», 14 іюня; невѣрно.

ющимъ, оскорбительнымъ характеромъ, какъ въ отношеніи между бариномъ и слугой. Ротшильдъ на улицѣ гораздо ровнѣе съ нищимъ, который стоитъ съ метлой и разметаешь передъ нимъ грязь, чѣмъ съ своимъ камердинеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Жалобы на слугъ, которыя мы слышимъ ежедневно, такъ же справедливы, какъ жалобы слугъ на господъ, и это не потому, чтобъ тѣ и другіе сдѣлались хуже, а потому, что ихъ отношеніе больше и больше приходитъ въ сознаніе. Оно удручительно для слуги и развращаетъ барина.

Мы такъ привыкли къ нашему аристократическому отношенію къ прислугѣ, что вовсе его не замѣчаемъ. Сколько есть на свѣтѣ барышень, добрыхъ и чувствительныхъ, готовыхъ плакать о зябнущемъ щенкѣ, отдать нищему послѣднія деньги, готовыхъ вѣхать въ трескучій морозъ на томболу въ пользу разоренныхъ въ Сиріи, на концертъ, дающійся для погорѣлыхъ въ Абиссиніи, и которыя, прося маменьку еще остаться на кадрили, ни разу не подумали о томъ, какъ малютка-форейторъ мерзнетъ на ночномъ морозѣ, сидя верхомъ съ застывающей кровью въ жилахъ.

Гнусно отношеніе господъ къ слугамъ. Работникъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ свою работу, онъ что-нибудь дѣлаетъ, онъ что-нибудь можетъ сдѣлать поскорѣе, и тогда онъ правъ; наконецъ, онъ можетъ мечтать, что самъ будетъ хозяиномъ. Слуга не можетъ кончить своей работы: онъ въ бѣличьемъ колесѣ; жизнь сорить, сорить безпрестанно, слуга безпрестанно подчищаетъ за ней. Онъ *долженъ* взять на себя всѣ мелкія неудобства жизни, всѣ грязныя, всѣ скучныя ея стороны. На него надѣваютъ ливрею, чтобъ показать, что онъ *не самъ, а чей-то*. Онъ ухаживаетъ за человѣкомъ вдвое больше здоровымъ, чѣмъ онъ самъ; онъ долженъ ступать въ грязь, чтобъ тотъ сухо прошелъ; онъ долженъ мерзнуть, чтобъ тому было тепло.

Ротшильдъ не дѣлаетъ нищаго ирландца свидѣтелемъ своего лукулловскаго обѣда; онъ его не посылаетъ наливать двадцати человѣкамъ Clos de Vougeot съ подразумѣваемымъ замѣчаніемъ, что, если онъ нальетъ себѣ, то его прогонятъ, какъ вора. Наконецъ, ирландецъ тѣмъ уже счастливѣе комнатнаго раба, что онъ не знаетъ, какія есть мягкія кровати и пахучія вина.

Матвѣю было лѣтъ 15, когда онъ перешелъ ко мнѣ отъ Зонненберга. Съ нимъ я жилъ въ ссылкѣ, съ нимъ во Владимірѣ; онъ намъ служилъ въ то время, когда мы были безъ денегъ. Онъ, какъ нянька, ходилъ за Сашей; наконецъ, онъ имѣлъ ко мнѣ безграничное довѣріе и слѣпую преданность, которыя шли изъ пони-

манія, что я не во самомъ дѣлѣ баринъ. Его отношеніе ко мнѣ больше походило на то, которое встарь бывало между учениками итальянскихъ художниковъ и ихъ maestri. Я часто былъ имъ недоволенъ, но вовсе, не какъ слугою... Я печально смотрѣлъ на его будущность. Чувствуя тягость своего положенія, страдая объ этомъ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобъ выйти изъ него. Въ его лѣта, если-бъ онъ хотѣлъ заниматься, онъ могъ бы начать новую жизнь; но для этого-то и надобенъ былъ постоянный, настойчивый трудъ, часто скучный, часто дѣтскій. Его чтеніе ограничивалось романами и стихами; онъ ихъ понималъ, цѣнилъ иногда очень вѣрно, но серьезныя книги его утомляли. Онъ медленно и плохо считалъ, дурно и нечетко писалъ. Сколько я ни настаивалъ, чтобъ онъ занялся ариеметикой и чистописаніемъ, не могъ дойти до этого: вмѣсто русской грамматики, онъ брался то за французскую азбуку, то за нѣмецкіе діалоги; разумѣется, это было потерянное время и только обезкураживало его. Я его сильно бранилъ за это, онъ огорчался, иногда плакалъ, говорилъ, что онъ несчастный человѣкъ, что ему учиться поздно, и доходилъ иногда до такого отчаянія, что желалъ умереть, бросалъ всѣ занятія и недѣли, мѣсяцы проводилъ въ сукѣ и праздности.

Съ посредственными способностями безъ большого размаха можно было бы еще сладить. Но, по несчастію, у этихъ психически тонко развитыхъ, но мягкихъ натуръ большею частью сила тратится на то, чтобъ ринуться впередъ, а на то, чтобъ продолжать путь,—ея и нѣтъ. Издали образованіе, развитіе представляютъ имъ съ своей поэтической стороны, ее-то они и хотѣли бы захватить, забывая, что имъ недостаетъ всей технической части дѣла—doigté¹⁾, безъ котораго инструментъ, все-таки, не покоряется.

Часто спрашивалъ я себя, не ядовитый ли даръ для него его полуразвитіе? Что-то ждетъ его въ будущемъ?

Судьба разрубила гордіевъ узелъ!

Бѣдный Матвѣй! Къ тому же и самыя похороны его были окружены, при всемъ подавляющемъ, угрюмомъ характерѣ, скверной обстановкой и притомъ совершенно отечественной.

Къ полудню пріѣхалъ становой и писарь; съ ними явился и нашъ сельскій священникъ, горькій пьяница и старый старикъ. Они освидѣтельствовали *тѣло*, взяли допросы и сѣли въ залѣ писать. Попъ, ничего не писавшій и ничего не читавшій, надѣлъ на носъ большіе серебряные очки и сидѣлъ молча, вздыхая, зѣвая

¹⁾ Постановка пальцевъ.

и крестя ротъ, потомъ вдругъ обратился къ старостѣ и, сдѣлавши движеніе, какъ будто нестерпимо болитъ поясница, спросилъ его:

— А что, Савелій Гавриловичъ, закусочка будетъ?

Староста, важный мужикъ, произведенный Сенаторомъ и своимъ отцомъ въ старосты за то, что онъ былъ *хорошій плотникъ*, не изъ той деревни (слѣдственно, ничего въ ней не зналъ) и былъ очень красивъ собой, несмотря на шестой десятокъ, — погладилъ свою бороду, расчесанную вѣромъ, и, такъ какъ ему до этого никакого дѣла не было, отвѣчалъ густымъ басомъ, поглядывая на меня исподлобья:

— А ужъ это не можемъ доложить-съ!

— Будетъ,—отвѣчалъ я, и позвалъ человѣка.

— Благодареніе Господу Богу, да и пора: рано встаю, Лекаандръ Ивановичъ, такъ и отошаль.

Становой положилъ перо и, потирая руки, сказалъ, прихрашиваясь:

— У насъ, кажись, отецъ-то Іоаннъ взалкалъ; дѣло доброе-съ; коли хозяинъ не прогнѣвается, можно-съ.

Человѣкъ принесъ холодную закуску, сладкой водки, настойки и хересу.

— Благословите-ка, батюшка, яко пастырь, и покажите примѣръ, а мы, грѣшные, за вами,—замѣтилъ становой.

Попъ съ поспѣшностью и съ какой-то чрезвычайно сжатой молитвой хватилъ винную рюмку сладкой водки, взялъ крошечной верешокъ хлѣба въ ротъ, погрызъ его и въ ту же минуту выпилъ другую и потомъ уже тихо и продолжительно занялся ветчиной.

Становой—и это мнѣ особенно врѣзалось въ память, — повторяя тоже сладкую водку, былъ ею доволенъ и, обращаясь ко мнѣ, съ видомъ знатока замѣтилъ:

— Полагаю-съ, что доппель-кюммель у васъ отъ вдовы Руже-съ?

Я не имѣлъ понятія, гдѣ покупали водку, и велѣлъ подать полуштофъ; дѣйствительно, водка была отъ вдовы Руже. Какую практику надобно было имѣть, чтобъ различить *по букету водки* имя заводчика!

Когда они покончили, староста положилъ становому въ тѣлѣгу куль овса и мѣшокъ картофеля; писарь, напившійся въ кухнѣ, сѣлъ на облучокъ, и они уѣхали.

Священникъ пошелъ нетвердыми стопами домой, ковыряя въ зубахъ какой-то щепкой. Я приказывалъ людямъ о похоронахъ, какъ вдругъ отецъ Іоаннъ остановился и замахалъ руками; староста побѣжалъ къ нему, потомъ—отъ него ко мнѣ.

— Что случилось?

— Да батюшка велѣлъ вашу милость спросить, — отвѣчалъ староста, не скрывая улыбки, — кто, молъ, поминки будетъ справлять по покойникѣ?

— Что же ты ему сказалъ?

— Сказалъ, чтобъ не сумлѣвался, блины, молъ, будутъ.

Матвѣя схоронили, блиновъ и водки попу дали, а все-то это оставило за собой длинную темную тѣнь; мнѣ же предстояло еще ужасное дѣло—извѣстить его мать.

Разстаться съ честнымъ іереемъ храма Покрова Божіей Матери въ селѣ Покровскомъ я никакъ не могу, не рассказавъ объ немъ слѣдующее событіе.

Отецъ Іоаннъ былъ не модный семинарскій священникъ, не зналъ греческихъ спряженій и латинскаго синтаксиса. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, полжизни онъ провелъ діакономъ въ большомъ селѣ «Елисаветъ Алексіевны Голохвастовой», которая упростила митрополита рукоположить его священникомъ и опредѣлить на открывшуюся вакансію въ селѣ моего отца. Какъ онъ ни старался всею жизнью привыкнуть къ употребленію большого количества сивухи, онъ не могъ побѣдить ея дѣйствія, и поэтому онъ послѣ полудня былъ постоянно пьянъ. Пилъ онъ до того, что часто со свадьбы или съ крестинъ въ сосѣднихъ деревняхъ, принадлежавшихъ къ его приходу, крестьяне выносили его замертво, клали, какъ снопъ, въ телѣгу, привязывали вожжи къ передку и отправляли его подъ единственнымъ надзоромъ его лошади. Клячонка, хорошо знавшая дорогу, привозила его преаккуратно домой. Матушка-попадья также пила допьяна всякій разъ, когда Богъ пошлетъ. Но замѣчательнѣе этого то, что его дочь, лѣтъ четырнадцати, могла, не морщась, выпивать чайную чашку пѣнника.

Мужики презирали его и всю его семью; они даже разъ жаловались на него міромъ Сенатору и моему отцу, которые просили митрополита взойти въ разборъ. Крестьяне обвиняли его въ очень большихъ запросахъ денегъ за требы, въ томъ, что онъ не хоронилъ болѣе трехъ дней безъ платы впередъ, а вѣнчать вовсе отказывался. Митрополитъ или консисторія нашли просьбу крестьянъ справедливой и послали отца Іоанна на два или на три мѣсяца толочь воду. Попъ возвратился послѣ архипастырскаго исправленія не только вдвое пьяницей, но и воромъ.

Наши люди рассказывали, что разъ въ храмовой праздникъ, подъ хмелькомъ, бражничая вмѣстѣ съ попомъ, старикъ крестьянинъ ему сказалъ: «Ну вотъ, молъ, ты озорникъ какой, довелъ дѣло до высокопреосвященнѣйшаго! Честью не хотѣлъ, такъ вотъ

тебѣ и подрѣзали крылья». Обиженный попъ отвѣчалъ, будто бы, на это: «Зато, вѣдь, я васъ, мошенниковъ, такъ и вѣнчаю, такъ и хороню: что ни есть самыя дрянныя молитвы, ихъ-то я вамъ и читаю».

Черезъ годъ, т.-е. въ 1844, мы опять жили лѣто въ Покровскомъ. Сѣдой, исхудалый попъ все такъ же пилъ и такъ же не могъ одолѣть сильнаго дѣйствія алкоголя. По воскресеньямъ онъ повадился послѣ обѣдни приходиться ко мнѣ, напиваться водкой и сидѣть часа два. Мнѣ это надоѣло, я не велѣлъ его принимать и даже прятался отъ него въ лѣсъ, но онъ и тутъ нашелся: «Барина дома нѣтъ, — говорилъ онъ, — ну, а водка-то дома, вѣрно? Небось, не взялъ съ собой?». Человѣкъ мой выносилъ ему въ переднюю большую рюмку сладкой водки, и священникъ, выпивъ ее и закусивъ паюсной икрой, смиренно уходилъ во-свояси.

Наконецъ, наше знакомство рушилось окончательно.

Однимъ утромъ является ко мнѣ дьячокъ, молодой долговязый малый, по-женски зачесанный, съ своей молодой женой, покрытой веснушками. Оба они были въ сильномъ волненіи, оба говорили вмѣстѣ, оба прослезились и отерли слезы въ одно время. Дьячокъ какимъ-то сплюснутымъ дискантомъ, супруга его, страшно картавя, рассказывали въ обгонки, что на дняхъ у нихъ украли часы и шкатулку, въ которой было рублей пятьдесятъ денегъ, что жена дьячка нашла «воя», и что этотъ «вой» не кто иной, какъ честнѣйшій богомолецъ нашъ и во Христѣ отецъ Іоаннъ.

Доказательства были непреложны: жена дьячка нашла въ хламѣ, выброшенномъ изъ священникова дома, кусокъ отъ крышки украденнаго ящика.

Они приступили ко мнѣ, чтобъ я защитилъ ихъ. Сколько я имъ ни объяснялъ раздѣленія властей на духовную и свѣтскую, но дьячокъ не сдавался, жена его плакала; я не зналъ, что дѣлать. Жаль мнѣ его было; потерю свою онъ цѣнилъ въ 90 р. Подумавъ, я велѣлъ заложить телѣгу и послалъ старосту съ письмомъ къ исправнику; у него-то я спрашивалъ того совѣта, который дьячокъ надѣялся получить отъ меня. Къ вечеру староста воротился; исправникъ мнѣ на словахъ велѣлъ сказать: «Бросьте это дѣло, а то консисторія вступится и надѣлаетъ хлопотъ. Пусть, молъ, баринъ не трогаетъ кутьи, коли не хочетъ, чтобъ отъ рукъ воняло». Отвѣтъ этотъ, и въ особенности послѣднее замѣчаніе, Савелій Гавриловъ передавалъ съ большимъ удовольствіемъ. «А что шкатулку укралъ батюшка, — прибавилъ онъ, — то это такъ вѣрно, какъ я передъ вами стою».

Я съ горестью передалъ дьячку отвѣтъ свѣтской власти. Староста, напротивъ, успокоительно говорилъ ему: «Ну, что безвременно нось повѣсилъ? погоди, подведемъ еще; что ты — баба или дьячокъ?».

И подвелъ староста съ компаніей.

Быль ли Савелій Гавриловъ раскольникъ или нѣтъ, я навѣрное не знаю, но семья крестьянъ, переведенная изъ Васильевского, когда отецъ мой его продалъ, вся состояла изъ старообрядцевъ. Люди трезвые, смышленные и работающіе, они всѣ ненавидѣли попа. Одинъ изъ нихъ, котораго мужики называли лабазникомъ, имѣлъ на Неглинной въ Москвѣ свою лавку. Исторія украденныхъ часовъ тотчасъ дошла до него; наводя справки, лабазникъ узналъ, что дьяконъ безъ мѣста, зять покровскаго попа предлагалъ кому-то купить или отдать подъ закладъ часы, что часы эти у мѣнялы; лабазникъ зналъ часы дьячка; онъ къ мѣнялѣ,—какъ разъ часы тѣ самые. На радостяхъ онъ не пожалѣлъ лошади и пріѣхалъ самъ съ вѣстью въ Покровское.

• Тогда, съ полными доказательствами въ рукахъ, дьячокъ отправился къ благочинному. Дня черезъ три я узналъ, что попъ заплатилъ дьячку сто руб., и они помирились.

— Какъ же это было?—спросилъ я дьячка.

— Благочинный соизволилъ, какъ изволили слышать, нашего Ирода выписывать къ себѣ-съ. Долго держали ихъ-съ, и уже что было, не знаю-съ. Только потомъ изволили меня потребовать и строго сказали мнѣ: «Что у васъ тамъ ва дрязги? Стыдно, молодой человекъ; мало ли что подъ хмелькомъ случится; старикъ, видишь, старый, въ отцы тебѣ годится. Онъ тебѣ сто рублей на мировую даетъ. Доволенъ ли?»—Доволенъ, говорю я, молъ, ваше высокоблагословеніе.—«Ну, а доволенъ, такъ хайло-то держи, нечего въ колокола звонить,—все же ему за семьдесятъ лѣтъ; а не то, смотри, самого въ бараній рогъ сверну».

И этотъ пьяный воръ, уличенный лабазникомъ, снова явился священнодѣйствовать при томъ же старостѣ, который такъ утвердительно говорилъ мнѣ, что онъ укралъ «шкатунку», съ тѣмъ же дьячкомъ на клиросѣ, у котораго теперь паки и паки въ карманѣ измѣряли скудельное время знаменитые часы, и... при тѣхъ же крестьянахъ!

Случилось это въ 1844 г. въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, и я былъ всего этого свидѣтелемъ!

Что же тутъ удивительнаго, если на призывѣ отца Іоанна духъ святой, какъ въ пѣснѣ Беранже, не сойдетъ?

Non, dit l'Esprit Saint, je ne descends pas! ¹⁾

Какъ же его не прогнали?

Мужъ церкви, скажутъ намъ мудрые православія, не можетъ быть подозрѣваемъ, какъ и Цезарева жена!

¹⁾ «Нѣтъ, сказалъ Святой Духъ, я не сойду!»—припѣвъ изъ пѣсни «La messe du Saint-Esprit».

ГЛАВА XXIX.

НАШИ.

I.

Московскій кругъ.—Застольная бесѣда.—Западники (Боткинъ, Рѣдкинъ, Крюковъ, Е. К....¹⁾).

Поѣздкой въ Покровское и тихимъ лѣтомъ, проведеннымъ тамъ, начинается та изящная, возмужалая и дѣятельная полоса нашей московской жизни, которая длилась до кончины моего отца и, пожалуй, до нашего отъѣзда.

Судорожно натянутые нервы въ Петербургѣ и Новгородѣ отдали, внутреннія непогоды улеглись. Мучительные разборъ насъ самихъ и другъ друга, эти ненужныя разбереживанія словами недавнихъ ранъ, эти непрерывныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ же наболѣвшимъ предметамъ миновали; а потрясенная вѣра въ нашу непогрѣшительность придавала больше серьезный и истинный характеръ нашей жизни. Моя статья «По поводу одной драмы» была заключительнымъ словомъ прожитой болѣзни.

Съ внѣшней стороны тѣснилъ только полицейскій надзоръ; не могу сказать, чтобъ онъ былъ очень докучливъ, но неприятное чувство Дамокловой трости, занесенной рукой квартальнаго, очень противно.¹⁶

Новые друзья приняли насъ горячо, гораздо лучше, чѣмъ два года тому назадъ. Въ ихъ главѣ стоялъ Грановскій,—ему принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви лежала

¹⁾ Коршъ.

въ этой личности. Со многими я былъ *соимаснѣ* въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души.

Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились: кто, занимая каѳедры въ университетѣ, кто, участвуя въ обзорѣніяхъ и журналахъ, кто, изучая русскую исторію; къ этому времени относятся начала всего сдѣланнаго потомъ.

Мы были уже очень не дѣти: въ 1842 году мнѣ стукнуло тридцать лѣтъ; мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно продолжали мы нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ, ровнымъ шагомъ, къ которому приучили насъ опытъ и семейная жизнь. Это не значило, что мы состарѣлись, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и оттого одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе, печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ ¹⁾.

Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое.

Оконченная, замкнутая личность западнаго человѣка, удивляющая насъ сначала своей спеціальностью, вслѣдъ затѣмъ удивляетъ односторонностью. Онъ всегда доволенъ собой, его *suffisance* ²⁾ насъ оскорбляетъ. Онъ никогда не забываетъ личныхъ видовъ, положеніе его вообще стѣсненное, и нравы приложены къ жалкой средѣ.

Я не думаю, чтобъ люди всегда были здѣсь таковы; западный человѣкъ не въ нормальномъ состояніи: *онъ лянлетъ*. Неудачная революція взошла внутрь, ни одна не переѣнила его, каждая оставила слѣдъ и сбила понятія, а историческій валь естественнымъ чередомъ выплеснулъ на главную сцену тинистый слой мѣщанъ, покрывшій собою ископаемый классъ аристократій и затопившій народные всходы. Мѣщанство несовмѣстно съ нашимъ характеромъ—и слава Богу!

Распушенность ли наша, недостатокъ ли нравственной осѣдлости, опредѣленной дѣятельности, юность ли въ дѣлѣ образованія, аристократизмъ ли воспитанія, но мы въ жизни, съ одной стороны,

¹⁾ Разумѣется, это только литературная форма выраженія.

²⁾ Самодовольство.

больше художники, съ другой—гораздо проще западныхъ людей: не имѣемъ ихъ спеціальности, но зато многостороннѣ ихъ. Развитія личности у насъ рѣдко встрѣчаются, но они пышно, разметисто развиты, безъ шпалеръ и заборовъ. Совсѣмъ не такъ на Западѣ.

Съ людьми самыми симпатичными какъ разъ здѣсь договоришься до такихъ противорѣчій, гдѣ ужъ ничего нѣтъ общаго и гдѣ убѣдить невозможно. Въ этой упрямой упорности и произвольномъ непониманіи такъ и стучишь головой о предѣлъ міра завершеннаго.

Наши теоретическія несогласія, совсѣмъ напротивъ, вносили болѣе жизненный интересъ, потребность дѣятельнаго обмѣна, держали умъ бодрѣе, двигали впередъ; мы росли въ этомъ треніи другъ объ друга и, въ самомъ дѣлѣ, были сильнѣе тою composite ¹⁾ артели, которую такъ превосходно опредѣлилъ Прудонъ въ механическомъ трудѣ.

Съ любовью останавливаюсь я на этомъ времени дружнаго труда, полнаго, поднятаго пульса, согласнаго строя и мужественной борьбы, на этихъ годахъ, въ которые мы были юны въ послѣдній разъ!...

Нашъ небольшой кружокъ собирался часто то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядомъ съ болтовней, шуткой, ужиномъ и виномъ шелъ самый дѣятельный, самый быстрый обмѣнъ мыслей, новостей и знаній; каждый передавалъ прочтенное и узнанное, споры обобщали взглядъ, и выработанное каждымъ дѣлалось достояніемъ всѣхъ. Ни въ одной области вѣдѣнія, ни въ одной литературѣ, ни въ одномъ искусствѣ не было значительнаго явленія, которое не попало бы кому-нибудь изъ насъ и не было бы тотчасъ сообщено всѣмъ.

Вотъ этотъ характеръ нашихъ сходокъ не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видѣли мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пиръ идетъ къ полнотѣ жизни; люди воздержные бываютъ обыкновенно сухіе, эгоистическіе люди. Мы не были монахи, мы жили во всѣ стороны и, сидя за столомъ, побольше развились и сдѣлали не меньше, чѣмъ эти постные труженики, копающіеся на заднемъ дворѣ науки.

Ни васъ, друзья мои, ни того яснаго, славнаго времени я не дамъ въ обиду; я объ немъ вспоминаю болѣе, чѣмъ съ любовью,—чуть ли не съ завистью. Мы не были похожи на изнуренныхъ монаховъ Сурбарана ²⁾; мы не плакали о грѣхахъ міра сего; мы

¹⁾ Сколоченностью.

²⁾ Франциско, знаменитый испанскій художникъ.

только сочувствовали его страданіямъ и съ улыбкой были готовы *пой на что*, не наводя тоски предвкушеніемъ своей будущей жертвы. Вѣчно угрюмые постники мнѣ всегда подозрительны; если они не притворяются, у нихъ или умъ или желудокъ разстроены.

Ты правъ, мой другъ, ты правъ...

да, ты правъ, Боткинъ—и гораздо больше Платона—ты, поучавшій нѣкогда насъ не въ садахъ и портикахъ (у насъ слишкомъ холодно безъ крыши), а за дружеской трапезой, что человекъ равно можетъ найти «пантеистическое» наслажденіе, созерцая пляску волнъ морскихъ и дѣвъ испанскихъ, слушая пѣсни Шуберта и запахъ индѣйки съ трюфелями. Внимая твоимъ мудрымъ словамъ, я въ первый разъ оцѣнилъ демократическую глубину нашего языка, приравнивающего запахъ къ звуку.

Не даромъ покидалъ ты твою Маросейку, ты въ Парижѣ научился уважать кулинарное искусство и съ береговъ Гвадалквивира привезъ религію не только ножекъ, но самодержавныхъ, высочайшихъ икръ, *sobearna pantorilla!* ¹⁾

Вѣдь, вотъ и Рѣдкинъ ²⁾ былъ въ Испаніи, но какая польза отъ этого? Онъ ѣздилъ въ этой странѣ историческаго безправія для юридическихъ комментарій къ Пухтѣ ³⁾ и Савиньи ⁴⁾, вмѣсто фанданго и болеро, смотрѣлъ на возстаніе въ Барселонѣ (окончившееся совершенно тѣмъ же, чѣмъ всякая качуча, т.-е. ничѣмъ) и такъ много рассказывалъ объ немъ, что кураторъ Строгановъ ⁵⁾ качая головой, сталъ посматривать на его большую ногу и бормоталъ что-то о баррикадахъ, какъ будто сомнѣваясь, что «радикальный юристъ» зашибъ себѣ ногу, свалившись въ вѣрноподданническомъ Дрезденѣ съ дилижанса на мостовую.

— Что за неуваженіе къ наукѣ! Ты, братецъ, знаешь, что я такихъ шутокъ не люблю,—говорить строго Рѣдкинъ и вовсе не сердится.

— Это ввв-сѣ мо-о-жетъ быть,—замѣчаетъ, заикаясь, Е. К. ⁶⁾,—но отчего же ты себя до того идентифицировалъ съ наукой, что нельзя шутить надъ тобой, не обижая ее?

— Ну, пошло, теперь не кончится,—прибавляетъ Рѣдкинъ и принимается съ настойчивостью человека, прочитавшаго всего Рот-

¹⁾ В. П. Боткину принадлежать извѣстные «Письма объ Испаніи».

²⁾ Петръ Григорьевичъ, малороссъ по рожденію.

³⁾ Георгъ-Фридрихъ.

⁴⁾ Карлъ-Фридрихъ, оба знаменитые нѣмецкіе юристы.

⁵⁾ Гр. С. Г., попечитель московскаго учебнаго округа.

⁶⁾ Коршъ.

тека ¹⁾), за супъ, осыпaeмый слегка остротами Крюкова ²⁾) съ изящной античной отдѣлкой по классическимъ образцамъ.

Но вниманіе всѣхъ уже оставило ихъ, оно обращено на осетрину; *ее* *объявляетъ* самъ Щепкинъ ³⁾), изучившій мясо современныхъ рыбъ больше, чѣмъ Агассисъ костей—допотопныхъ. Боткинъ взглянулъ на осетра, прищурилъ глаза и тихо покачалъ головой, не изъ боку въ бокъ, а склоняясь; одинъ К. ⁴⁾), равнодушный по принципу къ величіямъ міра сего, закурилъ трубку и говоритъ о другомъ.

Не сердитесь за эти строки вздора,—я не буду продолжать ихъ; онѣ почти невольнo сорвались съ пера, когда мнѣ представились наши московскіе обѣды; на минуту я забылъ и невозможность записывать шутки и то, что очерки эти живы только для меня да для немногихъ, очень немногихъ оставшихся. Мнѣ бываетъ страшно, когда я считаю, давно ли передъ всѣми было такъ много, такъ много дороги!...

... И вотъ передъ моими глазами встаютъ наши Лазари, но не съ облакомъ смерти, а моложе, полные силъ. Одинъ изъ нихъ угасъ, какъ Станкевичъ, вдали отъ родины—И. П. Галаховъ.

Много смѣялись мы его расскажемъ, но не веселымъ смѣхомъ, а тѣмъ, который возбуждалъ иногда Гоголь. У Крюкова, у Е. К. остроты и шутки искрились, какъ шипучее вино, отъ избытка силъ. Юморъ Галахова не имѣлъ ничего свѣтлаго; это былъ юморъ челоуѣка, живущаго въ разладѣ съ собой, со средой, сильно жаждущаго выйти на покой, на гармонію, но безъ большой надежды.

Воспитанный аристократически, Галаховъ очень рано попалъ въ Измайловскій полкъ и такъ же рано оставилъ его, и тогда уже принялся себя воспитывать въ самомъ дѣлѣ. Умъ сильный, но больше порывистый и страстный, чѣмъ діалектическій, онъ съ строптивой нетерпѣливостью хотѣлъ вынудить *истину*, и притомъ практическую, сейчасъ прилагаемую къ жизни. Онъ не обращалъ вниманія, такъ, какъ это дѣлаетъ большая часть французовъ, на то, что *истина* только дается методѣ, да и то остается неотъемлемой отъ нея; истина же, какъ результатъ,—битая фраза, общее мѣсто. Галаховъ искалъ не скромнымъ самоотверженіемъ, что бы ни нашлось, а искалъ именно истины успокоительной, оттого и не удивительно, что *она* ускользнула отъ его капризнаго преслѣдованія. Онъ досадовалъ и сердился. Людямъ этого слоя не живется

¹⁾ Карлъ-Венцеславъ, нѣмецкій историкъ и политическій дѣятель.

²⁾ Дмитрій Львовичъ.

³⁾ Михаилъ Семеновичъ.

⁴⁾ Кетчеръ.

въ отрицаніи, въ разборѣ, имъ анатомія противна, они ищутъ готоваго, цѣлаго, созидающаго. Что же Галахову могъ дать нашъ вѣкъ, и притомъ въ николаевское царствованіе?

Онъ всюду бросался; постучался даже въ католическую церковь, но живая душа его отпрянула отъ мрачнаго полусвѣта, отъ сырого, могильнаго, тюремнаго запаха ея безотраднѣхъ склеповъ. Оставивъ старый католицизмъ іезуитовъ и новый—Бюше ¹⁾, онъ принялся, было, за философію; ея холодныя, непривѣтныя сѣни отстращали его, и онъ на нѣсколько лѣтъ остановился на фурьеризмѣ.

Готовая организація, обязательный строй и долею казарменный порядокъ фаланстера, если не находятъ сочувствія въ людяхъ критики, то, безъ сомнѣнія, сильно привлекаютъ тѣхъ усталыхъ людей, которые просятъ почти со слезами, чтобъ истина, какъ кормилица, взяла ихъ на руки и убаюкала. Фурьеризмъ имѣлъ опредѣленную цѣль: трудъ, и трудъ сообща. Люди, вообще, готовы очень часто отказаться отъ собственной воли, чтобъ прервать колебаніе и нерѣшительность. Это повторяется въ самыхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ случаяхъ. «Хотите вы сегодня въ театръ или за городъ?»—«Какъ вы хотите», отвѣчаетъ другой, и оба не знаютъ, что дѣлать, ожидая съ нетерпѣніемъ, чтобъ какое-нибудь обстоятельство рѣшило за нихъ, куда итти и куда нѣтъ. На этомъ основаніи развилась въ Америкѣ кабэтовская обитель, коммунистическій скитъ, ставропигіальная, икарійская лавра. Неугомонные французскіе работники, воспитанные двумя революціями и двумя реакціями, выбились, наконецъ, изъ силъ: сомнѣнія начали одолевать ими; испугавшись ихъ, они обрадовались новому дѣлу, отреклись отъ безцѣльной свободы и покорились въ Икаріи такому строгому порядку и подчиненію, которое, конечно, не меньше монастырскаго чина какихъ-нибудь бенедиктинцевъ.

Галаховъ былъ слишкомъ развитъ и независимъ, чтобъ совсѣмъ исчезнуть въ фурьеризмѣ, но на нѣсколько лѣтъ онъ его увлекъ. Когда я съ нимъ встрѣтился въ 1847 въ Парижѣ, онъ къ фалангѣ питалъ скорѣе ту нѣжность, которую мы имѣемъ къ школѣ, въ которой долго жили, къ дому, въ которомъ провели нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, чѣмъ ту, которую вѣрующіе имѣютъ къ церкви.

Въ Парижѣ Галаховъ былъ еще оригинальнѣе и милѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Его аристократическая натура, его благородныя, ры-

¹⁾ Филиппъ-Жозефъ, основатель ново-католической системы «бюшенизма».

царскія понятія были оскорбляемы на каждомъ шагѣ; онъ смотрѣлъ съ тѣмъ отвращеніемъ, съ которымъ гадливые люди смотрятъ на что-нибудь сальное, на мѣщанство, окружавшее его тамъ. Ни французы, ни нѣмцы его не надули, и онъ смотрѣлъ нѣсколько свысока на многихъ изъ тогдашнихъ героевъ, чрезвычайно просто указывая ихъ мелочную ничтожность, денежные виды и наглое самолюбіе. Въ его пренебреженіи къ этимъ людямъ проявлялось даже національное высокомеріе, совершенно чуждое ему. Говоря, напр., объ одномъ челоувѣкѣ, который ему очень не нравился, онъ сжалъ въ одномъ словѣ «нѣмецъ!» выраженіемъ, улыбкой и прищуриваніемъ глазъ цѣлую біографію, цѣлую фізіологію, цѣлый рядъ мелкихъ, грубыхъ, неуклюжихъ недостатковъ, специально принадлежащихъ германскому племени.

Какъ всѣ нервные люди, Галаховъ былъ очень неровень, иногда молчаливъ, задумчивъ, но *par saccades*¹⁾, говорилъ много, съ жаромъ, увлекалъ вещами серьезными и глубоко прочувствованными, а иногда морилъ со смѣху неожиданной капризностью формы и рѣзкой вѣрностью картинъ, которая дѣлала въ два-три штриха.

Повторять эти вещи почти невозможно. Я передамъ, какъ сумѣю, одинъ изъ его рассказовъ, и то въ небольшомъ отрывкѣ. Рѣчь какъ-то шла въ Парижѣ о томъ непріятномъ чувствѣ, съ которымъ мы переѣзжаемъ нашу границу. Галаховъ сталъ намъ рассказывать, какъ онъ ѣздилъ въ послѣдній разъ въ свое имѣніе,— это былъ *chef d'oeuvre*.

...«Подъѣзжаю къ границѣ; дождь, слякоть, черезъ дорогу бревно, выкрашенное черной и бѣлой краской; ждемъ, не пропускаютъ. Смотрю, съ той стороны наѣзжаетъ на насъ казакъ съ пикой, верхомъ.—«Пожалуйте паспортъ». Я ему отдалъ и говорю: Я, братецъ, съ тобой пойду въ караульню, здѣсь очень дождь молчать. «Никакъ нельзя-съ!» — Отчего?? — «Извольте обождать!» Я повернулъ въ австрійскую кордегардію, — не тутъ-то было: очутился, какъ изъ-подъ земли, другой казакъ съ китайской рожей.— «Никакъ нельзя-съ!» — Что случилось? — «Извольте обождать!» — а дождь все сѣчетъ, сѣчетъ... Вдругъ изъ караульни кричитъ унтеръ-офицеръ: «Подвысь!» Цѣпи загремѣли, и полосатая гильотина стала подыматься; мы подѣхали подъ нее, цѣпи опять загремѣли, и бревно опустилось. Ну, думаю, попался! Въ караульнѣ какой-то кантонистъ прописываетъ паспортъ.—«Это вы сами и есть?»—спрашиваетъ; я ему тотчасъ—цванцигеръ²⁾ Тутъ взошелъ унтеръ-офицеръ; тотъ ничего не говоритъ, ну, а я поскорѣй и ему—цванци-

¹⁾ Скачками, вприпрыжку.

²⁾ Zwanziger—монета въ 20 крейцеровъ.

геръ. «Все въ исправности, извольте отправляться въ таможеню». Я сѣлъ, ѣду... только все кажется—за нами погоня. Оглядываюсь—казакъ съ пикой тряхъ-тряхъ... «Что ты, братецъ?»—«Въ таможеню ваше благородіе конвоирую». — На таможенѣ чиновникъ въ очкахъ книжки осматриваетъ. Я ему—талеръ и говорю: «Не безпокойтесь, это все такія книги, ученія, медицинскія!» — «Помилуйте, что это-съ! Эй, сторожъ, запирай чемоданъ!» Я—опять цванцигеръ.

«Выпустили, наконецъ; я нанялъ тройку, ѣдемъ безконечными полями; вдругъ зардѣлось что-то, больше да больше... зарезо... «Смотри-ка,—говорю я ямщику,—а? несчастіе». — «Ничего-съ,—отвѣчаетъ онъ,—должно быть, избенка какая или овинъ какой горитъ; ну, ну, пошевеливай, знай!» Часа черезъ два съ другой стороны красное небо,—я ужъ и не спрашиваю, успокоенный тѣмъ, что это избенка или овинишко горитъ.

«...Въ Москву я изъ деревни пріѣхалъ въ великій постъ; снѣгъ почти сошелъ, полозья рѣжутъ по камнямъ, фонари тускло отсвѣчиваются въ темныхъ лужахъ, и присяжная бросаетъ прямо въ лицо мороженую грязь огромными кусками. А, вѣдь, престранное дѣло: въ Москвѣ только-что весна установится, дней пять пройдетъ сухихъ, и, вмѣсто грязи, какія-то облака пыли летятъ въ глаза, першитъ, и полицмейстеръ, стоя озабоченно на дрожкахъ, показываетъ съ неудовольствіемъ на пыль, а полицейскіе суетятся и посыпаютъ какимъ-то толченымъ кирпичемъ отъ *пыли!*»

Иванъ Павловичъ былъ чрезвычайно разсѣянъ, и его разсѣянность была такимъ же милымъ недостаткомъ въ немъ, какъ заиканіе у Е. К.; иногда онъ немного сердился, но большей частью самъ смѣялся надъ оригинальными ошибками, въ которыя онъ безпрестанно попадалъ. Х. ¹⁾ звала его разѣ на вечеръ; Галаховъ поѣхалъ съ нами слушать «Линду ди-Шамуни» ²⁾; послѣ оперы онъ заѣхалъ къ Шевалье ³⁾ и, просидѣвъ тамъ часа полтора, поѣхалъ домой, переодѣлся и отправился къ Х. Въ передней горѣла свѣча, валялись какіе-то пожитки. Онъ въ залу, — никого нѣтъ; онъ въ гостиную, — тамъ засталъ мужа Х. въ дорожномъ платьѣ, только-что пріѣхавшаго изъ Пензы. Тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ. Галаховъ освѣдомляется о пути и спокойно садится въ кресла. Х. говоритъ, что дороги скверны и что онъ очень усталъ. — «А гдѣ же Марья Дмитріевна?» — спрашиваетъ Галаховъ. — «Давно спитъ. — Какъ спитъ? Да развѣ такъ поздно?» — спрашиваетъ онъ, начиная

¹⁾ Марія Дмитріевна Ховрина.

²⁾ Опера Доницетти.

³⁾ Московскій ресторанъ.

догадываться.—Четыре часа!—отвѣчаетъ X.—«Четыре часа?» повторяетъ Глаховъ. «Извините, я только хотѣлъ васъ поздравить съ прїѣздомъ».

Другой разъ, у нихъ же, онъ прїѣхалъ на званый вечеръ; всѣ были во фракахъ, и дамы одѣты. Галахова не звали или онъ забылъ, но онъ явился въ пальто ¹⁾); посидѣлъ, взялъ свѣчу, закурилъ сигару, говорилъ, никакъ не замѣчая ни гостей, ни костюмовъ. Часа черезъ два онъ меня спросилъ: «Ты куда-нибудь ѣдешь?»—Нѣтъ.—«Да ты во фракъ?» Я расхохотался. «Фу, вздоръ какой!» пробормоталъ Галаховъ, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Когда моему сыну было лѣтъ пять, Галаховъ привезъ ему на елку восковую куклу, не меньше его самого ростомъ. Куклу эту Галаховъ самъ усадилъ за столомъ и ждалъ дѣйствія сюрприза. Когда елка была готова, и двери отворились, Саша, удрученный радостью, медленно двигался, бросая влюбленные взгляды на фольгу и свѣчи, но вдругъ онъ остановился, постоялъ, постоялъ, покраснѣлъ и съ ревомъ бросился назадъ. «Что съ тобой, что съ тобой?» спрашивали мы всѣ. Заливаясь горькими слезами, онъ только повторялъ: «Тамъ чужой мальчикъ, его не надо, его не надо!». Въ куклѣ Галахова онъ увидѣлъ какого-то соперника, alter ego ²⁾ и сильно огорчился этимъ; но сильнѣе его огорчился самъ Галаховъ; онъ схватилъ несчастную куклу, уѣхалъ домой и долго не любилъ говорить объ этомъ.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ нимъ осенью 1847 года въ Ниццѣ. Итальянское движеніе закипало тогда, онъ былъ увлеченъ имъ. Вмѣстѣ съ взглядомъ, исполненнымъ ироніи, онъ хранилъ романтическія надежды и все еще рвался къ какимъ-то вѣрованіямъ. Наши долгіе разговоры, наши споры навели меня на мысль записывать ихъ. Однимъ изъ нашихъ разговоровъ начинается «Съ того берега». Я читалъ его начало Галахову; онъ былъ тогда очень боленъ, видимо таялъ и приближался къ гробу. Незадолго до своей смерти онъ прислалъ мнѣ въ Парижъ длинное и исполненное интереса письмо. Жаль, что у меня его нѣтъ, я напечаталъ бы изъ него отрывки. ¹⁷

Съ его могилы перехожу на другую, больше дорогую и больше свѣжую.

¹⁾ Тогда—родъ сюртука.

²⁾ Другого себя.

II.

На могилѣ друга.

Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное, какъ ласка,
И дружба съ нимъ мнѣ памятна, какъ сказка ¹⁾.

...Въ 1840 ²⁾ году, бывши проѣздомъ въ Москвѣ, я въ первый разъ встрѣтился съ Грановскимъ. Онъ тогда только-что возвратился изъ чужихъ краевъ и приготовлялся занять свою кафедру исторіи ³⁾. Онъ мнѣ понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами съ насупившимися бровями и грустно-добродушной улыбкой; онъ носилъ тогда длинные волосы и какого-то особеннаго покроя синее берлинское пальто съ бархатными отворотами и суконными застѣжками. Черты, костюмъ, темные волосы,—все это придавало столько изящества и граціи его личности, стоявшей на предѣлѣ ушедшей юности и богато развертывающейся возмужалости, что и не увлекающемуся человѣку нельзя было остаться равнодушнымъ къ нему. Я же всегда уважалъ красоту и считалъ ее талантомъ, силой.

Мелькомъ видѣлъ я его тогда и только увезъ съ собой во Владимиръ благородный образъ и основанную на немъ вѣру въ него, какъ въ будущаго близкаго человѣка. Предчувствіе мое не обмануло меня. Черезъ два года, когда я побывалъ въ Петербургѣ и, второй разъ сосланный, возвратился на житье въ Москву, мы сблизились тѣсно и глубоко.

Грановскій былъ одаренъ удивительнымъ *тактомъ* сердца. У него все было такъ далеко отъ неувѣренной въ себѣ раздражительности, отъ притязаній, такъ чисто, такъ открыто, что съ нимъ было необыкновенно легко. Онъ не тѣснилъ дружбой, а любилъ сильно, безъ ревнивой требовательности и безъ равнодушнаго «все равно». Я не помню, чтобъ Грановскій когда-нибудь дотронулся грубо или неловко до тѣхъ «волосяныхъ», нѣжныхъ, бѣгущихъ свѣта и шума сторонъ, которыя есть у всякаго человѣка, жившаго въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого съ нимъ было не страшно говорить о тѣхъ вещахъ, о которыхъ трудно говоритъ съ самыми близкими

¹⁾ Огаревъ, «Искандеру».

²⁾ Въ 1839.

³⁾ Уже занималъ ее.

людьми, къ которымъ имѣешь полное довѣріе, но у которыхъ *строй* нѣкоторыхъ, едва слышныхъ струнъ не по одному камертону.

Въ его любящей, покойной и снисходительной душѣ исчезали угловатая распри, и смягчался крикъ себялюбивой обидчивости. Онъ былъ между нами звеномъ соединенія многого и многихъ и часто примирялъ въ симпатіи къ себѣ цѣлые круги, враждовавшіе между собой, и друзей, готовыхъ разойтись. Грановскій и Бѣлинскій, вовсе не похожіе другъ на друга, принадлежали къ самымъ свѣтлымъ и замѣчательнымъ личностямъ нашего круга.

Къ концу тяжелой эпохи, изъ которой Россія выходитъ теперь, когда все было прибито къ землѣ, одна офиціальная низость громко говорила, литература была пріостановлена и, вмѣсто науки, преподавали теорію рабства; цензура качала головой, читая притчи Христа, вымарывала басни Крылова, въ то время, — встрѣчая Грановскаго на кафедрѣ, становилось легче на душѣ. «Не все еще погибло, если онъ продолжаетъ свою рѣчь», думалъ каждый и свободнѣе дышалъ.

А, вѣдь, Грановскій не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ, глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть, особенно въ той странѣ, гдѣ узкое самовласть пріучало догадываться и понимать затаенное слово. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій, отъ 1848 года до смерти Николая, сохранить не только кафедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полной преданностью страстнаго убѣжденія стройно сочеталась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили.

Грановскій напоминаетъ мнѣ рядъ задумчиво-покойныхъ проповѣдниковъ-революціонеровъ временъ реформаціи; не тѣхъ бурныхъ, грозныхъ, которые въ «гнѣвѣ» своемъ чувствуютъ вполнѣ свою жизнь», какъ Лютеръ, а тѣхъ ясныхъ, кроткихъ, которые такъ же просто надѣвали вѣнокъ славы на свою голову, какъ и терновый вѣнокъ. Они невозмущаемо тихи, идутъ твердымъ шагомъ, но не топаютъ; людей этихъ боятся судьи, имъ съ ними

неловко; ихъ примирительная улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей.

Таковъ былъ самъ Колиньи ¹⁾, лучшіе изъ жирондистовъ, и, дѣйствительно, Грановскій, по всему строенію своей души, по ея романтическому складу, по нелюбви къ крайностямъ скорѣе былъ бы гугенотъ и жирондистъ, чѣмъ анабаптистъ или монтаньярь.

Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромное и пережило его; длинную, свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ. Я съ особеннымъ умиленіемъ смотрю на книги, посвященныя его памяти бывшими его студентами, на горячія, восторженныя строки объ немъ въ ихъ предисловіяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, на это юношески-прекрасное желаніе новый трудъ свой примкнуть къ дружеской тѣни, коснуться, начиная рѣчь, до его гроба, считать отъ него свою умственную генеалогію.

Развитіе Грановскаго не было похоже на наше. Воспитанный въ Орлѣ, онъ попалъ въ петербургскій университетъ. Получая мало денегъ отъ отца, онъ съ весьма молодыхъ лѣтъ долженъ былъ писать «по подряду» журнальныя статьи. Онъ и другъ его Е. К. ²⁾, съ которымъ онъ встрѣтился тогда и остался съ тѣхъ поръ и до кончины въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, работали на Сенковскаго, которому были нужны свѣжія силы и неопытные юноши для того, чтобы претворять добросовѣстный трудъ ихъ въ шипучее цымянское «Библіотеки для Чтенія».

Собственно, бурнаго періода страстей и разгула въ его жизни не было. Послѣ курса Педагогической институтъ послалъ его въ Германію ³⁾. Въ Берлинѣ Грановскій встрѣтился со Станкевичемъ; это—важнѣйшее событіе всей его юности.

Кто зналъ ихъ обоихъ, тотъ пойметъ, какъ быстро Грановскій и Станкевичъ должны были ринуться другъ къ другу. Въ нихъ было такъ много сходнаго въ нравѣ, въ направленіи, въ лѣтахъ... и оба носили въ груди своей роковой зародышъ преждевременной смерти. Но для кровной связи, для неразрывнаго родства людей сходства недостаточно. Та любовь только глубока и прочна, которая восполняетъ другъ друга; для дѣятельной любви различіе нужно столько же, сколько сходство; безъ него чувство вяло, страдательно и обращается въ привычку.

¹⁾ Гаспаръ, извѣстный французскій адмиралъ и государств. дѣятель.

²⁾ Кофшъ.

³⁾ Посланъ былъ не отъ Педагогическаго инст., а благодаря содѣйствію гр. С. Г. Строганова, какъ кандидатъ на каеедру въ Москвѣ.

Въ стремленіяхъ и силѣ двухъ юношей было огромное различіе. Станкевичъ, съ раннихъ лѣтъ закаленный гегелевской діалектикой, имѣлъ рѣзкія спекулятивныя способности, и, если онъ вносилъ эстетическій элементъ въ свое мышленіе, то, безъ сомнѣнія, онъ столько же философіи вносилъ въ свою эстетику. Грановскій, сильно сочувствуя тогдашнему научному направленію, не имѣлъ ни любви, ни таланта къ отвлеченному мышленію. Онъ очень вѣрно понялъ свое призваніе, избравъ главнымъ занятіемъ исторію. Изъ него никогда бы не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безстрастную нелицеприятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшиться отъ всего для мысли или отрѣшиться отъ себя для наблюденій онъ не могъ; человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. И развѣ исторія—не та же мысль и не та же природа, выраженныя инымъ проявленіемъ? Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей въ послѣдствіи дѣлалъ пропаганду. А Станкевичъ привилъ ему поэтически и даромъ не только воззрѣніе современной науки, но и ея пріемъ.

Педанты, которые каплями пота и одышкой измѣряютъ трудъ мысли, усомнятся въ этомъ... Ну, а какъ же, спросимъ мы ихъ, Прудонъ и Бѣлинскій? неужели они не лучше поняли хоть бы методу Гегеля, чѣмъ всѣ схоласты, изучавшіе ее до потери волосъ и до морщинъ? А, вѣдь, ни тотъ, ни другой не знали по-нѣмецки, ни тотъ, ни другой не читали ни одного гегелевскаго произведенія, ни одной диссертациі его *лѣвыхъ* и *правыхъ* послѣдователей, а только иногда говорили объ его методѣ съ его учениками.

Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ со Станкевичемъ была, по рассказамъ одного и письмамъ другого, одной изъ ярко-свѣтлыхъ полосъ его существованія, гдѣ избытокъ молодости, силъ, первыхъ страстныхъ порывовъ, беззлобной ироніи и шалости шли вмѣстѣ съ серьезными учеными занятіями, и все это согрѣтое, обнятое горячей, глубокой дружбой, такой, какою дружба только бываетъ въ юности.

Года черезъ два они разстались. Грановскій поѣхалъ въ Москву занимать свою каѳедру, Станкевичъ—въ Италію лѣчиться отъ чахотки и умереть. Смерть Станкевича сразила Грановскаго. Онъ при мнѣ получилъ гораздо спустя медальонъ покойника; я рѣдко видѣлъ болѣе подавляющую, тихую, молчащую грусть.

Это было вскорѣ послѣ его женитьбы. Гармонія, окружавшая плавно и покойно его новый бытъ, подернулась траурнымъ кре-

помъ. Слѣды этого удара долго не проходили; не знаю, прошли ли вообще когда-нибудь.

Жена его ¹⁾ была очень молода и еще не совсѣмъ сложилась; въ ней сохранился тотъ особенный элементъ отроческой нестройности, даже апатіи, которая нерѣдко встрѣчается у молодыхъ дѣвушекъ съ бѣлокурыми волосами, и особенно германскаго происхожденія. Эти натуры, часто даровитыя и сильныя, поздно просыпаются и долго не могутъ прійти въ себя. Толчокъ, заставившій молодую дѣвушку проснуться, былъ такъ нѣженъ и такъ лишенъ боли и борьбы, пришелъ такъ рано, что она едва замѣтила его. Кровь ея продолжала медленно и покойно переливаться по ея сердцу.

Любовь Грановскаго къ ней была тихая, кроткая дружба, больше глубокая и нѣжная, чѣмъ страстная. Что-то спокойное, трогательно-тихое царило въ ихъ молодомъ домѣ. Душѣ было хорошо видѣть иной разъ возлѣ Грановскаго, поглощеннаго своими занятіями, его высокую, гнущуюся, какъ вѣтка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу. Я и тутъ, глядя на нихъ, думалъ о тѣхъ ясныхъ и цѣломудренныхъ семьяхъ первыхъ протестантовъ, которыя безбоязненно пѣли гонимые псалмы, готовые рука въ руку спокойно и твердо итти передъ инквизитора.

Они мнѣ казались братомъ и сестрой, тѣмъ больше, что у нихъ не было дѣтей.

Мы быстро сблизились и видались почти каждый день; ночи сидѣли мы до разсвѣта, болтая обо всякой всячинѣ... Въ эти-то потерянные часы и ими люди срастаются такъ неразрывно и безвозвратно.

Страшно мнѣ и больно думать, что впоследствии мы надолго расходились съ Грановскимъ въ теоретическихъ убѣжденіяхъ, — они для насъ не составляли постороннее, а истинную основу жизни. Но я тороплюсь впередъ заявить, что, если время доказало, что мы могли разнo понимать, могли не понимать другъ друга и огорчать, то еще больше времени доказало вдвое, что мы не могли ни разойтись, ни сдѣлаться чужими, что на это и самая смерть была безсильна.

Правда, гораздо позже между Грановскимъ и Огаревымъ, которые пламенно, глубоко любили другъ друга, протѣснилась, сверхъ теоретической размолвки, какая-то недобрая полоска, но мы увидимъ, что и она, хотя поздно, но совершенно была снята.

¹⁾ Елизавета Богдановна Мюльгаузенъ, дочь профессора московскаго университета.

Что касается до споровъ нашихъ, ихъ самъ Грановскій окончилъ; онъ заключилъ слѣдующими словами письмо ко мнѣ изъ Москвы въ Женеву 25 августа 1849 года. Съ благочестіемъ и гордостью повторяю я ихъ:

«На дружбу мою къ вамъ двумъ (т.-е. къ Огареву и ко мнѣ) ушли лучшія силы моей души. Въ ней есть доля страсти, заставлявшая меня плакать въ 1846 г. и обвинять себя въ безсиліи разорвать связь, которая, повидимому, не могла продолжаться. Почти съ отчаяніемъ замѣтилъ я, что вы прикрѣплены къ моей душѣ такими нитками, которыхъ нельзя перерѣзать, не захвативъ живого мяса. Время это прошло не безъ пользы для меня. Я вышелъ побѣдителемъ изъ худшей стороны самого себя. Тою романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось слѣда. Зато все, что было романтическое въ самой натурѣ моей, вошло въ мои личныя привязанности. Помнишь ли ты письмо мое по поводу твоего «Крупнова»? ¹⁾ Оно написано въ памятную мнѣ ночь. Съ души сошла черная пелена, твой образъ воскресъ передо мной во всей ясности своей, и я протянулъ тебѣ руку въ Парижѣ такъ же легко и любовно, какъ протягивалъ въ лучшія, святѣя минуты нашей московской жизни. Не талантъ твой только подѣйствовалъ на меня такъ сильно. Отъ этой пьесы мнѣ повѣяло всѣмъ тобой. Когда-то ты оскорблялъ меня, говоря: «не полагай ничего на личное, вѣрь въ одно общее», а я всегда клалъ много на личное. Но личное и общее слилось для меня въ тебѣ. Отъ этого я такъ полно и горячо люблю тебя».

Пусть же эти строки вспомнятся при чтеніи моего разсказа о нашихъ размолвкахъ...

Въ концѣ 1843 года я печаталъ мои статьи о «Дилетантизмѣ въ наукѣ»; успѣхъ ихъ былъ для Грановскаго источникомъ дѣтской радости. Онъ ѣздилъ съ «Отечественными Записками» изъ дома въ домъ, самъ читалъ вслухъ, комментировалъ и серьезно сердился, если онѣ кому не нравились. Вслѣдъ затѣмъ пришлось и мнѣ видѣть успѣхъ Грановскаго, да и не такой. Я говорю о его первомъ публичномъ курсѣ средневѣковой исторіи Франціи и Англій.

«Лекціи Грановскаго, — сказалъ мнѣ Чаадаевъ, выходя съ третьяго или четвертаго чтенія изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ, — имѣютъ историческое значеніе». Я совершенно съ нимъ согласенъ. Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостиную, мѣсто свиданія, встрѣчи beau monde'a. Для этого онъ не нарядилъ исторію въ кружева и блонды,

¹⁾ См. стр. 505—506 т. V.

совѣмъ напротивъ,—его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила ему съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выражений, которая ему была такъ естественна, отъ отсутствія сентенцій à la française, ставящихъ огромныя точки на крошечныя і, въ родѣ нравоученій послѣ басни. Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ *ими* такъ, что мысль, не сказанная имъ, но совершенно ясная, представлялась тѣмъ знакомѣ слушателю, что она казалась его собственной мыслью.

Заключеніе перваго курса было для него настоящей оваціей, вещь неслыханной въ московскомъ университетѣ. Когда онъ, окончивая, глубоко тронутый, благодарилъ публику, все вскопало въ какомъ-то опьяненіи, дамы махали платками, другіе бросились къ каведрѣ, жали ему руки, требовали его портрета. Я самъ видѣлъ молодыхъ людей съ раскраснѣвшимися щеками, кричавшихъ сквозь слезы «браво! браво!». Выйти не было возможности; Грановскій, блѣдный, какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ,—въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта,—и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукой пощады, и, изнемогая отъ волненія, взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я ему на шею, и мы молча заплакали. ¹⁸

... Такія слезы текли по моимъ щекамъ, когда герой Чичероваккіо въ Колизеѣ, освѣщенномъ послѣдними лучами заходящаго солнца, отдавалъ возставшему и вооружившемуся народу *римскому* отрока-сына за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ они оба пали, разстрѣлянные безъ суда военными палачами вѣнчаннаго мальчишки!

Да, это были дорогія слезы: однѣми я вѣрилъ въ Россію, другими—въ революцію!

Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій? Тамъ, гдѣ и отрокъ съ черными кудрями и широкоплечій *ролоано*, и другіе близкіе, близкіе намъ. Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?

И зачѣмъ тупая случайность унесла Грановскаго, этого благороднаго дѣятеля, этого глубоко настрадавшагося человѣка, въ самомъ началѣ какого-то другого времени для Россіи, еще неяснаго, но, все-таки, другого? зачѣмъ не дала она ему подышать

новымъ воздухомъ, которымъ повѣяло у насъ и который не такъ крѣпко пахнетъ застѣвникомъ и казармами! ¹⁹

Грубо поразила меня вѣсть о его смерти ¹⁾. Я шелъ въ Ричмондѣ на желѣзную дорогу, когда мнѣ подали письмо. Я прочиталъ его, идучи, и истинно—сразу не понялъ. Я сѣлъ въ вагонъ, письма не хотѣлось перечитывать: я боялся его. Посторонніе люди, съ глупыми, уродливыми лицами, входили, выходили, машина свистѣла, я смотрѣлъ на все и думалъ: «Да это вздоръ! Какъ? этотъ человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, онъ, котораго улыбка, взгляды у меня передъ глазами,—и его будто нѣтъ?»... Меня клонилъ тяжелый сонъ и мнѣ было страшно холодно. Въ Лондонѣ со мной встрѣтился А. Таландые ²⁾; здороваясь съ нимъ, я сказалъ, что получилъ дурное письмо, и, какъ будто самъ только что услышалъ вѣсть, не могъ удержать слезъ.

Мало было у насъ сношеній въ послѣднее время, но мнѣ *нужно* было знать, что тамъ, вдали, на нашей родинѣ *живетъ* этотъ человѣкъ!

Безъ него стало пусто въ Москвѣ, еще связь порвалась!.. дастся ли мнѣ когда-нибудь одному, вдали отъ всѣхъ посѣтить его могилу? она скрыла такъ много силъ, будущаго, думъ, любви, жизни, какъ другая, не совсѣмъ чуждая ему могила, на *которой я былъ!* ³⁾

Тамъ перечту я строки грустнаго примиренія, которыя такъ близки мнѣ, что я ихъ выпросилъ въ даръ *нашимъ* воспомина-ніямъ ⁴⁾.

МЕРТВОМУ ДРУГУ.

То было осенью унылой...
 Среди урнъ надгробныхъ и камней
 Свѣжа была твоя могила
 Недавней насыпью своей.
 Дары любви, дары печали—
 Рукой твоихъ учениковъ
 На ней разсыпаны, лежали
 Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
 Надъ ней, суровымъ днѣмъ послушна,—
 Кладбища сторожъ вѣковой,—
 Сосна качала равнодушно
 Зелено-грустною главой,
 И рѣчка, берегъ омывая,

¹⁾ 4 октября 1855 г.

²⁾ Альфонсъ-Онорэ, французскій юристъ и государственный дѣятель.

³⁾ Могила Н. А.—ны.

⁴⁾ У Н. П. Огарева, автора стихотворенія.

Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая
Вдоль нескончаемой стези.

Твоею дружбой не согрѣта,
Вдали шла долго жизнь моя,
И словъ послѣдняго привѣта
Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
Размолвкой нашей недовольный,
Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
Обиды горькой, но невольной
Тебѣ простить я не успѣлъ.
Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
Никто, тая строптивый нравъ,
Былъ повиниться неспособенъ,
Но каждый думалъ, что онъ правъ.
И ѣхалъ я на примиренье,
Я жаждалъ искренно сказать
Тебѣ сердечное прощенье
И отъ тебя его принять...
Но было поздно..

Въ день унылый,
Въ глухую осень, одинокъ
Стоялъ я у твоей могилы
И все опомниться не могъ.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взоръ потухъ, и навсегда?
Твой голосъ смолкъ среди недуга?
Меня отнынѣ никогда
Ты въ часъ свиданья не обнимешь?
Не молвишь въ проводъ ничего?
Ты сердцемъ любящимъ не примешь
Признаній сердца моего?
Все кончено, все невозвратно,
Какъ правды ужасъ ни тай!—
Шептали что-то непонятно
Уста холодныя мои;
И дрожь по тѣлу пробѣгала;
Мнѣ кто-то говорилъ укоръ;
Къ груди рыданье подступало,
Мѣшался умъ, мутился взоръ,
И кровь по жиламъ стыла, стыла...
Скорѣй на воздухъ! дайте свѣтъ!
О! это страшно, страшно было,
Какъ сонъ гнетущій или бредъ...

Я пережилъ,—и вновь блуждаетъ
Жизнь между дѣла и утѣхъ,
Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ,
И слезы чуются сквозь смѣхъ.
Въ наслѣдье мнѣ дала утрата

Портреть съ умершаго чела;
 Гляжу—и будто образъ брата
 У сердца смерть не отняла.
 И вдругъ мечта на умъ приходитъ,
 Что это—только мирный сонъ;
 Онъ это спить, улыбка бродить,
 И завтра вновь проснется онъ;
 Раздастся голосъ благородный,
 И юношамъ въ завѣтный даръ
 Онъ принесетъ и духъ свободный,
 И мысли свѣтъ, и сердца жаръ...
 Но снова въ памяти унылой
 Рядъ урнъ надгробныхъ и камней
 И насыпь свѣжая могилы
 Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
 Дыханью осени послушна,—
 Кладбища сторожъ вѣковой,
 Сосна качаетъ равнодушно
 Зелено-грустною главой,
 И волны, берегъ омывая,
 Бѣгутъ, спѣшать. не отдыхая.

Грановскій не былъ гонимъ. Передъ его взглядомъ печальнаго укора остановилась николаевская опричнина. Онъ умеръ, окруженный любовью новаго поколѣнія, сочувствіемъ всей образованной Россіи, признаніемъ своихъ враговъ. Но тѣмъ не меньше я удерживаю мое выраженіе: да, онъ много страдалъ. Не однѣ желѣзныя цѣпи перетираютъ жизнь; Чаадаевъ въ единственномъ письмѣ, которое онъ мнѣ писалъ за границу (20 іюля 1851), говоритъ о томъ, что онъ гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу, — «не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго».

Передо мною лежатъ три-четыре письма, которыя я получилъ отъ Грановскаго въ послѣдніе годы; какая развѣдающая, мертвящая грусть въ каждой строкѣ!

«Положеніе наше,—пишетъ онъ въ 1850 году,—становится нестерпимѣе день отъ дня. Всякое движеніе на Западъ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значить личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничили слѣдующими, уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1.400 человекъ студентовъ, стало быть,

надобно выпустить 1.200, чтобъ имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр., лицею. Деспотизмъ громко говорить, что онъ не можетъ ужиться съ просвѣщеніемъ. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показать величіе непонятой историкомъ римской имперіи, которой недоставало только одного — наслѣдственности!..

«Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впало въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотритъ на происходящее, — когда же развалится этотъ міръ?..

«Я рѣшился не итти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать,— пусть выгоняютъ сами.

«Вчера пришло извѣстіе о смерти Галахова, а на дняхъ разнесся слухъ и о твоей смерти. Когда мнѣ сказали это, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. А впрочемъ, почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь, это не было бы глупѣе остального». 20

Осенью 1853 года онъ пишетъ: «Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде (т.-е. при мнѣ) и чѣмъ стали теперь. Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ; только при воспоминаніи о тебѣ молодѣетъ душа. Лучшая, отраднѣйшая мечта моя въ настоящее время — еще разъ увидѣть тебя, да и она, кажется, не сбудется».

Одно изъ послѣднихъ писемъ онъ заключаетъ такъ: «Слышенъ глухой общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противодѣйствіе? Тяжело, братъ, а выхода нѣтъ *живому*. Быстро на нашемъ сѣверѣ дикое самовластье изнашиваетъ людей. Я съ внутреннею боязнью осматриваюсь назадъ; точно на полѣ сраженія: мертвые да изуродованные»...

Грановскій былъ не одинъ, а въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, возвратившихся изъ Германіи во время нашей ссылки. Они сильно двинули впередъ московскій университетъ, исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса ¹⁾, Риттера ²⁾ и др., они слушали ихъ именно въ то-

¹⁾ Эдуардъ, извѣстный нѣмецкій юристъ.

²⁾ Генрихъ, нѣмецкій философъ.

время, когда осто́въ діалектики сталъ обрастать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ номеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ настроеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности; это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлomu сознанию.

Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и кафедры для нихъ были святыми наоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи.

И гдѣ вся эта плеяда молодыхъ доцентовъ, начиная съ лучшаго изъ нихъ, съ Грановскаго? Милый, блестящій, умный, ученый Крюковъ умеръ лѣтъ 35 отроду. Эллинистъ Печеринъ ¹⁾ побился, побился въ страшной русской жизни, не вытерпѣлъ и ушелъ безъ цѣли, безъ средствъ, надломленный и больной, въ чужіе края, скитался безпріютнымъ сиротой, сдѣлался іезуитскимъ священникомъ и жжетъ протестантскія библии въ Ирландіи. Р. ²⁾ постригся въ гражданскіе монахи, служитъ себѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и пишетъ боговдохновенныя статьи съ текстами. ³⁾ Крыловъ ³⁾... но довольно. La toile! La toile! ⁴⁾

¹⁾ Владиміръ Сергѣевичъ.

²⁾ Рѣдкинъ.

³⁾ Никита Ивановичъ.

⁴⁾ Занавѣсъ! Занавѣсъ!

ГЛАВА XXX.

НЕ НАШИ.

Славянофилы и панславизмъ. — Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ. — П. Я. Чаадаевъ.

Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинакая*... И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ *сердце билось одно*.

«Колоколъ», л. 90 («К. С. Аксаковъ»).

I.

Рядомъ съ нашимъ кругомъ были наши противники, *pos amis les ennemis* ¹⁾, или вѣрнѣе — *pos ennemis les amis* ²⁾, московскіе славянофилы.

Борьба между нами давно кончилась, и мы протянули другъ другу руки; но въ началѣ сороковыхъ годовъ мы должны были встрѣтиться враждебно, — этого требовала послѣдовательность нашихъ началамъ. Мы могли бы не ссориться изъ-за ихъ дѣтскаго поклоненія дѣтскому періоду нашей исторіи; но, принимая за серьезное ихъ православіе, но, видя ихъ церковную нетерпимость въ обѣ стороны, — въ сторону науки и въ сторону раскола, — мы должны были враждебно стать противъ нихъ. Мы видѣли въ ихъ ученіи новый елей, помазывающій царя, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти раболѣпной византійской церкви.

¹⁾ Наши друзья-враги.

²⁾ Наши враги-друзья.

На славянофилахъ лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ иконѣписные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни.

Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патриотизмъ и преувеличенное раздражительное чувство народности были вызваны крайностями въ другую сторону. Важность ихъ воззрѣнія, его истина и существенная часть вовсе не въ православіи и не въ исключительной народности, а въ тѣхъ *стихіяхъ* русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи.

Идея народности, сама по себѣ, — идея консервативная, въгораживаніе своихъ, противоположеніе себя другому; въ ней есть и юдаическое понятіе о превосходствѣ племени, и аристократическія притязанія на чистоту крови и на майоратъ. Народность, какъ знамя, какъ боевой крикъ, только тогда окружается ореоломъ, когда народъ борется за независимость, когда свергаетъ иноземное иго. Оттого-то національныя чувства со всѣми ихъ преувеличеніями исполнены поэзіи въ Италіи, въ Польшѣ и въ то же время пошлы въ Германіи.

Намъ доказывать нашу народность было бы еще смѣшнѣе, чѣмъ нѣмцамъ; въ ней не сомнѣваются даже тѣ, которые насъ бранятъ; они насъ ненавидятъ отъ страха, но не отрицаютъ, какъ Меттернихъ отрицалъ Италію. Намъ надо было противопоставить нашу народность противъ онѣмченнаго правительства и своихъ ренегатовъ. Эту домашнюю борьбу нельзя было поднять до эпоса. Появленіе славянофиловъ, какъ школы и какъ особаго ученія, было совершенно на мѣстѣ; но если-бъ у нихъ не нашлось другого знамени, какъ православная хоругвь, другого идеала, какъ «Домострой» и очень русская, но чрезвычайно тяжелая жизнь допетровская, они прошли бы курьезной партіей оборотней и чудаковъ, принадлежащихъ другому времени. Сила и будущность славянофиловъ лежала не тамъ. Кладъ ихъ, можетъ, и былъ спрятанъ въ церковной утвари старинной работы, но цѣнность-то его была не въ сосудѣ и не въ формѣ. Они не дѣлили ихъ сначала.

Къ собственнымъ историческимъ воспоминаніямъ прибавились воспоминанія всѣхъ единоплеменныхъ народовъ. Сочувствіе къ западному панславизму приняли наши славянофилы за тождество дѣла и направленія, забывая, что тамъ исключительный націонализмъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ воплемъ притѣсненнаго чужестраннымъ игомъ народа. Западный панславизмъ при появленіи своемъ былъ принятъ самимъ австрійскимъ правительствомъ за шагъ консервативный. Онъ развился въ печальную эпоху вѣнскаго кон-

гресса. Это было, вообще, время всяческих воскресеній и возстановленій, время всевозможныхъ Лазарей, свѣжихъ и смердящихъ. Рядомъ съ дейчтумомъ ¹⁾, шедшимъ на воскресеніе *счастливыхъ* времянь Барбароссы и Гогенштауфеновъ, явился чешскій панславизмъ. Правительства были рады этому направленію и сначала поощряли развитіе международныхъ ненавистей; массы снова лѣпились около племенного родства, узелъ котораго затягивался ту же, и снова отдалялись отъ общихъ требованій улучшенія своего быта; границы становились непроходимѣе, связь и сочувствіе между народами обрывались. Само собой разумѣется, что однимъ апатическимъ или слабымъ народностямъ позволяли просыпаться и именно до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ ограничивалась учено-археологическими занятіями и этимологическими спорами. Въ Миланѣ, гдѣ національность никакъ не ограничилась бы грамматикой, ее держали въ ежовыхъ рукавицахъ.

Чешскій панславизмъ подзадорилъ славянскія сочувствія въ Россіи.

Славянизмъ, или руссизмъ, не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существовалъ со времени обрѣтія первой бороды Петромъ I.

Противодѣйствіе петербургскому терроризму образованія никогда не перемежалось: казенное, четвертованное, повѣшенное на зубцахъ Кремля и тамъ пристрѣленное Меншиковымъ и другими царскими *потѣшниками*, въ видѣ буйныхъ стрѣльцовъ, отравленное въ рavelинѣ Петербургской крѣпости, въ видѣ царевича Алексѣя, оно является, какъ партія Долгоруковыхъ при Петрѣ II, какъ ненависть къ нѣмцамъ при Биронѣ, какъ Пугачевъ при Екатеринѣ II, какъ сама Екатерина II, православная нѣмка, при русскомъ голштинцѣ Петрѣ III, какъ Елизавета, опиравшаяся на тогдашнихъ славянофиловъ, чтобъ сѣсть на престолъ (народъ въ Москвѣ ждалъ, что при ея коронаціи изобьютъ всѣхъ нѣмцевъ).

Всѣ раскольники—славянофилы.

Все бѣлое и черное духовенство—славянофилы другого рода.

Солдаты, требовавшіе смѣны Барклая-де-Толли за его нѣмецкую фамилію, были предшественники Хомякова и его друзей.

Война 1812 г. сильно развила чувство народнаго сознанія и любви къ родинѣ, но патриотизмъ 1812 г. не имѣлъ старообрядчески-славянскаго характера. Мы его видимъ въ Карамзинѣ и Пуш-

¹⁾ Deutschthum—германоманія.

кинѣ, въ самомъ императорѣ Александрѣ. Практически онъ былъ выраженіемъ того инстинкта силы, который чувствуютъ всѣ могучіе народы, когда чужіе ихъ задѣваютъ; потомъ это было торжественное чувство побѣды, гордое сознаніе даннаго отпора. Но теорія его была слаба; для того, чтобы любить русскую исторію, патриоты ее перекладывали на европейскіе нравы; они, вообще, переводили съ французскаго на русскій языкъ римско-греческій патриотизмъ и не шли далѣе стиха:

Pour un coeur bien né, que la patrie est chère! ¹⁾

Правда, Шишковъ ²⁾ бредилъ уже и тогда о возстановленіи стараго слога, но вліяніе его было ограничено. Что же касается до настоящаго народнаго слога, его зналъ одинъ офранцузенный графъ Ростопчинъ ³⁾ въ своихъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ.

По мѣрѣ того, какъ война забывалась, патриотизмъ этотъ утихалъ и выродился, наконецъ, съ одной стороны, въ подлюгу, циническую лестъ «Сѣверной Пчелы», съ другой, — въ пошлый загоскинской ⁴⁾ патриотизмъ, называющій Шую Манчестеромъ, Шебуева ⁵⁾—Рафаэлемъ, хвастающій штыками и пространствомъ отъ льдовъ Торнео до горъ Тавриды...

При Николаѣ патриотизмъ превратился во что-то кнутовое, полицейское, особенно въ Петербургѣ, гдѣ это дикое направленіе окончилось, сообразно космополитическому характеру города, *изобрѣтеніемъ* народнаго гимна по Себастіану Баху ⁶⁾ и Проконіемъ Ляпуновымъ—по Шиллеру.

¹⁾ Какъ дорого отечество высокорожденному сердцу!

²⁾ Александръ Семеновичъ.

³⁾ Ѳедоръ Васильевичъ.

⁴⁾ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

⁵⁾ Василій Кузьмичъ, историческій живописецъ.

⁶⁾ Сперва народный гимнъ пѣли пренаивно на голосъ «God save the King» ⁹⁾ да, сверхъ того, его не пѣли почти никогда. Все это—нововведенія николаевскія. Съ польской войны велѣли въ царскіе дни и на большихъ концертахъ пѣть народный гимнъ, поставленный *кортуса жандармовъ* полковникомъ Львовымъ ¹⁰⁾.

Императоръ Александръ I былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы любить грубую лестъ; онъ съ отвращеніемъ слушалъ въ Парижѣ презрительныя и ползающія у ногъ побѣдителя рѣчи академиковъ. Разъ, встрѣтивъ въ своей передней Шатобриана, онъ ему показалъ послѣдній номеръ «Journal des Débats» и прибавилъ: «Я васъ увѣряю, что такихъ плоскихъ низостей я ни разу не видалъ ни въ одной русской газетѣ». Но при Николаѣ нашлись литераторы, которые оправдали его монаршее довѣріе и заткнули за поясъ всѣхъ журналистовъ 1814 года, даже нѣкоторыхъ пре-

⁹⁾ Боже, спаси короля (англійскій гимнъ).

¹⁰⁾ Алексѣй Ѳедоровичъ, композиторъ. 22

Я былъ на первомъ представленіи «Ляпунова» въ Москвѣ и видѣлъ, какъ Ляпуновъ засучиваетъ рукава и говоритъ что-то въ родѣ «потѣшусь я въ польской крови». Глухой стонъ отвращенія вырвался изъ груди всего партера; даже жандармы, квартальные и люди кресель, на которыхъ нумера какъ-то *стерты*, не нашли силъ апплодировать!

Для того, чтобы отрѣзаться отъ Европы, отъ просвѣщенія, отъ революціи, пугавшей его съ 14 декабря, Николай, съ своей стороны, поднялъ хоругвь *православія, самодержавія и народности*, отдѣланную на манеръ прусскаго штандарта и поддерживаемую чѣмъ ни попало—дикими романами Загоскина, дикой иконописью, дикой архитектурой, Уваровымъ, преслѣдованіемъ униатъ и «Руской Всевышняго отечество спасла»¹⁾.

Встрѣча московскихъ славянофиловъ съ петербургскимъ славянофильствомъ Николая была для нихъ большимъ несчастіемъ. Николай бѣжалъ въ народность и православіе отъ революціонныхъ идей. Общаго между ними ничего не было, кромѣ словъ. Ихъ крайности и нелѣпости все же были безкорыстно нелѣпы и безъ всякаго отношенія къ III Отдѣленію или къ управѣ благочинія, что, разумѣется, нисколько не мѣшало ихъ нелѣпостямъ быть чрезвычайно нелѣпыми.

Такъ, на примѣръ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ въ Москвѣ проѣздомъ панславистъ Гай²⁾, игравшій потомъ какую-то неясную роль, какъ кроатскій агитаторъ и въ то же время близкій человѣкъ бана Једлачича³⁾. Москвитяне вѣрятъ вообще всѣмъ иностранцамъ; Гай былъ больше, чѣмъ иностранецъ, больше, чѣмъ

фектовъ 1852 г. Булгаринъ писалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что между прочими выгодами желѣзной дороги между Москвой и Петербургомъ онъ не можетъ безъ умиленія вздумать, что одинъ и тотъ же человѣкъ будетъ въ возможности утромъ отслужить молебенъ о здравіи государя императора въ Казанскомъ соборѣ и вечеромъ другой—въ Кремлѣ! Казалось бы, трудно превзойти эту страшную нелѣпость, но нашелся въ Москвѣ литераторъ, перещеголявшій Фаддея Венедиктовича. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая въ Москву одинъ ученый профессоръ⁴⁾ написалъ статью, въ которой онъ, говоря о массѣ народа, толпившейся передъ дворцомъ, прибавляетъ, что стоило бы царю изъявить малѣйшее желаніе—и эти тысячи, пришедшія лицезрѣть его, радостно бросились бы въ Москву-рѣчку. Фразу эту вымаралъ графъ С. Г. Строгановъ, *разсказывавшій мнѣ* этотъ милый анекдотъ.

А. И. Г.

¹⁾ «Патріотическая» пьеса Н. В. Кукольника.

²⁾ Людвигъ, замѣчательный хорватскій дѣятель.

³⁾ Графъ Јосифъ, банъ тріединого королевства Хорватіи, Славоніи и Далмаціи.

⁴⁾ М. П. Погодинъ.

свой, — онъ былъ то и другое. Ему, стало быть, нетрудно было разжалобить нашихъ славянъ судьбою страждущей и православной братіи въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней, и, сверхъ того, Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ сербскихъ и русняцкихъ симпатій. За обѣдомъ одинъ изъ нѣжнѣйшихъ по голосу и по занятіямъ славянофиловъ¹⁾, человекъ *краснаю* православія, разгоряченный, вѣроятно, тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ босняковъ, чеховъ и словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее, не вовсе христіанское выраженіе:

Упьюся я кровью мадяровъ и нѣмцевъ.

Всѣ неповрежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастью, остроумный статистикъ Андросовъ²⁾ выручилъ кровожаднаго пѣвца; онъ вскочилъ съ своего стула, схватилъ десертный ножикъ и сказалъ: «Господа, извините меня, я васъ оставлю на минуту; мнѣ пришло въ голову, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Дицъ—нѣмецъ; я сбѣгаю его прирѣзать и сейчасъ возвращусь».

Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Въ такую-то кровожадную въ *тостахъ* партію сложились московскіе славяне во время нашей ссылки и моей жизни въ Петербургъ и Новгородъ.

Страстный и вообще полемическій характеръ славянской партіи особенно развился вслѣдствіе критическихъ статей Бѣлинскаго; и еще прежде нихъ они должны были сомкнуть свои ряды и высказаться при появленіи «Письма» Чаадаева и шумъ, который оно вызвало.

«Письмо» Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ. Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ,—все равно, надобно было проснуться.

Что, кажется, значать два-три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обзорѣніи? А между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ, молчащей и не привыкнущей къ независимому говору, что «Письмо» Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ «Горя отъ ума» не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе. Между ними десятилѣтнее мол-

¹⁾ А. С. Хомяковъ.

²⁾ Василій Петровичъ.

чаніе, 14 декабря, висѣлицы, каторга, Николай. Петровскій періодъ переломился съ двухъ концовъ. Пустое мѣсто, оставленное сильными людьми, сосланными въ Сибирь, не замѣчалось. Мысль томилась, работала, но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобъ спокойно сказать свое *lasciate ogni speranza* ¹⁾.

Лѣтомъ ²⁾ 1836 года я свокоино сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку «Телескопа». Надобно жить въ ссылкѣ и глуши, чтобъ оцѣнить, что значить новая книга. Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать «Телескопъ» — «Философическія письма», писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти писаны русскимъ по-французски, т.-е., что это — переводъ. Все это скорѣе предупредило меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать «критику» и «смѣсь».

Наконецъ, дошелъ чередъ и до «Письма». Со второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди, долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей... Читаю далѣе, — «Письмо» растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ.

Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ, и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по-русски неизвѣстнымъ авторомъ... Я боялся, не сошелъ ли я съ ума. Потомъ я перечитывалъ «Письмо» Витбергу, потомъ С. ³⁾, молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ.

Весьма вѣроятно, что то же самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ. Имя автора я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Долго оторванная отъ народа часть Россіи простирадала молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ въ замѣну игомъ. Каждый чувствовалъ гнеть, у каждаго было *что-то* на сердцѣ, и, все-таки, всѣ молчали; наконецъ, пришелъ человекъ, который по-своему сказалъ, *что*. Онъ сказалъ только про боль; свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ да нѣтъ ничего и

¹⁾ Оставьте всякую надежду (изъ «Ада» Данте).

²⁾ Осенью; 15-я книжка журнала вышла въ концѣ сентября.

³⁾ А. Е. Скворцовъ.

во взглядѣ. «Письмо» Чаадаева—безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи; она имѣла право на него: развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или кого-нибудь?

Разумѣется, такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію или онъ былъ бы совершенно правъ, говоря, что прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это «пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ, до чего отчужденіе и рабство могутъ довести». Это было покаяніе и обвиненіе; знать впередъ, *что мѣ* примириться—не дѣло раскаянія, не дѣло протеста, или сознание въ винѣ, шутка и испуленіе неискренно.

Но оно и не прошло такъ; на минуту всѣ, даже сонные и забытые, отпрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство оскорблено, человекъ десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки въ гостиныхъ предупредили мѣры правительства, накликали ихъ. Нѣмецкаго происхожденія русскій патріотъ Вигель (извѣстный не съ лицевой стороны по эпиграммѣ Пушкина) пустилъ дѣло въ ходъ. ²³

Обозрѣніе было тотчасъ запрещено; Болдыревъ ¹⁾, старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ, былъ отставленъ; Надеждинъ ²⁾, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ; Чаадаева Николай приказалъ объявить *сумасшедшимъ* и обязать подпиской *ничего* не писать. Всякую субботу пріѣзжали къ нему докторъ и полицмейстеръ; они свидѣтельствовали его и дѣлали донесеніе, т.-е. выдавали за своей подписью пятьдесятъ два формальныхъ свидѣтельства по высочайшему повелѣнію, — умно и нравственно. Наказанные, разумѣется, были они; Чаадаевъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти шалости въ самомъ дѣлѣ поврежденнаго своеволія власти. Ни докторъ, ни полицмейстеръ никогда не заикались, зачѣмъ они пріѣзжали. ²⁴

Я видѣлъ Чаадаева прежде моей ссылки одинъ разъ. Это было въ самый день взятія Огарева. Я упомянулъ, что въ тотъ день у М. Ѳ. Орлова былъ обѣдъ. Всѣ гости были въ сборѣ, когда вошелъ, холодно кланяясь, человекъ, котораго оригинальная наружность, красивая и самобытно рѣзкая, должна была каждого остановить на себѣ. Орловъ взялъ меня за руку и представилъ; это былъ Чаадаевъ. Я мало помню объ этой первой встрѣчѣ, — мнѣ было не до него; онъ былъ, какъ всегда, холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ. Послѣ обѣда Раевская, мать Орловой, сказала мнѣ:

¹⁾ Алексѣй Васильевичъ.

²⁾ Николай Ивановичъ.

«Что вы такъ печальны? Ахъ, молодые люди, молодые люди, какіе вы нынче стали!».—«А вы думаете,—сказаль Чаадаевъ,—что нынче еще есть молодые люди?» Вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Возвратившись въ Москву, я сблизился съ нимъ, и съ тѣхъ поръ до отъѣзда мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на линючемъ и тяжеломъ фонѣ московской high life ¹⁾. Я любилъ смотрѣть на него середь этой мишурной знати, вѣтранныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсь и почетнаго ничтожества. Какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ. Лѣта не исказили стройнаго стана его; онъ одѣвался очень тщательно; блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто, изъ воску или изъ мрамора; «чело, какъ черепъ голый» ²⁾, сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе; тонкія губы, напротивъ, улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ, сложа руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, бессмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказаль свое слово, спокойно спрятавъ, какъ пряталь въ своихъ чертахъ, страсть подъ ледяной корою. Потомъ опять умолкъ, опять являлся капризнымъ, недовольнымъ, раздраженнымъ, опять тяготѣлъ надъ московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ, не по-себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія. Что же заставляло ихъ принимать его, звать... и еще больше ѣздить къ нему? Вопросъ очень серьезный.

Чаадаевъ не былъ богатъ, особенно въ послѣдніе годы; онъ не былъ и знатенъ: ротмистръ въ отставкѣ съ желѣзнымъ кульмскимъ крестомъ на груди. Онъ, по словамъ Пушкина, «въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесь,

А здѣсь онъ—офицеръ гусарской».

Знакомство съ нимъ могло только компрометировать чело-вѣка въ глазахъ правительствующей полиціи. Откуда же шло

¹⁾ Высшее общество.

²⁾ «Полководецъ» Пушкина.

влияніе? Зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ, въ Старой Басманной, толпились по понедѣльникамъ «тузы» англійскаго клуба, патриціи Тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не понимающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчалъ у него дикаго *Американца* Толстого и дикаго генералъ-адъютанта Шипова ¹⁾, уничтожавшаго просвѣщеніе въ Польшѣ? ²⁵

Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между имъ и ними ²⁾. Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію. Насколько власть «безумнаго» ротмистра Чаадаева была признана, настолько «безумная» власть Николая Павловича была уменьшена.

Чаадаевъ имѣлъ свои странности, свои слабости, онъ былъ озлобленъ и избалованъ. Я не знаю общества менѣе снисходительнаго, какъ московское, болѣе исключительнаго; именно поэтому оно смахиваетъ на провинціальное и напоминаетъ недавность своего образованія. Отчего же человѣку въ пятьдесятъ лѣтъ,

1) Сергѣй Павловичъ.

2) Чаадаевъ часто бывалъ въ англійскомъ клубѣ. Разъ какъ-то морской министръ Меншиковъ ³⁾ подошелъ къ нему со словами:

— Что это, Петръ Яковлевичъ, старыхъ знакомыхъ не узнаете?

— Ахъ, это вы! — отвѣчалъ Чаадаевъ. Дѣйствительно, не узналъ. Да и что это у васъ черный воротникъ? прежде, кажется, былъ красный?

— Да, развѣ вы не знаете, что я—морской министръ?

— Вы? Да я думаю, вы никогда шлюпкой не управляли.

— Не черти горшки обжигаютъ, — отвѣчалъ нѣсколько недовольный Меншиковъ.

— Да, развѣ на этомъ основаніи,—заклучилъ Чаадаевъ.

Какой-то сенаторъ сильно жаловался на то, что очень занятъ.

— Чѣмъ же?—спросилъ Чаадаевъ.

— Помилуйте, одно чтеніе записокъ, дѣлъ,—и сенаторъ показалъ аршинъ отъ полу.

— Да, вѣдь, вы ихъ не читаете.

— Нѣтъ, иной разъ и очень, да потомъ все же иногда надобно подать свое мнѣніе.

— Вотъ въ этомъ я ужъ никакой надобности не вижу, — замѣтилъ Чаадаевъ.

А. И. Г.

³⁾ Александръ Сергѣевичъ.

одинокому, лишившемуся почти всѣхъ друзей, потерявшему состояніе, много жившему мыслию, часто огорченному, не имѣть своего обычая, свои причуды?

Чаадаевъ былъ адъютантомъ Васильчикова ¹⁾ во время извѣстнаго семеновскаго дѣла. Государь находился тогда, помнится, въ Веронѣ или въ Аахенѣ ²⁾ на конгрессѣ. Васильчиковъ послалъ Чаадаева съ рапортомъ къ нему, и онъ какъ-то опоздалъ часомъ или двумя и пріѣхалъ позже курьера, посланнаго австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ. Государь, раздраженный дѣломъ, увлекаемый тогда окончательно въ реакцію Меттернихомъ, который съ радостью услышалъ о семеновской исторіи, очень дурно принялъ Чаадаева, бранился, сердился и потомъ, опомнившись, велѣлъ ему предложить званіе флигель-адъютанта; Чаадаевъ отклонилъ эту честь и просилъ одной милости—отставки. Разумѣется, это очень не понравилось, но отставка была дана. ²⁶

Чаадаевъ не торопился въ Россію ³⁾; разставшись съ золоченымъ мундиромъ, онъ принялся за науку. Умеръ Александръ, случилось 14 декабря (отсутствіе Чаадаева спасло его отъ вѣроятнаго преслѣдованія ⁴⁾), около 1830 года ⁵⁾ онъ возвратился.

Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ; это знакомство, вѣроятно, много способствовало, чтобъ завести его на мистическую философію. Она у него развилась въ революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Въ своемъ «Письмѣ» онъ половину бѣдствій Россіи относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства.

Какъ ни странно для насъ такое мнѣніе, но не надобно забывать, что католицизмъ имѣетъ въ себѣ большую тягучесть. Лакордеръ ⁶⁾ проповѣдывалъ католическій социализмъ, оставаясь доминиканскимъ монахомъ; ему помогалъ Шеве ⁷⁾, оставаясь сотрудникомъ «Voix du Peuple» ⁸⁾. Въ сущности нео-католицизмъ не хуже риторическаго деизма, этой не-религии и не-вѣдѣнія, этой

¹⁾ Князь Илларионъ Васильевичъ, командиръ гвардейскаго корпуса.

²⁾ Въ Троппау.

³⁾ Послѣ отставки пріѣхалъ въ Москву, откуда въ 1823 г. поѣхалъ за границу.

⁴⁾ Теперь мы знаемъ достоверно, что Чаадаевъ былъ членомъ общества, изъ «Записокъ» Якушкина. А. И. Г.

⁵⁾ Въ іюль 1826 г.

⁶⁾ Жанъ-Батистъ, извѣстный франц. проповѣдникъ.

⁷⁾ Шарль-Франсуа, франц. публицистъ.

⁸⁾ Газета Прудона, въ которой участвовалъ и Герценъ.

умѣренной теологіи образованныхъ мѣщанъ, «атеизма, окруженнаго религіозными учрежденіями».

Если Ронге ¹⁾ и послѣдователи Буше ²⁾ еще возможны послѣ 1848 г., послѣ Фейербаха и Прудона, послѣ Пія IX и Ламеннэ ³⁾, если одна изъ самыхъ энергичныхъ партій движенія ставитъ мистическую формулу на своемъ знамени, если до сихъ поръ есть люди, какъ Мицкевичъ, какъ Красинскій ⁴⁾, продолжающіе быть мессіанистами,—то дивиться нечему, что подобное ученіе привезъ съ собою Чаадаевъ изъ Европы двадцатыхъ годовъ. Мы ее нѣсколько забыли; стоитъ вспомнить «Исторію» Волабеля ⁵⁾, «Письма» лэди Морганъ ⁶⁾, «Записки» Адриани, Байрона, Леопарди, чтобы убѣдиться, что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ исторіи. Революція оказалась несостоятельной, грубый монархизмъ, съ одной стороны, цинически хвастался своей властью, лукавый монархизмъ, съ другой—цѣломудренно прикрывался листомъ хартіи едва только, и то изрѣдка, слышались пѣсни освобождающихся эллиновъ, какая-нибудь энергическая рѣчь Каннинга ⁷⁾ или Ройе-Коллара ⁸⁾.

Въ протестантской Германіи тогда образовалась католическая партія; Шлегель ⁹⁾ и Лео ¹⁰⁾ мѣняли вѣру, старый Янъ ¹¹⁾ и другіе бредили о какомъ-то народномъ и демократическомъ католицизмѣ. Люди спасались отъ настоящаго въ средніе вѣка, въ мистицизмъ, читали Эккартсгаузена, занимались магнетизмомъ и чудесами князя Гогенлоэ ¹²⁾; Гюго, врагъ католицизма, столько же помогалъ его возстановленію, какъ тогдашній Ламеннэ, ужасавшійся бездушному индиферентизму своего вѣка.

На русскаго такой католицизмъ долженъ былъ еще сильнѣе подѣйствовать. Въ немъ было формально все то, чего недоставало въ русской жизни, оставленной на себя, сгнетенной одной матеріальной властью и ищущей путь собственнымъ чутьемъ. Строгой чинъ и гордая независимость западной церкви, ея оконченная

¹⁾ Иоганнъ, основатель нѣмецко-католической церкви.

²⁾ Филиппъ-Жозефъ, франц. соціально-политической писатель.

³⁾ Фелисите-Роберъ, аббатъ, знаменитый франц. писатель.

⁴⁾ Графъ Сигизмундъ, знаменитый польскій поэтъ.

⁵⁾ Ашиль, франц. историкъ и политич. дѣятель.

⁶⁾ Сидней; письма къ папѣ Пію IX о реформахъ въ Итали.

⁷⁾ Джорджъ, англійскій государственный дѣятель.

⁸⁾ Пьеръ-Поль, франц. политической дѣятель.

⁹⁾ Фридрихъ, нѣмец. критикъ и философъ.

¹⁰⁾ Генрихъ, нѣмец. историкъ.

¹¹⁾ Фридрихъ-Людвигъ, прозванный «отцомъ гимнастики».

¹²⁾ Александръ-Леопольдъ.

ограниченность, ея практическія приложенія, ея безвозвратная увѣренность и мнимое снятіе всѣхъ противорѣчій своимъ высшимъ единствомъ, своей вѣчной фатаморганою, своимъ *urbi et orbi* ¹⁾, своимъ презрѣніемъ свѣтской власти, должно было легко овладѣть умомъ пылкимъ и начавшимъ свое серьезное образованіе въ совершенныхъ лѣтахъ.

Когда Чаадаевъ возвратился, онъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе, раболѣпнѣе съ воцареніемъ Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удалъ александровскихъ временъ,—все это исчезло съ 1826 годомъ.

Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ открытой шеей à l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицамъ; были молодые литераторы, начинавшие пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ.

Друзья его были на каторжной работѣ. Онъ сначала оставался совсѣмъ одинъ въ Москвѣ, потомъ вдвоемъ съ Пушкинымъ, наконецъ, втроемъ съ Пушкинымъ и Орловымъ. Чаадаевъ показывалъ часто, послѣ смерти обоихъ, два небольшихъ пятна на стѣнѣ надъ спинкой дивана: тутъ они прислоняли голову!

Безмѣрно печально сличеніе двухъ посланій Пушкина къ Чаадаеву; между ними прошла не только ихъ жизнь, но цѣлая эпоха, жизнь цѣлаго поколѣнія, съ надеждою ринувшагося впередъ и грубо отброшеннаго назадъ. Пушкинъ-юноша говоритъ своему другу:

Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Но заря не взошла, а взошелъ Николай на тронъ, и Пушкинъ пишетъ:

Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслить имя роковое
Предать раввалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленіи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

¹⁾ Всему міру.

Въ мірѣ не было ничего противоположнѣ славянамъ, какъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мстилъ русской жизни, какъ его обдуманное, выстраданное проклятiе ей, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи. Онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ сильную оппозицію, онъ горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы.

«Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, cadaго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколь,—пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколь, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или, можетъ, этотъ большой колоколь безъ языка—іероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя славянами, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое»¹⁾.

Одностороннее отчаяніе его и сангвиническія надежды московскихъ славянъ шли изъ одного источника; оттого-то, враждуя другъ противъ друга, они имѣли между собою симпатію.

Первые десять лѣтъ послѣ 1825 г. были страшны не только отъ открытаго гоненія всякой мысли, но отъ полнѣйшей пустоты, обличившейся въ обществѣ: оно пало, оно было сбито съ толку и запугано. Лучшіе люди разглядывали, что прежніе пути развитія врядъ возможны ли, новыхъ не знали. Сѣрое осеннее небо тяжело и безотраднo заволокло душу.

Чаадаевъ и славяне равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни,—сфинксомъ, спящимъ подъ солдатской шинелью и подъ царскимъ надзоромъ; они равно спрашивали: «Что же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы. Гдѣ же выходъ?».

«Его нѣтъ», отвѣчалъ челоѣкъ петровскаго періода исключительно западной цивилизаціи, вѣрившій при Александрѣ въ европейскую будущность Россіи. Онъ печально указывалъ, къ чему привели усилія цѣлаго вѣка: образованіе дало только новыя средства угнетенія, церковь сдѣлалась одною тѣнью, подъ котрой покоится полиція, народъ все выносить, все терпитъ, правительство все давить и гнететь. «Исторія другихъ народовъ—повѣсть ихъ освобожденія. Русская исторія—развитіе крѣпостнаго состоянія и самодержавія». Переворотъ Петра сдѣлалъ изъ насъ худшее, что можно

¹⁾ «Въ дополненіе къ тому,—говорилъ онъ мнѣ въ присутствіи Хомякова,—они хвастаются даромъ слова, а во всемъ племени говоритъ одинъ Хомяковъ». А. И. Г.

сдѣлать изъ людей: *просвѣщенных* рабовъ. Довольно мучились мы въ этомъ тяжеломъ, смутномъ нравственномъ состояніи, непонятые народомъ, побитые правительствомъ; пора отдохнуть, пора свети миръ въ свою душу, прислониться къ чему-нибудь... Это почти значило «пора умереть», и Чаадаевъ думалъ найти обѣщанный всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ покой въ католической церкви.

Съ точки зрѣнія западной цивилизаціи, такъ, какъ она выразилась во время реставраціи, съ точки зрѣнія петровской Руси, взглядъ этотъ совершенно оправданъ. Славяне рѣшили вопросъ иначе.

Въ ихъ рѣшеніи лежало вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, чутье ихъ было пронизательнѣе ихъ разумѣнія. Они поняли, что современное состояніе Россіи, какъ бы тягостно ни было,—*не смертельная болѣзнь*. И въ то время, какъ у Чаадаева слабо мерцаетъ возможность спасенія лицъ, а не народа, у славянъ явно проглядываетъ мысль о гибели лицъ, захваченныхъ современной эпохой, и вѣра въ спасеніе народа.

«Выходъ за нами, говорили славяне, выходъ въ отреченіи отъ петербургскаго періода, въ возвращеніи къ народу, съ которымъ насъ разобщило иностранное образованіе, иностранное правительство; *воротимся къ прежнимъ нравамъ!*»

Но исторія не возвращается; жизнь богата тканями, ей никогда не бывають нужны старыя платья. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи были всегда маскарадами. Мы видѣли двѣ: ни легитимисты не возвратились къ временамъ Людовика XIV, ни республиканцы—къ 8 термидора. Случившееся стоитъ писанаго,—его не вырубишь топоромъ.

Намъ, сверхъ того, не къ чему возвращаться. Государственная жизнь до-петровской Россіи была уродлива, бѣдна, дика, а къ ней-то и хотѣли славяне возвратиться, хотя они и не признаются въ этомъ; какъ же иначе объяснить всѣ археологическія воскресенія, поклоненіе нравамъ и обычаямъ прежняго времени и самыя попытки возвратиться не къ современной (и превосходной) одеждѣ крестьянъ, а къ стариннымъ неуклюжимъ костюмамъ?

Во всей Россіи, кромѣ славянофиловъ, никто не носитъ мурмолокъ, а К. Аксаковъ одѣлся такъ національно, что народъ на улицахъ принималъ его за персіанина, какъ рассказывалъ шутя Чаадаевъ ¹⁾.

¹⁾ Почти то же было сказано и въ сборникѣ «Первое апрѣля» 1846 г.

Возвращеніе къ народу они тоже поняли грубо, въ томъ родѣ, какъ большая часть западныхъ демократовъ: принимая *ею совѣсть ютовымъ*. Они полагали, что дѣлать предразсудки народа значитъ быть съ нимъ въ единствѣ; что жертвовать своимъ разумомъ, вмѣсто того, чтобъ развивать разумъ въ народѣ,—великій актъ смиренія. Отсюда натянутая набожность, исполненіе обрядовъ, которые, при наивной вѣрѣ, трогательны и оскорбительны, когда въ нихъ видна преднамѣренность. Лучшее доказательство, что возвращеніе славянъ къ народу не было дѣйствительнымъ, состоитъ въ томъ, что они не возбудили въ немъ никакого сочувствія. Ни византійская церковь, ни грановитая палата ничего больше не дадутъ для будущаго развитія славянскаго міра. Возвратиться къ селу, къ артели работниковъ, къ мірской сходкѣ, къ казачеству—другое дѣло; но возвратиться не для того, чтобъ ихъ закрѣпить въ неподвижныхъ азіатскихъ кристаллизаціяхъ, а для того, чтобъ развить, освободить начала, на которыхъ они основаны, очистить отъ всего наноснаго, искажающаго, отъ дикаго мяса, которымъ они обросли,—въ этомъ, конечно, наше призваніе. Но ненадобно ошибаться; все это далеко за *предѣломъ* государства; московскій періодъ такъ же мало поможетъ тутъ, какъ петербургскій,—онъ же никогда и не былъ лучше его. Новгородскій вѣчевой колоколъ былъ только перелить въ пушку Петромъ, а снять съ колокольни Іоанномъ Васильевичемъ; крѣпостное состояніе только закрѣплено ревизіей при Петрѣ, а введено Годуновымъ; въ «Уложеніи» уже нѣтъ и помину цѣловальниковъ, и кнутъ, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутеновъ и фухтелей.

Ошибка славянъ состояла въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и *не могла имѣть*. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то, что существовало безсознательно въ крестьянской избѣ и на полѣ, то теперь *только* всходитъ на пажитяхъ исторіи, утучненныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній.

Это—основы нашего быта, не воспоминанія, это—живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только *уцѣлели* подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго единства и подъ государственнымъ гнетомъ только сохранились, но не развились. Я даже сомнѣваюсь, нашлись ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія.

Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и споконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако, индійцы съ ней недалеко ушли.

Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патриархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой,—все это краеугольные камни, на которыхъ зиждется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни—все же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.

Такова судьба всего истинно *соціально*: оно невольно влечетъ къ круговой порукѣ народовъ... Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при дикомъ общинномъ бытѣ, другіе—при отвлеченной мысли коммунизма, которая, какъ христіанская душа, носится надъ разлагающимся тѣломъ.

Восприимчивый характеръ славянъ, ихъ *женственность*, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и плагиатизма дѣлаютъ ихъ по преимуществу народомъ, нуждающимся въ другихъ народахъ, они не вполнѣ довлѣютъ себѣ. Оставленные на себя, славяне легко «убаюкиваются своими пѣснями», какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ, «и дремлютъ». Возбужденные другими, они идутъ до крайнихъ слѣдствій; нѣтъ народа, который глубже и полнѣе усваивалъ бы себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою. Того упорнаго непониманія другъ друга, которое существуетъ теперь, какъ за тысячу лѣтъ, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нѣтъ. Въ этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натурѣ лежитъ необходимость отдаваться и быть увлекаемымъ.

Чтобы сложиться въ княжество, Россіи были нужны варяги.

Чтобы сдѣлаться государствомъ—монголы.

Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую.

Но при всей своей восприимчивости не оказали ли славяне вездѣ полнѣйшую неспособность къ развитію *современнаго* европейскаго, государственнаго чина, постоянно впадаая или въ отчаяннѣйшій деспотизмъ или въ безвыходное неустройство?

Эта неспособность и эта неполнота—великіе *таланты*, въ нашихъ глазахъ.

Вся Европа пришла теперь къ необходимости деспотизма,

чтобъ какъ-нибудь удержать современный государственный бытъ противъ напора социальныхъ идей, стремящихся водворить новый чинъ, къ которому Западъ, боясь и упираясь, все-таки, несется съ невѣдомой силой.

Было время, когда полусвободный Западъ гордо смотрѣлъ на Россію, раздавленную императорскимъ трономъ, и образованная Россія; вздыхая, смотрѣла на счастье старшихъ братьевъ. Это время прошло. Равенство рабства водворилось.

Мы присутствуемъ теперь при удивительномъ зрѣлищѣ: страны, гдѣ остались еще свободныя учрежденія, и тѣ напрашиваются на деспотизмъ. Человѣчество не видало ничего подобнаго со временъ Константина, когда свободные римляне, чтобъ спастись отъ общественной тяги, просились въ рабы.

Деспотизмъ или социализмъ,—выбора нѣтъ.

А между тѣмъ, Европа показала удивительную *неспособность* къ социальному перевороту.

Мы думаемъ, что Россія не такъ неспособна къ нему, и на этомъ сходимся съ славянами. На этомъ основана наша вѣра въ ея будущность,—вѣра, которую я проповѣдывалъ съ конца 1848 года.

Европа выбрала деспотизмъ, предпочла имперію. Деспотизмъ—военный станъ, имперія—война, императоръ—военачальникъ. Все вооружено; война и будетъ, но гдѣ настоящій врагъ? Дома—внизу, на днѣ и *тамъ*, за Нѣманомъ.

Начавшаяся теперь война ¹⁾ можетъ имѣть перемирія, но не кончится прежде начала всеобщаго переворота, который смѣшаетъ всѣ карты и начнетъ новую игру. Нельзя же двумъ великимъ историческимъ личностямъ, двумъ посѣдѣлымъ дѣятелямъ всей западной исторіи, представителямъ двухъ міровъ, двухъ традицій, двухъ началъ—государства и личной свободы, нельзя же имъ не остановить, не сокрушить *третью* личность, нѣмую, безъ знамени, безъ имени, являющуюся такъ не во-время съ веревкой рабства на шеѣ и грубо толкающуюся въ двери Европы и въ двери исторіи съ притязаніемъ на Византію, съ одной ногой на Германіи, съ другой—на Тихомъ океанѣ.

Помирятся ли эти *трое*, помѣрившись, сокрушатъ ли другъ друга; разложится ли Россія на части или обезсиленная Европа упадетъ въ византійскій маразмъ; подадутъ ли онѣ другъ другу руку, обновленные на новую жизнь и дружный шагъ впередъ, или будутъ рѣзаться безъ конца,—одна вещь узнана нами и не иско-

¹⁾ Писано во время Крымской войны. А. И. Г.

ренится изъ сознанія грядущихъ поколѣній, это то, что *разумное и свободное развитіе русскаго народнаго быта совпадаетъ съ стремленіями западнаго социализма.*

II.

Возвратившись изъ Новгорода въ Москву, я засталъ оба стана на барьерѣ. Славяне были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все, бывшее послѣ кievскаго періода, и умѣренными жирондистами, отвергавшими только петербургскій періодъ; у нихъ были свои кафедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но все же выходившее ¹⁾. При главномъ корпусѣ состояли православные гегельянцы, византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ и пр., и пр.

Война наша сильно занимала литературные салоны въ Москвѣ. Вообще, Москва входила тогда въ ту эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги составляло событіе; критики и антикритики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ, *бывало*, въ Англии или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросала образованную часть общества въ книжный міръ, и въ немъ одномъ, дѣйствительно, совершался глухо и полусловами протестъ противъ николаевскаго гнета, тотъ протестъ, который мы услышали открытѣе и громче на другой день послѣ его смерти.

Въ лицѣ Грановскаго московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности бироновскимъ высокомеріемъ петербургскаго правительства.

Здѣсь я долженъ оговориться. Я въ Москвѣ зналъ два круга, два полюса ея общественной жизни и могу только объ нихъ говорить. Сначала я былъ потерянъ въ обществѣ стариковъ, гвардейскихъ офицеровъ временъ Екатерины, товарищей моего отца и другихъ стариковъ, нашедшихъ тихое убѣжище въ странноприм-

¹⁾ «Москвитянинъ».

номъ сенатѣ, товарищей его брата. Потомъ я зналъ одну *молодую* Москву, литературно-свѣтскую, и говорю только объ ней. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своихъ похоронъ по рангу, и ихъ сыновьями или внучатами, не искавшими никакого ранга и занимавшимися «книжками и мыслями», я не зналъ и не хотѣлъ знать. Промежуточная среда эта, настоящая николаевская Русь, была безцвѣтна и пошла—безъ екатерининской оригинальности, безъ отваги и удали людей 1812 года, безъ нашихъ стремлений и интересовъ. Это было поколѣніе жалкое, подавленное, въ которомъ бились, задыхались и погибли нѣсколько мучениковъ. Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ; гдѣ до насъ декабристы давали тонъ; гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ; гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ, наконецъ, А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ съ мурмошкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобъ не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Р.....¹⁾ выводилъ логически личнаго бога, *ad majorem gloriam Hegelij*²⁾; гдѣ Грановскій являлся съ свѣей тихой, но твердой рѣчью; гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича; гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобриана и Рекамье³⁾ до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ⁴⁾; гдѣ Боткинъ и Крюковъ *пантеистически* наслаждались рассказами М. С. Щепкина и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ Конгривова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало.

Вообще, въ Москвѣ жизнь больше деревенская, чѣмъ городская, только господскіе дома близко другъ отъ друга. Въ ней не приходитъ все къ одному знаменателю, а живутъ себѣ образцы разныхъ временъ, образованій, слоевъ, широтъ и долготъ русскихъ. Въ ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчиваютъ свой вѣкъ; но не только они, а и Владиміръ Ленскій и нашъ чудакъ Чацкій; Онѣ-

¹⁾ П. Г. Рѣдкинъ.

²⁾ Къ вящей славы Гегеля.

³⁾ Юлія, выдающаяся женщина временъ первой имперіи во Франціи.

⁴⁾ Жена извѣстнаго нѣмец. писателя, выдающаяся женщина, съ которой были дружны Грановскій, Невѣровъ, Сатинъ, Огаревъ и др.

гиныхъ было даже слишкомъ много. Мало занятые, всѣ они жили не торопясь, безъ особыхъ заботъ, спустя рукава. Помѣщикья распушенность, признаться сказать, намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада. Подобострастный кліентизмъ, о которомъ говоритъ дѣвица Вильмотъ въ «Запискахъ» Дашковой, и который я самъ еще засталъ, въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не существовалъ. Хоръ этого общества былъ составленъ изъ неслужащихъ помѣщиковъ или служащихъ не для себя, а для успокоенія родственниковъ, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и не приведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которой нѣтъ въ старой европейской жизни, и въ то же время въ немъ сохранилась привитая намъ воспитаніемъ традиція западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она съ примѣсью славянскаго *laissez aller* ¹⁾, а подчасъ и разгула, составляла особый русскій характеръ *московскаго* общества, къ его великому горю, потому что оно смертельно хотѣло быть *парижскимъ*, и это хотѣніе, навѣрное, осталось.

Мы Европу все еще знаемъ заднимъ числомъ; намъ все мерещатся тѣ времена, когда Вольтеръ царилъ надъ парижскими салонами и на споры Дидро звали, какъ на стерлядь; когда пріѣздъ Давида Юма въ Парижъ сдѣлалъ эпоху, и всѣ контессы, виконтессы ухаживали за нимъ, кокетничали съ нимъ до того, что другой баловень, Гриммъ ²⁾, надулся и нашелъ эго вовсе неумѣстнымъ. У насъ все въ головѣ времена вечеровъ барона Гольбаха и перваго представленія «Фигаро», когда вся аристократія Парижа стояла дни цѣлые, дѣлая хвостъ, и модныя дамы безъ обѣда ѣли сухія бріюшки, чтобъ добиться мѣста и увидать революціонную пьесу, которую черезъ мѣсяць будутъ давать въ Версалѣ (графъ Прованскій, т. е. будущій Людовикъ XVIII, въ роли Фигаро, Марія-Антуанетта—въ роли Сусаны).

Tempi passati ³⁾... Не только гостиныя XVIII столѣтія не существуютъ,—эти удивительныя гостиныя, гдѣ подъ пудрой и кружевами аристократическими ручками взлелѣяли и откормили аристократическимъ молокомъ львенка, изъ котораго выросла исполинская революція,—но и такихъ гостиныхъ больше нѣтъ, какъ бывали, напр., у Стааль, у Рекамье, гдѣ съѣзжались всѣ знаменитости аристократіи, литературы, политики. Литературы боятся,

¹⁾ Халатность.

²⁾ Баронъ Фридрихъ-Мельхиоръ.

³⁾ Дѣла давно минувшихъ дней.

да ея и нѣтъ совсѣмъ; партіи разошлись до того, что люди разныхъ оттѣнковъ не могутъ учтиво встрѣтиться подъ одной крышей.

Одинъ изъ послѣднихъ опытовъ «гостиной» въ прежнемъ смыслѣ слова не удался и потухъ вмѣстѣ съ хозяйкой. Дельфина Гэ ¹⁾ истощала всѣ свои таланты, блестящій умъ на то, чтобъ какъ-нибудь сохранить *приличный* миръ между гостями, подозрѣвавшими, ненавидѣвшими другъ друга. Можетъ ли быть какое-нибудь удовольствіе въ этомъ натянутомъ, тревожномъ состояніи перемирія, въ которомъ хозяинъ, оставшись одинъ, усталый, бросается на софу и благодаритъ небо за то, что вечеръ сошелъ съ рукъ безъ неприятностей.

Дѣйствительно, Западу, и въ особенности Франціи, теперь не до литературной болтовни, не до хорошаго тона, не до изящныхъ манеръ. Закрывъ страшную пропасть императорской мантией съ пчелами, мѣщане-генералы, мѣщане-министры, мѣщане-банкиры кутятъ, наживаютъ милліоны, теряютъ милліоны, ожидая Каменнаго Гостя ликвидаціи... Не легкая «козри» ²⁾ нужна имъ, а тяжелыя оргіи, безцвѣтное богатство, въ которомъ золото, какъ въ первой имперіи, вытѣсняеть искусство, лоретка—даму, биржевой игрокъ—литератора.

Это распаденіе общества не въ одномъ Парижѣ. Ж. Сандъ была живымъ средоточіемъ всего своего сосѣдства въ Ноанѣ. Къ ней съѣзжались простые и непростые знакомые, безъ большихъ церемоній, всегда, когда хотѣли, и проводили вечеръ чрезвычайно изящно. Тутъ была музыка, чтеніе, драматическія импровизаціи и, что всего важнѣе, тутъ была сама Ж. Сандъ. Съ 1852 года тонъ началъ мѣняться, добродушные беришоны ³⁾ уже не пріѣзжали затѣмъ, чтобъ отдохнуть и посмѣяться, но со злобой въ глазахъ, исполненные желчи, терзали другъ друга заочно и въ лицо, выказывали новую ливрею, другіе боялись доносовъ; непринужденность, которая дѣлала легкой и милой шутку и веселость, исчезла. Постоянная забота ладить, разводить, смягчать до того надобла, намучила Ж. Сандъ, что она рѣшилась прекратить свои ноанскіе вечера и свела свой кругъ на два, на три старыхъ пріятеля...

... Говорятъ, Москва, молодая Москва состарѣлась, не пережила Николая; что и университетъ ея измельчалъ, и помѣщичья натура слишкомъ рельефно выступила передъ вопросомъ освобожденія; что ея англійскій клубъ сдѣлался всего менѣе англійскій;

¹⁾ По мужу Эмиль де Жирарденъ, франц. писательница

²⁾ *Causerie*—болтовня.

³⁾ *Berrichons*—жители старой франц. провинціи Berry.

что въ немъ Собакевичи кричать противъ освобожденія и Ноздревы шумять за *естественныя и неотъемлемыя* права дворянъ. Можетъ быть!... Но не такова была Москва сороковыхъ годовъ, и вотъ эта-то Москва и принимала дѣятельное участіе за мурmolки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова или за Грановскаго, жалѣя *только*, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патриотъ.

Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и не литературныхъ вечерахъ, на которыхъ мы встрѣчались,—а это было раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу у Свербева ¹⁾, въ воскресенье у А. П. Елагиной.

Сверхъ участниковъ въ спорахъ, сверхъ людей, имѣвшихъ мнѣнія, на эти вечера прїѣзжали охотники, даже охотницы и сидѣли до двухъ часовъ ночи, чтобъ посмотрѣть, кто изъ матадоровъ кого отдѣлаетъ и какъ отдѣлаютъ его самого; прїѣзжали, въ томъ родѣ, какъ встарь ѣздили на кулачные бои и въ амфитеатръ, что за Рогожской заставой.

Ильей Муромцемъ, разившимъ всѣхъ, со стороны православія и славянизма, былъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, «Горгіасъ²⁾», со-вопросникъ міра сего», по выраженію полуповрежденнаго Морошкина³⁾. Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ островами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя,—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь.

Хомяковъ былъ, дѣйствительно, опасный противникъ; закалившійся старый бретѣрь діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый чловѣкъ, обладавшій страшною эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ, отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку.

¹⁾ Дмитрій Николаевичъ.

²⁾ Знаменитый греческій софистъ.

³⁾ Федоръ Лукичъ.

Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ еѹ; забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью, надо всѣмъ издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными вѣрованіями и убѣжденіями, оставляя его въ сомнѣніи, есть ли у него у самую что-нибудь завѣтное. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе дилетантовъ и при всемъ этомъ смѣялся, какъ казалось, отъ души. Я говорю «какъ казалось», потому что въ нѣсколько восточныхъ чертахъ его выражалось что-то затаенное и какое-то азіатское простодушное лукавство вмѣстѣ съ русскимъ себѣ-на-умѣ. Онъ, вообще, больше сбивалъ, чѣмъ убѣждалъ.

Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины; онъ разуму давалъ одну формальную способность, — способность развивать зародыши, или зерна, иначе получаемыя, относительно готовыя (т.-е. даваемыя откровеніемъ, получаемыя вѣрой). Если же разумъ оставить на самого себя, то, бродя въ пустотѣ и строя категорію за категоріей, онъ можетъ обличить свои законы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи и пр. На этомъ Хомяковъ билъ на голову людей, остановившихся между религіей и наукой. Какъ они ни бились въ формахъ гегелевской методы, какія ни дѣлали построения, Хомяковъ шелъ съ ними шагъ въ шагъ и подъ конецъ дулъ на карточный домъ логическихъ формулъ или подставлялъ ногу и заставлялъ ихъ падать въ «материализмъ», отъ котораго они стыдливо отрекались, или въ «атеизмъ», котораго они просто боялись. Хомяковъ торжествовалъ!

Присутствуя нѣсколько разъ при его спорахъ, я замѣтилъ эту уловку, и въ первый разъ, когда мнѣ самому пришлось помѣриться съ нимъ, я его самъ завлекъ къ этимъ выводамъ. Хомяковъ щурилъ свой косою глазь, потряхивалъ черными, какъ смоль, кудрями и впередъ улыбался.

— Знаете ли что, — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы удивляясь самъ новой мысли, — не только однимъ разумомъ нельзя дойти до разумнаго духа, развивающагося въ природѣ, но не дойдешь до того, чтобы понять природу иначе, какъ простое, непрерывное броженіе, не имѣющее цѣли, и которое можетъ и продолжаться, и остановиться. А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человеческимъ, съ планетой.

— Я вамъ и не говорилъ, — отвѣтилъ я ему, — что я берусь это доказывать; я очень хорошо зналъ, что это невозможно.

— Какъ? — сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный, — вы ме-

жете принимать эти страшные результаты *свирѣпѣйшей имманенціи* и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну, вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны; однако, какъ человѣку надобно свихнуть себѣ душу, чтобъ примириться съ этими печальными выводами нашей науки и привыкнуть къ нимъ.

— Докажите мнѣ, что *не-наука* ваша истиннѣе, и я приму ее также откровенно и безбоязненно, къ чему бы она меня ни привела, хоть къ Иверской.

— Для этого надобно вѣру.

— Но, Алексѣй Степановичъ, вы знаете: «на нѣтъ и суда нѣтъ».

Многіе и нѣкогда я самъ думали, что Хомяковъ спорилъ изъ артистической потребности спорить, что глубокихъ убѣжденій у него не было, и въ этомъ была виновата его манера, его вѣчный смѣхъ и поверхностность тѣхъ, которые его судили. Я не думаю, чтобъ кто-нибудь изъ славянъ сдѣлалъ больше для распространенія ихъ воззрѣній, чѣмъ Хомяковъ. Вся его жизнь, человѣка очень богатаго и не служившаго, была отдана пропагандѣ. Смѣялся ли онъ, или плакалъ,—это зависѣло отъ нервъ, отъ склада ума, отъ того, какъ его сложила среда и какъ онъ отражалъ ее; до глубины убѣжденія это не касается.²⁷

Хомяковъ, можетъ быть, непрерывной суетой споровъ и хлопотливо-праздной полемикой заглушалъ то же чувство пустоты, которое, съ своей стороны, заглушало все свѣтлое въ его товарищахъ и ближайшихъ друзьяхъ, въ Кирѣевскихъ.

Сломанность этихъ людей была очевидна. Въ жару полемики можно было иногда забывать это, — теперь это было бы слабо и жалко.

Оба брата Кирѣевскихъ стоятъ печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія; не признанные живыми, не дѣлившіе ихъ интересовъ, они не скидывали савана.

Преждевременно состарѣвшееся лицо Ивана Васильевича носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы, послѣ которыхъ уже выступилъ печальный покой морской зыби надъ потонувшимъ кораблемъ. Жизнь его не удалась. Съ жаромъ принялся онъ, помнится, въ 1833 г.¹⁾ за ежемѣсячное обозрѣніе «Европеецъ». Двѣ вышедшія книжки были превосходны, при выходѣ второй «Европеецъ» былъ запрещенъ. Онъ помѣстилъ въ «Денницѣ» статью о Новиковѣ,—

¹⁾ Въ 1832 г.

«Денница» была схвачена и цензоръ Глинка ¹⁾ посаженъ подъ арестъ. Кирѣевскій, разстроившій свое состояніе «Европейцемъ», уныло почилъ въ пустынь московской жизни; ничего не представлялось вокругъ,—онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ въ деревню, затаивъ въ груди глубокую скорбь и тоску по дѣятельности. И этого человѣка, твердаго и чистаго, какъ сталь, разѣхла ржа страшнаго времени. Черезъ десять лѣтъ онъ возвратился въ Москву изъ своего отшельничества мистикомъ и православнымъ.

Положеніе его въ Москвѣ было тяжелое. Совершенной близости, сочувствія у него не было ни съ его друзьями, ни съ нами. Между имъ и нами была церковная стѣна. Поклонникъ свободы и великаго времени французской революціи, онъ не могъ раздѣлять пренебреженія ко всему европейскому новыхъ старообрядцевъ. Онъ однажды съ глубокой печалью сказалъ Грановскому: «Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многого изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ». И онъ, въ самомъ дѣлѣ, потухалъ какъ-то одиноко въ своей семьѣ. Возлѣ него стоялъ его братъ, его другъ—Петръ Васильевичъ. Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто, вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды и сходки. Я смотрѣлъ на Ивана Васильевича, какъ на вдову или на мать, лишившуюся сына; жизнь обманула его, впереди все было пусто и одно утѣшеніе:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!

Жаль было разрушать его мистицизмъ; эту жалость я прежде испытывалъ съ Витбергомъ. Мистицизмъ обоихъ былъ художественный; за нимъ, будто, не исчезала истина, а пряталась въ фантастическихъ очертаніяхъ и монашескихъ рясахъ. Безпощадная потребность разбудить человѣка является только тогда, когда онъ облакаетъ свое безуміе въ полемическую форму или когда близость съ нимъ такъ велика, что всякій диссонансъ раздражаетъ сердце и не даетъ покоя.

И что же было возражать человѣку, который говорилъ такія вещи: «Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ нарѣда, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыхъ черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ...

¹⁾ Сергій Николаевичъ.

Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающей отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахъ, и на святую икону,—тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился ей».

Петръ Васильевичъ былъ еще неисправимѣе и шелъ дальше въ православномъ славянизмѣ,—натура, можетъ быть, меньше даровитая, но цѣльная и строго послѣдовательная. Онъ не старался, какъ Иванъ Васильевичъ или какъ славянскіе гегелисты, мирить религію съ наукой, западную цивилизацію съ московской народностью; совсѣмъ напротивъ, онъ отвергалъ всѣ перемирія. Самобытно и твердо держался онъ на своей почвѣ, не накупаясь на споры, но и не минувъ ихъ. Бояться ему было нечего: онъ такъ безвозвратно отдался своему мнѣнію и такъ спаялся съ нимъ горестнымъ состраданіемъ къ современной Руси, что ему было легко. Соглашаться съ нимъ нельзя было, какъ и съ братомъ его, но понимать его можно было лучше, какъ всякую безошадную крайность. Въ его взглядѣ (и это я оцѣнилъ гораздо послѣ) была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи Запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 года. Онъ понялъ ихъ печальнымъ ясновидѣніемъ, догадался ненавистью, мезтью за зло, принесенное Петромъ во имя Запада. Оттого у Петра Васильевича и не было, какъ у его брата, рядомъ съ православіемъ и славянизмомъ стремленія къ какой-то гуманно-религіозной философіи, въ которую разрѣшалось его невѣріе къ настоящему. Нѣтъ, въ его угрюмомъ націонализмѣ было полное, оконченное отчужденіе всего западнаго.

Ихъ общее несчастіе состояло въ томъ, что они родились или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно; 14-ое декабря застало насъ дѣтьми, ихъ—юношами. Это очень важно. Мы въ это время учились, вовсе не зная, чтò въ самомъ дѣлѣ творится въ практическомъ мірѣ. Мы были полны теоретическихъ мечтаній, мы были Гракхи и Ренци въ дѣтской; потомъ, замкнутые въ небольшой кругъ, мы дружно прошли академическіе годы; выходя изъ университетскихъ воротъ, насъ встрѣтили ворота тюрьмы. Тюрьма и ссылка въ молодыхъ лѣтахъ, во времена душнаго и сѣраго гоненія чрезвычайно благотворны; это — закалъ; однѣ слабыя организациі смиряются тюрьмой, тѣ, у которыхъ борьба была мимолетнымъ

юношескимъ порывомъ, а не талантомъ, не внутренней необходимостью. Сознаніе открытаго преслѣдованія поддерживаетъ желаніе противодѣйствовать, удвоенная опасность пріучаетъ къ выдержкѣ, образуетъ поведеніе. Все это занимаетъ, разсѣиваетъ, раздражаетъ, сердитъ, и на колодника или сосланнаго чаще находятъ минуты бѣшенства, чѣмъ утомительные часы равномѣрнаго, обезсиливающаго отчаянія людей, потерянныхъ на волѣ въ пошлой и тяжелой средѣ.

Когда мы возвратились изъ ссылки, уже другая дѣятельность закипала въ литературѣ, въ университетѣ, въ самомъ обществѣ. Это было время Гоголя и Лермонтова, статей Бѣлинскаго, чтеній Грановскаго и молодыхъ профессоровъ.

Не то было съ нашими предшественниками. Имъ раннее совершеннѣе пробилъ колоколь, возвѣстившій Россіи казнь Пестеля и коронацію Николая; они были слишкомъ молоды, чтобъ участвовать въ заговорѣ, и не настолько дѣти, чтобъ быть въ школѣ послѣ него. Ихъ встрѣтили тѣ десять лѣтъ, которыя оканчиваются мрачнымъ «Письмомъ» Чаадаева. Разумѣется, въ десять лѣтъ они не могли состарѣться, но они сломились, затянулись, окруженные обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ. И это были десять первыхъ лѣтъ юности! Поневолѣ приходилось, какъ Онѣгину, завидовать параличу тульскаго засѣдателя, уѣхать въ Персію, какъ Печоринъ, Лермонтова, итти въ католики, какъ настоящій Печеринъ, или броситься въ отчаянное православіе, въ неистовый славянизмъ, если нѣтъ желанія пить запоемъ, сѣчь мужиковъ или играть въ карты.

Въ первую минуту, когда Хомяковъ почувствовалъ эту пустоту, онъ поѣхалъ гулять по Европѣ во время соннаго и скучнаго царствованія Карла X; *докончивъ* въ Парижѣ свою забытую трагедію «Ермакъ» и потолковавши со всякими чехами и далматами на обратномъ пути, онъ воротился. Все скучно! По счастью, открылась турецкая война, онъ пошелъ въ полкъ, безъ нужды, безъ цѣли и отправился въ Турцію. Война кончилась, и кончилась другая забытая трагедія—«Дмитрій Самозванецъ». Опять скука!

Въ этой скукѣ, въ этой тоскѣ, при этой страшной обстановкѣ и страшной пустотѣ мелькнула какая-то новая мысль; едва высказанная, она была осмѣяна; тѣмъ яростнѣе бросился на отстаиваніе ея Хомяковъ, тѣмъ глубже взошла она въ плоть и кровь Кирѣевскихъ.

Сѣмя было брошено; на посѣвъ и защиту всходовъ пошла ихъ сила. Надобно было людей новаго поколѣнія, не свихнутыхъ, не надломленныхъ, которыми мысль ихъ была бы принята не страданіемъ, не болѣзнью, какъ до нея дошли учителя, а передачей, на-

слѣдѣмъ. Молодые люди откликнулись на ихъ призывъ, люди Станкевича круга примыкали къ нимъ, и въ ихъ числѣ такія сильныя личности, какъ К. Аксаковъ и Юрій Самаринъ.

Константинъ Аксаковъ не смѣлся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужащій юноша, онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ не неуверенное пытаніе почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды, а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ; съ покойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой,—средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды; ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость!

Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель, какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, онъ становятся страшно убѣдительно. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ. «Москва—столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ—только резиденція императора». И замѣтите, — отвѣчалъ я ему, — какъ далеко идетъ это различіе: въ Москвѣ васъ непременно посадятъ на *сѣзжую*, а въ Петербургѣ сведутъ на *гауптвахту*.

«Аксаковъ остался до конца жизни вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей; онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ; К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ, было, проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. «Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ,—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ

меня и крѣпко поцѣловаль. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры!»¹⁾

Ссора, о которой идетъ рѣчь, была слѣдствіемъ той полемики, о которой я говорилъ.

Грановскій и мы еще кой-какъ съ ними ладили; не уступая началъ, мы не дѣлали изъ нашего разномыслія личнаго вопроса. Бѣлинскій, страстный въ своей нетерпимости, шелъ дальше и горько упрекалъ насъ. «Я жидъ по натурѣ,—писаль онъ мнѣ изъ Петербурга,—и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочеть знать, читаль ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія».

Зато честили его и славяне. «Москвитянинъ», раздраженный Бѣлинскимъ, раздраженный успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ» и успѣхомъ лекцій Грановскаго, защищался чѣмъ попало и всего менѣе жалѣлъ Бѣлинскаго; онъ прямо говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ, жаждущемъ разрушенія, радующемся при зрѣлищѣ пожара.

Впрочемъ, «Москвитянинъ» выражалъ преимущественно университетскую, доктринерскую партію славянофиловъ. Партію эту можно назвать не только университетской, но и отчасти *правительственной*. Это—большая новость въ русской литературѣ. У насъ рабство или молчитъ, беретъ взятки и плохо знаетъ грамоту или, пренебрегая прозой, беретъ аккорды на вѣрноподданнической лирѣ.

Булгаринъ съ Гречемъ не идутъ въ примѣръ: они никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія. Погодинъ и Шевыревъ, издатели «Москвитянина», совсѣмъ напротивъ, были добросовѣстно раболѣпны: Шевыревъ,—не знаю отчего, можетъ, увлеченный своимъ предкомъ, который середь пытокъ и мученій, во времена Грознаго, пѣлъ псалмы и чуть не молился о продолженіи дней свирѣпаго старика; Погодинъ—изъ ненависти къ аристократіи.

Бываютъ времена, въ которыя люди мысли соединяются съ властью, но это только тогда, когда власть ведетъ впередъ, какъ при Петрѣ I, защищаетъ свою страну, какъ въ 1812 г., врачуетъ ея раны и даетъ ей вздохнуть, какъ при Генрихѣ IV и, *можетъ быть*, при Александрѣ II²⁾.

¹⁾ «Колоколъ», листъ 90. А. И. Г.

²⁾ Писано въ 1855 году. А. И. Г.

Но выбрать самую сухую и ограниченную эпоху русскаго самовластья и, опираясь на батюшку-царя, вооружаться противъ частныхъ злоупотребленій аристократіи, развитой и поддержанной той же царской властью,—нелѣпо и вредно. Говорятъ, что, защищаясь преданностью къ царской власти, можно смѣлѣе говорить правду. Зачѣмъ же они ее не говорили?

Погодинъ былъ полезный профессоръ, явившись съ новыми силами и съ не-новымъ Гереномъ ¹⁾ на пепелищѣ русской исторіи, вытравленной и превращенной въ дымъ и прахъ Каченовскимъ ²⁾. Но, какъ писатель, онъ имѣлъ мало значенія, несмотря на то, что онъ писалъ все, даже Гецъ фонъ-Берлихингена ³⁾ по-русски. Его шероховатый, неметеный слогъ, грубая манера бросать корноухія, обгрызанныя отмѣтки и нежеваные мысли вдохновили меня какъ-то въ старыя годы, и я написалъ въ подражаніе ему небольшой отрывокъ изъ «Путевыхъ записокъ Вѣдрина». Строгановъ (попечитель), читая ихъ, сказалъ: «А, вѣдь, Погодинъ, вѣрно, думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ».

Шевыревъ врядъ даже сдѣлалъ ли что-нибудь, какъ профессоръ. Что касается до его литературныхъ статей, я не помню во всемъ писанномъ имъ ни одной оригинальной мысли, ни одного самобытнаго мнѣнія. Слогъ его зато совершенно противоположенъ погодинскому: дутый, губчатый, въ родѣ неокрѣпнушаго бланъманже и въ которое забыли положить горькаго миндаля, хотя подъ его патокой и заморена бездна желчной, самолюбивой раздражительности. Читая Погодина, все думаешь, что онъ бранится, и осматриваешься, нѣтъ ли дамъ въ комнатѣ. Читая Шевырева, все видишь что-нибудь другое во снѣ.

Говоря о слогѣ этихъ сіамскихъ братьевъ московскаго журнализма, нельзя не вспомнить Георга Форстера, знаменитаго товарища Кука по Сандвичевымъ островамъ, и Робеспьера—по конвенту единой и нераздѣльной республики. Будучи въ Вильнѣ профессоромъ ботаники и прислушиваясь къ польскому языку, такъ богато согласными, онъ вспомнилъ своихъ знакомыхъ въ Отайти, говорящихъ почти одними гласными, и замѣтилъ: «Если-бъ эти два языка смѣшались, какое бы вышло звучное и плавное нарѣчіе!».

Тѣмъ не меньше, хотя и дурнымъ слогомъ, но близнецы «Москвитянина» стали зацѣплять ужъ не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго за его лекціи,—и все съ тѣмъ же несчастнымъ отсут-

¹⁾ Арнольдъ, профессоръ философіи и исторіи. Главное его сочиненіе было переведено и передѣлано Погодинымъ.

²⁾ Михаилъ Трофимовичъ.

³⁾ Знаменитый рыцарь «съ желѣзной рукой» и названіе драмы Гете.

ствием такта, который возстановлялъ противъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей. Они обвиняли Грановскаго въ пристрастїи къ западному развитію, къ извѣстному *порядку идей*, за которыя Николай изъ *идеи порядка* ковалъ цѣпи да посылалъ въ Нерчинскъ.

Грановскій поднялъ ихъ перчатку и смѣлымъ, благороднымъ возраженіемъ заставилъ ихъ покраснѣть. Онъ публично съ кафедры спросилъ своихъ обвинителей, почему онъ долженъ ненавидѣть Западъ и зачѣмъ, ненавидя его развитіе, сталъ бы онъ читать его исторію? «Меня обвиняютъ, — сказалъ Грановскій, — въ томъ, что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; если-бъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобъ рассказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій».

Отвѣты Грановскаго были такъ просты и мужественны, его лекціи—такъ увлекательны, что славянскіе доктринеры притихли, а молодежь ихъ рукоплескала не меньше насъ. Послѣ курса былъ даже сдѣланъ опытъ примиренія. Мы давали Грановскому обѣдъ послѣ его заключительной лекціи. Славяне хотѣли участвовать съ нами, и Ю. Самаринъ былъ выбранъ ими (такъ, какъ я нашими) въ распорядители. Пиръ былъ удаченъ; въ концѣ его, послѣ многихъ тостовъ, не только единодушныхъ, но выпитыхъ, мы обнялись и облобызались по-русски съ славянами. И. В. Кирѣевскій просилъ меня одного: чтобъ я вставилъ въ моей фамиліи *и* вмѣсто *е* и черезъ это сдѣлалъ бы ее больше русской для уха. Но Шевыревъ и этого не требовалъ, напротивъ, обнимая меня, повторялъ своимъ сорпаго: «Онъ и съ *е* хорошъ, онъ и съ *е* русскій». Съ обѣихъ сторонъ примиреніе было откровенно и безъ заднихъ мыслей, что, разумѣется, не помѣшало намъ черезъ недѣлю разойтись еще далѣе.

Примиренія, вообще, только тогда возможны, когда они не нужны, т.-е. когда личное озлобленіе прошло или мнѣнія сблизились, и люди сами видятъ, что не изъ чего ссориться. Иначе всякое примиреніе будетъ взаимное ослабленіе, обѣ стороны полиняють, т.-е. сдадутъ свою рѣзкую краску. Попытка нашего Кучукъ-Кайнарджи ¹⁾ очень скоро оказалась невозможной, и бой закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Съ нашей стороны было невозможно заарканить Бѣлинскаго; онъ слалъ намъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ насъ, предавалъ анаѣмѣ и писалъ еще злѣе въ «Отечественныхъ Запи-

¹⁾ Мѣсто заключенія мира Россіи съ Турціей въ 1774 г.

скалъ». Наконецъ, онъ торжественно указаль пальцемъ противъ «проказы» славянофильства и съ упрекомъ повториль: «Вотъ вамъ они!». Мы всѣ понурили голову: Бѣлинскій былъ правъ!

Умирующей рукой нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству ¹⁾, хотѣлъ стегнуть насъ; по несчастью, онъ для этого избралъ опять-таки полицейскую нагайку. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ «Не наши» онъ называль Чаадаева отступникомъ отъ православія, Грановскаго—лжеучителемъ, растлѣвающимъ юношей, меня—слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки, и всѣхъ трехъ—измѣнниками отечеству. Конечно, онъ не называль насъ по имени,—ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ залы въ залу доносъ въ стихахъ. К. Аксаковъ съ негодованіемъ отвѣчалъ ему тоже стихами, рѣзко клеймя злыя нападки и называя «*Не наши ми*» разныхъ славянъ, во Христѣ-Богѣ нашемъ жандармствующихъ.

Обстоятельство это прибавило много горечи въ наши отношенія. Имя поэта, имя чтеца, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, кругъ, который этимъ восхищался,—все это сильно раздражало умы.

Споры наши чуть-чуть, было, не привели къ огромному несчастью, къ гибели двухъ чистѣйшихъ и лучшихъ представителей обѣихъ партій. Едва усиліями друзей удалось затушить ссору Грановскаго съ П. В. Кирѣевскимъ, которая быстро шла къ дуэли.

Середь этихъ обстоятельствъ Шевыревъ, который никакъ не могъ примириться съ колоссальнымъ успѣхомъ лекцій Грановскаго, вздумалъ побить его на его собственномъ поприщѣ и объявилъ свой публичный курсъ. Читаль онъ о Данте, о народности въ искусствѣ, о православіи въ наукѣ и пр.; публики было много, но она осталась холодна. Онъ бываль иногда смѣль, и это было очень оцѣнено, но общій эффектъ ничего не произвелъ. Одна лекція осталась у меня въ памяти, это та, въ которой онъ говорилъ о книгѣ Мишле «*Le Peuple*» и о романѣ Ж. Сандъ «*La Mare au diable*», потому что онъ въ ней живо коснулся живого и современнаго интереса. Трудно было возбудить сочувствіе, говоря о прелестяхъ духовныхъ писателей восточной церкви и подхвалявая греко-россійскую церковь. Только Ѳедоръ Глинка и супруга его Евдокія, писавшая «о млекѣ пречистой дѣвы», сидѣли обыкновенно рядышкомъ на первомъ планѣ и скромно опускали глаза, когда Шевыревъ особенно неумѣренно хвалилъ православную церковь.

Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи — выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ,

¹⁾ Н. М. Языковъ, родственникъ Хомякова по женѣ.

за которыя у насъ трудно было заступаться, не попавши въ острогъ.

Между тѣмъ, «какихъ ни вымышляли пружинъ, чтобъ умудрится» хорошо издавать «Москвитянинъ», онъ рѣшительно не шелъ. Для живого полемическаго журнала надобно непремѣнно имѣть чутье современности, надобно имѣть ту нѣжную щекотливость нервъ, которая тотчасъ раздражается всѣмъ, что раздражаетъ общество. Издатели «Москвитянина» вовсе были лишены этого ясно-видѣнія, и какъ ни вертѣли они бѣднаго Нестора и бѣднаго Данте, они убѣдились, наконецъ, сами, что ни рубленой сѣчкой погодинскихъ фразъ, ни поющей плавностью шевыревскаго краснорѣчія ничего не возьмешь въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ. Они подумали, подумали и рѣшились предложить главную редакцію И. В. Кирѣевскому. Выборъ Кирѣевскаго былъ необыкновенно удаченъ не только со стороны ума и талантовъ, но и съ финансовой стороны. Я самъ ни съ кѣмъ въ мірѣ не желалъ бы такъ вести торговыхъ дѣлъ, какъ съ Кирѣевскимъ.

Чтобъ дать понятіе о хозяйственной философіи его, я расскажу слѣдующій анекдотъ. У него былъ конскій заводъ; лошадей приводили въ Москву, дѣлали имъ оцѣнку и продавали. Однажды является къ нему молодой офицеръ покупать лошадь; конь сильно ему приглянулся; кучеръ, видя это, набавилъ цѣну: они поторговались, офицеръ согласился и взошелъ къ Кирѣевскому. Кирѣевскій, получая деньги, справился въ списокъ и замѣтилъ офицеру, что лошадь оцѣнена въ 800 рублей, а не въ 1,000, что кучеръ, вѣроятно, ошибся. Это такъ озадачило кавалериста, что онъ попросилъ позволенія снова осмотрѣть лошадь и, осмотрѣвши, отказался, говоря: «хороша должна быть лошадь, за которую хозяину было совѣстно деньги взять»... Гдѣ же лучше можно было взять редактора?

Онъ горячо принялся за дѣло, потратилъ много времени, переѣхалъ для этого въ Москву, но при всемъ своемъ талантѣ не могъ ничего сдѣлать. «Москвитянинъ» не отвѣчалъ ни на одну живую, распространенную въ обществѣ потребность и, стало быть, не могъ имѣть другого хода, какъ въ своемъ кружкѣ. Неуспѣхъ долженъ былъ сильно огорчить Кирѣевскаго.

Послѣ второго крушенія «Москвитянина» онъ не оправлялся, и сами славяне догадались, что на этой ладѣ далеко не уплывешь. У нихъ стала носиться мысль другого журнала.

На этотъ разъ побѣдителями вышли не они. Общественное мнѣніе громко рѣшило въ нашу пользу. Въ глухую ночь, когда «Москвитянинъ» тонулъ, и «Маякъ» не свѣтилъ ему больше изъ

Петербурга, Бѣлинскій, вскормившій своею кровью «Отечественныя Записки», поставилъ на ноги ихъ побочнаго сына ¹⁾ и даль имъ обоимъ такой толчокъ, что они могли нѣсколько лѣтъ продолжать свой путь съ одними корректорами и батырщиками, литературными мытарями и книжными грѣшниками. Бѣлинскаго имя было достаточно, чтобъ обогатить два прилавка и сосредоточить все лучшее въ русской литературѣ въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе,—въ то время, какъ талантъ Кирѣевскаго и участіе Хомякова не могли дать ни ходу, ни читателей «Москвитянину». ²⁸

Такъ я оставилъ поле битвы и уѣхалъ изъ Россіи. Обѣ стороны высказались еще разъ ²⁾, и всѣ вопросы переставились громадными событіями 1848 года.

Умеръ Николай; новая жизнь увлекла славянъ и насъ за предѣлы нашей усобицы, мы протянули имъ руки, но гдѣ они?—Ушли! и К. Аксаковъ ушелъ и нѣтъ этихъ «противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ».

Не легка была жизнь, сожигавшая людей, какъ свѣчу, оставленную на осеннемъ вѣтру.

Всѣ они были живы, когда я въ первый разъ писалъ эту главу. Пусть она на этотъ разъ окончится слѣдующими строками изъ надгробныхъ словъ Аксакову.

«Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ *сдѣлали свое дѣло*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывши глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщица, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ сербезныхъ людей.

«Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

«Да, мы были противниками ихъ, но очень странными: у насъ была *одна любовь, но не одинакая*.

«У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы—за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому

¹⁾ «Современникъ».

²⁾ Статя К. Кавелина и отвѣтъ Ю. Самарина. Объ нихъ въ «Develop. des idées réolut.» А. И. Г.

народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ *сердце билось одно*.

«Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ да по тому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнаткѣ было намъ душно: все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причтомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачь объ утраченномъ счастьи раздиралъ наше сердце; мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній; мы знали и другое,—что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, это—нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока—

Mutter, Mutter, lass mich gehen,
Schweifen auf den wilden Höhen! ¹⁾

«Такова была наша семейная разладаца лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣтили *юрный духъ*, остановившій нашъ бѣгъ, и они, вмѣсто міра мощей, натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считается намъ странно, патентовъ на пониманіе нѣтъ; время, исторія, опытъ сблизили насъ, не потому, чтобъ они насъ перетянули къ себѣ или мы—ихъ, а потому, что я они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда; когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они—въ нашей.

«На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ громамъ и бросить нашу горсть земли на ихъ покойниковъ съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ расцвѣла сильно и широко молодая Русь» ²⁾.

¹⁾ Мать, мать, отпусти меня, позволь блуждать по дикимъ высотамъ! (изъ «Alpenjäger» Шиллера).

²⁾ «Колоколъ», 15 января 1861. А. И. Г.

ГЛАВА XXXI.

Кончина моего отца.—Наслѣдство.—Дѣлежь.—Два племянника.

Съ конца 1845 года силы моего отца постоянно уменьшались; онъ явнымъ образомъ гаснулъ, особенно со смерти Сенатора, умершаго совершенно послѣдовательно всей своей жизни: невзначай и чуть-чуть не въ каретѣ. Въ 1839 году, однимъ вечеромъ ¹⁾ онъ, по обыкновенію, сидѣлъ у моего отца; пріѣхалъ онъ изъ какой-то агрономической школы, привезъ модель какой-то агрономической машины, употребленіе которой, я полагаю, очень мало его интересовало, и въ одиннадцать часовъ вечера уѣхалъ домой.

Онъ имѣлъ обыкновеніе дома очень немного закусывать и выпивать рюмку краснаго вина; на этотъ разъ онъ отказался и, сказавъ моему старому другу Кало, что онъ что-то усталъ и хочетъ лечь, отпустилъ его. Кало помогъ ему раздѣться, поставилъ у кровати свѣчу и вышелъ; едва дошелъ онъ до своей комнаты и успѣлъ снять съ себя фракъ, какъ Сенаторъ дернулъ звонокъ; Кало бросился,—старикъ лежалъ возлѣ постели мертвый.

Случай этотъ сильно потрясъ моего отца и испугалъ; одиночество его усугублялось, страшный чередъ былъ возлѣ: три старшихъ брата были схоронены. Онъ сталъ мрачнѣе и, хотя, по обыкновенію своему, скрывалъ свои чувства и продолжалъ ту же холодную роль, но мышцы измѣняли,—я съ намѣреніемъ говорю «мышцы», потому что мозгъ и нервы у него остались тѣ же до самой кончины.

Въ апрѣлѣ 1846 лицо старика стало принимать предсмертный видъ, глаза потухали; онъ уже былъ такъ худъ, что часто,

¹⁾ 19 января.

показывая мнѣ свою руку, говорилъ: «Скелеть совсѣмъ готовъ, стоитъ только снять кожицу». Голось его сталъ тише, онъ говорилъ медленнѣе; но умъ, память и характеръ были какъ всегда: та же иронія, то же постоянное недовольство всѣми и та же раздражительная капризность.

«Помните,—спросилъ дней за десять до кончины кто-то изъ его старыхъ знакомыхъ,—кто былъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Туринѣ послѣ войны? вы его знавали за границей».

«Северинъ»¹⁾),—отвѣчалъ старикъ, едва подумавши нѣсколько секундъ.

Третьяго мая я его засталъ въ постели; щеки горѣли лихорадочно, что у него почти никогда не бывало; онъ былъ безпокоенъ и говорилъ, что не можетъ встать; потомъ велѣлъ себѣ поставить пивки и, лежа въ постели во время этой операціи, продолжалъ свои колкія замѣчанія.

— А! ты здѣсь,—сказалъ онъ, будто я только-что взошелъ. Ты бы, любезный другъ, сѣзидилъ куда-нибудь разсѣяться, это очень меланхолическое зрѣлище—смотрѣть, какъ разлагается человѣкъ; *cela donne des pensées noires!*²⁾). Да вотъ прежде дай-ка мальчику гривенникъ на водку.

Я пошарилъ въ карманѣ, ничего не нашелъ меньше четвертака и хотѣлъ дать, но больной увидѣлъ и сказалъ:

— Какой ты скучный; я тебѣ сказалъ—гривенникъ.

— У меня нѣту съ собой.

— Подай мой кошелекъ изъ бюро,—и онъ, долго искавши, нашелъ гривенникъ.

Взошелъ Голохвостовъ, племянникъ моего отца; старикъ молчалъ. Чтобъ что-нибудь сказать, Голохвостовъ замѣтилъ, что онъ сейчасъ отъ генераль-губернатора; больной при этомъ словѣ дотронулся, по военному, пальцемъ до черной бархатной шапочки; я такъ хорошо изучилъ всѣ его движенія, что тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло: Голохвостову слѣдовало сказать «отъ Щербатова»³⁾).

— Представьте, какая странность,—продолжалъ тотъ,—у него открылась каменная болѣзнь.

— Отчего же странно, что у генераль-губернатора открылась каменная болѣзнь?—спросилъ медленно больной.

— Какъ же, *mon oncle*: ему слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, и первый разъ открылся камень.

¹⁾ Дмитрій Петровичъ.

²⁾ Это внушаетъ мрачныя мысли.

³⁾ Князь Алексѣй Григорьевичъ.

— Да, вот и я, хоть и не генераль-губернаторъ, а тоже очень странно: мнѣ семьдесятъ шесть ¹⁾ лѣтъ, и я въ первый разъ умираю.

Онъ, дѣйствительно, чувствовалъ свое положеніе; это-то и придавало его ироніи какой-то макабрскій ²⁾ характеръ, заставлявшій разомъ улыбаться и цѣпенѣть отъ ужаса. Камердинеръ его, который всегда по вечерамъ дѣлалъ мелкіе домашніе доклады, сказалъ, что хомуть у водовозной лошади очень худъ и что слѣдуетъ купить новый. «Какой ты чудакъ,—отвѣчалъ ему мой отецъ. Человѣкъ отходитъ, а ты ему толкуешь о хомутѣ. Погоди денекъ-другой, какъ отнесешь меня въ залу на столъ, тогда доложи ему (онъ указалъ на меня), онъ тебѣ велитъ купить не только хомуть, но сѣдло и вожжи, которыхъ совсѣмъ ненужно».

Пятаго мая лихорадка усилилась, черты еще больше опустились и почернѣли; старикъ видимо тлѣлъ отъ внутренняго огня. Говорилъ онъ мало, но съ совершеннымъ присутствіемъ духа; утромъ онъ спросилъ кофею, бульону... и часто пилъ какую-то тизану. Въ сумерки онъ подозвалъ меня и сказалъ: «Кончено», при этомъ онъ провелъ рукой, какъ саблей или косою, по одѣялу. Я прижалъ къ губамъ его руку,—она была горяча. Онъ хотѣлъ что-то сказать, начиналъ... и, ничего не сказавши, заключилъ: «Ну, да ты знаешь»—и обратился къ Г. И. ³⁾, стоявшему по другую сторону кровати. «Тяжело»,—сказалъ онъ ему и остановилъ на немъ томный взглядъ.

Г. И., завѣдывавшій тогда дѣлами моего отца, человѣкъ чрезвычайно честный и пользовавшійся его довѣріемъ больше другихъ, наклонился къ больному и сказалъ:

— Всѣ до сихъ поръ употребленныя вами средства остались безуспѣшными; позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать прибѣгнуть къ другому лѣкарству.

— Къ какому лѣкарству?—спросилъ больной.

— Не пригласить ли священника?

— Охъ,—сказалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ,—я думалъ, что Г. И. въ самомъ дѣлѣ хочетъ посовѣтовать какое-нибудь лѣкарство.

Вскорѣ потомъ онъ уснулъ. Сонъ этотъ продолжался до слѣдующаго утра; должно быть, это было забытье. Болѣзнь за ночь сдѣлала страшный успѣхъ; конецъ былъ близокъ; я въ девять часовъ послалъ за Голохвастовымъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго больной потребовалъ одѣться. Онъ не могъ ни стать на ноги, ни вѣрно взять что-нибудь рукой, но

¹⁾ 79.

²⁾ Отъ *danse macabre*—танецъ мертвецовъ.

³⁾ Григорій Ивановичъ Ключаревъ.

тотчасъ замѣтилъ, что серебряной пряжки, которой застегивались панталоны, недоставало, и велѣлъ ее принести. Одѣвшись, онъ перешелъ, поддерживаемый нами, въ свой кабинетъ. Тамъ стояли большія вольтеровскія кресла и узенькая, жесткая кушетка; онъ велѣлъ себя положить на нее. Тутъ онъ сказалъ нѣсколько словъ непонятно и безсвязно, но минутъ черезъ пять раскрылъ глаза и, встрѣтивъ взоромъ Голохвостова, спросилъ его:

— Что такъ раненко пожаловалъ?

— Я, дядюшка, былъ тутъ поблизости,—отвѣчалъ Голохвостовъ,—такъ заѣхалъ узнать о вашемъ здоровьѣ.—Старикъ улыбнулся, какъ бы говоря: «не проведешь, любезный другъ», потомъ спросилъ свою табакерку; я подаль ее ему и раскрылъ, но, дѣлая долгія усилія, онъ не могъ настолько свести пальцы, чтобы взять табаку; его, казалось, поразило это; мрачно посмотрѣлъ онъ вокругъ себя, и снова туча набѣжала на мозгъ; онъ сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ спросилъ:

— Какъ, бишь, называются вотъ эти трубки, что черезъ воду курятъ?

— Кальянъ,—замѣтилъ Голохвостовъ.

— Да, да... мой кальянъ,—и ничего.

Между тѣмъ, Голохвостовъ приготовилъ за дверями священника съ дарами; онъ громко спросилъ больного, желаетъ ли онъ его принять; старикъ раскрылъ глаза и кивнулъ головой. К.....¹⁾ растворилъ дверь, и взошелъ священникъ... Отецъ мой былъ снова въ забытїи, но нѣсколько словъ, сказанныхъ протяжно, и еще больше запахъ ладона разбудили его, онъ перекрестился; священникъ подошелъ, мы отступили.

Послѣ церемонїи больной увидѣлъ доктора Левенталя²⁾, усердно писавшаго рецептъ.

— Что вы пишете?—спросилъ онъ.

— Рецептъ для васъ.

— Какой рецептъ? или мошусь, что ли? Какъ вамъ не стыдно... Вы бы опиума прописали, чтобъ спокойнѣе отойти... Подымите меня, я хочу сѣсть на кресла, — прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ. Это были послѣднія слова, сказанныя имъ въ связи.

Мы подняли умирающаго и посадили.

— Подвиньте меня къ столу.

Мы подвинули. Онъ слабо посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Это кто?—спросилъ онъ, указывая на М. К.³⁾ Я назвалъ.

¹⁾ Ключаревъ.

²⁾ Густавъ Осиповичъ.

³⁾ Марїя Каспаровна Эрнъ.

Ему хотѣлось опереть голову на руку, но рука опустилась и упала на столъ, какъ неживая; я подставилъ свою. Онъ раза два взглянулъ томно, болѣзненно, какъ будто просилъ помощи; лицо принимало больше и больше выраженіе покоя и тишины... вздохъ, еще вздохъ,—и голова, отяжелѣвшая на моей рукѣ, стала стынуть... Все въ комнатѣ хранило нѣсколько минутъ мертвое молчаніе.

Это было шестого мая 1846 года, около трехъ часовъ пополудни. 29

Торжественно и пышно былъ онъ схороненъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ; два семейства крестьянъ, отпущенныхъ имъ на волю; пришли изъ Покровскаго, чтобъ нести гробъ на рукахъ; мы шли за ними; факелы, пѣвчіе, попы, архимандриты, архіерей... потрясающее душу «со святыми упокой», а потомъ могила и тяжелое паденіе земли на крышу гроба,—тѣмъ и кончилась длинная жизнь старика, такъ упрямо и сильно державшаго въ рукѣ своей власть надъ домомъ, такъ тяготѣвшаго надо всѣмъ окружающимъ, и вдругъ его вліяніе исчезло, его воля исключена, его нѣтъ, со-всѣмъ нѣтъ!

Могилу засыпали, поповъ и монаховъ повели обѣдать, я не пошелъ, а отправился домой. Экипажи разѣзжались; нищѣ толкались около монастырскихъ воротъ; крестьяне стояли въ кучкѣ, обтирая потъ съ лица; я всѣхъ ихъ зналъ коротко, простился съ ними, поблагодарилъ ихъ и уѣхалъ.

Передъ кончиной моего отца мы почти совсѣмъ переѣхали изъ маленькаго дома въ большой, въ которомъ онъ жилъ, а потому и неудивительно, что въ суетѣ первыхъ трехъ дней я не успѣлъ оглядѣться, но теперь, возвращаясь съ похоронъ, какъ-то странно сжалось сердце. На дворѣ, въ сѣняхъ меня встрѣтили слуги, мужчины и женщины, прося покровительства и защиты (почему, я сейчасъ объясню); въ залѣ пахло ладаномъ. Я взошелъ въ комнату, въ которой стояла постель моего отца; она была вынесена; дверь, къ которой столько лѣтъ не только люди, но и я самъ подходили, осторожно ступая, была настезь, и горничная въ углу накрывала небольшой столъ. Все адресовалось ко мнѣ за приказаніями. Мое новое положеніе было мнѣ противно, оскорбительно,—все это, этотъ домъ принадлежитъ мнѣ оттого, что кто-то умеръ, и этотъ кто-то—мой отецъ. Мнѣ казалось, въ этомъ грубомъ завладѣніи было что-то нечистое, словно, я обкрадывалъ покойника.

Наслѣдство имѣетъ въ себѣ сторону глубоко безнравственную: оно искажаетъ законную печаль о потерѣ близкаго лица введеніемъ во владѣніе его вещами.

По счастью, насъ избѣжало другое отвратительное послѣдствіе его, — дикія распри, безобразныя ссоры дѣлящихъ добычу возлѣ гроба. Раздѣлъ всего имѣнія сдѣлался въ какіе-нибудь два часа времени, при которыхъ никто не сказалъ ни одного холоднаго слова, никто не возвысилъ голоса, и послѣ котораго всѣ разошлись съ большимъ уваженіемъ другъ къ другу. Фактъ этотъ, главная честь котораго принадлежитъ Голохвастову, заслуживаетъ, чтобъ объ немъ сказать нѣсколько словъ.

При жизни Сенатора онъ и мой отецъ сдѣлали взаимное завѣщаніе родового имѣнія другъ другу, съ тѣмъ, чтобъ послѣдній передалъ его Голохвастову. Часть своего имѣнія отецъ мой продалъ и капиталъ этотъ назначилъ намъ. Потомъ онъ далъ мнѣ небольшое имѣніе въ Костромской губерніи, и это по настоятельному требованію Ольги Александровны Жеребцовой. Имѣніе это и теперь находится подѣ секвестромъ, который правительство, вопреки закона, наложило прежде, чѣмъ мнѣ былъ сдѣланъ запросъ, хочу ли я возвратиться. Послѣ смерти Сенатора мой отецъ продалъ его тверское имѣніе. Пока собственное родовое имѣніе моего отца покрывало проданное имъ изъ принадлежавшаго его брату, Голохвастовъ молчалъ. Но когда у старика явилась мысль отдать мнѣ подмосковную ¹⁾ съ тѣмъ, чтобъ я деньгами заплатилъ, по назначенію егс, долю моему брату и долю другимъ лицамъ, тогда Голохвастовъ замѣтилъ, что это несообразно съ волей покойника, хотѣвшаго, чтобъ имѣніе перешло къ нему. Старикъ, невыносившій ни въ чемъ ни малѣйшей оппозиціи, особенно такимъ планамъ, которые онъ долго обдумывалъ и потому считалъ непогрѣшительными, осыпалъ племянника колкостями; Голохвастовъ отказался отъ всякаго участія въ его дѣлахъ и пуще всего отъ званія душеприказчика. Размолвка сначала пошла такъ круто, что они, было, прервали всѣ сношенія.

Ударъ этотъ былъ не легокъ старику. Мало было людей на свѣтѣ, которыхъ бы онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ; Голохвастовъ былъ въ томъ числѣ. Онъ выросъ на его глазахъ, имъ гордилась вся семья, къ нему отецъ мой имѣлъ большое довѣріе, его онъ ставилъ мнѣ всегда въ образецъ, и вдругъ «Митя, сынъ сестры Лизаветы», въ ссорѣ, отказывается отъ распоряженій, заявляетъ свое veto, и уже изъ-за него видны ироническіе глаза Химики, съ улыбкой потирающаго свой носъ пальцами, обожженными селитренной кислотой.

По обыкновенію, отецъ мой не показывалъ ни малѣйшаго вида, что это огорчаетъ его, и избѣгалъ разговора о Голохвастовѣ,

¹⁾ С. Покровское-Засѣкино.

но замѣтно сталъ угрюмѣе, безпокойнѣе и чаще говорилъ объ «ужасномъ вѣкѣ, въ которомъ ослабли всѣ узы родства, и старшіе не находятъ больше того уваженія, какимъ были окружены въ счастливыя времена», вѣроятно, когда представительницей всѣхъ семейныхъ добродѣтелей была Екатерина III

Въ началѣ этой ссоры я былъ въ Соколовѣ ¹⁾ и едва мелькомъ слышалъ о ней, но на другой день послѣ моего возвращенія въ Москву, рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Голохвастовъ. Большой педантъ и формалистъ, онъ пространно, хорошимъ и правильнымъ слогомъ разсказалъ мнѣ все дѣло, прибавивъ, что именно потому поторопился пріѣхать, чтобъ предупредить меня, въ чемъ дѣло, прежде, чѣмъ я услышу что-нибудь о размолвкѣ.

— Не даромъ,—сказалъ я ему шутя,—меня зовутъ Александромъ: этотъ Гордіевъ узелъ я вамъ тотчасъ разрублю. Вы должны, во что бы то ни стало, помириться, и для того, чтобъ уничтожить спорный предметъ, я скажу вамъ прямо и рѣшительно, что я отказываюсь отъ Покровскаго, а тамъ однѣхъ лѣсныхъ дачъ будетъ довольно, чтобъ покрыть потерю тверского имѣнія.

Голохвастовъ нѣсколько смѣшался и поэтому еще больше доказывалъ мнѣ все то, что я такъ хорошо понялъ по первымъ двумъ словамъ. Мы съ нимъ разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней мой отецъ какъ-то вечеромъ самъ заговорилъ о Голохвастовѣ. По своему обыкновенію, когда онъ былъ недоволенъ кѣмъ-нибудь, онъ не оставилъ въ немъ ни одного здороваго мѣста. Идеаль, на который онъ мнѣ указывалъ съ десятилѣтняго возраста, этотъ образцовый сынъ, этотъ примѣрный братъ, этотъ лучшій племянникъ въ мірѣ, этотъ благовоспитанный человѣкъ по превосходству, этотъ человѣкъ, наконецъ, одѣвающійся до того хорошо, что никогда узелъ галстука не былъ ни великъ, ни малъ, — этотъ человѣкъ являлся теперь въ какомъ-то отрицательномъ фотографическомъ снимкѣ, такъ что впадины были выпуклы, а бѣлая мѣста черны.

Переходъ къ простой брани былъ бы слишкомъ крутъ и замѣтенъ безъ разныхъ переливовъ, оттѣнковъ и мостовъ. Такой непослѣдовательности отецъ мой при своемъ умѣ не могъ сдѣлать.

— Да, скажи, пожалуйста,—все забываю тебя спросить,—видѣлся ты съ Дмитриемъ Павловичемъ (онъ его всегда звалъ «Митя») послѣ твоего возвращенія?

— Одинъ разъ.

¹⁾ Въ Покровскомъ.

— Ну, что, какъ его превосходительство?

— Ничего, здоровъ.

— Очень хорошо, что ты съ нимъ выдаешься: такихъ людей надобно держаться. Я его люблю и привыкъ любить, да онъ всего этого и заслуживаетъ. Конечно, есть и у него свои, и пресмѣшные, недостатки... но одинъ Богъ безъ грѣха. Скорая карьера вскружила ему голову... Ну, молодъ въ аннинской лентѣ; къ тому же родъ его службы такой: ѣздитъ кураторомъ учениковъ бранить да все съ школярами привыкъ говорить свысока... поучаетъ ихъ, тѣ слушаютъ его на вытяжкѣ... онъ и думаетъ, что со всѣми можно говорить тѣмъ же тономъ. Не знаю, замѣтилъ ли ты, — даже голосъ у него перемѣнился? Я помню, при покойной императрицѣ князь Прозоровскій ¹⁾ такимъ же рѣзкимъ голосомъ приказывалъ своимъ ординарцамъ... Ридикулярно ²⁾ сказать, пріѣхалъ вдругъ ко мнѣ выговоръ читать. Я слушаю его и думаю: что, если бы покойница сестра Лизавета могла видѣть это! Я ее съ рукъ на руки Павлу Ивановичу передалъ въ день ихъ вѣнчанія, а тутъ ея сынъ: «Да, дядюшка, кричитъ, если такъ, вы ужъ лучше обратитесь къ Алексѣю Александровичу ³⁾, а меня прошу избавить». Я, ты знаешь: одна нога въ гробу, бездна заботъ, болѣзни, ну, ловъ многострадальный, а онъ кричитъ, распалахнулся въ лицѣ... *Quel siècle!* ⁴⁾. Я знаю, ну, онъ привыкъ въ декастеріяхъ... вѣдь, онъ никуда не ѣздитъ, а любитъ распорядиться дома со старостами да съ конюхами, а тутъ эти писаришки — все «вашпревосходительство! вашпревосходительство!» — ну, затменіе...

Словомъ, какъ въ портретѣ Людовика-Филиппа, измѣняя слегка черты, послѣдовательно приходишь отъ спѣлаго старика до гнилой груши, такъ и «образцовый Митя» оттѣнокъ за оттѣнкомъ, подъ конецъ ужъ какъ-то сталъ сбиваться на Картуша или на Шемаку.

Когда послѣдніе удары кистью были кончены, я рассказалъ весь мой разговоръ съ Голохвастовымъ. Старикъ выслушалъ внимательно, насупилъ брови, потомъ продолжительно, отчетливо, систематически нюхая табакъ, сказалъ мнѣ:

— Ты, пожалуйста, любезный другъ, не думай, что ты меня очень затруднилъ тѣмъ, что отказываешься отъ Покровскаго... Я никого не упрощаю и никому не кланяюсь: «возьмите, молъ, мое имѣніе», и тебѣ кланяться не стану. Охотники найдутся. Всѣ

¹⁾ Александръ Александровичъ.

²⁾ *Ridicule* — смѣшно.

³⁾ Яковлевъ, «Химикъ».

⁴⁾ Какой вѣкъ!

контркаррируютъ мои прожекты; мнѣ это надоѣло, — отдамъ все въ больницу, больные будутъ добромъ поминать. Не только Митя, ужъ ты, наконецъ, учишь меня распорядиться моимъ добромъ, а давно ли Вѣра ¹⁾ тебя въ корытѣ мыла? Нѣтъ, усталъ, пора въ отставку,—я и самъ пойду въ больницу.

Такъ разговоръ и окончился.

На другой день, часовъ въ одиннадцать утромъ, отецъ прислалъ за мной своего камердинера. Это случилось очень рѣдко; обыкновенно я заходилъ къ нему передъ обѣдомъ или, если не обѣдалъ у него, то приходилъ къ чаю.

Я засталъ старика передъ его письменнымъ столомъ, въ очкахъ и за какими-то бумагами.

— Поди-ка сюда да, если можешь подарить мнѣ часикъ времени... помоги-ка тутъ мнѣ въ порядокъ привести разныя записки. Я знаю, ты занятъ, все статейки пишешь, литераторъ... видѣлъ я какъ-то въ «Отечественной Почтѣ» ²⁾ твою статью, ничего непонялъ, — все такіе терминны мудреные. Да ужъ и литература-то такая... Прежде писывали Державинъ, Дмитріевъ, а нынче ты... да мой племянникъ Огаревъ. Хотя, по правдѣ сказать, лучше дома сидѣть и писать всякіе пустяки, чѣмъ все въ санкахъ да къ Яру, да шампанское.

Я слушалъ и никакъ не понималъ, куда идетъ это *captatio benevolentiae* ³⁾.

— Садись-ка вотъ здѣсь, прочти эту бумагу и скажи твое мнѣніе.

Это было духовное завѣщаніе и нѣсколько прибавленій къ нему. Съ его точки зрѣнія, это было высшее довѣріе, которое онъ могъ оказать.

Странный психологическій фактъ: въ продолженіе чтенія и разговора я замѣтилъ двѣ вещи: во-первыхъ, что ему хотѣлось помириться съ Голохвастовымъ, а во-вторыхъ, что онъ очень оцѣнилъ мой отказъ отъ имѣнія, и въ самомъ дѣлѣ съ этого времени, т. е. съ октября мѣсяца 1845 ⁴⁾, и до своей кончины онъ во всѣхъ случаяхъ показывалъ не только довѣріе, но иногда совѣтовался со мной и даже два поступалъ по моему совѣту.

А что бы подумалъ человекъ, который бы вчера подслушалъ нашъ разговоръ? Въ отвѣтъ моего отца насчетъ Покровскаго я не измѣнилъ ни іоты, я очень помню его.

¹⁾ Вѣра Артамоновна.

²⁾ Въмѣсто «Отечественныхъ Записокъ».

³⁾ Снискиваніе расположенія.

⁴⁾ 1844.

Завѣщаніе въ главной части было просто и ясно: онъ оставлялъ все недвижимое имѣніе Голохвастову, все движимое, капиталъ и дома моей матери, брату и мнѣ, съ условіемъ равнаго раздѣла. Зато прибавочныя статьи, написанныя на разныхъ лоскуткахъ безъ чиселъ, далеко не были просты. Отвѣтственность, которую онъ клалъ на насъ, и въ особенности на Голохвастова, была до чрезвычайности непріятна. Онѣ противорѣчили другъ другу и носили тотъ характеръ неопредѣленности, изъ-за котораго обыкновенно выходятъ безобразныя ссоры и обвиненія.

Напримѣръ, тамъ были такія вещи: «Всѣхъ дворовыхъ людей, *хорошо и усердно* мнѣ служившихъ, отпускаю я на волю и поручаю вамъ выдать имъ денежныя награжденія по *заслугамъ*».

Въ одной запискѣ было сказано, что старый каменный домъ оставляется Г. И. ¹⁾. Въ другой—домъ имѣлъ иное назначеніе, а Г. И. оставлялись деньги, но вовсе не было сказано, чтобъ эти деньги шли взамѣнъ дома. По одному прибавленію, отецъ мой оставлялъ 10.000 серебромъ одному родственнику, а по другому—онъ оставлялъ его сестрѣ небольшое имѣніе съ тѣмъ, чтобъ она отдала своему брату эти 10.000 серебромъ.

Надобно замѣтить, что о половинѣ этихъ распоряженій я прежде слыхалъ отъ него, и не я одинъ. Старикъ много разъ при мнѣ говорилъ, напр., о домѣ Г. И., совѣтовалъ ему даже переѣхать въ него.

Я предложилъ моему отцу пригласить Голохвастова и поручить ему съ Г. И. составить общую записку.

— Конечно,—говорилъ онъ,—Митя могъ бы помочь, да, вѣдь, онъ очень занятъ. Знаешь, эти государственные люди... Что ему до умирающаго дяди,—онъ все семинаріи ревизуетъ.

— Онъ навѣрное пріѣдетъ,—замѣтилъ я,—это дѣло слишкомъ важно для него.

— Я всегда радъ его видѣть, только не всегда у меня голова достаточно здорова говорить о дѣлахъ. Митя, *il est très verbeux* ²⁾, онъ заговоритъ меня, а у меня сейчасъ мысли кругомъ пойдутъ. Ты лучше свези къ нему всѣ эти бумаги да пусть онъ прежде на маржахъ ³⁾ поставитъ свои замѣчанія.

Дня черезъ два Голохвастовъ пріѣхалъ самъ; онъ, какъ большой формалистъ, перепугался больше меня безпорядка, а какъ классикъ, выразился объ этомъ такъ: «*mais, mon cher, c'est le testament d'Alexandre le grand*» ⁴⁾. Мой отецъ, какъ всегда въ по-

¹⁾ Ключареву.

²⁾ Онъ очень болтливъ.

³⁾ *La marge*—поле.

⁴⁾ Но, мой милый, это—завѣщаніе Александра Великаго.

добныхъ случаяхъ бывало, представилъ себя вдвое больше больнымъ, говорилъ Голохвастову косвенныя колкости, потомъ обнявъ его, тронулъ щекой его щеку, и семейное Кампо-Форміо ¹⁾ было заключено.

Насколько мы могли, мы уговорили старика переимѣнить редакцію его прибавленій и сдѣлать одну записку. Онъ самъ хотѣлъ ее написать и не кончилъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. ³⁰

Вслѣдъ за раздѣломъ явился, естественно, вопросъ, кто же поступаетъ на волю и кто нѣтъ? Что касается до денежнаго награжденія, я уговорилъ моего отца опредѣлить сумму; послѣ долгихъ преній онъ назначилъ 3,000 р. сереб. Голохвастовъ объявилъ людямъ, что, не зная, кто именно служилъ въ домѣ и какъ, онъ предоставляетъ мнѣ разборъ ихъ правъ. Я началъ съ того, что помѣстилъ въ списокъ всѣхъ до одного изъ служившихъ въ домѣ. Но когда разнесся слухъ о моемъ листѣ, на меня хлынули со всѣхъ сторонъ какіе-то дворовые прошлыхъ поколѣній, съ дурно бритыми сѣдыми подбородками, плѣшивые, обтерханные, съ тѣмъ невѣрнымъ качаніемъ головы и трясеніемъ рукъ, которыя приобрѣтаются двумя-тремя десятками лѣтъ пьянства, старухи сморщившіяся и въ чепцахъ съ огромными оборками, заочные крестники и крестницы, о христіанскомъ существованіи которыхъ я не имѣлъ понятія. Однихъ изъ этихъ людей я совсѣмъ не видывалъ, другихъ помнилъ, какъ во снѣ; наконецъ, явились и такіе, о которыхъ я навѣрное зналъ, что они никогда не служили у насъ въ домѣ, а вѣчно ходили по паспорту, другіе когда-то жили, и то не у насъ, а у Сенатора или пребывали споконъ вѣка въ деревнѣ. Если-бы эти разбитые на ноги старики и уменьшившіяся въ ростѣ и закоптѣвшія отъ лѣтъ старухи хотѣли вольную для себя, бѣда была бы не велика; совсѣмъ напротивъ, они-то и были готовы окончить вѣкъ свой за Дмитріемъ Павловичемъ, но у каждого почти нашлись сыновья, дочери, внучата. Призадумался я, думалъ, думалъ да и далъ всѣмъ имъ свидѣтельства. Голохвастовъ очень хорошо понималъ, что половина этихъ незнакомецъ никогда не была на службѣ, но, видя мси свидѣтельства, велѣлъ всѣмъ писать отпускныя; когда мы ихъ подписывали, онъ, почесывая пальцемъ волосы, сказалъ мнѣ улыбаясь:

— Я думаю, мы тутъ и чужихъ нѣсколько человѣкъ отпустили.

¹⁾ Итальянская деревня, въ которой велись мирныя переговоры Франціи съ Австріей въ 1797 г.

Голохвастовъ былъ въ своемъ родѣ тоже оригинальное лицо, какъ вся семья моего отца.

Меньшая сестра моего отца была замужемъ за старымъ, стариннымъ столбовымъ и очень богатымъ русскимъ бариномъ Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ. Голохвастовы мелькаютъ тамъ-сямъ въ русской исторіи со временъ Грознаго; при Самозванцѣ, во время междуцарствія встрѣчаются ихъ имена. Келарь Авраамій Палицынъ навлекъ на себя сначала гнѣвъ Дмитрія Павловича, а потомъ предлинную статью, неосторожно отсзавшись объ одномъ изъ предковъ его въ своемъ сказаніи объ осадѣ Троице-Сергіевской лавры ¹⁾).

Павель Ивановичъ былъ угрюмый, скупой, но чрезвычайно честный и дѣловой человѣкъ. Мы видѣли, какъ онъ помѣшалъ моему отцу уѣхать изъ Москвы въ 1812 году и какъ умеръ потомъ въ деревнѣ отъ удара.

У него остались два сына и дочь. Они жили съ матерью въ томъ самомъ большемъ домѣ на Тверской, котораго пожаръ такъ поразилъ старика ²⁾). Нѣсколько строгій, скупой и тяжелый тонъ, введенный старикомъ, пережилъ его. Въ домѣ ихъ царствовала облуманная, важная скука и официально учтивый, благосклонный тонъ съ чувствомъ собственного достоинства, который *à la longue* ³⁾ чрезвычайно надоѣдалъ. Большія и хорошо убранныя комнаты были слишкомъ пусты и беззвучны. Молча сидѣла, бывало, за своей работой дочь; мать, сохранившая слѣды большой красоты и тогда еще не старая, лѣтъ сорока пяти съ чѣмъ-нибудь, начинала хворать и обыкновенно лежала на софѣ; объ говорили протяжно и нѣсколько нараспѣвъ, какъ тогда вообще говорили московскія дамы и дѣвицы. Дмитрій Павловичъ лѣтъ восемнадцати походилъ на сорокалѣтняго мужчину. Меньшой братъ былъ живѣе его, но зато его почти никогда не было налицо...

...И все-то это примерло... А я еще помню, когда мать дала Дмитрію Павловичу торжественную инвеституру на полное распоряженіе лошадей и дрожками. Ихъ бывший гувернеръ Маршалъ, превосходный человѣкъ, послужившій мнѣ когда-то типомъ Жозефа въ «Кто виноватъ?», давалъ мнѣ уроки послѣ Бушо.

Какъ ни обходи, ни маскируй, какъ умно ни разрѣшай эти тревожные вопросы о жизни, смерти, судьбѣ, они, все-таки, являются съ своими могильными крестами и съ той, будто, неумѣстной улыбкой, которая остается на ослабившихся челюстяхъ мертвой головы!

¹⁾ «Замѣчанія объ осадѣ Троицкой лавры», М., 1842.

²⁾ «Былое и думы», часть I, глава I. А. И. Г.

³⁾ Подъ конецъ

А если раздумаешься, то самъ увидишь, что и нельзя не улыбаться. Вотъ хоть бы и судьба этихъ двухъ братьевъ,—чего и чего не придетъ въ голову, думая о нихъ!

Разница, бывшая между моимъ отцомъ и Сенаторомъ, блѣднѣть передъ рѣзкой противоположностью ихъ, несмотря на то, что они выросли въ одной комнатѣ, имѣли одного гувернера, однихъ учителей, одинакую обстановку.

Старшій братъ былъ блондинъ съ британски-рыжеватымъ отѣнкомъ, съ свѣтло-сѣрыми глазами, которые онъ любилъ щурить, и которые говорили о невозмущаемомъ штилѣ души. Съ лѣтами фигура его все больше и больше выражала чувство полного уваженія къ себѣ и какой-то психической сытости собою. Онъ тогда сталъ щурить не только глазами, но и ноздрями особеннаго, довольно удачнаго покроя. Говоря, онъ почесывалъ третьимъ пальцемъ лѣвой руки волосы на вискахъ, всегда подвитые и правильно причесанные, притомъ онъ постоянно держалъ губы на благосклонной улыбкѣ; послѣднее онъ унаслѣдовалъ у матери и у Лампьева ¹⁾ портрета Екатерины II. Правильныя черты его вмѣстѣ съ стройнымъ и довольно высокимъ ростомъ, съ тщательно округленными движениями, съ шейнымъ платкомъ, котораго узелъ «никогда не былъ ни великъ, ни малъ», придавали ему какую-то торжественную красоту посаженаго отца, почетнаго свидѣтеля, человѣка, которому предоставлено раздавать награды отличившимся ученикамъ или, по крайней мѣрѣ, человѣка, пріѣхавшаго поздравить съ Рождествомъ Христовымъ или съ наступающимъ новымъ годомъ. Но для будней, для ежедневнаго обихода онъ былъ слишкомъ наряженъ.

Вся его жизнь была рядомъ наградъ за успѣхи и нравственность. Онъ ихъ заслуживалъ вполнѣ. Маршалъ, посѣдѣвшій отъ меньшого брата его, не могъ нахвалиться Дмитріемъ Павловичемъ и безусловно вѣрилъ въ непогрѣшительность его французскаго синтаксиса. Дѣйствительно, онъ говорилъ по-французски съ той непорочной правильностью, съ которой французы никогда не говорятъ (вѣроятно, потому, что въ нихъ не развито чувство сознанія всей важности знать французскую грамматику). Четырнадцать лѣтъ онъ не только участвовалъ въ управленіи имѣніемъ, но перевелъ на французскій языкъ въ прозѣ *всю* «Россиаду» Хераскова для упражненія въ стилѣ. Вѣроятно, старикъ радовался на томъ свѣтѣ больше, чѣмъ «Лебедь на водахъ Меандра», узнавши это. Но Голохвастовъ не только правильно говорилъ по-

¹⁾ Лампи старшій, австрійскій живописецъ

французски и по-нѣмецки, не только хорошо зналъ по-латыни, но зналъ и говорилъ правильно и хорошо по-русски.

Такъ, какъ Маршалъ считалъ его лучшимъ ученикомъ, такъ его мать считала его лучшимъ сыномъ, дяди его—лучшимъ племянникомъ, а князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, когда онъ опредѣлился къ нему на службу, считалъ его лучшимъ чиновникомъ. Но, что еще важнѣе, что все это дѣйствительно такъ и было. А странное дѣло... чувствовалось отсутствіе *чего-то*. Онъ былъ уменъ, дѣловой человекъ, много читалъ и помнилъ,—чего же больше, кажется, требовать?

Я впоследствии не разъ встрѣчалъ эти натуры, эти «гладенькіе» умы, эти свѣтло понимающія—на извѣстномъ пространствѣ и въ извѣстную глубину—голови. Они умно разсуждаютъ, не отступая отъ данныхъ; они еще умнѣе поступаютъ, не сходя съ торной дороги; они—настоящіе современники своего времени, своего общества. Все, что они говорятъ,—истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; все, что они дѣлаютъ,—хорошо, но они могли бы дѣлать что-нибудь иное. Они обыкновенно нравственны, но вамъ нечистая сила шепчетъ на ухо: «Да могутъ ли они быть безнравственны?». Нѣмцы назвали бы такихъ людей «разсудочными»; это—среда вигизма въ Англии,—среда, которой гений и высшій представитель теперь—Маколей, въ старыя годы былъ Вальтеръ Скоттъ, среда практической философіи пустытника de la Chaussée d'Antin ¹⁾ и философскихъ поученій Вейса ²⁾. Все у этихъ господъ исправно, чинно, на мѣстѣ; они правильно любятъ добродѣтель и бѣгутъ порока; все у нихъ не лишено извѣстной прелести сѣренькаго лѣтняго дня, безъ дождя и солнца, а чего-то нѣтъ,—ну, такъ бездѣлицы, *ничего*, какъ у великихъ князень царя Никиты... но

И того недоставало,

а безъ того и все остальное не въ честь.

Меньшой братъ Голохвастова родился хромой; ужъ одно это обстоятельство лишило его возможности пріобрѣсть античную позу и версальскую поступь старшаго брата. Къ тому же у него были черныя волосы и огромныя черныя глаза, которыми онъ никогда не шурился. Эта энергическая и красивая наружность была все; внутри бродили довольно неустроенныя страсти и смутныя понятія. Мой отецъ, не ставившій его ни въ грошъ, говорилъ, когда

¹⁾ «L'hermite de la Chaussée d'Antin», романъ В. Жуи.

²⁾ Францискъ, швейцарскій генералъ, написавшій популярную въ концѣ XVIII ст. философскую книгу.

особенно былъ имъ недоволенъ: «*Quel jeu interessant de la nature* ¹⁾ видѣть на плечахъ Николаши—и при этомъ старикъ поднималъ свои собственныя—голову персидскаго шаха!».

Такъ, какъ его старшій братъ не могъ ни на минуту обдосужиться весь свой вѣкъ и постоянно что-нибудь дѣлалъ, такъ Николай Павловичъ всю жизнь рѣшительно ничего не дѣлалъ. Въ юности онъ не учился; лѣтъ 23 онъ уже былъ женатъ, и это презабавнымъ образомъ: онъ увезъ самъ себя. Влюбившись въ бѣдную и незнатную дѣвушку ²⁾, чрезвычайно милую грёзовскую головку или севрскую изящнѣйшую куколку, онъ просилъ позволенія жениться на ней, и этому я всего меньше дивлюсь. Мать, исполненная аристократическихъ предрасудковъ и воображавшая, что за своихъ сыновей меньше взять нельзя, какъ Румянцову или Орлову, и то съ цѣлымъ народонаселеніемъ какой-нибудь Воронежской или Рязанской губерніи, разумѣется; не согласилась. Но, какъ братъ его ни уговаривалъ, какъ дяди и тетки ни усовѣщевали, свѣтленькіе глазки молодой дѣвушки взяли свое; нашъ Вертеръ, видя, что ничѣмъ не сломить волю своихъ родныхъ, спустилъ ночью въ окно шкатулку, нѣсколько бѣлья, камердинера Александра, потомъ спустился самъ, оставивъ свою дверь запертою изнутри. Когда къ обѣду слѣдующаго дня открыли дверь, онъ былъ уже обвѣнчанъ. Его мать такъ огорчилась тайнымъ бракомъ, что слегла въ постель и умерла, принеся свою жизнь въ жертву на алтарь этикета и приличій ³⁾.

...У нихъ въ домѣ жила вдова коменданта Орской крѣпости во времена чумы и Пугачева, старушка офицерша, глухая, съ небольшими усами и ворчунья. Часто рассказывала она мнѣ потомъ о потрясающемъ событіи побѣга и всякій разъ прибавляла: «Я, батюшка, съ малыхъ лѣтъ видѣла, что въ Николаѣ-то Павловичѣ проку никакого не будетъ и никакого утѣшенія Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ему, извольте видѣть, было лѣтъ двѣнадцать,—вѣкъ не забуду,—прибѣжалъ ко мнѣ, хохочетъ до слезъ, говоритъ: Надежда Ивановна, Надежда Ивановна, поскорѣе къ окну: посмотрите, что съ нашей короной сдѣлалось! Я къ окну,—да такъ и ахнула. Ну, представь, батюшка: ей собаки, что ли, хвостъ оторвали, только она, моя голубушка, такъ-таки безъ хвоста и есть... Корова была тирольская... Не вытерпѣла я. Такъ это, я говорю, ты смѣешься надъ маменькиной короной да надъ своимъ доб-

¹⁾ Какая интересная игра природы.

²⁾ Елизавета Петровна Казначеева.

³⁾ Въ 1822 г.

ромъ? ну, какой же въ тебѣ будетъ путь!.. Такъ я ужъ и махнула рукой съ той самой поры».

Пророчество, такъ странно вышедшее изъ коровьяго хвоста, котораго не было на своемъ мѣстѣ, начало сбываться быстро. Братья раздѣлились, и меньшей пошелъ кутить.

Кто не помнитъ рядъ Гогартовыхъ ¹⁾ рисунковъ, въ которыхъ онъ представляетъ параллельно жизнь трудолюбиваго и лѣнтяя. Трудолюбивый скучаетъ въ церкви, лѣнливый играетъ въ кости; трудолюбивый читаетъ въ семействѣ назидательную книгу, лѣнтяй пьетъ водку и т. д. Эту параллель съ измѣненіемъ общественнаго положенія представляли наши братья. У Гогарта одинъ изъ героевъ начинаетъ воровать и оканчиваетъ висѣлицей, а другой всю жизнь совсѣмъ не веселится и приговариваетъ своего пріятеля къ смерти. Воровство *hors-d'oeuvre* ²⁾ — не его вина, что ему мать не оставила двухъ тысячъ душъ въ Калужской губерніи, какъ Елизавета Алексѣевна, и полмилліона денегъ. Сталь ли бы онъ тогда хлопотать и трудиться, — воровать вовсе не отдохновеніе, а работа очень непріятная и чрезвычайно опасная.

Оба брата, раздѣлившись, горячо принялись за дѣло: одинъ — улучшать свое имѣніе, другой — разорять его; не знаю, прибавилъ ли Дмитрій Павловичъ сто рублей своими неусыпными заботами къ имуществу, Николай Павловичъ черезъ десять лѣтъ имѣлъ больше милліона долга.

Вскорѣ послѣ смерти матери, устроивъ свою сестру ³⁾, т.-е., выдавъ ее замужъ, Дмитрій Павловичъ уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ глядѣть Европу; а Николай Павловичъ принялся себя показывать въ Москвѣ: балы, обѣды, спектакли слѣдовали другъ за другомъ; его домъ съ утра былъ набитъ охотниками до хорошаго завтрака, знатоками винъ, танцующей молодежью, интересными французами, гвардейскими офицерами; вино лилось, музыка гремѣла; онъ даже иногда поднималъ мѣстные образа первой величины: князя Д. В. Голицына, князя Юсупова.

Холостой Дмитрій Павловичъ, между тѣмъ, правильно осмотрѣвши Европу и выучившись по-англійски, возвращался вооруженный планами девонширскихъ фермъ и корнвельскаго конскаго завода, въ сопровожденіи англійскаго берейтора и двухъ огромныхъ породистыхъ ньюфаундлендскихъ собакъ, съ длинной шерстью, съ перепонками на лапахъ и одаренныхъ невѣроятной

¹⁾ Вильямъ Гогартъ, знаменитый англійскій карикатуристъ.

²⁾ Вдобавокъ.

³⁾ Наталія Павловна, по мужу Шатилова.

глупостью. Моремъ плыли сѣяльня и вѣяльня машины, необыкновенные плуги и модели всякихъ агрономическихъ затѣй.

Пока Дмитрій Павловичъ старательно заводилъ четырехпольное хозяйство, не идущее къ нашей землѣ, и обсѣвалъ клеверомъ наши православные луга, пока онъ давалъ англійское воспитаніе жеребятамъ, отъ русскихъ родителей рожденнымъ, и изучалъ Тэера ¹⁾),—Николай Павловичъ, и это, я думаю, худшій и глупѣйшій поступокъ въ его жизни, успѣлъ разлюбить свою жену и, какъ бы не находя довольно быстрымъ средствомъ разоренія балы и обѣды, взялъ на содержаніе актрису-танцовщицу, которая, безъ сомнѣнія, была недостойна завязывать шнурки корсета его жены. Съ этой минуты все пошло, какъ на парахъ; имѣніе было описано, жена погоревала, погоревала о судьбѣ дѣтей и о своей собственной, простудилась и въ нѣсколько дней умерла,—домъ распадался.

Видя это, Дмитрій Павловичъ принялъ энергическую мѣру, чтобъ и его имѣніе не пошло къ кредиторамъ его брата: онъ рѣшился жениться. Онъ тщательно выбралъ умную и дѣльную жену ²⁾); бракъ его не былъ дѣломъ безумной страсти; онъ изъ династическаго интереса желалъ прямыхъ наслѣдниковъ, чтобъ оградить родовое имѣніе праотцевъ.

Свадьба брата сильно огорчила Николая Павловича. Такого сюрприза отъ него онъ не ждалъ; видно, имъ было на роду написано удивлять другъ друга своими бракосочетаніями. Чтобъ утѣшиться, онъ сталъ вдвое кутить. Какъ медленно ни дѣлаются у насъ эти дѣла, но, наконецъ, настало время продажи имѣнія съ аукціоннаго торга. Не думаю, чтобъ это очень заботило Дмитрія Павловича, но тутъ опять замѣшались династическіе интересы, и потому Дмитрій Павловичъ съ помощью дядей принялся за спасеніе брата. Начали скупать разные двойные векселя, давая копѣекъ 40 съ рубля, т.-е. бросили въ печь большую сумму денегъ и увидѣли потомъ, что это совершенно бесполезно—такъ много было векселей. Одинъ изъ эпизодовъ этой исторіи остался у меня въ памяти. При раздѣлѣ брильянты матери достались Николаю Павловичу; Николай Павловичъ, наконецъ, заложилъ и ихъ. Видѣть брильянты, украшавшіе нѣкогда величавый станъ Елизаветы Алексѣевны, проданными какой-нибудь купчихѣ, Дмитрій Павловичъ не могъ. Онъ представилъ брату весь ужасъ его поступка; тотъ плакалъ, клялся, что раскаивается; Дмитрій Па-

¹⁾ Альбрехтъ, знаменитый нѣмецкій агрономъ.

²⁾ Надежда Владиміровна Новосильцова.

вловичъ далъ ему вексель на себя и послалъ къ ростовщику выкупить брильянты; Николай Павловичъ просилъ его позволенія привезти брильянты къ нему, чтобъ онъ ихъ спряталъ, какъ единственное наслѣдство его дочерей. Брильянты онъ выкупилъ и повезъ къ брату, но, вѣроятно, *chemin faisant* ¹⁾ онъ раздумалъ, потому что, вмѣсто брата, онъ заѣхалъ къ другому ростовщику и снова ихъ заложилъ. Надо себѣ представить удивленіе Сенатора, досаду Дмитрія Павловича и пространныя разсужденія моего отца, чтобъ понять, какъ я отъ души хохоталъ надъ этимъ высоко комическимъ происшествіемъ. ³¹

Когда всѣ средства окончательно истощились, имѣніе было продано, домъ назначенъ въ продажу, люди распушены, брильянты не выкуплены во второй разъ; когда, наконецъ, Николай Павловичъ велѣлъ рубить свой московскій садъ, для того, чтобъ *топить печи*,—та же благодатная судьба, которая баловала его всю жизнь, снова помогла ему. Онъ поѣхалъ на дачу къ своему двоюродному брату и вышелъ пройтись, приостановился середь разговора, взялъ себя за голову рукой, упалъ и умеръ ²⁾.

Въ эти послѣдніе годы *the diligent* ³⁾ Дмитрій Павловичъ, какъ Цинцинать, оставивъ плугъ, перешелъ къ управленію ученой республикой въ Москвѣ. Случилось это такъ. Императоръ Николай, полагая, что генераль-маіоръ Писаревъ ⁴⁾ довольно остригъ студентовъ и основательно научилъ застегивать виць-мундирные сюртуки, захотѣлъ переимѣнить военное управленіе университета на статское. На дорогѣ между Москвой и Петербургомъ онъ назначилъ попечителемъ князя Сергій Михайловича Голицына,—по какому соображенію, это трудно сказать, вѣроятно, онъ и самъ себѣ въ этомъ отчета не могъ дать; развѣ, онъ назначилъ его для того, чтобы доказать, что мѣсто попечителя вовсе ненужно. Голицынъ, котораго онъ взялъ съ собой, безъ того уже полуживой отъ курьерской ѣзды сломя голову, къ которой онъ не привыкъ, до того испугался новаго мѣста, что сталъ отказываться. Но въ этихъ случаяхъ толковать съ Николаемъ было невозможно: его упорность доходила до безумія беременныхъ женщинъ, когда онѣ чего-нибудь хотятъ животомъ.

Вронченко, когда его сдѣлали министромъ финансовъ, бросился ему въ ноги, увѣряя его въ своей неспособности. Николай отвѣчалъ ему: «Все это вздоръ; я прежде не управлялъ государ-

¹⁾ По дорогѣ.

²⁾ Въ 1847 г.

³⁾ Прилежный.

⁴⁾ Александръ Александровичъ.

ствомъ, а вотъ научился же,—научишься и ты». И Вронченко остался поневолѣ министромъ къ великой радости всѣхъ «unprotected females» ¹⁾ Мѣщанской улицы, которыя освѣтили свои окна, говоря: «Нашъ Василий Ѳедоровичъ ²⁾ сталъ министромъ!».

Голицынъ, проскакавши еще верстъ сто и еще больше измятый, рѣшилъ итти на переговоры и доложилъ, что онъ только тогда возьмегъ мѣсто, когда у него будетъ надежный товарищъ, который бы помогаль ему пасти университетскую паству. Государь черезъ пятьдесятъ верстъ велѣлъ ему самому сыскать себѣ товарища. Такъ они благополучно пріѣхали въ Петербургъ.

Отдохнувъ съ мѣсяць отъ дороги, Голицынъ тихонько поѣхаль въ Москву и принялся искать товарища. У него былъ по университету помощникъ, высочайшій изъ смертныхъ послѣ своего брата ³⁾ и преображенскаго тамбуръ-мажора, графъ А. Панинъ; но онъ, дѣйствительно, былъ слишкомъ высокъ, чтобъ маленькій старичокъ могъ его избрать. Осмотрѣвшись въ Москвѣ, взгляды Голицына остановился на Дмитріи Павловичѣ. Съ его точки зрѣнія, онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Дмитрій Павловичъ имѣлъ всѣ тѣ достоинства, которыя высшее начальство ищетъ въ чловѣкѣ нашего вѣка, безъ тѣхъ недостатковъ, за которые оно гонить его. Образование, хорошая фамилія, богатство, агрономія и не только отсутствіе «завиральныхъ идей», но и вообще всякихъ происшествій въ жизни. Голохвастовъ не имѣлъ ни одной любовной интриги, ни одной дуэли, не играль отроду въ карты, ни разу не напивался допьяна, но часто по воскресеньямъ ѣздилъ къ обѣднѣ, и не просто къ обѣднѣ, а къ обѣднѣ въ домовую церковь князя Голицына. Къ этому надобно прибавить мастерской французскій языкъ, округленныя манеры и одну страсть, страсть совершенно невинную,—къ лошадямъ.

Только-что Голицынъ придумаль, какъ ужъ Николай опять несся стремглавъ въ Москву. Тутъ Голицынъ поймаль его, пока онъ не ударился въ Тулу, и представилъ ему Дмитрія Павловича. Онъ вышелъ отъ государя товарищемъ попечителя ⁴⁾.

Съ этого времени Дмитрій Павловичъ началъ примѣтно толстѣть, наружность его выражала еще больше важности; онъ сталъ какъ-то больше говорить въ носъ, чѣмъ прежде, и фракъ сталъ носить какъ-то пошире, безъ звѣзды, но, видимо, предчувствуя ее.

¹⁾ Публичныхъ женщинъ.

²⁾ Ѳедоръ Павловичъ.

³⁾ Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи.

⁴⁾ Голицынъ былъ назначенъ попечителемъ округа 29 апрѣля 1830 г., а Голохвастовъ — помощникомъ попечителя въ ноябрѣ 1831 г.

До его назначенія въ университетъ мы были съ нимъ настолько близко, насколько различіе лѣтъ позволяло (онъ былъ лѣтъ 16 старше меня). Тутъ я съ нимъ чуть не разсорился, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять къ ряду мы смотрѣли другъ на друга съ непріязненнымъ холодомъ.

Частной причины на это не было никакой. Его поведеніе относительно меня было всегда исполнено деликатности, безъ ненужной короткости, безъ оскорбительнаго отдаленія. Это потому заслуживаетъ вниманія, что отецъ мой, съ своей стороны, стараясь насъ сблизить, дѣлалъ все, что слѣдуетъ, чтобъ поселить между нами ненависть.

Онъ постоянно толковалъ мнѣ, что Сенаторъ и Дмитрій Павловичъ—мои естественные *покровители*, что я долженъ быть къ нимъ *прибѣженъ*, что я долженъ цѣнить ихъ родственную ласку. Къ этому онъ прибавлялъ, что само собою разумѣется, что всѣ ихъ знаки вниманія оказываются, собственно, для него, а не для меня. Относительно старика Сенатора, къ которому я привыкъ почти столько же, сколько къ моему отцу, съ той разницей, что его я не боялся, мнѣ эти слова ничего не значили, но отъ Голохвастова они меня отдаляли и, если не отдалили, то это благодаря такту, съ какимъ себя Голохвастовъ постоянно велъ.

Вещи эти отецъ мой говорилъ не въ минуту досады, а въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, и это оттого, что въ екатерининскомъ вѣкѣ кліентизмъ былъ обыкновененъ, подчиненные не смѣли сердиться за «ты» отъ начальника, и всѣ на свѣтѣ открыто искали милостивцевъ и покровителей.

Когда Дмитрій Павловичъ былъ назначенъ въ университетъ, я думалъ точно такъ, какъ князь Сергій Михайловичъ, что это будетъ очень полезно для университета; вышло совсѣмъ напротивъ. Если бы Голохвастовъ тогда попалъ въ губернаторы или въ оберъ-прокуроры, весьма можно предположить, что онъ былъ бы лучше многихъ губернаторовъ и многихъ оберъ-прокуроровъ. Мѣсто въ университетѣ было совсѣмъ не по немъ; свой холодный формализмъ, свое педанство онъ употребилъ на мелочное, пансіонское управленіе студентами; такого вмѣшательства начальства въ жизнь аудиторіи, такого педелства на большомъ размѣрѣ не было при самомъ Писаревѣ. И тѣмъ хуже, что Голохвастовъ сдѣлался въ нравственномъ отношеніи то, что были Панинъ и Писаревъ для волосъ и пуговиць.

Прежде въ немъ было, при всемъ можайско-верейскомъ торизмѣ его, что-то образованно-либеральное, любовь къ законности, негодованіе противъ произвола, противъ чиновничьяго грабежа.

Со вступленія въ университетъ онъ становился *ex officio* ¹⁾ со стороны всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, онъ считалъ это необходимою своего сана. Время моего курса было временемъ наибольшей политической экзальтации; могъ ли же я остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ такимъ усерднымъ слугою Николая?

Формализмъ его и это вѣчное священнодѣйствіе, *mise en scène* себя иногда вводили его въ самыя забавныя исторіи, изъ которыхъ, вѣчно занятый сохраненіемъ достоинства и постоянно довольный собой, онъ не умѣлъ никогда ловко вывернуться.

Какъ предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, онъ, разумѣется, тяжелой гирей висѣлъ на немъ и сдѣлалъ то, что въ послѣдствіи книги и статьи посылали цензуровать въ Петербургъ. Въ Москвѣ былъ старикъ Мясновъ ²⁾, большой охотникъ до лошадей; онъ составилъ какую-то генеалогическую таблицу лошадиныхъ родовъ ³⁾ и, желая выиграть время, просилъ позволенія посылать въ цензуру корректурные листы, вмѣсто рукописи, въ которой, вѣроятно, хотѣлъ сдѣлать поправки. Голохвастовъ затруднился, произнесъ длинную рѣчь, гдѣ плодовито изложилъ *pro et contra*, и заключилъ ее тѣмъ, что, впрочемъ, разрѣшить присылку корректурныхъ листовъ въ цензуру можно, буде авторъ удостоитъ вѣрить, что въ его книгѣ нѣтъ ничего противъ правительства, религіи и нравственности.

Холерическій и раздражительный Мясновъ всталъ и съ серьезнымъ видомъ сказалъ:

— Такъ какъ это дѣло остается на моей отвѣтственности, то я считаю необходимымъ оговориться: въ книгѣ моей, конечно, нѣтъ ни одного слова противъ правительства, ни противъ нравственности, но насчетъ религіи я не такъ увѣренъ.

— Помилуйте!—сказалъ удивленный Голохвастовъ.

— А вотъ, извольте видѣть, въ Кормчей книгѣ есть статья, такъ гласящая: «Надъ корчагами клянущіе, волосы плетушіе, и на конскія ристалища ходящіе да будутъ преданы анаемѣ», а я въ моей книгѣ очень много говорю о конскихъ ристалищахъ, такъ, право, и не знаю...

— Это не можетъ быть препятствіемъ,—замѣтилъ Голохвастовъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю за разрѣшеніе сомнѣнія,—отвѣтилъ колкій старикъ, откланиваясь.

¹⁾ По обязанности.

²⁾ Павелъ, членъ московскаго общества сельскаго хозяйства.

³⁾ «О воспитаніи скаковыхъ лошадей въ Россіи и о пригетовленіи оныхъ къ скачкѣ», М., 1833 г.

Когда я возвратился изъ второй ссылки, положеніе Голохвастова въ университетѣ было не прежнее. На мѣсто князя *Serpiŭ* Михайловича поступилъ графъ *Serpiŭ* Григорьевичъ Строгановъ. Понятія Строганова, сбивчивыя и неясныя, были, все же, несравненно образованнѣе. Онъ хотѣлъ поднять университетъ въ глазахъ государя, отстаивалъ его права, защищалъ студентовъ отъ полицейскихъ набѣговъ и былъ либераленъ, насколько можно быть либеральнымъ, нося на плечахъ генераль-адъютантскій «нашъ» съ палочкой внутри ¹⁾ и будучи смиреннымъ обладателемъ строгановскаго майората. Въ этихъ случаяхъ не надо забывать *la difficulté vaincue* ²⁾.

— Какая страшная повѣсть Гоголева «Шинель»,—сказалъ разъ Строгановъ Е. К. ³⁾;—вѣдь, это привидѣніе на мосту тащитъ просто съ cadaго изъ насъ шинель съ плечъ. Поставьте себя въ мое положеніе и взгляните на эту повѣсть.

— Мнѣ о-очень т-трудно,—отвѣчалъ К.,—я не привыкъ разсматривать предметы съ точки зрѣнія человѣка, имѣющаго тридцать тысячъ душъ.

Дѣйствительно, съ такими двумя бѣльмами, какъ майоратъ и «нашъ» съ палочкой, трудно ясно смотрѣть на божій свѣтъ; графъ Строгановъ иногда заступалъ постромку, дѣлался чисто-на-чисто генераль-адъютантомъ, т.-е. взбалмошно-грубымъ, особенно когда у него разыгрывался его желчный почечуй, но генеральской выдержки у него не доставало, и въ этомъ снова выражалась добрая сторона его натуры. Для объясненія того, что я хочу сказать, приведу одинъ примѣръ.

Разъ кончившій курсъ казенный студентъ, очень хорошо занимавшійся и опредѣленный потомъ въ какую-то губернскую гимназію старшимъ учителемъ, услышавъ, что въ одной изъ московскихъ гимназій открылась по его части вакансія младшаго учителя, пришелъ просить у графа перемѣщенія. Цѣль молодого человѣка состояла въ томъ, чтобы продолжать заниматься своимъ дѣломъ, на что онъ не имѣлъ средствъ въ губернскомъ городѣ. По несчастію, Строгановъ вышелъ изъ кабинета желтый, какъ церковная свѣчка.

— Какое вы имѣете право на это мѣсто?—спросилъ онъ, глядя по сторонамъ и подергивая усы.

— Я потому прошу, графъ, этого мѣста, что именно теперь открылась вакансія.

¹⁾ Т.-е. инициалъ Николая I на погонахъ.

²⁾ Преодоленное препятствіе.

³⁾ Коршъ.

— Да и еще одна открывается,—перебилъ графъ: вакансія нашего посла въ Константинополь. Не хотите ли ее?

— Я не зналъ, что она зависить отъ вашего сіятельства,—отвѣтилъ молодой человѣкъ;—я приму мѣсто посла съ искренней благодарностью.

Графъ сталъ еще желтѣе, однако, учтиво просилъ его въ кабинетъ.

У меня лично съ нимъ бывали прекуръезныя сношенія; самое первое свиданіе наше не лишено того родного колорита, по которому сразу узнается русская школа.

Вечеромъ какъ-то, во Владимірѣ, сижу я дома за своею Лыбедью; вдругъ является ко мнѣ учитель гимназіи, нѣмецъ, докторъ Іенскаго университета, по прозванію Деличъ, въ мундирѣ. Докторъ Деличъ объявилъ мнѣ, что утромъ пріѣхалъ изъ Москвы попечитель университета, графъ Строгановъ, и прислалъ его пригласить меня завтра, въ 10 часовъ утра къ себѣ.

— Не можетъ быть; я его совсѣмъ не знаю, и вы, вѣрно, перемѣшали.

— Это не фозможно. *Der Herr Graf geruhen auf's freundlichste, sich bei mir zu beurkunden über ihre Lage hier* ¹⁾. Увы ѣдете?

Русскій человѣкъ, я поборолся еще съ Деличемъ, убѣдился еще больше, что ѣздить совсѣмъ ненужно, и поѣхалъ на другой день.

Альфieri ²⁾, какъ человѣкъ не русскій, поступилъ иначе когда французскій маршалъ, занявшій Флоренцію, пригласилъ его, незнакомаго, къ себѣ на вечеръ. Онъ ему написалъ, что если это—просто частное приглашеніе, то онъ за него весьма благодарить, но просить его извинить, потому что онъ никогда не ѣздитъ къ незнакомымъ; если же это—приказъ, то, зная военное положеніе города, онъ нѣпремѣнно въ восемь часовъ вечера отдастся въ плѣнъ (*se constituera prisonnier*).

Строгановъ звалъ меня, какъ рѣдкость, принадлежавшую прежде къ университету, какъ блуднаго кандидата. Ему просто хотѣлось меня видѣть и, сверхъ того, хотѣлось,—такова слабость души человѣческой даже подъ толстымъ аксельбантомъ,—похвастать передо мной своими улучшениями по университету.

Онъ меня принялъ очень хорошо, наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ и скорымъ шагомъ дошелъ, до чего хотѣлъ.

¹⁾ Графъ изволилъ самымъ дружескимъ образомъ освѣдомиться у меня о вашемъ положеніи здѣсь.

²⁾ Графъ Витторіо, знаменитый итальянскій драматургъ.

— Жаль, что вамъ нельзя побывать въ Москвѣ; вы не узнаете теперь университетъ; отъ зданія и аудиторіи до профессоровъ и объема преподаванія,—все измѣнилось... и пошелъ, и пошелъ.

Я очень скромно замѣтилъ, чтобъ показать, что я внимательно слушаю и не пошлый дуракъ, что, вѣроятно, преподаваніе оттого такъ измѣнилось, что много новыхъ профессоровъ возвратилось изъ чужихъ краевъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ графъ,—но, сверхъ того, духъ управленія, единство, знаете, моральное единство...

Впрочемъ, отдадимъ ему справедливость: онъ своимъ «моральнымъ единствомъ» больше сдѣлалъ пользы университету, чѣмъ Земляника своей больницѣ «честностью и порядкомъ». Университетъ очень много обязанъ ему, но, все же, нельзя не улыбнуться при мысли, что онъ хвастался этимъ передъ человѣкомъ, посланнымъ подъ надзоръ за политическіе проступки. Вѣдь, это стоитъ того, что человѣкъ, посланный за политическіе проступки, безъ всякой необходимости поѣхалъ по зову генераль-адъютанта. О, Русь!.. Что же тутъ удивительнаго, что иностранцы ничего не понимаютъ, глядя на насъ!

Второй разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, именно въ то время, когда меня ссылали въ Новгородъ. Сергѣй Григорьевичъ жилъ у брата своего, министра внутреннихъ дѣлъ. Я входилъ въ залу въ то самое время, какъ Строгановъ выходилъ. Онъ былъ въ бѣлыхъ штанахъ и во всѣхъ своихъ регаліяхъ, лента черезъ плечо; онъ ѣхалъ во дворецъ. Увидя меня, онъ остановился и, отведя меня въ сторону, сталъ разспрашивать о моемъ дѣлѣ. Онъ и его братъ были возмущены безобразіемъ моей ссылки.

Это было во время болѣзни моей жены, нѣсколько дней послѣ рожденія малютки, который умеръ. Должно быть, въ моихъ глазахъ, словахъ было видно большое негодованіе или раздраженіе, потому что Строгановъ вдругъ сталъ меня уговаривать, чтобы я переносилъ испытанія съ христіанской кротостью. «Повѣрьте, говорилъ онъ, каждому на свой пай достается нести крестъ».

Даже и очень много иногда, подумалъ я, глядя на всевозможные кресты и крестики, застилавшіе его грудь, и не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться.

Онъ догадался и покраснѣлъ. «Вы, вѣрно, думаете,—сказалъ онъ: хорошо, молю, ему проповѣдывать. Повѣрьте, что *tout est compensé*» ¹⁾,—по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Азаисъ ²⁾.

¹⁾ Все уравновѣшено.

²⁾ Франц. философъ.

Сверхъ проповѣди, онъ и Жуковскій, дѣйствительно, хлопотали обо мнѣ, но челюсти бульдога, вцѣпившагося въ меня, нелегко было разнять.

Поселившись въ 1842 году въ Москвѣ, я сталъ иногда бывать у Строганова. Онъ ко мнѣ благоволилъ, но иногда будировалъ. Мнѣ очень нравились эти приливы и отливы. Когда онъ бывалъ въ либеральномъ направленіи, онъ говорилъ о книгахъ и журналахъ, восхвалялъ университетъ и все сравнивалъ его съ тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ былъ въ мое время. Но когда онъ былъ въ *консервативномъ* направленіи, тогда упрекалъ, что я не служу и что у меня нѣтъ религіи, бранилъ мои статьи, говоря, что я развращаю студентовъ, бранилъ молодыхъ профессоровъ, толковалъ, что они его больше и больше ставятъ въ необходимость измѣнить присягѣ или закрыть ихъ каѳедры.

— Я знаю, какой крикъ поднимется отъ этого; вы первый будете меня называть вандаломъ.

Я склонилъ голову въ знакъ подтвержденія и прибавилъ:

— Вы этого никогда не сдѣлаете, и потому я васъ могу искренно поблагодарить за хорошее мнѣніе обо мнѣ.

— Непремѣнно сдѣлаю,—ворчалъ Строгановъ, потягивая усъ и желтѣя,—вы увидите.

Мы всѣ знали, что онъ ничего подобнаго не предприметъ, за это можно было позволить ему періодически пострадать, особенно взявъ въ расчетъ его майоратъ, его чинъ и почечуй.

Разъ какъ-то онъ до того зарпортовался, говоривши со мной, что, браня все революціонное, рассказалъ мнѣ, какъ 14 декабря Т. ¹⁾ ушелъ съ площади, разстроенный прибѣжалъ въ домъ къ его отцу и, не зная, что дѣлать, подошелъ къ окну и сталъ барабанить по стеклу; такъ прошло нѣкоторое время. Француженка, бывшая гувернанткой въ ихъ домѣ, не выдержала и громко сказала ему: «Постыдитесь! тутъ ли ваше мѣсто, когда кровь вашихъ друзей льется на площади? такъ-то вы понимаете вашъ долгъ!». Онъ схватилъ шляпу и пошелъ—куда вы думаете?—спрятаться къ австрійскому послу ²⁾.

— Конечно, ему слѣдовало бы итти въ полицію и донести,—сказалъ я.

— Какъ?—спросилъ удивленный Строгановъ и почти попятился отъ меня.

— Или вы считаете, какъ француженка,—сказалъ я, не удерживаясь.

¹⁾ Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой.

²⁾ Гр. Лебиельтернъ, зять Трубецкого.

живая больше смѣха,—что его обязанность была итти на площадь и стрѣлять въ Николая?

— Видите,—замѣтилъ Строгановъ, поднимая плечи и нехотя посматривая на дверь.—какой у васъ несчастный ріі ¹⁾ ума; я только говорю, что вотъ эти люди... когда нѣтъ истинныхъ, моральныхъ, основанныхъ на вѣрѣ принциповъ, когда они сходятъ съ прямого пути... все путается. Вы съ лѣтами все это увидите.

До этихъ лѣтъ я еще не дожилъ, но эту сторону ненаходчивости у Строганова, надъ которой часто зло подсмѣивался Чаадаевъ, я, совсѣмъ напротивъ, ставлю ему въ большое достоинство.

Говорятъ, что во время совершеннаго помраченія духа нашего невскаго Саула, послѣ февральской революціи, увлекся и Строгановъ. Онъ, будто бы, настоялъ въ новомъ цензурномъ совѣтѣ на воспрещеніи пропускать что бы то ни было изъ писаннаго мною. Я это принимаю за дѣйствительный знакъ его хорошаго расположенія ко мнѣ: услышавъ это, я принялся за русскую типографію. Но Саулъ шель дальше. Вскорѣ реакція обошла и перешла нашего графа, онъ не хотѣлъ быть палачомъ университета и вышелъ изъ попечителей. ³² Но это еще не все. Черезъ два-три мѣсяца послѣ Строганова вышелъ въ отставку и Голохвастовъ, утраченный рядомъ мѣръ, которыя ему предписывались изъ Петербурга ³⁾.

Такъ окончилась публичная карьера Дмитрія Павловича, и онъ, какъ настоящій москвичъ, сложивъ съ себя бремя государственныхъ дѣлъ, расположился важно отдохнуть, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и окруженный семьей, рысаками и хорошо переплетенными книгами.

Во внутренней жизни его, въ продолженіе его кураторства, все шло благополучно, т.-е. въ свое время являлись на свѣтъ дѣти, въ свое время у нихъ рѣзались зубы. Имѣніе было ограждено законными наслѣдниками. Сверхъ того, еще одно лицо обрадовало и сгорѣло послѣдніе десяти лѣтъ его жизни. Я говорю о приобрѣтеніи *Бычка*, перваго рысака по бѣгу, красотѣ, мышцамъ и копытамъ не только Москвы, но и всей Россіи. *Бычокъ* представлялъ поэтическую сторону серьезнаго существованія Дмитрія Павловича. У него въ кабинетѣ висѣли нѣсколько портретовъ *Бычка*, писанныхъ масляными красками и акварелью. Какъ представляютъ Наполеона—то худымъ консуломъ, съ длинными и мокрыми волосами, то жирнымъ императоромъ съ клочкомъ волосъ на лбу, сидящимъ вер-

¹⁾ Складъ.

³⁾ Въ ноябрѣ 1847 г. Голохвастовъ былъ назначенъ на мѣсто Строганова, оставившаго свой постъ до февральской революціи, 20 ноября 1847 г., а въ отставку вышелъ въ сентябрѣ 1849 г., по болѣзни.

хомъ на стулѣ, съ коротенькими ножками, то императоромъ, отрѣшеннымъ отъ дѣлъ, стоящимъ, заложивъ руки за спину, на скалѣ середь плещущаго океана,—такъ и *Бычокъ* былъ представленъ въ разныхъ моментахъ своей блестящей жизни: въ стойлѣ, гдѣ онъ провелъ свою юность, въ полѣ—свободный, съ небольшой уздечкой, наконецъ, заложенный едва видимой, невѣсомой упряжью въ крошечную коробочку на полозьяхъ, и возлѣ него кучеръ въ бархатной шапкѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ бородой, такъ правильно расчесанной, какъ у ассирійскихъ царей-быковъ,—тотъ самый кучеръ, который выигралъ на немъ, не знаю, сколько кубковъ Сазиковой работы, стоявшихъ подъ стекломъ въ залѣ. ³³

Казалось бы, отдѣлвшись отъ скучныхъ заботъ по университету, съ огромнымъ имѣніемъ и огромнымъ доходомъ, съ двумя звѣздами и четырьмя дѣтьми, тутъ-то бы и жить да поживать. Судьба рѣшила иначе; вскорѣ послѣ своей отставки Дмитрій Павловичъ, здоровый, сильный мужчина, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-то, занемогъ, хуже да хуже, сдѣлалась горловая чахотка, и онъ умеръ, послѣ тяжелой и мучительной болѣзни, въ 1849 году.

И вотъ я поневолѣ останавливаюсь въ раздумьи передъ этими двумя могилами, и рѣдъ странныхъ вопросовъ, о которыхъ я упомянулъ, снова представляется уму.

Смерть приравняла двухъ не похожихъ братьевъ. Кто же изъ нихъ лучше воспользовался своимъ промежуткомъ между двумя нѣмыми и безответными пропастями? Одинъ истратилъ и себя и свое достояніе, но имѣлъ свой медовый мѣсяцъ изъ лучшихъ липовыхъ сотъ. Положимъ, что онъ и былъ человекъ бесполезный, но вреда *напѣреннаю* никому не дѣлалъ. Онъ оставилъ дѣтей въ бѣдности — плохо; но они, все-таки, получили воспитаніе и должны были получить кой-что отъ дяди. А сколько тружениковъ, работавшихъ всю жизнь, съ горькой слезой закрываютъ глаза, глядя на дѣтей, которымъ они не могли дать ни воспитанія, ни куска хлѣба? Т. Карлейль, утѣшая людей, слишкомъ умилявшихся надъ судьбой несчастнаго сына Людовика XVI, сказалъ имъ: «Это правда, онъ былъ воспитанъ сапожникомъ, т.-е. получилъ то дурное воспитаніе, которое получали и теперь получаютъ милліоны дѣтей бѣдныхъ поселянъ и работниковъ».

Другой братъ совсѣмъ не жилъ, онъ *служилъ* жизнь такъ, какъ священники *служатъ* обѣдню, т.-е. съ чрезвычайной важностью совершалъ какой-то привычный ритуаль, болѣе торжественный, чѣмъ полезный. Обдумать, зачѣмъ онъ его исполнялъ, ему было такъ же некогда, какъ его брату. Если изъ жизни Дмитрія Павловича исключить два-три случая, *Бычка*, скачки и кубки да два-три

входа и выхода, напр., когда онъ взошелъ въ университетъ съ сознаниемъ, что онъ—начальникъ его, когда онъ вышелъ въ первый разъ изъ своей комнаты въ звѣздѣ, когда онъ представлялся е. и. величеству, когда водилъ по аудиторіямъ е. и. высочество,—останется одна проза, одно дѣловое, натянутое, официальное утро. Спору нѣтъ, мысль о важности его участія въ дѣлахъ административныхъ доставляла ему удовольствіе; этикетъ—своего рода поэзія, своего рода артистическая гимнастика, какъ парады и танцы; но, вѣдь, какая бѣдная поэзія въ сравненіи съ пышнымъ пирами, въ которыхъ провелъ свою жизнь его братъ, тайкомъ обвѣнчавшійся на хорошенькой барышнѣ съ упоительными глазками!

И въ дополненіе, Дмитрій Павловичъ своей правильной жизнью, своимъ образцовымъ поведеніемъ въ нравственномъ, служебномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ даже не дошелъ ни до здоровья, ни до долготѣя и умеръ такъ же неожиданно, какъ его братъ, но только съ гораздо большими мученіями ¹⁾.

Ну, и all right! ²⁾

¹⁾ Мнѣ кажется, что, говоря о Дмитріи Павловичѣ, я не долженъ умолчать о его послѣднемъ поступкѣ со мною. Послѣ кончины моего отца, онъ мнѣ остался долженъ 40,000 сер. Я уѣхалъ за границу, оставивъ этотъ долгъ за нимъ. Умирая, онъ завѣщалъ, чтобы мнѣ первому было уплачено, потому что официально я не могъ ничего требовать. Вслѣдъ за вѣстью о его кончинѣ я по слѣдующей почтѣ получилъ всѣ деньги.—А. И. Г.

²⁾ Ну, и прекрасно!

ГЛАВА XXXII.

Послѣдняя поѣздка въ Соколово.—Теоретическій разрывъ.—Натянутое положеніе.—Dahin! Dahin! ¹⁾

Послѣ примиренія съ Бѣлинскимъ въ 1840 году, наша небольшая кучка друзей шла впередъ безъ значительнаго разномыслія: были оттѣнки, личные взгляды, но главное и общее шло изъ тѣхъ же началъ. Могло ли оно такъ продолжаться навсегда,—я не думаю. Мы должны были дойти до предѣловъ, до тѣхъ оградъ, за которыя одни пройдутъ, а другіе зацѣплятся.

Года черезъ три-четыре я съ глубокой горестью сталъ замѣчать, что, идучи изъ однихъ и тѣхъ же началъ, мы приходили къ разнымъ выводамъ, и это не потому, чтобъ мы ихъ разное понимали, а потому, что они не всѣмъ *нравились*.

Сначала эти споры шли полушутя. Мы смѣялись, напр., надъ малороссійскимъ упрямствомъ Р. ²⁾, старавшагося вывести логическое построеніе личнаго духа. При этомъ я вспоминаю одну изъ послѣднихъ шутокъ милаго, добраго Крюкова. Онъ уже былъ очень боленъ, мы сидѣли съ Р. у его кровати. День былъ ненастный, вдругъ блеснула молнія, и вслѣдъ за ней разсыпался сильный ударъ грома. Р. подошелъ къ окну и опустилъ шторы.

— Что же, отъ этого будетъ лучше?—спросилъ я его.

— Какъ же, —отвѣтилъ за него Крюковъ,—Р. вѣритъ an die Persönlichkeit des absoluten Geistes ³⁾ и потому завѣшиваетъ окно, чтобъ ему не было видно, куда цѣлится, если вздумаетъ въ него пустить стрѣлу.

¹⁾ «Туда! Туда!» («Mignon» Гете).

²⁾ П. Г. Рѣдкинъ.

³⁾ Въ личность абсолютнаго духа.

Но можно было догадаться, что на шуткахъ такое существенное различіе въ воззрѣніяхъ долго не остановится.

На одномъ листѣ записной книжки того времени, съ видимой *argiète pansée* ¹⁾, помѣчена слѣдующая сентенція: «Личныя отношенія много вредятъ прямотѣ мнѣній. Уважая прекрасныя качества лицъ, мы жертвуемъ для нихъ рѣзкостью мнѣній. Много надобно силъ, чтобы плакать и, все-таки, умѣть подписать приговоръ Камилла Демулена» ²⁾).

Въ этой зависти къ силѣ Робеспьера уже дремали зачатки злыхъ споровъ 1846 года.

Вопросы, до которыхъ мы коснулись, не были случайны: ихъ, какъ суженаго, нельзя было на конѣ объѣхать. Это тѣ гранитные камни преткновенія на дорогѣ знанія, которые во всѣ времена были одни и тѣ же, пугали людей и манили къ себѣ. И такъ, какъ либерализмъ, послѣдовательно проведенный, непременно поставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ социальнымъ вопросомъ, такъ наука, если только человѣкъ ввѣрится ей безъ якоря, непременно прибьетъ его своими волнами къ сѣдымъ утесамъ, о которые бились отъ семи греческихъ мудрецовъ до Канта и Гегеля всѣ дерзавшіе думать. вмѣсто простыхъ объясненій, почти всѣ пытались ихъ обогнуть и только покрывали ихъ новыми слоями символовъ и аллегорій; оттого-то и теперь они стоятъ такъ же грозно, а пловцы боятся ѣхать прямо и убѣдиться, что это—вовсе не скалы, а одинъ туманъ, фантастически освѣщенный.

Шагъ этотъ не легокъ, но я вѣрилъ и въ силы и въ волю нашихъ друзей, имъ же не вновь приходилось искать фарватера, какъ Бѣлинскому и мнѣ. Долго бились мы съ нимъ въ бѣличьемъ колесѣ діалектическихъ повтореній и выпрыгнули, наконецъ, изъ него на свой страхъ. У нихъ былъ нашъ примѣръ передъ глазами и Фейербахъ въ рукахъ. Долго не вѣрилъ я, но, наконецъ, убѣдился, что если друзья наши не дѣлятъ образа доказательствъ Р., то, въ сущности, все же, они съ нимъ согласнѣе, чѣмъ со мной, и что, при всей независимости ихъ мысли, еще есть истины, которыя ихъ пугаютъ. Кромѣ Бѣлинскаго, я расходился со всѣми: съ Грановскимъ и Е. К. ³⁾).

Открытіе это исполнило меня глубокой печалью; порогъ, за который они запнулись, однажды приведенный къ слову, не могъ больше подразумѣваться. Споры вышли изъ внутренней необходи-

¹⁾ Задней мыслью.

²⁾ Неточная запись въ «Дневникѣ» подъ 18 декабря 1844 г.

³⁾ Е. Ѳ. Коршъ.

мости снова прийти къ одному уровню; для этого надобно было, такъ сказать, окликнуться, чтобъ узнать, кто гдѣ.

Прежде, чѣмъ мы сами привели въ ясность нашъ теоретическій раздоръ, его замѣтило новое поколѣніе, которое стояло несравненно ближе къ моему воззрѣнію. Молодежь не только въ университетѣ и лицей сильно читала мои статьи о «Дилетантизмѣ въ наукѣ» и «Письма объ изученіи природы», но и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. О послѣднемъ я узналъ отъ графа С. Строганова, которому жаловался на это Филаретъ ¹⁾, грозившій принять душеоборонительныя мѣры противъ такой вредоносной яствы.

Около того же времени я иначе узналъ объ ихъ успѣхѣ между семинаристами. Случай этотъ мнѣ такъ дорогъ, что я не могу не рассказать его.

Сынъ одного знакомаго подмосковнаго священника, молодой человѣкъ лѣтъ 17, приходилъ нѣсколько разъ ко мнѣ за «Отечественными Записками». Застѣнчивый, онъ почти ничего не говорилъ, краснѣлъ, мѣшался и торопился скорѣй уйти. Умное и открытое лицо его сильно говорило въ его пользу; я переломилъ, наконецъ, его отроческую неувѣренность въ себя и сталъ съ нимъ говорить объ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ очень внимательно и дѣльно читалъ въ нихъ именно философскія статьи. Онъ сообщилъ мнѣ, какъ жадно въ высшемъ курсѣ семинаріи учащіяся читали мое историческое изложеніе системъ, и какъ оно ихъ удивило послѣ философіи по Бурмейстеру ²⁾ и Вольфу ³⁾.

Молодой человѣкъ сталъ иногда приходитъ ко мнѣ; я имѣлъ полное время убѣдиться въ силѣ его способностей и въ способности труда.

— Что вы намѣрены дѣлать послѣ курса? — спросилъ я его разъ.

— Постричься въ священники, — отвѣчалъ онъ, краснѣя.

— Думали ли вы серьезно объ участи, которая васъ ожидаетъ, если вы пойдете въ духовное званіе?

— Мнѣ нѣтъ выбора: мой отецъ рѣшительно не хочетъ, чтобъ я шелъ въ свѣтское званіе. Для занятій у меня досуга будетъ довольно.

— Вы не сердитесь на меня, — возразилъ я, — но мнѣ невозможно не сказать вамъ откровенно моего мнѣнія. Вашъ разговоръ, вашъ образъ мыслей, который вы нисколько не скрывали, и то со-

¹⁾ Митрополитъ московскій.

²⁾ Схоластическій философъ XVIII ст.

³⁾ Христіанъ, нѣмец. философъ.

чувствіе, которое вы имѣете къ моимъ трудамъ,—все это и, сверхъ того, искреннее участіе въ вашей судьбѣ даютъ мнѣ вмѣстѣ съ моими лѣтами нѣкоторыя права. Подумайте сто разъ прежде, чѣмъ вы надѣнете рясу. Снять ее будетъ гораздо труднѣе, а, можетъ, вамъ въ ней будетъ тяжело дышать. Я вамъ сдѣлаю одинъ очень простой вопросъ: скажите мнѣ, есть ли у васъ въ душѣ вѣра хоть въ одинъ догматъ богословія, которому васъ учать?

Молодой человѣкъ, потупя глаза и помолчавъ, сказалъ:

— Передъ вами лгать не стану—нѣтъ!

— Я это зналъ. Подумайте же теперь о вашей будущей судьбѣ. Вы должны будете всякій день во всю вашу жизнь всенародно, громко лгать, измѣнять истинѣ; вѣдь, это-то и есть грѣхъ противъ св. Духа, грѣхъ сознательный, обдуманый. Станетъ ли васъ на то, чтобъ сладить съ такимъ раздвоеніемъ? Все ваше общественное положеніе будетъ неправдой. Какими глазами вы встрѣтите взглядъ усердно молящагося, какъ будете утѣшать умирающаго раема и безсмертіемъ, какъ отпускать грѣхи? А еще тутъ васъ заставятъ убѣждать раскольниковъ, судить ихъ.

— Это ужасно! ужасно!—сказалъ молодой человѣкъ и ушелъ взволнованный и разстроенный.

На другой день вечеромъ онъ возвратился.

— Я къ вамъ пришелъ затѣмъ,—сказалъ онъ,—чтобъ сказать, что я очень много думалъ о вашихъ словахъ. Вы совершенно правы: духовное званіе мнѣ невозможно, и будьте увѣрены, я скорѣе пойду въ солдаты, чѣмъ позволю себя постричь въ священники.

Я горячо пожалъ ему руку и обѣщаль, съ своей стороны, когда время придетъ, уговорить, насколько могу, его отца.

Вотъ и я на свой пай спасъ душу живу, по крайней мѣрѣ, способствовалъ къ ея спасенію.

Философское направленіе студентовъ я могъ видѣть ближе. Весь курсъ 1845 года ходилъ я на лекціи сравнительной анатоміи. Въ аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ я познакомился съ новымъ поколѣніемъ юношей.

Направленіе занимавшихся было совершенно реалистическое, т. е. положительно научное. Замѣчательно, что таково было направленіе почти всѣхъ царскосельскихъ лицеистовъ. Лицей, выведенный подозрительнымъ и мертвющимъ самовластіемъ Николая изъ прекрасныхъ садовъ своихъ, оставался еще тѣмъ же великимъ разсадникомъ талантовъ; завѣщаніе Пушкина, благословеніе поэта пережилдо удары невѣжественной власти ¹⁾).

¹⁾ Исторія, какъ одинъ изъ нихъ попалъ въ университетъ, такъ полнородственнаго благоуханія николаевскихъ временъ, что нельзя удержаться,

Съ радостью привѣтствовалъ я въ лицеистахъ, бывшихъ въ московскомъ университетѣ, новое, сильное поколѣніе.

Вотъ эта-то университетская молодежь, со всѣмъ нетерпѣніемъ и пыломъ юности преданная вновь открывшемуся передъ ними свѣту реализма, съ его здоровымъ румянцемъ, разглядѣла, какъ я сказалъ, въ чемъ мы расходились съ Грановскимъ. Страстно любя его, они начинали возставать противъ его «романтизма». Они хотѣли непремѣнно, чтобъ я склонилъ его на нашу сторону, считая Бѣлинскаго и меня представителями ихъ философскихъ мнѣній.

Такъ насталъ 1846 г. Грановскій началъ новый публичный курсъ. Вся Москва опять собралась около его кафедры, опять его пластическая, задумчивая рѣчь стала потрясать сердца; но той полноты, того увлеченія, которое было въ первомъ курсѣ, не доставало,—будто, онъ усталъ, или какая-то мысль, съ которой онъ

хотѣлъ ее не рассказать. Въ Лицеѣ каждый годъ празднуется та годовщина, которая намъ всѣмъ извѣстна по превосходнымъ стихамъ Пушкина. Обыкновенно въ этотъ день разлуки съ товарищами и свиданія съ прежними учениками позволялось молодымъ людямъ покутить. На одномъ изъ этихъ праздниковъ одинъ студентъ, еще не кончившій курсъ, расшалившись, пустилъ бутылку въ стѣну; на бѣду, бутылка ударилась въ мраморную доску, на которой было начертано: «Государь императоръ изволилъ осчастливить посѣщеніемъ такого-то числа...», и отбила отъ нея кусокъ. Прибѣжалъ какой-то смотритель, бросился на студента съ страшнымъ ругательствомъ и хотѣлъ его вывести. Молодой человѣкъ, обиженный при товарищахъ, разгоряченный виномъ, вырвалъ у него изъ рукъ трость и вытянулъ его ею. Смотритель немедленно донесъ; студентъ былъ арестованъ и посланъ въ карцеръ подъ страшнымъ обвиненіемъ не только въ нанесеніи удара смотрителю, но и въ святотатствѣнномъ неуваженіи къ доскѣ, на которой было изображено священное имя государя императора.

Весьма легко можетъ быть, что его бы отдали въ солдаты, если-бъ другое несчастіе не выручило его. У него въ самое это время умеръ старшій братъ. Мать, оглушенная горемъ, писала къ нему, что онъ теперь—ея единственная опора и надежда, совѣтовала скорѣе кончать курсъ и пріѣхать къ ней. Начальникъ Лицея, кажется, генераль Броневскій ⁹⁾, читая это письмо, былъ тронутъ и рѣшился спасти студента, не доводя дѣло до Николая. Онъ рассказалъ о случившемся Михаилу Павловичу, и великій князь велѣлъ его келейно исключить изъ Лицея и тѣмъ покончить дѣло. Молодой человѣкъ вышелъ съ видомъ, по которому ему нельзя было вступить ни въ одно учебное заведеніе, т.-е. ему преграждалась почти всякая будущность, потому что онъ былъ очень небогатъ,—и все это за увѣче доски, украшенной высочайшимъ именемъ! Да и то еще случилось по особенной милости божіей, убиравшей во-время его брата, по неслыханной въ генеральскомъ чинѣ нѣжности, по невиданной великокняжеской снисходительности! Одаренный необыкновеннымъ талантомъ, онъ гораздо послѣ добился права слушать лекціи въ московскомъ университетѣ—А. И. Г.

⁹⁾ Дмитрій Богдановичъ.

еще не сладилъ, занимала его, мѣшала ему. Это такъ и было, какъ мы увидимъ гораздо позже.

На одной изъ этихъ-то лекцій, въ мартѣ мѣсяцѣ, кто-то изъ нашихъ общихъ знакомыхъ прибѣжалъ, сломя голову, сказать о прїѣздѣ изъ чужихъ краевъ Огарева и С. ¹⁾

Мы не видались нѣсколько лѣтъ и очень рѣдко переписывались... Что-то они... какъ?... Съ сильно бьющимся сердцемъ бросились мы съ Грановскимъ къ Яру, гдѣ они остановились. Ну, вотъ они, наконецъ! И какъ перемѣнились, и какая борода, и не видались нѣсколько лѣтъ... Мы принялись смотрѣть вздоръ, говорить вздоръ, хоть и чувствовалось, что хотѣлось говорить другое.

Наконецъ, нашъ маленькій кругъ былъ почти весь въ сборѣ,—теперь-то заживемъ.

Лѣто 1845 года мы жили на дачѣ въ Соколовѣ. Соколово, это—красивый уголокъ Московскаго уѣзда, верстъ двадцать отъ города по тверской дорогѣ. Мы нанмали тамъ небольшой господскій домъ, стоявшій почти совсѣмъ въ паркѣ, который спускался подъ гору къ небольшой рѣчкѣ. Съ одной стороны его стлалось наше великороссійское море нивъ, съ другой—открывался пространнй видъ въ даль, почему хозяинъ ²⁾ и не преминулъ назвать бесѣдку, поставленную тамъ, «Бель-вью».

Соколово нѣкогда принадлежало графамъ Румянцовымъ. Богатые помѣщики, аристократы XVIII столѣтія при всѣхъ своихъ недостаткахъ были одарены какой-то шириной вкуса, которую они не передали своимъ наслѣдникамъ. Старинныя барскія села и усадьбы по Москвѣ-рѣчкѣ необыкновенно хороши, особенно тѣ, въ которыхъ два послѣднихъ поколѣнія ничего не поправляли и не переиначивали.

Прекрасно провели мы тамъ время. Никакое серьезное облако не застиало лѣтняго неба; много работая и много гуляя, жили мы въ нашемъ паркѣ. К. ³⁾ меньше ворчалъ, хотя иной разъ и случалось ему забирать брови очень высоко и говорить крупныя рѣчи съ сильной мимикой. Грановскій и Е. ⁴⁾ прїѣзжали почти всякую недѣлю въ субботу и оставались ночевать, а иногда уѣзжали ужъ въ понедѣльникъ. М. С. ⁵⁾ нанималъ неподалеку другую дачу. Часто приходилъ и онъ пѣшкомъ, въ шляпѣ съ широкими полями и въ бѣломъ сюртукѣ, какъ Наполеонъ въ Лонгвудѣ, съ кузов-

¹⁾ Н. М. Сатинъ.

²⁾ Дивовъ.

³⁾ Н. Х. Кетчеръ.

⁴⁾ Е. Ѳ. Коршъ.

⁵⁾ М. С. Щепкинъ.

комъ набранныхъ грибовъ, шутилъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни и морилъ со смѣху своими разсказами, отъ которыхъ, я думаю, самъ Іоаннъ Кручинникъ, точившій всю жизнь слезы о грѣхахъ міра сего, сталъ бы ихъ точить отъ хохота... ³⁴

Сидя дружной кучкой въ углу парка подъ большой липой, мы, бывало, жалѣли только объ одномъ: объ отсутствіи Огарева. Ну, вотъ и онъ,—и въ 1846 году мы ѣдемъ снова въ Соколово, и онъ съ нами; Грановскій нанялъ на все лѣто небольшой флигель; Огаревъ помѣстился въ антресоляхъ надъ управляющимъ, флотскимъ майромъ безъ уха.

И со всѣмъ этимъ, черезъ двѣ-три недѣли неопредѣленное чувство мнѣ подсказало, что наша villeggiatura ¹⁾ не удалась и что этого не поправишь. Кому не случилось приготовить пиръ, заранѣе радуясь будущему веселью друзей... И вотъ они являются; все идетъ хорошо, ничего не случилось, а предполагаемое веселье не налаживается. Жизнь только тогда бойко и хорошо идетъ, когда не чувствуешь, какъ кровь по жиламъ течетъ, и не думаешь, какъ легкія поднимаются. Если каждый толчокъ отдается, того и смотри,—явится боль, диссонансъ, съ которымъ не всегдаладишь.

Первое время послѣ пріѣзда друзей прошло въ чаду и одушевленіи праздниковъ; не успѣли они миновать, какъ занемогъ мой отецъ. Его кончина, хлопоты, дѣла,—все это отвлекало отъ теоретическихъ вопросовъ. Въ тиши соколовской жизни наши разногласія должны были прійти къ слову.

Огаревъ, не видѣвшій меня года четыре, былъ совершенно въ томъ направленіи, какъ я. Мы разными путями прошли тѣ же пространства и очутились вмѣстѣ. Къ намъ присоединилась Natalie. Серьезные и на первый взглядъ подавляющіе выводы наши не пугали ее, она имъ придавала особый, поэтический оттѣнокъ.

Споры становились чаще, возвращались на тысячу ладовъ. Разъ мы обѣдали въ саду. Грановскій читалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» одно изъ моихъ «Писемъ объ изученіи природы» (помнится, объ *Энциклопедистахъ*) и былъ имъ чрезвычайно доволенъ.

— Да что же тебѣ нравится?—спросилъ я его.—Неужели одна наружная отдѣлка? Съ внутреннимъ смысломъ его ты не можешь быть согласенъ.

— Твои мнѣнія,—отвѣтилъ Грановскій,—точно такъ же исторической моментъ въ наукѣ мышленія, какъ и самыя писанія энциклопедистовъ. Мнѣ въ твоихъ статьяxъ нравится то, что мнѣ нравится въ Вольтерѣ или Дидро: они живо, рѣзко затрагиваютъ

¹⁾ Дачная жизнь.

такіе вопросы, которые будятъ челоѣка и толкаютъ впередъ; ну, а во всё односторонности твоего воззрѣнія я не хочу вдаваться. Развѣ кто-нибудь говоритъ теперь о теоріяхъ Вольтера?

— Неужели же нѣтъ никакого мѣрила истины, и мы будимъ людей только для того, чтобы имъ сказать пустяки?

Такъ продолжался довольно долго разговоръ. Наконецъ, я замѣтилъ, что развитіе науки, что современное состояніе ея *обязываетъ насъ* къ принятію кой-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы или нѣтъ; что однажды узанныя, онѣ перестаютъ быть историческими загадками, а дѣлаются просто неопровержимыми фактами сознанія, какъ Эвклидовы теоремы, какъ Кеплеровы законы, какъ нераздѣльность причины и дѣйствія, духа и матеріи.

— Все это такъ мало обязательно,—возразилъ Грановскій, слегка измѣнившись въ лицѣ,—что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тѣла и духа; съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Можетъ, вамъ его ненадобно, но я слишкомъ много схоронилъ, чтобъ поступиться этой вѣрой. Личное безсмертіе мнѣ необходимо.

— Славно было бы жить на свѣтѣ,—сказалъ я,—если бы все то, что кому-нибудь надобно, сейчасъ и было бы тутъ, какъ тутъ, на манеръ сказокъ.

— Подумай, Грановскій,—прибавилъ Огаревъ,—вѣдь, это—своего рода бѣгство отъ несчастія.

— Послушайте,—возразилъ Грановскій, блѣдный и придавая себѣ видъ посторонняго,—вы меня искренно обяжете, если не будете никогда со мной говорить объ этихъ предметахъ. Мало ли есть вещей занимательныхъ и о которыхъ толковать гораздо полезнѣе и пріятнѣе.

— Изволь, съ величайшимъ удовольствіемъ!—сказалъ я, чувствуя холодъ на лицѣ. Огаревъ промолчалъ. Мы всё взглянули другъ на друга, и этого взгляда было совершенно достаточно: мы всё слишкомъ любили другъ друга, чтобъ по выраженію лицъ не вымѣрить вполне, что произошло. Ни слова больше, споръ не продолжался. Natalie старалась замаскировать, исправить случившееся. Мы помогли ей. Дѣти, всегда выручающіе въ этихъ случаяхъ, послужили предметомъ разговора, и обѣдъ кончился такъ мирно, что посторонній, который бы пришелъ послѣ разговора, не замѣтилъ бы ничего...

Послѣ обѣда Огаревъ бросился на своего Кортика, я сѣлъ на выслужившую свои лѣта жандармскую клячу, и мы выѣхали въ поле... Точно кто-нибудь близкій умеръ, такъ было тяжело; до сихъ поръ, Огаревъ и я, мы думали, что сладимъ, что дружба наша

сдуетъ разногласіе, какъ пыль; но тонъ и смыслъ послѣднихъ словъ открывалъ между нами даль, которой мы не предполагали. Такъ вотъ она межа, предѣлъ и съ тѣмъ вмѣстѣ цензура! Всю дорогу ни Огаревъ, ни я не говорили. Возвращаясь домой, мы грустно покачали головой, и оба въ одинъ голосъ сказали: «Итакъ, видно, мы опять одни!».

Огаревъ взялъ тройку и поѣхалъ въ Москву. На дорогѣ сочинилъ онъ небольшое стихотвореніе ¹⁾, изъ котораго я взялъ эпиграфъ.

... Ни скорбь, ни скука
 Не утомятъ меня. Всему свой срокъ.
 Я правды рѣчь велъ строго въ дружномъ кругѣ,—
 Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.
 И онъ ушелъ, котораго, какъ брата
 Иль какъ сестру, такъ нѣжно я любилъ!

 Опять одни мы въ грустный путь пойдёмъ,
 Объ истинѣ глася неутомимо,
 И пусть мечты и люди идутъ мимо.

Съ Грановскимъ я встрѣтился на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало,—дурной признакъ съ обѣихъ сторонъ. Боль еще была такъ жива, что не имѣла словъ; а нѣмая боль, не имѣющая исхода, какъ мышъ середь тишины, перегрызаетъ нить за нитью...

Дня черезъ два я былъ въ Москвѣ. Мы поѣхали съ Огаревымъ къ Е. К. Онъ былъ какъ-то предупредительно любезенъ, грустно милъ съ нами, будто, ему насъ жаль. Да что же это такое? точно мы сдѣлали какое-нибудь преступленіе? Я прямо спросилъ Е. К., слышалъ ли онъ о нашемъ спорѣ? Онъ слышалъ; говорилъ, что мы всѣ слишкомъ погорячились изъ-за отвлеченныхъ предметовъ; доказывалъ, что того идеальнаго тождества между людьми и мнѣніями, о которыхъ мы мечтаемъ, вовсе нѣтъ, что симпатіи людей, какъ химическое сродство, имѣютъ свой предѣлъ насыщенія, черезъ который переходить нельзя, не наткнувшись на тѣ стороны, въ которыхъ люди становятся вновь посторонними. Онъ шутилъ надъ нашей молодостью, пережившей тридцать лѣтъ, и все это онъ говорилъ съ дружбой, съ деликатностью,—видно было, что и ему не легко.

Мы разстались мирно. Я, немного краснѣя, думалъ о моей «наивности», а потомъ, когда остался одинъ и легъ въ постель, мнѣ показалось, что еще кусокъ сердца отхватили—ловко, безъ боли, но его нѣтъ!

¹⁾ «Искандеру».

Далѣ не было ниче́го... а только все подернулось чѣмъ-то темнымъ и матовымъ; непринужденность, полный abandon исчезли въ нашемъ кругѣ. Мы сдѣлались внимательнѣе, обходили нѣкоторыя вопросы, т.-е., дѣйствительно, отступили на «границу химическаго сродства», и все это приносило тѣмъ больше горечи и боли, что мы искренно и много любили другъ друга. ³⁵

Можетъ, я былъ слишкомъ нетерпимъ, заносчиво спорилъ, колко отвѣчалъ... можетъ быть... но, въ сущности, я и теперь убѣжденъ, что въ дѣйствительно близкихъ отношеніяхъ тождество *re-лигии* необходимо,—тождество въ главныхъ теоретическихъ убѣжденіяхъ. Разумѣется, одного теоритического согласія недостаточно для близкой связи между людьми; я былъ ближе по симпатіи, напр., съ И. В. Кирѣевскимъ, чѣмъ со многими изъ нашихъ. Еще больше—можно быть хорошимъ и вѣрнымъ *союзникомъ*, сходясь въ какомъ-нибудь опредѣленномъ дѣлѣ и расходясь въ мнѣніяхъ; въ такомъ отношеніи я былъ съ людьми, которыхъ безконечно уважалъ, не соглашаясь во многомъ съ ними, напр., съ Маццини, съ Ворцелемъ. Я не искалъ ихъ убѣдить, ни они—меня, у насъ довольно было общаго, чтобы итти, не ссорясь, по одной дорогѣ. Но между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одной жизнью, нельзя было такъ глубоко расходиться.

Еще бы у насъ было неминуемое дѣло, которое бы насъ совершенно поглощало, а то, вѣдь, собственно, вся наша дѣятельность была въ сферѣ мышленія и пропагандѣ нашихъ убѣжденій... Какіе же могли быть уступки на этомъ полѣ?..

Трещина, которую дала одна изъ стѣнъ нашей дружеской храмины, увеличилась, какъ всегда бываетъ, мелочами, недоразумѣніями, ненужной откровенностью тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и вреднымъ молчаніемъ тамъ, гдѣ необходимо было говорить. Эти вещи рѣшаетъ одинъ тактъ сердца, тутъ нѣтъ правилъ.

Вскорѣ и въ дамскомъ обществѣ все разладилось... ³⁶

На ту минуту нечего было дѣлать.

Ѣхать, Ѣхать вдаль, надолго, непременно Ѣхать! Но Ѣхать было не легко. На ногахъ была веревка полицейскаго надзора и *безъ* разрѣшенія Николая заграничнаго паспорта мнѣ выдать было невозможно.

ГЛАВА XXXIII.

Частный приставъ въ должности камердинера. — Оберъ-полицмейстеръ Кошкинъ. — «Безпорядокъ въ порядкѣ». — Еще разъ Дубельтъ. — Паспортъ.

... За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины моего отца ¹⁾, графъ Орловъ ²⁾ былъ назначенъ на мѣсто Бенкендорфа. Я написалъ тогда къ Ольгѣ Александровнѣ ³⁾, не можетъ ли она мнѣ выхлопотать заграничнаго пасса или какой-нибудь видъ для прїѣзда въ Петербургъ, чтобъ самому достать его. О. А. отвѣчала, что второе легче, и я получилъ черезъ нѣсколько дней отъ Орлова «высочайшее» разрѣшеніе прїѣхать въ Петербургъ на короткое время для устройства дѣлъ ⁴⁾. Болѣзнь моего отца, его кончина, дѣйствительное устройство дѣлъ и нѣсколько мѣсяцевъ на дачѣ задержали меня до зимы. Въ концѣ ноября ⁵⁾ я отправился въ Петербургъ предварительно подавъ просьбу генераль-губернатору о пассѣ. Я зналъ, что онъ не могъ разрѣшить, потому что я все еще былъ подъ *строимъ* надзоромъ полиціи; мнѣ хотѣлось одного: чтобъ онъ послалъ запросъ въ Петербургъ.

Въ день отъѣзда, я утромъ послалъ взять билетъ изъ полиціи ⁶⁾, но, вмѣсто билета, явился квартальный сказать, что есть какія-то затрудненія, и что самъ частный приставъ будетъ ко мнѣ.

¹⁾ 17 сентября 1844 г.

²⁾ Алексѣй Фёдоровичъ.

³⁾ Жеребцова.

⁴⁾ Гр. Орловъ увѣдомилъ объ этомъ министра вн. дѣлъ 2 апрѣля 1845 г.; министръ далъ знать спб. и москов. ген.-губернаторамъ 4 апрѣля.

⁵⁾ 1 октября 1846 г.

⁶⁾ Подорожная.

Пріѣхаль и онъ, и, попросивши, чтобъ я остался съ нимъ наединѣ, онъ таинственно объявилъ мнѣ новость, что мнѣ пять лѣтъ тому назадъ въѣздъ въ Петербургъ запрещень, и что безъ высочайшаго повелѣнія онъ билета не подпишетъ.

— За этимъ у насъ дѣло не станеть, — сказалъ я смѣясь и вынулъ изъ кармана письмо.

Частный приставъ, сильно удивленный, прочитавъ, попросилъ дозволеніе показать оберъ-полицейстеру и часа черезъ два прислалъ мнѣ билетъ и мою бумагу.

Надобно сказать, что половину разговора мой приставъ велъ на необыкновенно очищенномъ французскомъ языкѣ. Насколько вредно частному приставу и вообще русскому полицейскому знать по-французски, онъ испыталъ очень горько.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ пріѣхаль въ Москву съ Кавказа какой-то путешественникъ, легитимистъ шевалье Про. Онъ былъ въ Персіи, въ Грузіи, много видѣлъ и имѣлъ неосторожность сильно критиковать тогдашнія военныя дѣйствія на Кавказѣ, и особенно администрацію. Боясь, что Про будетъ то же говорить въ Петербургѣ, генераль-губернаторъ кавказскій благоразумно написалъ военному министру, что Про — преопасный военный агентъ со стороны французскаго правительства. Про жилъ преспокойно въ Москвѣ и былъ хорошо принятъ княземъ Д. В. Голицынымъ; какъ вдругъ князь получилъ приказъ отправить его съ полицейскимъ чиновникомъ изъ Москвы за границу. Сдѣлать такую глупость и такую грубость надъ знакомымъ всегда труднѣе, и потому Голицынъ, помявшись дня два, пригласилъ къ себѣ Про и послѣ краснорѣчиваго вступленія, наконецъ, сказалъ ему, что какіе-то доносы, вѣроятн, съ Кавказа, дошли до государя, и что онъ приказалъ ему оставить Россію, что, впрочемъ, даже ему дадутъ провожатаго...

Про, разсерженный, замѣтилъ князю, что такъ какъ правительство имѣетъ право высылать, то онъ ѣхать готовъ, но провожатаго не возьметъ, не считая себя преступникомъ, котораго слѣдуетъ конвоировать.

На другой день, когда полицейстеръ пріѣхаль къ Про, тотъ его встрѣтилъ съ пистолетомъ въ рукѣ, объявляя наотрѣзъ, что онъ ни въ комнату, ни въ свою коляску не пуститъ полицейскаго, не пославши ему пули въ лобъ, если тотъ захочетъ употребить силу.

Голицынъ былъ, вообще, очень порядочный человекъ и потому затрудненъ; онъ послалъ за Вейеромъ, французскимъ консуломъ,

чтобъ посовѣтоваться, какъ быть. Вейеръ нашель expedient ¹⁾: онъ потребоваль полицейскаго, хорошо говорящаго по-французски, и обѣщаль его представить Про, какъ путешественника, просящаго уступить ему мѣсто въ коляскѣ Про за половину прогоновъ.

Съ первыхъ словъ Вейера Про догадался, въ чемъ дѣло.

— Я не торгую мѣстами въ моей коляскѣ, — сказалъ онъ консулу.

— Человѣкъ этотъ будетъ въ отчаяніи.

— Хорошо, — сказалъ Про, — я его беру даромъ, за это пусть онъ возьметъ на себя маленькія услуги. Да не капризникъ ли это какой? Я его тогда брошу на дорогѣ.

— Самый услужливый въ мірѣ человѣкъ, вы просто распоряжайтесь имъ. Я васъ благодарю за него. — И Вейеръ поскакалъ къ князю Голицыну объявить о своемъ торжествѣ.

Вечеромъ Про и bona fide traveller ²⁾ отправились. Про молчалъ всю дорогу; на первой станціи онъ взошелъ въ комнату и легъ на диванъ.

— Эй! — закричалъ онъ товарищу, — подите сюда, снимите сапоги.

— Что вы, помилуйте, съ какой стати?

— Вамъ говорятъ: снимите сапоги, или я васъ брошу на дорогѣ, вѣдь, я не держу васъ.

Снялъ мой полицейскій офицеръ сапоги...

— Вытрясите ихъ и вычистите.

— Это изъ рукъ вонъ!

— Ну, оставайтесь!..

Вычистилъ офицеръ сапоги.

На слѣдующей станціи та же исторія съ платьемъ, и такъ Про тормозилъ его до самой границы. Чтобъ утѣшить этого *мученика* шпіонства, на него было обращено особое монаршее вниманіе и его, наконецъ, сдѣлали частнымъ приставомъ.

На третій день послѣ моего приѣзда въ Петербургъ, дворникъ пришелъ спросить отъ квартальнаго, «по какому виду я приѣхалъ въ Петербургъ?» Единственный видъ, бывшій у меня, — указъ объ отставкѣ, былъ мною представленъ генераль-губернатору при просьбѣ о пассѣ. Я далъ дворнику билетъ, но дворникъ возвратился съ замѣчаніемъ, что билетъ годенъ для выѣзда изъ Москвы, а не для выѣзда въ Петербургъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ пришелъ полицейскій съ приглашеніемъ въ канцелярію оберъ-полицмейстера. Отправился я

¹⁾ Выходъ.

²⁾ Мнимый путешественникъ.

въ канцелярію Кокошкина ¹⁾ (днемъ освѣщенную лампами!); черезъ часъ времени онъ пріѣхалъ. Кокошкинъ лучше другихъ лицъ того же разбора выражалъ царскаго слугу безъ дальнихъ видовъ, чернорабочаго временщика безъ совѣсти, безъ размышленія,—онъ служилъ и наживался такъ же естественно, какъ птицы поютъ.

Перовскій ²⁾ сказалъ Николаю, что Кокошкинъ сильно беретъ взятки. «Да, отвѣчалъ Николай, но я сплю спокойно, зная, что онъ полицмейстеромъ въ Петербургѣ».

Я посмотрѣлъ на него, пока онъ толковалъ съ другими... Какое измятое, старое и дряхло-растлѣнное лицо; на немъ былъ завитой парикъ, который вопіюще противорѣчилъ опустившимся чертамъ и морщинамъ.

Поговоривши съ какими-то нѣмками по-нѣмецки и притомъ съ какой-то фамиллярностью, показывавшей, что это—старья знакомья, что видно было и изъ того, что нѣмки хохотали и шушукались, Кокошкинъ подошелъ ко мнѣ и, смотря внизъ, довольно грубымъ голосомъ спросилъ:

— Вѣдь, вамъ высочайше запрещенъ вѣздъ въ Петербургъ?

— Да, но я имѣю разрѣшеніе.

— Гдѣ оно?

— У меня.

— Покажите... Какъ же вы это второй разъ пользуетесь тѣмъ же разрѣшеніемъ?

— Какъ во второй разъ?

— Я помню, что вы пріѣзжали.

— Я не пріѣзжалъ.

— И какія это у васъ дѣла здѣсь?

— У меня есть дѣло къ графу Орлову.

— Что же, вы были у графа?

— Нѣтъ, но былъ въ Третьемъ отдѣленіи.

— Видѣли Дубельта?

— Видѣлъ.

— А я вчера видѣлъ самого Орлова; онъ говоритъ, что никакого разрѣшенія вамъ не посылалъ.

— Оно у васъ въ рукахъ.

— Богъ знаетъ, когда это писано, и время прошло.

— Впрочемъ, странно было бы съ моей стороны пріѣхать безъ позволенія и начать съ визита генералу Дубельту.

¹⁾ Сергій Александровичъ, Спб. оберъ-полицмейстеръ.

²⁾ Левъ Алексѣевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Коли не хотите хлопотъ, такъ извольте отправляться назадъ, и то недалше, какъ черезъ двадцать четыре часа.

— Я вовсе не располагался пробыть здѣсь долго, но мнѣ нужно же подождать отвѣтъ графа Орлова.

— Я вамъ не могу позволить да и графъ Орловъ очень недоволенъ, что вы пріѣхали безъ позволенія.

— Позвольте мнѣ мою бумагу, я сейчасъ поѣду къ графу.

— Она должна остаться у меня.

— Да, вѣдь, это письмо ко мнѣ, на мое имя, единственный документъ, по которому я здѣсь.

— Бумага останется у меня, какъ доказательство, что вы были въ Петербургѣ. Я вамъ серьезно совѣтую завтра ѣхать, чтобъ не было хуже.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ. Вотъ тутъ и толкуй съ ними.

У старика генерала Тучкова ¹⁾ былъ процессъ съ казной. Староста его взялъ какой-то подрядъ, наплутовалъ и попался подъ начеть. Судъ велѣлъ взыскать деньги съ помѣщика, давшаго довѣренность старостѣ, но довѣренности на этотъ предметъ вовсе не было дано. Тучковъ такъ и отвѣчалъ. Дѣло пошло въ сенатъ. Сенатъ снова рѣшилъ: «Такъ какъ отставной генераль-лейтенантъ Тучковъ далъ довѣренность... то...». На что Тучковъ опять отвѣчалъ: «А такъ какъ генераль-лейтенантъ Тучковъ довѣренности на этотъ предметъ не давалъ, то...» Прошелъ годъ, снова полиція объявляетъ съ строжайшимъ подтвержденіемъ: «Такъ какъ генераль-лейтенантъ... то...», и опять старикъ пишетъ свой отвѣтъ. Не знаю, чѣмъ это интересное дѣло кончилось. Я оставилъ Россію, не дождавшись рѣшенія.

Все это вовсе не исключеніе, а совершенно нормально. Кошкинъ держитъ въ рукахъ бумагу, въ достовѣрности которой не сомнѣвается, на которой стоитъ № и число для легкой справки, въ которой написано, что мнѣ разрѣшается пріѣздъ въ Петербургъ, и говоритъ: «А такъ какъ вы пріѣхали безъ позволенія, то отправляйтесь назадъ», и бумагу кладетъ въ карманъ.

Чаадаевъ, дѣйствительно, правъ, говоря объ этихъ господахъ: «Какіе они всѣ шалуны!».

Я поѣхалъ въ III Отдѣленіе и рассказалъ Дубельту, что было. Дубельтъ расхохотался.

— Какъ это они вѣчно все перепутаютъ! Кошкинъ доложилъ графу, что вы пріѣхали безъ позволенія; графъ и сказалъ, чтобъ васъ выслали, но я потомъ объяснилъ дѣло; вы можете

¹⁾ Павелъ Алексѣевичъ.

жить, сколько хотите, я сейчас велю написать въ полицію. Но теперь объ вашемъ дѣлѣ: графъ не думаетъ, чтобъ полезно было просить вамъ позволеніе ѣхать за границу. Государь вамъ два раза отказалъ, послѣдній разъ по просьбѣ графа Строганова; если онъ откажетъ въ третій разъ, то въ это царствованіе вы ужъ, конечно, не поѣдете *къ водамъ*.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я съ ужасомъ: такъ мысль путешествія и воли обжилась въ моей груди.

— Отправляйтесь въ Москву; графъ напишетъ генераль-губернатору частное письмо о томъ, что вы желаете для здоровья вашей супруги ѣхать за границу, и спросить его, замѣтивъ, что знаетъ васъ съ самой лучшей стороны, думаетъ ли онъ, что можно съ васъ снять надзоръ? На такой вопросъ нечего отвѣчать, кромѣ «да». Мы представимъ государю о снятіи надзора, тогда берите себѣ паспортъ, какъ всѣ другіе,—и съ Богомъ къ какимъ хотите *водамъ*.

Мнѣ казалось все это чрезвычайно сложнымъ и даже просто уловкой, чтобъ отдѣлаться отъ меня. Отказать мнѣ они не могли, это навлекло бы на нихъ гоненіе Ольги Александровны, у которой я бывалъ всякій день. Однажды уѣхавши изъ Петербурга, я не могъ еще разъ пріѣхать; переписываться съ этими господами—дѣло трудное. Долю моихъ сомнѣній я сообщилъ Дубельту; онъ началъ хмуриться, т. е. еще больше улыбаться ртомъ и щурить глазами.

— Генераль,—сказалъ я въ заключеніе,—не знаю, а мнѣ даже не вѣрится, что до государя дошло представленіе Строганова?

Дубельтъ позвонилъ и велѣлъ подать «дѣло» обо мнѣ и, ожидая его, добродушно сказалъ мнѣ:

— Графъ и я, мы предлагаемъ вамъ тотъ путь для полученія паспорта, который мы считаемъ вѣрнѣйшимъ; ежели у васъ есть средства болѣе вѣрныя, употребите ихъ; вы можете быть увѣрены, что мы вамъ не помѣшаемъ.

— Леонтій Васильевичъ совершенно правъ,—замѣтилъ какой-то гробовой голосъ. Я обернулся; возлѣ меня стоялъ еще болѣе сѣдой и состарившійся Сагтынскій, который принималъ меня пять лѣтъ тому назадъ въ томъ же III Отдѣленіи.

— Я вамъ *совѣтую* руководствоваться его мнѣніемъ, если хотите ѣхать.

Я поблагодарилъ его.

— А вотъ и дѣло,—сказалъ Дубельтъ, принимая толстую тетрадь изъ рукъ чиновника (что бы я далъ—прочестъ ее всю! Въ 1850 г. я видѣлъ въ кабинетѣ Карлье ¹⁾ мое «досье» въ Парижѣ;

¹⁾ Префектъ парижской полиціи.

интересно было бы сличить); порывшись въ ней, онъ мнѣ ее подалъ раскрытую; это была докладная записка Бенкендорфа, вслѣдствіе письма Строганова, просившаго мнѣ разрѣшеніе ѣхать на шесть мѣсяцевъ къ водамъ въ Германію. На полѣ было крупно написано карандашомъ «рано», по карандашу было проведено лакомъ, внизу написано было перомъ: «рукою е. и. в. написано *рано*. Графъ А. Бенкендорфъ»¹⁾.

— Вѣрите теперь?—спросилъ Дубельтъ.

— Вѣрю,—отвѣчалъ я,—и такъ вѣрю вашимъ словамъ, что завтра же ѣду въ Москву.

— Да вы, пожалуй, погуляйте у насъ, полиція теперь васъ беспокоить не будетъ, а передъ отъѣздомъ заѣзжайте; я велю вамъ показать письмо къ Щербатову. Прощайте, bon voyage, если не увидимся.

— Счастливаго пути,—прибавилъ Сагтынскій.

Мы разстались, какъ видите, пріятельски.

Пріѣхавъ домой, я нашелъ приглашеніе отъ частнаго прістава, кажется, II адмиралтейской ча .и. Онъ меня спрашивалъ, когда я выѣзжаю.

— Завтра вечеромъ.

— Помилуйте, да, кажется, я думалъ... генераль говорилъ, сегодняшняго числа. Его превосходительство, конечно, отсрочить, но позвольте быть удостовѣрену?

— Можете, можете; кстати, дайте мнѣ билетъ.

— Я его напишу въ части и пришлю часа черезъ два. Въ какомъ заведеніи изволите ѣхать?

— Въ Серапинскомъ, если найду мѣсто.

— И прекрасно, а въ случаѣ, если мѣста не найдете, благоволите сообщить.

— Съ удовольствіемъ.

Вечеромъ опять явился квартальный: частный приставъ велѣлъ мнѣ сказать, что *не можетъ* выдать мнѣ билета, а чтобъ я пришелъ завтра, въ *восемь часовъ* утра къ оберъ-полицмейстеру.

Что за пропасть такая и что за скука! Въ 8 часовъ я не пошелъ, а въ продолженіе утра явился въ канцелярію. Частный приставъ былъ тамъ и сказалъ мнѣ:

— Вамъ нельзя ѣхать: есть бумага изъ III Отдѣленія.

— Что случилось?

— Не знаю, генераль не велѣлъ выдавать билета.

¹⁾ На докладѣ Бенкендорфа, сдѣланномъ, по настоянію Строганова, 7 апрѣля 1843 г., написано: «переговоримъ», а рукою Бенкендорфа: «не позволено, 9 апрѣля 1843».

— Правитель дѣль знаетъ?

— Какъ не знать,—и онъ мнѣ указалъ полковника въ мундирѣ и саблѣ, сидѣвшаго за большимъ столомъ въ другой комнатѣ; я спросилъ его, въ чемъ дѣло.

— Точно-съ,—сказалъ онъ,—была бумага, да вотъ она,—онъ прочиталъ ее и подаль мнѣ. Дубельтъ писалъ, что я имѣлъ полное право пріѣхать въ Петербургъ и могу остаться, *сколько хочу*.

— Поэтому-то вы меня не пускаете? Извините, я не могу удержаться отъ смѣха: вчера оберъ-полицмейстеръ гналъ меня отсюда противъ моей воли, сегодня противъ моей воли оставляетъ, и все это на томъ основаніи, что въ бумагѣ сказано, что я могу оставаться, *сколько хочу*.

Дѣло было такъ очевидно, что самъ полковникъ-секретарь расхохотался.

— На что же я брошу деньги за два мѣста въ дилижансѣ? велите, пожалуйста, написать билетъ.

— Я не могу, а пойду доложить генералу.

Кокошкинъ велѣлъ написать билетъ и, проходя по канцеляріи, съ упрекомъ сказалъ мнѣ:

— На что это похоже? то хотите остаться, то ѣдете; вѣдь сказано, что можете остаться.

Я ему ничего не отвѣчалъ.

Когда вечеромъ мы ¹⁾ выѣхали изъ-за заставы, и я снова увидѣлъ безконечную поляну, тянувшуюся къ Четыремъ Рукамъ ²⁾, я посмотрѣлъ на небо и искренно присягнувъ себѣ не возвращаться въ этотъ городъ самовластья, голубыхъ, зеленыхъ и пестрыхъ полицій, канцелярскаго безпорядка, лакейской дерзости, жандармской поэзіи, въ которомъ учтивъ одинъ Дубельтъ, да и тотъ—начальникъ III Отдѣленія.

Щербатовъ неохотно отвѣчалъ Орлову. У него тогда былъ секретаремъ не полковникъ, а піетистъ, ненавидѣвшій меня за мои статьи, какъ «аея и гегельянца» ³⁾. Я самъ ѣздилъ толковать съ нимъ. Схи-секретарь елейнымъ голосомъ и съ христіанскимъ помазаніемъ говорилъ, что генераль-губернатору ничего неизвѣстно обо мнѣ, что онъ въ моихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ не сомнѣвается, но что слѣдуетъ забрать справки у оберъ-полицмейстера. Онъ хотѣлъ затянуть дѣло; къ тому же этотъ госпо-

¹⁾ Съ лакеемъ Лаврентіемъ.

²⁾ Пересѣченіе двухъ трактовъ: отъ Московской заставы на Пулково и отъ Нарвскихъ воротъ на Колпино.

³⁾ Владиміръ Николаевичъ Драшусовъ.

динъ не бралъ взятокъ. Въ русской службѣ всего страшнѣе безкорыстные люди; взятокъ у насъ наивно не берутъ только нѣмцы, а если русскій не беретъ деньгами, то беретъ чѣмъ-нибудь другимъ и ужъ такой злодѣй, что не приведи Богъ. По счастью, оберъ-полицмейстеръ Лужинъ ¹⁾ одобрилъ меня.

Дней черезъ десять, возвращаясь домой, я въ дверяхъ столкнулся съ жандармомъ. Появленіе полицейскаго въ Россіи равняется черепацѣ, упавшей на голову, и потому не безъ особенно непріятнаго чувства ждалъ я, что онъ мнѣ скажетъ; онъ подаль мнѣ пакетъ. Графъ Орловъ извѣщалъ о высочайшемъ повелѣніи снять надзоръ ²⁾. Съ тѣмъ вмѣстѣ я получалъ *право на заграничный пассъ*. ³⁷

Ну, радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!

.....
Да это, полно ли, не сонъ?
Нѣтъ! завтра-жъ кони почтовые,
И я скачу von Ort zu Ort ³⁾,
Отдавши деньги за паспортъ.

.....
Поѣду. Что-то будетъ тамъ?..

.....
Не знаю! вѣрю! но темно
Грядущее передъ очами,
Богъ вѣсть, что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы. Сердце такъ полно
Надеждой, смутными мечтами,
Но я въ сомнѣніи, другъ мой,
Качаю грустной головой.

(«Юморъ», ч. II).

.....
...«Шесть-семь троекъ провожали насъ до Черной-Грязи ⁴⁾...
Мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и, рыдая, разстались.
«Былъ ужъ вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу... Вы смотрѣли печально вслѣдъ, но не догадывались, что то были похо-

¹⁾ Иванъ Дмитріевичъ.

²⁾ Орловъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ и москов. ген.-губ. 8 ноября 1846 г.; министр—москов. ген.-губ. 13-го ноября; а Герцену москов. оберъ-полицмейстеръ далъ знать до 17 ноября, не ожидая сообщенія отъ министра (арх. мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. пол. исп. 1842 г. № 461 и дѣло № 14 канц. москов. воен. ген.-губ. 1845 г.).

³⁾ Съ мѣста на мѣсто.

⁴⁾ Станція подъ Москвой.

роны и вѣчная разлука. Всѣ были налицо, одного только недоставало,—ближайшаго изъ близкихъ, онъ одинъ былъ боленъ и, какъ будто, своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моему отъѣздѣ.

«Это было 21 января 1847 года».....¹⁾.

Дней черезъ десять мы были на границѣ.

...Унтеръ-офицеръ отдалъ мнѣ пазы; небольшой старый солдатъ въ неуклюжемъ киверѣ, покрытомъ клеенкой, и съ ружьемъ неимоверной величины и тяжести, поднялъ шлагбаумъ; уральскій казакъ съ узенькими глазками и широкими скулами, державшій поводья своей небольшой лошаденки, шершавой, растрепанной и сплошь украшенной ледянными сосульками, подошелъ ко мнѣ «пожелать счастливаго пути»; грязный, худой и блѣдный жиденокъ-ямщикъ, у котораго шея была обвернута раза четыре какими-то тряпками, взбирался на козлы.

— Прощайте! Прощайте!—говорилъ, во-первыхъ, нашъ старый знакомецъ Карлъ Ивановичъ, проводившій насъ до Таурогена, и кормилица Таты²⁾, красивая крестьянка, заливавшаяся слезами.

Жиденокъ тронулъ коней, возокъ двинулся; я смотрѣлъ назадъ, шлагбаумъ опустился, вѣтеръ мель снѣгъ изъ Россіи на дорогу, поднимая какъ-то вкось хвостъ и гриву казацкой лошади.

Кормилица въ сарафанѣ и душегрѣйкѣ все еще смотрѣла намъ вслѣдъ и плакала; Зонненбергъ, этотъ образчикъ родительскаго дома, эта забавная фигура изъ дѣтскихъ лѣтъ, махалъ фуляромъ; кругомъ безконечная степь снѣгу.

— Прощай, Татьяна! Прощайте, Карлъ Ивановичъ!

Вотъ столбъ и на немъ обсыпанный снѣгомъ *одноглавыи* и худой орелъ съ растопыренными крыльями... и то хорошо—одной головой меньше.

Прощайте!

¹⁾ Цитата изъ I-й тетради «Западныхъ арабесокъ» «Былого и думъ».

²⁾ Домашнее имя Наталіи Александровны, дочери.

Н. Х. КЕТЧЕРЪ.

(1842—1847).

Мнѣ приходится говорить о Кетчерѣ опять, и на этотъ разъ гораздо подробнѣе.

Возвратившись изъ ссылки, я засталъ его попрежнему въ Москвѣ. Онъ, впрочемъ, до того сросся и сжился съ Москвой, что я не могу себѣ представить Москву безъ него или его въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. Какъ-то онъ попробовалъ перебраться въ Петербургъ, но не выдержалъ шести мѣсяцевъ ¹⁾, бросилъ свое мѣсто и снова явился на берега Неглинной, въ кофейной Бажанова проповѣдывать вольный образъ мыслей офицерамъ, играющимъ на бильярдѣ, поучать актеровъ драматическому искусству, переводить Шекспира и любить до притѣсненія прежнихъ друзей своихъ. Правда, теперь у него былъ и новый кругъ, т.-е. кругъ Бѣлинскаго, Бакунина; но, хотя онъ ихъ и поучалъ денно и ночью, но душою и сердцемъ все держался насъ.

Ему было тогда лѣтъ подъ сорокъ ²⁾, но онъ рѣшительно остался старымъ студентомъ. Какъ это случилось? Это-то и надобно прослѣдить.

Кетчеръ по всему принадлежитъ къ тѣмъ страннымъ личностямъ, которыя развились на окраинѣ петровской Россіи, особенно послѣ 1812 года, какъ ея послѣдствіе, какъ ея жертвы, и косвенно, какъ ея выходъ. Люди эти сорвались съ общаго пути, тяжелаго и безобразнаго, и никогда не попадали на свой собственный, искали его и на этомъ исканіи останавливались. Въ этой пожертвованной шеренгѣ черты очень разны: не всѣ похожи на Онѣгина или на

¹⁾ Пробылъ тамъ два года.

²⁾ Родился въ 1809 г.

Печорина, не всё—лишніе и праздные люди; а есть люди, трудившіеся и ни въ чемъ не успѣвшіе,—люди неудавшіеся. Мнѣ тысячу разъ хотѣлось передать рядъ своеобразныхъ фигуръ, рѣзкихъ портретовъ, снятыхъ съ натуры, и я невольно останавливался, подавленный матеріаломъ. Въ нихъ ничего нѣтъ стаднаго, рядскаго; чеканъ разный, одна общая связь связуетъ ихъ или, лучше, одно *общее несчастье*; вглядываясь въ темно-сѣрый фонъ, видны солдаты подъ палками, крѣпостные подъ розгами, подавленный стонъ, выразившійся въ лицахъ, кибитки, несущіяся въ Сибирь, колодники, плетущіеся туда же, бритые лбы, клейменья лица, каски, эполеты, султаны, — словомъ, петербургская Россія. Ею они несчастны, и нѣтъ силъ ни переварить ее, ни вырваться, ни помочь дѣлу. Они хотятъ бѣжать съ полотна и не могутъ: земли нѣтъ подъ ногами; хотятъ кричать — языка нѣтъ да нѣтъ и уха, которое бы слышало.

Дивиться нечему, что при эгомъ потерянномъ равновѣсіи больше развивалось оригиналовъ и чудаконъ, чѣмъ практически-полезныхъ людей, чѣмъ неутомимыхъ работниковъ; что въ ихъ жизни было столько же неустроеннаго и безумнаго, какъ хорошаго и чисто человѣческаго.

Отецъ Кетчера былъ инструментальный мастеръ ¹⁾. Онъ славился своими хирургическими инструментами и высокою честностью. Онъ умеръ рано, оставивъ большую семью на рукахъ вдовы и очень разстроенная дѣла. Происхожденіемъ онъ былъ, кажется, шведъ. Стало, объ истинной связи съ народомъ, о той непосредственной связи, которая всасывается съ молокомъ, съ первыми играми, даже въ господскомъ домѣ, не можетъ быть и рѣчи. Общество иностранныхъ производителей, индустриаловъ, ремесленниковъ и ихъ хозяевъ составляетъ замкнутый кругъ, жизнью, привычками, интересами, всѣмъ на свѣтѣ отдѣленный и отъ верхняго, и отъ низшаго русскаго слоя. Часто эта среда внутри своей семейной жизни гораздо нравственнѣе и чище, чѣмъ дикая тиранія и затворническій развратъ нашего купечества, чѣмъ печальное и тяжелое пьянство мѣщанъ, чѣмъ узкая, грязная и основанная на воровствѣ жизнь чиновниковъ, но тѣмъ не меньше она совершенно чуждая окружающему міру, иностранная, дающая съ самаго начала другой рѣи и другія основы.

Мать Кетчера была русская, вѣроятно, оттого Кетчеръ и не сдѣлался иностранцемъ. Въ воспитаніе дѣтей, я не думаю, чтобъ она входила; но чрезвычайно важно было то, что дѣти были кре-

¹⁾ Начальникъ московскаго инструментальнаго завода.

щены въ православной вѣрѣ, т.-е. не имѣли никакой. Будь они лютеране или католики, они совсѣмъ бы отошли на нѣмецкую сторону, они бы ходили въ ту или другую кирку и вступили бы незамѣтно въ выдѣляющуюся, обособляющуюся Gemeinde ¹⁾, съ ея партіями, приходскими интересами. Въ русскую церковь, конечно, Кетчера никто не посылалъ; сверхъ того, если онъ иногда и хаживалъ ребенкомъ, то она не имѣетъ того паутиннаго свойства, какъ ея сестры, особенно на чужбинѣ. Надобно вспомнить, что время, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе не знало судорожнаго православія. Церковь, какъ и государство, не защищались тогда чѣмъ ни попало, не ревновали о своихъ правахъ, можетъ, потому, что никто не нападалъ. Всѣ знали, какіе это два звѣря, и не клали пальца имъ въ ротъ. Зато и они не хватали прохожихъ за воротъ, сомнѣваясь въ ихъ православіи или не довѣряя ихъ вѣрнопопданничеству. Когда въ московскомъ университетѣ учредили кафедру богословія, старикъ профессоръ Геймъ, памятный лексиконами, съ ужасомъ говорилъ въ университетской «аулѣ»: «Es ist ein Ende mit der grossen Hochschule Rutheniae» ²⁾. Даже свирѣпая холера изувѣрства, безумная, кричащая, доносящая, полицейская (какъ все у насъ), Магницкаго и Рунича пронеслась зловредной тучей, побила народъ, попавшійся на дорогѣ, и исчезла, воплощаясь въ разныхъ Фотіевъ ³⁾ и графинь ⁴⁾. Въ гимназіяхъ и школахъ катехизисъ преподавали для формы и для экзамена, который постоянно начинался съ «Закона Божія».

Когда пришло время, Кетчеръ поступилъ въ Медико-хирургическую академію. Это было тоже чисто иностранное заведеніе, и тоже не особенно православное. Тамъ проповѣдывалъ Just-Christian Loder ⁵⁾, другъ Гёте, учитель Гумбольдта, одинъ изъ той плеяды сильныхъ и свободныхъ мыслителей, которые подняли Германію на ту высоту, о которой она не мечтала. Для этихъ людей наука еще была религіей, пропагандой, войной; имъ самимъ свобода отъ теологическихъ цѣпей была нова, они еще помнили борьбу, они вѣрили въ побѣду и гордились ею. Лодеръ никогда не согласился бы читать анатомію по Филаретову катехизису. Возлѣ него стояли Фишеръ Вальдгеймскій и операторъ Гильдебрандтъ, о которыхъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ, и разные другіе нѣмецкіе адъюнкты, лаборанты, прозек-

¹⁾ Общину.

²⁾ Пришелъ конецъ великой высшей школѣ въ Россіи.

³⁾ Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря.

⁴⁾ Гр. Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская.

⁵⁾ Лодеръ, извѣстный анатомъ.

торы и фармацевты. «Ни слова русскаго, ни русскаго лица» ¹⁾ все русское было отодвинуто на второй планъ. Одно исключеніе мы только и помнимъ, это Дядьковский ²⁾. Кетчеръ чтить его память, и онъ, вѣроятно, имѣлъ хорошо вліяніе на студентовъ; впрочемъ, медицинскіе факультеты и въ позднѣйшее время жили не общей жизнью университетовъ: составленные изъ двухъ націй, нѣмцевъ и семинаристовъ, они занимались своимъ *дѣломъ*.

Этого *дѣла* показалось мало Кетчеру, и это — лучшее доказательство тому, что онъ не былъ нѣмецъ и не искалъ прежде всего профессіи.

Особенной симпатіи къ своему домашнему кругу онъ не могъ имѣть; съ молодыхъ лѣтъ любилъ онъ жить особнякомъ. Остальная окружающая среда могла только оскорблять и отталкивать его. Онъ принялся читать и читать Шиллера.

Кетчеръ въ послѣдствіи перевелъ всего Шекспира, но Шиллера съ себя стереть не могъ.

Шиллеръ былъ необыкновенно по плечу нашему студенту. Поза и Максъ, Карлъ Моръ и Фердинандъ, студенты, разбойники-студенты,—все это протестъ перваго разсвѣта, перваго негодованія. Больше дѣятельный сердцемъ, чѣмъ умомъ, Кетчеръ понялъ, овладѣлъ поэтической рефлексіей Шиллера, его революціонной философіей въ діалогахъ и на нихъ остановился. Онъ былъ удовлетворенъ, критика и скептицизмъ были для него совершенно чужды.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Шиллера онъ попалъ на другое чтеніе, и нравственная жизнь его была окончательно рѣшена. Все остальное проходило безслѣдно, мало занимало его. Девяностые годы, эта громадная, колоссальная трагедія въ шиллеровскомъ родѣ, съ рефлексіями и кровью, съ мрачными добродѣтелями и свѣтлыми идеалами, съ тѣмъ же характеромъ разсвѣта и протеста, поглотили его. Отчета Кетчеръ и тутъ себѣ не давалъ. Онъ бралъ французскую революцію, какъ библейскую легенду; онъ вѣрилъ въ нее, онъ любилъ ея лица, имѣлъ личныя къ нимъ пристрастія и ненависти; за кулисы его ничто не звало.

Такимъ я его встрѣтилъ въ 1831 году у Пассека и такимъ оставилъ въ 1847 году на Черной-Грязи.

Мечтатель, не романтическій, а, такъ сказать, этико-политическій, врядъ могъ ли найти въ тогдашней Медико-хирургической академіи ту среду, которую искалъ. Червь точилъ его сердце, и врачебная наука не могла заморить его. Отходя отъ окружавшихъ

¹⁾ Монологъ Чацкаго.

²⁾ Іустинъ Евдокимовичъ, профессоръ медицины.

людей, онъ больше и больше вживался въ одно изъ тѣхъ лицъ, которыми было полно его воображеніе. Наталкиваясь вездѣ на совсѣмъ другіе интересы, на мелкихъ людишекъ, онъ сталъ дичать, привыкъ хмурить брови, говорить безъ нужды горькія истины и истины всѣмъ извѣстныя, старался жить какимъ-то лафонтеновскимъ «Зондерлингомъ» ¹⁾, какимъ-то «Робинзономъ въ Сокольникахъ». Въ небольшомъ саду ихъ дома была бесѣдка; туда перенесся «лѣкарь Кетчеръ и принялся переводить лѣкаря Шиллера», какъ въ тѣ времена острилъ Н. А. Полевой. Въ бесѣдкѣ дверь не имѣла замка... въ ней было трудно повернуться: это-то и было надобно. Утромъ копался онъ въ саду, сажалъ и пересаживалъ цвѣты и кусты, даромъ лѣчилъ бѣдныхъ людей въ околоткѣ, правилъ корректуру «Разбойниковъ» и «Фіеско» и, вмѣсто молитвы на сонъ грядущій, читалъ рѣчи Марата и Робеспьера. Словомъ, если-бъ онъ меньше занимался книгами и больше заступомъ, онъ былъ бы тѣмъ, чѣмъ желалъ бы Руссо, чтобъ былъ каждый.

Съ нами Кетчеръ сблизился черезъ Вадима въ 1831 году ²⁾. Въ нашемъ кружкѣ, состоявшемъ тогда, сверхъ насъ двоихъ, изъ Сазонова, Сатина, старшихъ Пассековъ и еще двухъ-трехъ студентовъ, онъ увидѣлъ какой-то зачатокъ исполненія своихъ завѣтныхъ мечтаній, новые всходы на плотно скошенной нивѣ въ 1826 и потому горячо къ намъ придвинулся. Постарше насъ, онъ вскорѣ овладѣлъ «цензурой нравовъ» и не давалъ намъ дѣлать шагу безъ замѣчаній, а иногда и выговора. Мы вѣрили, что онъ практическій человекъ и опытный больше насъ; сверхъ того, мы любили его, и очень. Занемогалъ ли кто, Кетчеръ являлся сестрой милосердія и не оставлялъ больного, пока тотъ оправлялся. Когда взяли Кольрейфа, Антоновича и др., Кетчеръ первый пробрался къ нимъ въ казармы, развлекалъ ихъ, дѣлалъ имъ поученія и дошелъ до того, что жандармскій генералъ Лесовскій его призвалъ и внушалъ ему быть осторожнѣе и вспомнить свое званіе (штабъ-лѣкарь!). Когда Надеждинъ ³⁾, теоретически влюбленный, хотѣлъ тайно обвѣнчаться съ одной барышней ⁴⁾, которой родители запретили думать о немъ, Кетчеръ взялся ему помогать, устроилъ романтическій побѣгъ и самъ, завернутый въ знаменитомъ плащѣ чернаго цвѣта съ красной подкладкой, остался ждать завѣтнаго знака, сидя съ Надеждинымъ на лавочкѣ Рождествен-

¹⁾ Чудакомъ.

²⁾ «Былое и думы». А. И. Г.

³⁾ Николай Ивановичъ, писатель.

⁴⁾ Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина, по мужу Салиасъ де-Турнемиръ.

скаго бульвара. Знака долго не подавали. Надеждинъ унылъ и палъ духомъ. Кетчеръ стоически утѣшалъ его; отчаяніе и утѣшеніе подѣйствовали на Надеждина оригинально: онъ задремалъ. Кетчеръ насупилъ брови и мрачно ходилъ по бульвару. «Она не придетъ, говорилъ Надеждинъ спросонья, пойдѣмте спать». Кетчеръ вдвое насупилъ брови, мрачно покачалъ головой и повелъ соннаго Надеждина домой. Вслѣдъ за ними вышла и дѣвушка въ сѣни своего дома, и условленный знакъ былъ повторенъ не одинъ, а десять разъ, и ждала она часъ-другой; все тихо, она сама еще тише возвратилась въ свою комнату, вѣроятно, поплакала, но зато радикально вылѣчилась отъ любви къ Надеждину. Кетчеръ долго не могъ простить Надеждину эту сонливость и, покачивая головой, съ дрожащей нижней губой, говорилъ: «онъ ее не любилъ!».

Участіе Кетчера во время нашего тюремнаго заключенія, во время моей женитьбы рассказано въ другихъ мѣстахъ. Пять лѣтъ, которые онъ оставался почти одинъ, съ 1834 до 1840, изъ нашего круга въ Москвѣ, онъ съ гордостью и доблестью представлялъ его, храня нашу традицію и не измѣняя ни въ чемъ ни юты. Такимъ мы его и застали, кто въ 1840, кто въ 1842; въ насъ ссылка, столкновеніе съ чуждымъ міромъ, чтеніе и работа измѣнили многое; Кетчеръ, неподвижный представитель нашъ, остался тотъ же, только, вмѣсто Шиллера, переводилъ Шекспира.

Одна изъ первыхъ вещей, которой занялся Кетчеръ, чрезвычайно довольный, что старые друзья съѣзжались снова въ Москву, состояла въ возобновеніи своей цензуры *modum* ¹⁾, и тутъ оказались первыя шероховатости, которыхъ онъ долго не замѣчалъ. Его брань иногда сердила, чего прежде не бывало, иногда надоѣдала. Прежняя жизнь кипѣла такъ быстро и шла такъ обще, что никто не обращалъ вниманія на маленькіе камешки по дорогѣ. Время, какъ я сказалъ, измѣнило многое; личности развились рѣзче, развились разное, и роль добраго, но ворчащаго дяди часто была хуже, чѣмъ смѣшна; всѣ старались повернуть въ смѣшное, покрыть его дружбой, его чистыми намѣреніями ненужную искренность и обличительную любовь и дѣлали очень дурно. Да, дурно было и то, что была необходимость покрывать, объяснять, натягивать. Если-бъ его остановили съ самаго начала, не выросли бы тѣ несчастныя столкновенія, которыми заключилась наша московская жизнь въ началѣ 1847 года.

Впрочемъ, новые друзья не совсѣмъ были такъ снисходительны, какъ мы, и самъ Бѣлинскій, очень любившій его, выбившись иной

¹⁾ Нравовъ.

разъ изъ силъ и столько же не терпѣвшій несправедливости, какъ самъ Кетчеръ, давалъ ему рѣзкіе уроки, на цѣлые мѣсяцы переставая съ нимъ спорить. Холоднымъ или равнодушнымъ Кетчеръ никогда не бывалъ. Онъ былъ постоянно въ пароксизмѣ преслѣдованія или въ припадкѣ любви, быстро переходя изъ самаго горячаго друга въ уголовного судью; изъ этого ясно, что онъ всего менѣе выносилъ холодъ и молчаніе.

Тотчасъ послѣ ссоры или ряда крупныхъ обвиненій, Кетчеръ развлекался, гнѣвъ проходилъ безслѣдно, вѣроятно, внутренно бывалъ онъ недоволенъ собой, но никогда не сознавался; напротивъ, онъ старался всему придать видъ шутки и опять переходилъ за тѣ предѣлы, за которыми шутка не веселитъ. Это было вѣчное повтореніе знаменитаго «гусака» въ примиреніи Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Кто не видалъ дѣтей, которыя, закусивъ удила, нервно не могутъ остановиться въ какой-нибудь шалости; увѣренность въ томъ, что будетъ наказаніе, какъ будто, усиливаетъ искушеніе. Чувствуя, что успѣлъ снова додразнить кого-нибудь до холодныхъ и колкихъ отвѣтовъ, онъ окончательно возвращался въ мрачное расположеніе духа, поднималъ брови, ходилъ большими шагами по комнатѣ, становился трагическимъ лицомъ изъ шиллеровскихъ драмъ, присяжнымъ изъ суда Фуке-Тенвиля ¹⁾, произносилъ свирѣпымъ голосомъ рядъ обвиненій на всѣхъ насъ,—обвиненій, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія, самъ подъ конецъ убѣждался въ нихъ и, подавленный горемъ, что его друзья такіе мерзавцы, уходилъ угрюмо домой, оставляя насъ ошеломленными, взбѣшенными до тѣхъ поръ, пока гнѣвъ ложился на милость, и мы хохотали, какъ сумасшедшіе.

На другой день Кетчеръ съ ранняго утра, тихій и печальный, ходилъ изъ угла въ уголъ, свирѣпо дымя трубой и ожидая, чтобы кто-нибудь изъ насъ пріѣхалъ побранить его и помириться; мирился онъ, разумѣется, сохраняя всегда все свое достоинство взыскательнаго, но строгаго дяди. Если же никто не являлся, то Кетчеръ, затая въ груди смертельный страхъ, шелъ печально въ кофейную на Неглинной или въ свѣтлую, покойную гавань, въ которой всегда встрѣчалъ его добродушный смѣхъ и дружескій приемъ, т.-е. отправлялся къ М. С. Щепкину, ожидая у него, пока буря, поднятая имъ, уляжется; онъ, разумѣется, жаловался М. С. на насъ; добрый старикъ мылилъ ему голову, говорилъ, что онъ поретъ дичь, что мы совсѣмъ не такіе злодѣи, какъ онъ говоритъ, и что онъ его сейчасъ повезетъ къ намъ. Мы знали, какъ Кетчеръ мучился послѣ своихъ

¹⁾ Антуанъ, кровожадный дѣятель великой франц. революціи.

выходокъ, понимали или, лучше, прощали то чувство, почему онъ не говорилъ прямо и просто, что виноватъ, и стирали по первому слову дочиста слѣды размолвки. Въ нашихъ уступкахъ на первомъ планѣ участвовали дамы, становившіяся почти всегда его заступницами. Имъ нравилась его открытая простота (онъ и ихъ не щадилъ), доходившая до грубости, какъ странность; видя ихъ по-творство, Кетчеръ убѣдился, что такъ и слѣдуетъ поступать, что это мило, и что, сверхъ того, это—его обязанность.

Наши споры и ссоры въ Покровскомъ иногда бывали полнѣйшаго комизма, а, все-таки, оставляли на цѣлые дни длинную, сѣрую тѣнь.

— Отчего кофе такъ дурень?—спросилъ я у Матвѣя.

— Его не такъ варять,—отвѣчалъ Кетчеръ и предложилъ свою методу. Кофе вышелъ такой же.

— Давайте сюда спиртъ и кофейникъ,—я самъ сварю,—замѣтилъ Кетчеръ и принялся за дѣло. Кофе не поправился, я замѣтилъ это Кетчеру. Кетчеръ попробовалъ, и уже нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и устремивъ на меня свой взглядъ изъ подъ очковъ, спросилъ:

— Такъ, по-твоему, этотъ кофе не лучше?

— Нѣтъ.

— Однако же, это удивительно, что ты въ эдакой мелочи не хочешь отказаться отъ своего мнѣнія.

— Не я, а кофе.

— Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ, что за несчастное самолюбіе!

— Помилуй, да, вѣдь, не я варилъ кофе и не я дѣлалъ кофейникъ....

— Знаю я тебя... лишь бы поставить на своемъ—адское самолюбіе! Какое ничтожество—изъ-за поганого кофе.—Больше онъ не могъ; удрученный моимъ деспотизмомъ и самолюбіемъ во вкусъ, онъ нахлобучилъ свой картузъ, схватилъ лукошко и ушелъ въ лѣсъ. Онъ воротился къ вечеру, исходивши верстъ двадцать; счастливая охота по бѣлымъ грибамъ, березовикамъ и масленкамъ разогнала его мрачное расположеніе; я, разумѣется, не поминалъ о кофе и дѣлалъ разныя вѣжливости грибамъ.

На слѣдующее утро онъ попытался, было, снова поставить кофейный вопросъ, но я уклонился.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ препинаній было воспитаніе моего сына.

Воспитаніе дѣлать судьбу медицины и философіи: всѣ на свѣтѣ имѣютъ объ нихъ опредѣленныя и рѣзкія мнѣнія, кромѣ

тѣхъ, которые серьезно и долго ими занимались. Спросите о постройкѣ моста, объ осушеніи болота, человѣкъ откровенно скажетъ, что онъ не инженеръ, не агрономъ. Заговорите о водяной или чахоткѣ, онъ предложитъ лѣкарство по памяти, по наслышкѣ, по опыту своего дяди, но въ воспитаніи онъ идетъ далѣе. «У меня, говорить, такое правило, и я отъ него никогда не отступаю; что касается до воспитанія, я шутить не люблю; это—предметъ слишкомъ близкій къ сердцу».

Какія понятія о воспитаніи долженъ былъ имѣть Кетчеръ, можно вывести до послѣдней крайности изъ того очерка его характера, который мы сдѣлали. Тутъ онъ былъ послѣдователенъ себѣ; обыкновенно толкующіе о воспитаніи и этого не имѣютъ. Кетчеръ имѣлъ «эмилевскія»¹⁾ понятія и твердо вѣровалъ, что ниспроверженіе всего, что теперь дѣлается съ дѣтьми, было бы само по себѣ отличное воспитаніе. Ему хотѣлось исторгнуть ребенка изъ *искусственной* жизни и сознательно возвратитъ его въ дикое состояніе, въ ту первобытную независимость, въ которой равенство простирается такъ далеко, что различіе между людьми и обезьянами снова стерлось бы.

Мы сами были не очень далеки отъ этого взгляда, но у него онъ дѣлался, какъ все, однажды усвоенное имъ, фанатизмомъ, не терпящимъ ни сомнѣнія, ни возраженія. Въ противодѣйствіи старинному, богословскому, схоластическому, аристократическому воспитанію съ его догматизмомъ, доктринаризмомъ, натянутымъ педантскимъ классицизмомъ и наружной выправкой, поставленной выше нравственной, выразилась дѣйствительная и справедливая потребность. По несчастію, въ дѣлѣ воспитанія, какъ во всемъ, крупный и революціонный путь, зря ломая старое, ничего не давалъ въ замѣну. Дикій предрасудокъ нормальнаго человѣка, къ которому стремились послѣдователи Жанъ-Жака, отрѣшалъ ребенка отъ исторической среды, дѣлалъ его въ ней иностранцемъ, какъ будто, воспитаніе не есть привитіе родовой жизни лицу.

Споры о воспитаніи рѣдко велись на теоретическомъ полѣ, прикладное было слишкомъ близко. Мой сынъ,—тогда ему было лѣтъ семь-восемь,—былъ слабаго здоровья, очень подверженъ лихорадкамъ и кровавымъ поносамъ. Это продолжалось до нашей поѣздки въ Неаполь или до встрѣчи въ Сорренто съ однимъ неизвѣстнымъ докторомъ, который измѣнилъ всю систему лѣченія и гигиены. Кетчеръ хотѣлъ его закалить сразу, какъ желѣзо, я не позволялъ,

¹⁾ «Эмилъ», извѣстный романъ Ж.-Ж. Руссо, посвященный вопросамъ воспитанія.

и онъ выходилъ изъ себя. «Ты консерваторъ!—кричалъ онъ съ неистовствомъ—«ты погубишь несчастнаго ребенка! ты сдѣлаешь изъ него изнѣженнаго барица и вмѣстѣ съ тѣмъ раба!»

Ребенокъ шалилъ и кричалъ во время болѣзни матери; я останавливалъ его; сверхъ простой необходимости, мнѣ казалось совершенно справедливымъ заставлять его стѣснять себя для другого, для матери, которая его такъ безконечно любила; но Кетчеръ мрачно говорилъ мнѣ, затыгиваясь до глубины сердечной «Жуковымъ»¹⁾: «Гдѣ твое право останавливать его крикъ? онъ долженъ кричать, это его жизнь. Проклятая власть родителей!».

Размолвки эти, какъ я ни бралъ ихъ легко, дѣлали тяжелыми наши отношенія и грозили серьезнымъ отдаленіемъ между Кетчеромъ и его друзьями. Если-бъ это было, онъ больше всѣхъ былъ бы наказанъ и потому, что онъ все же былъ очень привязанъ ко всѣмъ, и потому, что мало умѣлъ жить одинъ. Его нравъ былъ по преимуществу экспансивный и вовсе не сосредоточенный. Кто-нибудь ему былъ необходимъ. Самый трудъ его былъ постоянной бесѣдой съ *другимъ*, и этотъ другой былъ Шекспиръ. Проработавши цѣлое утро, ему становилось скучно. Лѣтомъ онъ еще могъ бродить по полямъ, работать въ саду; но зимой оставалось надѣть знаменитый плащъ или верблюжьяго цвѣта шероховатое пальто и итти изъ-подъ Сокольниковъ къ намъ на Арбатъ или на Никитскую.

Доля его строптивой нетерпимости происходила отъ этого отсутствія внутренней работы, повѣрки, разбора, приведенія въ ясность, приведенія въ вопросъ; для него вопросовъ не было: дѣло рѣшенное,—и онъ шелъ впередъ, не оглядываясь. Можетъ, если-бъ онъ былъ призванъ на практическое дѣло, это и было бы хорошо, но его не было. Живое вмѣшательство въ общественныя дѣла было невозможно: у насъ въ нихъ мѣшаются только первые три класса, и онъ свою жажду дѣла перенесъ на частную жизнь друзей. Мы избавлялись отъ пустоты, которая сосала его сердце, теоретической работой. Кетчеръ рѣшалъ всѣ вопросы *sommairement*²⁾, съ плеча, такъ или иначе—все равно, а рѣшивши, продолжалъ, не запинаясь ни за что и оставаясь упрямо вѣрнымъ своему рѣшенію.

При всемъ томъ серьезнаго отдаленія до 1846 между нами не было. Nat. очень любила Кетчера; съ нимъ неразрывна была память 9 мая 1838 года; она знала, что подъ его ежевыми колючками хранилась нѣжная дружба, и не хотѣла знать, что колючки

¹⁾ Табакъ популярной тогда фабрики.

²⁾ Быстро.

росли и пускали дальше и дальше свои корни. Ссора съ Кетчеромъ представлялась ей чѣмъ-то зловѣщимъ; ей казалось, если время можетъ подпилить, и притомъ такой маленькой пилкой, одно изъ колець, такъ крѣпко державшихся во всю юность, то оно примется за другое,—и вся цѣпь разсыпется. Среди суровыхъ словъ и жесткихъ отвѣтовъ, я видѣлъ, какъ она блѣднѣла и просила взглядомъ остановиться, стряхивала минутную досаду и протягивала руку. Иногда это трогало Кетчера, но онъ употреблялъ гиганскія усилія, чтобъ показать, что ему, въ сущности, все равно, что онъ готовъ примириться, но, пожалуй, будетъ продолжать ссору.

На этомъ можно было бы годы продлить странное, колебавшееся отношеніе карающей дружбы и дружбы уступающей. Но новыя обстоятельства, усложнившія жизнь Кетчера, повели дѣла круче.

У него былъ свой романъ, странный, какъ все въ его жизни, и заставившій его быстро осѣсть въ довольно топкой семейной сферѣ.

Жизнь Кетчера, сведенная на величайшую простоту, на элементарныя потребности студентскаго бездомовья и кочевья по товарищамъ, вдругъ измѣнилась. У него *вв домъ* явилась женщина или, вѣрнѣе, у него *явился домъ*, потому что въ немъ была женщина. До тѣхъ поръ никто не предполагалъ Кетчера семейнымъ человѣкомъ, въ своемъ *chez soi* ¹⁾, его, любившаго до того все дѣлать безпорядочно, ходя закусывать, курить между супомъ и говядиной, спать не на своей кровати, что Конст. Аксаковъ замѣчалъ шутя, что «Кетчеръ отличается отъ людей тѣмъ, что люди обѣдаютъ, а Кетчеръ ѣстъ»,—у него-то вдругъ ложе, свой очагъ, своя крыша!

Случилось это вотъ какъ.

За нѣсколько лѣтъ до того, Кетчеръ, ходя всякій день по пустыннымъ улицамъ между Сокольниками и Басманной, сталъ встрѣчать бѣдную, почти нищую дѣвочку; утомленная, печальная, возвращалась она этой дорогой изъ какой-то мастерской. Она была некрасива, запугана, застѣнчива и жалка; ея существованіе никѣмъ не было замѣчено... ее никто *не жалѣлъ*. Круглая сирота, она была принята ради имени Христова въ какой-то расколынической скитъ, тамъ выросла и оттуда вышла на тяжелую работу, безъ защиты, безъ опоры, одна на свѣтѣ. Кетчеръ сталъ съ ней разговаривать, приучилъ ее не бояться себя, разспрашивалъ ее о ея печальномъ ребячествѣ, о ея горемычномъ существованіи. Въ немъ первомъ

¹⁾ Углу, домѣ.

она нашла участіе и теплоту и привязалась къ нему душой и тѣломъ. Его жизнь была одинока и сурова: за всѣми шумами пріятельскихъ пировъ, московскихъ первыхъ спектаклей и бажановской кофейной, была пустота въ его сердцѣ, въ которой онъ, конечно, не признался бы даже себѣ самому, но которая сказывалась. Бѣдный, невзрачный цвѣтокъ самъ собою падалъ на его грудь,—и онъ принялъ его, не очень думая о послѣдствіяхъ и, вѣроятно, не приписывая этому случаю особенной важности.

Въ лучшихъ и развитыхъ людяхъ для женщинъ все еще существуетъ что-то въ родѣ электоральнаго ценза, и есть классы ниже его, которые считаются естественно обреченными на жертвы. Съ ними не женивались ¹⁾ мы всѣ, и потому бросить камень врядъ посмѣетъ ли кто-нибудь.

Сирота безумно отдалась Кетчеру. Не даромъ воспиталась она въ раскольническомъ скиту; она изъ него вынесла способность изувѣрства, идолопоклонства, способность упornaго, сосредоточеннаго фанатизма и безграничной преданности. Все, что она любила и чтילה, чего боялась, чему повиновалась: Христось и Богоматерь, святые угодники и чудотворныя иконы,—все это теперь было въ Кетчерѣ, человѣкѣ, который первый пожалѣлъ, первый приласкалъ ее. И все это было вполнину скрыто, погребено, не смѣло обнаружиться.

... У ней родился ребенокъ; она была очень больна, ребенокъ умеръ... Связь, которая должна была скрѣпить ихъ отношенія, лопнула. Кетчеръ сталъ холоднѣе къ Серафимѣ ²⁾, видался рѣже и, наконецъ, совсѣмъ оставилъ ее. Что это дикое дитя «не равлюбить его даромъ» ³⁾, можно было смѣло предсказать. Что же у ней оставалось на всемъ бѣломъ свѣтѣ, кромѣ этой любви? Развѣ, броситься въ Москву-рѣчку. Бѣдная дѣвушка, оканчивая дневную работу, едва покрытая скуднымъ платьемъ, выходила, несмотря ни на ненастье, ни на холодъ, на дорогу, ведущую къ Басманной, и ждала часы цѣлые, чтобъ встрѣтить его, проводить глазами и потомъ плакать, плакать цѣлую ночь; большею частью она пряталась, но иногда кланялась ему и заговаривала. Если онъ ласково отвѣчалъ, Серафима была счастлива и весело бѣжала домой. О своемъ же «несчастіи», о своей любви она говорить стыдилась и не смѣла. Такъ прошли года два или больше. Молча и безропотно выносила она судьбу свою. Въ 1843 Кетчеръ переселился въ Петербургъ.

¹⁾ Se gêner—стѣсняться.

²⁾ Серафима Николаевна, фамилія неизвѣстна.

³⁾ «На свѣтскія цѣпи» Лермонтова.

Это было свыше силъ. Не видать его даже на улицѣ, не встрѣчать издали и не проводить глазами, знать, что онъ за семьсотъ верстъ, между чужими людьми, и не знать, здоровъ ли онъ и не случилось ли съ нимъ какой бѣды... Этого вынести она не могла. Безъ всякихъ пособій и помощи, Серафима начала копить копѣйками деньги, сосредоточила всѣ усилія на одной цѣли, работала мѣсяцы, исчезла и добралась-таки до Петербурга. Тамъ, усталая, голодная, исхудалая, она явилась къ Кетчеру, умоляя его, чтобъ онъ не оттолкнулъ ее, чтобъ онъ ее принялъ, что дальше ей ничего не нужно: она найдетъ себѣ уголь, черную работу, будетъ жить на хлѣбѣ и водѣ,—лишь бы остаться въ томъ городѣ, гдѣ онъ, и иногда видѣть его. Тогда только Кетчеръ вполнѣ понялъ, что за сердце билось въ ея груди. Онъ былъ подавленъ, потрясенъ. Жалость, раскаяніе, сознание, что онъ такъ любимъ, измѣнили роли: теперь она останется здѣсь у него, это будетъ ея домъ, онъ будетъ ея мужемъ, другомъ, покровителемъ. Ея мечтанія сбылись; забыты холодныя осеннія ночи, забытъ страшный путь и слезы ревности, и горькія рыданія: она съ нимъ и уже, навѣрное, не разстанется больше—живая. До прїѣзда Кетчера въ Москву никто не зналъ всей этой исторіи, развѣ, одинъ Михаилъ Семеновичъ ¹⁾; теперь скрыть ее было невозможно и ненужно: мы двое и весь нашъ кругъ приняли съ распростертыми объятіями этого дичка, сдѣлавшаго геройскій подвигъ. И эта-то дѣвушка, полная любви, со своей безусловной преданностью, покорностью, надѣлала Кетчеру бездну вреда. На ней было все благословеніе и все проклятіе, лежащее на пролетаріатѣ, да еще особенно на нашемъ.

Въ свою очередь, и мы нанесли ей чуть ли не столько же зла, сколько она—Кетчеру.

И то и другое въ совершенномъ невѣдѣніи и съ безусловной чистотой намѣреній!

Она окончательно испортила жизнь Кетчера, какъ ребенокъ портитъ кистью хорошую гравюру, воображая, что онъ ее раскрашиваетъ. Между Кетчеромъ и Серафимой, между Серафимой и нашимъ кругомъ лежалъ огромный, страшный обрывъ, во всей рѣзкости своей крутизны, безъ мостовъ, безъ брода. Мы и она принадлежали къ разнымъ возрастамъ человѣчества, къ разнымъ формаціямъ его, къ разнымъ томамъ всемірной исторіи. Мы—дѣти новой Россіи, вышедшіе изъ университета и академіи, мы, увлеченные тогда политическимъ блескомъ Запада, мы, религиозно хранившіе свое невѣріе, открыто отрицавшіе церковь, и она, воспи-

¹⁾ Щепкинъ.

тавшаяся въ раскольническомъ скиту, въ до-петровской Россіи, во всемъ фанатизмѣ сектаторства, со всѣми предрасудками прячущейся религіи, со всѣми причудами стариннаго русскаго быта. Связывая вновь необыкновенной силой воли порванные концы, она крѣпко держалась за узелъ. Ускользнуть Кетчеръ уже не могъ. Но онъ и не хотѣлъ этого. Упрекая себя въ прошедшемъ, Кетчеръ искренно стремился загладить его; подвигъ Серафимы увлекъ его. Склоняясь передъ нимъ, онъ зналъ, что, въ свою очередь, и онъ дѣлаеть жертву; но, натура въ высшей степени честная и благородная, онъ былъ радъ ей, какъ искупленію. Только зналъ-то онъ одну матеріальную сторону ея—фактическое стѣсненіе жизни; о противорѣчій сожитія стараго студента съ шиллеровскими мечтами, съ женщиной, для которой не только міръ Шиллера не существовалъ, но и міръ грамотности, міръ всего свѣтскаго образованія,—ему и въ голову не приходило.

Что ни говори и ни толкуй, но пословица *inter pares amicitia* ¹⁾ совершенно вѣрна, и всякій *mésaillance* ²⁾—впередъ постынное несчастье. Много глупаго, надменнаго, буржуазнаго разумѣлось подъ этимъ словомъ, но сущность его истинна. Въ худшемъ изъ всѣхъ неравенствъ—въ неравенствѣ развитія, одно спасеніе и есть: воспитаніе одного лица другимъ; но для этого надобно два рѣдкіе дара: надобно, чтобъ одинъ умѣлъ воспитывать, а другой умѣлъ воспитываться, чтобъ одинъ велъ, другой шелъ. Гораздо чаще неразвитая личность, сведенная на мелочь частной жизни, безъ другихъ захватывающихъ душу интересовъ, одолеваетъ; человѣка возьметъ одурь, усталъ; онъ незамѣтно мельчаетъ, суживается и, чувствуя неловкость, все же успокаивается, запутанный нитками и тесемками. Бываетъ и то, что ни та, ни другая личность не сдаются, и тогда сожитіе превращается въ консолидированную войну, въ вѣчное единоборство, въ которомъ лица крѣпнутъ и остаются на вѣки вѣковъ въ бесплодныхъ усиліяхъ, съ одной стороны, поднять и, съ другой,—стянуть, т.-е. отстоять свое мѣсто. При равныхъ силахъ этотъ бой поглощаетъ жизнь, и самая крѣпкія природы истощаются и падаютъ обезсиленными середь дороги. Падаетъ всего прежде натура развитая; ея эстетическое чувство глубоко оскорблено двойнымъ строемъ, лучшія минуты, въ которыя все звонко и ярко, ей отравлены: экспансивные люди страстно требуютъ, чтобъ все близкое имъ было близко ихъ мысли, ихъ религіи; это принимаютъ за нетерпимость. Для нихъ прозелитизмъ дома—продолженіе апо-

¹⁾ Между равными дружба.

²⁾ Неравный бракъ.

стольства, пропаганды; ихъ счастье оканчивается тамъ, гдѣ ихъ не понимаютъ... а чаще всего ихъ не хотятъ понять.

Позднее воспитаніе сложившейся женщины—дѣло очень трудное, особенно трудное въ тѣхъ сожитіяхъ, которыми оканчиваются, а не начинаются близкія отношенія. Связи легко, вѣтрено начатыя, рѣдко поднимаются выше спальни и кухни. Общая крыша слишкомъ поздно покрываетъ ихъ, чтобъ подъ ней можно было учиться, развѣ, какое-нибудь странное несчастье разбудить душу спящую, но способную проснуться. По большей части *la petite femme* ¹⁾ никогда не дѣлается *большой*, никогда не дѣлается женой и сестрой вмѣстѣ. Она остается или любовницей и лореткой или дѣлается кухаркой и любовницей.

Сожитіе (подъ одной крышей само по себѣ—вещь страшная, на которой рушилась половина браковъ. Живя тѣсно вмѣстѣ, люди слишкомъ близко подходят другъ къ другу, видятъ другъ друга слишкомъ подробно, слишкомъ нараспашку и незамѣтно срываютъ по лепестку всѣ цвѣты вѣнка, окружающаго поэзіей и граціей личность. Но одинаковость развитія сглаживаетъ многое. А когда его нѣтъ, а есть праздный досугъ, нельзя вѣчно пороть вздоръ, говорить о хозяйствѣ или любезничать; а что же дѣлать съ женщиной, когда она—что-то промежуточное между одалиской и служанкой, существо тѣлесно близкое и умственно далекое. Ее не нужно днемъ, а она безпрестанно тутъ; мужчина не можетъ дѣлать съ ней своихъ интересовъ, она не можетъ не дѣлать съ нимъ своихъ сплетенъ.

Каждая неразвитая женщина, живущая съ развитымъ мужемъ, напоминаетъ мнѣ Далилу и Самсона: она отрѣзываетъ его силу, и отъ нея никакъ не отстережешься. Между обѣдомъ, даже и очень позднимъ, и постелью, даже тогда, когда ложишься въ десять часовъ, есть еще бездна времени, въ которое не хочется больше заниматься и еще не хочется спать, въ которое бѣлье сочено и расходъ провѣренъ. Вотъ въ эти-то часы жена стягиваетъ мужа въ тѣсоту своихъ дрызгъ, въ міръ раздражительной обидчивости, пересудовъ и злыхъ намековъ. Безслѣднымъ это не остается. Бываютъ прочныя отношенія сожитія мужчины съ женщиной безъ особеннаго равенства развитія, основанныя на удобствѣ, на хозяйствѣ, я почти скажу, на гигиенѣ. Иногда это—рабочая ассоціація, взаимная помощь, соединенная съ взаимнымъ удовольствіемъ; большей частію жена берется, какъ сидѣлка, какъ добрая хозяйка,

¹⁾ Маленькая женщина; такъ французы называютъ содержанокъ.

pour avoir un bon pot-au-feu ¹⁾), какъ говорилъ мнѣ Прудонъ. Формула старой юриспруденціи очень умна: a mensa et toro ²⁾),— уничтожь общій столъ и общую кровать, они и разойдутся съ покойной совѣстью.

Эти дѣловые браки—чуть ли не лучшіе. Мужъ постоянно въ своихъ занятяхъ, ученыхъ, торговыхъ, въ своей канцеляріи, конторѣ, лавкѣ. Жена постоянно въ бѣльѣ и припасахъ. Мужъ возвращается усталый: все готово у него, и все идетъ шагомъ и маленькой рысцой къ тѣмъ же воротамъ кладбища, къ которымъ доѣхали родители. Это явленіе чисто городское ³⁾); въ Англіи оно является чаще, чѣмъ гдѣ-либо; это та среда мѣщанскаго счастья, о которомъ проповѣдывали моралисты французской сцены, о которой мечтаютъ нѣмцы; въ ней легче уживаются разныя степени развитія черезъ годъ послѣ окончанія курса въ университетѣ; тутъ есть раздѣленіе труда и чиновочитаніе. Мужъ, особенно при капиталѣ, дѣлается тѣмъ, чѣмъ его называлъ смыслъ народный—*хозяинъ*, «mon bourgeois» своей жены. Этимъ путемъ, и благодаря законамъ о наслѣдствѣ, онъ не зарастетъ травой: всякая женщина постоянно остается *женщиной на содержаніи*, если не у посторонняго, то у своего мужа. Она это знаетъ.

Dessen Brod man ist,
Dessen Lied man singt ⁴⁾.

Но въ этихъ бракахъ есть свое нравственное единство, есть свое одинакое возрѣніе, свои одинакія цѣли. Кетчеръ самъ цѣли не имѣлъ и равно не могъ быть ни «*хозяиномъ*», ни воспитателемъ. Онъ не могъ съ Серафимой даже бороться,—она всегда уступала. Своимъ крикомъ, своимъ строптивымъ характеромъ онъ запугалъ ее. При ея развитомъ сердцѣ у нея было тяжелое, упирающееся пониманіе, та неповоротливость мозга, которую мы часто встрѣчаемъ въ людяхъ, совершенно непривычныхъ къ отвлеченной работѣ, и которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ до-петровскихъ временъ. Соединенная съ своимъ «кровнымъ, болѣзненнымъ», она ничего не желала и ничего не боялась. Да и чего же было бояться? Бѣдности? Да развѣ она всю жизнь не была бѣдна, развѣ она не вынесла нищету,—эту бѣдность съ униженіемъ? Работы? развѣ она

¹⁾ Чтобы имѣть хорошій супъ.

²⁾ Отъ стола и ложа.

³⁾ Ни у пролетарія, ни у крестьянъ нѣтъ между мужемъ и женой двухъ разныхъ образованій, а есть тяжелое равенство передъ работой и тяжелое неравенство власти мужа и жены. А. И. Г.

⁴⁾ Чей хлѣбъ ѣшь, того пѣсню и поешь.

не работала съ утра до ночи въ мастерской за нѣсколько грошей? Ссоры, разлуки? Да, послѣднее было страшно, и очень; но она до такой степени отказалась отъ всякой воли, что трудно было съ ней въ самомъ дѣлѣ поссориться, а капризъ она вынесла бы; пожалуй, вынесла бы и побои, лишь бы быть увѣренной, что онъ ее хоть немного любить и не хочетъ съ ней разстаться. И онъ этого не хотѣлъ, и на это, сверхъ всего, росла новая причина. Ее очень хорошо поняла чутъемъ любви Серафима. Темно сознавая, что она не можетъ вполне удовлетворить Кетчера, она стала замѣнять, чего въ ней не было, постоянными уходомъ и заботливостью.

Кетчеру было за сорокъ лѣтъ. Въ отношеніи къ домашнему комфорту онъ не былъ избалованъ. Онъ почти всю жизнь прожилъ дома такъ, какъ киргизъ въ кибиткѣ: безъ собственности и безъ желанія ее имѣть, безъ всякихъ удобствъ и безъ потребности на нихъ. Исполволь все мѣняется; онъ окруженъ сѣтью вниманія и услугъ, онъ видитъ дѣтскую радость, когда онъ чѣмъ-нибудь доволенъ,—ужасъ и слезы, когда онъ поднимаетъ брови; и это всякій день, съ утра до ночи. Кетчеръ сталъ чаще оставаться дома: жаль же было и ее оставлять постоянно одну. Къ тому же трудно было, чтобъ Кетчеру не бросалось въ глаза различіе между ея совершенной покорностью и возроставшимъ отпоромъ нашимъ. Серафима переносила самые несправедливые взрывы его съ кротостью дочери, которая улыбается отцу, скрывая слезы, и ожидаетъ, безъ *gaspine* ¹⁾, чтобъ туча прошла. Покорная, безотвѣтная до рабства, Серафима, трепещущая, готовая плакать и цѣловать руку, имѣла огромное вліяніе на Кетчера. Нетерпимость воспитывается уступками.

Тереза, бѣдная, глупая Тереза Руссо ²⁾, развѣ не сдѣлала изъ пророка равенства щепетильнаго разночница, постоянно занятаго сохраненіемъ своего достоинства?

Вліяніе Серафимы на Кетчера приняло ту самую складку, о которой говоритъ Дидро, жалуя на Терезу. Руссо былъ подозрителенъ; Тереза развила подозрительность его въ мелкую обидчивость и, нехотя, безъ умысла, рассорила его съ лучшими друзьями. Вспомните, что Тереза никогда не умѣла порядкомъ читать и никогда не могла выучиться узнавать, который часъ, что ей не помѣшало довести ипохондрию Руссо до мрачнаго помѣшательства.

Утромъ Руссо заходитъ къ Гольбаху; человекъ приноситъ завтракъ и три куверта: Гольбаху, его женѣ и Гримму; въ разговорѣ никто не замѣчаетъ этого, кромѣ Жанъ-Жака. Онъ беретъ

¹⁾ Злобы.

²⁾ Левассеръ, бывшая прачка, сожительница Руссо.

шляпу. «Да останьтесь же завтракать», говоритъ г-жа Гольбахъ и велитъ подать приборъ; но уже поправить поздно: Руссо, желтый отъ досады, бѣжитъ, мрачно проклиная родъ человѣческой, къ Терезѣ и рассказываетъ, что ему не поставили тарелки, намекая, чтобъ онъ ушелъ. Ей такіе рассказы по душѣ; въ нихъ она могла принять *юрячее* участіе: они ставили ее на одну доску съ нимъ, и даже немного повыше его, и она сама начинала сплетничать то на *m-me Удето* ¹⁾, то на Давида Юма, то на Дидро. Руссо грубо перерываетъ связи, пишетъ безумныя и оскорбительныя письма, вызываетъ иногда страшные отвѣты (напр., отъ Юма) и удаляется, оставленный всѣми, въ Монморанси, проклиная, за недостаткомъ людей, воробьевъ и ласточекъ, которымъ бросалъ зерна.

Еще разъ: безъ равенства нѣтъ брака въ самомъ дѣлѣ. Жена, исключенная изъ всѣхъ интересовъ, занимающихъ ея мужа, чуждая имъ, не дѣлящая ихъ, — наложница, экономка, нянька, но *не жена* въ полномъ, въ благородномъ значеніи слова. Гейне говорилъ о своей «Терезѣ» ²⁾, что она «не знаетъ и никогда не узнаетъ о томъ, что онъ писалъ». Это находили милымъ, смѣшнымъ и никому не приходило въ голову спросить: «Зачѣмъ же она была его жена?». Мольеръ, читавшій своей кухаркѣ свои комедіи, былъ во сто разъ человѣчественнѣе. Зато *m-me Айнь* и заплатила, вовсе нехотя, своему мужу. Въ послѣдніе годы его страдальческой жизни она окружила его своими пріятельницами и пріятелями, увядшими камеліями прошлаго сезона, сдѣлавшимися нравственными дамами отъ морщинъ, и полинялыми, посѣдѣвшими, падшими на ноги друзьями ихъ.

Я нисколько не хочу сказать, что жена непременно должна и дѣлать и любить, что дѣлаетъ и любитъ мужъ. Жена можетъ предпочитать музыку, а мужъ — живопись, — это не разрушитъ равенства. Для меня всегда были ужасны, смѣшны и бессмысленны официальные тасканія мужа и жены, и чѣмъ выше, тѣмъ смѣшнѣе; зачѣмъ какой-нибудь императрицѣ Евгеніи являться на кавалерійское ученіе и зачѣмъ Викторіи возить своего мужчину, *le Prince Consort* ³⁾, на открытіе парламента, до котораго ему дѣла нѣтъ. Гете прекрасно дѣлалъ, что не возилъ свою дородную половину на веймарскіе куртаги. Проза ихъ брака была не въ этомъ, а въ отсутствіи всякаго общаго поля, всякаго общаго интереса, который бы связывалъ ихъ помимо полового различія...

¹⁾ Одна изъ образованныхъ женщинъ своего времени.

²⁾ Матильда.

³⁾ Принцъ-супругъ.

Перехожу ко вреду, который мы сдѣлали бѣдной Серафимѣ. Ошибка, сдѣланная нами, — опять-таки родовая ошибка всѣхъ утопій и идеализмовъ. Вѣрно схватывая одну сторону вопроса, обыкновенно не обращается никакого вниманія, къ чему эта сторона приросла и можно ли ее отдѣлить,—никакого вниманія на глубокое сплетеніе жилъ, связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ. Мы все еще по-христіански думаемъ, что стоитъ сказать хромому: «возьми одръ твой и ступай», онъ и пойдетъ.

Мы разомъ перебросили затворницу Серафиму, — Серафиму полудикую, невидавшую людей, изъ ея одиночества въ нашъ кругъ. Ея оригинальность нравилась, мы хотѣли ее сберечь и обломили послѣднюю возможность развитія, отняли у нея охоту къ нему, увѣривъ ее, *что и такъ хорошо*. Но оставаться *просто* попрежнему ей самой не хотѣлось. Что же вышло? Мы, революціонеры, социалисты, защитники женскаго освобожденія, сдѣлали изъ наивнаго, преданнаго, простодушнаго существа *московскую мѣщанку!*

Не такъ ли конвентъ, якобинцы и сама коммуна сдѣлали изъ Франціи мѣщанина, изъ Парижа—*éricier* ¹⁾?

Первый домъ, открывшійся съ любовью, съ теплотой сердца, былъ нашъ домъ. Natalie поѣхала къ ней и силой привезла къ намъ. Съ годъ времени Серафима держалась тихо и дичилась чужихъ; пугливая и застѣнчивая, какъ прежде, она была полна тогда своего рода народной поэзіей. Ни малѣйшаго желанія обращать на себя вниманіе своей странностью; напротивъ, желаніе, чтобъ ее не замѣтили. Какъ дитя, какъ слабый звѣрекъ, она прибѣгала подъ крыло Natalie; ея преданности тогда не было границъ. Часы цѣлые любила она играть съ Сашей и рассказывала ему и намъ подробности своего ребячества, своей жизни у раскольниковъ, своихъ горестей въ *ученьи*, т.е. въ мастерской.

Она сдѣлалась игрушкой нашего круга; это, наконецъ, ей понравилось; она поняла, что ея положеніе, что она сама *оригинальна*, и съ этой минуты она пошла ко дну... Никто не удерживалъ ее. Одна Natalie серьезно думала о томъ, чтобъ развить ее. Серафима не принадлежала къ гуртовымъ натурамъ; ее миновало множество дрянныхъ недостатковъ; она не любила рядиться, была равнодушна къ роскоши, къ дорогимъ вещамъ, къ деньгамъ,—лишь бы Кетчеръ не чувствовалъ нужды, былъ бы доволенъ, до остального ей не было дѣла. Сначала Серафима любила долго-долго говорить съ Natalie и вѣрила ей, кротко слушала ея

¹⁾ Бакалейщика.

совѣты и старалась имъ слѣдовать... Но, оглядѣвшись, обжившись въ нашемъ кругу и, можетъ, подстрекаемая другими тѣшившими ея странностями, она начала показывать страдательную оппозицію и на всякое замѣчаніе говорила далеко не наивно: «Ужь я такая несчастная; гдѣ мнѣ мѣняться да передѣлываться? видно, ужъ такая глупая и безталанная и въ могилу сойду». Въ этихъ словахъ, свѣдома или безъ вѣдома, звучало задѣтое самолюбіе. Она перестала себя чувствовать свободной у насъ, рѣже и рѣже ходила она къ намъ. «Богъ съ ней, съ Н. А.,—говорила она,—разлюбила она меня, бѣдную». Панибратство, пансіонская фамильярность были чужды Н.; въ ней во всемъ преобладалъ элементъ покойной глубины и великаго эстетическаго чувства. Серафима не поняла смысла разницы въ обхожденіи съ нею Natalie и другихъ и забыла, кто первый протянулъ ей руку и прижалъ къ сердцу; вмѣстѣ съ ней отдалился и Кетчеръ, все больше и больше угрюмый и раздражительный.

Подозрительность Кетчера удвоилась. Въ каждомъ неосторожномъ словѣ онъ видѣлъ преднамѣренность, злой умыселъ, желаніе обидѣть, и не его одного, а и Серафиму. Она, съ своей стороны, плакала, жаловалась на судьбу, обижалась за Кетчера и, по закону нравственной ревербераціи ¹⁾, собственныя подозрѣнія его возвращались къ нему удесятеренными. Его обличительная дружба стала превращаться въ желаніе найти въ насъ вины, въ надзоръ, въ постоянное полицейское слѣдствіе, и мелкіе недостатки его друзей покрывали для него гуще и гуще всѣ остальные стороны ихъ.

Въ нашъ чистый, свѣтлый, совершеннолѣтній кругъ стали врыватья пересуды дѣвичьей и пикировка провинціальныхъ чиновниковъ. Раздражительность Кетчера становилась заразительной; постоянныя обвиненія, объясненія, примиренія отравляли наши вечера, наши сходки.

Вся эта ѣдкая пыль насѣдала во всѣ щели и мало-по-малу разлагала цементъ, соединявшій такъ прочно наши отношенія къ друзьямъ. Мы всѣ подверглись вліянію сплетенъ. Самъ Грановскій сталъ угрюмъ и раздражителенъ, несправедливо защищалъ Кетчера и сердился. Къ Грановскому приходилъ Кетчеръ съ своими обвиненіями противъ меня и Огарева. Грановскій не вѣрилъ имъ; но, жалѣя «больного, огорченнаго и, все-таки, любящаго Кетчера», запальчиво бралъ его сторону и сердился на меня за недостатокъ терпимости. «Вѣдь, ты знаешь, что у него нравъ

¹⁾ Réverbération—отраженіе.

такой; это—болѣзнь; вліяніе доброй Серафимы, но неразвитой и тяжелой, дальше и дальше толкаетъ его въ этотъ несчастный путь, а ты споришь съ нимъ, какъ будто, онъ былъ въ нормальномъ положеніи».

Чтобъ кончить этотъ грустный рассказъ, приведу два примѣра. Въ нихъ ярко выразилось, какъ далеко мы ушли отъ теоріи варенія кофе въ Покровскомъ.

Какъ-то вечеромъ, весной 1846 года, у насъ было чело­вѣкъ пять близкихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ Михайль Семеновичъ.

— Нанялъ ты нынѣшній годъ домъ въ Соколовѣ?

— Нѣтъ еще: денегъ нѣтъ, а тамъ надобно платить впередъ.

— Неужели же все лѣто останешься въ Москвѣ?

— Подожду немного, потомъ увидимъ.

Вотъ и все. Никто не обратилъ на этотъ разговоръ никакого вниманія, и черезъ секунду шла покойно другая рѣчь. Мы собирались на другой день послѣ обѣда съѣздить въ Кунцево, которое любили съ дѣтства. Кетчеръ, Коршъ и Грановскій хотѣли ѣхать съ нами. Поѣздка состоялась, и все шло своимъ порядкомъ, кромѣ Кетчера, мрачно подымавшего брови; но, наконецъ, всѣ были обстрѣлены.

Вечеръ былъ нашъ, весенній, безъ палящаго жара, но теплый; листь только-что развернулся; мы сидѣли въ саду, шутя и разговаривая. Вдругъ Кетчеръ, молчавшій съ полчаса, всталъ и, остановясь передо мной, съ лицомъ прокурора велическаго суда и съ дрожащей отъ негодованія губой, сказалъ мнѣ:

— А надобно тебѣ честь отдать: ловко ты вчера Михаилу Семеновичу напомнилъ, что онъ еще не заплатилъ тебѣ девятьсотъ рублей, которые бралъ у тебя.

Я истинно ничего не понялъ, тѣмъ больше, что, навѣрное, годъ не думалъ о долгѣ Щепкина.

— Деликатно, нечего сказать: старикъ теперь безъ денегъ со своей огромной семьей, собирается въ Крымъ, а тутъ ему въ присутствіи пяти чело­вѣкъ: «нѣтъ денегъ на наемъ дачи!» Фу, какая гадость!

Огаревъ вступился за меня. Кетчеръ накинулся на него... Нелѣпымъ обвиненіямъ не было конца; Грановскій попробовалъ его унять, не смогъ и уѣхалъ съ Коршемъ прежде насъ. Я былъ разсерженъ, униженъ и отвѣчалъ очень жестко. Кетчеръ посмотрѣлъ исподлобья и, не говоря ни слова, пошелъ пѣшкомъ въ Москву. Мы остались одни и въ какомъ-то жалкомъ раздраженіи поѣхали домой. Я хотѣлъ на этотъ разъ дать сильный урокъ

и, если не вовсе прервать, то приостановить сношенія съ Кетчеромъ. Онъ раскаивался, плакалъ; Грановскій требовалъ мира, говорилъ съ Natalie, былъ глубоко огорченъ. Я помирился, но не весело и говоря Грановскому: «вѣдь, это на три дня».

Вотъ прогулка, а вотъ и другая.

Мѣсяца черезъ два мы были въ Соколовѣ. Кетчеръ и Серафима отправились вечеромъ въ Москву. Огаревъ поѣхалъ ихъ провожать верхомъ на своей черкесской лошади; не было ни тѣни ссоры, размолвки. ...Огаревъ возвратился черезъ два-три часа; мы посмѣялись, что день прошелъ такъ мирно, и разошлись.

На другой день Грановскій, который наканунѣ былъ въ Москвѣ встрѣтилъ меня у насъ въ паркѣ; онъ былъ задумчивъ, грустнѣе обыкновеннаго, и, наконецъ, сказалъ мнѣ, что у него есть что-то на душѣ, и что онъ хочетъ поговорить со мной. Мы пошли длинной аллеей и сѣли на лавочкѣ, видъ съ которой знаютъ всѣ, бывшіе въ Соколовѣ.

— Герценъ,—сказалъ мнѣ Грановскій—если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, какъ больно... какъ я, несмотря ни на что, всѣхъ люблю, ты знаешь... и съ ужасомъ вижу, что все разваливается. И тутъ, какъ на смѣхъ, мелкія ошибки, проклятое невниманіе, неделикатность...

— Да что случилось, скажи, пожалуйста?—спросилъ я, дѣйствительно, испуганный.

— То, что Кетчеръ взбѣшенъ противъ Огарева да и, по правдѣ сказать, трудно не быть взбѣшеннымъ; я стараюсь, дѣлаю, что могу, но силъ моихъ нѣтъ, особенно, когда люди не хотятъ ничего сами сдѣлать.

— Да дѣло-то въ чемъ?

— А вотъ въ чемъ: вчера Огаревъ поѣхалъ Кетчера и Серафиму провожать верхомъ.

— При мнѣ было, да и я Огарева видѣлъ вечеромъ, онъ ни слова не говорилъ.

— На мосту «Кортикъ» зашалилъ, сталъ на дыбы; Огаревъ, умиряя его, съ досады выругался при Серафимѣ, и она слышала... да и Кетчеръ слышалъ. Положимъ, что онъ не подумалъ, но Кетчеръ спрашиваетъ: «отчего на него не находятъ разсѣянности въ присутствіи твоей жены или моей?». Что на это сказать?.. и притомъ, при всей простотѣ своей, Серафима очень суссептибельна ¹⁾, что при ея положеніи очень понятно.

Я молчалъ. Это перешло всѣ границы.

¹⁾ Susceptible—обидчивая.

— Что же тутъ дѣлать?

— Очень просто: съ негодяями, которые въ состояніи намѣренно забываться при женщинѣ, надобно раззнакомиться. Съ такими людьми быть близкимъ другомъ презрительно...

— Да онъ не говоритъ, что Огаревъ это сдѣлалъ намѣренно.

— Такъ о чемъ же рѣчь? И ты, Грановскій, другъ Огарева, ты, который такъ знаешь его безграничную деликатность, повторяешь бредъ безумнаго, котораго пора посадить въ желтый домъ?! Стыдно тебѣ!

Грановскій смутился.

— Боже мой!—сказалъ онъ,—неужели наша кучка людей, единственное мѣсто, гдѣ я отдыхалъ, надѣялся, любилъ, куда спасался отъ гнетущей среды, неужели и она разоидется въ ненависти и злобѣ?

Онъ покрылъ глаза рукой.

Я взялъ другую; мнѣ было очень тяжело.

— Грановскій,—сказалъ я ему,—Коршъ правъ: мы всѣ слишкомъ близко подошли другъ къ другу, слишкомъ стиснулись и заступили другъ другу въ построжки... Gemach! другъ мой, Gemach ¹⁾! намъ надобно провѣтриться, освѣжиться. Огаревъ осенью ѣдетъ въ деревню, я скоро уѣду въ чужіе кр ая,—мы разоидемя безъ ненависти и злобы; что было истиннаго въ нашей дружбѣ, то поправится, очистится разлукой.

Грановскій плакалъ. Съ Кетчеромъ по этому дѣлу никакихъ объясненій не было.

Огаревъ, дѣйствительно, осенью уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ—и мы.

Laurel Hause, Putney, 1857.

Пер. въ Буассьерѣ и на дорогѣ въ сентябрѣ 1865.

...Рѣ же и рѣже доходили до насъ вѣсти о московскихъ друзьяхъ. Запуганные терроромъ послѣ 1848, они ждали вѣрной оказіи. Оказіи эти были рѣдки, паспортовъ почти не выдавали. Отъ Кетчера—годы цѣлые ни слова; впрочемъ, онъ никогда не любилъ писать.

Первую живую вѣсть, послѣ моего переселенія въ Лондонъ, привезъ въ 1855 году докторъ Пикулинъ.—Кетчеръ былъ въ своей стихіи, шумѣлъ на банкетахъ въ честь севастопольцевъ, обнимался съ Погодинымъ и Кокоревымъ, обнимался съ черноморскими моряками, шумѣлъ, бранился, поучалъ. Огаревъ, пріѣхавшій прямо со свѣжей могилы Грановскаго, рассказывалъ мало; его рассказы были печальны.

1) Спокойствіе! Спокойствіе!

Прошло еще года полтора. Въ это время была окончена мною эта глава и кому первому изъ постороннихъ прочтена?

Да, — *habent sua fata libelli* ¹⁾.

Осенью 1858 года прїѣхалъ въ Лондонъ Чичеринъ. Мы его ждали съ нетерпѣніемъ; нѣкогда одинъ изъ любимыхъ учениковъ Грановскаго, другъ Корша и Кетчера, онъ для насъ представлялъ близкаго человѣка. Слышали мы о его жесткости, о консерваторскихъ веллеитетахъ ²⁾, о безмѣрномъ самолюбіи и доктринаризмѣ, но онъ еще былъ молодъ... Много угловатаго обтачивается теченіемъ времени.

— Я долго думалъ, ѣхать мнѣ къ вамъ или нѣтъ. Къ вамъ теперь такъ много ѣздитъ русскихъ, что, право, надобно имѣть больше храбрости не быть у васъ, чѣмъ быть; я же, какъ вы знаете, вполне уважая васъ, далеко не во всемъ согласенъ съ вами.

Вотъ съ чего началъ Чичеринъ.

Онъ подходилъ не просто, не юно ³⁾, у него были камни за пазухой; свѣтъ его глазъ былъ холоденъ, въ тембрѣ голоса былъ вызовъ и страшная, отталкивающая самоувѣренность. Съ первыхъ словъ я почувалъ, что это—не противникъ, а врагъ, но подавилъ физиологическій сторожевой окрикъ, и мы разговорились.

Разговоръ тотчасъ перешелъ къ воспоминаніямъ и къ вопросамъ съ моей стороны. Онъ рассказывалъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Грановскаго, и, когда онъ ушелъ, я былъ довольнѣе имъ, чѣмъ сначала.

На другой день, послѣ обѣда, рѣчь зашла о Кетчерѣ. Чичеринъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго онъ любитъ, беззлобно смѣясь надъ его выходками; изъ подробностей, сообщенныхъ имъ, я узналъ, что обличительная любовь къ друзьямъ продолжается, что вліяніе Серафимы дошло до того, что многіе изъ друзей ополчились противъ нея, исключили изъ своего общества и пр. Увлеченный рассказами и воспоминаніями, я предложилъ Чичерину прочесть ненапечатанную тетрадь о Кетчерѣ и прочелъ ее всю. Я много разъ раскаивался въ этомъ, не потому, чтобъ онъ во зло употребилъ читанное мною, а потому, что мнѣ было больно и досадно, что я въ сорокъ пять лѣтъ могъ разоблачать наше прошедшее передъ черствымъ человѣкомъ, насмѣявшимся потомъ съ такой безошадной дерзостью надъ тѣмъ, что онъ называлъ моимъ «темпераментомъ».

Разстоянія, дѣлившія наши воззрѣнія и наши темпераменты, обозначились скоро. Съ первыхъ дней начался споръ, по которому

¹⁾ Книги имѣютъ свою судьбу.

²⁾ *Vellité*—стремленіе, тенденція.

³⁾ Родился въ 1828 г.

ясно было, что мы расходимся во всемъ. Онъ былъ почитатель французскаго демократическаго строя и имѣлъ нелюбовь къ англійской, неприведенной въ порядокъ, свободѣ. Онъ въ императорствѣ видѣлъ воспитаніе народа и проповѣдывалъ сильное государство и ничтожность лица передъ нимъ. Можно понять, что были эти мысли въ приложеніи къ русскому вопросу. Онъ былъ гувернементалистъ, считалъ правительство гораздо выше общества и его стремленій и принималъ императрицу Екатерину II почти за идеаль того, что надобно Россіи. Все это ученіе шло у него изъ цѣлаго догматическаго построенія, изъ котораго онъ могъ всегда и тотчасъ вывести свою философію бюрократіи.

— Зачѣмъ вы хотите быть профессоромъ — спрашивалъ я его, — и ищете каѳедру? Вы должны быть министромъ и искать портфель.

Споря съ нимъ, проводили мы его на желѣзную дорогу и разстались, несогласные ни въ чемъ, кромѣ взаимнаго уваженія.

Изъ Франціи онъ написалъ мнѣ недѣли черезъ двѣ письмо, съ восхищеніемъ говорилъ о работникахъ, объ учрежденіяхъ. «Вы нашли то, что искали, — отвѣчалъ я ему, — и очень скоро. Вотъ что значитъ ѣхать съ готовой доктриной». Потомъ я предложилъ ему начать печатную переписку и написалъ начало длиннаго письма.

Онъ не хотѣлъ, говорилъ, что ему некогда, что такая политика будетъ вредна...

Замѣчаніе, сдѣланное въ «Кол.» о доктринахъ вообще, онъ принялъ на свой счетъ; самолюбіе было задѣто, и онъ мнѣ прислалъ свой «обвинительный актъ», надѣлавшій въ то время большой шумъ.

Чичеринъ кампанію потерялъ, — въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія. Взрывъ негодованія, вызванный его письмомъ, напечатаннымъ въ «Колоколѣ», былъ общимъ въ молодомъ обществѣ, въ литературныхъ кругахъ. Я получилъ десятки статей и писемъ; одно было напечатано. Мы еще шли тогда въ восходящемъ пути, и катковскія бревна трудно было класть подъ ноги. Сухо-оскорбительный, дерзко-гладкій тонъ возмутилъ, можетъ, больше содержанія и меня и публику одинакимъ образомъ: онъ былъ еще новъ тогда. Зато со стороны Чичерина стали: Елена Павловна — Ифигенія Зимняго дворца, Тимашевъ, начальникъ III Отдѣленія, и Н. X. Кетчеръ.

Кетчеръ остался вѣренъ реакціи, онъ сталъ тѣмъ же громвымъ голосомъ, съ тѣмъ же негодованіемъ и, вѣроятно, съ тою же искренностью кричать противъ насъ, какъ кричалъ противъ Николая, Дубельта, Булгарина... И это не потому, чтобы «Грандисона

Ловласу предпочла» ¹⁾, а потому, что, носимый безъ собственнаго компаса à la gemoque ²⁾ кружка, онъ остался вѣренъ ему, не замѣчая, что тотъ плыветъ въ противную, ложную сторону. Человѣкъ котеріи,—для него вопросы шли подъ знаменемъ лицъ, а не наоборотъ.

Никогда не доработавшись ни до одного яснаго понятія, ни до одного твердаго убѣжденія, онъ шелъ съ благородными стремленіями и завязанными глазами и постоянно билъ враговъ, не замѣчая, что позиціи мѣнялись, и въ этихъ-то жмуркахъ билъ насъ, билъ другихъ, бьетъ кого-нибудь и теперь, воображая, что дѣлаетъ дѣло.

Прилагаю письмо, писанное мною къ Чичерину для начала пріятельской полемики, которой помѣшалъ его прокурорскій обвинительный актъ.

«My learned friend ³⁾,

«Спорить съ вами мнѣ невозможно. Вы знаете много, знаете хорошо, все въ вашей головѣ свѣжо и ново, а главное, вы увѣрены *въ томъ*, что знаете, и потому покойны; вы съ твердостью ждете рациональнаго развитія событій въ подтвержденіе программы, раскрытой наукой. Съ настоящимъ вы не можете быть въ разладѣ, вы знаете, что если прошедшее было *такъ и такъ*, настоящее должно быть *такъ и такъ* и привести къ *такому-то* будущему; вы примиряетесь съ нимъ вашимъ пониманіемъ, вашимъ объясненіемъ. Вамъ досталась завидная доля священниковъ: утѣшеніе скорбящихъ вѣчными истинами вашей науки и вѣрой въ нихъ. Всѣ эти выгоды вамъ даетъ доктрина, потому что доктрина исключаетъ сомнѣніе. Сомнѣніе—открытый вопросъ, доктрина—вопросъ закрытый, рѣшенный. Оттого всякая доктрина исключительна и неуступчива, а сомнѣніе никогда не достигаетъ такой рѣзкой законченности; оно лотому и сомнѣніе, что готово согласиться съ говорящимъ или добросовѣстно искать смыслъ въ его словахъ, теряя драгоценное время, необходимое на прискиваніе возраженій. Доктрина видитъ истину подъ опредѣленнымъ угломъ и принимаетъ его за едино-спасающій уголь, а сомнѣніе ищетъ отдѣлаться отъ всѣхъ угловъ, осматривается, возвращается назадъ и часто парализуетъ всякую дѣятельность своимъ смиреніемъ передъ истиной. Вы, ученый другъ, опредѣленно

¹⁾ «Евгеній Онѣгинъ».

²⁾ На буксирѣ.

³⁾ Мой ученый другъ.

знаете, куда итти, какъ вести,—я не знаю. И оттого я думаю, что намъ надобно наблюдать и учиться, а вамъ—учить другихъ. Правда, мы можемъ сказать, *какъ не надобно*, можемъ возбудить дѣятельность, привести въ безпокойство мысль, освободить ее отъ цѣпей, улетучить призраки церкви и съѣзжей, академіи и уголовной палаты, вотъ и все; но вы можете сказать, *какъ надобно*.

«Отношеніе доктрины къ предмету есть религіозное отношеніе, то-есть отношеніе *съ точки зрѣнія вѣчности*, временное, проходящее; лица, событія, поколѣнія едва входятъ въ Campo Santo науки или входятъ уже очищенныя отъ *живой жизни*, въ родѣ гербарія логическихъ тѣней. Доктрина въ своей всеобщности живетъ, дѣйствительно, во всѣ времена; она и въ своемъ времени живетъ, какъ въ исторіи, не портя страстнымъ участіемъ теоретическое отношеніе. Зная необходимость страданія, доктрина держитъ себя, какъ Симеонъ-Стопникъ, на пьедесталѣ, жертвуя всѣмъ временнымъ вѣчному, общимъ идеямъ—живыми частностями.

«Словомъ, доктринеры больше всего историки, а мы вмѣстѣ съ толпой—вашъ субстратъ; вы—исторія für sich ¹⁾, мы—исторія an sich ²⁾. Вы намъ объясняете, чѣмъ мы больны, но больны мы. Вы насъ хороните, послѣ смерти награждаете или наказываете, вы—доктора и попы наши, но больные и умирающіе—мы.

«Этотъ антагонизмъ не новость, и онъ очень полезенъ для движенія, для развитія. Если-бъ родъ людской могъ весь повѣрить вамъ, онъ, можетъ, сдѣлался бы благоразумнымъ, но умеръ бы отъ всемірной скуки. Покойный Филимоновъ ³⁾ поставилъ эпитафію къ своему «Дурацкому колпаку»: «Si la raison dominait le monde, il ne s'y passerait rien» ⁴⁾.

«Геометрическая сухость доктрины, алгебраическая безличность ея даютъ ей обширную возможность обобщеній; она должна бояться впечатлѣній и, какъ Августъ, приказывать, чтобъ Kleopatra опустила покрывало. Но для дѣятельнаго вмѣшательства надобно больше страсти, нежели доктрины, а алгебраически страстенъ человекъ не бываетъ. Всеобщее онъ понимаетъ, а частное любитъ или ненавидитъ. Спиноза со всей мощью своего откровеннаго генія проповѣдывалъ необходимость считать существеннымъ одно неточимое молью, вѣчное, неизмѣнное, субстанцію и не полагать своихъ надеждъ на случайное, частное, личное. Кто это не пойметъ въ

¹⁾ Для исторіи.

²⁾ Сами—исторія.

³⁾ Владиміръ Сергѣевичъ, драматургъ.

⁴⁾ Если бы разумъ царилъ въ мірѣ, въ немъ ничего не происходило бы.

теоріи? Но только привязывается человѣкъ къ одному частному, личному, современному; въ уравновѣшиваніи этихъ крайностей, въ ихъ согласномъ сочетаніи—высшая мудрость жизни.

«Если мы отъ этого общаго опредѣленія нашихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія перейдемъ къ частнымъ, мы, при одинаковости стремленій, найдемъ не меньше антагонизма даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы согласны въ началѣ. Примѣромъ это легче объяснить.

«Мы совершенно согласны въ отношеніи къ религіи; но согласіе это идетъ только на отрицаніе надзвѣздной религіи, и какъ только мы являемся лицомъ къ лицу съ *подлунной* религіей, разстояніе между нами неизмѣримо. Изъ мрачныхъ стѣнъ собора, пропитанныхъ ладаномъ, вы переѣхали въ свѣтлое присутственное мѣсто, изъ гвельфовъ вы сдѣлались гибеллиномъ, чины небесныя замѣнились для васъ государственнымъ чиномъ, поглощеніе лица въ Богъ—поглощеніемъ его въ государствѣ, Богъ замѣненъ централизацией и попъ—квартальнымъ надзирателемъ.

«Вы въ этой перемѣнѣ видите переходъ, успѣхъ, мы—новыя цѣпи. Мы не хотимъ быть ни гвельфами, ни гибеллинами. Ваша свѣтская, гражданская и уголовная религія тѣмъ страшнѣе, что она лишена всего поэтическаго, фантастическаго, всего дѣтскаго характера, который замѣнится у васъ канцелярскимъ порядкомъ, идоломъ государства съ царемъ наверху и палачомъ внизу. Вы хотите, чтобъ человѣчество, освободившееся отъ церкви, ждало столѣтія два въ передней присутственнаго мѣста, пока каста жрецовъ-чиновниковъ и монаховъ-доктринеровъ рѣшитъ, какъ ему быт вольнымъ и насколько, въ родѣ нашихъ комитетовъ объ освобожденіи крестьянъ. А намъ все это противно; мы можемъ многое допустить, сдѣлать уступку, принести жертву обстоятельствамъ, но для васъ это не жертвы. Разумѣется, и тутъ вы счастливѣе насъ. Утративъ религіозную вѣру, вы не остались ни причемъ и, найдя, что гражданскія вѣрованія человѣку замѣняютъ христіанство, вы ихъ приняли, и хорошо сдѣлали для нравственной гигиены, для покоя. Но лѣкарство это намъ першитъ въ горлѣ, и мы ваше присутственное мѣсто, вашу централизацию ненавидимъ совсѣмъ не меньше инквизиціи, консисторіи, Кормчей книги.

«Понимаете ли вы разницу? Вы, какъ учитель, хотите учить, управлять, пасти стадо.

«Мы, какъ стадо, приходящее къ сознанию, не хотимъ, чтобъ насъ пасти, а хотимъ имѣть свои земскія избы, своихъ повѣренныхъ, своихъ подъячихъ, которымъ поручать хожденіе по дѣламъ. Оттого насъ *правительство* оскорбляетъ на всякомъ шагу своей

властью, а вы ему рукоплещете такъ, какъ ваши предшественники, попы, рукоплескали свѣтской власти. Вы можете и расходиться съ нимъ такъ, какъ духовенство расходилось, или какъ люди, ссорящіеся на кораблѣ: какъ бы они ни удалились другъ отъ друга, за бортъ вы не уйдете, и для насъ, мірянъ, вы, все-таки, будете со стороны его.

«Гражданская религія—апоѳеозъ государства, идея чисто романская и въ новомъ мірѣ преимущественно французская. Съ нею можно быть сильнымъ государствомъ, но нельзя быть свободнымъ народомъ; можно имѣть славныхъ солдатъ... но нельзя имѣть независимыхъ гражданъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, совсѣмъ напротивъ, отняли религіозный характеръ полиціи и администраціи до той степени, до которой это возможно».

ЭПИЛОГЪ.

Перечитывая главу о Кетчерѣ, невольно призадумываешься о томъ, что за чудачки, что за оригинальныя личности живутъ и жили на Руси! Какими капризными развитіями сочилась и просочилась исторія нашего образованія. Гдѣ, въ какихъ краяхъ, подъ какимъ градусомъ широты, долготы возможна угловатая, шероховатая, взбалмошная, безалаберная, добрая, недобрая, шумная, неукладистая фигура Кетчера, кромѣ Москвы?

А сколько я ихъ наглядѣлся, этихъ оригинальныхъ фигуръ «во всѣхъ родахъ различныхъ», начиная съ моего отца и оканчивая «дѣтьми» Тургенева.

«Такъ русская печь печеть!» говорилъ мнѣ Погодинъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ чудесъ она не печеть, особенно, когда хлѣбъ сажаютъ на нѣмецкій ладъ... отъ саякъ и калачей до православныхъ булокъ съ Гегелемъ и французскихъ хлѣбовъ à la quatre vingt-treize! ¹⁾ Досадно, если всѣ эти своеобразныя печенья пропадутъ безслѣдно. Мы останавливаемся обыкновенно только на сильныхъ дѣятеляхъ.

...Но въ нихъ меньше видна русская печь, въ нихъ ея особенности поправлены, выкуплены; въ нихъ больше русскаго склада ума, чѣмъ печи. Возлѣ нихъ пробиваются, за ними плетутся разныя партикулярныя люди, сбившіеся съ дороги; вотъ въ ихъ-то числѣ не оберешься чудачковъ.

¹⁾ Хлѣба девяносто третьяго года, т.-е. время великой французской революціи.

Волосные проводники историческихъ теченій, капли дрожжей, потерявшихся въ опарѣ, но поднявшихъ ее *не для себя*; люди, рано проснушіеся темной ночью и ошупью отправившіеся на работу, толкаясь обо все, что ни попадалось на дорогѣ, — они разбудили другихъ на совсѣмъ иной трудъ.

...Попробую когда-нибудь спасти еще два-три профиля отъ полного забвенія. Ихъ ужъ теперь едва видно изъ-за сѣраго тумана, изъ-за котораго только и вырѣзываются вершины горъ и утесовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ 1844 ГОДА.

Къ нашей второй *виллежіатуръ* ¹⁾ относится очень характеристическій эпизодъ; его не помѣтитъ просто жаль, несмотря на то, что я и Natalie участвовали въ немъ очень мало. Эпизодъ этотъ можно было бы назвать: *Армансъ и Базиль—философы изъ учтивости, христіанинъ изъ вѣжливости и Жакъ Ж. Санда, дѣлающійся Жакомъ фаталистомъ*. Начался онъ на французской томболѣ ²⁾.

Зимой 1843 г. я поѣхалъ на томболу. Публики было бездна, помнится, тысячъ пять человѣкъ; знакомыхъ почти никого. Базиль ³⁾ шмыгнулъ съ какой-то маской,—ему было не до меня. Онъ слегка покачалъ головою и прищурилъ рѣсницы такъ, какъ дѣлаютъ знатоки, находя вино превосходнымъ и бекаса удивительнымъ.

Балъ былъ въ залѣ благороднаго собранія. Я походилъ, посидѣлъ, глядя, какъ русскіе аристократы, переодѣтые въ разныхъ пьерро, ото всей души усердствовали представить изъ себя парижскихъ сидѣльцевъ и отчаянныхъ канканеровъ, и пошелъ ужинать наверхъ. Тамъ-то меня отыскалъ Базиль. Онъ былъ совершенно не въ нормальномъ положеніи, а въ первомъ разгарѣ остраго періода любви; онъ у него былъ тѣмъ острѣе, что Базилю тогда было около сорока лѣтъ ⁴⁾, и волосъ началъ падать съ возвышеннаго чела. Безсвязно толковалъ онъ мнѣ о какой-то французской «Миньонѣ, со всей простотой «Клерхенъ ⁵⁾» и со всей игривой прелестью парижской гризетки».

¹⁾ Villeggiature--дачное житье.

²⁾ Tombola—родъ лото и лотереи.

³⁾ Василий Петровичъ Боткинъ.

⁴⁾ Родился въ 1811 г.

⁵⁾ Миньона—дѣйствующее лицо въ романѣ Гете «Вильгельмъ Мейстеръ», Клерхенъ—въ его же драмѣ «Эгмонтъ».

Сначала я думалъ, что это — одинъ изъ тѣхъ романовъ въ одну главу, въ которыхъ побѣда на первой страницѣ, а на послѣдней, вмѣсто оглавленія, счетъ; но убѣдился, что это не такъ. Базиль видѣлъ свою парижанку во второй или третій разъ и вель циркумволюціонныя линіи, не бросаясь на приступъ. Онъ меня познакомилъ съ ней. Армансъ была, дѣйствительно, живое, милое дитя Парижа. совершенно уродившееся въ отца. Отъ ея языка до манеръ и извѣстной самостоятельности, отваги, — все въ ней принадлежало благородному плебейству великаго города. Она еще была работница, а не мѣщанка. У насъ этотъ типъ никогда не существовалъ. Беззаботная веселость, развязность, свобода, шалость и середь всего чутье самосохраненія, чутье опасности и чести. Дѣти, брошенныя иногда съ десяти лѣтъ на борьбу съ бѣдностью и искушеніями, беззащитныя, окруженныя заразой Парижа и всевозможными сѣтями, онѣ сами становятся своимъ провидѣніемъ и охраной. Такія дѣвушки могутъ легко отдаться, но взять ихъ невзначай, врасплохъ трудно. Тѣ изъ нихъ, которыхъ можно бы было купить, — тѣ до этого круга работницъ не доходятъ: онѣ уже куплены прежде, заvertѣлись, унеслись и исчезли въ омутѣ другой жизни, иногда навсегда, иногда для того, чтобъ черезъ пять-шесть лѣтъ явиться въ своей коляскѣ по Longchamp или въ первомъ ярусѣ оперы въ своей ложѣ—mit Perlen und Diamanten ¹⁾).

Базиль былъ влюбленъ по уши. Резонеръ въ музыкѣ и философъ въ живописи, онъ былъ одинъ изъ самыхъ полныхъ представителей московскихъ ультрагегельцевъ. Онъ всю жизнь носился въ эстетическомъ небѣ, въ философскихъ и критическихъ подробностяхъ. На жизнь онъ смотрѣлъ такъ, какъ Ретшеръ на Шекспира, возводя все въ жизни къ философскому значенію, дѣлая скучнымъ все живое, пережеваннымъ все свѣжее, словомъ, не оставляя въ своей непосредственности ни одного движенія души. Взглядъ этотъ, впрочемъ, въ разныхъ степеняхъ принадлежалъ тогда почти всему кружку; иные срывались талантомъ, другіе живостью, но у всѣхъ еще долго оставался—у кого жаргонъ, у кого и самое дѣло. «Пойдемъ,—говорилъ Бакунинъ Тургеневу ²⁾ въ Берлинѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ,—окунуться въ пучину дѣйствительной жизни, бросимся въ ея волны», и они шли просить Варнгагена фонъ Ense ³⁾, чтобъ онъ ихъ ввелъ ловкимъ купальщикомъ въ практическія пучины и представилъ бы ихъ одной хо-

¹⁾ Въ жемчугахъ и алмазахъ.

²⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

³⁾ Карль-Августъ, извѣстный писатель.

рошенькой актрисѣ. Понятно, что съ этими приготовленіями не только ни до какого купанья въ страстьяхъ, «разъѣдающихъ тайники духа нашего», но, вообще, ни до какого *поступка* дойти нельзя. Не доходятъ до нихъ и нѣмцы; но зато нѣмцы и не ищутъ поступковъ, а такъ бы, поспокойнѣе. Наша натура, напротивъ, не выносить этого постнаго отношенія—des teoretischen Schwelgens ¹⁾, запутывается, спотыкается и падаетъ больше смѣшно, чѣмъ опасно.

Итакъ, влюбленный сорокалѣтній философъ, щуря глазки, сталъ сводить всѣ спекулятивные вопросы на «демоническую силу любви», равно влекущую Геркулеса и слабого отрока къ ногамъ Омфалы ²⁾, началъ уяснять себѣ и другимъ нравственную идею семьи, почву брака (Гегелевой философіи права глава Sittlichkeit ³⁾). Со стороны Гегеля препятствій не было. Но призрачный міръ случайности и «кажущагося», міръ духа, не освободившагося отъ преданій, не былъ такъ сговорчивъ. У Базиля былъ отецъ Петръ Кононычъ, старый кулакъ, богачъ, который самъ былъ женатъ послѣдовательно на трехъ и отъ каждой имѣлъ человѣка по три дѣтей ⁴⁾. Узнавъ, что его сынъ, и притомъ старшій, хочетъ жениться на католичкѣ, на нищей, на французенкѣ, да еще съ Кузнецкаго Моста, онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ благословеніи. Безъ родительскаго благословенія, можетъ, Базиль, принявшій въ себя шикъ и моментъ скептицизма, какъ-нибудь и обошелся бы, но старикъ связывалъ съ благословеніемъ не только послѣдствіе jenseits (на томъ свѣтѣ), но и diesseits (на этомъ свѣтѣ), а именно *наслѣдство*.

Препятствіе старика, какъ всегда, двинуло дѣло впередъ, и Базиль сталъ подумывать о скорѣйшей развязкѣ. Оставалось жениться, не говоря худого слова, и вполнѣдствіи заставить старика принять un fait accompli ⁵⁾ или скрыть отъ него бракъ въ ожиданіи, что онъ скоро не будетъ ни благословлять, ни клясть, ни распоряжаться наслѣдствомъ.

Но непросвѣтленный міръ преданій и тутъ подставлялъ свою ногу. Обвѣнчаться подъ сурдинку въ Москвѣ было нелегко, чрезвычайно дорого и тотчасъ бы дошло до отца черезъ дьяконовъ, архидьяконовъ, дьячковъ, просвиренъ, свахъ, приказчиковъ, сидѣльцевъ и разныхъ потаскушекъ. Положено было позондировать нашего отца Іоанна въ с. Покровскомъ, извѣстнаго читателямъ по

¹⁾ Теоретическаго наслажденія.

²⁾ Индійская царица, заставившая Геркулеса забыть о войнѣ, облечься въ женскія одежды и заняться пряжей въ кругу царскихъ рабынь.

³⁾ Нравственность.

⁴⁾ Официально женатъ былъ дважды, оставилъ 9 сыновей и 5 дочерей.

⁵⁾ Совершившійся фактъ.

мнѣ своей исторіей о похищеніи въ нетрезвомъ видѣ серебряныхъ «часовъ и шкатулки» у дьячка.

Отецъ Іоаннъ, узнавъ, что непокорному сыну около сорока лѣтъ, что невѣста не русская и что родителей ея здѣсь нѣтъ, что, сверхъ меня, подпишется свидѣтелемъ университетскій профессоръ ¹⁾,—сталъ меня благодарить за такую милость, полагая, вѣроятно, что я старался женить Базиля для доставленія ему двухсотенной бумажки. Онъ былъ до того тронуть, что закричалъ въ другую комнату: «Попадья, попадья, выпусти два-три яичка!», и досталъ изъ шкапа полуштофъ, заткнутый бумажкой, для того, чтобъ меня попотчевать.

Все шло прекрасно.

Дня свадьбы и прочее не назначали. Армансъ должна была пріѣхать къ намъ въ Покровское, погостить; Базиль (хотѣвшій ихъ сопровождать)—возвратиться въ Москву и, окончательно устроившись, итти отъ отцовскаго проклятія подъ благословеніе пьяненькаго отца Іоанна.

...Ожидая і *promessi sposi* ²⁾, мы велѣли приготовить ужинъ и сѣли ждать. Ждемъ, ждемъ; бьютъ двѣнадцать ночи. Никого нѣтъ... Чась—никого нѣтъ. Дамы пошли уснуть; я съ Г. ³⁾ и К. ⁴⁾ принялся за ужинъ.

Le ore suonan quadrano
E una, e due, e tre... ⁵⁾

Ма ⁶⁾... ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

...Наконецъ, колокольчикъ... ближе и ближе; повозка простучала по мосту. Мы бросились въ сѣни. Тарантасъ, заложенный тройкою, быстро въѣзжалъ на дворъ и остановился. Вышелъ Базиль. Я подошелъ дать руку Армансъ; она вдругъ меня схватила за руку, да съ такой силой, что я чуть не вскрикнулъ, и потомъ разомъ бросилась мнѣ на шею, съ хохотомъ повторяя: «*Monsieur Herstin*»... Это былъ не кто иной, какъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій *in propria persona* ⁷⁾.

Въ тарантасѣ не было больше никого. Мы смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ, кромѣ Бѣлинскаго, который хохоталъ до

¹⁾ Зачеркнуто—Грановскій.

²⁾ Обрученные; заглавіе знаменитаго романа Манцони.

³⁾ Грановскій.

⁴⁾ Коршъ.

⁵⁾ Часы бьютъ часъ съ четвертью и два, и три.

⁶⁾ Но.

⁷⁾ Собственной персоной.

кашля, и Базиля, который чуть до насморка не плакалъ. Къ до-
полненію эффекта надобно замѣтить, что два дня тому назадъ въ
Москвѣ о Бѣлинскомъ и слуху не было.

«Давайте мнѣ ѣсть,—сказаль, наконецъ, Бѣлинскій,—я вамъ
разскажу тамъ, какія у насъ были чудеса; надобно же выручить
несчастнаго Базиля, который васъ боится больше Армансъ».

Вотъ что случилось. Видя, что дѣло быстро приближается къ
развязкѣ, Базиль испугался, началъ *рефлектировать* и совершенно
skonфузился, обдумывая неумолимый фатализмъ брака, неразруши-
мость его по Кормчей книгѣ и по книгѣ Гегеля. Онъ заперся, отдан-
ный на жертву духу мучительнаго изслѣдованія и безпощаднаго
анализа. Страхъ возрасталь съ часу на часъ, и тѣмъ больше, что
дорога къ отступленію была тоже не легка и, что рѣшиться на
нее почти надобно было имѣть столько же характера, какъ и на
самый бракъ. Страхъ этотъ росъ до тѣхъ поръ, пока въ дверь
постучался Бѣлинскій, пріѣхавшій изъ Петербурга прямо къ нему
въ домъ. Базиль разсказаль ему весь ужасъ, съ которымъ онъ
идеть на срѣтеніе своего счастья, и все отвращеніе, съ которымъ
онъ вступаетъ въ бракосочетаніе по любви, и требоваль его со-
вѣта и помощи.

Бѣлинскій отвѣчалъ ему, что надобно быть сумасшедшимъ,
чтобъ послѣ этого сознательно и, зная впередъ, что будетъ, поло-
жить на себя такую цѣпь. «Вотъ Герценъ,—говориль онъ,—и же-
нился, и жену свою увезъ, и за ней пріѣзжалъ изъ ссылки, а спроси
его: онъ ни разу не задумывался, слѣдуетъ ему такъ дѣлать или
нѣтъ и какія будутъ послѣдствія. Я увѣренъ, что ему казалось,
что онъ *не можетъ* иначе поступить. Ну, ему и вытанцовалось.
А ты то же хочешь сдѣлать, любомудрствуя и рефлектируя».

Только этого и надобно было Базилію. Онъ въ ту же ночь
написаль Армансъ диссертацию о бракѣ, о своей несчастной ре-
флексіи, о неспособности простаго счастья для пытливаго духа; изла-
галъ всѣ невыгоды и опасности ихъ соединенія и спрашиваль Армансъ
совѣта, что имъ теперъ дѣлать?

Отвѣтъ Армансъ онъ привезъ съ собой.

Въ разсказѣ Бѣлинскаго и письмѣ Армансъ объ натуре,—ея
и Базиля,—сполнѣ вышли, какъ на ладони. Дѣйствительно, брачный
союзъ такихъ противоположныхъ людей былъ бы страненъ. Армансъ
писала ему грустно; она была удивлена, оскорблена, рефлексіей его
не понимала, а видѣла въ нихъ предлогъ, охлажденіе; говорила,
что, въ такомъ случаѣ, не должно быть и рѣчи о свадьбѣ, раз-
вязывала его отъ даннаго слова и заключила тѣмъ, что послѣ слу-
чившагося имъ не слѣдуетъ видѣться. «Я васъ буду помнить, писала

она, съ благодарностью и нисколько не виню васъ: я знаю, вы чрезвычайно *добры*, но еще больше слабы! Прощайте же и будьте счастливы!»

Такое письмо, должно быть, не совсѣмъ приятно получить. Въ каждомъ словѣ сила, энергія и немного свысока. Дитя славнаго плебейскаго кряжа, Армансъ поддержала свое происхожденіе. Будь это англичанка, какъ бы крѣпко она ухватилась за письмо Базиля, какъ ртомъ бы своего добродѣтельнаго соллиситора ¹⁾ рассказала съ негодованіемъ, съ стыдомъ о первомъ пожатіи руки, о первомъ поцѣлуѣ, и какъ бы ея адвокатъ, со слезами на глазахъ и мѣломъ въ парикѣ, потребовалъ бы у присяжныхъ вознаградить обиженную невинность тысячею или двумя фунтовъ.

Франзуженкѣ, бѣдной швеѣ, и въ голову этого не пришло.

Два или три дня, которые они провели въ Покровскомъ, были печальны для эксъ-жениха. Точно ученикъ, сильно напакостившій въ классѣ и который боится и учителя, и товарищей, Базиль потерпѣлъ день-другой и уѣхалъ въ Москву.

Вскорѣ мы услышали, что Боткинъ ѣдетъ въ чужіе края. Онъ писалъ ко мнѣ письмо смутное, недовольное собой, звалъ проститься. Въ первыхъ числахъ августа я поѣхалъ изъ Покровскаго въ Москву; новая диссертация ѣхала въ то же время изъ Москвы въ Покровское къ Natalie. Я отправился къ Боткину и прямо попалъ на прощальный пиръ. Пили шампанское, и въ тостахъ, въ желаніяхъ были какіе-то странные намеки. «Вѣдь, ты не знаешь», — сказалъ мнѣ Базиль на ухо: «вѣдь, я... того...—и онъ прибавилъ шопотомъ: вѣдь, Армансъ ѣдетъ со мной. Вотъ дѣвушка, я теперь только ее узналъ», и онъ качалъ головой.

Это стоило появленія Бѣлинскаго.

Въ эпистолѣ къ Natalie онъ пространно объяснялъ ей, что мысль и рефлексія о женитьбѣ повергли его въ раздумье и отчаяніе: онъ усомнился и въ своей любви къ Армансъ, и въ своей способности къ семейной жизни; что такимъ образомъ онъ дошелъ до мучительнаго сознанія, что онъ долженъ все разорвать и бѣжать въ Парижъ, что въ этомъ расположеніи онъ явился смѣшнымъ и жалкимъ въ Покровское. Рѣшившись такимъ образомъ, онъ, перечитывая письмо Армансъ, сдѣлалъ новое открытіе, именно, что онъ Армансъ любитъ очень много, и потому потребовалъ у нея свиданія и снова предложилъ ей руку. Онъ думалъ опять о покровскомъ попѣ, но близость Манновской фабрики пугала его. Вѣнчаться онъ собирался въ Петербургъ и тотчасъ ѣхалъ во Францію. «Армансъ рада, какъ ребенокъ». ³⁸

¹⁾ Адвокатъ въ англійскомъ судѣ.

Въ Петербургѣ Базиль придумалъ вѣнчаться въ Казанскомъ соборѣ. Чтобъ при этомъ философія и наука не были забыты, онъ пригласилъ для совершенія обряда протоіерея *Сидонскаю* ¹⁾, ученаго автора «Введенія въ науку философіи». Сидонскій давно зналъ Боткина по его статьямъ, какъ свободнаго свѣтскаго мыслителя и нѣмецкаго любомудра. Послѣ всѣхъ чудесъ, бывшихъ съ Армансъ, ей досталась честь, рѣдко достающаяся: послужить поводомъ одной изъ самыхъ комическихъ встрѣчъ двухъ заклятыхъ враговъ—религіи и науки.

Сидонскій, чтобъ блеснуть своимъ мирскимъ образованіемъ, передъ вѣнчаніемъ сталъ говорить о новыхъ философскихъ брошюрахъ и, когда все было готово и дьячокъ подалъ ему епитрахиль, къ которой онъ приложился и сталъ надѣвать, онъ, потупя взоръ, сказалъ Боткину: «Вы извините: обряды-сь; я весьма хорошо знаю, что христіанскій ритуаль сдѣлалъ свое время, что...»

— О, нѣтъ, нѣтъ!—прервалъ его Базиль голосомъ, полнымъ участія и состраданія.—Христіанство вѣчно; его сущность, его субстанція не можетъ пройти.

Сидонскій поблагодарилъ цѣломудреннымъ взглядомъ «рыцарственнаго» антагониста, обратился къ клиру и запѣлъ: «Благословенъ Богъ нашъ... и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.»—«Амины!» грянулъ клиръ, и дѣло пошло своимъ порядкомъ, и Боткина въ вѣнцѣ, и Армансъ въ вѣнцѣ повелъ Сидонскій кругъ наложя... заставляя ликовать Исаю.

Изъ собора Базиль отправился съ Армансъ домой и, оставивъ ее тамъ, явился на литературный вечеръ Краевского. Черезъ два дня Бѣлинскій посадилъ молодыхъ на пароходъ. Теперь-то, подумаютъ, исторія, навѣрное, окончена.

Нисколько.

До Каттегата дѣло шло очень хорошо, но тутъ попался проклятый «Жакъ» Ж. Санда.

— Какъ ты думаешь о Жакѣ?—спросилъ Боткинъ Армансъ, когда она кончила романъ.

Армансъ сказалъ свое мнѣніе.

Базиль объявилъ ей, что оно совершенно ложно, что она оскорбляетъ своимъ сужденіемъ глубочайшія стороны его духа, и что его *міросозерцаніе* не имѣетъ ничего общаго съ ея.

Сангвиническая Армансъ не хотѣла мѣнять міросозерцанія; такъ прошли оба Бельта.

Вышедши въ Нѣмецкое море, Боткинъ почувствовалъ себя

¹⁾ Федоръ Федоровичъ.

больше дома и сдѣлалъ еще разъ опытъ перемѣнить міросозерцаніе и у Армансъ—иначе взглянуть на Жака.

Умирающая отъ морской болѣзни, Армансъ собрала послѣднія силы и объявила, что мнѣнія своего о Жакѣ она не перемѣнитъ.

— Что же насъ связываетъ послѣ этого?—замѣтилъ сильно расхолодившійся Боткинъ.

— Ничто,—отвѣчала Армансъ,—*et si vous me cherchez quelle* ¹⁾, такъ лучше просто разстаться, какъ только коснемся земли.

— Вы рѣшились?—говорилъ Боткинъ, пѣтушась.—Вы предпочитаете?..

— Все на свѣтѣ, чѣмъ жить съ вами; вы—несносный человѣкъ, слабый и тиранъ.

— *Madame!*

— *Monsieur!*

Она пошла въ каюту; онъ остался на палубѣ. Армансъ сдержала слово: изъ Гавра она уѣхала къ отцу и черезъ годъ возвратилась въ Россію одна, и притомъ въ Сибирь.

На этотъ разъ, кажется, исторія этого переменяющагося брака кончилась.

А, впрочемъ, Барреръ ²⁾ говорилъ же: «только мертвые не возвращаются».

(Писано 1857, Putney, Laurel House)

◆◆ 1. Огаревъ не всегда былъ доволенъ создавшейся около него дружеской сутолокой; въ дополненіе къ приведеннымъ раньше свидѣтельствамъ объ этомъ приведу сказанное имъ въ письмѣ къ Герцену 1 марта 1840 года: «Я начинаю устраиваться. Назначилъ день для сходакъ, а остальное время рѣшаюсь держать двери на запорѣ. Стремленіе къ наукѣ сильно» («Рус. Мысль» 1889, I, 6).

2. Въ это время Огаревъ такъ писалъ своей женѣ о своей дружбѣ съ Герценомъ: «Марія! моя дружба къ А. есть что-то особенное, рѣдкое, не многимъ даже понятное. Посмотри, какъ удивительно сводила меня судьба съ любимцемъ моего сердца! Я начиналъ читать Шиллера, и что-то еще недавно начинало жить въ душѣ,—явился Зонненбергъ и познакомилъ меня съ А. Зонненб. былъ слѣпымъ орудіемъ Провидѣнія». «Обними Александра, какъ брата, да благослови тебя Богъ понять всю святость нашего

¹⁾ И если вы ищете предлога, чтобы поссориться со мною.

²⁾ Бертранъ, франц. террористъ, «Анакреонъ гильотины».

братства и принять его къ сердцу» (М. Гершензонъ, «Образы прошлаго», 362, 363).

3. Для иллюстраціи состоянія духа Огарева и отношеній къ нему друзей на фонѣ ихъ отношеній къ Марьѣ Львовнѣ не лишне привести одно его письмо къ Герцену въ маѣ 1840 г., незадолго до переѣзда послѣдняго въ СПб.

«Герцены! Я посмотрѣлъ внутрь себя и мнѣ стало страшно, страшно моихъ страданій. Они становятся нестерпимы. Я не говорилъ съ тобой, но пишу, потому что, если-бъ я говорилъ, я залился бы слезами. Моя душа распалась надвое. Вражда между дружбою и любовью разорвала меня. Она съ обѣихъ сторонъ для меня оскорбительна. Не думай, что я нахожусь подъ какимъ-нибудь вліяніемъ. У меня есть своя сила, сила контрактивная, я сосредоточенъ въ себѣ, въ моей внутренней жизни, и эта жизнь сильна; я себя сознаю ясно. Не думай, чтобъ я не сознавалъ ясно того, что меня сокрушаетъ. По чистой совѣсти и изъ глубокаго убѣжденія я говорю, что я себѣ ясно опредѣлилъ мой внутренній и мой внѣшній міръ. Но исчезла моя свѣтлая гармонія. Другъ! я страдаю. Боже мой, какъ я мучительно страдаю! Не рассказывай никому, даже никому изъ нашихъ объ этомъ письмѣ. Можетъ быть, слеза пробьется у тебя, читая его. О! какъ я тебя благодарю за эту слезу. Братъ! больно тамъ, гдѣ-то внутри. Все горитъ въ груди, то плачетъ, то все такъ сожмется, что и плакать не могу. Въ жизнь мою я не страдалъ такъ. Но я требую отъ тебя, во имя дружбы, принести мнѣ жертву великую: когда ты придешь къ намъ, отведи Марію въ стору, протяни ей руку, скажи, что ты просишь забыть распрю, между вами существовавшую, что другъ и жена Николая не могутъ быть врагами, что вы должны соединиться во имя мое. Вотъ видишь, Герценъ, я и теперь плачу. Я ребенокъ, можетъ быть. Но во имя дружбы умоляю тебя, соедини два разорванные элемента моей души. Положивъ руку на сердце, скажу выводъ, сдѣланный изъ полнаго убѣжденія: у васъ съ обѣихъ сторонъ непростительная ошибка. А мнѣ больно, больно, я задыхаюсь. Я хочу, чтобы дружба соединила разрозненное. Пусть ей эта пальма отдается. Моя дружба мнѣ, старый другъ Герценъ, да или нѣтъ? О, да, да, ты сдѣлаешь это. Да, я не сомнѣваюсь. Я для тебя тоже бы сдѣлалъ и мнѣ легко было бы сдѣлать. Мнѣ хочется говорить съ тобою. Мнѣ опять грустно станетъ безъ тебя. Когда мы сойдемся en tête à tête? Но никому ни слова объ этомъ письмѣ» («Рус. Мысль» 1889, I, 9—10).

Вскорѣ послѣ этого было другое письмо, въ которомъ Огаревъ говорилъ: «Вы ее такъ же не знаете, какъ она васъ; вы всегда останетесь чужими другъ другу; я былъ на пути потерять дружбу

и любовь разомъ; тогда бы я застрѣлился. Вчера я опять нашель дружбу. Но внутренняя тишина надолго взволнована. Это не хорошо, тѣмъ болѣе, что ладилъ въ послѣднее время; мнѣ уже казалось, что настанетъ часъ примиренія,—теперь все опять, разрушено. Объясненіе вчера было не кстати; оно могло быть только между нами двумя; оно не было потому, мнѣ кажется, что высказывать личныя страданія недостойно, унижительно для человѣка съ душой; къ тому же всякое слово и близкаго человѣка растравляетъ рану, а не лѣчитъ. Итакъ, около часу я у тебя. Ухъ, другъ, тяжело на сердцѣ. Руки холодны и какая-то дрожь въ груди, и тоска мучительная. До свиданія!» (тамъ же, 10—11).

4. Анненковъ, ошибаясь во времени пріѣзда Герцена, вѣрно передаетъ остальное. «Кружокъ нашихъ философствующихъ принялъ его довольно холодно и не скрылъ, что считаетъ его человѣкомъ еще не развитымъ и отсталого образа мыслей. Обстоятельство это и заставило Герцена обратиться къ источнику благодати, къ изученію Гегеля, которымъ дотолѣ пренебрегалъ. Открытіе, сдѣланное имъ тогда, имѣло важныя послѣдствія. Онъ усмотрѣлъ въ системѣ учителя совсѣмъ не то, что видѣли его новые друзья. Онъ признавалъ совпаденіе исторіи и человѣческаго прогресса съ ходомъ идеи, развивающейся діалектически въ логикѣ Гегеля, но думалъ, что моменты видоизмѣненія этой идеи соотвѣтствуютъ только общественнымъ и религіознымъ переворотамъ исторіи. Поступательные шаги въ челоѣчествѣ, по этому толкованію, обнаруживаются тогда, когда какой-либо изъ историческихъ народовъ начинаетъ мѣнять старыя основы своей жизни. Тогда только и наступаютъ минуты реального осуществленія прогрессивныхъ идей въ исторіи. На этихъ, такъ сказать, постоянныхъ, но и феноменальныхъ, случайныхъ протестахъ челоѣчества и зиждется возможность признать единство эволюцій и логической идеи съ историческими явленіями, а не на основаніи естественнаго, рокового и неизбѣжно-прогрессивнаго хода челоѣческаго развитія. Способъ такого пониманія допускался системой Гегеля наравнѣ съ другими: стоило только перевести идеи учителя изъ одного разряда фактовъ въ другой. Герценъ привлекъ къ своему образу пониманія и старовѣровъ философіи. Оказалось, что, выступивъ на литературное и жизненное поприще съ враждебнымъ настроеніемъ противъ лучшаго, существовавшего тогда круга людей, Герценъ не только сошелся и сговорился съ нимъ, но и сталъ впереди его, какъ авторитетъ, въ вопросахъ отвлеченнаго мышленія. Философія сдѣлалась въ его рукахъ оружіемъ крайне острымъ и далеко берущимъ, но славянская партія выставила противъ нея

другое, тоже хорошо испробованное оружіе» («Литературныя воспоминанія», 242).

5. По всей вѣроятности, Герценъ просто забылъ, говоря, что Бѣлинскій прочелъ ему «Бородинскую годовщину» Пушкина. Въ ней вовсе нѣтъ того, чѣмъ ярко и категорически можно было бы иллюстрировать указанную мысль. Вѣроятно, была прочтена «Бородинская годовщина» Жуковского, статья о которой и помѣщена Бѣлинскимъ въ октябрьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» 1839 г. Тогда, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, онъ писалъ ее и, естественно, что прочелъ Герцену то, о чемъ писалъ и что читалъ и Панаеву («Литературныя воспоминанія», 205—206, 244).

6. Огаревъ писалъ Герцену въ 1839 году: «Теперь перейдемъ къ Гегелю. Я убѣдился, что надо читать его, а не учениковъ, а тѣмъ паче не гнусныя статьи Бѣлинскаго, который столько же ученикъ Гегеля, сколько я родной братъ китайскаго императора. Но ты не хорошо приступаешь къ нему. Ты смѣешься надо мной, когда я говорю, что подхожу къ нему со страхомъ и вѣрою. Напрасно! Какъ религія была таинство, къ которому въ былыя времена приступали со страхомъ и вѣрою, такъ и въ наше время философія, и именно философія Гегеля. Эй, Саша! ты въ чтеніи философіи еще не отказался отъ своего личнаго мнѣнія и трактуешь о Гегелѣ свысока. Нѣтъ, въ сторону то, что ты сознаешь себя умнымъ человѣкомъ, въ сторону самолюбіе; совершенная преданность предмету, совершенное отреченіе отъ личнаго убѣжденія, но только совпаденія съ выводами общаго разума, разума человѣчества, разума бытія—вотъ, что я отъ тебя требую. И если бы ты былъ въ такой точкѣ, ты бы не говорилъ: вотъ тутъ-то Гегель ошибся, а сказалъ бы: вотъ тутъ-то я недоразумѣваю, надобно ближе познакомиться съ цѣлостью системы; ты бы не говорилъ: давайте разберемте по книгѣ Гегеля и станемте переводить, а сказалъ бы: нельзя ли приступить къ переводу какой-нибудь части Гегеля, не усвоивъ себѣ напередъ всей системы? Если ты откровененъ, то согласишься со мной» («Рус. Мысль» 1889, 1, 2—3).

Въ 1840 году—: «Прочелъ я «Органику», слѣдовательно, кончилъ натурфилософію и радъ до смерти; она мнѣ становилась sauer (трудна—*М. Л.*). Охота тебѣ была восхищаться «Органикой». Перечти и увидишь, что немногое удовлетворительно, и что половина состоитъ изъ натянутыхъ абстракцій, неопредѣленныхъ словъ и игранія мыслью. Загляни только на теоріи болѣзни, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мнѣ и самая переходячесть единичности ради всеобщаго кажется подозрительна. Я не вижу, ради чего роду нужно, чтобы исчезалъ индивидъ, и мнѣ сдается, что тутъ что-нибудь другое, но

что—не знаю. Можетъ, я глупъ на эту минуту и недопонимаю или, можетъ, вражда къ неопредѣленнымъ словамъ въ концѣ книги поставила меня въ какое-то косящееся на нее состояніе. Все это можетъ быть! Но пока я не удовлетворенъ и съ жадностью перейду zu den Tatsachen. Les sexes! Dio santo! ¹⁾). Да Гегель, кажется, самъ чувствовалъ, что не понимаетъ внутренней необходимости половъ, и потому насказалъ объ этомъ очень немного, весьма туманныхъ вещей. Что тутъ должна лежать глубокая и великая необходимость, я это знаю, но «Органика» ничего мнѣ не раскрыла, и я gros Jean comme devant ²⁾). Лучшее въ книгѣ—тяготѣніе и метеорологической процессъ. А всего лучше ея цѣлость, т.-е. путь природы aus dem Kontinuirlichen zum Subjectiven ³⁾ и, вѣнчая дѣло mit dem Fürsichsein ⁴⁾, Гегель опредѣлили весь Kern (ядро—*М. Л.*) человѣка, только побоялся сказать всю правду безъ обиняковъ. Многую Befangenheit ⁵⁾ я прощаю учителю, но есть намѣренная неоткровенность, которой ему исторія не проститъ, несмотря на то, что воздвигнетъ ему колонну выше Вандомской» (тамъ же, 4).

7. Снова важная ошибка. Въ декабрѣ 1839 г. Герценъ былъ въ С.П.Б. всего восемь дней, и притомъ уже не только послѣ статьи Бѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ» Жуковскаго, но и послѣ выхода въ свѣтъ декабрьской книжки «Отеч. Записокъ», датированной цензурой 14 декабря и содержавшей въ себѣ аналогичную статью объ «Очеркахъ бородинскаго сраженія» Э. Н. Глинки, послѣ которой, навѣрное, видя въ ней упорство Бѣлинскаго въ занятой имъ общественно-политической позиціи, Герценъ вдругъ пошелъ бы на примиреніе. Что же касается Бѣлинскаго, то, вѣдь, въ декабрѣ 1839 г. онъ былъ еще наканунѣ своей третьей статьи—«Менцель», появившейся лишь въ январской книгѣ 1840 г., датированной 14 января, и конечно, тогда еще не могъ сказать того, что ему приписываетъ Герценъ. Эта статья и была *последнимъ* випадомъ. Что свиданіе ихъ въ декабрѣ 1839 г., и притомъ «натянутое» Огаревымъ, состоялось, это несомнѣнно, но изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 30 декабря 1839 г. видно, что оно вовсе не наладило прерванныхъ пріятельскихъ отношеній. «Съ однимъ (изъ теоретическихъ противниковъ—*М. Л.*) я видѣлся въ Питерѣ; умный, добрый, прекрасный человѣкъ, но если бы Богъ привелъ больше не видѣться, хорошо бы» (Бѣлинскій, «Письма», II, 18).

¹⁾ Къ фактамъ! Гдѣ полъ, святой Боже!

²⁾ Такой же дуракъ, какъ и раньше.

³⁾ Отъ непрерывнаго къ субъективному.

⁴⁾ Бытіе въ себѣ.

⁵⁾ Неловкость.

Затѣмъ до мая 1840 г. Бѣлинскій не могъ видѣться съ Герценомъ, поэтому упоминаніе о свиданіи съ нимъ въ письмѣ его отъ 3 февраля 1840 г. надо отнести къ свиданію 30-го же декабря: «Видѣлся я съ Герценомъ; хорошій человекъ, но въ Питерѣ ему не такъ будетъ скучно, какъ мнѣ. Кланяйся ему» (тамъ же, 28). 24 апрѣля 1840 г. Бѣлинскій писалъ Кетчеру: «Мой усердный поклонъ... Александру Ивановичу,—да омрачить Всевышній его память, чтобъ онъ не говорилъ больше латинскихъ пословицъ, которыхъ я терпѣть не могу, какъ и всего на чужихъ мнѣ языкахъ» (тамъ же, т. II, 119). Это нельзя разсматривать иначе, какъ желаніе Бѣлинскаго проложить поклономъ доску черезъ пропасть бывшаго разрыва и надежду сблизиться съ Герценомъ, о скоромъ пріѣздѣ котораго въ СПб. Бѣлинскій уже зналъ, и самъ къ этому времени разставался съ «менцелевщиной» и со всѣмъ тѣмъ, что такъ отталкивало отъ него Герцена, но отъ чего онъ боялся еще отказаться печатно, развивая свои новыя мысли пока лишь въ письмахъ. 24 апрѣля 1840 г. Бѣлинскій писалъ Боткину: «Пусть г. Герценъ меня не жалуется, — я плюю на него». Но эта очень рѣзкая выходка, какъ и другія фразы того же письма, является результатомъ минутнаго настроенія, и самъ Бѣлинскій въ немъ же говоритъ: «если что тебя неприятно поразитъ въ моихъ письмахъ, не обращай никакого вниманія, плюй на это, помни, что я боленъ, тяжело боленъ» (тамъ же, 121, 122).

Невѣрно также указаніе Герцена на то, что «*последній* яростный залпъ» Бѣлинскій далъ по нимъ въ статьѣ «Бородинская годовщина». Слѣдовавшій за ней «Менцель», повторяю, былъ еще болѣе яростнымъ залпомъ. По справедливому мнѣнію Иванова-Разумника, въ этой статьѣ многое направлено и лично по адресу Герцена (см. его комментарий въ «Собраніи сочиненій» Бѣлинскаго, т. I).

Вскорѣ по переѣздѣ Герцена въ СПб., въ маѣ или іюнѣ 1840 г., и произошелъ тотъ ихъ интересный разговоръ, который здѣсь описанъ авторомъ «Былого и думъ». И. И. Паневъ, — свидѣтель, вообще, достовѣрный, несмотря на недававшуюся его памяти хронологію, рассказываетъ слѣдующее объ этомъ свиданіи, происшедшемъ у него на квартирѣ:

«Разъ, часу въ шестомъ вечера, человекъ докладываетъ Бѣлинскому о пріѣздѣ къ нему Герцена. Бѣлинскій вспыхнулъ и соскочилъ съ дивана при этомъ имени.

«— Вотъ вы увидите, наконецъ, его! Это человекъ замѣчательный и блестящій. Заходите ко мнѣ немного погодя. Я васъ съ нимъ познакомлю.

«Черезъ полчаса я спустился въ комнату Бѣлинскаго.

«Когда я вошелъ, разговоръ между Бѣлинскимъ и Герценомъ былъ еще нѣсколько натянутъ. Бѣлинскій представилъ насъ другъ другу. Герценъ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ, вѣжливо улыбнулся, пожалъ мнѣ руку и обратился къ Бѣлинскому.

«Я нѣсколько минутъ съ любопытствомъ разсматривалъ его. Герценъ былъ человѣкъ довольно плотный, лѣтъ двадцати восьми, средняго роста, съ темными волосами, подстриженными подъ гребенку. Черты лица его были пріятны и правильны, лицо одушевлено необыкновеннымъ блескомъ и живостью карихъ остроумныхъ глазъ и какимъ-то особенно тонкимъ юмористическимъ выраженіемъ у конечностей губъ... На немъ былъ фракъ съ гербовыми пуговицами.

«Я не остался долго въ комнатѣ, не желая мѣшать имъ.

«Черезъ часъ Бѣлинскій пришелъ ко мнѣ навѣрхъ.

«— Ну, мы объяснились и снова, кажется, сошлись!—сказалъ мнѣ Бѣлинскій, отдуваясь и падая на диванъ (это свиданіе, видно, сильно на него подѣйствовало). Я рассказалъ Герцену извѣстное вамъ происшествіе со мною у К. (Краевского—*М. Л.*),—объ этомъ господинѣ, который отказался отъ знакомства со мною, потому что я авторъ... знаете... я не могу называть эту статью по имени,—и какъ я за это пожалъ руку этому господину... Герценъ выслушалъ это и бросился ко мнѣ. Мы обнялись и забыли все прошлое Слава Богу!.. У меня, какъ гора, съ плечъ свалилась... («Литературныя воспоминанія», 298—299). Указаніе на Герцена на стр. 393 т. II «Писемъ» Бѣлинскаго невѣрно. Во время декабрьскаго же ихъ свиданія (1839 г.) произошелъ разговоръ, который Анненковъ ошибочно отнесъ къ 1840 году, но передалъ его со словъ Герцена, предпославъ замѣчаніе: «Герценъ добавлялъ еще свое описаніе изустно слѣдующей подробностью». «И тогда - то, рассказывалъ Герценъ, въ жару спора со мной Бѣлинскій прибѣгъ къ аргументу, прозвучавшему необычайно дико въ его устахъ: «Пора намъ, братецъ,—сказалъ критикъ—посмирить нашъ бѣдный, заносчивый умишко и признаться, что онъ всегда окажется дрянью передъ событіями, гдѣ дѣйствуютъ народы съ своими руководителями и воплощенная въ нихъ исторія». По сознанію Герцена, онъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ, тотчасъ же замолчалъ и удалился. Ему показалось, что тутъ совершилось какое-то отреченіе отъ правъ собственнаго разума, какое-то непонятное и чудовищное самоубійство» («Литературныя воспоминанія», 185).

Въ декабрѣ 1840 г. Бѣлинскій писалъ Боткину: «Этотъ человѣкъ (Герценъ—*М. Л.*) мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше ихъ всѣхъ: какая воспримчивая, движимая, пол-

ная интересовъ и благородная натура! Объ искусствѣ я съ нимъ говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ. Онъ видимо измѣняется къ лучшему въ своихъ понятіяхъ. Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругаль меня въ Москвѣ за мои *абсолютныя* статьи, это—новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему». «Я начинаю замѣчать, что общество Герцена доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ (петербургскихъ знакомыхъ—*М. Л.*): съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчій, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю, и даже, когда онъ явно вретъ, вижу, все-таки, самостоятельный образъ мыслей» (т. II, 190, 191).

Здѣсь нельзя также не упомянуть, что, отчасти благодаря подчеркнутой Герценомъ революціонности Бѣлинскаго, сочиненія послѣдняго были взяты тогда же подъ особое попеченіе цензуры...

8. Интересующіеся отношеніемъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи къ Бѣлинскому найдутъ кое-что документальное въ моей книгѣ «Николаевскіе жандармы и русская литература 1826—1855 гг.».

9. 23 апрѣля 1847 г. Спб. ген.-губернаторъ сообщилъ министру вн. дѣлъ, что, «не служащій дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ Бѣлинскій, имѣющій отъ роду 36 лѣтъ, предполагая отправиться въ Силезію для пользованія зальцбруннскими минеральными водами, а равно и въ Ниццу къ морскимъ купаньямъ, обратился ко мнѣ съ просьбою о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, представивъ всѣ установленные закономъ документы». Не находя препятствій, ген.-губ. просилъ объ удовлетвореніи просьбы. 24 апр. министръ послалъ паспортъ для выдачи (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1847 г. № 214).

10. Получивъ въ 1844 г. отъ Николая I въ подарокъ 500,000 р. сер., Бенкендорфъ поѣхалъ лѣчиться за границу, сошелся тамъ съ француженкой, возвращался съ нею въ СПб. черезъ Ревель на пароходѣ «Геркулесъ», совершивъ тамъ переходъ въ католичество, и внезапно умеръ.

11. Біографъ Павла I Е. Шумигорскій говоритъ о роли Жеребцовой слѣдующее: «Начало свое мысль о возможности установленія регентства въ Россіи, такъ какъ казалось, что государь страдаетъ психическимъ разстройствомъ, получила въ бесѣдахъ честолюбиваго вице-канцлера гр. Панина съ англійскимъ посломъ Витвортомъ, который въ маѣ 1800 г. долженъ былъ оставить

Росію. Другъ Витворта, О. А. Жеребцова, сестра опальныхъ Зубовыхъ (Платона и Валеріана—*М. Л.*), и гр. Панинъ привлекли затѣмъ къ участію въ заговорѣ вице-адмирала Рибаса, хитраго и продажнаго, но ловкаго и способнаго человѣка, только-что уволеннаго Павломъ отъ завѣдыванія лѣснымъ департаментомъ за обнаруженныя хищенія... На мѣсто петербургскаго военнаго губернатора Свѣчина 27 октября снова назначенъ былъ Паленъ, вошедшій уже въ тѣсную связь съ заговорщиками. Увольненіе Свѣчина современники объясняли интригой Кутайсова: на одной дочери Лопухина, сестрѣ фаворитки, женатъ былъ старшій сынъ его Павелъ, а на другой—сынъ Жеребцовой Александръ. Въ то же время Жеребцова польстила Кутайсову, сообщивъ ему, что, будто бы, братъ ея князь Платонъ Зубовъ желаетъ жениться на его дочери. Восхищенный Кутайсовъ, съ своей стороны, убѣдилъ государя простить бр. Зубовыхъ и вызвать ихъ въ Петербургъ. Зубовы пріѣхали въ СПб. въ ноябрѣ и осыпаны были милостями императора» («Рус. біографич. словарь», т. Павелъ—Петръ).

12. Въ началѣ 1841 г. И. А. Яковлевъ передалъ Герцену по крѣпостному акту имѣніе свое—д. Лепехино въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, въ которой было 229 душъ.

13. Федоръ Федоровичъ Струговщиковъ былъ отставнымъ не морскимъ, а артиллерійскимъ поручикомъ; 30 апрѣля 1842 г. сенатъ заслушалъ рапортъ новгородскаго губернскаго правленія, основанный на жалобѣ матери Струговщикова на «развратное поведеніе и непочтеніе сына» и на жалобѣ дворовыхъ людей на имя вел. кн. Михаила Павловича о жестокомъ съ ними обращеніи; Струговщиковъ изнасиловалъ свою крѣпостную Пелагею Дмитріеву еще въ 1840 г., и тогда же вскорѣ по нему стрѣлялъ изъ ружья бѣглый крестьянинъ помѣщицы Дольской, по подговору струговщиковскихъ крестьянъ. 31 іюля 1841 г. уголовный судъ оправдалъ Струговщикова по дѣлу объ изнасилованіи. 28 февраля 1845 г. сенатъ опредѣлилъ отдать крестьянъ Струговщикова подъ опекуновское управленіе (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1842 г. № 288). Такимъ образомъ ясно, что исходъ дѣла уже не засталъ Герцена въ Новгородѣ, и все сказанное о неудовольствіи Струговщикова относится, собственно, къ первому шагу сената, затребовавшего затѣмъ всякіе матеріалы отъ губернатора, предводителя и крестьянъ.

14. Василій Васильевичъ Хлопинъ, переведенъ изъ Иркутской губерніи въ Саратовъ въ 1839 г.; назначенный туда совѣтникомъ губ. правленія, временно исполнялъ обязанности вице-губернатора, вступилъ въ рѣзкую ссору съ вице-губернаторомъ Оде-де-Сіономъ,

писаль рядъ кляузъ и обвиненій, очень характерныхъ для эпохи и провинціальныхъ чиновничьихъ интригъ, и затѣмъ, когда министръ увидѣлъ, что надо какъ-нибудь развязать саратовскій узелъ служебныхъ ссоръ, онъ перевелъ Хлопина въ Новгородъ (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1840 г. № 68).

15. Резолюція Николая I на письмѣ Н. А.—ны (стр. 70, т. III) о полицейскомъ надзорѣ объясняется просто. При переводѣ въ Новгородъ изъ Спб. и позже о надзорѣ, какъ я уже и говорилъ, не было и рѣчи; въ 1842 г. Николай, убѣжденный, что Герценъ былъ подъ надзоромъ, приказалъ таковой *сохранить*; Бенкендорфъ, какъ это часто бывало, не справившись въ дѣлахъ и по-губернскихъ спискахъ, передалъ высоч. повелѣніе, чего, впрочемъ, и не могъ не сдѣлать, можетъ быть, кстати, не желая открыть государю свою собственную оплошность въ 1840 г. Ни въ одномъ новгородскомъ спискѣ подназорныхъ Герценъ не значится.

Добавлю, кстати, что 14 іюля 1842 г. Спб. ген.-губ. донесъ министру вн. дѣлъ, что имъ предписано Спб. оберъ-полицмейстеру и коменданту «о воспрещеніи Герцену вѣзда въ здѣшнюю столицу, съ чѣмъ вмѣстѣ предложено и Спб. гражд. губернатору сдѣлать къ исполненію того зависящее по здѣшней губерніи распоряженіе». 15 іюля московскій ген.-губернаторъ увѣдомилъ, что приказаніе министра отъ 10 іюля будетъ исполнено (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1842 г. № 461).

16. По пріѣздѣ въ Москву Герценъ былъ тогда же включенъ въ вѣдомости (тогда уже полугодовыя) о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Москвѣ; въ вѣдомости на 1 іюля 1846 г., кромѣ него, поименованы слѣдующія лица:

1. Иванъ Фонъ-Визинъ, отставн. полковникъ, подъ надзоромъ съ 3 апрѣля 1826 г.
2. Петръ Алексѣевичъ Іовскій, магистръ, 21 августа 1830 г.
3. Яковъ Константиновичъ Юденичъ, мѣщ., 19 декабря 1830 г.
4. Петръ Свиньинъ, отст. ротмистръ, 5 марта 1831 г.
5. Францъ Пло, франц. поддан., 26 сентября 1831 г.
6. Шарль Лагранжъ, учитель, 17 октября 1831 г.
7. Евгенія Дюбуа, франц. поддан., 24 августа 1832 г.
8. *Николай Кетчеръ*—«за сношенія съ государственнымъ преступникомъ Костенецкимъ», 13 іюля 1833 г.
9. *Николай Огаревъ*—за то же, 13 іюля 1833 г.
10. *Николай Сатинъ*—тоже.
11. Викторъ Васильевичъ Сендуклей, лѣкарь въ дворцовой конторѣ, 28 августа 1833 г.

12. Адольфъ Мендель, фридрихсгамскій купецъ, 31 декабря 1833 г.
13. Луи Эннъ, франц. поддан., 4 апрѣля 1835 г.
14. Антонъ Розановъ, купеч. братъ, 29 мая 1839 г.
15. Марья Борисова, мѣщ. }
 16. Николай Князевъ, мѣщ. } 29 января 1841 г.
 17. Афанасій Ермиловъ, мѣщ. }
18. Авдотья Васильевна Шацкая, мѣщ., 15 февраля 1842 г.
19. Степанъ Яковлевъ, мѣщ. }
 20. Иванъ Золкинъ, мѣщ. } 3 іюня 1842 г.
21. Іоганнъ Плотлеръ, куп., 27 ноября 1842 г.
22. Николай Карадыгинъ, отст. чинов. X кл., 27 декабря 1842 г.
23. Александръ Александровичъ Алябьевъ, отст. губ. секр., 29 іюня 1843 г.
24. Дмитрій Чистопольскій, мѣщ., 4 ноября 1843 г.
25. Василій Петровичъ Нилусъ, отст. поруч., 15 января 1844 г.
26. Матрена Калугина, мѣщ., 23 мая 1844 г.
27. Франсонъ Добрей (Dobray), франц. поддан., 18 августа 1844 г.
28. Борисъ Никифоровъ, мѣщ., 17 октября 1844 г.
29. Александръ Дадьянъ, бывш. дворян., 18 ноября 1844 г.
30. Болеславъ Любанскій, сынъ тит. сов., 4 іюля 1845 г.
31. Эдуардъ Гринвальдъ, лѣкаръ, 27 ноября 1845 г.
32. Павелъ Пасхали, нѣжин. грекъ, 29 ноября 1845 г.
- «Попы московскаго Рогожскаго кладбища»:
33. Иванъ Тарусинскій. }
 34. Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ. } 23 декабря 1845 г.
 35. Петръ Ермиловъ. }
36. Трифонъ Аристарховъ, куп., 15 апрѣля 1846 г.
37. Акацій Фавель, франц. поддан., 27 іюля 1832 г.
38. Иванъ Романовъ, мѣщ., 12 января 1845 г.

Причины надзора очень разнообразны, но меньше всего, конечно, политическія — преимущественно на почвѣ сектантства и распутной жизни (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1846 г. № 1067).

17. «Чѣмъ больше я знаю этого человѣка, — писалъ о Галаховѣ Огаревъ въ 1841 г., — тѣмъ больше люблю его. Благородный человѣкъ, теплый человѣкъ, ему можно дружески протянуть руку, что ты и сдѣлай. Я люблю смотрѣть на этихъ людей, которыхъ внутренній процессъ совершался страдальчески...» («Русская Мысль» 1889, IV, 12).

Въ ноябрѣ 1839 г. Грановскій писалъ Станкевичу: «У Огаревыхъ я познакомился съ братомъ Елизаветы Павловны (Фроловой—*М. Л.*) Галаховымъ. Славный человекъ, мы споримъ ужасно, потому что у него немного женскій характеръ и потребности: ему нуженъ богъ удобоосязаемый, награды за добрыя дѣла; онъ прикладываетъ часто чувствительно-нравственное мѣрило къ историческимъ героямъ. Но конецъ концовъ, онъ можетъ быть братомъ *m-me Froloff*. Лучше похвалить не умѣю» («Г. Н. Грановскій и его переписка», II, 368).

24 августа 1845 г. Галаховъ писалъ Герцену: «Могу ли я измѣниться и позабыть васъ, когда въ Москвѣ болѣе и ближе всего было съ вами, гдѣ присутствіе доброй и милой Н. А.—ны бросало лучшей и единственный свѣтъ и теплоту на одинокую мою жизнь и гдѣ съ тобой, Герценъ, въ откровенности и во взаимномъ довѣрїи провели мы вмѣстѣ много недурныхъ вечеровъ» («Русская Мысль» 1892, VII, 95).

21 ноября 1849 г. шефъ жандармовъ сообщилъ министру вн. дѣлъ, что Спб. оберъ-полицейстеръ ген.-маіоръ Галаховъ обратился къ нему съ просьбой объ исходатайствованїи всемилост. соизволенїя государя императора на выдачу находящейся въ Веймарѣ вдовѣ умершаго въ томъ году въ Страсбургѣ брата его, отстав. гвардіи подпоручика Галахова, Элизѣ, родомъ англичанкѣ, безсрочнаго и безошлиннаго заграничнаго паспорта, объясняя, что невѣстка его, по весьма ограниченному состоянїю и разстроенному здоровью, хотя и находится въ необходимости поселиться въ чужихъ краяхъ, но что изъ уваженїя къ памяти мужа, она искренно желаетъ и непремѣнно намѣрена остаться навсегда русскою подданною. Имѣнія въ Россїи не имѣетъ и получаетъ отъ братьевъ мужа по 60 руб. сер. въ мѣсяцъ. Государь разрѣшилъ отсрочивать ей ежегодно паспортъ безошлинно. Въ 1865 г. Галаховой дана была очередная отсрочка на пять лѣтъ (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиц. исполн. 1849 г. № 539).

Изъ приложеннаго свидѣтельства видно, что въ метрической книгѣ Петропавловской церкви, состоящей при россійско-императ. посольствѣ въ Парижѣ, на 1847 г. подъ № 3 значится, что 7/19 мая отст. гв. подпоручикъ Иванъ Павловичъ Галаховъ, православнаго исповѣданїя, 37 лѣтъ, сочетался первымъ бракомъ съ великобританской подданной дѣвицею Элизою Боуенъ (*Bowen*), англиканскаго исповѣданїя, 27 л. Поручителями были: по жениху — кол. секр. Пав. Вас. Анненковъ и «надв. сов. Алекс. Ивановъ сынъ Герценъ», по невѣстѣ—бывшій консулъ Альф. Белей (*Alf. Bayley*) и поручикъ Густавъ Федоровичъ Фе.

18. 21 декабря 1849 г. московскій ген.-губернаторъ сообщилъ гр. Орлову, что 19 декабря на происходившей публично защитѣ диссертациі проф. Грановскимъ на степень доктора философіи слышался вдругъ звукъ хлопушки между посторонними посѣтителями; тотъ же звукъ раздался дважды по окончаніи диспута, но былъ покрытъ аплодисментами со стороны публики; приставшіе къ нимъ четверо студентовъ уже наказаны. Если бы слухъ объ этомъ дошелъ до государя, гр. Закревскій полагалъ, что «въ предупрежденіе безпорядковъ на будущее время, постороннихъ посѣтителей къ слушанію диспутовъ въ университетѣ допускать не иначе, какъ по билетамъ, которые раздавать извѣстнымъ лицамъ». Московскій жандармъ ген. Перфильевъ въ своемъ донесеніи отмѣтилъ, что хлопушка была приготовлена для Шевырева, «вообще не очень любимаго», «въ чемъ и успѣли: Шевыревъ на нѣкоторое время остановился, но собравшись съ духомъ, продолжалъ и заключилъ, можетъ не совѣмъ искреннимъ, но лестнымъ привѣтствіемъ Грановскому». Государь приказалъ запросить мнѣніе товарища министра нар. просвѣщенія о предложеніи Закревскаго. Ширинскій-Шихматовъ объяснилъ сущность публичности диспута, но полагалъ, что можно было бы принять слѣдующія мѣры: предоставить ректору приглашеніе на диспуты извѣстныхъ ему лицъ по билетамъ въ неопредѣленномъ числѣ; декану заинтересованнаго факультета давать пять, всѣмъ прочимъ профессорамъ по три, а адъюнктамъ по два пригласительныхъ билета съ надписью, кому именно они переданы; при входѣ въ зданіе университета билеты отъ публики отбираются и послѣ диспута представляются ректору. При этомъ Ширинскій-Шихматовъ находилъ «удобнѣйшимъ» предписать эти правила административной мѣрой только московскому университету. 11 января 1850 г. шефъ жандармовъ сдѣлалъ одинъ изъ своихъ безчисленныхъ докладовъ по дѣлу, прямо относившемуся къ вѣдомству одного изъ существовавшихъ министерствъ,—на этотъ разъ—народнаго просвѣщенія. Орловъ принялъ всѣ предложенія Ширинскаго, но признавалъ необходимымъ распространить административную мѣру на всѣ университеты, а чтобы не быть обвиненнымъ въ стѣсненіи науки, призналъ, что попечитель округа можетъ увеличить число билетовъ, выдаваемыхъ профессурѣ... Разумѣется, Николай I согласился съ мнѣніемъ главноупр. III Отдѣленіемъ.

Изъ того же «дѣла» видно, что въ іюнѣ 1849 г. слѣдственная комиссія по петрашевцамъ, съ высоч. разрѣшенія, признала нужнымъ, согласно съ мнѣніемъ гр. Закревскаго, учредить строжайшій секретный надзоръ за Грановскимъ и Кудрявцевымъ «до тѣхъ поръ,

пока онъ не сочтетъ нужнымъ принять другія мѣры». 24 августа 1851 г. Закревскій увѣдомилъ шефа жандармовъ, что по его всепод. докладу, вслѣдствіе ходатайства попечителя, 22 августа государь приказалъ надзоръ этотъ прекратить (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1849 г. дѣло № 440).

19. Вслѣдствіе нездоровья, Н. А—на не могла бывать на публичныхъ лекціяхъ Грановскаго. Тогда Т. Н. предложилъ прочитать нѣсколько лекцій по средней исторіи у Герцена на дому. Со словъ Т. А. Астраковой, Пассекъ рассказываетъ, что тамъ слушали его, кромѣ товарищей, Н. А—на, Астракова, М. К. Эрнъ и М. Ѳ. Коршъ. «Не стѣсненный ни цензурой, ни публикой, Грановскій читалъ серьезно, сильно, полно поэзіи и до того увлекательно, что присутствующіе превращались въ слухъ и наслажденіе; нерѣдко по лицу иныхъ скатывались слезы. Кончивши чтеніе, Грановскій, растроганный всеобщимъ восторгомъ и сочувствіемъ, спѣшилъ уйти» (Пассекъ, II, 325).

20. Въ «Письмахъ» Грановскаго напечатано только то, изъ котораго сдѣлана эта небольшая выдержка, переданная Герценомъ не совсѣмъ точно. «Вчера привезли намъ извѣстіе о смерти И. П. Галахова. Еще однимъ благороднымъ человѣкомъ стало менѣе. На дняхъ распустили слухъ о твоей смерти. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. Этого недоставало еще, а, впрочемъ, почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь, это не было бы глупѣе остального. Пока хорошо, что ты живъ. Есть о комъ съ любовью подумать» (лѣто 1849 г., т. II, 446).

21. Въ ноябрѣ 1839 г. Грановскій писалъ Н. В. Станкевичу: «Между профессорами я, разумѣется, сошелся ближе всего съ молодыми, особливо съ Рѣдкинымъ и Крюковымъ. Первый—человѣкъ, какихъ не много. Лекціи его о философіи права будутъ поосновательнѣе Гансовыхъ. Онъ крѣпко занимается исторіей философіи и государственнымъ правомъ. Мы вмѣстѣ держимъ обѣдъ и видимся, слѣдовательно, ежедневно. Въ поэзіи ничего не смыслить и не претендуетъ, между тѣмъ, какъ у него препоэтическая природа. Живетъ оригинально: почти нигдѣ не бываетъ, работаетъ цѣлый день и умѣетъ, кромѣ 8000 руб. жалованья (онъ получаетъ прибавочное за другую каѳедру) и отцовскихъ денегъ, входитъ ежегодно въ долги. Добрѣйшій изъ добрѣйшихъ. Крюковъ былъ, такъ сказать, Вами не понятъ, хотя понять его не трудно: ребенокъ, тщеславенъ ужасно, барышень, особливо аристократическихъ, любитъ «ажъ глаза подъ лобъ закатываются, когда говоритъ», имѣетъ изрядное мнѣніе о своей ловкости и любезности и при всемъ томъ милъ до крайности въ близкомъ знакомствѣ. Педантъ со студентами, хотя

свой предметъ знаетъ чертовски, благодаря страшной памяти и быстрымъ способностямъ; насчетъ прилежанія — презираетъ такое. Что онъ не такъ сухъ, какъ казался Вамъ, доказывается тѣмъ, что въ университетѣ стали крѣпко заниматься его предметомъ. Отпускаетъ иногда пренелѣпные парадоксы, къ чему его приучило аристократическое общество, въ которомъ онъ трется. Съ этими двумя я друженъ, съ прочими хорошъ. О Коршѣ, бібліотекарѣ, я уже говорилъ тебѣ. Когда пріѣдешь сюда, ты увидишь и — бьюсь объ закладъ — полюбишь его. По чести сказать, лучше всѣхъ насъ» (т. II, 368—369).

Въ 1849 г. Рѣдкинъ вышелъ изъ университета и поступилъ секретаремъ товарища министра удѣловъ, а въ 1851 г. былъ назначенъ членомъ общаго присутствія департамента удѣловъ. Въ 1863 г. возобновилъ профессорство уже въ Спб. университетѣ.

22. Въ 1833 г. Бенкендорфъ сдѣлалъ Николаю I сюрпризъ: офицеръ жандармскаго корпуса А. Ѳ. Львовъ написалъ, по приказанію своего шефа, народный гимнъ на слова Жуковскаго. Отецъ Львова былъ директоромъ пѣвческой капеллы; ему и отдано было приказаніе разучить гимнъ и сыграть его въ присутствіи государя. Выслушавъ разъ, Николай I сказалъ: «Еще». «Въ другой, въ третій и, наконецъ, въ четвертый разъ прослушавъ эту музыку, государь подошелъ къ Львову, обнялъ его и, крѣпко поцѣловавъ, сказалъ: «Спасибо, спасибо, прелестно; ты совершенно понялъ меня». Черезъ три мѣсяца, 6 декабря въ московскомъ Большомъ театрѣ приказано было послѣ спектакля спѣть и сыграть «Боже, царя храни». Съ этого времени гимнъ приказано было ввести въ офиціальное обращеніе («Рус. Старина» 1880, III, 639—640).

23. Донось Вигеля запоздалъ, дѣло возникло гораздо раньше. Интересующихся подробностями этого весьма характернаго для того времени эпизода отсылаю къ моей книгѣ «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.», гдѣ все дѣло впервые изложено полно и на основаніи подлинныхъ документовъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи. Та часть отношенія гр. Бенкендорфа къ московскому генераль-губернатору кн. Д. В. Голицыну, которая уже 22 октября сообщала о зачисленіи его въ сумасшедшіе, и при томъ удостоилась резолюціи Николая I—«очень хорошо», нелишня для читателя настоящаго «собранія». «Жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ, и будучи преисполнены чувствомъ достоинства русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому,—какъ дошли сюда слухи,—не только не обратили своего негодованія противъ г. Чаа-

даева, но, напротивъ, изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чаадаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего государю императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чаадаеву всевозможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его величество повелѣваетъ, дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чаадаева и чтобы сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чаадаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сыраго и холоднаго воздуха, однимъ словомъ, чтобы были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья. Государю императору угодно, чтобы ваше сіятельство о положеніи Чаадаева каждомѣсячно доносили его величеству». Когда все дѣло было разслѣдовано, 30 ноября Николай I повелѣлъ: «Чаадаева продолжать считать умалишеннымъ и какъ за таковымъ имѣть медико-полицейскій надзоръ»...

24. 6 апрѣля 1837 г. вологодскій губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ, что Надеждинъ временно оставленъ имъ въ Вологдѣ по болѣзни, и спрашивалъ его, какъ понимать приказъ Бенкендорфа «состоять подъ присмотромъ полиціи»: только ли за нимъ наблюдать или же «по нѣкоторой значительности лица сего и какъ извѣстнаго литератора слѣдовать за его перепиской и даже литературными его трудами единственно которыми обезпечивается его существованіе?» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1836 г. № 403).

25. М. Жихаревъ, говоря о страсти Чаадаева видѣть многочисленныхъ гостей въ своемъ кабинетѣ, рассказываетъ, какъ отзывался объ этомъ Герценъ: «Чаадаевъ не обращаетъ и не долженъ обращать вниманія на то, что кто-нибудь изъ его знакомыхъ отъѣхалъ, заболѣлъ или умеръ; что такія случайности не должны имѣть вліянія на численность гостей въ дни его пріемовъ, что общая цифра народонаселенія въ Москвѣ извѣстна Петру Яковлевичу и что, соображаясь съ нею, онъ, независимо отъ всякихъ другихъ расчетовъ, долженъ полагать себя въ правѣ ожидать въ эти дни соответствующаго контингента гостей». «Однажды довольно поздно, — продолжаетъ Жихаревъ — когда всѣ уже съѣхались (Чаадаевъ принималъ по утрамъ), я вмѣстѣ съ Герценомъ стоялъ передъ окномъ, мимо котораго гости должны были проѣзжать. Проѣхалъ какой-то извозчикъ безъ сѣдока. Герценъ, увидѣвъ его, сказалъ: «ѣздили,

ѣздили экипажи съ гостями, наконецъ, пустые извозчики стали ѣздить». Кто-то какъ-то замѣтилъ, что общество, встрѣчаемое у Чаадаева, уже черезчуръ перемѣшано, — упрекъ совершенно справедливый. Чаадаевъ принималъ всѣхъ почти безъ всякаго разбора; отъ этого у него попадались часто люди, которыхъ никакъ и пускать бы не слѣдовало. Герценъ, ни въ какомъ случаѣ не выдававшій Чаадаева, отвѣчалъ слѣдующей забавной шуткой: «на это нечего жаловаться: Петръ Яковлевичъ очень любитъ, чтобы у него было много гостей; отъ этого онъ и пускаетъ къ себѣ денного разбойника графа *** и ночную тать В. И. К.» Герценъ чрезвычайно уважалъ Чаадаева. Когда послѣдній, познакомившись съ московскимъ митрополитомъ, назвалъ его «un aimable prince de l'église» ¹⁾, то первый, говоря со мной объ этомъ знакомствѣ довольно долго спустя, сослался на это словечко. «Какъ вы не забыли этого?» сказалъ я. — «Я ничего не забываю, что говоритъ Петръ Яковлевичъ, — отвѣчалъ Герценъ, — потому что все, что онъ говоритъ, либо чрезвычайно умно, либо чрезвычайно смѣшно». Герценъ никогда не звалъ Чаадаева просто по фамиліи, а всегда Петромъ Яковлевичемъ» («Вѣст. Европы» 1871, VII, 179—180).

26. Весь этотъ разсказъ невѣренъ. Чаадаевъ отлично исполнилъ порученіе Васильчикова, вернулся въ СПб. и узналъ тамъ о себѣ оскорбительную для порядочнаго офицера сплетню о желаніи выслужиться и т. п. Онъ подалъ въ отставку, чѣмъ не мало удивилъ начальство и огорчилъ товарищей. Подробности этого читатель найдетъ также въ моей книгѣ «Николаевскіе жандармы», стр. 363—365.

27. Прочтя эту главу въ IV кн. «Полярной Звѣзды», Ю. Э. Самаринъ писалъ Герцену 9 мая 1858 года: «...А что Вы сдѣлали изъ Хомякова? Допросите себя въ минуту душевнаго спокойствія и скажите: можете ли Вы добросовѣстно не чувствовать и не цѣнить въ немъ глубины убѣжденія, выдержаннаго во всей его жизни? А Вы изъ него сдѣлали бретѣра и хохотуна! То-есть Вы поставили ему въ вину безоружную простоту его обращенія, полное отсутствіе натяжки, театральности, эффектовъ. Зачѣмъ онъ не рисуется, не хмуритъ бровей, не отпускаетъ отточенныхъ и на досугъ придуманныхъ фразъ, зачѣмъ говоритъ со всѣми, а не съ одними избранными! Это похоже на то, какъ нѣкоторые у насъ въ старину называли Гоголя балагуромъ, потому что онъ писалъ все больше смѣшное. Не найти сказать про Хомякова ничего больше, какъ то, что онъ охотникъ спорить и все смѣется, что

¹⁾ Любезный князь церкви.

такъ же вѣрно характеризуетъ и человѣка, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, про Грановскаго, что это былъ господинъ, любившій дружескія попойки и игру въ лото. Предоставьте этого рода сужденіе членамъ нашихъ клубовъ и первымъ четыремъ классамъ» («Вольное Слово» 1883, № 59). Письмо Самарина громадно и очень любопытно для оцѣнки славянофильскаго самоопредѣленія конца 50-хъ годовъ.

28. Одинъ изъ славянофиловъ, А. И. Кошелевъ, рассказывая о тогдашней группировкѣ московской интеллигенціи, говоритъ: «Нельзя не упомянуть о людяхъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ нашихъ бесѣдахъ, хотя они вовсе не раздѣляли нашихъ общихъ убѣжденій. Такими были Чаадаевъ, Грановскій, Герценъ, Н. Ф. Павловъ и нѣкоторые другіе умные и замѣчательные люди. Чаадаевъ охотно бывалъ на нашихъ вечернихъ собраніяхъ; но онъ особенно любилъ, чтобы его посѣщали по понедѣльникамъ утромъ. Тутъ происходили горячіе богословскіе и историческіе споры; Чаадаевъ постоянно доказывалъ превосходство католичества надъ прочими вѣроисповѣданіями и неминуемое и близкое его надъ ними торжество. Не менѣе настойчиво Чаадаевъ утверждалъ, что русская исторія пуста и бессмысленна, и что единственный путь спасенія для насъ есть безусловное и полнѣйшее приобщеніе къ европейской цивилизаціи. Легко себѣ вообразить, что такія мнѣнія не оставались безъ сильныхъ возраженій со стороны Хомякова, и споры были столь же жаркіе, сколько и продолжительные. Съ Герценомъ пренія были болѣе философскія и политическія. Начинались они всегда очень дружелюбно и спокойно, но часто кончались настоящими словесными дуэлями: борцы горячились и разставались съ непріятными чувствами другъ противъ друга. Грановскій, Н. Ф. Павловъ и другіе усердно поддерживали Герцена.— Эти препирательства ожесточали нашихъ противниковъ; и они позволяли себѣ противъ насъ вообще и противъ Хомякова въ особенности даже клеветы. А мы пользовались дѣлаемыми намъ возраженіями для полнѣйшаго развитія нашихъ мнѣній и вовсе не относились враждебно къ нашимъ противникамъ: За недостаткомъ доводовъ они осыпали насъ насмѣшками и сильно сердились, а мы смиренно имъ замѣчали: *Tu te fâches, Jupiter, donc tu as tort* (Ты сердиться, Юпитеръ, значитъ, ты не правъ). Это особенно ихъ бѣсило» («Записки», 75—76).

Надо ли говорить, что у Кошелева не хватило или данныхъ для доказательства наличности «клеветъ» и доброжелательнаго отношенія славянофиловъ къ западникамъ, или такта, чтобы отрѣшиться отъ позторенія этихъ не имъ сочиненныхъ обвиненій и

самовосхваленія. Об'єктивне изученіе литературныхъ документовъ не подтверждаетъ ни первыхъ, ни второго.

29. Очень интересно описаніе отношеній И. А. Яковлева къ своему уже вполнѣ взрослому сыну, оставленное Астраковой. «Я бывала у Наташи безпрестанно; мужъ мой приходилъ къ нимъ, какъ только имѣлъ свободное время. Такъ хорошо было у нихъ, что мало-по-малу весь товарищескій кругъ сталъ поздно вечеромъ собираться въ ихъ домѣ, такъ какъ до 9 часовъ Александръ долженъ былъ оставаться у отца. Онъ говаривалъ: «вотъ жизни и вечеръ придетъ, когда вечеръ пройдетъ!». Принимать друзей, безъ которыхъ онъ не могъ жить, чуть не украдкой, урывками было для него пыткой. Повидимому, старикъ не любилъ и ни во что не ставилъ товарищей сына. Александръ покорялся волѣ отца не изъ одного расчета; онъ цѣнилъ въ старикѣ умъ, любовь къ себѣ и къ своему маленькому сыну, несмотря на то, что все это у И. А. выражалось по-своему». У Герцена сидитъ компанія друзей. «Вдругъ вбѣжала Марія Каспаровна съ крикомъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Иванъ Алексѣевичъ!». Все встрепенулось и вдругъ смолкло. Александръ засуетился и пошелъ навстрѣчу отцу. Наташа сконфузилась, Катя (сестра Н. А.—ны.—*И. Л.*) бросилась прятаться на мезонинъ; туда же убѣжаль Кетчеръ. У стола, вокругъ котораго всѣ сидѣли въ диванной, осталась только Луиза Ивановна, Наташа, Марья Каспаровна и я. Мужчины скрылись въ кабинетѣ Александра. Когда вошелъ И. А., я увидала худого, средняго роста старика съ строгимъ, умнымъ лицомъ, съ гордо-самостоятельнымъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ. Никому не кланяясь, онъ осмотрѣлъ насъ всѣхъ съ головы до ногъ. Всѣ встали. Видя его невѣжливость, я осталась на мѣстѣ. Онъ началъ все оглядывать и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

«— А гдѣ же маленькій Шушка?

«— Онъ уже спитъ, — робко отвѣтила Наташа и покраснѣлась.

«— А кто же у него?

«— Няня-съ.

«Старикъ обошелъ всѣ окна, прикладывая руку, не дуетъ ли гдѣ, потомъ, обратясь къ Александру, указалъ на тѣ мѣста, гдѣ въ окнахъ вдвигались болты, которыми снаружи схватывались ставни, пропускались въ комнаты сквозь стѣны и тутъ припирались.

«— Это никуда не годится. Въ эти дыры можетъ дуть днемъ и ребенокъ простудится.

«— У насъ онѣ закладываются, — сказалъ Александръ и почтительно показалъ сдѣланныя для этого затычки.

«— Это все пустяки,—возразилъ старикъ;—ребенокъ, шая, можетъ ихъ вытащить.

«Мнѣ надоѣло все это слушать, я вышла въ гостиную, куда перешли Луиза Ивановна и Марія Каспаровна. Онѣ сидѣли тихо и робко; перекинувшись съ ними двумя-тремя словами шопотомъ, я пошла наверхъ, насилу взобравшись туда по темной лѣстницѣ. Наверху была та же темнота. Кетчеръ, съ трубкою въ зубахъ, на цыпочкахъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Катенька ахала и уговаривала Кетчера не ходить, что шаги его услышатъ. Я съѣла, и всѣ мы говорили шопотомъ.

«— Отчего вы сидите въ потемкахъ?—спросила я ихъ;—снизу огня не видать.

«— Когда И. А. пойдетъ по двору, то можетъ увидеть огонь, а онъ запретилъ жить наверху.

«— Ну, какъ старикъ вздумаетъ прійти сюда,—шутила я;—куда вы дѣнетесь?

«— Не пойдетъ—лѣстница безпокойна.

«— Вы-то, Кетчеръ, отчего спрятались? остальные внизу.

«— Оттого,—сказалъ Кетчеръ,—что, во-первыхъ, я его терпѣть не могу, и онъ меня терпѣть не можетъ. Это все съ тѣхъ поръ, какъ я уговаривалъ его согласиться на женитьбу Александра. Пожалуй, онъ скажетъ мнѣ дерзость, а я не смолчу,—Александру выйдетъ неприятность.

«— А васъ-то за что преслѣдуютъ?—спросила я Катеньку.

«— Кто его знаетъ. Узнавъ, что меня привезли сюда, сказалъ, что не потерпитъ у себя всей родни Наташиной. Я живу здѣсь у Луизы Ивановны и прячусь отъ него.

«Ну, старикъ!—подумала я. Ищетъ возбудить къ себѣ страхъ, а не любовь.

«Наконецъ, наверхъ вбѣжала Марія Каспаровна со свѣчей въ рукахъ и смѣясь говорила:

«— Ну, узники, васъ просятъ внизъ, бѣда миновала. И. А. благополучно достигъ своихъ апартаментовъ. А ужъ какъ онъ зорко оглядывалъ весь домъ, точно зналъ, что вы тутъ спрятались.

«По счастью, старикъ рѣдко дѣлалъ такія нашествія. Уходя, онъ увелъ Александра съ собою и продержалъ 40 минутъ, не обращая вниманія на то, что у него были гости. Когда Александръ возвратился, бесѣда оживилась, онъ острилъ надъ собой, надъ отцомъ, надъ Кетчеромъ; говорилъ, что отецъ наказуетъ его за прошлые грѣхи; что онъ учится у отца быть отцомъ своего сына; жалѣлъ, что Кетчеръ не состязался съ И. А., что это оживило бы всю публику и вызвало бы изъ той испуганной молчаливости, ко-

торая обуюла всѣхъ при появленіи владыки дома и сына» (Пассекъ, II, 94, 97—99).

Рейхель рассказываетъ, что когда любившій ее Ив. Ал. хотѣлъ уязвить ее, то говаривалъ: «ты очень умна стала, ты все съ профессорами знаешься». «Это уже было гораздо позже, когда Герцены жили въ Москвѣ, и я, въ самомъ дѣлѣ, имѣла счастье бывать въ обществѣ профессоровъ. Онъ же ихъ не любилъ и, вообще, никогда не желалъ видѣть людей, съ которыми былъ близокъ его сынъ, и даже съ намѣреніемъ перепутывалъ ихъ имена; такъ, Грановскаго онъ называлъ Гавардовскій» («Отрывки изъ воспоминаній», 18).

30. Наслѣдство, полученное Герценомъ, сдѣлало его обезпеченнымъ на всю остальную жизнь и во многомъ обусловило направление и содержаніе его жизни и дѣятельности. Поэтому для установленія, по возможности, точныхъ размѣровъ его состоянія необходимо познакомиться еще съ нѣкоторыми подробностями. И. А. Яковлевъ оставилъ послѣ себя родовыя населенныя имѣнія, дома и капиталы. Первые были завѣщаны Д. П. Голохвастову, какъ наиболѣе симпатичному для старика родственнику по цѣнной имъ *законности* крови и по родству. Онъ получилъ: село Покровское-Засѣкино и дер. Раево (Москов. губ. Звенигородскаго уѣзда), с. Чернопенье съ деревнями (Костромской губ. и у.), с. Клоково съ деревнями (Тверской губ. Корчевскаго у.), с. Глѣбовское съ деревнями (Ярославской губ. Романовскаго у.) и с. Кайсарово съ деревнями (Владимірской губ. и у.); с. Архангельское (Дубасово) въ Керенскомъ у. Пензенской губ. было завѣщано Голохвастову съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ его дочери «Сенатора» Софіи Львовнѣ Полѣновой. Дома въ Москвѣ достались Герцену, Луизѣ Ивановнѣ и Егору Ивановичу. Размѣръ капитала не установленъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ великъ; только за послѣднія десять лѣтъ своей жизни Яковлевъ получилъ двѣ большія суммы: за с. Васильевское въ Рузскомъ у. Московской губ., проданное Н. П. Голохвастову,—250,000 руб. асс. (нынѣ принадлежитъ кн. А. Г. Щербатову) и за с. Новосел.е и дер. Уходово въ Корчевскомъ у. Тверской губ., проданное купцу Гурьеву—около 200,000 руб. асс. Какъ были раздѣлены эти деньги, неизвѣстно, но можно думать, что Герценъ вмѣстѣ съ домами получилъ около 200,000 руб. асс., что вмѣстѣ съ 200,000 руб. асс., которые ему долженъ былъ выплатить Д. П. Голохвастовъ, согласно завѣщанію Яковлева, и составило тѣ 400,000 руб. асс., о которыхъ говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ женѣ отъ 12 іюня 1846 г., вскорѣ послѣ свиданія съ Герценомъ: «во время моего пребыванія въ Москвѣ у Герцена умеръ отецъ, послѣ котораго ему

должно достаться тысячь четыреста денегъ». Эта цифра могла быть сообщена только самимъ Герценомъ и, конечно, она не была уменьшена. Если къ ней прибавить стоимость костромского имѣнія, то получится около 500,000 р. асс.

Съ другой стороны, Н. А. Огарева категорически утверждаетъ, что Герценъ получилъ имѣніе и 700,000 руб. Она должна была знать это отъ Герцена и, если бы не постоянная сбивчивость во всѣхъ ея рассказахъ вообще, то это указаніе можно было бы принять, какъ самое вѣрное (письмо къ Е. С. Некрасовой, Румянц. музей).

Въ разныхъ мѣстахъ своихъ «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ даетъ очень много указаній на состояніе Яковлева и долю Герцена, но все это до такой степени перепутано и мѣстами сочинено, что я принужденъ совершенно игнорировать ея цифры, невѣрность которыхъ документально доказалъ Д. Д. Голохвостовъ («Рус. Архивъ» 1876, II).

Получивъ отъ И. А. Яковлева деньги за свою $\frac{1}{28}$ -ю, а не $\frac{1}{7}$ -ю часть въ с. Васильевскомъ, Пассекъ всю жизнь считала, что Герценъ былъ ей долженъ сначала 13000 рублей, а затѣмъ такъ и унесъ съ собой 700 р... (т. II, 231).

Въ «Дневникѣ» Герцена за 1844 годъ подъ 23 сентября и 21 октября записано о тѣхъ переговорахъ, которые велись имъ съ Голохвостовымъ и отцомъ относительно с. Покровскаго.

31. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что подобное описанному эпизоду, такъ хорошо запомнившемуся Герцену, было, но, по утверженію Д. Д. Голохвостова, всего этого не могло произойти съ фамильными брильянтами, такъ какъ они находились въ Опекунскомъ совѣтѣ («Рус. Архивъ» 1874, I, 1094).

32. О томъ, какую роль игралъ гр. С. Г. Строгановъ въ 1848 г. въ небываломъ дотолѣ стѣсненіи русской печати, рассказано на стр. 192—193 моей книги «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст.».

33. Д. Д. Голохвостовъ говоритъ, что у его отца былъ только портретъ «Бычка», писанный Раухомъ («Рус. Архивъ» 1874, I, 1092).

Чтобы дать общій абрисъ Голохвостова, набросанный человѣкомъ иного міра, приведу сказанное о немъ въ «Запискахъ» Сергѣя М. Соловьева.

«Человѣкъ, умѣвшій, въ противоположность попечителю, заслужить самое невыгодное о себѣ мнѣніе въ университетѣ и обществѣ московскомъ. Это былъ человѣкъ знающій, умный, честный и любившій честность въ другихъ, но умъ этого человѣка отличался особеннымъ складомъ, именно: удивительною форменностью,—мы, прочіе смертные, мыслимъ про себя и вслухъ, разговариваемъ

и пишемъ, не обращая вниманія на самый процессъ нашего мышленія, на его форму; тогда какъ у Голохвастова все вниманіе было обращено на формы мышленія; въ разговорѣ своемъ онъ хлопоталъ только объ одномъ, чтобъ мысли являлись въ знакомой формѣ, и чтобъ эта форменность какъ можно яснѣе обнаруживалась: отсюда разговоръ Голохвастова былъ крайне утомителенъ».

«При этомъ Голохвастовъ былъ страстный охотникъ говорить, т.-е. затыгивать мысли въ форменное платье, въ мундиръ и выводить ихъ напоказъ: вотъ какъ онъ правильно и стройно вытекають одна изъ другой, связываются и равняются, хотя эта правильность и стройность были часто видимыя только; но Голохвастову не было до этого дѣла».

«Въ Голохвастовѣ не было ничего аристократическаго; въ немъ была только русская барская спесь, что особенно и отталкивало отъ него университетскихъ подчиненныхъ, избалованныхъ Строгановымъ. Голохвастовъ платилъ университету тою же монетою. Будучи помощникомъ попечителя, а потомъ попечителемъ, онъ ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей и не скрывалъ этихъ мнѣній своихъ, не совѣтовалъ никому отдавать сыновей своихъ въ университетъ и говорилъ, что своихъ никогда не отдастъ туда; что всѣ дворяне должны служить въ военной службѣ, что предки ихъ служили за помѣстья, когда же помѣстья были превращены въ вотчины, то этимъ самымъ обязанность служить въ военной службѣ не снялась, а, напротивъ, удвоилась. Своими понятіями и обращеніемъ Голохвастовъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, напоминалъ русскаго барина XVII или начала XVIII вѣка, надѣвшаго европейское платье, усвоившаго себѣ даже европейскую науку, европейскіе языки, но, въ сущности, оставшагося вѣрнымъ старинѣ. Неуваженіе его къ подчиненнымъ или, по крайней мѣрѣ, къ большинству ихъ было возмутительно. Особенно дурную славу приобрѣлъ онъ при управленіи округомъ между попечительствомъ Голицына и Строганова, когда онъ, сообразно характеру своему, строгостями, отдачею студентовъ въ солдаты хотѣлъ сдѣлать то, что при Строгановѣ сдѣлалось само собою, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, черезъ одно вліяніе благородной личности начальника, — именно: исправленіе студенческихъ нравовъ. При Строгановѣ Голохвастовъ былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета и здѣсь явился притѣснителемъ; особенно его строгость возбуждала негодованіе въ сравненіи съ петербургскою цензурой, отличавшеюся тогда свободой. Наконецъ, въ наружности Голохвастова было много отталкивающаго: его фигура выражала спесь, натянутость, форменность, — это была фигура кра-

сиваго рисующагося квартальнаго, который понимаетъ свое высокое значеніе въ публичномъ гуляньи предъ толпою черни.

«Голохвастовъ былъ извѣстенъ своимъ конскимъ заводомъ; на скачкахъ славилась его великолѣпная лошадь «Бычокъ», и вотъ изъ университетскихъ стѣнъ явилась эпиграмма:

Вмѣсто Шеллинговъ и Астовъ
И Пегаса старичка,
Дмитрій Павлычъ Голохвастовъ
Объѣзжаетъ намъ «Бычка».

(«Воспоминанія о студенч. жизни», сборн., М., 1899).

34. Справка о заграничныхъ поѣздкахъ друзей. 8 августа 1843 г. «московскій временный 1 гильдіи купеческій сынъ» Василій Боткинъ получилъ паспортъ на выѣздъ за границу въ Германію, Бельгію и Францію «по торговымъ дѣламъ» срокомъ на годъ; 17 января 1845 г. московскій ген.-губернаторъ получилъ его просьбу, черезъ нашего довѣреннаго въ Парижѣ, о дозволеніи остаться тамъ еще годъ для «окончанія торговыхъ дѣлъ и для изученія въ Ліонѣ шелковыхъ мануфактуръ», на что послѣдовало разрѣшеніе (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи 1845 г. № 920). Разумѣется, торговыя дѣла были только предлогомъ.

10 мая 1845 г. министръ вн. дѣлъ препроводилъ Спб. ген.-губернатору заграничный паспортъ для отст. кол. секретаря Ивана Тургенева, отправляющагося въ Германію и Голландію для излѣченія болѣзни. 26 декабря 1846 г. для него же былъ посланъ паспортъ на Германію и Италію, тоже для лѣченія (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣла деп. полиціи исполн. 1845 г. № 1078 и 1846 г. № 682).

Отставной кол. секретарь Павелъ В. Анненковъ получилъ загран. паспортъ въ декабрѣ 1845 г. на отъѣздъ въ Германію и Италію для излѣченія болѣзни (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. пол. исполн. 1845 г. № 1261).

35. Время перваго пребыванія въ Соколовѣ, лѣтомъ 1845 г., прошло въ описаніи и письмахъ Герцена какъ-то очень мало отбѣненными, между тѣмъ, уже тогда намѣтилась трещина, на которой долженъ былъ произойти идейный расколъ друзей. Подробности о внѣшней жизни сообщилъ Панаевъ, о внутренней—Анненковъ.

«Герценъ занялъ домъ, стоящій въ паркѣ на горѣ, надъ небольшою извиною рѣчкою,—разсказываетъ Панаевъ. Влѣво, въ полуверстѣ отъ дома, гдѣ кончался паркъ, стояла бесѣдка въ густой зелени, носившая названіе Belle-vue, изъ которой открывался отличный видъ вдаль; вправо разстились дуга и хлѣбная

степь. Грановскій, Коршъ, Боткинъ, Кетчеръ и другіе ѣздили туда почти каждую субботу и оставались тамъ до понедѣльника. Въ одну изъ субботъ я присоединился къ нимъ.

«— Насчетъ питій, — кричалъ Кетчеръ, — не безпокойтесь, я ужъ распоряджусь; надо взять съ собой, по крайней мѣрѣ, дюжину шампанскаго да и другихъ винъ. У нихъ тамъ, по моему разсчету, должно быть вино на исходѣ. Надо, впрочемъ, справиться у Депре (при этомъ какъ-то строго вздернулъ брови), когда въ послѣдній разъ брали у него; но, во всякомъ случаѣ, ящикъ шампанскаго взять необходимо...

«Жена Грановскаго уже нѣсколько дней передъ этимъ гостила въ Соколовѣ вмѣстѣ съ М. Ѳ. Коршъ (сестрой Корша).

«Часовъ въ 8 вечера мы выѣхали изъ Москвы. Кетчеръ уложилъ огромный запасъ вина подъ ноги, такъ что мы не знали, куда дѣвать наши ноги; самъ онъ усѣлся на козлы съ ямщикомъ, въ своемъ мефистофелевскомъ плащѣ на красной подкладкѣ, и хоталъ надъ нами всю дорогу, забавляясь тѣмъ, какъ мы корчили ноги.

«Когда мы пріѣхали въ Соколово и вышли, чтобы подняться пѣшкомъ въ гору, уже начинало темнѣть.. Кетчеръ шель впереди, указывая намъ дорогу, размахивая палкой и оглашая дубраву своимъ зычнымъ голосомъ и гомерическимъ смѣхомъ.

«Герценъ выбѣжалъ на этотъ голосъ и смѣхъ намъ навстрѣчу. Вслѣдъ за нимъ появились дамы—жена Герцена и жена Грановскаго.

...«Время, проведенное мною въ Соколовѣ, я никогда не забуду. Оно принадлежитъ къ самымъ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Чудные дни, великолѣпные теплые вечера, этотъ паркъ при закатѣ солнца и въ лунныя ночи, наши прогулки, наши обѣды на широкой лужайкѣ передъ домою, послѣобѣденное *tag-niente* на верхнемъ балконѣ, встрѣча утреннихъ зорь, всегда оживленная бесѣда, иногда горячіе споры, никогда не доходившіе до неприятнаго раздраженія, увлекательная рѣчь Грановскаго, блестящее остроуміе Герцена, колкія замѣтки Корша,—все это вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ полно жизни и поэзіи! Въ этомъ поэтическомъ чаду, вѣроятно, никому не приходило въ голову, что это послѣдніе пиры молодости, проводы лучшей половины жизни, что каждый изъ насъ стоитъ уже на той чертѣ, за которой ожидаютъ его разочарованія, разнегласія съ друзьями, неизбѣжная охлажденія, слѣдующія за этимъ разьединенія, долгія непредвидѣнныя разлуки и близкія преждевременныя могилы...

«А лѣто 1845 г. въ Соколовѣ, дѣйствительно, было закатомъ молодости этого кружка, лучшими представителями котораго были

Бѣлинскій, Герценъ и Грановскій, но закатомъ великолѣпнымъ, блестящимъ, ярко и картинно озарившимъ всѣхъ друзей своими послѣдними лучами...

«Утромъ, послѣ чая, Герценъ шелъ, обыкновенно, въ свой кабинетъ работать, и всѣ разсыпались въ паркѣ... Кто лежалъ съ книгой подъ деревомъ, кто гулялъ, кто велъ тихую бесѣду съ пріятелемъ на берегу рѣки, кто отправился купаться. Кетчеръ, обыкновенно, съ огромной палкой и съ котомкой уходилъ въ лѣсъ за грибами. Передъ обѣдомъ всѣ сходились. Герценъ являлся послѣ своихъ занятій еще живѣе и веселѣе обыкновеннаго; обѣдъ былъ шумный, вино не сходило со стола до ночи. Кетчеръ ликовалъ, — онъ былъ въ своей сферѣ, откупоривая съ шумомъ бутылку за бутылкой. Эти хлопанья среди самыхъ непрерывныхъ, одушевленныхъ и пылкихъ рѣчей нерѣдко продолжались до самаго разсвѣта. Всѣ кипѣли молодою жизнью. Никто не думалъ о снѣ, никому не хотѣлось разстаться другъ съ другомъ, даже дамы не спали...

«Послѣ одной изъ такихъ ночей, незадолго до разсвѣта, я, нѣсколько утомленный; отправился спать. Я спалъ вмѣстѣ съ Кетчеромъ въ отдѣльномъ небольшомъ домикѣ... Хочу отворить дверь, — дверь заперта. Я стучусь... нѣтъ отвѣта, только внутри дома раздается хохотъ Кетчера и женскіе голоса... Я подхожу къ окну и вижу Елизавету Богдановну (жену Грановскаго) и Марью Каспаровну. Онѣ сговорились съ Кетчеромъ подшутить надо мной и не пускать меня до разсвѣта. Дѣлать нечего. Я воротился въ Belle-vue, гдѣ еще продолжался шумный, веселый разговоръ до солнечнаго восхода... Вина было выпито страшное количество, но оно, какъ будто, не дѣйствовало на насъ; только солнце уличило насъ въ немѣренную попойкѣ, освѣтивъ наши блѣдныя и зеленоватыя лица...

«Часовъ около десяти на другой день Герценъ пришелъ будить насъ...

«— Ну, Панаевъ,—сказалъ онъ: бѣда! Намъ сегодня, кажется, вовсе придется не обѣдать.

«— Отчего?—спросилъ я.

«— Весь запасъ истощился, и даже капли водки не осталось.

«Рюмка водки передъ обѣдомъ была для меня и для него необходимою.

«— Что же дѣлать? объ этомъ надо серьезно подумать, — продолжалъ Герценъ. Я послалъ въ Москву челоуѣка, да не знаю, успѣетъ ли онъ вернуться къ обѣду... Ахъ, вотъ блестящая мысль!.. Я возьму у Наташи спирту, на которомъ приготавливаютъ кофе, и мы впустимъ туда нѣсколько воды. Это можетъ съ успѣхомъ замѣнить водку.

«Дѣйствительно, такъ было сдѣлано. Эта импровизированная водка до того понравилась мнѣ и Герцену, что мы долго потомъ употребляли, вмѣсто водки, спиртъ, подвергаясь остроумнымъ замѣчаніямъ Корша и другихъ пріятелей» («Литературныя воспоминанія», 221—224).

«Лѣто 1845 г. оставило во мнѣ,—говоритъ Анненковъ—такія живыя воспоминанія, что я и теперь (1870 г.), по прошествіи слишкомъ 25-ти лѣтъ, какъ будто вижу передъ собой cadaго изъ тогдашнихъ лицъ московскаго кружка и какъ будто слышу каждое ихъ слово. Для меня это не дальнее, наполовину позабытое прошлое, а какъ будто событіе вчерашняго дня. Голоса, выраженіе физиономій и поза людей стоятъ въ памяти такъ живо, точно мы недавно разошлись по домамъ». Точности разсказа Анненкова много помогли записи, которыя онъ дѣлалъ тогда же, предугадывая ихъ серьезное историко-литературное значеніе.

«Пріѣздъ гостей къ дачникамъ былъ невѣроятный, громаднѣйшій... Обѣ хозяйки, Н. А.—на, жена Герцена, и Е. Б. Грановская, уже привыкшія къ наплыву посѣтителей, справлялись съ этой толпой неимовѣрно ловко. Сами онѣ представляли изъ себя очень различные типы, хотя и связаны были тѣсной дружбой. Жена Герцена со своимъ мягкимъ, едва слышнымъ голоскомъ, со своей ласковой и болѣзненной улыбкой, со всѣмъ своимъ дѣтски-нѣжнымъ, хрупкимъ и страдающимъ видомъ, обладала еще страстностью характера, пламеннымъ воображеніемъ и очень сильной волей, что и доказала на дѣлѣ при началѣ своей жизни и при концѣ ея. Елизавета Богдановна Грановская была олицетвореніемъ спокойной, молчаливо-благодарной и втайнѣ радостной покорности своей судьбѣ, устроившей ея положеніе, какъ жены и какъ женщины. Обѣ онѣ способны были, каждая по-своему и съ различными побужденіями, на очень значительныя жертвы и подвиги, если бы то потребовалось. Всегда окруженная своими московскими пріятельницами, онѣ покамѣстъ служили въ Соколовѣ тѣмъ умѣряющимъ, эстетическимъ началомъ, которое сдерживало пиры друзей, гдѣ на шампанское не скупились, въ тонѣ веселой, но далеко не распущенной бесѣды».

Анненковъ пріѣхалъ въ Соколово въ концѣ іюня.

«Подмосковное село это — разсказываетъ онъ, — образовало нѣчто въ родѣ подвижнаго конгресса изъ безпрестанно наѣзжавшихъ и пропадавшихъ литераторовъ, профессоровъ, артистовъ, знакомыхъ, которые, видимо, всѣ имѣли цѣлью перекинуться идеями и извѣстіями другъ съ другомъ. Хозяева жили въ страшномъ многочисленствѣ и, повидимому, не имѣли времени сосредоточиться на ка-

комъ-либо своемъ собственномъ, специальномъ занятіи. Гости калейдоскопически смѣнялись гостями: тутъ, кромѣ Панаева, оставившаго и описаніе соколовской жизни, промелькнули въ моихъ глазахъ Н. А. Некрасовъ, давно уже мнѣ знакомый и возбуждавшій тогда общій симпатическій интересъ своею судьбою и своею поэзіей, затѣмъ Ив. Вас. Павловъ, здѣсь впервые мною и встрѣченный и поражавшій оригинальной грубостью своихъ пріемовъ, подъ которыми таилось у него много мысли, наблюденія, юмора и т. п.; Евг. Фед. Коршъ, старый Щепкинъ, молодой, рано умершій Засядко, начинающій живописецъ Горбуновъ, сдѣлавшій литографированную коллекцію портретовъ со всего кружка, были постоянными посѣтителями Соколова»...

«Разговоры, пренія, рассказы, отражая все многообразіе характеровъ, умовъ и настроеній, носили еще одинъ общій тонъ, который и былъ господствующимъ тономъ всѣхъ бесѣдъ этой эпохи.

«Политическихъ разговоровъ въ прямомъ смыслѣ слова, на этихъ импровизированныхъ академіяхъ почти никогда не происходило. Тогдашняя публичная жизнь снабжала только людей юмористическими анекдотами и покажѣсть ничего болѣе не давала. Собственно же основные принципы, управляющіе обществомъ, вовсе не затрагивались. Разсуждать о нихъ считалось дѣломъ празднымъ и говорить о нихъ начинали тогда, когда въ примѣненіи своемъ они достигали или комическаго, или трагическаго абсурда. До тѣхъ поръ это были явленія, для всѣхъ давно отпѣтыя и похороненныя. Вспоминали о нихъ особенно, когда настояла надобность ускользнуть изъ когтей того или другого изъ мертвецовъ, ходившихъ по землѣ и пускавшихъ неожиданно преслѣдовать живыхъ людей. Взаимъ на первомъ планѣ стояли европейскія дѣла, ученія, открытія: они и составляли господствующую ноту въ разговорахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проходила еще другая красная нитка черезъ всю многообразную сѣть узоровъ свободной бесѣды въ Соколовѣ. Она то и давала предчувствіе объ общемъ происхожденіи и родствѣ всѣхъ мнѣній и мыслей, тамъ высказывавшихся, несмотря на частую ихъ противоположность. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Соколовѣ не позволялось только одного—быть ограниченнымъ человекомъ. Не то, чтобъ тамъ требовались непременно эффектныя рѣчи и проблески блестящихъ способностей вообще—наоборотъ, труженики, поглощенные исключительно своими специальными занятіями, чествовались тамъ очень высоко, но необходимъ былъ извѣстный уровень мысли и нѣкоторое достоинство характера. Воспитанію мысли и характера въ людяхъ и посвящены были всѣ бесѣды круга, о чемъ бы онѣ въ сущности ни шли, что и давало

имъ ту однообразную окраску, о которой говорено. Еще одна особенность: кругъ берегъ себя отъ соприкосновенія съ нечистыми элементами, лежавшими въ сторонѣ отъ него, и приходилъ въ безпокойство при всякомъ даже случайномъ и отдаленномъ напоминеніи о нихъ.—Онъ не удалялся отъ свѣта, но стоялъ особнякомъ отъ него — потому и обращалъ на себя вниманіе, но вслѣдствіе именно этого положенія, въ средѣ его развилась особенная чуткость ко всему искусственному, фальшивому. Всякое проявленіе сомнительнаго чувства, лукаваго слова, пустой фразы, лживаго заврѣнія угадывалось имъ тотчасъ и вездѣ, гдѣ появлялось, вызывало бурю насмѣшекъ, ироніи, беспощадныхъ обличеній. Соколово не отставало въ этомъ отношеніи отъ общаго правила. Вообще говоря, кругъ этотъ, важнѣйшіе представители котораго на время собрались теперь въ Соколовѣ, походилъ на рыцарское братство, на воюющій орденъ, который не имѣлъ никакого письменнаго устава, но зналъ всѣхъ своихъ членовъ, разсѣянныхъ по лицу пространной земли нашей, и который, все-таки, стоялъ, по какому-то соглашенію, никѣмъ въ сущности не возбужденному — поперекъ всего теченія современной ему жизни, мѣшая ей вполнѣ разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими».

...«Грановскій начиналъ расходиться съ собственнымъ кругомъ, съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ, по собственнымъ словамъ его, заложены были цѣликомъ его сердце и вся нравственная часть его существованія. Охлажденіе и разногласіе между друзьями уже существовало втайнѣ прежде, чѣмъ вышло наружу. Уже въ Соколовѣ Грановскій сказалъ разъ при мнѣ, шутя отпрашиваясь у общества въ Москву для свиданія съ другими пріятелями, тамъ оставшимися и преимущественно съ домомъ Елагиныхъ: «Мнѣ это нужно, чтобы не совсѣмъ загрубѣть между вами — вотъ вы, вѣдь, успѣли уже лишить меня безсмертія души». Слова эти, несмотря на шуточный ихъ характеръ, поразили меня тогда же, какъ разоблаченіе».

...«Какъ гость изъ Петербурга и изъ ближайшаго кружка Бѣлинскаго, я долженъ былъ почувствовать, въ средѣ самыхъ дружескихъ изліяній, ту ноту разногласія, диссонанса, какая уже существовала между двумя отдѣлами западной партіи. Нота эта звучала и въ ироническихъ шуткахъ Герцена, и въ нервномъ хохотѣ Кетчера, и въ полусерьезной фізіономіи Грановскаго, которая попеременно разглаживалась и темнѣла. Всѣмъ необходимо было пропѣть противную эту ноту поскорѣе вслухъ, чтобы войти опять въ простыя, откровенныя отношенія другъ къ другу. Это и не замедлило случиться».

«Въ тотъ же самый день все общество собралось на прогулку въ поля, окружавшія Соколово, на которыхъ, по случаю ранняго жнитва, царствовала теперь муравьиная дѣятельность. Крестьяне и крестьянки убирали поля въ костюмахъ, почти примитивныхъ, что и дало поводъ кому-то сдѣлать замѣчаніе, что изо всѣхъ женщинъ одна русская ни передъ кѣмъ не стыдится. и одна, передъ которой также никто и ни за что не стыдится. Этого замѣчанія достаточно было для того, чтобы вызвать ту освѣжающую бурю, которой всѣ ожидали. Грановскій остановился и необычайно серьезно возразилъ на шутку: «Надо прибавить, сказалъ онъ, — что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность». Съ этого и начался споръ».

«Коршъ тотчасъ понялъ, что завязавшійся споръ не есть какая-либо рѣшительная битва, измѣняющая въ конецъ положеніе сторонъ, а только простое объясненіе между ними; поэтому онъ и ходилъ свободно между сторонами, не приставаая ни къ одной. Иначе принялъ дѣло Кетчеръ, которому казалось уже необходимо произвестъ себя въ адвокаты отсутствующей петербургской стороны, какъ еще мало онъ самъ ни раздѣлялъ всѣхъ ея воззрѣній. Онъ поднималъ перчатку Грановскаго и повелъ съ нимъ споръ о принципахъ чрезвычайно горячо».

«— Да помилуйте, какъ же можно, — восклицалъ Кетчеръ, — обобщать на этотъ манеръ каждое пустое замѣчаніе! Какой же человекъ удержитъ голову на своихъ плечахъ, если изъ каждаго его слова, пущеннаго на вѣтеръ, стануть вытягивать разные смыслы. Вѣдь, это — Преображенскій приказъ. А если ужъ обобщать, Грановскій, такъ ты бы лучше поставилъ себѣ вопросъ: не участвовалъ ли самъ народъ въ составленіи нашихъ дурныхъ привычекъ, и не есть ли наши дурныя привычки именно народныя привычки?»

«— Постой, братъ Кетчеръ, — возразилъ Грановскій, — ты говоришь: не слѣдуетъ обобщать всякую случайную замѣтку; во-первыхъ, любезный другъ, случайныя замѣтки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ тайной нашей мыслью, а во-вторыхъ, собраніе такихъ замѣтокъ составляетъ иногда цѣлое ученіе, какъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго. А я тебѣ долженъ сказать здѣсь прямо — добавилъ Грановскій съ особеннымъ удареніемъ на словахъ, — что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ

и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славяно-филамъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Запискамъ» и западникамъ.

«За этимъ категорическимъ объявленіемъ послѣдовала минута молчанія... Герценъ, конечно, принялъ участіе въ завязавшемся спорѣ, нисколько не предчувствуя, разумѣется, что не далѣе, какъ черезъ годъ, онъ придетъ самъ въ столкновение съ Грановскимъ по вопросу, совершенно схожему съ тѣмъ, который теперь разбирался. Теперь онъ держалъ сторону Грановскаго, хотя не такъ рѣшительно, какъ можно было думать, судя по внѣшнимъ признакамъ сходства въ ихъ настроеніяхъ. Прямая, неуклонная, откровенная дѣятельность Бѣлинскаго приходилась ему всегда по душѣ, несмотря на множество оговорокъ, какія онъ противопоставлялъ ей, да и предчувствіе близости горькихъ расчетовъ съ самимъ Грановскимъ, вѣроятно, уже возникло въ его умѣ и сдерживало его слово. Вмѣшательство его въ разговоръ носило дружелюбный характеръ.

«—Пойми же ты, братецъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Кетчеру,—что, кромѣ общаго народнаго вопроса, о которомъ можно судить и такъ, и иначе, между нами идетъ дѣло о нравственномъ вопросѣ. Мы должны вести себя прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная и невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Официальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ, — понимаешь, что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами. Это особенно не мѣшаетъ понять теперь, когда мы хлопочемъ объ упраздненіи всякихъ управъ благочинія. Не для того же нужно намъ увольненіе въ отставку видимыхъ и невидимыхъ исправниковъ, чтобы развязать себѣ руки на всякую потѣху.

«Кетчеръ не любилъ оставлять послѣдняго слова за противникомъ. Онъ возопилъ противъ попытки примѣшать еще и нравственность, послѣ національности, къ пустому случаю, разросшемуся въ такой диспутъ, утверждалъ, что обличеніе какого-либо несомнѣннаго факта, хотя бы и самаго прискорбнаго характера, никогда не можетъ быть безнравственно, а, наконецъ, послѣ насмѣшливыхъ отзывовъ о новыхъ народившихся руссофилахъ (на этого рода цикантныя приправы къ спорамъ никто тогда не скупился, перешелъ къ Бѣлинскому, который, собственно, и составлялъ настоящій предметъ всего разговора. Кетчеръ замѣтилъ, что врядъ ли мы и имѣемъ право судить о настоящихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на русскую народность, такъ какъ онъ ихъ никогда не высказывалъ вполнѣ, да и въ виду цензуры и не могъ передать всей своей мысли какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ. Здѣсь Гра-

новскій опять остановилъ Кетчера и покончилъ споръ замѣчаніемъ, которое поразило всѣхъ своей неожиданностью; привожу его буквально:

«—Знаешь ли, братъ Кетчеръ, что я имѣю тебѣ сказать по поводу твоего замѣчанія о цензурѣ. Объ умѣ, талантѣ и честности Бѣлинскаго не можетъ быть между нами никакого спора, но вотъ что я скажу о цензурѣ. Если Бѣлинскій сдѣлался силой у насъ, то этимъ онъ обязанъ, конечно, во-первыхъ, самому себѣ, а во-вторыхъ, и нашей цензурѣ. Она ему не только не повредила, но оказала большую услугу. Съ его нервнымъ, раздражительнымъ характеромъ, рѣзкимъ словомъ и увлечениями онъ никогда бы не справился безъ цензуры со своимъ собственнымъ матеріаломъ. Она, цензура, заставила его обдумывать планы своихъ критикъ и способы выраженія и сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. По моему глубокому убѣжденію, Бѣлинскій не имѣетъ права жаловаться на цензуру, хотя и ее благодарить тутъ не за что: она, конечно, также не знала, что дѣлаетъ.

«Споръ былъ вполнѣ истощенъ именно этимъ заявленіемъ Грановскаго. Все было сказано, что Грановскому хотѣлось сказать. Когда затѣмъ кто-то замѣтилъ, что всѣ рѣзкія, анти-національныя выходки Бѣлинскаго происходятъ еще изъ горячаго демократическаго чувства, возмущеннаго тѣмъ состояніемъ, до котораго доведены народныя массы, Грановскій горячо присталъ къ этому мнѣнію, находя въ немъ разгадку многихъ излишествъ критика, которыя, все-таки, считалъ явленіемъ ненормальнымъ и печальнымъ. Споръ прекратился. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, очистивъ совѣсть и позволивъ всѣмъ возвратиться уже безъ всякихъ помѣхъ къ простымъ, дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ.

«Въ моемъ пониманіи этотъ споръ еще имѣлъ и другое значеніе. Это было первое крупное проявленіе мысли, давно уже таившейся въ умахъ, о необходимости болѣе разумныхъ отношеній къ простому народу, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ литературѣ и въ нѣкоторыхъ слояхъ мыслящаго класса людей. Литература и образованные умы наши давно ужъ разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, определенной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя. Споръ выразилъ собою переворотъ, совершившійся въ понятіяхъ одного отдѣла западниковъ относительно способовъ судить и оцѣннать домашнюю культуру и нравственную физиономію толпы» («Литератур. воспоминанія», 278—280, 284, 274—277).

На стр. 225 — 226 «Литературныхъ воспоминаній» Панаева разсказано не только то же самое, что у Герцена, но мѣстами даже тѣми же самыми словами. Ясно, что Панаевъ заимствовалъ весь эпизодъ изъ «Полярной Звѣзды» 1858 г.

Кстати о малоизвѣстной страничкѣ жизни Е. Ѳ. Корша. Въ концѣ 1849 г. онъ просилъ объ опредѣленіи его редакторомъ «Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи» вмѣсто умершаго Межевича; министръ вн. дѣлъ рекомендовалъ его Спб. генераль-губернатору, указавъ, что онъ «соединяетъ въ себѣ» всѣ необходимыя для этого качества и имѣетъ достаточный опытъ по управленію нѣсколько лѣтъ редакціею «Москов. Вѣдомостей». 29 ноября 1849 г. ген.-губ. предложилъ оберъ-полицмейстеру опредѣлить Корша на освободившуюся должность (архивъ мин. вн. д., дѣло деп. полиціи исполн. 1849 г. № 2254).

36. Расколъ среди друзей, конечно, не могъ не отразиться и на отношеніяхъ ихъ женъ: онѣ также имѣли поводы высказаться болѣе полно и ясно по всему, что дѣлило ихъ мужей, но я не буду останавливаться на этой сторонѣ, до сихъ поръ очень слабо представленной въ литературѣ и матеріалахъ.

О состояніи духа и, вообще, о психологіи Н. А.—ны въ это время мы имѣемъ свидѣтельства Т. А. Астраковой, приведенныя въ «Воспоминаніяхъ» Пассекъ.

«Послѣ жизни въ Петербургѣ и Новгородѣ, Наташа не воскресала болѣе. Утрата троихъ дѣтей, глухота и нѣмота сына, открывшаяся ей невѣрность мужа и, наконецъ, смерть дочери изнурили ея силы. Въ дополненіе она увидала, что многіе изъ дорогихъ ей людей—не то, чѣмъ она воображала ихъ, и что тѣ, которыхъ она болѣе любила, первые отклонились отъ нея.

«Послѣднее лѣто, проведенное Наташей въ Соколовѣ, было для нея пыткой. Я часто бывала у нея и всегда заставала больной, измученной, въ слезахъ. На мои вопросы, что съ нею, она отвѣчала: «Пора намъ, другъ мой, уѣхать! все распалось, все рухнуло, отдохнуть надобно. Видишь ли, всѣ какъ-то не влюбились насъ, за что? не знаю. Можетъ, и за дѣло, но никто не высказывается искренно. Одинъ честный, благородный Грановскій сказалъ, что его возмущаетъ себялюбіе Александра. Можетъ, онъ и правъ, но, несмотря на это, тяжело хоронить свои привязанности»—и зарыдала. «На-дняхъ, — говорила Наташа, — собрались всѣ у насъ; какъ и всегда, разсуждали и пили; къ чему-то Александръ сказалъ: «теперь я имѣю безбѣдное состояніе и прошу васъ всѣхъ, друзей моихъ, твердо разсчитывать на мою помощь. Каждый изъ васъ найдеть у меня для себя 500 рублей, но не больше». Грановскій вспыхнулъ и выразился оскорбительно. Всѣ были поражены. Общими си-

лами успѣли перевести разговоръ на другой предметъ, даже шутили, смѣялись, но были не въ своей тарелкѣ. Разказавши это, Наташа добавила печально: «Такого горькаго, тяжелаго дня мы, кажется, не переживали никогда. Александръ сказалъ необдуманно, я признаю это, но и только».

«Въ продолженіе того времени, что я (Астракова — *М. Л.*) прожила у Наташи, я убѣдилась, что Александру надобна была жена не такая, какъ она. Ему надобна была женщина, которая блестяла бы въ обществѣ и умомъ, и тѣмъ, что она—жена Герцена. А Наташа и съ переменною ихъ состоянія осталась при своемъ скромномъ образѣ жизни, что нерѣдко служило поводомъ къ размовамъ. Живши у нихъ, я видѣла, что жизнь Наташи не красива. Кромѣ здоровья, разстроеннаго петербургскими событіями, она страдала столько же и нравственно. Ее утѣшало и примиряло съ мужемъ только роскошное проявленіе его умственныхъ и общественныхъ достоинствъ» (т. II, 330—332).

Вѣроятно, къ этому же времени относится и другой разказъ Астраковой.

«Однажды Александръ пригласилъ къ себѣ обѣдать Чаадаева и Боборыкина (Николай Николаевичъ, поэтъ, впослѣдствіи цензоръ—*М. Л.*); для этого обѣда онъ купилъ два серебряные кандебра, каждый съ четырьмя или пятью подсвѣчниками. Мы посмѣялись такому пышному приготовленію къ ихъ приему; несмотря на это, Александръ простеръ измѣненія въ ихъ обычномъ образѣ жизни еще далѣе. Столъ къ обѣду былъ накрытъ посреди залы, на 8 человекъ, а въ простѣнкѣ между двухъ оконъ накрыли на четыре прибора столъ ломберный. За большимъ столомъ обѣдали, кромѣ Александра, Чаадаева и Боборыкина, Коршъ, Грановскій, Кетчеръ, Сатинъ, Астраковъ (Сергѣй Ивановичъ, братъ умершаго Николая Ив.—*М. Л.*). За ломбернымъ—мать Александра, жена его, я и Марія Каспаровна Эрнъ. Отдѣленные, мы не могли участвовать и не участвовали въ разговорахъ, происходившихъ за большимъ столомъ. Когда обѣдъ кончился, всѣ разошлись по разнымъ комнатамъ... Наташа очень была недовольна измѣненіями въ порядкѣ ихъ жизни ради Чаадаева и Боборыкина. Она при мнѣ говорила ему: «я не понимаю твоихъ поступковъ, Александръ; къ чему эти исключенія и перемѣны? развѣ до сихъ поръ у насъ было не такъ, какъ надобно, не хорошо? Я бы такъ не сдѣлала; впрочемъ, если тебѣ это нравится, какъ знаешь»... (Пассекъ, II, 327—328). Надо помнить, что Пассекъ пользовалась матеріалами Астраковой и Огаревой, беззастѣнчиво дѣлая въ нихъ свои «редакторскія» исключенія, поправки, вставки и пр., особенно у первой...

37. Въ своихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненковъ указываетъ на В. А. Жуковскаго какъ главнаго виновника удачи Герцена съ полученіемъ заграничнаго паспорта (стр. 324), что совершенно невѣрно. Жуковскій не касался этого дѣла.

26 октября 1846 г. московскій оберъ-полицмейстеръ удосто-вѣрилъ кн. Щербатову «весьма хорошее» поведеніе Герцена съ ука-заніемъ что «въ предосудительныхъ поступкахъ полиціею не за-мѣченъ и образа жизни неукоризненнаго» (дѣло № 14 канц. моск. воен. ген.-губ. 1845 г.).

38. Письмо В. П. Боткина къ Н. А.—нѣ Герценъ отъ 6 августа 1844 года:

«Я знаю, мой пріѣздъ къ вамъ произвелъ на васъ тяжкое, печальное впечатлѣніе. Что-жъ дѣлать? Примите меня такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, и скрывать что-либо передъ вами, играть какую-либо роль, будь она хоть самая благородная, я счелъ бы поступкомъ неблагороднымъ. Вы приписали все это слабости моего характера. Въ то время, когда я былъ у васъ, мой внутренній хаосъ, мое душевное страданіе дошли до того, что убили во мнѣ всяческое сознаніе. Однакожъ, я ясно чувствовалъ, что не слабость характера была причиной моего мучительнаго состоянія. Но я съ трудомъ могъ говорить, объяснять мое состояніе я и не могъ, и не хотѣлъ,—не хотѣлъ, если бы даже я услышалъ обвиненіе въ подлости, въ грязномъ эгоизмѣ и еще Богъ знаетъ въ чемъ, не хотѣлъ потому, что я не столько дорожу мнѣніемъ обо мнѣ людей, сколько внутреннимъ судомъ своимъ. Теперь, когда я вышелъ изъ душнаго внутренняго процесса, теперь мнѣ легче говорить съ вами о немъ. Тѣ двѣ недѣли были великою школой для меня, и я въ продолженіе ихъ уразумѣлъ много такого, о чемъ прежде не имѣлъ и понятія,—я уразумѣлъ, что сердце живетъ само по себѣ, неза-висимо отъ нашего ума и размышленія, что у него есть свои за-коны, которые оно налагаетъ на него деспотически, — страшный подземный міръ, мистическая ночь, которая рождаетъ и судьбу, и любовь, и ненависть. Я помню, ужасъ охватилъ меня, когда я почувствовалъ въ сердцѣ пустоту и ледяную, непріязненную холод-ность. Вы помните, можете быть, Наталья Александровна, съ ка-кимъ горькимъ презрѣніемъ говорилъ я вамъ о своемъ сердцѣ; я никакъ не могъ найти словъ для выраженія всей ничтожности его. Откуда въ немъ такое ледяное, непріязненное равнодушіе? Нѣтъ никакого слѣда не только любви, даже пріязни, равнодушіе, одно непріязненное равнодушіе. Знаете ли, что привело меня въ это ужасное состояніе? Мысль и рефлексія о *женитьбѣ*.

«Вы меня мало знаете, а еще меньше знаете мой характеръ

или, можетъ быть, видите его съ одной внѣшней стороны. Привыкнувъ, не знаю почему, называть его слабымъ, вы большую часть явленій его относите къ слабости, тѣмъ обыкновенно и заключаете. Я, вообще, о себѣ говорить не люблю, а если и могу говорить, то съ людьми особенно ко мнѣ близкими, да и то съ однимъ только человѣкомъ — Бѣлинскимъ. Сжились мы съ нимъ или что другое, но только онъ меня хорошо знаетъ. Не подумайте, что эпитетъ слабохарактернаго сколько-нибудь казался мнѣ оскорбительнымъ. Нисколько. Но мнѣ для отклоненія отъ себя этого эпитета стоило бы только рассказать вамъ жизнь свою, тогда онъ разрушился бы самъ собою. Но теперь не о томъ дѣло. Мое несчастье въ томъ, что я—натура по преимуществу рефлектирующая. Вы можете себѣ представить, сколько тяжкаго, страдальческаго заключается для рефлектирующей природы въ мысли о женитьбѣ! Ты, Герценъ, понимаешь это. Мы не даромъ живемъ въ тяжкую, переходную эпоху, мы платимъ за это своею лучшею кровью, своими лучшими чувствами, своими чистѣйшими вѣрованіями. Что въ насъ осталось крѣпкаго, чего не прососала бы всеразѣдающая рефлексія, передъ чѣмъ остановилась она въ безсиліи? Притомъ, скажу съ гордостью, мы не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ теорія сама по себѣ, а жизнь и практика сама по себѣ. Трудные процессы мысли совершаются въ насъ не въ одной головѣ,—мы переживаемъ ихъ сердцемъ, всѣмъ существомъ нашимъ. Да объ этомъ мнѣ много говорить нечего, ты это хорошо знаешь. Мысль о женитьбѣ, которую я принялъ въ свое сознаніе сначала въ формѣ какого-то экстаза, постепенно охлаждаясь, должна была необходимо подпасть разлагающей силѣ рефлексіи. Не стану вамъ описывать всего мучительнаго процесса, какой происходилъ во мнѣ; довольно сказать, что онъ парализировалъ въ сердцѣ всяческую привязанность, въ душѣ всякое чувство, въ умѣ всякую опредѣленность сознанія. Тысячи возможныхъ коллизій сплетались въ моемъ воображеніи, и всякую изъ нихъ я заранѣе переживалъ со всею силой самаго жгучаго страданія. Это была мука, для опредѣленія которой я не имѣю слова. Нѣсколько разъ мелькала въ головѣ мысль о пистолетѣ,—и стыдъ, мысль о слабодушіи не давали только останавливаться на ней. Видѣть всю лживость иныхъ общественныхъ постановленій, всю бессмыслицу ихъ, всю тяжесть оковы ихъ и быть принуждену покориться имъ, это — подвигъ страшный, мучительный. Вѣдь, это не то, что итти на муки за идею, за убѣжденіе. Это значитъ надѣвать на себя добровольно оковы, съ полнымъ сознаніемъ, что, можетъ быть, черезъ годъ оба будемъ грызть ихъ съ безсильнымъ страданіемъ. Намъ тяжекъ и невыносимъ дес-

потизмъ одного человѣка; но что же передъ нимъ деспотизмъ общества, — деспотизмъ, отъ котораго нѣтъ возможности ни укрыться, ни отдалиться,—деспотизмъ который въ видѣ исторической судьбы тяготѣеть надъ иными людьми и клеймитъ передъ лицомъ своего общества не только ихъ самихъ, но и дѣтей ихъ?

«Обращаюсь теперь къ самому главному вопросу: возможно ли было встать всей этой рефлексіи, если бы была полная любовь,— другими словами, совершенная полнота чувствъ?

«Я скажу въ отвѣтъ на это, что въ насъ рефлексія убила возможность истинной полноты чувства. Знаете, какую женщину полюбилъ бы я совершенно безъ всякой рефлексіи? Женщину, которая умѣла бы вездѣ ставить $2 \times 2 = 4$, женщину, съ которой я не долженъ бы былъ обращаться, какъ съ дитею, съ которой могъ бы я мѣняться всѣми своими убѣжденіями и вѣрованіями, женщину, которая имѣла бы смѣлость презирать общественное мнѣніе, презирать его не вслѣдствіе скоропреходящаго экстаза чувства, но вслѣдствіе размысленія, вслѣдствіе сознанія тѣхъ лживыхъ и лицемѣрныхъ законовъ, на какихъ зиждется его пошлое устройство. Знаете ли, я понимаю, субъективно понимаю, что Зиновьевъ ¹⁾ любитъ Языкову, женщину почти 45 лѣтъ, худую, почти дурную собой. До сихъ поръ цѣнятъ въ женщинахъ невинность и непосредственность. Какая эгоистическая оцѣнка,—оцѣнка, въ которой такъ и просвѣчиваетъ отношеніе повелителя къ рабу! Я знаю, романтики строятъ на этихъ двухъ безтолковыхъ качествахъ свою сентиментальную кабалистику. Но изъ этой кабалистики нельзя построить ни матеръ Жанно, ни Шарлотту Корде.

«Письмо мое, противъ моей воли, становится длинно. Приступлю къ главному. Польза для меня этого мучительнаго процесса была та, что я созналъ, что въ сердцѣ моемъ есть дѣйствительная привязанность къ Армансъ. А въ сознаніи этого и заключается весь вопросъ, вся сущность моего мученія. Возвратясь отъ васъ, я сталъ проситься у отца за границу. Онъ согласился. Я вамъ уже говорилъ, что Армансъ знала о моемъ внутреннемъ мученіи и написала мнѣ письмо, въ которомъ прекращала всѣ между нами отношенія. Но меня тогда же поразило странное движеніе въ моемъ чувствѣ: письмо это, вмѣсто того, чтобы облегчить меня, еще болѣе меня отяготило. Я уже не хотѣлъ обращать вниманія на движенія моего сердца. Въ такомъ состояніи я поѣхалъ къ вамъ. Отецъ позволилъ мнѣ ѣхать за границу, и я началъ думать о приготовленіи къ отъѣзду. Тогда-то я почувствовалъ всю искреннюю при-

¹⁾ Петръ Васильевичъ.

вязанность къ Армансъ. Но я не вѣрилъ сердцу и съ пренебреженіемъ къ его движеніямъ спѣшилъ отдалить всякую мысль о сближеніи съ Армансъ. Я боролся съ собой изъ всѣхъ силъ, подалъ просьбу о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта, гналъ всякую мысль, всякое желаніе увидѣть ее. Двѣ недѣли почти продолжалась эта борьба, и я, утомленный, измученный, разслабленный, съ мучительною болью въ груди, просилъ свиданія и сказалъ, что я не могу, не имѣю силъ уѣхать отъ нея. Я хотѣлъ, было, отложить путешествіе, но она съ такою радостью ухватилась за это намѣреніе, путешествіе было для нея съ давняго времени такою любимою мечтой, что мнѣ не нужно было и откладывать.

«Итакъ, мы ѣдемъ. Вѣнчаться я хочу въ Петербургѣ. Метрическое свидѣтельство мое готово. Затрудненіе можетъ быть только за ея паспортомъ. Въ билетѣ, выданномъ ей отъ московскаго оберъ-полицейстера, не сказано, что она дѣвушка, а оригинальный ея паспортъ находится въ Петербургѣ. Авось, Богъ дастъ окончить все въ Петербургѣ. Если же тамъ не обвѣнчаютъ, поѣду вѣнчаться въ Парижъ, тамъ у нея будетъ законное метрическое свидѣтельство. Иные зовутъ намѣреніе мое путешествовать съ ней—безумствомъ. А я считаю его праздникомъ моей жизни. Да и если бы вы знали, какъ радуется ея одна уже мысль объ этомъ! Отцу напишу изъ Берлина, что встрѣтилъ французское семейство, дочь котораго мнѣ очень нравится, и постепенно попрошу позволенія жениться на ней. Наталья Александровна благословитъ насъ на счастье и на несчастье. Одно съ другимъ (я вѣрю) нераздѣльны. Кетчеръ подалъ, было, мнѣ мысль—вѣнчаться у васъ, но фабрика разстроила намѣреніе мое. Васъ я не увижу,—теперь въ Москвѣ держитъ меня этотъ несносный третейскій судъ, въ которомъ я судьей, и въ понедѣльникъ назначено засѣданіе. На этой недѣлѣ должно кончить дѣло. Прощайте, Наталья Александровна, мы къ вамъ будемъ писать.

Василій Боткинъ.

«Съ тобою, Герценъ, увидимся скоро. Въ исторіи Петра, соч. Полевого, есть, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ: Петръ какъ-то шелъ въ Гамбургѣ, озабоченный. Шелъ скоро. На дорогѣ попался ему мальчикъ. Мальчишка не думалъ посторониться. Петръ взялъ его за шиворотъ и столкнулъ съ тротуара. Мальчикъ въ это время ѣлъ яблоко и, не говоря ни слова, бросилъ мякушку прямо въ лицо Петру. Петръ оберся и, оборотясь къ мальчику, сказалъ: «Извини, братецъ, я все думаю, что я въ Москвѣ» («Рус. Мысль» 1892, VIII, 4—7).

Между четвертой и пятой частью.

Два первые тома «Былого и думъ» составляютъ такой «отрѣзанный ломоть», что мнѣ пришло въ голову между ними и слѣдующими частями поставить небольшую кладовую для стараго добра, съ которымъ по *ту* сторону *берега* нечего дѣлать; она можетъ служить въ родѣ *pièces justificatives* ¹⁾ или обвинительныхъ актовъ.

Общихъ статей, въ родѣ «Писемъ объ изученіи природы», «Дилетантизма въ наукѣ» и пр., разумѣется, въ этой книгѣ нѣтъ ²⁾, нѣтъ также и повѣстей. Я выбралъ только тѣ статьи, которыя имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ двумъ вышедшимъ томамъ «Былого и думъ». Тутъ на первомъ планѣ «Записки одного молодого человѣка»; какъ чертежи сравнительной анатоміи или лафатеровскіе ³⁾ профили, они показываютъ наглядно измѣненія, вносимыя въ фізіономію мысли и слова двадцатью такими годами, которые я прожилъ между записками *молодого* человѣка, набросанными въ 1838 во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, и думами *пожилого* человѣка, помѣченными въ Лондонѣ на Темзѣ.

¹⁾ Оправдательныхъ документовъ.

²⁾ Я сдѣлалъ исключеніе для двухъ статей: «По поводу одной драмы» и «Капризы и раздумье»; обѣ имѣютъ тѣсное отношеніе къ личнымъ опытамъ и событіямъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на меня, на насъ. *А. И. Г.*

³⁾ Лафатеръ, швейцарскій богословъ и свѣтскій писатель, прославившійся главнымъ образомъ своими опытами и наблюденіями въ области фізіономики.

Досадно, что у меня нѣтъ цензурныхъ пропусковъ ¹⁾, и всего досаднѣе, что нѣтъ цѣлой тетради между первымъ напечатаннымъ въ «*Отеч. Зап.*» отрывкомъ и вторымъ. Я помню, что въ ней былъ нашъ университетскій курсъ, и что тетрадь оканчивалась *соборной* поѣздкой нашей въ Архангельское князя Юсупова, описаніемъ обѣда и пира возлѣ оранжереи, который продолжался еще дня два возлѣ Прѣсенскихъ прудовъ ²⁾.

Затѣмъ я помѣстилъ нѣсколько полемическихъ статей, во всей ихъ *правдѣ и кривдѣ*, въ костюмѣ сороковыхъ годовъ и во всей тогдашней односторонности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы боролись съ православной покорой славянофильской, и быстро текла вода съ 1848... Все сдвинула она, все подмыла... многое совсѣмъ снесла. Наша религія независимости не такъ исключительна и ревнива, какъ была, и недавно еще намъ казалось издали, что великороссійская любовь къ отечеству перестала быть ненавистью къ другимъ...

25 января 1862 г.
Orsett House, Westbourne terrace.

¹⁾ Нѣкоторыя мелочи, выпущенныя цензурой, я добавилъ на память, онѣ напечатаны курсивомъ. Въ другихъ мѣстахъ я точками означилъ пропуски. А. И. Г.

²⁾ См. № 212.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Парижъ — Италія — Парижъ

(1847—1852)

Начиная печатать еще часть «Былого и думъ», я опять остановился передъ отрывочностью разсказовъ, картинъ и, такъ сказать, *подстрочныхъ* къ нимъ разсужденій. Внѣшняго единства въ нихъ меньше, чѣмъ въ первыхъ частяхъ. Спать ихъ въ одно я никакъ не могъ. Выполняя промежутки, очень легко дать всему другой фонъ и другое освѣщеніе—*тогдашняя* истина пропадетъ. «Былое и думы»—не историческая монографія, а отраженіе исторіи въ чловѣкѣ, *случайно* попавшемся на ея дорогѣ. Вотъ почему я рѣшился оставить отрывочныя главы, какъ онѣ были, нанизавши ихъ, какъ нанизываютъ картинки изъ мозаики въ итальянскихъ браслетахъ: всѣ изображенія относятся къ одному предмету, но держатся вмѣстѣ только оправой и колечками.

Для пополненія этой части необходимы, особенно относительно 1848 года, мои «Письма изъ Франціи и Италіи»; я хотѣлъ взять изъ нихъ нѣсколько отрывковъ, но пришлось бы столько перепечатывать, что я не рѣшился.

Многое, не взошедшее въ «Полярную Звѣзду», вошло въ это изданіе, но всего я не могу еще передать читателямъ, по разнымъ общимъ и личнымъ причинамъ. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенныя страницы и главы, но и цѣлый томъ, самый дорогой для меня...

Женева, 29 іюля 1866.

Cogitata et visa ¹⁾).

ГЛАВА XXXIV.

ПУТЬ.

Потерянный пассъ.—Кенигсбергъ.—Собственноручный носъ.—Приѣхали!—
И уѣзжаемъ.

... Въ Лаугсцаргенѣ прусскіе жандармы просили меня взойти въ кордегардію. Старый сержантъ взялъ пассы, надѣлъ очки и съ чрезвычайной отчетливостью сталъ вслухъ читать все, что ненужно: «Auf Befehl s. k. M. Nicolai des Ersten... allen und jedem, denen daran gelegen etc, etc... Unterzeichner Peroffski, Minister des Innern, Kammerherr, Senator und Ritter des Ordens St. Wladimir... Inhaber eines goldenen Degens mit der Inschrift für Tapferkeit» ²⁾...

Этотъ сержантъ, любившій чтеніе, напоминаетъ мнѣ другого. Между Террачино и Неаполемъ неаполитанскій карабинеръ четыре раза подходилъ къ дилижансу, всякій разъ требуя наши визы. Я показалъ ему неаполитанскую визу; ему этого и полкарлина было мало, онъ понесъ пассы въ канцелярію и воротился минутъ черезъ двадцать съ требованіемъ, чтобъ я и мой товарищъ шли къ бригадиру. Бригадиръ, старый и пьяный унтеръ-офицеръ, довольно грубо спросилъ:

¹⁾ Передуманное и пережитое.

²⁾ Нѣмецкій текстъ заграничнаго паспорта Герцена. «По указу Е. И. В. Николая I... всѣмъ и каждому, кому вѣдать надлежитъ, и т. д., и т. д... Подписаль Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, камергеръ, сенаторъ и кавалеръ ордена св. Владимира... имѣющій золотое оружіе съ надписью: за храбрость». ¹

— Какъ ваша фамилія, откуда?

— Да это все тутъ написано.

— Нельзя прочесть.

Мы догадались, что грамота не была сильною стороною бригадира.

— По какому закону,—сказалъ мой товарищъ,—обязаны мы вамъ читать наши пассы? Мы обязаны ихъ имѣть и показывать, а не диктовать: мало ли что я самъ продиктую.

— *Accidental!*—пробормоталъ старикъ,—*va ben, va ben!* ¹⁾—и отдалъ наши виды, не записывая.

Ученый жандармъ въ Лаугсцаргенѣ былъ не того разбора; прочитавъ три раза въ трехъ пассахъ всѣ ордена Перовскаго до пряжки за безпорочную службу, онъ спросилъ меня:

— Вы-то, *Euer Hochwohlgeboren* ²⁾, кто такое?

Я вытаращилъ глаза, не понимая, что онъ хочетъ отъ меня,

— *Fräulein Maria E., Fräulein Maria K., Frau H.*,—все женщины, тутъ нѣтъ ни одного мужского вида.

Посмотрѣлъ я: дѣйствительно, тутъ были только пассы моей матери и двухъ нашихъ знакомыхъ, ѣхавшихъ съ нами; у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Меня безъ вида не пропустили бы въ Таурогенѣ.

— *Bereits so* ³⁾, только дальше-то ѣхать нельзя.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Вѣроятно, вы забыли въ кордегардіи, я вамъ велю заложить санки, съѣздите сами, а ваши пока погрѣются у насъ.— *Heh! Kerl, lass er mol' den Braunen anspannen* ⁴⁾).

Я не могу безъ смѣха вспомнить этотъ глупый случай, именно потому, что я совершенно смутился отъ него. Потеря этого паспорта, о которомъ я нѣсколько лѣтъ мечталъ, о которомъ два года хлопоталъ, въ минуту переѣзда за границу, поразила меня. Я былъ увѣренъ, что я его положилъ въ карманъ, стало, я его выронилъ,—гдѣ же искать? Его занесло снѣгомъ... Надобно просить новый, писать въ Ригу, можетъ, ѣхать самому; а тутъ сдѣлають докладъ, догадаются, что я къ минеральнымъ водамъ ѣду въ январѣ. Словомъ, я уже чувствовалъ себя въ Петербургѣ, образы Кокошкина, Сагтынскаго, Дубельта и Николая бродили въ головѣ... Вотъ тебѣ и путешествіе, вотъ и Парижъ, свобода книгопеча-

¹⁾ Чортъ возьми! ладно ужъ, ладно!

²⁾ Ваше высокоблагородіе.

³⁾ Почти что такъ.

⁴⁾ Гей, малый, заложилъ гнѣдого.

танія, камеры и театры... Опять увижу я министерскихъ чиновниковъ, квартальныхъ и всякихъ другихъ надзирателей, городскихъ съ двумя блестящими пуговицами на спинѣ, которыми они смотрять назадъ... и прежде всего увижу опять небольшого сморщившагося солдата въ тяжеломъ киверѣ, на которомъ написано таинственное «4», обмерзлую казацкую лошадь... Хоть бы кормилицу-то мнѣ застать еще въ «Таврогѣ», какъ она говорила.

Между тѣмъ, заложили большую, печальную и угловатую лошадь въ крошечныя санки. Я сѣлъ съ почтальономъ въ военной шинели и ботфортахъ; почтальонъ классически хлопнулъ классическимъ бичомъ, какъ вдругъ ученый сержантъ выбѣжалъ въ сѣни въ однихъ панталонахъ и закричалъ:

— Halt! Halt! Da ist der vermaledeite Pass ¹⁾,—и онъ его держалъ развернутымъ въ рукахъ.

Спазматическій смѣхъ овладѣлъ мною.

— Что же вы это со мной дѣлаете? Гдѣ вы нашли?

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—вашъ русскій сержантъ положилъ листъ въ листъ; кто же его тамъ зналъ? я не догадался повернуть листа...

А, вѣдь, прочиталъ три раза: «Es ergeth deshalb an alle hohe Mächte, und an alle und jeder, welchen Standes und welcher Würde sie auch sein mögen»... ²⁾

...«Въ Кенигсбергъ я пріѣхалъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многого. Выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотреть городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день» ³⁾; хозяинъ гостиницы предложилъ проѣхаться въ саняхъ, лошади были съ бубенчиками и колокольчиками, съ страусовыми перьями на головѣ... И мы были веселы, тяжелая плита была снята съ груди, неприятное чувство страха, шемящее чувство подозрѣнія отлетѣли. Въ окнѣ книжной лавки были выставлены карикатуры на Николая; я тотчасъ бросился купить цѣлый запасъ. Вечеромъ я былъ въ небольшомъ, грязномъ и плохомъ театрѣ, но я и оттуда возвратился взволнованнымъ не актерами, а публикой, состоявшей большей частью изъ работниковъ и молодыхъ людей; въ антрактахъ всѣ говорили громко и свободно, всѣ надѣвали шляпы (чрезвычайно важная вещь,—столько же, сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязность, этотъ элементъ болѣе ясный и жи-

¹⁾ Стой, стой! Вотъ проклятый паспортъ!

²⁾ «Того ради, надлежитъ всѣмъ высокимъ державамъ и всѣмъ и каждому, какаго чина и званія они ни были бы...»

³⁾ «Письма изъ Франціи и Италіи», письмо I. А. И. Г.

вой поражаетъ русскаго при переѣздѣ за границу. Петербургское правительство еще до того грубо и не обтерлось, до того—только деспотизмъ, что любить наводитъ страхъ, хочетъ, чтобъ передъ нимъ все дрожало, словомъ, хочетъ не только власти, но сценической постановки ея. Идеаль общественнаго порядка для петербургскихъ царей—передняя и казармы».

Когда мы поѣхали въ Берлинъ, я сѣлъ въ кабриолетъ; возлѣ меня усѣлся какой-то закутанный господинъ; дѣло было вечеромъ, я не могъ его путемъ разглядѣть. Узнавъ, что я русскій, онъ началъ меня спрашивать о строгости полиціи, о паспортахъ; я, разумѣется, рассказалъ ему все, что зналъ. Потомъ зашла рѣчь о Пруссіи; онъ восхвалялъ безкорыстіе прусскихъ чиновниковъ, превосходство администраціи, хвалилъ короля и въ заключеніе сильно напалъ на познанскихъ поляковъ за то, что они не хорошіе нѣмцы. Меня это удивило, я ему возражалъ, сказалъ прямо, что я совсѣмъ не дѣлю его мнѣнія, и потомъ замолчалъ.

Между тѣмъ, разсвѣло; тутъ только я замѣтилъ, что мой сѣдъ-консерваторъ говорилъ въ носъ вовсе не отъ простуды, а оттого, что у него его не было, по крайней мѣрѣ, не доставало самой видной части. Онъ, вѣроятно, замѣтилъ, что открытіе это не принесло мнѣ особеннаго удовольствія, и потому счелъ нужнымъ рассказать мнѣ, въ родѣ извиненія, исторію о потерѣ носа и его возстановленіи. Первая часть была сбивчива, но вторая очень подробна: ему самъ Диффенбахъ ¹⁾ вырѣзалъ изъ руки новый носъ, рука была привязана шесть недѣль къ лицу; «Majestät» приѣзжалъ въ больицу посмотрѣть, высочайше удивился и одобрилъ.

Le roi de Prusse, en le voyant,
A dit: c'est vraiment étonnant ²⁾.

Повидимому, Диффенбахъ былъ тогда занятъ чѣмъ-то другимъ и носъ ему вырѣзалъ прескверный. Но вскорѣ я открылъ, что собственноручный носъ былъ наименьшимъ изъ его недостатковъ.

Переѣздъ нашъ отъ Кенигсберга въ Берлинъ былъ труднѣе всего путешествія. У насъ взялось откуда-то повѣріе, что прусскія почты хорошо устроены; все это—вздоръ. Почтовая ѣзда хороша только во Франціи, въ Швейцаріи да въ Англіи. Въ Англіи почтовые кареты до того хорошо устроены, лошади такъ изящны, и ку-

¹⁾ Знаменитый нѣмецк. хирургъ, прославившійся, главнымъ образомъ, въ области пластической хирургіи (возстановленіе носовъ, губъ, вѣкъ и пр.).

²⁾ Король прусскій, увидя его, сказалъ: это въ самомъ дѣлѣ удивительно.

чера такъ ловки, что можно ѣздить изъ удовольствія. Самыя длинныя станці карета несется во весь опоръ, горы, сѣзды — все равно. Теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, вопросъ этотъ становится историческимъ, но тогда мы испытали нѣмецкія почты съ ихъ клячами, хуже которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, развѣ, одни нѣмецкіе почталыоны.

Дорога отъ Кенигсберга до Берлина очень длинна; мы взяли семь мѣстъ въ дилижансѣ и отправились. На первой станці кондукторъ объявилъ, чтобы мы брали наши пожитки и садились въ другой дилижансѣ, благоразумно предупреждая, что за цѣлость вещей онъ не отвѣчаетъ. Я ему замѣтилъ, что въ Кенигсбергѣ я спрашивалъ и мнѣ сказали, что мѣста останутся; кондукторъ ссылался на снѣгъ и на необходимость взять дилижансѣ на полозьяхъ; противъ этого нечего было сказать. Мы начали перегружаться съ дѣтьми и съ пожитками ночью, въ мокромъ снѣгу. На слѣдующей станці та же исторія, и кондукторъ уже не давалъ себѣ труда объяснять перемѣну экипажа. Такъ мы проѣхали съ полдороги; тутъ онъ объявилъ намъ очень просто, что «намъ дадутъ *только пять мѣств*». — Какъ пять? вотъ мой билетъ. — «Мѣстъ больше нѣтъ». — Я сталъ спорить; въ почтовомъ домѣ отворилось съ трескомъ окно, и сѣдая голова съ усами грубо спросила, о чемъ споръ. Кондукторъ сказалъ, что я требую семь мѣстъ, а у него ихъ только пять; я прибавилъ, что у меня билетъ и расписка въ полученіи денегъ за семь мѣстъ. Голова, не обращая ко мнѣ, дерзкимъ, раздавленнымъ русско-нѣмецко-военнымъ голосомъ сказала кондуктору: «Ну, не хочетъ этотъ господинъ пяти мѣстъ, такъ бросай пожитки долой, пусть ждетъ, когда будутъ семь пустыхъ мѣстъ». Послѣ этого почтенный почтмейстеръ, котораго кондукторъ называлъ «Негг Мајог» и котораго фамилія была Шверинъ, захлопнулъ окно. Обсудивъ дѣло, мы, какъ русскіе, рѣшились ѣхать. Бенвенуто Челлини, какъ итальянецъ, въ подобномъ случаѣ выстрѣлилъ бы изъ пистолета и убилъ почтмейстера.

Мой сосѣдъ, исправленный Диффенбахомъ, въ это время былъ въ трактирѣ; когда онъ вскарабкался на свое мѣсто, и мы поѣхали, я рассказалъ ему исторію. Онъ былъ выпивши и, слѣдственно, въ благодушномъ расположеніи; онъ принялъ глубочайшее участіе и просилъ меня дать ему въ Берлинѣ записку. «Вы почтовый чиновникъ?» — спросилъ я. — «Нѣтъ», — отвѣчалъ онъ еще больше вѣнось, — «но это все равно... я... видите... какъ это здѣсь называется... служу въ центральной полиціи».

Это открытіе было для меня еще непріятнѣе собственноручнаго носа.

Первый человекъ, съ которымъ я либеральничалъ въ Европѣ, былъ шпионъ, зато онъ не былъ послѣдній.

Берлинъ, Кельнъ, Бельгія,—все это быстро прорѣяло передъ глазами; мы смотрѣли на все полуразсѣянно, мимоходомъ; мы торопились доѣхать и *доѣхали*, наконецъ.

Я отворилъ старинное, тяжелое окно въ Hôtel du Rhin; передо мной стояла колонна

...съ куклою чугуной,
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

Итакъ, я, дѣйствительно, въ Парижѣ, не во снѣ, а наяву: вѣдь, это—Вандомская колонна и Rue de la Paix.

Въ *Парижѣ*... Едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ «Москва». Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства. Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville ¹⁾, на café de Foy въ Пале-Роялѣ, гдѣ Камилль Демуленъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ, вмѣсто кокарды, съ крикомъ: «à la Bastille!»...

Дома я не могъ остаться; я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова... Вотъ Rue St.-Honoré, Елисейскія поля—всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... Да вотъ и самъ Бакунинъ.

Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми и, точно въ Москвѣ, проповѣдывалъ имъ что-то, безпрестанно останавливаясь и махая сигареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія: я ее перервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ.

Я былъ внѣ себя отъ радости!

На ней я здѣсь и останавлиюсь.

Парижъ еще разъ описывать не стану. Начальное знакомство съ европейской жизнью, торжественная прогулка по Италиі, вспрынувшей отъ сна, революція у подножія Везувія, революція передъ церковью св. Петра и, наконецъ, громовая вѣсть о 24 февраля, — все это рассказано въ моихъ «Письмахъ изъ Франціи и Италиі». Мнѣ не передать теперь съ прежней живостью впечатлѣнія, полустертыя и задвинутыя другими. Они составляютъ необходимую часть моихъ «Записокъ», — что же, вообще, письма, какъ не *записки* о короткомъ времени.

¹⁾ Мѣсто собраній парижскаго муниципалитета на площади того же названія.

ГЛАВА XXXV.

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ РЕСПУБЛИКИ.

Англичанинъ въ мѣховой курткѣ.—Герцогъ де Ноайль.—Свобода и ея бюсть въ Марсели.—Аббатъ Сибуръ и всемірная республика въ Авиньонѣ.

...«Завтра мы ѣдемъ въ Парижъ, я оставляю Римъ оживленнымъ, взволнованнымъ. Что-то будетъ изъ всего этого? Прочно ли все это? Небо не безъ тучъ, временами вѣтъ холодный вѣтеръ изъ могильныхъ склеповъ, нанося запахъ трупъ, запахъ прошедшаго; историческая трамонтана ¹⁾ сильна, но, что бы ни было,—благодарность Риму за пять мѣсяцевъ, которые я въ немъ провелъ. Что прочувствовано, то останется въ душѣ, и совершенно всего не сдуетъ же реакція».

Вотъ что я писалъ въ концѣ апрѣля 1848 г. ²⁾, сидя у окна на Via del Corso ³⁾ и глядя на «Народную» площадь, на которой я такъ много видѣлъ и такъ много чувствовалъ.

Я ѣхалъ изъ Италіи влюбленный въ нее, мнѣ жаль было ея: тамъ встрѣтилъ я не только великія событія, но и первыхъ симпатичныхъ мнѣ людей; а, все-таки, ѣхалъ. Мнѣ казалось измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика. Сомнѣнія видны въ приведенныхъ строкахъ, но вѣра брала верхъ, и я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ Чивитѣ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова «République Française»... Я и не подумалъ, что именно потому Франція и не республика, что надо визу!

¹⁾ Tramontana—сѣверный вѣтеръ.

²⁾ Измѣненный конецъ 8 письма «Писемъ изъ Франціи и Италіи».

³⁾ Главная улица папскаго Рима.

Мы ѣхали на почтовомъ пароходѣ. Общество было довольно большое и, какъ всегда, разнообразно составленное: тутъ были путешественники изъ Александріи, Смирны, Мальты. Съ Ливорно начиная, поднялся страшный весенній вѣтеръ: онъ гналъ пароходъ съ неимовѣрной быстротою и съ невыносимой качкой; черезъ два-три часа палуба покрылась больными дамами; мало-по-малу слегли и мужчины, исключая одного сѣдого старичка француза, англичанина въ мѣховой курткѣ и мѣховой шапкѣ изъ Канады и меня. Каюты были тоже наполнены больными, и одной духоты и жары въ нихъ было достаточно, чтобъ заболѣть; мы трое ночью сидѣли по срединѣ палубы на чемоданахъ, покрывшись шинелями и рельевагами, подъ завыванье вѣтра и плескъ волнъ, заливавшихъ иногда переднюю часть палубы. Англичанина я зналъ: въ прошлещемъ году мы ѣхали съ нимъ на одномъ пароходѣ изъ Генуи въ Чивитавеккію. Случилось, что мы обѣдали только двое; онъ весь обѣдъ ничего не говорилъ, но за десертомъ, смягченный марсалою и видя, что и я, съ своей стороны, не намѣренъ вступать въ разговоръ, онъ подаль мнѣ сигару и сказалъ, что «сигары свои онъ самъ привезъ изъ Гаванны». Потомъ мы разговорились съ нимъ; онъ былъ въ южной Америкѣ, въ Калифорніи и говорилъ, что много разъ собирался сѣздить въ Петербургъ и въ Москву, но не поѣдетъ, пока не будетъ *правильнаю* сообщенія и прямого между Лондономъ и Петербургомъ ¹⁾.

— Вы въ Римъ?—спросилъ я его, подъѣзжая къ Чивитѣ.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ.

Я замолчалъ, полагая, что онъ принялъ мой вопросъ за нескромный, но онъ тотчасъ добавилъ:

— Это зависитъ отъ того, какъ климатъ мнѣ понравится въ Чивитѣ. А вы остаетесь здѣсь?

— Да. Пароходъ пойдетъ завтра.

Я тогда еще очень мало зналъ англичанъ и потому едва могъ скрыть смѣхъ, и совѣмъ не могъ—когда на другой день, гуляя передъ отелемъ, встрѣтилъ его въ той же мѣховой курткѣ, съ портфелемъ, зрительной трубкой, маленькимъ несессерчикомъ, шествующаго передъ слугою, навьюченнымъ чемоданомъ и всякимъ добромъ.

— Я въ Неаполь,—сказалъ онъ, поравнявшись.

— Что же, климатъ не понравился?

— Скверный.

Я забылъ сказать, что въ первый проѣздъ онъ лежалъ въ

¹⁾ Теперь оно есть. А. И. Г. (1866).

каютѣ на койкѣ, которая была непосредственно надъ моею; въ продолженіе ночи онъ раза три чуть не убилъ меня то страхомъ, то ногами: въ каютѣ была смертная жара, онъ нѣсколько разъ ходилъ пить коньякъ съ водой и всякій разъ, сходя или входя, наступалъ на меня и громко кричалъ, испугавшись: «Oh—beg pardon—j'ai avais soif».—«Pas de mal»¹⁾).

Съ нимъ, стало, въ этотъ путь мы встрѣтились, какъ старые знакомые; онъ съ величайшей похвалой отозвался о томъ, что я не подверженъ морской болѣзни, и подаль мнѣ свои гаванскія сигары. Совершенно естественно, что черезъ минуту разговоръ зашелъ о февральской революціи. Англичанинъ, разумѣется, смотрѣлъ на революцію въ Европѣ, какъ на интересное зрѣлище, какъ на источникъ новыхъ и любопытныхъ наблюденій и ощущеній, и разсказывалъ о революціи въ Новоколумбійской республикѣ.

Французъ принималъ иное участіе въ этихъ дѣлахъ... Съ нимъ черезъ пять минутъ у меня завязался споръ; онъ отвѣчалъ уклончиво, умно, не уступая, впрочемъ, ничего, и съ чрезвычайной учтивостью. Я защищалъ республику и революцію. Старикъ, не нападая прямо на нее, стоялъ за историческія формы, какъ единственно прочныя, народныя и способныя удовлетворить и справедливому прогрессу, и необходимой осѣдлости.

— Вы не можете себѣ представить,—сказалъ я ему шутя,—какое оригинальное наслажденіе вы доставляете мнѣ вашими недомолвками. Я лѣтъ пятнадцать говорилъ такъ о монархіи, какъ вы говорите о республикѣ. Роли перемѣнились: я, защищая респ, блику,—консерваторъ, а вы, защищая легитимистскую монархію,—perturbateur de l'ordre politique²⁾).

Старикъ и англичанинъ расхохотались. Къ намъ подошелъ еще одинъ тощій, высокій господинъ, котораго носъ обезсмертилъ «Шаривари» и Филипонъ³⁾—графъ д'Аргу⁴⁾ («Шаривари» говорилъ, что его дочь потому не выходитъ замужъ, чтобъ не подписываться: «такая-то, neé Argout») ⁵⁾. Онъ вступилъ въ разговоръ, съ уваженіемъ обращался со старикомъ, но на меня смотрѣлъ съ нѣкото-

¹⁾ Неправильно по-французски: «О, прошу прощенія... у меня была жажда».—«Пожалуйста!»

²⁾ Потрясатель политическаго строя.

³⁾ Шарль, франц. карикатуристъ, прозванный «Ювеналомъ карикатуры», основатель «Charivari», сатирическаго журнала.

⁴⁾ Антуанъ-Морисъ, франц. государственный дѣятель, бывший въ разное время во главѣ шести разныхъ министерствъ.

⁵⁾ Neé—урожденная, pez—носъ.

рымъ удивленіемъ, близкимъ къ отвращенію; я замѣтилъ это и сталъ говорить на четыре градуса *краснѣе*.

— Это—презамѣчательная вещь!—сказалъ мнѣ съдой старикъ. Вы не первый русскій, котораго я встрѣчаю съ такимъ образомъ мыслей. Вы, русскіе,—или совершеннѣйшіе рабы царскіе или—*passer moi le mot* ¹⁾—анархисты. А изъ этого слѣдствіе то, что вы еще долго не будете свободными ²⁾.

Въ этомъ родѣ продолжался нашъ политическій разговоръ.

Когда мы подъѣзжали къ Марсели, и всѣ стали суетиться о пожиткахъ, я подошелъ къ старику и, подавая ему свою карточку, сказалъ, что мнѣ пріятно думать, что споръ нашъ подъ морскую качку не оставилъ неприятныхъ слѣдовъ. Старикъ очень мило простился со мной, поострилъ еще что-то насчетъ республиканцевъ, которыхъ я, наконецъ, увижу поближе, и подалъ мнѣ свою карточку. Это былъ герцогъ де Ноайль ³⁾, родственникъ Бурбоновъ и одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ Генриха V ⁴⁾.

Случай этотъ, весьма неважный, я рассказалъ для пользы и поученія нашихъ *герцоиговъ* первыхъ трехъ классовъ. Будь на мѣстѣ Ноайля какой-нибудь сенаторъ или тайный совѣтникъ, онъ просто принялъ бы мои слова за дерзость по службѣ и послалъ бы за капитаномъ корабля.

Одинъ русскій министръ въ 1850 г. ⁵⁾ съ своей семьей сидѣлъ на пароходѣ въ каретѣ, чтобъ не быть въ соприкосновеніи съ пассажирами изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Можете ли вы себя представить что-нибудь смѣшнѣе, какъ сидѣть въ отложенной каретѣ... да еще на морѣ, да еще имѣя двойной ростъ!

Надменность нашихъ сановниковъ происходитъ вовсе не изъ аристократизма,—барство выводится; это—чувство ливрейныхъ, пудренныхъ слугъ въ большихъ домахъ, чрезвычайно подлыхъ въ одну сторону, чрезвычайно дерзкихъ—въ другую. Аристократъ—лицо, а наши—вѣрные слуги престола, вовсе не имѣютъ личности; они похожи на павловскія медали съ надписью: *«не на мѣ, не на мѣ, а имени твоему»* ⁶⁾. Къ этому ведетъ цѣлое воспитаніе: солдатъ думаетъ, что его *только* потому нельзя бить палками, что у него

¹⁾ Простите мнѣ это слово.

²⁾ Сужденіе это я слышалъ потомъ разъ десять. А. И. Г.

³⁾ Поль, членъ палаты пэровъ и франц. академіи наукъ.

⁴⁾ Анри-Шарль Діедоннэ, герцогъ бордосскій, впоследствии гр. Шамборъ, называемый своими приверженцами «Генрихомъ V».

⁵⁾ Знаменитый Викторъ Панинъ. А. И. Г.

⁶⁾ Надпись на медали въ память Отечественной войны.

аннинскій крестъ; станціонный смотритель ставитъ между ладонью путешественника и своей щекой офицерское званіе; обиженный чиновникъ указываетъ на Станислава или Владимира—«не собой, не собой... а чиномъ своимъ!».

Выходя изъ парохода въ Марсели, я встрѣтилъ большую процессію національной гвардіи, которая несла въ Hôtel de Ville бюстъ свободы, т.-е. женщину съ огромными кудрями въ фригійской шапкѣ ¹⁾. Съ крикомъ: «Vive la République!» шли тысячи вооруженныхъ гражданъ, и въ томъ числѣ работники въ блузахъ, взшедшіе въ составъ національной гвардіи послѣ 24 февраля. Разумѣется, что и я пошелъ за ними. Когда процессія подошла къ Hôtel de Ville, генераль, мэръ и комиссаръ временнаго правительства Демосеенъ Оливье ²⁾ вышли въ сѣни. Демосеенъ, какъ слѣдовало ожидать по его имени, приготовился произнести рѣчь. Около него сдѣлали большой кругъ: толпа, разумѣется, двигалась впередъ; національная гвардія ее осаживала назадъ; толпа не слушалась; это оскорбило вооруженныхъ блузниковъ, они опустили ружья и, повернувшись, стали давить прикладами носки людей, стоящихъ впереди; граждане «единой и нераздѣльной республики» попятились...

Дѣло это тѣмъ больше удивило меня, что я еще весь былъ подъ вліяніемъ итальянскихъ и, въ особенности, римскихъ нравовъ, гдѣ гордое чувство личнаго достоинства и *тѣлесной* неприкосновенности развито въ каждомъ человѣкѣ, не только въ факино ³⁾, въ почталъонѣ, но и въ нищемъ, который протягиваетъ руку. Въ Романы ⁴⁾ на эту дерзость отвѣчали бы двадцатью «колтелатами» ⁵⁾. Французы попятились, — можетъ, у нихъ были мозоли?

Случай этотъ неприятно подѣйствовалъ на меня: къ тому же, пришедши въ hôtel, я прочелъ въ газетахъ руанскую исторію ⁶⁾. Что же это значить? неужели герцогъ Ноайль правъ?

Но когда человѣкъ хочетъ вѣрить, его вѣру трудно искоренить, и, не доѣзжая до Авиньона, я забылъ марсельскіе приклады и руанскіе штывы.

¹⁾ Головной уборъ древнихъ фригійцевъ, въ видѣ высокаго колпака; послужилъ образцомъ для шапочки якобинцевъ («фригійскій колпакъ»).

²⁾ Франц. политической дѣятель.

³⁾ Fascino—носильщикъ.

⁴⁾ Сѣверо-восточная часть бывшей Папской области.

⁵⁾ Coltellata—ударъ ножомъ.

⁶⁾ 27—29 апрѣля, жестокое избіеніе революціонныхъ рабочихъ королевской арміей съ помощью буржуазной части національной гвардіи.

Въ дилижансѣ съ нами сѣлъ дородный, осанистый аббатъ, среднихъ лѣтъ и пріятной наружности. Сначала онъ, ради пріличія, принялся за молитвенникъ, но вскорѣ, чтобъ не дремать, онъ положилъ его въ карманъ и началъ мило и умно разговаривать, съ классической правильностью языка Портъ-Ройяля ¹⁾ и Сорбонны, съ цитатами и цѣломудренными остроумиями.

Дѣйствительно, одни французы умѣютъ разговаривать. Нѣмцы признаются въ любви, повѣряютъ тайны, поучаютъ или ругаются. Въ Англіи оттого и любятъ рауты, что тутъ не до разговора... толпа, нѣтъ мѣста, всѣ толкуются и толкаются, никто никого не знаетъ; если же соберется маленькое общество,—сейчасъ скверная музыка, фальшивое пѣніе, скучныя маленькія игры, или гости и хозяева съ необычайной тягостью волочатъ разговоръ, останавливаясь, задыхаясь и напоминая несчастныхъ лошадей, которыя, выбившись изъ силъ, тянутъ противъ теченія по бечевнику нагруженную барку.

Мнѣ хотѣлось подразнить аббата республикой и не удалось. Онъ былъ доволенъ свободой *безъ излишествъ*, главное—безъ крови и войны, и считалъ Ламартина великимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ Перикла.

— И Сафо,—добавилъ я, не вступая, впрочемъ, въ споръ и благодарный за то, что онъ не говорилъ ни слова о религіи. Такъ, болтая, доѣхали мы до Авиньона часовъ въ 11 вечера.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ я аббату, наливая ему за ужиномъ вино,—предложить довольно рѣдкій тостъ: За республику *et pour les hommes de l'église qui sont républicains!* ²⁾.

Аббатъ всталъ и заключилъ нѣсколько Цицероновскихъ фразъ словами: «*A la République future en Russie!*» ³⁾.

«*A la République universelle!*» ⁴⁾—закричалъ кондукторъ дилижанса и человѣка три, сидѣвшихъ за столомъ. Мы чокнулись.

Католическій попъ, два-три сидѣльца, кондукторъ и русскіе—какъ же не всеобщая республика...

А, вѣдь, весело было!

— Куда вы?—спросилъ я аббата, усаживаясь снова въ дилижансъ и попросивъ его пастырскаго благословенія на куреніе сигары.

¹⁾ Port-Royal—знаменитый женскій монастырь, сыгравшій видную роль въ жизни католицизма.

²⁾ И за духовныхъ лицъ, республиканцевъ по убѣжденіямъ!

³⁾ За будущую республику въ Россіи!

⁴⁾ За всемірную республику!

— Въ Парижъ,—отвѣчалъ онъ; я избранъ въ національное собраніе; я буду очень радъ видѣть васъ у себя; вотъ мой адресъ. Это былъ аббатъ Сибуръ, doyen¹⁾ чего-то, братъ парижскаго архіерея.

... Черезъ двѣ недѣли наступало 15 мая,—этотъ грозный ритуфель, за которымъ шли страшные іюньскіе дни. Тутъ все принадлежитъ не моей біографіи, а біографіи рода человѣческаго...

Объ этихъ дняхъ я много писалъ.

Я могъ бы тутъ кончить, какъ старый капитанъ въ старой пѣснѣ:

Te souviens tu?.. mais ici je m'arrête,
Ici finit tout noble souvenir²⁾.

Но съ этихъ-то *проклятыхъ* дней и начинается послѣдняя часть моей жизни.

¹⁾ Деканъ.

²⁾ Помнишь ли ты?.. но здѣсь я умолкаю. Здѣсь кончаются благородныя воспоминанія.

ЗАПАДНЫЯ АРАБЕСКИ.

Тетрадь первая.

I.

СОНЪ.

Помните ли, друзья, какъ хорошъ былъ тотъ зимній день, солнечный, ясный, когда шесть-семь троекъ провожали насъ до Черной-Грязи, когда мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и рыдая разстались?

... Былъ уже вечеръ, возокъ закрипѣлъ по снѣгу... Вы смотрѣли печально вслѣдъ, но не догадывались, что то были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были налицо, одного только недостовало. — *ближайшаю изъ близкихъ*¹⁾, онъ одинъ былъ далекъ и, какъ будто, своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ.

Это было 21 января 1847 года.

Съ тѣхъ поръ прошли семь лѣтъ²⁾, и *какіе семь лѣтъ!* Въ ихъ числѣ 1848 и 1852.

Чего и чего не было въ это время, и все рухнуло: общее и частное, европейская революція и домашній кровъ, свобода міра и личное счастье.

Камня на камнѣ не осталось отъ прежней жизни. *Тогда* я былъ во всей силѣ развитія, моя предшествовавшая жизнь дала мнѣ залоги. Я смѣло шелъ отъ васъ съ опрометчивой самонадѣянностью, съ надменнымъ довѣріемъ къ жизни. Я торопился

1) Н. П. Огаревъ.

2) Писано въ концѣ 1853 года. А. И. Г.

оторваться отъ маленькой кучки людей, тѣсно сжившихся, близко подошедшихъ другъ къ другу, связанныхъ глубокой любовью и общимъ горемъ. Меня манила даль, ширь, открытая борьба и вольная рѣчь, я искалъ независимой арены, мнѣ хотѣлось попробовать свои силы на волѣ...

Теперь я уже и не жду ничего; ничто послѣ видѣннаго и испытаннаго мною не удивитъ меня особенно и не обрадуетъ глубоко: удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и бессмысленно, какъ начало.

А, вѣдь, я нашелъ все, чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго, себядовольнаго міра, да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ вѣрованій, всѣхъ благъ, предательство, коварные удары изъ-за угла и, вообще, такое нравственное растлѣніе, о которомъ вы не имѣете и понятія.

Трудно, очень трудно мнѣ начать эту часть разсказа; отступая отъ нея, я написалъ три предшествующія части, но, наконецъ, мы съ нею лицомъ къ лицу. Въ сторону слабость: кто могъ пережить, тотъ долженъ имѣть силу помнить.

Съ половины 1848 года мнѣ нечего разсказывать, кромѣ мучительныхъ испытаній, неотмщенныхъ оскорбленій, незаслуженныхъ ударовъ. Въ памяти одни печальные образы, собственныя и чужія ошибки: ошибки лицъ, ошибки цѣлыхъ народовъ. Тамъ, гдѣ была возможность спасенія, тамъ смерть переѣхала дорогу...

... Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ заключается свѣтлая часть воспоминаній, начавшихся съ дѣтскаго пробужденія мысли, съ отроческаго обрученія на Воробьевыхъ горахъ.

Испуганный Парижемъ 1847 г., я, было, раньше раскрылъ глаза, но снова увлекся событіями, кипѣвшими возлѣ меня. Вся Италія «просыпалась» на моихъ глазахъ! Я видѣлъ неаполитанскаго короля ¹⁾, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви,—вихрь, поднявшій все, унесъ и меня; вся Европа взяла одръ свой и пошла въ припадкѣ лунатизма, принятаго нами за пробужденіе. Когда я пришелъ въ себя, все исчезло,—la Sonnambula ²⁾, испуганная полиціей, упала съ крыши, друзья разсѣялись или съ ожесточеніемъ добивали другъ друга... И я очутился одинъ-одинехонекъ, между гробовъ и колыбелей—

¹⁾ Фердинандъ II.

²⁾ Лунатичка; популярная опера Беллини.

сторожемъ, защитникомъ, мстителемъ и ничего не сумѣлъ сдѣлать, потому что хотѣлъ сдѣлать больше обыкновеннаго.

И теперь я сижу въ Лондонѣ, куда меня случайно забросило, и остаюсь здѣсь, потому что не знаю, что изъ себя сдѣлать. Чужая порода людей кишитъ, мечется около меня, объятая тяжелымъ дыханьемъ океана; міръ, распускающийся въ хаосъ, теряющийся въ туманѣ, въ которомъ очертанія смутились, въ которомъ огонь дѣлаетъ только тускляя пятна.

... А *та* страна, обмытая темно-синимъ моремъ, накрытая темно-синимъ небомъ... Она одна осталась свѣтлой полосой—по ту сторону кладбища.

О, Римъ, какъ люблю я возвращаться къ твоимъ обманамъ, какъ охотно перебираю я день за день время, въ которое я былъ пьянъ тобою!

... Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяцъ провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана: тамъ дерутся, народъ требуетъ войны, носится слухъ, что Карлъ-Альбертъ ¹⁾ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемежающийся ревъ волны, которая то приливаетъ съ шумомъ, то тихо переводитъ духъ.

Толпы строятся, онѣ идутъ къ пиемонтскому послу узнать, объявлена ли война.

— Въ ряды, въ ряды съ нами!—кричатъ десятки голосовъ.

— Мы—иностранцы.

— Тѣмъ лучше, *Santo dio* ²⁾, вы наши гости!

Пошли и мы.

• — Впередъ гостей; впередъ дамъ; впередъ *le donne forestiere* ³⁾!

И толпа съ страстнымъ крикомъ одобренія разступилась. Чичероваккіо и съ нимъ молодой римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсень, продираются со знаменемъ; трибунъ жметъ руки дамамъ и становится съ ними во главѣ десяти-двѣнадцати тысячъ чело-вѣкъ,—и все двинулось въ томъ величавомъ и стройномъ порядкѣ, который свойствененъ только одному римскому народу.

Передовые взошли въ Палаццо, и черезъ нѣсколько минутъ двери залы растворились на балконъ. Посолъ явился успокоить народъ и подтвердить вѣсть о войнѣ; слова его приняты съ изступленной радостью. Чичероваккіо былъ на балконѣ, сильно освѣ-

¹⁾ Сардинскій король.

²⁾ Святой боже.

³⁾ Иностранныхъ дамъ.

щенный факелами и канделябрами, а возлѣ него осѣненные знаменемъ Италіи четыре молодыя женщины, всѣ *четыре русскія* ¹⁾— не странно ли? Я, какъ теперь, ихъ вижу на этой каменной трибунѣ и внизу колыхающійся безчисленный народъ, мѣшавшій съ криками войны и проклятіями іезуитамъ громкое «*Evviva le donne forestiere*».

Въ Англіи ихъ и насъ освистали бы, осыпали бы грубостями, а, можетъ, и камнями; во Франціи приняли бы за подкупныхъ агентовъ, а здѣсь аристократическій пролетарій, потомокъ Марія и дрезнихъ трибуновъ, горячо и искренно привѣтствовалъ насъ. Мы имъ были приняты въ европейскую борьбу... И съ одной Италіей не прервалась еще связь любви, по крайней мѣрѣ, сердечной памяти.

И будто все это было... опьяненіе, горячка? Можетъ, но я не завидую тѣмъ, которые не увлеклись тогда изящнымъ сновидѣніемъ. Долго спать, все же, нельзя было; неумолимый Макбетъ дѣйствительной жизни заносилъ уже свою руку, чтобъ убить «сонъ»...и

My dream was past—it has no further change! ²⁾.

II.

ВЪ ГРОЗУ.

... Вечеромъ 24 іюня ³⁾, возвращаясь съ Place Maubert, я вошелъ въ кафэ на набережной Отсау. Черезъ нѣсколько минутъ раздался нестройный крикъ и слышался все ближе и ближе; я подошелъ къ окну: уродливая, комическая *banlieue* ⁴⁾ шла изъ окрестностей на помощь порядку; неуклюжіе, плюгавые полумужики и полулавочки, нѣсколько навеселѣ, въ скверныхъ мундирахъ и старинныхъ киверахъ, шли быстрымъ, но беспорядочнымъ шагомъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ Людовикъ-Наполеонъ!».

Этотъ зловѣщій крикъ я тутъ услышалъ въ первый разъ. Я не могъ выдержать и, когда они поравнялись, закричалъ изо всѣхъ силъ: «Да здравствуетъ республика!». Ближніе къ окну показали

¹⁾ Н. А—на, М. Ѳ. Коршъ, Н. А. и Е. А. Тучковы. ²⁾

²⁾ Мой сонъ исчезъ—и новымъ не смѣнился. («Сонъ» Байрона).

³⁾ 1848 года.

⁴⁾ Населеніе пригорода.

мнѣ кулаки, офицеръ пробормоталъ какое-то ругательство, грозя шпагой,—и долго еще слышался ихъ привѣтственный крикъ чело-вѣку, шедшему казнить половинную революцію, убить половинную республику, наказать собою Францію, забывшую въ своей кичливости другіе народы и свой собственный пролетаріатъ.

Двадцать пятого или шестого іюня, въ 8 часовъ утра, мы по-шли съ А. ¹⁾ на Елисейскія поля; канонада, которую мы слышали ночью, умолкла, по временамъ только трещала ружейная пере-стрѣлка, и раздавался барабанъ. Улицы были пусты; по объ-имъ сторонамъ стояла національная гвардія. На Place de la Concorde былъ отрядъ мобили ²⁾; около нихъ стояло нѣсколько бѣд-ныхъ женщинъ съ метлами, нѣсколько тряпичниковъ и дворниковъ изъ ближнихъ домовъ; у всѣхъ лица были мрачны и поражены ужасомъ. Мальчикъ лѣтъ 17, опираясь на ружье, что-то расска-зывалъ. Подошли и мы. Онъ и всѣ его товарищи, такіе же маль-чики, были полупьяны, съ лицами, запачканными порохомъ, съ гла-зами, воспаленными отъ неспяныхъ ночей и водки; многіе дремали, упирая подбородокъ на ружейное дуло.—«Ну, ужъ тутъ что было, этого и описать нельзя»; замолчавъ, онъ продолжалъ: «да и они-таки хорошо дрались, но только и мы за нашихъ товарищей за-платили! сколько ихъ попадало! я самъ до дула всадилъ штыкъ пяти или шести чело-вѣкамъ—припомнѣть!» добавилъ онъ, желая себя выдать за закоснѣлаго злодѣя. Женщины были блѣдны и мол-чали, какой-то дворникъ замѣтилъ: «по дѣломъ мерзавцамъ!»... но дикое замѣчаніе не нашло ни малѣйшаго отзыва. Это было слиш-комъ низкое общество, чтобъ сочувствовать рѣзнѣ и несчастному мальчишкѣ, изъ котораго сдѣлали убійцу.

Мы молча и печально пошли къ Мадленѣ. Тутъ насъ остано-вилъ кордонъ національной гвардіи. Сначала пошарили въ карма-нахъ, спросили, куда мы идемъ, и пропустили; но слѣдующій кор-донъ, за Мадленой, отказалъ въ пропускѣ и отослалъ насъ назадъ; когда мы возвратились къ первому, насъ снова остановили. «Да, вѣдь, вы видѣли, что мы сейчасъ тутъ шли?»—«Не пропускайте!»—закричалъ офицеръ.—«Что, вы смѣтаетесь надъ нами, что ли?»—спросилъ я его.—«Тутъ нечего толковать!»—грубо отвѣтилъ лавоч-никъ въ мундирѣ,—берите ихъ—и въ полицію: одного я знаю (онъ указалъ на меня), я его не разъ видѣлъ на сходкахъ, другой дол-женъ быть такой же; они оба не французы, я отвѣчаю за все—

¹⁾ П. В. Анненковъ.

²⁾ Батальоны, набранные преимущественно изъ парижской моло-дежи и сражавшіеся въ іюньскіе дни на сторонѣ прежняго правительства.

впередь!». Два солдата съ ружьями впереди, два — за нами, по солдату съ каждой стороны, — повели насъ. Первый встрѣтившійся чело́вѣкъ былъ представитель народа, съ глупой воронкой въ пелтицѣ—это былъ Токвиль ¹⁾, писавшій объ Америкѣ. Я обратился къ нему и рассказалъ, въ чемъ дѣло; шутить было нечего: они безъ всякаго суда держали людей въ тюрьмѣ, бросали въ тюльерійскіе подвалы, разстрѣливали. Токвиль даже не спросилъ, кто мы; онъ весьма учтиво раскланялся и отпустилъ нижеслѣдующую пошлость: «Законодательная власть не имѣетъ никакого права вступать въ распоряженія исполнительной». Какъ же ему было не быть министромъ при Бонапартѣ?

«Исполнительная власть» повела насъ по бульвару, въ улицу Шоссе д'Антенъ, къ комиссару полиціи. Кстати, не мѣшаетъ замѣтить, что ни при арестѣ, ни при обыскѣ, ни во время пути я не видалъ ни одного полицейскаго: все дѣлали мѣщане-воины. Бульваръ былъ совершенно пустъ, всѣ лавки заперты; жители бросались къ окнамъ и дверямъ, слыша наши шаги, и спрашивали, что мы за люди; «des émeutiers étrangers» ²⁾, отвѣчалъ нашъ конвой, и добрые мѣщане смотрѣли на насъ со скрежетомъ зубовъ.

Изъ полиціи насъ отослали въ Hôtel des Capucines; тамъ помѣщалось министерство иностранныхъ дѣлъ, но на это время — какая-то временная полицейская комиссія. Мы съ конвоемъ вошли въ обширный кабинетъ. Плѣшивый старикъ въ очкахъ и весь въ черномъ сидѣлъ одинъ за столомъ; онъ снова спросилъ насъ все то, что спрашивалъ комиссаръ. «Гдѣ ваши виды?» — Мы ихъ никогда не носимъ, ходя гулять... Онъ взялъ какую-то тетрадь, долго просматривалъ ее, повидимому, ничего не нашель и спросилъ провожатаго: «Почему вы захватили ихъ?» — Офицеръ велѣлъ; онъ говоритъ, что это — очень подозрительные люди. — «Хорошо, — сказала старикъ, — я разберу дѣло, вы можете идти».

Когда наши провожатые ушли, старикъ просилъ насъ объяснить причину нашего ареста. Я ему изложилъ дѣло, прибавилъ, что офицеръ, можетъ, видѣлъ меня 15 мая у собранія, и рассказалъ случай, бывшій со мной вчера: я сидѣлъ въ кафэ Комартенъ; вдругъ сдѣлалась фальшивая тревога, эскадронъ драгунъ пронесся во весь опоръ, національная гвардія стала строиться; я и чело́вѣкъ пять, бывшихъ въ кафэ, подошли къ окну; національный гвардеецъ, стоявшій внизу, грубо закричалъ: «Слышали, что ли, чтобъ окна

¹⁾ Алексисъ-Шарль, знаменитый франц. писатель и государственный дѣятель.

²⁾ Иностранные бунтовщики.

были затворены?!». Тонъ его далъ мнѣ право думать, что онъ не со мной говорить, и я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его слова; къ тому же я былъ не одинъ, а случайно стоялъ впереди. Тогда защитникъ порядка поднялъ ружье и, такъ какъ это происходило въ *gez-de-chaussée* ¹⁾, хотѣлъ пырнуть штыкомъ, но я замѣтилъ его движеніе, отступилъ и сказалъ другимъ: «Господа, вы свидѣтели, что я ему ничего не сдѣлалъ,—или это такой обычай у національной гвардіи колотить иностранцевъ?!». «*Mais c'est indigne, mais cela n'a pas de nom* ²⁾!» — подхватили мои сосѣди. Испуганный трактирщикъ бросился закрывать окна; сержантъ съ подлой наружностью явился съ приказомъ гнать всѣхъ изъ кофейной; мнѣ казалось, что это былъ тотъ самый господинъ, который велѣлъ насъ остановить; къ тому же кафэ Комартенъ въ двухъ шагахъ отъ Мадлены.

— Вотъ то-то, господа, видите, что значить неосторожность. Зачѣмъ въ такое время выходить со двора? умы раздражены, кровь течетъ...

Въ это время національный гвардеецъ привелъ какую-то служанку, говоря, что офицеръ ее схватилъ въ то самое время, какъ она хотѣла бросить въ ящикъ письмо, адресованное въ Берлинъ. Старикъ взялъ пакетъ и велѣлъ солдату итти.

— Вы можете отправляться домой,—сказалъ онъ намъ,—только, пожалуйста, не ходите прежними улицами, особенно мимо кордона, который васъ схватилъ. Да, постойте, я вамъ дамъ провожатаго, онъ васъ выведетъ на Елисейскія поля, тамъ можете пройти.

— Ну и вы,—замѣтилъ онъ служанкѣ, отдавая письмо, до котораго не дотронулся,—бросьте ваше письмо въ другой ящикъ, гдѣ-нибудь подальше.

Итакъ, полиція защищала отъ вооруженныхъ мѣщанъ!

Ночью, съ 26 на 27 іюня, рассказываетъ Пьеръ Леру, онъ былъ у Сенара, прося его распорядиться насчетъ плѣнныхъ, которые задыхались въ подвалахъ Тюльери. Сенаръ, человекъ извѣстный своимъ отчаяннымъ консерватизмомъ, сказалъ Пьеру Леру: «А кто будетъ отвѣчать за ихъ жизнь на дорогѣ? ихъ перебьетъ національная гвардія. Если-бъ вы пришли часомъ раньше, вы застали бы здѣсь двухъ полковниковъ,—я насилу ихъ унялъ и кончилъ тѣмъ, что сказалъ имъ, что если эти ужасы будутъ продол-

¹⁾ Въ нижнемъ этажѣ.

²⁾ Но это подло! Этому нѣтъ имени!

жаться, то я, вмѣсто президентскаго стула въ собраніи, займу мѣсто за баррикадой».

Часа черезъ два по возвращеніи домой, явился дворникъ, незнакомый человѣкъ во фракѣ и человѣка четыре въ блузахъ, дурно скрывавшихъ муниципальные усы и жандармскую выправку. Незнакомецъ разстегнулъ фракъ и жилетъ и, съ достоинствомъ указывая на трехцвѣтный шарфъ, сказалъ, что онъ—комиссаръ полиціи Барле (тотъ самый, который въ народномъ собраніи втораго декабря взялъ за шиворотъ человѣка, взявшаго, въ свою очередь, Римъ—генерала Удино ¹⁾) и что ему велѣно сдѣлать у меня обыскъ. Я подаль ему ключъ, и онъ принялся за дѣло совершенно такъ, какъ въ 1834 году полицмейстеръ Миллеръ.

Взошла моя жена; комиссаръ, какъ нѣкогда жандармскій офицеръ, пріѣзжавшій отъ Дубельта, сталъ извиняться. Жена моя, спокойно и прямо глядя на него, сказала, когда онъ, въ заключеніе рѣчи, просилъ быть снисходительной: «Это было бы жестокостью съ моей стороны не взойти въ ваше положеніе: вы уже довольно наказаны обязанностью дѣлать то, что вы дѣлаете».

Комиссаръ покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова. Порывшись въ бумагахъ и отложивъ цѣлый ворохъ, онъ вдругъ подошелъ къ камину, понюхалъ, потрогалъ золу и, важно обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Съ какой цѣлью жгли вы бумаги?

— Я не жегъ бумагъ.

— Помилуйте, зола еще теплая.

— Нѣтъ, она не теплая.

— Monsieur, vous parlez à un magistrat! ²⁾.

— А зола, все же, холодная,—сказалъ я, вспыхнувъ и поднявъ голосъ.

— Что же, я лгу?

— Почему же вы имѣете право сомнѣваться въ моихъ словахъ?.. Вотъ съ вами какіе-то *честные работники*,—пусть попробуютъ. Ну, да если-бъ я и жегъ бумагу? Во-первыхъ, я въ правѣ жечь, а во-вторыхъ, что же вы сдѣлаете?

— Больше у васъ нѣтъ бумагъ?

— Нѣтъ.

— У меня есть еще нѣсколько писемъ, и презанимательныхъ, пойдемте ко мнѣ,—сказала моя жена.

¹⁾ Никола-Шарль, 1 июля 1849 г. взялъ Римъ, 2 декабря 1851 г. былъ арестованъ, какъ назначенный врагами Наполеона начальникомъ войскъ.

²⁾ Сударь, вы говорите съ должностнымъ лицомъ.

— Помилуйте, ваши письма...

— Пожалуйста, не церемоньтесь... вѣдь, вы исполняете вашъ долгъ, пойдите.

Комиссаръ пошелъ, слегка взглянулъ на письма, большей частью изъ Италіи, и хотѣлъ выйти...

— А вотъ вы и не видали, что тутъ внизу письмо изъ Консьержери, отъ арестанта. Видите? не хотите ли взять съ собой?

— Помилуйте, сударыня, — отвѣчалъ квартальный республики;—вы такъ предубѣждены, мнѣ этого письма вовсе не нужно.

— Что вы намѣрены сдѣлать съ русскими бумагами?—спросилъ я.

— Ихъ переведутъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, откуда вы возьмете переводчика? Если изъ русскаго посольства, то это равняется доносу: вы погубите пять-шесть человѣкъ. Вы меня искренно обяжете, если упомянете въ procès verbal ¹⁾, что я настоятельно прошу взять переводчика изъ польской эмиграціи.

— Я думаю, что это можно.

— Благодарю васъ; да вотъ еще просьба: понимаете вы сколько-нибудь по-итальянски?

— Немного.

— Я вамъ покажу два письма; въ нихъ слово «Франція» не упомянуто, писавшій ихъ въ рукахъ сардинской полиціи; вы увидите по содержанію, что ему плохо будетъ, если письма дойдутъ до нея.

— Mais ah çà! ²⁾—замѣтилъ комиссаръ, начинавшій входить въ человѣческое достоинство.—Вы, кажется, думаете, что мы въ связи со всѣми *деспотическими* полиціями. Намъ дѣла нѣтъ до чужихъ. Поневоля мы должны брать мѣры у себя, когда на улицахъ льется кровь, и когда иностранцы мѣшаются въ наши дѣла.

— Очень хорошо, стало, въ письмо можете оставить.

Комиссаръ не солгалъ: онъ, дѣйствительно, *не много* зналъ по-итальянски и потому, повертѣвши письма, положилъ ихъ въ карманъ, общаясь возвратить. ³

Тѣмъ его визитъ и кончился. Письма итальянца онъ отдалъ на другой день, но мои бумаги канули въ воду. Пропелъ мѣсяць, я написалъ письмо къ Кавеньяку, спрашивая его, отчего полиція не возвращаетъ моихъ бумагъ и не говорить о томъ, что нашла

¹⁾ Въ протоколѣ.

²⁾ Ну, что вы!

ГЕРЦЕВЪ ХІІІ.

въ нихъ,—вещь, можетъ, очень неважная для нея, но чрезвычайно важная для моей чести.

Послѣднее было вотъ на чемъ основано. Нѣсколько знакомыхъ вступились за меня, находя безобразнымъ визитъ комиссара и задерживаніе бумагъ. «Мы желали удостовѣриться,—сказалъ Ламорисьеръ ¹⁾,—не *агента ли онъ русскаго правительства*». Это гнусное подозрѣніе я услышалъ тутъ въ первый разъ: для меня это было совершенно ново; моя жизнь шла такъ публично, такъ открыто, какъ въ хрустальномъ ульѣ, и вдругъ сальное обвиненіе и отъ кого?—отъ республиканскаго правительства!

Черезъ недѣлю меня потребовали въ префектуру; Барле былъ со мною; насъ принялъ въ кабинетѣ Дюку ²⁾ молодой чиновникъ, очень похожій на петербургскаго начальника отдѣленія изъ развязныхъ.

— Генераль Кавеньякъ,—сказалъ онъ мнѣ,—поручилъ префекту возвратить ваши бумаги безъ малѣйшаго разбора. Свѣдѣнія, собранныя о васъ, дѣлаютъ его совершенно излишнимъ, на васъ не падаетъ никакого подозрѣнія; вотъ вашъ портфель, неудобно ли вамъ подписать предварительно эту бумагу?

Это была расписка въ томъ, что «бумаги *всѣ* сполна мнѣ возвращены».

Я приостановился и спросилъ, не будетъ ли правильнѣе, если я пересмотрю бумаги.

— До нихъ не дотрогивались. Впрочемъ, вотъ печать.

— Печать цѣла,—замѣтилъ успокоительно Барле.

— Моей печати тутъ нѣтъ, да ее и не прикладывали.

— Это—моя печать; да, вѣдь, у васъ былъ ключикъ.

Не желая отвѣчать грубостью, я улынулся. Это взбѣсило обоихъ; начальникъ отдѣленія сдѣлался начальникомъ департамента, схватилъ ножикъ и, взрѣзывая печать, сказалъ довольно грубымъ тономъ:

— Пожалуй, смотрите, коли не вѣрите, только у меня нѣтъ свободнаго времени,—и онъ вышелъ, кланяясь съ важностью.

То, что они разсердились, убѣдило меня, что бумагъ, дѣйствительно, не смотрѣли, и потому, едва бросивъ взглядъ, я далъ расписку и отправился домой.

¹⁾ Луи-Христофъ, сторонникъ Кавеньяка, вскорѣ военный министръ.

²⁾ Дисоух, Франсуа-Жозефъ врачъ по профессіи, въ 1848 году, послѣ подавленія іюньскаго возстанія, назначенъ префектомъ парижской полиціи.

ГЛАВА XXXVI.

«La Tribune des Peuples».—Мицкевичъ и Рамонъ де-ла-Сагра.—Хористы революціи 13 іюня 1849.—Холера въ Парижѣ.—Отъѣздъ.

Я оставилъ Парижъ осенью 1847 г., не завязавши никакихъ связей; литературные и политическіе кружки оставались мнѣ совершенно чуждыми. Причинъ на это было много. Прямого случая не представлялось, искать я не хотѣлъ. Ходить только, чтобы смотрѣть знаменитости, я считалъ неприличнымъ. Къ тому же мнѣ очень мало нравился тонъ снисходительнаго превосходства французовъ съ русскими: они одобряютъ, поощряютъ насъ, хвалятъ наше произношеніе и наше богатство; мы выносимъ все это и являемся къ нимъ, какъ просители, даже отчасти, какъ виноватые, радуясь, когда они изъ учтивости принимаютъ насъ за французовъ. Французы забрасываютъ насъ словами, мы за ними не поспѣваемъ, думаемъ объ отвѣтѣ, а имъ дѣла нѣтъ до него; намъ совѣстно показать, что мы замѣчаемъ ихъ ошибки, ихъ невѣжество,—они пользуются всѣмъ этимъ съ безнадежнымъ довольствомъ собой.

Чтобы стать съ ними на другую ногу, надобно *импонировать*; на это необходимы разныя права, которыхъ у меня тогда не было, и которыми я тотчасъ воспользовался, когда они случились подъ рукой.

Не должно, сверхъ того, забывать, что нѣтъ людей, съ которыми было бы легче завести шапочное знакомство, какъ съ французами, и нѣтъ людей, съ которыми было бы труднѣе въ самомъ дѣлѣ сойтись. Французъ любитъ жить на людяхъ, чтобы себя показать, чтобы имѣть слушателей, и въ этомъ онъ такъ же противоположенъ англичанину, какъ и во всемъ остальномъ. Англи-

чанинъ всегда смотритъ на людей отъ скуки, смотритъ, какъ изъ партера, употребляетъ людей для развлечения, для получения свѣдѣній; англичанинъ постоянно спрашиваетъ, а французъ постоянно отвѣчаетъ. Англичанинъ все недоумѣваетъ, все обдумываетъ; французъ все знаетъ положительно, онъ конченъ и готовъ, онъ дальше не пойдетъ; онъ любитъ проповѣдывать, рассказывать, поучать; чему? кого? — все равно. Потребности личнаго сближенія у него нѣтъ, кафэ его вполне удовлетворяетъ; онъ, какъ Репетиловъ, не замѣчаетъ, что, вмѣсто Чацкаго, стоитъ Скалозубъ, вмѣсто Скалозуба—Загорѣцкій, и продолжаетъ толковать о камерѣ, присяжныхъ, о Байронѣ (котораго называетъ «Биронъ») и о матеріяхъ важныхъ.

Возвратившись изъ Италіи, еще не остывшій отъ февральской революціи, я натолкнулся на 15 мая, потомъ пристрадалъ іюньскіе дни и осадное положеніе. Тогда я еще глубже взглядылся въ вольтеровскаго *tigre-singe* ¹⁾, — и у меня прошло даже желаніе знакомиться съ сильными республики сей.

Разъ представлялась, было, возможность общаго труда, которая могла привести въ сношеніе со многими лицами, да и та не удалась. Графъ Ксаверій Браницкій далъ 70,000 франковъ на основаніе журнала, который занимался бы преимущественно иностранной политикой, другими народами и въ особенности польскимъ вопросомъ. Польза и своевременность такого журнала были очевидны. Французскія газеты занимаютъ мало и плохо тѣмъ, что дѣлается внѣ Франціи; во время республики онѣ думали, что достаточно подчасъ ободрить всѣ языцы словомъ *solidarité des peuples* ²⁾, обѣщаніемъ, какъ только дома обдосужатся, завести всемірную республику, основанную на всеобщемъ братствѣ. При средствахъ, которыя имѣлъ новый журналъ, названный «Народной Трибуной» ³⁾, изъ него можно было сдѣлать международный «Мониторъ» движенія и прогресса. Его успѣхъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что всеобщихъ газетъ вовсе нѣтъ; въ «Таймсѣ» и «Journal des Débats» бываютъ превосходныя статьи о специальныхъ вопросахъ, но безъ связи, случайно, отрывочно. Редакція «Аугсбургской Газеты» ⁴⁾ была бы, дѣйствительно, самая всеобщая, если-бъ отъ ея *черно-желтаго* направленія не такъ грубо рябило въ глазахъ.

Но, видно, всѣмъ добрымъ начинаніямъ 1848 г. было на роду

¹⁾ Обезьяна-тигръ; такъ назвалъ Вольтеръ человѣка.

²⁾ Братство народовъ.

³⁾ «Трибуна Народовъ».

⁴⁾ Точное названіе: «Всеобщая Газета» — «*Allgemeine Zeitung*», издается въ Аугсбургѣ.

написано родиться на седьмомъ мѣсяцѣ и умереть прежде перваго зуба. Журналъ пошелъ плохо, вяло и умеръ при избіеніи невинныхъ листовъ послѣ 13 іюня 1849.

Когда все было готово и на чеку: домъ былъ нанятъ и устроенъ, съ большими столами, покрытыми сукномъ, и маленькими косыми конторками; тощій французскій литераторъ ¹⁾ былъ приставленъ смотрѣть за международными орѳографическими ошибками; при редакціи учрежденъ совѣтъ изъ бывшихъ польскихъ нунціевъ и сенаторовъ, а главнымъ завѣдывателемъ назначенъ Мицкевичъ, въ помощники которому данъ Хоецкій,—оставалось торжественно начать, и когда же лучше, какъ не въ годовщину 24 февраля, и чѣмъ же приличнѣе, какъ не ужиномъ...

Ужинъ былъ назначенъ у Хоецкаго. Приѣхавъ, я засталъ уже довольно много гостей, въ числѣ которыхъ не было почти ни одного француза, зато другія націи, отъ Сициліи до кроатовъ, были хорошо представлены. Меня, собственно, интересовало одно лицо — Адамъ Мицкевичъ; я его никогда прежде не видалъ. Онъ стоялъ у камина, опершись локтемъ о мраморную доску. Кто видѣлъ его портретъ, приложенный къ французскому изданію и снятый, кажется, съ медальона Давида д'Анже ²⁾, тотъ могъ бы тотчасъ узнать его, несмотря на большую перемѣну, внесенную лѣтами. Много думъ и страданій сквозили въ его лицѣ, скорѣе литовскомъ, чѣмъ польскомъ. Общее впечатлѣніе его фигуры, головы съ пышными сѣдыми волосами и усталымъ взглядомъ выражало пережитое несчастіе, знакомство съ внутреннею болью, экзальтацію горести; это былъ пластическій образъ *судебъ Польши*. Подобное впечатлѣніе дѣлало на меня потомъ лицо Ворцеля; впрочемъ, черты его, еще болѣе болѣзненные, были живѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у Мицкевича. Мицкевича, будто, что-то удерживало, занимало, разсѣивало; это *что-то* былъ его странный мистицизмъ, въ который онъ заступалъ дальше и дальше.

Я подошелъ къ нему; онъ меня сталъ спрашивать о Россіи; свѣдѣнія его были отрывочны, литературное движеніе послѣ Пушкина онъ мало зналъ, остановившись на томъ времени, на которомъ покинулъ Россію. Несмотря на свою основную мысль о братственномъ союзѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, — мысль, которую онъ одинъ изъ первыхъ сталъ развивать, въ немъ оставалось что-то непріязненное къ Россіи. Да и какъ могло быть иначе, послѣ всѣхъ

¹⁾ Жюль Лешевалье.

²⁾ Пьеръ-Жанъ, знаменитый франц. скульпторъ.

ужасовъ, сдѣланныхъ царемъ и царскими сатрапами; притомъ мы говорили во время пушаго разгара николаевского террора.

Первое, что меня какъ-то непріятно удивило, было обращеніе съ нимъ поляковъ его партіи: они подходили къ нему, какъ мо-нахи къ игумену: уничтожаясь, благоговѣя, иные цѣловали его въ плечо. Должно быть, онъ привыкъ къ этимъ знакамъ подчиненной любви, потому что принималъ ихъ съ большимъ *laisser aller* ¹⁾. Быть признаннымъ людьми одного образа миѣнія, имѣть на нихъ вліяніе, видѣть ихъ любовь желаетъ каждый, отдавшійся душою и тѣломъ своимъ убѣжденіямъ, жившій ими; но наружныхъ знаковъ симпатіи и уваженія я не желалъ бы принимать: они разрушаютъ равенство и, слѣдовательно, свободу; да, сверхъ того, въ этомъ отношеніи намъ никакъ не догнать ни архіереевъ, ни начальниковъ департаментовъ, ни полковыхъ командировъ.

Хоецкій сказалъ мнѣ, что за ужиномъ онъ предложитъ тостъ «въ память 24 февраля 1848 г.», что Мицкевичъ будетъ ему отвѣчать рѣчью, въ которой изложитъ свое воззрѣніе и духъ будущаго журнала; онъ желалъ, чтобъ я, какъ русскій, отвѣчалъ Мицкевичу. Не имѣя привычки говорить публично, особенно не приготовившись, я отклонилъ его предложеніе, но обѣщалъ предложить тостъ «за Мицкевича» и прибавить нѣсколько словъ къ нему о томъ, какъ я пилъ за него въ первый разъ въ Москвѣ, на публичномъ обѣдѣ, данномъ Грановскому въ 1843 г. Хомяковъ поднялъ бокалъ со словами «за великаго отсутствующаго славянскаго поэта!». Имени (которое не смѣли произнести) не было нужно: всѣ встали, всѣ подняли бокалы и, стоя въ молчаніи, выпили за здоровье изгнанника. Хоецкій былъ доволенъ; подтасовавши такимъ образомъ наше *extempore* ²⁾, мы сѣли за столъ. Въ концѣ ужина Хоецкій предложилъ свой тостъ; Мицкевичъ всталъ и началъ говорить. Рѣчь его была выработана, умна, чрезвычайно ловка, т.-е. Барбесъ и Людовикъ-Наполеонъ могли бы откровенно аплодировать ей; меня стало коробить отъ нея. По мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ свою мысль, я начиналъ чувствовать что-то болѣзненно тяжкое и ждалъ одного слова, одного *имени*, чтобъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія; оно не замедлило явиться!

Мицкевичъ свелъ свою рѣчь на то, что демократія теперь собирается въ новый открытый станъ, во главѣ котораго Франція, что она *снова* ринется на освобожденіе всѣхъ притѣсненныхъ народовъ, подъ тѣми же орлами, подъ тѣми же знаменами, при видѣ

¹⁾ Снисхожденіемъ.

²⁾ Экспромптъ.

которыхъ блѣднѣли всѣ цари и власти, и что ихъ снова поведетъ впередъ одинъ изъ членовъ той вѣнчанной народомъ династіи, которая какъ бы самимъ провидѣніемъ назначена вести революцію стройнымъ путемъ авторитета и побѣдъ.

Когда онъ кончилъ, кромѣ двухъ-трехъ одобрительныхъ восклицаній его приверженныхъ, молчаніе было общее. Хоецкій замѣтилъ очень хорошо ошибку Мицкевича и, желая поскорѣе загладить дѣйствіе рѣчи, подошелъ съ бутылкой и, наливая бокаль, шепнулъ мнѣ: «Что же вы?». — «Я не скажу ни слова послѣ этой рѣчи». — «Пожалуйста, что-нибудь». — «Ни подѣ какимъ видомъ».

Пауза продолжалась, нѣкоторые опустили глаза въ тарелку, другіе пристально разсматривали бокаль, третьи заводили частный разговоръ съ сосѣдомъ. Мицкевичъ перемѣнился въ лицѣ, онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но громкое: «Je demande la parole» ¹⁾ положило конецъ затруднительному положенію. Всѣ обернулись къ вставшему. Невысокій старикъ, лѣтъ семидесяти, весь сѣдой, съ славной энергической наружностью, стоялъ съ бокаломъ въ дрожащей рукѣ; въ его большихъ черныхъ глазахъ, въ его взволнованномъ лицѣ были видны гнѣвъ и негодованіе. Это былъ Рамонъ де-ла-Сагра ²⁾. «За 24 февраля», сказалъ онъ, — «таковъ былъ тостъ, предложенный нашимъ хозяиномъ. Да, за 24 февраля и на гибель всякому деспотизму, какъ бы онъ ни назывался: королевскимъ или императорскимъ, бурбонскимъ или бонопартовскимъ! Я не могу дѣлать воззрѣнія нашего друга Мицкевича; онъ смотрѣть можетъ на дѣла, какъ поэтъ, и по-своему правъ, но я не хочу, чтобъ его слова въ такомъ собраніи прошли безъ протестаціи»... и пошелъ, и пошелъ со всею страстью испанца, со всѣми правами семидесяти лѣтъ.

Когда онъ кончилъ, двадцать рукъ, въ томъ числѣ и моя, протянулись къ нему съ бокалами, чтобы чокнуться.

Мицкевичъ хотѣлъ поправиться, сказалъ нѣсколько словъ въ объясненіе, они не удались. Де-ла-Сагра не сдавался. Всѣ встали изъ-за стола, и Мицкевичъ уѣхалъ.

Хуже предзнаменованія для новаго журнала не могло быть,— онъ просуществовалъ кое-какъ до 13 іюня и исчезъ такъ незамѣтно, какъ существовалъ. Единства въ редакціи не могло быть; Мицкевичъ свертывалъ половину своего императорскаго знамени, *usé par la gloire* ³⁾, другіе не смѣли развертывать своего; стѣснен-

¹⁾ Прошу слова.

²⁾ Испанскій экономистъ, сторонникъ Прудона, родился въ 1798 г.

³⁾ Истрепаннаго славою.

и не имъ и совѣтомъ, многіе черезъ мѣсяць оставили редакцію; я не послалъ ни разу ни одной строчки. Если-бъ наполеоновская полиція была умнѣе, никогда «Tribune des Peuples» не была бы запрещена за нѣсколько строчекъ о 13 іюня. Съ именемъ Мицкевича и съ поклоненіемъ Наполеону, съ мистической революціонностью и съ мечтой о вооруженной демократіи, во главѣ которой наполеониды, этотъ журналъ могъ бы сдѣлаться кладомъ для президента, чистымъ органомъ нечѣистаго дѣла. ⁴

Католицизмъ, такъ мало свойственный славянскому генію, дѣйствуетъ на него разрушительно: когда у богемцевъ не стало силы обороняться отъ католицизма, они сломились; у поляковъ католицизмъ развилъ ту мистическую экзальтацію, которая постоянно ихъ поддерживаетъ въ мірѣ призрачномъ. Если они не находятся подъ прямымъ вліяніемъ іезуитовъ, то, вмѣсто освобожденія, или выдумываютъ себѣ кумиръ или попадаютъ подъ вліяніе какого-нибудь визионера. Мессіанизмъ, это помѣшательство Вронскаго ¹⁾, эта бѣлая горячка Товянскаго ²⁾, вскружилъ голову сотнямъ поляковъ и самому Мицкевичу. Поклоненіе Наполеону принадлежитъ на первомъ планѣ къ этому безумію; Наполеонъ ничего не сдѣлалъ для нихъ; онъ не любилъ Польши, а любилъ поляковъ, проливавшихъ за него кровь съ тѣмъ поэтически-колоссальнымъ мужествомъ, съ которымъ они сдѣлали свою знаменитую кавалерійскую атаку въ Сомосьерра ³⁾. Въ 1812 г. Наполеонъ говорилъ Нарбону ⁴⁾: «Я хочу въ Польшѣ лагерь, а не форумъ. Я равно не позволю ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ открыть клубъ для демагоговъ», и изъ него-то поляки сдѣлали военное воплощеніе бога, поставили рядомъ съ Вишну и Христомъ.

Разъ вечеромъ поздно, зимой 1848, шелъ я съ однимъ полякомъ изъ Мицкевичевыхъ приверженцевъ по Вандомской площади. Когда мы поравнялись съ колонной, полякъ снялъ фуражку. Неужели?.. подумалъ я, не смѣя вѣрить въ такую глупость, и смиренно спросилъ его, что за причина, что онъ снялъ фуражку. Полякъ показалъ мнѣ пальцемъ на бронзоваго императора... Какъ же послѣ этого не тѣснить и не угнетать людей, когда это пріобрѣтаетъ столько любви!

Въ домашней жизни Мицкевича было темно, что-то несчастное, мрачное, «посѣщенное богомъ». Жена его долгое время была

¹⁾ Іосифъ, авторъ книги «Мессіанизмъ».

²⁾ Андрей.

³⁾ Въ 1808 г. польскій уланскій полкъ рѣшилъ сраженіе трехъ франц. полковъ съ испанцами.

⁴⁾ Луи, его адъютантъ.

поврежденной. Товянскій заговариваль ее и, будто, помогъ; это особенно поразилѣ Мицкевича, но слѣды болѣзни остались... Дѣла ихъ шли плохо. Печально оканчивалась жизнь великаго поэта, пережившаго себя. Онъ угасъ въ Турціи, замѣшавшись въ нелѣпное дѣло—устройство казацкаго легіона, которому Турція запретила называться польскимъ. Передъ смертью онъ написалъ латинскую оду во славу и честь Людовика-Наполеона.

Послѣ этой неудачной попытки участвовать въ журналѣ я еще больше удалился въ небольшой кругъ знакомыхъ, увеличивавшійся появленіемъ новыхъ эмигрантовъ. Прежде я хаживаль иногда въ клубы, участвовалъ въ трехъ-четырехъ банкетахъ, т.-е. ѣлъ холодную баранину и пилъ кислое вино, слушая Пьера Леру, отца Кабэ ¹⁾ и подтягивая марсельезу. Теперь и это надоѣло. Съ глубоко скорбнымъ чувствомъ слѣдилъ я и помѣчалъ успѣхи разложенія, паденія республики, Франціи, Европы. Изъ Россіи—ни дальней зарницы, ни вѣсти хорошей, ни дружескаго привѣта; писать ко мнѣ перестали; личныя, ближайшія, родныя связи приостановились. Россія лежала безгласно, замертво, въ синихъ пятнахъ, какъ несчастная баба, у ногъ своего хозяина, избитая его тяжелыми кулаками. Она вступала тогда въ то страшное пятилѣтіе, изъ котораго выходитъ теперь ²⁾, наконецъ, вслѣдъ за гробомъ Николая.

Это пятилѣтіе и для меня было самое худшее время моей жизни; у меня нѣтъ ни столько богатствъ на потерю, ни столько вѣрованій на уничтоженіе...

...Холера свирѣпствовала въ Парижѣ, тяжелый воздухъ, безсолнечный жаръ производили тоску; видъ испуганнаго несчастнаго населенія и ряды похоронныхъ дрогъ, которыя, приближаясь къ кладбищамъ, пускались въ обгонки,—все это соотвѣтствовало событіямъ.

Жертвы заразы падали возлѣ, рядомъ. Моя мать поѣхала съ одной знакомой дамой ³⁾, лѣтъ двадцати пяти, въ Сенъ-Клу; вечеромъ, когда онѣ возвращались, дама чувствовала себя нѣсколько нездоровой, моя мать уговаривала ее остаться ночевать. Утромъ, часовъ въ семь, пришли мнѣ сказать, что у нея холера; я пошелъ къ ней и обомлѣлъ, — ни одной черты не осталось попрежнему: она была хороша собой, но всѣ мышцы лица опустились, съежались, темныя тѣни легли подъ глазами. Насилу отыскалъ я Райе ⁴⁾

¹⁾ Этьенъ.

²⁾ Писано въ 1856 г. А. И. Г.

³⁾ Первая жена Адольфа Рейхеля.

⁴⁾ Rayet, Пьеръ-Франсуа, извѣстный франц. врачъ.

въ институтѣ и привезъ его. Взглянувъ на больную, Райе шепнулъ мнѣ: «Вы сами видите, что тутъ дѣлать», прописалъ что-то и уѣхалъ.

Больная подозвала меня и спросила: «Что вамъ сказалъ докторъ? Онъ вамъ что-то сказалъ?» — «Послать за лѣкарствомъ». Она взяла меня за руку, — и рука ея удивила меня больше лица: она исхудала и сдѣлалась угловатой, какъ будто мѣсяць тяжелой болѣзни прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она занемогла, — и, оставивая на мнѣ взглядъ, исполненный страданія и ужаса, проговорила: «скажите, бога ради, что онъ сказалъ?... что умираю я?... Да вы меня не бойтесь?» прибавила она. Мнѣ ее было ужасно жаль въ эту минуту; это страшное сознаніе не только смерти, но и заразительности недуга, который быстро подтачивалъ ея жизнь, должно было быть безмѣрно мучительно. Къ утру она умерла ¹⁾.

И. Т.—въ ²⁾ собирался ѣхать изъ Парижа; срокъ его квартиры окончился; онъ пришелъ ко мнѣ переночевать. Послѣ обѣда онъ жаловался на духоту; я сказалъ ему, что купался утромъ, — вечеромъ пошелъ и онъ купаться. Возвратившись, онъ чувствовалъ себя не хорошо, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и пошелъ спать. Ночью онъ разбудилъ меня. «Я—потерянный человекъ,—сказалъ онъ мнѣ, — холера». У него, дѣйствительно, была тошнота и спазмы; по счастью, онъ отдѣлался десятию днями болѣзни.

Моя мать, схоронивъ свою знакомую, переѣхала въ Ville-d'Avray ³⁾. Когда занемогъ И. Т.—въ, я отправилъ туда Natalie и дѣтей и остался одинъ съ нимъ, а когда ему стало гораздо легче, переѣхалъ и я туда.

Туда-то утромъ, 12 іюня, явился ко мнѣ Сазоновъ. ⁶⁾ Онъ былъ въ величайшемъ одушевленіи, говорилъ о готовящемся движеніи, о неминуемости успѣха, о славѣ, которая ждетъ участниковъ, и настоятельно звалъ меня на это жнитво лавръ. Я говорилъ ему, что онъ знаетъ мое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ, что мнѣ кажется глупо итти безъ вѣры съ людьми, съ которыми не имѣешь почти ничего общаго.

На это восторженный агитаторъ замѣтилъ, что оно, конечно, покойнѣе и безопаснѣе писать у себя дома скептическія статейки, въ то время, когда другіе отстаиваютъ на площади свободу міра, солидарность народовъ и много другого добра.

¹⁾ Описаніе этого случая см. на стр. 64 «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель.

²⁾ И. С. Тургеневъ.

³⁾ Городокъ, въ 14 килм. отъ Парижа.

Чувство весьма дрянное, но которое многих привело и приведет къ большимъ ошибкамъ и даже къ преступленіямъ, заговорило во мнѣ.

— Да съ чего же ты вообразилъ, что я не пойду?

— Я такъ заключилъ изъ твоихъ словъ.

— Нѣтъ, я сказалъ, что это глупо, но, вѣдь, не говорилъ, что я никогда не дѣлаю глупостей.

— Вотъ этого-то я и хотѣлъ. Вотъ такимъ-то я тебя люблю! Ну, такъ нечего терять времени, ѣдемъ въ Парижъ. Сегодня вечеромъ нѣмцы и другіе рефюжье собираются въ девять часовъ, пойдемъ сначала къ нимъ.

— Гдѣ же они собираются?—спросилъ я его въ вагонѣ.

— Въ café Lamblin, въ Palais-Royal'ѣ.

Это было мое первое удивленіе.

— Какъ въ café Lamblin?

— Тамъ обыкновенно собираются «красные».

— Именно потому-то, мнѣ кажется, и слѣдовало бы сегодня собраться въ другомъ мѣстѣ.

— Да уже они всѣ тамъ привыкли.

— Пиво, вѣрно, очень хорошо.

Въ кафэ, за десяткомъ маленькихъ столиковъ, важно засѣдали разные habitués ¹⁾ революціи, значительно и мрачно посматривавшіе изъ-подъ поярковыхъ шляпъ съ большими полями; изъ-подъ фуражекъ съ крошечными козырьками. Это были тѣ вѣчные женихи революціонной Пенелопы, тѣ неизбѣжныя лица всѣхъ политическихъ демонстрацій, составляющія ихъ *табло* ²⁾, ихъ *фонъ*, грозныя издали, какъ драконы изъ бумаги, которыми китайцы хотѣли застрашать англичанъ.

Въ смутныя времена общественныхъ пересозданій, бурь, въ которыя государства надолго выходятъ изъ обыкновенныхъ пазовъ своихъ, нарождается новое поколѣніе людей, которыхъ можно назвать хористами революціи; выращенное на подвижной и вулканической почвѣ, воспитанное въ тревогѣ и перерывѣ всякихъ дѣлъ, оно съ раннихъ лѣтъ вживается въ среду политическаго раздраженія, любитъ драматическую сторону его, его торжественную и яркую постановку. Какъ для Николая *шагистика* была главнымъ въ военномъ дѣлѣ, такъ для нихъ всѣ эти банкеты, демонстраціи, протестаціи, сборы, тосты, знамена—главное въ революціи.

Въ ихъ числѣ есть люди добрые, храбрые, искренно преданные

¹⁾ Завсегдатаи.

²⁾ Tableau—картина.

и готовые стать под пулю, но большей частью очень недалёкие и чрезвычайные педанты. Неподвижные консерваторы во всеъ революціонномъ, они останавливаются на какой-нибудь программѣ и не идутъ впередъ.

Толкуя всю жизнь о небольшомъ числѣ политическихъ мыслей, они объ нихъ знаютъ, такъ сказать, ихъ риторическую сторону, ихъ священническое облаченіе, т.-е. тѣ общія мѣста, которыя послѣдовательно появляются одни и тѣ же, à tout de rôle ¹⁾, какъ уточки въ извѣстной дѣтской игрушкѣ, въ газетныхъ статьяхъ, въ банкетныхъ рѣчахъ и въ парламентскихъ выходкахъ.

Сверхъ людей наивныхъ, революціонныхъ доктринеровъ, въ эту среду естественно втекаютъ непризнанные артисты, несчастные литераторы, студенты, не окончившіе курса, но окончившіе ученье, адвокаты безъ процессовъ, артисты безъ таланта, люди съ большимъ самолюбіемъ, но съ малыми способностями, съ огромными притязаніями, но безъ выдержки и силы на трудъ. Внѣшнее руководство, которое гуртомъ пасетъ въ обыкновенныя времена стада человѣческія, слабѣетъ во времена переворотовъ; люди, оставленные сами на себя, не знаютъ, что имъ дѣлать. Легкость, съ которой, и то только повидимому, всплываютъ знаменитости въ революціонныя времена, поражаетъ молодое поколѣніе, и оно бросается въ пустую агитацію; она приучаетъ ихъ къ сильнымъ потрясеніямъ и отучаетъ отъ работы. Жизнь въ кофейныхъ и клубахъ увлекательна, полна движенія, льститъ самолюбіе и вовсе не стѣсняетъ. Опоздать нельзя, трудиться не нужно, что не сдѣлано сегодня, можно сдѣлать завтра, можно и вовсе не дѣлать.

Хористы революціи, подобно хору греческихъ трагедій, дѣлается еще на полухоры; къ нимъ идетъ батаническая классификація: одни изъ нихъ могутъ назваться *тайнобрачными*, другіе—*явнобрачными*. Одни изъ нихъ дѣлаются вѣчными заговорщиками, мѣняють по нѣскольку разъ квартиру и форму бороды. Они таинственно приглашаютъ на какія-то необыкновенно важныя свиданія, если можно, ночью или въ какомъ-нибудь неудобномъ мѣстѣ. Встрѣчаясь публично съ своими друзьями, они не любятъ кланяться головой, а значительно кланяются глазами. Многіе скрываютъ свой адресъ, не сообщаютъ день отъѣзда, не сказываютъ, куда ѣдутъ, пишутъ шифрами и химическими чернилами новости, напечатанныя просто голландской сажой въ газетахъ.

При Людовикѣ-Филиппѣ, рассказывалъ мнѣ одинъ французъ, Э., замѣшанный въ какое-то политическое дѣло, скрывался въ

¹⁾ По мѣрѣ развертыванія свертка.

Парижѣ; при всѣхъ своихъ прелестяхъ, такая жизнь становится à la longue ¹⁾ утомительна и скучна. Делессеръ ²⁾, bon vivant ³⁾ и богатый человекъ, былъ тогда префектомъ; онъ служилъ по полиціи не изъ нужды, а изъ страсти, и любилъ иногда весело пообщаться. У него и у Э. было много общихъ пріятелей; разъ, между «грушей и сыромъ» ⁴⁾, какъ говорятъ французы, одинъ изъ нихъ сказалъ ему:

— Какая досада, что вы такъ преслѣдуете бѣднаго Э! Мы лишены славнаго собесѣдника, и онъ долженъ скрываться, какъ преступникъ.

— Помилуйте,—сказалъ Делессеръ,—объ его дѣлѣ помину нѣтъ. Зачѣмъ онъ прячется? (Знакомые его иронически улыбались). Я его постараюсь увѣрить, что онъ дѣлаетъ вздоръ, и васъ съ тѣмъ вмѣстѣ.

Пріѣхавши домой, онъ позвалъ одного изъ главныхъ шпионовъ и спросилъ его:

— Что Э., въ Парижѣ?

— Въ Парижѣ,—отвѣчалъ шпионъ.

— Прячется?—спросилъ Делессеръ.

— Прячется,—отвѣчалъ шпионъ.

— Гдѣ?—спросилъ Делессеръ. Шпионъ вынулъ книжку, порылся въ ней и прочелъ его адресъ.

— Хорошо, такъ ступайте къ нему завтра утромъ рано и скажите, что онъ напрасно беспокоится, что мы его не ищемъ, и что онъ можетъ спокойно жить на своей квартирѣ.

Шпионъ въ точности исполнилъ приказаніе, а, черезъ два часа послѣ его визита, Э. таинственно извѣщалъ своихъ близкихъ и друзей, что онъ уѣзжаетъ изъ Парижа и будетъ скрываться въ одномъ изъ дальнихъ городовъ, потому, де, что префектъ открылъ мѣсто, гдѣ онъ прятался!

Сколько заговорщики стараются покрыть прозрачной завѣсой таинственности и краснорѣчивымъ молчаніемъ свою тайну, столько явнорачные стараются обличить и разболтать все, что есть за душой.

Это—безсмѣнные трибуны кофейныхъ и клубовъ; они постоянно недовольны всѣмъ и хлопчутъ обо всемъ, все сообщаютъ, даже то, чего не было, а то, что было, является у нихъ, какъ

¹⁾ Въ теченіе долгаго времени.

²⁾ Габріель-Абрагамъ.

³⁾ Человекъ, любящій пожить.

⁴⁾ Т.-е. къ концу обѣда; по-французски: entre la poire et le fromage.

горы въ рельефныхъ картахъ, возведенное въ квадратъ и кубъ. Глазъ до того къ нимъ привыкаетъ, что невольно ищетъ ихъ при всякомъ уличномъ шумѣ, при всякой демонстраціи, на всякомъ банкетѣ.

...Для меня зрѣлище въ *café Lamblin* было еще ново; я мало былъ знакомъ тогда съ заднимъ дворомъ революціи. Правда, я ходилъ въ Римѣ и въ *café delle Belle Arti* и на площадь, бывалъ въ *Circolo Romano* и въ *Circolo Popolare*, но тогдашнее римское движеніе не имѣло еще того характера политической махровости, который особенно развился послѣ неудачъ 1848 года. Чичероваккіо и его друзья имѣли свои наивности, свою южную мимику, которая намъ кажется фразой, и свои итальянскія фразы, которыя мы принимаемъ за декламацию, но они были въ періодѣ юнаго увлеченія, они еще не пришли въ себя послѣ трехвѣкового сна; *il popolano* ¹⁾ Чичероваккіо вовсе не былъ политическимъ агитаторомъ по ремеслу, онъ ничего лучше не просилъ бы, какъ снова удалиться съ миромъ въ свой небольшой домъ *Strada Ripetta* ²⁾ и торговать лѣсомъ и дровами въ кругу своей семьи, какъ *pater familias* ³⁾ и свободный *civis romanus* ⁴⁾.

Въ людяхъ, его окружавшихъ, не могло быть той печати пошлаго, изболтавшагося псевдо-революціонизма, того характера *taré* ⁵⁾, который такъ печально распространился во Франціи.

Само собою разумѣется, что, говоря о кофейныхъ агитаторахъ и о революціонныхъ лацарони, я вовсе не думалъ о тѣхъ сильныхъ работникахъ чловѣческаго освобожденія, о тѣхъ огненныхъ проповѣдникахъ независимости, о тѣхъ мученикахъ любви къ ближнему, которымъ ни тюрьма, ни ссылка, ни изгнаніе, ни бѣдность не перерѣзала рѣчи, о тѣхъ дѣлателяхъ и двигателяхъ событій, кровью, слезами и рѣчами которыхъ водворяется новый порядокъ въ исторіи. У насъ рѣчь шла о той накопѣвшей закраинѣ, покрытой празднымъ пустоцвѣтомъ, для которой сама агитація—цѣль и награда, которымъ процессъ народныхъ возстаній нравится, какъ процессъ чтенія нравился Петрушкѣ Чичикова или какъ шагистика—Николаю.

Реакціи радоваться нечему,—не такими репейниками и мухоморами поросла она и не на закраинахъ, а повсюду. Въ ней цѣлѣя населенія чиновниковъ, дрожавшихъ передъ начальниками, шныряю-

¹⁾ Дитя своего народа.

²⁾ Улица въ Римѣ.

³⁾ Отецъ семейства.

⁴⁾ Римскій гражданинъ.

⁵⁾ Съ изъяномъ.

щихъ шпионовъ, вольнонаемныхъ убійцъ, готовыхъ драться съ той и другой стороны, офицеровъ во всѣхъ отвратительныхъ видахъ, отъ прусскаго юнкертума до хищныхъ французскихъ алжирцевъ, отъ гвардейцевъ до «камеръ-пажей». И тутъ мы еще только коснулись свѣтской реакціи, не трогая ни нищенствующую братію, ни интригующихъ іезуитовъ, ни полицействующихъ поповъ, ни прочихъ членовъ ангельскаго и архангельскаго чина.

Если въ реакціи есть что-нибудь похожее на нашихъ дилетантовъ революціи, то это—придворные, люди, употребляемые для церемоній, люди выходовъ и входовъ, люди, бросающіеся въ глаза на крестинахъ и бракосочетаніяхъ, на коронаціяхъ и похоронахъ, люди для мундира, для шитья, представляющіе лучи власти, ея ароматъ.

Въ café Lamblin, гдѣ отчаянные граждане сидѣли за пиверами ¹⁾ и большими стаканами, я узналъ, что нѣтъ никакого плана, нѣтъ никакаго настоящаго центра движенія, никакой программы. Вдохновеніе должно было сойти, какъ нѣкогда святой духъ на голову апостоловъ. Только въ одномъ пунктѣ всѣ были согласны,—*est томъ, чтобъ явиться на мѣсто сбора безъ оружія*. Послѣ пустой болтовни, продолжавшейся часа два, условившись, чтобъ завтра, въ восемь часовъ утра собраться на Boulevard Bonne Nouvelle, противъ Château d'Eau, мы отправились въ редакцію «Истиной Республики» ²⁾.

Издателя ³⁾ не было дома: онъ поѣхалъ къ «горцамъ» ⁴⁾ за инструкціями. Въ большой, почернѣлой, слабо освѣщенной и еще слабѣе меблированной залѣ, служившей редакціи для сбора и совѣщаній, было человекъ двадцать, большей частью поляки и нѣмцы. Сазоновъ взялъ листъ бумаги и принялся что-то писать; написавши, онъ намъ прочелъ: это была протестація отъ имени эмигрантовъ всѣхъ странъ противъ занятія Рима и заявленіе готовности ихъ принять участіе въ движеніи. Тѣмъ, кто хотѣлъ обезсмертить свое имя, связывая его съ славнымъ завтра, онъ предлагалъ подписаться. Почти всѣ хотѣли обезсмертить свое имя и подписались. Вошелъ издатель, усталый, невеселый, стараясь внушить, что онъ много знаетъ, но долженъ молчать: я былъ увѣренъ, что онъ ничего не знаетъ. «Citoyens»,—сказалъ Торэ,—«la Montagne est en perma-

¹⁾ Le petit verre—«рюмочка», буквально—маленькій стаканъ, вслѣдствіе чего ниже получается каламбуръ.

²⁾ «La Vraie République»; газета 1848 г., сотрудники: Ж. Сандъ, П. Леру и А. Барбесъ; въ 1849 г. называлась «Le Journal de la Vraie République».

³⁾ Теофиль Торэ.

⁴⁾ Т.-е. монтаньярамъ.

пепсе»¹⁾. Ну, что же сомнѣваться въ успѣхѣ—en permanence!.. Сазоновъ передалъ издателю протестацію европейской демократіи. Издатель перечиталъ и сказалъ: «Это прекрасно, это прекрасной Франція васъ благодарить, граждане. Но зачѣмъ же подписи? Ихъ такъ немного, что, въ случаѣ неудачи, на васъ обрушится вся злоба нашихъ враговъ».

Сазоновъ настаивалъ, чтобъ имена остались; многіе были согласны съ нимъ. «Я не беру этого на мою отвѣтственность», возразилъ издатель; «простите меня, я лучше васъ знаю, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло». При этомъ онъ оторвалъ подписи и предалъ имена дюжины кандидатовъ на безсмертіе всеожженію на свѣчѣ, а текстъ послалъ набирать въ типографію.

Когда мы вышли изъ редакціи, разсвѣтало; толпы оборванныхъ мальчишекъ и несчастныхъ, убого одѣтыхъ женщинъ стояли, сидѣли, лежали по тротуарамъ, возяѣ разныхъ редакцій, ожидая кипы журналовъ—однѣ, чтобъ ихъ складывать, другіе, чтобъ бѣжать съ ними во всѣ концы Парижа. Мы вышли на бульваръ; тишина была совершенная, изрѣдка попадались патрули національной гвардіи; прогуливались и лукаво посматривавшіе городовые сержанты.

— Какъ беззаботно спитъ этотъ городъ,—сказалъ мой товарищъ²⁾,—не предчувствуя, какая гроза его разбудитъ завтра!

— Вотъ, кто не спитъ за насъ за всѣхъ,—сказалъ я ему, указывая наверхъ, то-есть на освѣщенное окно въ Maison-Dorée³⁾.—Это очень кстати, зайдемъ выпить абсенту; у меня что-то на желудкѣ нехорошо.

— А у меня пусто, къ тому же оно и недурно поужинать; какъ ѣдятъ въ Капитоліи, я не знаю, ну, а въ Консьержери кормятъ отвратительно.

По костюмъ холодной индѣйки, оставшимся отъ трапезы нашей, нельзя было догадаться ни того, что холера свирѣпствовала въ Парижѣ, ни того, что мы идемъ черезъ два часа мѣнять судьбы Европы. Мы ѣли въ Maison—Dorée такъ, какъ Наполеонъ спалъ подъ Аустерлицемъ.

Часу въ девятомъ⁴⁾, когда мы пришли на бульваръ Bonne Nouvelle, на немъ уже стояли многочисленныя кучки людей, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ, что дѣлать; на лицахъ было написано недоумѣніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ по особенной фізіономіи

¹⁾ Граждане, Гора засѣдаетъ непрерывно.

²⁾ Ж.-Б. Бокэ.

³⁾ Ресторанъ, расположенный между улицами Laffitte и Taitbout.

⁴⁾ 13 июня.

группъ видно было большое озлобленіе. Найди себѣ эти люди настоящихъ вожатаевъ, день не окончился бы фарсомъ.

Была минута, въ которую мнѣ показалось, что сейчасъ завяжется дѣло. Какой-то господинъ довольно тихо ѣхалъ верхомъ по бульварамъ. Въ немъ узнали одного изъ министровъ (Лакросъ ¹⁾), который, вѣроятно, не для одного чистаго воздуха прогуливался верхомъ такъ рано. Его окружили съ крикомъ, стащили съ лошади, изодрали ему фракъ и потомъ отпустили, т.-е. другая группа отбила его и эскортировала куда-то. Толпа росла, часамъ къ десяти могло быть до двадцати пяти тысячъ человекъ. Кого мы ни спрашивали, къ кому мы ни обращались, никто ничего не зналъ. Керсози ²⁾, время минувшихъ карбонаро, увѣрялъ насъ, что банлье входитъ въ Arc de Triomphe съ крикомъ: «Vive la République!» — «Пуще всего», опять повторяли всѣ старѣйшины демократіи, «будьте безъ оружія, а то вы испортите характеръ дѣла. Самодержавный народъ долженъ мирно и торжественно заявить собранію свою волю, чтобъ не дать врагамъ никакого повода къ клеветѣ».

Наконецъ, колонны состроились. Изъ насъ, иностранцевъ, составили почетную фалангу за самыми вожатаями, въ числѣ которыхъ были Э. Араго ³⁾, въ полковничьемъ мундирѣ, бывший министръ Бастидъ ⁴⁾ и другія знаменитости 1848 года. Съ разными криками и съ марсельезой двинулись мы по бульвару. Кто не слыхалъ марсельезы, пѣтой тысячами голосовъ въ томъ нервномъ раздраженіи и въ томъ раздумьи, которое необходимо является передъ извѣстной борьбой, тотъ врядъ ли пойметъ потрясающее дѣйствіе революціоннаго псалма.

Въ эту минуты демонстрація получила величавый характеръ. По мѣрѣ того, какъ мы тихо двигались по бульварамъ, всѣ окна открывались; дамы, дѣти толкались у нихъ и выходили на балконы; мрачныя и встревоженныя лица ихъ мужей, отцовъ-пропріетеровъ ⁵⁾ выглядывали изъ-за нихъ, не замѣчая, что въ четвертыхъ этажахъ и мансардахъ высовывались другія головки, бѣдныхъ швей и работницъ: онѣ махали намъ платками, кланялись и привѣтствовали руками. Время отъ времени подымались разные крики, когда мы проходили мимо домовъ извѣстныхъ лицъ.

Такъ дошли мы до того мѣста, гдѣ Rue de la Paix входитъ въ бульвары; она была заперта взводомъ венсенскихъ стрѣлковъ,

¹⁾ Бертранъ-Теобальдъ, министръ общественныхъ работъ.

²⁾ Іоакимъ-Рене, франц. офицеръ.

³⁾ Этьенъ, управлявшій почтовымъ вѣдомствомъ.

⁴⁾ Жюль, министръ иностран. дѣлъ.

⁵⁾ Propriétaire — собственникъ.

и, когда наша колонна поравнялась съ ними, стрѣлки вдругъ разступились, какъ декорація въ театрѣ, — и Шангарнье ¹⁾, верхомъ на небольшой лошади, скакаль передъ эскадрономъ драгунъ. Безъ всякихъ соммацій ²⁾, безъ барабаннаго боя и прочихъ закономъ предписанныхъ формъ, онъ, смявъ передовые ряды, отрѣзалъ ихъ отъ прочихъ и, развернувъ драгунъ на двѣ стороны, велѣлъ имъ скорымъ шагомъ расчистить улицу. Драгуны съ какимъ-то упоеніемъ пустились мять людей, рубя палашами плашмя и острой стороной при малѣйшемъ сопротивленіи. Я едва успѣлъ сообразить, что случилось, какъ очутился носъ съ носомъ съ лошадыю, которая фыркала мнѣ въ лицо, и съ драгуномъ, который, ругаясь, также не заглаза, грозился вытянуть меня фухтелемъ, если я не пойду въ сторону. Я подался направо и въ одно мгновеніе былъ увлеченъ толпой и прижать къ рѣшеткѣ Rue Basse des Remparts. Изъ нашего ряда остался возлѣ меня одинъ М.-Стрюбингъ; между тѣмъ, драгуны жали передовыхъ людей лошадыми, а они насъ—людьми, которымъ некуда было дѣться. Э. Араго соскочилъ въ улицу Basse des Remparts, поскользнулся и вывихнулъ себѣ ногу; вслѣдъ за нимъ соскочилъ и я со Стрюбингомъ. Мы взглянули другъ на друга съ какимъ-то бѣшенствомъ негодованія; Стрюбингъ обернулся и громко закричалъ: «Au armes! au armes!» ³⁾. Человѣкъ въ блузѣ схватилъ его за воротникъ и, толкая въ другую сторону, сказалъ: «Что вы, съ ума сошли, что ли?.. смотрите сюда». По улицѣ, должно быть Chaussée d'Antin, двигалась густая щетина штыковъ. «Ступайте, пока васъ не слышали да пока не отрѣзали дороги». «Все пропало! все!»—прибавилъ онъ, сжимая кулакъ, и, напѣвая пѣсню, будто, ничего не было, удалился скорыми шагами. Мы пошли на площадь Согласія. На Елисейскихъ поляхъ не было ни одного взвода изъ банлье; вѣдь, и Керсози зналъ, что не было: это была дипломатическая ложь ко спасенію, а, можетъ, она была бы и къ гибели тѣхъ, которые повѣрили бы.

Наглость нападенія на безоружныхъ людей возбудила большую злобу. Будь, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь приготовлено, будь вожатые, не было бы ничего легче, какъ начать настоящей бой. «Гора», вмѣсто того, чтобъ явиться во весь ростъ, услышавъ о томъ, какъ смѣшно разогнали лошадыми самодержавный народъ, скрылась за облакомъ.

¹⁾ Никола, франц. генераль, отличившійся во время алжирскаго похода, при Людовикѣ-Филиппѣ.

²⁾ Sommatіon—требованіе.

³⁾ «Къ оружію! къ оружію!» Правильно «Aux armes», что въ произношеніи было бы «озармъ», а М.-С. кричалъ именно «оармъ».

Ледрю-Ролленъ велъ переговоры съ Гинаромъ ¹⁾. Гинаръ, начальникъ артиллеріи національной гвардіи, хотѣлъ самъ пристать къ движенію, хотѣлъ дать людей, соглашался дать пушки, но ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ *давать зарядовъ*,—онъ какъ-то хотѣлъ дѣйствовать *моральной стороной пушекъ*; то же дѣлалъ со своимъ легиономъ Форестье ²⁾. Много ли имъ помогло это, — мы видѣли по версальскому процессу. Всѣмъ чего-то хотѣлось, но никто не дерзалъ; всего предусмотрительнѣе оказались нѣсколько молодыхъ людей: съ надеждой на новый порядокъ, они заказали себѣ префектскіе мундиры, которыхъ, послѣ неудачи движенія, не взяли, и портной принужденъ былъ вывѣсить ихъ на продажу.

Когда наскоро сколоченное правительство расположилось въ Arts et Métiers ³⁾, работники, походивши по улицамъ съ вопрошающимъ взглядомъ и не находя ни совѣта, ни призыва, отправились домой, еще разъ убѣдившись въ несостоятельности «горныхъ» отцовъ отечества, можетъ быть, глотая слезы, какъ блузникъ, говорившій намъ: «Все погибло! все!», а можетъ, и смѣясь исподтишка тому, что «гора» опростоволосилась.

Но нерасторопность Ледрю-Роллена, формализмъ Гинара,—все это — внѣшнія причины неудачи и являются съ тѣмъ же *кстати*, какъ рѣзкіе характеры, и счастливыя обстоятельства, когда ихъ нужно. Внутренняя причина состояла въ бѣдности той республиканской идеи, изъ которой шло движеніе. Идеи, пережившія свое время, могутъ долго ходить съ клюкой, могутъ даже, какъ Христосъ, еще разъ-два показаться послѣ смерти своимъ adeptамъ, но трудно для нихъ снова завладѣть жизнью и вести ее. Они не увлекаютъ всего человѣка или увлекаютъ только неполныхъ людей. Если-бъ «гора» одолѣла 13 іюня, что бы она сдѣлала? Новаго у нея за душой ничего не было: опять безцвѣтная фотографія яркой и мрачной рембрандтовской, сальваторъ-розовской картины 1793 года, безъ яковинцевъ, безъ войны, даже безъ наивной гильотины...

Вслѣдъ за 13 іюня и опытомъ ліонскаго возстанія начались аресты; мэръ съ полиціей приходилъ къ намъ въ Ville-d'Avray искать К. Блинда и А. Руге; ⁶ часть знакомыхъ была захвачена. Консьержери была набита биткомъ: въ небольшомъ залѣ было до шестидесяти человѣкъ; посреди него стоялъ ушатъ для нечистотъ, разъ

¹⁾ Огюсть-Жозефъ.

²⁾ Генри - Жозефъ, начальникъ 4-го легиона парижской національной гвардіи.

³⁾ Conservatoire impérial des Arts et Métiers — великолѣпное зданіе на улицѣ Saint Martin, предназначенное для выставки машинъ и земледѣльческихъ орудій.

въ сутки его выносили,—и все это въ образованномъ Парижѣ, во время свирѣпѣйшей холеры. Не имѣя ни малѣйшей охоты прожить мѣсяца два въ этомъ комфортѣ, на гнилыхъ бобахъ и тухлой говядинѣ, я взялъ пассъ у одного молдо-валаха и уѣхалъ въ Женеву ¹⁾).

Тогда еще возили Францію Lafitte и Caillard ²⁾); дилижансы ставили на желѣзную дорогу, потомъ снимали, помнится, въ Шалонѣ и опять гдѣ-то ставили. Со мной въ купѣ сѣлъ худощавый мужчина, загорѣлый, съ подстриженными усами, довольно непріятной наружности и подозрительно посматривавшій на меня; съ нимъ былъ небольшой сакъ и шпага, завернутая въ клеенку. Очевидно, что это былъ переодѣтый городской сержантъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потомъ уткнулся въ уголь и не произнесъ ни одного слова. На первой станціи онъ подозвалъ кондуктора и сказалъ ему, что забылъ превосходную карту, что онъ его обяжетъ, давши клочокъ бумаги и конвертъ. Кондукторъ замѣтилъ, что до звонка остается всего минуты три; сержантъ выпрыгнулъ и возвратившись сталъ еще подозрительнѣе осматривать меня. Часа четыре продолжалось молчаніе, даже позволеніе курить онъ спросилъ у меня молча; я отвѣчалъ также головой и глазами и вынулъ самъ сигару. Когда стало смеркаться, онъ спросилъ меня:

— Вы въ Женеву?

— Нѣтъ, въ Ліонъ,—отвѣчалъ я.

— А!—Тѣмъ разговоръ и кончился.

Черезъ нѣсколько времени отворилась дверь, и кондукторъ съ трудомъ всунулъ плѣшивую фигуру въ пространномъ гороховомъ пальто, въ цвѣтномъ жилетѣ, съ толстой тростью, мѣшкомъ, зонтикомъ и огромнымъ животомъ. Когда этотъ типъ добродѣтельнаго дяди усѣлся между мной и сержантомъ, я его спросилъ, не давши ему прійти въ себя отъ одышки:

— Monsieur, vous n'avez pas d'objection? ³⁾.

Кашляя, отирая потъ и повязывая фуляромъ голову, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Сдѣлайте одолженіе; помилуйте, мой сынъ, который теперь

¹⁾ Какъ справедливы были мои опасенія, доказалъ полицейскій обыскъ, сдѣланный дня три послѣ моего отъѣзда въ домъ моей матери, въ Ville-d'Avray. У нея захватили всѣ бумаги, даже переписку ея горничной съ моимъ поваромъ. Разсказъ о 13 іюня я не счелъ своевременнымъ печатать тогда ²⁾.

А. И. Г.

³⁾ Старинная компанія дилижансовъ, существовавшая еще до самаго послѣдняго времени.

⁴⁾ Сударь, вы ничего не имѣете противъ?

⁵⁾ См. стр. 266—267 т. V.

въ Алжирѣ, всегда курить, *il fume toujours* ¹⁾)—и потомъ, съ легкой руки, пошелъ рассказывать и болтать; черезъ полчаса онъ уже допросилъ меня, откуда я и куда я ѣду, и, услыжавъ, что я изъ Валахиі, съ свойственной французу учтивостью прибавилъ: «Ah! c'est un beau pays» ²⁾), хотя онъ и не зналъ навѣрное, въ Турціи она или въ Венгріи.

Сосѣдъ мой отвѣчалъ на его вопросы очень лаконически. *Monsieur est militaire?*—*Oui, Monsieur.*—*Monsieur a été en Algérie?*—*Oui, Monsieur* ³⁾).—Мой старшій сынъ тоже, онъ и теперь тамъ. Вы, вѣрно, въ Оранъ?—*Non, monsieur.*—А въ вашихъ странахъ есть дилижансы?

— Между Яссами и Бухарестомъ,—отвѣчалъ я съ неподражаемой самоувѣренностью. Только у насъ дилижансы ходятъ на волахъ.

Это привело въ крайнее удивленіе моего сосѣда, и онъ, навѣрное, присягнулъ бы, что я валахъ; послѣ этой счастливой подробности даже сержантъ смягчился и сталъ разговорчивѣе.

Въ Ліонѣ я взялъ свой чемоданъ и тотчасъ поѣхалъ въ другую контору дилижансовъ, вскарабкался на имперіаль и черезъ пять минутъ скакалъ уже по женевской дорогѣ. Въ послѣднемъ большемъ городѣ, на площадкѣ передъ полицейскимъ домомъ, сидѣлъ комиссаръ полиціи съ писаремъ, около стояли жандармы: тутъ свидѣтельствовали предварительно пассы. Примѣты не совсѣмъ шли ко мнѣ, а потому, слѣзая съ имперіала, я сказалъ жандарму:

— *Mon brave* ⁴⁾), пожалуйста, гдѣ бы на скорую руку выпить стаканъ вина съ вами? укажите, мочи нѣтъ, какой жаръ.

— Да вотъ тутъ, два шага, кафэ моей родной сестры.

— А какъ же быть съ пассомъ?

— Давайте сюда, я отдамъ моему товарищу, онъ принесетъ его намъ.

Черезъ минуту мы осушали съ жандармомъ бутылку бонъ ⁵⁾ въ кафэ его родной сестры, а черезъ пять—его пріятель принесъ пассъ, я ему поднесъ стаканъ, онъ приложилъ руку къ шляпѣ, и мы отправились друзьями къ дилижансу. Первый разъ сошло хорошо съ рукъ. Приѣзжаемъ на границу—рѣка, на рѣкѣ мостъ, за мостомъ піемонтская таможня. Французскіе жандармы на берегу таскаются во всѣхъ направленіяхъ, ищутъ Ледрю-Роллена, который давно проѣхалъ, или, по крайней мѣрѣ, Феликса Піа, который, все-таки, проѣдетъ и такъ же, какъ и я, съ валахскимъ пассомъ.

¹⁾ Онъ всегда курить.

²⁾ А. это—прекрасная страна.

³⁾ Вы—военный?—Да. —Вы были въ Алжирѣ?—Да.

⁴⁾ Любезный.

⁵⁾ *Une bonne bouteille*—бутылка добраго вина.

Кондукторъ замѣтилъ намъ, что здѣсь окончательно смотрять бумаги, что это продолжается довольно долго, съ полчаса, въ силу чего совѣтоваль поѣсть въ почтовомъ трактирѣ. Мы вошли и только что усѣлись, прикатилъ другой ліонскій дилижансъ; входятъ пассажиры, и первый—мой сержантъ. Фу, пропасть какая, я, вѣдь, ему сказалъ, что ѣду въ Ліонъ... Мы съ нимъ сухо поклонились, онъ также, кажется, удивился, однако, не сказалъ ни слова.

Пришелъ жандармъ, роздалъ пасты, дилижансы были уже на той сторонѣ. «Извольте, господа, отправляться пѣшкомъ черезъ мостъ». Вотъ тутъ-то, думаю, и пойдетъ исторія. Вышли мы... Вотъ и на мосту,—исторіи нѣтъ, вотъ и за мостомъ,—исторіи нѣтъ.

— Ха, ха, ха!—сказалъ, нервно смѣясь, сержантъ,—переѣхали таки, фу, какъ будто какая-нибудь тяжесть свалилась.

— Какъ,—сказалъ я,—да вы?

— Да, вѣдь, и вы, кажется?

— Помилуйте, — отвѣчалъ я, смѣясь отъ души, — прямо изъ Бухареста, чуть не на волахъ.

— Ваше счастье,—сказалъ мнѣ кондукторъ, грозя пальцемъ,— а впередъ будьте осторожнѣе. Зачѣмъ вы дали два франка на водку мальчику, который привелъ васъ въ контору? Хорошо, что онъ тоже *наше*, онъ мнѣ тотчасъ сказалъ: «должно быть, красный, ни минуты не остался въ Ліонѣ и такъ обрадовался мѣсту, что далъ мнѣ два франка на водку». Ну, молчи, не твое дѣло, сказалъ я ему, а то услышитъ бестія какая-нибудь полицейская и, пожалуй, остановитъ.

На другой день мы приѣхали въ Женеву, эту старинную гавань гонимыхъ... «Во время смерти короля, сто пятьдесятъ семействъ, говоритъ Мишле въ своей исторіи XVI столѣтія, бѣжали въ Женеву; спустя нѣкоторое время,—еще тысяча четыреста. Выходцы французскіе и выходцы изъ Италіи основали истинную Женеву, это удивительное убѣжище между тремя націями; безъ всякой опоры, боясь самихъ швейцарцевъ, оно держалось одной нравственной силой».

Швейцарія была тогда сборнымъ мѣстомъ, куда сходились со всѣхъ сторонъ уцѣлѣвшіе остатки европейскіихъ движеній. Представители всѣхъ неудавшихся революцій кочевали между Женевой и Базелемъ, толпы ополченцевъ переходили Рейнъ, другіе спускались съ С.-Готарда или шли изъ-за Юры. Трусливое федеральное правительство еще не смѣло открыто ихъ гнать, кантоны еще держались за свое старинное, святое право убѣжища.

Точно на смотру, церемоніальнымъ маршемъ проходили по Женевѣ, останавливались, отдыхали и шли дальше всѣ эти люди, которыми была полна молва, которыхъ я любилъ заочно и къ которымъ теперь торопился навстрѣчу...

ГЛАВА XXXVII.

Вавилонское столпотвореніе.—Нѣмецкіе *umwälzungsmänner*ы ¹⁾.—Французскіе красные горцы.—Итальянскіе *fuogusciti* ²⁾ въ Женевѣ.—Маццини, Гарибальди, Орсини...—Романская и германская традиція.—Прогулка на «Князь Радецкомъ».

Было время, когда въ порывѣ раздраженія и горькаго смѣха, я собирался, на манеръ гранвилевской ³⁾ иллюстраціи, написать памфлетъ: *Les réfugiés peints par eux-mêmes*⁴⁾. Я радъ, что не сдѣлалъ этого. Теперь я смотрю покойнѣе, меньше смѣюсь и меньше негодую. Къ тому же и эмиграція продолжается слишкомъ долго и слишкомъ тяжело гнететь людей...

Тѣмъ не меньше, я и теперь скажу, что эмиграціи, предпринимаемая не съ опредѣленной цѣлью, а вытѣсняемая побѣдой противной партіи, замыкають развитіе и утягивають людей изъ живой дѣятельности въ призрачную. Выходя изъ родины съ за-таенной злобой, съ постоянной мыслью завтра снова въ нее ѣхать, люди не идутъ впередъ, а постоянно возвращаются къ старому; надежда мѣшаетъ осѣдлости и длинному труду; раздраженіе и пустые, но озлобленные споры не позволяютъ выйти изъ извѣстнаго числа вопросовъ, мыслей, воспоминаній, изъ которыхъ образуется обязательное, тяготящее преданіе. Люди, вообще, но пуще всего люди въ исключительномъ положеніи, имѣють такое при-страстіе къ формализму, къ цеховому духу, къ профессиональной

¹⁾ Дѣлатели переворота.

²⁾ Изгнанники.

³⁾ Гранвиль—псевдонимъ франц. карикатуриста Жана Жерара.

⁴⁾ Эмигранты въ собственномъ ихъ изображеніи.

наружности, что тотчасъ принимаютъ свой ремесленническій, док-тринерный типъ.

Всѣ эмиграціи, отрѣзанныя отъ живой среды, къ которой принадлежали, закрываютъ глаза, чтобъ не видѣть горькихъ истинъ, и вживаются болѣе въ фантастическій, замкнутый кругъ, состоящій изъ косныхъ воспоминаній и несбыточныхъ надеждъ. Если прибавимъ къ тому отчужденіе отъ не-эмигрантовъ, что-то озлобленное, подозрѣвающее, исключительное, ревнивое, то новый, упрямый Израиль будетъ совершенно понятенъ.

Эмигранты 1849 не вѣрили еще въ продолжительность побѣды своихъ враговъ; хмель недавнихъ успѣховъ еще не проходилъ у нихъ; пѣсни ликующаго народа и его рукоплесканія еще раздавались въ ихъ ушахъ. Они твердо вѣрили, что ихъ пораженіе—минутная неудача, и не перекладывали платья изъ чемодана въ комодъ. Между тѣмъ, Парижъ былъ подъ надзоромъ полиціи, Римъ палъ подъ ударами французовъ, въ Баденѣ свирѣпствовалъ братъ короля прусскаго, а Паскевичъ по-русски, взятками и посулами, надулъ Гергея ¹⁾ въ Венгріи. Женева была биткомъ набита выходцами, она дѣлалась Кобленцомъ революціи 1848 года. Итальянцы всѣхъ странъ, французы, ушедшіе отъ Бошарова слѣдствія, отъ версальскаго процесса, баденскіе ополченцы, вступившіе въ Женеву правильнымъ строемъ, съ своими офицерами и съ Густавомъ Струве ²⁾, участники вѣнскаго возстанія, богемцы, познанскіе и галиційскіе поляки,—все это толпилось между отель де Бергъ ³⁾ и почтовымъ кафѣ ⁴⁾. Умнѣйшіе изъ нихъ стали догадываться, что эта эмиграція не минутна, поговаривали объ Америкѣ и уѣзжали. Большинство, совсѣмъ напротивъ, и въ особенности французы, вѣрные своей натурѣ, ждали всякій день смерти Наполеона и народненія республики: демократической и соціальной—одни, другіе—демократической, но отнюдь не соціальной.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, гуляя въ Паки, я встрѣтилъ какого-то пожилого господина съ видомъ русскаго сельскаго священника, въ низкой шляпѣ съ большими полями, въ *черномъ* бѣломъ сюртукѣ, прогуливавшася съ какимъ-то іерейскимъ помазаніемъ; возлѣ него шелъ челоуѣкъ страшныхъ размѣ-

¹⁾ Артуръ, одинъ изъ главныхъ предводителей венгерской инсurreкціонной арміи, тогда обвиненный въ измѣнѣ, въ 1883 г. совершенно реабилитированный.

²⁾ Германскій политическій дѣятель, френологъ, горячій пропагандистъ вегетеріанства; видный участникъ баденскихъ революціонныхъ движеній.

³⁾ Hôtel des Bergues.

⁴⁾ Café de la Poste.

ровъ, небрежно собранный изъ огромныхъ частей людского тѣла. Со мной былъ молодой литераторъ Ф. Каппъ.

— Вы не знаете ихъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, но, если я не ошибаюсь, это Ной или Лотъ, прогуливающийся съ Адамомъ, который, вмѣсто фиговыхъ листьевъ, надѣлъ не по мѣркѣ сшитое пальто.

— Это Струве и Гейнценъ ¹⁾—отвѣтилъ онъ, смѣясь. Хотите познакомиться?

— Очень.—Онъ подвелъ меня.

Разговоръ былъ ничтоженъ; Струве возвращался домой и просилъ зайти; мы пошли съ нимъ. Небольшая квартира его была наполнена баденцами; середь ихъ сидѣла высокая и издали очень красивая женщина, съ богатой шевелюрой, оригинальнымъ образомъ разбросанной; это была извѣстная Амалія Струве, его жена ²⁾.

Лицо Струве съ самаго начала сдѣлало на меня странное впечатлѣніе: оно выражало тотъ нравственный столбнякъ, который изувѣрство придаетъ святошамъ и раскольникамъ. Глядя на этотъ крѣпкій, сжатый лобъ, на покойное выраженіе глазъ, на нечесаную бороду, на волосы съ просѣдью и на всю его фигуру, мнѣ казалось, что это или какой-нибудь фанатическій пасторъ изъ войска Густава-Адольфа, забывшій умереть, или какой-нибудь таборитъ ³⁾, проповѣдующій покаяніе и причастіе въ двухъ видахъ. Наружность Гейнца, этого Собакевича нѣмецкой революціи, была угрюмо груба; сангвиническій, неуклюжій, онъ сердито поглядывалъ исподлобья и былъ не рѣчивъ. Онъ впоследствии писалъ, что достаточно *избить два милліона* человѣкъ на земномъ шарѣ, и дѣло революціи пойдетъ, какъ по маслу. Кто его видѣлъ хоть разъ, тотъ не удивится, что онъ это писалъ.

Не могу не рассказать о чрезвычайно смѣшномъ анекдотѣ, который со мной случился по поводу этой каннибальской выходки. Въ Женевѣ жилъ, да и теперь живетъ, добрѣйшій въ мірѣ докторъ Р., одинъ изъ самыхъ платоническихъ и самыхъ постоянныхъ любовниковъ революціи, другъ всѣхъ выходцевъ; онъ на свой счетъ лѣчилъ, кормилъ и поилъ ихъ. Бывало, какъ рано ни придешь въ Café de la Poste, а докторъ уже таиъ и уже читаетъ

¹⁾ Карль-Петеръ, политическій писатель и революціонеръ.

²⁾ Вмѣстѣ съ мужемъ сидѣла въ тюрьмѣ и во всемъ была его помощницей.

³⁾ Табориты—чешская религіозная и политическая партія, мечтавшая объ учрежденіи демократической республики; состояла изъ послѣдователей Гусса, возникла и была уничтожена въ XV в.

третью или четвертую газету, зоветъ таинственно пальцемъ и сообщаетъ на ухо... «Я думаю, что сегодня въ Парижѣ горячій день».—Отчего же?—«Я вамъ не могу сказать, отъ кого я слышалъ, но только отъ близкаго человѣка Ледрю-Роллену, онъ былъ здѣсь проѣздомъ»...—Да, вѣдь, вы и вчера и третьяго дня ждали чего-то, любезнѣйшій докторъ?—«Ну такъ что жъ? Stadt Rom war nicht in einem Tage gebaut»¹⁾.

Вотъ къ нему-то, какъ къ другу Гейнца, въ томъ же самомъ кафэ, я и обратился, когда Гейнценъ напечаталъ свою филантропическую программу. «Зачѣмъ же,—сказалъ я ему,—вашъ пріятель пишетъ такой вредный вздоръ? Реакція кричитъ, да и имѣетъ право... Что за Марать, переложенный на нѣмецкіе нравы, да и какъ требовать два милліона головъ?» Р. сконфузился, но друга выдать не хотѣлъ. «Послушайте,—сказалъ онъ, наконецъ,—вы, можетъ, одно выпустили изъ вида: Гейнценъ говоритъ обо всемъ родѣ человѣческомъ, въ этомъ числѣ, по крайней мѣрѣ, *двѣсти тысячъ китайцевъ*».—«Ну, вотъ это другое дѣло,—чего ихъ жалѣтъ»,—отвѣтилъ я и долго послѣ не могъ вспомнить безъ сумасшедшаго смѣха эту облегчающую причину.

Дня черезъ два послѣ моей встрѣчи въ Паки, гарсонъ Hôtel des Bergues, гдѣ я стоялъ, прибѣжалъ ко мнѣ въ комнату и съ важной миной возвѣстилъ:

— Генераль Струве съ своими адъютантами.

Я подумалъ, или что мальчика кто-нибудь подослалъ шутя, или что онъ что-нибудь перевралъ; но дверь отворилась, и

Mit bedächtigem Schritt
Густавъ Струве tritt...²⁾

и съ нимъ четыре господина; двое были въ военномъ костюмѣ, какъ ихъ тогда носили фрейшерлеры³⁾, и вдобавокъ съ большими красными брасарами⁴⁾, украшенными разными эмблемами. Струве представилъ мнѣ свою свиту, демократически называя ее «братьями въ ссылкѣ». Я съ удивольствіемъ узналъ, что одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, съ видомъ бурша, недавно вышедшаго изъ фуксовъ, успѣшно занималъ уже должность министра внутреннихъ дѣлъ *per interim*⁵⁾.

¹⁾ Городъ Римъ не былъ построенъ въ одинъ день.

²⁾ Обдуманнѣмъ шагомъ входитъ Густавъ Струве (пародія на стихи изъ «Handschuh» Шиллера).

³⁾ Freischärler—добровольцы.

⁴⁾ Наручными.

⁵⁾ Пока что, временно.

Струве тотчасъ началъ меня поучать своей теоріи о семи бичахъ, *der sieben Geisseln*: папы, попы, короли, солдаты, банкиры и т. д., и о водвореніи какой-то новой демократической и революціонной религіи ¹⁾. Я замѣтилъ ему, что если уже это зависитъ отъ нашей воли, заводить или нѣтъ новую религію, то лучше не заводить никакой, а предоставить это волѣ божіей, оно же и по сущности дѣла относится болѣе до нея. Мы поспорили. Струве что-то отпустилъ о *Weltseele* ²⁾, я ему замѣтилъ, что, несмотря на то, что Шеллингъ такъ ясно опредѣлилъ міровую душу, называя ее *das Schwebende* ³⁾, мнѣ она порядкомъ не дается. Онъ вскочилъ со стула и, подошедши ко мнѣ какъ нельзя ближе со словами: «извините, позвольте», принялся играть пальцами по моей головѣ, нажимая ими, какъ-будто черепъ у меня былъ составленъ изъ клавишей фисгармоники. «Дѣйствительно», прибавилъ онъ, обращаясь къ четыремъ братьямъ въ ссылкѣ: «*Bürger Herzen hat kein, aber auch gar kein Organ der Veneration*» ⁴⁾; всѣ были довольны отсутствіемъ у меня «бугра почтительности» и я тоже.

При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ глубокой френологъ и не только писалъ книгу о Галлевой ⁵⁾ системѣ, но даже выбралъ по ней свою Амалію, потрогавши предварительно ея черепъ. Онъ увѣрялъ, что у нея бугра страстей совсѣмъ почти не существуетъ и что задняя часть черепа, обиталище ихъ, почти приплюснута. По этой-то, достаточной для развода, причинѣ, онъ женился на ней.

Струве былъ большой чудакъ, ѣлъ одно постное съ прибавкой молока, не пилъ вина, и на такой же діетѣ держалъ свою Амалію. Ему казалось и этого мало, и онъ всякій день ходилъ купаться съ нею въ Арву, гдѣ вода середь лѣта едва достигаетъ 8 градусовъ, не успѣвая нагрѣться—такъ быстро стекаетъ она съ горъ.

¹⁾ Струве вѣрилъ, что обезпеченіе собственности и личности, образованіе, благосостояніе и свобода всѣхъ зависятъ отъ отмѣны постоянного войска, уничтоженія монастырей, уничтоженія союза церкви и государства, объединенія Германіи, уничтоженія наслѣдственныхъ монархій и замѣны ихъ парламентами и президентами по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

²⁾ Міровая душа.

³⁾ Парящее.

⁴⁾ Гражданинъ Герценъ не имѣетъ никакого, рѣшительно никакого бугра почтительности.

⁵⁾ Францъ-Иосифъ Галль, френологъ.

Впослѣдствіи мнѣ случалось говорить съ нимъ о растительной пищѣ. Я возражалъ ему, какъ обыкновенно возражаютъ: устройствомъ зубовъ, большей потерей силъ на претвореніе растительнаго фибрина, указывалъ на меньшее развитіе мозга у травоядныхъ животныхъ. Онъ слушалъ кротко, не сердился, но стоялъ на своемъ. Въ заключеніе, онъ, видимо желая меня поразить, сказалъ мнѣ:

— Знаете ли вы, что человѣкъ, всегда питающійся растительной пищей, до того очищаетъ свое тѣло, что оно совсѣмъ не пахнетъ послѣ смерти?

— Это очень пріятно,—возразилъ я ему,—но мнѣ-то отъ этого какая же польза? я не буду нюхать самъ себя послѣ смерти.

Струве даже не улыбнулся, но сказалъ мнѣ съ спокойнымъ убѣжденіемъ:

— Вы еще будете иначе говорить!

— Когда выростетъ бугоръ почтительности,—прибавилъ я.

Въ концѣ 1849 Струве прислалъ мнѣ свой вновь изобрѣтенный для *вольной* Германіи календарь. Дни, мѣсяцы,—все было переведено на какое-то древне-германское и трудно понятное нарѣчіе; вмѣсто святыхъ, каждый день былъ посвященъ воспоминанію двухъ знаменитостей, напр., Вашингтону и Лафайету, но зато десятый назначался въ память враговъ рода человѣческаго, напр., Николая и Меттерниха. Праздниками были тѣ дни, когда воспоминаніе падало на особенно великихъ людей, на Лютера, Колумба и пр. Въ этомъ календарѣ Струве галантно замѣнилъ 25 декабря, Рождество Христово, праздникомъ *Амалии!*

Какъ-то, встрѣтившись со мной на улицѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ, что надобно было бы издавать въ Женевѣ журналъ, общій всѣмъ эмиграціямъ, на трехъ языкахъ, который могъ бы бороться противъ «семи бичей» и поддерживать «священный огонь» народовъ, раздавленныхъ теперь реакціей. Я ему отвѣчалъ, что, разумѣется, это было бы хорошо.

Изданіе журналовъ было тогда повальной болѣзнью: каждая двѣ-три недѣли возникали проекты, являлись спесимены ¹⁾, рассылались программы, потомъ нумера два-три,—и все исчезало безслѣдно. Люди, ни на что неспособные, все еще считали себя способными на изданіе журнала, сколачивали сто-двѣсти франковъ и употребляли ихъ на первый и послѣдній листъ. Поэтому намѣреніе Струве меня нисколько не удивило; но удивило, и очень,

¹⁾ Spécimens—пробные нумера.

его появленіе ко мнѣ на другое утро, часовъ въ семь. Я думалъ, что случилось какое-нибудь несчастіе, но Струве, спокойно усѣвшись, вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и, приготовляясь читать, сказалъ:

— Бюргеръ, такъ какъ мы вчера согласились съ вами въ необходимости издавать журналъ, то я и пришелъ прочесть вамъ его программу.

Прочитавши, онъ объявилъ, что пойдетъ къ Маццини и многимъ другимъ и пригласитъ собраться для совѣщанія у Гейнцена. Пошелъ и я къ Гейнцену. Онъ свирѣпо сидѣлъ на стулѣ за столомъ, держа въ огромной ручищѣ тетрадь, другую онъ протянулъ мнѣ, густо пробормотавши: «Бюргеръ, плац!»¹⁾

Человѣкъ восемь нѣмцевъ и французовъ были налицо. Какой-то эксъ-народный представитель французскаго законодательнаго собранія дѣлалъ смѣту расходовъ и писалъ что-то кривыми строчками. Когда вошелъ Маццини, Струве предложилъ прочесть программу, писанную Гейнценомъ. Гейнценъ прочистилъ голосъ и началъ читать *по-нѣмецки*, несмотря на то, что общій всѣмъ языкъ былъ одинъ французскій.

Такъ какъ у нихъ не было тѣни новой идеи, то программа была тысячной вариацией тѣхъ демократическихъ разглагольствований, которыя составляютъ такую же риторику на революціонные тексты, какъ церковныя проповѣди на библейскіе. Косвенно предупреждая обвиненіе въ социализмѣ, Гейнценъ говорилъ, что демократическая республика сама по себѣ уладитъ экономической вопросъ къ общему удовольствію. Человѣкъ, не содрогнувшійся передъ требованіемъ двухъ милліоновъ головъ, боялся, что ихъ органъ сочтутъ коммунистическимъ.

Я что-то возразилъ ему на это послѣ чтенія, но по его отрывистымъ отвѣтамъ, по вмѣшательству Струве и по жестамъ французскаго представителя, догадался, что мы были приглашены на совѣтъ, чтобъ принять программу Гейнцена и Струве, а всѣмъ не для того, чтобъ ее обсуживать; это было, впрочемъ, совершенно согласно съ теоріей Елпидифора Антиоховича Зурова, новгородскаго военнаго губернатора²⁾.

Маццини, хотя и печально слушалъ, однако, согласился и чуть ли не первый подписалъ на двѣ-три акціи. Si omnes consen-

¹⁾ Садитесь.

²⁾ «Былое и думы». А. И. Г.

tiunt, ego non dissentio ¹⁾), подумалъ я à la Шуфтерле ²⁾ въ шиллеровскихъ «Разбойникахъ», и тоже подписался.

Однакожь, акціонеровъ оказалось мало; какъ представитель ни считалъ и ни прикидывалъ, подписанной суммы было недостаточно.

— Господа,—сказалъ Маццини,—я нашелъ средство побѣдить это затрудненіе: издавайте сначала журналъ только по-французски и по-нѣмецки, что же касается итальянскаго перевода, я буду помѣщать всѣ *замѣчательныя* статьи въ моей «Italia del Popolo»,—вотъ вамъ одной третью расходовъ и меньше.

— Въ самомъ дѣлѣ! чего же лучше!—Предложеніе Маццини было принято всѣми. Онъ повеселѣлъ. Мнѣ было ужасно смѣшно, и смертельно хотѣлось показать ему, что я видѣлъ, какъ онъ передернулъ карту. Я подошелъ къ нему и, высмотрѣвъ минуту, когда никого не было возлѣ, сказалъ:

— Вы славно отдѣлались отъ журнала.

— Послушайте,—замѣтилъ онъ,—вѣдь, итальянская часть въ самомъ дѣлѣ *лишняя*.

— Такъ, какъ и двѣ остальные!—добавилъ я. Улыбка скользнула по его лицу и такъ быстро исчезла, какъ будто ея и не было никогда.

Я тутъ видѣлъ Маццини во второй разъ. Маццини, знавшій о моей римской жизни, хотѣлъ со мной познакомиться. Однимъ утромъ мы отправились къ нему въ Паки съ Л. Спины.

Когда мы вошли, Маццини сидѣлъ, пригорюнившись, за столомъ и слушалъ рассказъ довольно высокаго, стройнаго и прекраснаго собой молодого человѣка съ бѣлокурыми волосами. Это былъ отважный сподвижникъ Гарибальди, защитникъ Vascello ³⁾, предводитель римскихъ легионеровъ Джакомо Медичи. Задумавшись и не обращая никакого вниманія на происходившее, сидѣлъ другой молодой человѣкъ, съ печально разсѣяннымъ выраженіемъ; это былъ товарищъ Маццини по триумвирату Маркъ-Аврелій Саффи.

Маццини всталъ и, глядя мнѣ прямо въ лицо своими пронизательными глазами, протрянулъ дружески обѣ руки. Въ самой Италиі рѣдко можно встрѣтить такую изящную въ своей серьезности, такую строгую античную голову. Минутами выраженіе его лица было жестко, сурово, но оно тотчасъ смягчалось и прояснивалось.

¹⁾ Если всѣ согласны, я не возражаю.

²⁾ Ошибка,—Гриммъ.

³⁾ Деревня близъ Рима, гдѣ войска Гарибальди сражались съ французами.

Дѣятельная, сосредоточенная мысль сверкала въ его печальныхъ глазахъ; въ нихъ и въ морщинахъ на лбу—бездна воли и упрямства. Во всѣхъ чертахъ были видны слѣды долготѣннихъ заботъ, неспанныхъ ночей, пройденныхъ бурь, сильныхъ страстей или, лучше, *одной* сильной страсти, да еще что-то фанатическое, можетъ, аскетическое.

Маццини очень простъ, очень любезенъ въ обращеніи, но привычка властвовать видна, особенно въ спорѣ; онъ едва можетъ скрыть досаду при противорѣчїи, а иногда и не скрываетъ ея. Силу свою онъ знаетъ и откровенно пренебрегаетъ всѣми наружными знаками диктаторіальной обстановки. Популярность его была тогда огромна. Въ своей маленькой комнаткѣ, съ вѣчной сигарой во рту, Маццини въ Женевѣ, какъ нѣкогда папа въ Авиньонѣ, сосредоточивалъ въ своей рукѣ нити психическаго телеграфа, приводившія его въ живое сообщеніе со всѣмъ полуостровомъ. Онъ зналъ каждое бїеніе сердца своей партїи, чувствовалъ малѣйшее сотрясеніе, немедленно отвѣчалъ на каждое и давалъ общее направленіе всему и всѣмъ съ поразительною неутомимостью.

Фанатикъ и въ то же время организаторъ, онъ покрылъ Италію сѣтью тайныхъ обществъ, связанныхъ между собой и шедшихъ къ одной цѣли. Общества эти вѣтвились неуловимыми артеріями, дробились, мельчали и исчезали въ Апеннинахъ и въ Альпахъ, въ царственныхъ *raffazzi* аристократовъ и въ темныхъ переулкахъ итальянскихъ городовъ, въ которые никакая полиція не можетъ проникнуть. Сельскіе попы, кондуктора дилижансовъ, ломбардскіе принципе ¹⁾, контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты,— все шло на дѣло, всѣ были звенья цѣпи, примыкавшей къ нему и повиновавшейся ему.

Послѣдовательно, со времени Менотти ²⁾ и братьевъ Бандіера ³⁾, рядъ за рядомъ выходятъ восторженные юноши, энергическіе плебеи, энергическіе аристократы, иногда старые старики... и идутъ по указаніямъ Маццини, рукоположеннаго старцемъ Буонаротти ⁴⁾, товарищемъ и другомъ Гракха Бабефа ⁵⁾, идутъ на не-

¹⁾ Князь, государь.

²⁾ Чиро, итальянскій революціонеръ, повѣшенъ въ 1831 г.

³⁾ Аттіліо и Эмилъ, итальянскіе патріоты, казненные въ 1844 г. Ихъ жизни и смерти Маццини посвятилъ книгу «Мученичество братьевъ Бандіера и ихъ товарищей».

⁴⁾ Участникъ и историкъ коммунистическаго заговора Бабефа.

⁵⁾ Франсуа-Ноэль Бабефъ, называвшій себя Кай-Гракхъ, коммунистъ, глава «Заговора равныхъ», казненъ въ 1797 г.

равный бой, пренебрегая цѣпями и плахой и примѣшивая иной разъ къ предсмертному крику: «Viva l'Italia!» — «Evviva Mazzini!».

Такой революціонной организаціи никогда не бывало нигдѣ, да и врядъ ли она возможна гдѣ-нибудь, кромѣ Италіи, — развѣ, въ Испаніи. Теперь она утратила прежнее единство и прежнюю силу, она истощилась десятилѣтнимъ мученичествомъ, она изошла кровью и истомой ожиданія, ея мысль состарилась, да и тутъ еще какіе порывы, какіе примѣры:

Піанори ¹⁾, Орсини, Пизакане!

Я не думаю, чтобъ смертью одного человѣка можно было поднять страну изъ такого паденія, въ какомъ теперь Франція.

Я не оправдываю плана, вслѣдствіе котораго Пизакане сдѣлалъ свою высадку; она мнѣ казалась такъ же не своевременна, какъ два предпослѣдніе опыта въ Миланѣ, но рѣчь не о томъ; я здѣсь хочу только сказать о самомъ исполненіи. Люди эти подавляютъ величіемъ своей мрачной поэзіи, своей страшной силы и останавливаютъ всякій судъ и всякое осужденіе. Я не знаю примѣровъ бѣльшаго героизма ни у грековъ, ни у римлянъ, ни у мучениковъ христіанства и реформы!

Кучка энергическихъ людей приплываетъ къ несчастному неаполитанскому берегу, служа вызовомъ, примѣромъ, живымъ свидѣтельствомъ, что еще не все умерло въ народѣ. Вождь, молодой, прекрасный, падаетъ первый со знаменемъ въ рукѣ, а за нимъ падаютъ остальные или, хуже, попадаютъ въ когти Бурбона.

Смерть Пизакане и смерть Орсини были два страшныхъ громовыхъ удара въ душную ночь. Романская Европа вздрогнула, — дикій вепрь ²⁾, испуганный, отступилъ въ Казерту и спрятался въ своей берлогѣ. Блѣдный отъ ужаса, траурный кучеръ ³⁾, мчащій Францію на кладбище, покачнулся на козлахъ.

Недаромъ высадка Пизакане такъ поэтически отозвалась въ народѣ.

Sceser con l'armi, e à noi non fecer guerra,
Ma s'inchinaron per bacciar la terra:
Ad uno, ad uno li gardai nel viso,

¹⁾ Джіованни, итальянскій революціонеръ, съ 1849 по 1853 г. эмигрировалъ изъ Пьемонта; въ 1855 г. покушался на жизнь Наполеона III въ Парижѣ, казненъ 14 мая.

²⁾ Неаполитанскій король Фердинандъ II.

³⁾ Наполеонъ III.

Tutti avean una lagrima e un sorriso,
 Li disser ladri, usciti dalle tane,
 Ma non portaron vìa nemmeno un pane;
 E il sentii mandare un solo grido:
 Siam venuti a morir per nostro lido—
 Eran trecento, eran giovani e forti:

E sono morti!

Con gli occhi azzuri, e coi capelli d'oro
 Un giovin camminava innanzi a loro;
 Mi feci ardita, e présò'l per la mano,
 Gli chiesi: Dove vai bel capitano?
 Guardommi e mi rispose—O mia sorella,
 Vado a morir per la mia patria bella!
 Io mi sentii tremare tutto il core;
 Né potei dirgli: V' aiuti il signore;
 Eran trecento, eran giovani e forti:

E sono morti!

.
L. Mercantini, «La Spigolatrice di Sapri»¹⁾.

Въ 1849 году Маццини былъ властью: правительства не даромъ боялись его; звѣзда его тогда была въ полномъ блескѣ, но это былъ блескъ заката. Она еще долго продержалась бы на своемъ мѣстѣ, блѣднѣя мало-по-малу, но послѣ повторенныхъ неудачъ и натянутыхъ опытовъ она стала быстро склоняться.

Одни изъ друзей Маццини сблизились съ Пиемонтомъ, дру-

¹⁾ Вотъ бѣдный прозаичный переводъ этихъ удивительныхъ строкъ перешедшихъ въ народную легенду:

«Они сошли съ оружіемъ въ рукахъ, но они не воевали съ нами; они бросились на землю и цѣловали ее; я взглянула на cadaго изъ нихъ, на cadaго,—у всѣхъ дрожала слеза на глазахъ, и у всѣхъ была улыбка. Намъ говорили, что это—разбойники, вышедшіе изъ своихъ вертеповъ; но они ничего не взяли, ни даже куска хлѣба, и мы только слышали отъ нихъ одно восклицаніе: «Мы пришли умереть за нашъ край!».

«Ихъ было триста, они были молоды и сильны... и всѣ погибли!»

«Передъ ними шелъ молодой, золотовласый вождь съ голубыми глазами... Я приободрилась, взяла его за руку и спросила: «Куда идешь ты, прекрасный вождь?». Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Сестра моя, иду умирать за родину». И сильно заняло мое сердце, и я не въ силахъ была вымолвить: «Богъ тебѣ въ помощь!».

«Ихъ было триста, они были молоды и сильны... и всѣ погибли!»²⁾

И я зналъ bel capitano³⁾ и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ о судьбахъ его печальной родины... А. И. Г.

²⁾ Русское заглавіе стихотворенія: «Собирательница колосьевъ изъ Сапри».

³⁾ Прекраснаго капитана.

грудень хлн.

гіе—съ Наполеономъ. Манинъ ¹⁾ пошелъ своимъ революціоннымъ проселкомъ, составилъ расколы,—федеральный характеръ итальянцевъ поднѣялъ голову.

Самъ Гарибальди, скрѣпя сердце, произнесъ строгій судъ надъ Маццини и, увлекаемый его врагами, далъ гласность письму, въ которомъ косвенно обвинялъ его.

Вотъ отъ этого Маццини посѣдѣлъ, состарился; отъ этого черта желчевой нетерпимости, даже озлобленія прибавилась въ его лицѣ, въ его взглядѣ. Но такіе люди не сдаются, не уступаютъ: чѣмъ хуже дѣла ихъ, тѣмъ выше знамя. Маццини, теряя сегодня друзей, деньги, едва ускользя отъ цѣпей и висѣлицы, становится завтра настойчивѣе и упорнѣе, собираетъ новыя деньги, ищетъ новыхъ друзей, отказываетъ себѣ во всемъ, даже въ снѣ и пищѣ, обдумываетъ цѣлыя ночи новыя средства и, дѣйствительно, всякій разъ создаетъ ихъ, бросается въ бой и, снова разбитый, опять принимается за дѣло съ судорожной горячностью.

Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей наперекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумія и обусловливаетъ успѣхъ: она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великій человекъ, дѣйствующій непосредственно, долженъ быть великимъ маниакомъ, особенно съ такимъ восторженнымъ народомъ, какъ итальянцы, къ тому же—защищая религіозную мысль національности. Одни послѣдствія могутъ показать, потерялъ ли Маццини излишними и неудачными опытами магнетическую силу свою на итальянскія массы. Не разумъ, не логика ведутъ народы, а вѣра, любовь и ненависть.

Выходцы итальянскіе не были выше другихъ ни талантами, ни образованіемъ: большая часть ихъ даже ничего не знала, кромѣ своихъ поэтовъ, кромѣ своей исторіи; но они не имѣли ни битаго, стереотипнаго чекана французскихъ строевыхъ демократовъ, которые разсуждаютъ, декламируютъ, восторгаются, чувствуютъ стадами одно и то же и одинакимъ образомъ выражаютъ свои чувства, ни того неотесаннаго, грубаго, харчевенно-бурсацкаго характера, которымъ отличались нѣмецкіе выходцы. Французскій дюжинный демократъ—буржуа *in spe* ²⁾, нѣмецкій революціонеръ, такъ

¹⁾ Даниель, итальянскій, революціонеръ и республиканецъ, игравшій выдающуюся роль въ Венеціи въ 1848—1849 гг.

²⁾ Въ будущемъ.

же, какъ нѣмецкій буршъ,—тотъ же филистеръ, но въ другомъ періодѣ развитія; итальянцы самобытнѣе, *индивидуальнѣе*.

Французы заготовляются тысячами по одному шаблону. Теперешнее правительство не создало, но только поняло тайну превращенія личностей: оно совершенно во французскомъ духѣ устроило общественное воспитаніе, т.-е. воспитаніе вообще, потому что домашняго воспитанія во Франціи нѣтъ. Во всѣхъ городахъ имперіи преподають въ тотъ же день и въ тотъ же часъ по тѣмъ же книгамъ одно и то же. На всѣхъ экзаменахъ задаются одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же примѣры; учителя, отклоняющіеся отъ текста или мѣняющіе программу, немедленно исключаются. Эта бездушная стертость воспитанія только привела въ обязательную, наслѣдственную форму то, что прежде бродило въ умахъ. Это—формально демократическій уровень, приложенный къ умственному развитію. Ничего подобнаго въ Италіи. Федералистъ и художникъ по натурѣ, итальянецъ съ ужасомъ бѣжитъ отъ всего казарменнаго, однообразнаго, геометрически правильнаго. Французъ—природный солдатъ: онъ любитъ строй, команду, мундиръ, любитъ задать страху. Итальянецъ, если на то пошло,—скорѣе бандитъ, чѣмъ солдатъ, и этимъ я вовсе не хочу сказать что-нибудь дурное о немъ. Онъ предпочитаетъ, подвергаясь казни, убивать врага по собственному желанію, чѣмъ убивать по приказу, но зато безъ всякой отвѣтственности постороннихъ. Онъ любитъ лучше скудно жить въ горахъ и скрывать контрабандистовъ, чѣмъ открывать ихъ и почетно служить въ жандармахъ.

Образованный итальянецъ выработывался, какъ нашъ братъ, самъ собой, жизнью, страстями, книгами, которыя случались подъ рукой, и пробрался до такого или иного пониманія. Оттого у него и у насъ есть пробѣлы, неспѣтости. Онъ и мы во многомъ уступаемъ специальной оконченности французовъ и теоретической учености нѣмцевъ, но зато у насъ и у итальянцевъ ярче цвѣта.

У насъ съ ними есть даже общіе недостатки. Итальянецъ имѣетъ ту же склонность къ лѣни, какъ и мы; онъ не находитъ, что работа—наслажденіе; онъ не любитъ ея тревогу, ея усталъ, ея недосугъ. Промышленность въ Италіи почти столько же отстала, какъ у насъ; у нихъ, какъ у насъ, лежатъ подъ ногами клады, и они ихъ не выкапываютъ. Нравы въ Италіи не измѣнились новомѣщанскимъ направленіемъ до такой степени, какъ во Франціи и Англии.

Исторія итальянскаго мѣщанства совсѣмъ непохожа на развитіе буржуазіи во Франціи и Англии. Богатые мѣщане, потомки

del popolo grasso ¹⁾, не разъ счастливо соперничали съ феодальной аристократіей, были властелинами городовъ, и оттого они стали не дальше, а ближе къ плебею и *контадину* ²⁾, чѣмъ наскоро обогатѣвшая чернь другихъ странъ. Мѣщанство во французскомъ смыслѣ, собственно, представляется въ Италіи особой средой, образовавшейся со времени первой революціи и которую можно назвать, какъ это дѣлается въ геологіи, *пиемонтскимъ* слоемъ. Онъ отличается въ Италіи такъ же; какъ во всемъ материкѣ Европы, тѣмъ, что во *многихъ* вопросахъ постоянно либераленъ и во *всѣхъ*—боится народа и слишкомъ нескромныхъ толковъ о трудѣ и заплатѣ, да еще тѣмъ, что онъ всегда уступаетъ врагамъ сверху, не уступая никогда *своимъ* снизу.

Личности, составлявшія итальянскую эмиграцію, были выхвачены изъ всевозможныхъ слоевъ общества. Чего и чего не находилось около Маццини, между старыми именами изъ лѣтописей Гвичардини ³⁾ и Муратори ⁴⁾, къ которымъ народное ухо привыкло вѣками, какъ Литты, Борромеи, Даль Верме, Бельжіоіозо, Нани, Висконти, и какимъ-нибудь полудикимъ ускокомъ Ромео изъ Аbruццы, съ его темнымъ, до оливковаго цвѣта, лицомъ и неукротимой отвагой! Тутъ были и духовные, какъ Сиртори ⁵⁾,—попъ-герой, который, при первомъ выстрѣлѣ въ Венеціи, подвязалъ свою сутану и все время осады и защиты Маргеры, съ ружьемъ въ рукѣ, дрался подъ градомъ пуль, въ передовыхъ рядахъ; тутъ былъ и блестящій военный штабъ неаполитанскихъ офицеровъ, какъ Пизакане, Козенць ⁶⁾ и братья Меццакапо ⁷⁾, тутъ были и трастеверинскіе ⁸⁾ плебеи, закаленные въ вѣрности и лишеніяхъ, суровые, угрюмые, нѣмые въ бѣдѣ, скромные и несокрушимые, какъ Піанори, и рядомъ съ ними тосканцы, изнѣженные даже въ произношеніи, но также готовые на борьбу. Наконецъ, тутъ были Гарибальди, цѣликомъ взятый изъ Корнелія Непота, съ простотой ребенка, съ отвагой льва, и Феличе Орсини, голова котораго такъ недавно скатилась со ступеней эшафота.

Но, назвавъ ихъ, нельзя не приостановиться.

¹⁾ Разжирѣвшаго класса.

²⁾ Contadino—крестьянинъ.

³⁾ Франческо, авторъ «Исторіи Италіи» (1492—1534 гг.).

⁴⁾ Луиджи-Антоніо, итальянскій историкъ.

⁵⁾ Джузеппе, народный герой, † 1874 г.

⁶⁾ Энрико, видный итальянскій генераль.

⁷⁾ Карло и Луиджи.

⁸⁾ Trastevere—кварталь въ части Рима, расположенной на правомъ берегу Тибра.

Съ Гарибальди я, собственно, познакомился въ 1854 г., когда онъ приплылъ изъ Южной Америки капитаномъ корабля и сталъ въ вестъ-индскихъ докахъ; я отправился къ нему съ однимъ изъ его товарищей по римской войнѣ ¹⁾ и съ Орсини. Гарибальди, въ толстомъ свѣтломъ пальто, съ ярко-цвѣтнымъ шарфомъ на шеѣ и фуражкой на головѣ, казался мнѣ больше истымъ морякомъ, чѣмъ тѣмъ славнымъ предводителемъ римскаго ополченія, статуэтки котораго въ фантастическомъ костюмѣ продавались во всемъ свѣтѣ. Добродушная простота его обращенія, отсутствіе всякой претензіи, радушіе, съ которымъ онъ принималъ, располагали въ его пользу. Экипажъ его почти весь состоялъ изъ итальянцевъ; онъ былъ глава и власть, и, я увѣренъ, власть строгая, но всё весело и съ любовью смотрѣли на него: они гордились своимъ капитаномъ. Гарибальди угощалъ насъ завтракомъ въ своей каютѣ, особенно приготовленными устрицами изъ Южной Америки, сушеными плодами, портвейномъ,—вдругъ онъ вскочилъ, говоря: «Постойте! съ вами мы выпьемъ другого вина», и побѣжалъ наверхъ; вслѣдъ затѣмъ матросъ принесъ какую-то бутылку; Гарибальди посмотрѣлъ на нее съ улыбкой и налилъ намъ по рюмкѣ... Чего нельзя было ожидать отъ чело-вѣка, пріѣхавшаго изъ-за океана? Это былъ просто-напросто *белтъ* изъ его родины, Ниццы, который онъ привезъ съ собой въ Лондонъ изъ Америки.

Между тѣмъ, въ простыхъ и безцеремонныхъ разговорахъ его мало-по-малу становилось чувствительно присутствіе силы; безъ фразъ, безъ общихъ мѣстъ, народный вождь, удивлявшій своей храбростью старыхъ солдатъ, обличался, и въ капитанѣ корабля легко уже было узнать того уязвленнаго льва, который, огрызаясь на каждомъ шагу, отступилъ послѣ взятія Рима и, растерявъ своихъ сподвижниковъ, снова сзывалъ въ Санъ-Марино, въ Равеннѣ, въ Ломбардіи, въ Тиролѣ, въ Тессино солдатъ, мужиковъ, бандитовъ, кого попало, чтобъ только снова ударить на врага, и это возлѣ тѣла своей подруги, не вынесшей всѣхъ трудностей и лишеній похода.

Мнѣнія его въ 1854 году уже значительно расходились съ Маццини, хотя онъ и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ при мнѣ говорилъ ему, что Пиемонтъ дразнить не надобно, что главная цѣль теперь — освободиться отъ австрійскаго ига, и очень сомнѣвался, чтобъ Италія такъ была готова къ единству и республикѣ, какъ думалъ Маццини. Онъ былъ совершенно противъ всѣхъ попытокъ и опытовъ возстанія.

¹⁾ Эрнстъ Гаугъ.

Когда онъ отплывалъ за углемъ въ Нью-Кестль-на-Тайнѣ и оттуда отправлялся въ Средиземное море, я сказалъ ему, что мнѣ ужасно нравится его морская жизнь, что онъ изъ всѣхъ эмигрантовъ избралъ благоую часть.

«А кто имъ не велить сдѣлать то же!», возразилъ онъ съ жаромъ. «Это была моя любимая мечта; смѣйтесь надъ ней, если хотите, но я и теперь ее люблю. Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть подѣ моимъ начальствомъ три, четыре такихъ корабля. На нихъ я взялъ бы всю эмиграцію: матросы, лейтенанты, работники, повара,—все были бы эмигранты. Что теперь дѣлать въ Европѣ? Привыкать къ рабству, измѣнять себѣ или въ Англии ходить по міру. Поселиться въ Америкѣ еще хуже: это—конецъ, это—страна «забвенія родины», это—новое отечество, тамъ другіе интересы, все другое; люди, остающіеся въ Америкѣ, выпадаютъ изъ рядовъ. Что же лучше моей мысли (и лицо его просвѣтлѣло), что же лучше, какъ собраться въ кучку около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану, закаляя себя въ суровой жизни моряковъ, въ борьбѣ со стихіями, съ опасностью! Пловучая революція, готовая пристать къ тому или другому берегу, независимая и недосыгаемая!»

Въ эту минуту онъ мнѣ казался какимъ-то классическимъ героемъ, лицомъ изъ «Энеиды», о которомъ—живи онъ въ иной вѣкъ—сложилась бы своя легенда, свое «*Arma virumque cano!*»¹⁾.

Орсини былъ совсѣмъ другого рода человекъ. Дикую силу и страшную энергію свою онъ доказалъ 14 января 1858 года, въ Rue Lepelletier²⁾; онѣ приобрѣли ему великое имя въ исторіи и положили его тридцатишестилѣтнюю голову подѣ ножъ гильотины. Я познакомился съ Орсини въ Ниццѣ въ 1851 году; временами мы были даже очень близки, потомъ расходились, снова сближались, наконецъ, какая-то сѣрая кошка пробѣжала между нами въ 1856 году, и мы, хотя примирились, но уже не попрежнему смотрѣли другъ на друга.

Такія личности, какъ Орсини, развиваются только въ Италіи, зато въ ней онѣ развиваются во всѣ времена, во всѣ эпохи: заговорщики-художники, мученики и искатели приключеній, патриоты и кондотьеры, Теверино³⁾ и Ріенци⁴⁾), все, что хотите, только не пошлые будничные мѣщане. Такія личности ярко вырѣзываются въ лѣтописяхъ каждаго итальянскаго города. Онѣ дивять добромъ,

¹⁾ «Пою войну и мужа!» (начало «Энеиды» Виргилія).

²⁾ День и мѣсто покушенія на Наполеона III.

³⁾ Герой романа подѣ такимъ же заглавіемъ.

⁴⁾ Николо, глава и руководитель римской революціи 1347 г.

дивять зломъ, поражаютъ силой страстей, силой воли. Безпокойная закваска бродить въ нихъ съ раннихъ лѣтъ; имъ надобна опасность, надобенъ блескъ, лавры, похвалы; это—натуры чисто южныя, съ острой кровью въ жилахъ, со страстями, почти непонятными для насъ, готовыя на всякое лишеніе, на всякую жертву изъ своего рода жажды наслажденія. Самоотверженіе, преданность идутъ у нихъ вмѣстѣ съ мстительностью и нетерпимостью; онѣ просты во многомъ и лукавы во многомъ. Неразборчивы на средства, они неразборчивы и на опасности; потомки римскихъ «отцовъ отечества» и дѣти во Христѣ отцовъ іезуитовъ, воспитанные на классическихъ воспоминаніяхъ и на преданіяхъ средневѣковыхъ смуть, у нихъ въ душѣ бродитъ бездна античныхъ добродѣтелей и католическихъ пороковъ. Они не дорожатъ своею жизнью, но не дорожатъ также и жизнью ближняго; страшная настойчивость ихъ равняется англо-саксонскому упрямству. Съ одной стороны, наивная любовь къ внѣшнему, самолюбіе, доходящее до тщеславія, до сладострастнаго желанія упиться властью, рукоплесканіями, славой, съ другой,—весь римскій героизмъ лишеній и смерти.

Людей этой энергіи останавливать можно только гильотиной, а то, едва спасшись отъ сардинскихъ жандармовъ, они дѣлаютъ заговоры въ самыхъ когтяхъ австрійскаго коршуна и, на другой день послѣ чудеснаго спасенія изъ казематъ Мантуи, рукой еще помятой отъ прыжка, начинаютъ чертить проектъ *гранаты*, потомъ, лицомъ къ лицу съ опасностью,—бросаютъ ихъ подъ кареты. Въ самой неудачѣ они растутъ до колоссальныхъ размѣровъ и свою смертью наносятъ ударъ, стоящій осколка гранаты...

Орсини молодымъ человѣкомъ попалъ въ руки тайной полиціи Григорія XIV: онъ былъ судимъ за участіе въ романскомъ движеніи и, осужденный на галеры, просидѣлъ въ тюрьмѣ до амнистіи Пія IX. Огромное знаніе народнаго духа и желѣзный закалъ характера вынесъ онъ изъ этой жизни съ контрабандистами, съ *bravi* ¹⁾, съ остатками карбонаровъ. Отъ этихъ людей, находившихся въ постоянной, ежедневной борьбѣ съ обществомъ, давившимъ ихъ, научился онъ искусству владѣть собой, искусству молчать не только передъ судомъ, но и съ друзьями.

Люди въ родѣ Орсини сильно дѣйствуютъ на другихъ, они нравятся своей замкнутой личностью, и между тѣмъ съ ними не по себѣ: на нихъ смотришь съ тѣмъ нервнымъ наслажденіемъ, перемѣшаннымъ съ трепетомъ, съ которымъ мы любуемся граціозными движеніями и бархатными прыжками барса. Они — дѣти, но

¹⁾ Наемные убійцы.

дѣти злыя. Не только Дантовъ адъ «вымощенъ» ими, но ими полны всѣ слѣдующіе вѣка, выращенные на грозной поэзіи его и на озлобленной мудрости Маккіавелли. Маццини также принадлежит къ ихъ семьѣ, какъ Козимо Медичи ¹⁾, Орсини, какъ Іоаннъ Прочида ²⁾. Изъ нихъ даже нельзя исключить ни великаго «искателя морскихъ приключеній» Колумба, ни величайшаго «бандита» новѣйшихъ вѣковъ Наполеона-Бонапарта.

Орсини былъ поразительно хорошъ собой: вся наружность его, стройная и граціозная, невольно обращала на него вниманіе; онъ былъ тихъ, мало говорилъ, размахивалъ руками меньше, чѣмъ его соотечественники, и никогда не подымалъ голоса. Длинная, черная борода (какъ онъ носилъ ее въ Италіи) придавала ему видъ какого-то молодого этрурійскаго жреца. Вся голова его была необыкновенно красива и, развѣ, только нѣсколько попорчена неправильной линіей носа ³⁾. И при всемъ этомъ въ чертахъ Орсини, въ его глазахъ, въ его частой улыбкѣ, въ его кроткомъ голосѣ было что-то останавливавшее близость. Видно было, что онъ держитъ себя на уздѣ, никогда вполнѣ не отдается и удивительно владѣетъ собой; видно было, что съ этихъ улыбающихся губъ не пало ни одного слова безъ его воли; что за этими внутри сверкающими глазами какія-то пропасти; что тамъ, гдѣ нашъ братъ призадумается и отшархнется, онъ улыбнется, не перемѣнится въ лицѣ, не повыситъ голоса и пойдетъ далѣе безъ раскаянія и сомнѣнія.

Весною 1852 года Орсини ждалъ очень важной вѣсти по семейнымъ дѣламъ; его мучило, что онъ не получалъ письма; онъ мнѣ говорилъ это много разъ, и я зналъ, въ какой тревогѣ онъ жилъ. Разъ, во время обѣда, при двухъ-трехъ постороннихъ вошелъ почтальонъ въ переднюю; Орсини велѣлъ спросить, нѣтъ ли письма къ нему; оказалось, что какое-то письмо, дѣйствительно, было къ нему; онъ взглянулъ на него, положилъ въ карманъ и продолжалъ разговоръ. Часа черезъ полтора, когда мы остались втроемъ, Орсини намъ сказалъ: «Ну, славу Богу, наконецъ-то, получилъ я отвѣтъ,—все очень хорошо». Мы, знавшіе, что онъ ожидаетъ письма, не догадались, до того равнодушно онъ распечаталъ письмо и потомъ положилъ его въ карманъ; такой человекъ родился заговорщикомъ. Онъ и былъ имъ всю жизнь.

¹⁾ Основатель могущества этой фамиліи въ XV ст.

²⁾ Сицилійскій государственный дѣятель XIII ст.

³⁾ Отсѣченную голову Орсини, писали газеты, Наполеонъ велѣлъ обмакнуть въ селитряную кислоту, чтобъ нельзя было снять маски. Какой прогрессъ въ гуманности и химіи съ тѣхъ поръ, какъ голову Іоанна Предтечи подавали на золотомъ блюдѣ Иродіадѣ! А. И. Г.

И что же сдѣлалъ *онъ* съ своей энергіей, Гарибальди съ своей отвагой, Піанори съ своимъ револьверомъ, Пизакане и другіе мученики, кровь которыхъ еще не засохла? Отъ австрійцевъ Италію освободить развѣ Піемонтъ, отъ неаполитанскаго Бурбона — толстый Мюратъ, оба подъ покровительствомъ Бонапарта. О *Divina commedia* ¹⁾ или просто *commedia*, въ томъ смыслѣ, какъ папа Кіарамонти говорилъ Наполеону въ Фонтенебло.

...Съ двумя лицами, о которыхъ я упомянулъ, говоря о первой встрѣчѣ съ Маццини, я впоследствии очень сблизился, особенно съ Саффи.

Медичи—ломбардъ. Въ начальной юности, томимый безнадежнымъ положеніемъ Италіи, онъ уѣхалъ въ Испанію, потомъ въ Монтевидео, въ Мексику; онъ служилъ въ рядахъ кристиносовъ ²⁾, былъ, кажется, капитаномъ и, наконецъ, возвратился на родину, послѣ избранія Мастая Феррети ³⁾. Италія оживала, Медичи бросился въ движеніе. Начальствуя римскими легіонерами во время осады, онъ надѣлалъ чудеса храбрости; но французскіе орлы, все-таки, вошли въ Римъ по трупамъ многихъ благородныхъ жертвъ, по трупу Лавирона, который, какъ бы въ искупленіе своему народу, дрался противъ него и палъ сраженный французской пулей въ воротахъ Рима.

Трибунъ-воинъ Медичи долженъ рисоваться въ воображеніи кондотьеромъ, загорѣвшимъ отъ пороха и отъ тропическаго солнца, съ рѣзкими чертами, съ отрывистой, громкой рѣчью, съ энергической мимикой. Блѣдный, бѣлокурый, съ нѣжными чертами, съ глазами, исполненными кротости, съ изящными манерами, Медичи скорѣе походилъ на человѣка, проводившаго всю жизнь въ дамскомъ обществѣ, чѣмъ на гверильяса ⁴⁾ и агитатора; поэтъ, мечтатель, тогда страстно влюбленный,—въ немъ все было изящно и нравилось.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ нимъ въ Генуѣ, сдѣлали мнѣ большое добро; это было въ самое черное для меня время, въ 1852 г., мѣсяца полтора послѣ похоронъ; я былъ сбитъ съ толку: вѣхи, знаки фарватера были потѣряны; не знаю, былъ ли я похожъ и тогда на поврежденнаго, какъ замѣтилъ Орсини въ своихъ «Запискахъ», но мнѣ было скверно. Медичи жалѣлъ меня; онъ

¹⁾ Божественная комедія (название гениальной поэмы Данте).

²⁾ Политическая партія въ Испаніи, поддерживавшая королеву Христину въ ея борьбѣ съ карлистами.

³⁾ Папа Пій IX.

⁴⁾ Испанскіе партизаны, прославившіеся во время войны съ Наполеономъ.

этого не говорилъ, но вечеромъ поздно, часовъ въ двѣнадцать, онъ стучалъ иной разъ ко мнѣ въ дверь и приходилъ поболтать, сядя на мою постель (мы разъ, бесѣдуя съ нимъ такимъ образомъ, поймали на одѣялѣ скорпіона). Онъ стучалъ иной разъ и въ седьмомъ часу утра, говоря: «на дворѣ прелесть, пойдемте въ Альбаро»,—тамъ жила красавица испанка, которую онъ любилъ. Онъ не надѣялся на скорую перемѣну обстоятельствъ, впереди видѣлись годы изгнанія, все становилось хуже, тусклѣе, но въ немъ было что-то молодое, веселое, иногда наивное; я это замѣчалъ почти у всѣхъ натуръ этого закала.

Въ день моего отъѣзда пришли ко мнѣ обѣдать нѣсколько близкихъ людей, Пизакане, Мордини, Козенць...

— Отчего,—сказалъ я шутя,—нашъ другъ Медичи, съ своими бѣлокурыми волосами и сѣвернымъ аристократическимъ лицомъ, напоминаетъ мнѣ скорѣе какихъ-то вандейковскихъ рыцарей, чѣмъ итальянца?

— Это натурально,—прибавилъ, продолжая шутить, Пизакане: Джакомо—ломбардъ, онъ потомокъ какого-нибудь нѣмецкаго рыцаря.

— Fratelli ¹⁾,—сказалъ Медичи,—нѣмецкой крови въ этихъ жилахъ нѣтъ ни капли, ни одной капли!

— Хорошо вамъ толковать; нѣтъ, вы приведите доказательство, объясните намъ, отчего у васъ сѣверныя черты,—продолжалъ тотъ.

— Извольте,—сказалъ Медичи:—если у меня сѣверныя черты, то, вѣрно, какая-нибудь изъ моихъ прабабушекъ забылась съ какимъ-нибудь полякомъ!

Чище и проще Саффи я не встрѣчалъ натуры между не-русскими. Западные люди часто бываютъ недалніе и оттого кажутся простыми, недогадливыми; но талантливыя натуры рѣдко бываютъ просты. У нѣмцевъ встрѣчается противная простота практическихъ недорослей, у англичанъ—простота отъ нерасторопности ума, оттого, что они все какъ будто спросонья, не могутъ порядкомъ прийти въ себя. Зато французы постоянно исполнены заднихъ мыслей, заняты своей ролью. Рядомъ съ отсутствіемъ простоты у нихъ другой недостатокъ: всѣ они—прескверные актеры и не умѣютъ скрыть игры. Ломанье, хвастовство и привычка къ фразѣ до такой степени проникли въ кровь и плоть ихъ, что люди гибли, платили жизнью изъ-за актерства, и жертва ихъ, все-таки, была *ложь*.

¹⁾ Друзья.

Это — страшныя вещи, многіе негодуютъ за высказываніе ихъ, но обманываться еще страшнѣе.

Вотъ почему становится такъ отраднo, такъ легко дышать, когда на этомъ толкунѣ посредственностей съ притязаніями и талантовъ съ несноснымъ жеманствомъ и самохвальствомъ встрѣчается человѣкъ сильный, безъ малѣйшихъ румянъ, безъ притязаній, безъ самолюбія, кричащаго, какъ ножъ по тарелкѣ. Точно изъ душнаго театральнаго коридора, освѣщеннаго лампами, выходишь на солнце послѣ утренняго спектакля и, вмѣсто картонныхъ магнолій и пальмъ изъ парусины, видишь настоящія липы и дышешь свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ. Къ этого рода людямъ принадлежитъ Саффи. Маццини, старикъ Армеллини ¹⁾ и онъ были триумвирами во время римской республики. Саффи завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и до конца бррьбы съ французами былъ на первомъ планѣ; а на первомъ планѣ значило тогда — подъ ядрами и пулями.

Онъ изъ своего изгнанія еще разъ переходилъ Апеннины; эту жертву принесъ онъ изъ благочестія, безъ вѣры, изъ чувства великой преданности, чтобъ не огорчить однихъ, чтобъ своимъ отсутствіемъ не послужить дурнымъ примѣромъ. Онъ прожилъ нѣсколько недѣль въ Болоньѣ, гдѣ его въ 24 часа разстрѣляли бы, если-бъ онъ попался; и задача его не состояла только въ томъ, чтобъ скрываться, — ему надобно было дѣйствовать, готовить движеніе, ожидая новостей изъ Милана. Я никогда отъ него не слышалъ объ особенностяхъ этой жизни. Но я о ней слышалъ, и очень много, отъ человѣка, который могъ бытъ судьей въ дѣлахъ отваги, и слышалъ въ то время, когда личныя отношенія ихъ сильно поколебались. Орсини его сопровождалъ черезъ Апеннины: онъ рассказывалъ мнѣ съ восхищеніемъ объ этомъ ровномъ, свѣтломъ покоѣ, объ ясномъ, почти веселомъ расположеніи Саффи въ то время, когда они пѣшкомъ спускались съ горы; въ виду всякаго рода враговъ Саффи беззаботно пѣлъ народныя пѣсни и повторялъ стихи Данте... Я думаю, онъ и на плаху пошелъ бы съ тѣми же стихами и съ тѣми же пѣснями, вовсе не думая о своемъ подвигѣ.

Въ Лондонѣ, у Маццини или у его друзей, Саффи большей частью молчалъ, участвовалъ рѣдко въ спорахъ, иногда одушевлялся на минуту и опять утихалъ. Его не понимали, — это было для меня ясно, *il ne savait pas se faire valoir* ²⁾... Но я ни отъ

¹⁾ Карло, итальянскій юристъ.

²⁾ Онъ не могъ заставить оцѣнить себя.

одного итальянца изъ тѣхъ, которые отпадали отъ Маццини, не слыжалъ ни одного, ни малѣйшаго слова противъ Саффи.

Разъ, вечеромъ, зашелъ споръ между мнѣй и Маццини о Леопарди.

Есть пьесы Леопарди, которымъ я страстно сочувствую. У него, какъ у Байрона, много убито рефлексіей, но у него, какъ у Байрона, стихъ иногда рѣжетъ, дѣлаетъ боль, будитъ нашу внутреннюю скорбь. Такія слова, стихи есть у Лермонтова, есть они и въ нѣкоторыхъ ямбахъ Барбье.

Леопарди была послѣдняя книга, которую читала, перелистывала передъ смертью Natalie...

Людымъ дѣятельности, агитаторамъ, двигателямъ массъ непонятны эти ядовитыя раздумья, эти сокрушительныя сомнѣнія. Они въ нихъ видятъ одну безплодную жалобу, одно слабое уныніе. Маццини не могъ сочувствовать Леопарди, это я впередъ зналъ; но онъ на него напалъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Мнѣ было очень досадно; разумѣется, онъ на него сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду. Такъ Фридрихъ II могъ сердиться... я не знаю... ну, напримѣръ, зачѣмъ онъ не годился въ драбанты ¹⁾. Это — возмутительное стѣсненіе личности, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ; точно, историческое развитіе — барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабago и крѣпкаго, желающаго и не желающаго.

Маццини сердился. Я, подушутя и полусерьезно, сказалъ ему:

— Вы, мнѣ кажется, имѣете зубъ на бѣднаго Леопарди за то, что онъ не участвовалъ въ римской революціи, а, вѣдь, онъ имѣетъ важную извинительную причину; вы все ее забываете!

— Какую?

— Да то, что онъ умеръ въ 1836 году.

Саффи не выдержалъ и вступился за поэта, котораго онъ еще больше меня любилъ и, разумѣется, еще живѣе понималъ; онъ разбиралъ его съ тѣмъ эстетическимъ, художественнымъ чувствомъ, въ которомъ человекъ больше обличаетъ извѣстныя стороны своего духа, чѣмъ *думаетъ*.

Изъ этого разговора и изъ нѣсколькихъ подобныхъ я понялъ, что, въ сущности, *имѣ* не одинъ путь. У одного мысль ищетъ средствъ, сосредоточена на нихъ однихъ,—это своего рода бѣгство отъ сомнѣній; она жаждетъ только дѣятельности прикладной, это—своего рода лѣнь. Другому дорога объективная истина, у него

¹⁾ Первоначально, тѣлохранители, впоследствии — почетная стража при владѣтельной особѣ.

мысль работает; сверхъ того, для художественной природы искусство дорого уже само по себѣ, безъ его отношенія къ дѣйствительности.

Оставивъ Мацини, мы еще долго толковали о Леопарди,—онъ у меня былъ въ карманѣ; мы зашли въ кафэ и еще прочли нѣкоторыя изъ моихъ любимыхъ пьесъ.

Этого было достаточно. Когда люди сочувственно встрѣчаются въ исчезающихъ оттѣнкахъ, они могутъ молчать о многомъ,—очевидно, что они согласны въ яркихъ цвѣтахъ и въ густыхъ тѣняхъ. ⁷

Говоря о Медичи, я упомянулъ одно глубоко трагическое лицо—*Лавирона*; съ нимъ я недолго былъ знакомъ, онъ промелькнулъ мимо меня и исчезъ въ кровавомъ облакѣ. Лавиронъ былъ кончившій курсъ политехникъ, инженеръ и архитекторъ. Я познакомился съ нимъ въ самый разгаръ революціи, между 24 февраля и 15 мая (онъ тогда былъ капитаномъ національной гвардіи); въ его жилахъ текла, безъ всякой примѣси, энергическая, суровая, когда надобно, и добродушная, веселая галло-франкская кровь девяностыхъ годовъ. Я предполагаю, что таковъ былъ архитекторъ Клеберъ, когда онъ возилъ въ тачкѣ землю съ молодымъ актеромъ Тальмой, расчищая мѣсто для праздника федераціи.

Лавиронъ принадлежалъ къ небольшому числу людей, не опьянѣвшихъ 24 февраля отъ побѣды, отъ провозглашенія республики. Онъ былъ на баррикадахъ, когда дрались, и въ *Hôtel de Ville*, когда недравшіеся выбирали диктаторовъ. Когда прибыло новое правительство, какъ *Deus ex machina* ¹⁾, въ ратушу, онъ громко протестовалъ противъ его избранія и вмѣстѣ съ нѣсколькими энергическими людьми спрашивалъ: откуда оно взялось? почему оно правительство? Совершенно послѣдовательно Лавиронъ 15 мая ворвался съ парижскимъ народомъ въ мѣщанское собраніе и съ обнаженной шпагой въ рукѣ заставилъ президента допустить на трибуну народныхъ ораторовъ. Дѣло было потеряно. Лавиронъ скрылся. Онъ былъ судимъ и осужденъ *par contumace* ²⁾. Реакція пьянѣла, она чувствовала себя сильной для борьбы и вскорѣ сильной для побѣды,—тутъ іюньскіе дни, потомъ проскрипціи, ссылки, *сінтіі* терроръ. Въ это самое время, однажды вечеромъ сидѣлъ я на бульварѣ передъ Тортони ³⁾, въ толпѣ всякой всячины и, какъ въ Парижѣ всегда бываетъ,—въ умѣренную и неумѣренную монархію,

¹⁾ Дословно «Богъ изъ машины»; въ переносномъ смыслѣ: неожиданная развязка, благодаря вмѣшательству божества.

²⁾ Заочно.

³⁾ Старинное кафэ въ Парижѣ, на углу Boulevard des Italiens и Rue Taitbout.

въ республику и имперію,— все это общество впересыпку со шпионами. Вдругъ подходитъ ко мнѣ—не вѣрю глазамъ—Лавиронъ.

— Здравствуйте!—говорить онъ.

— Что за сумасшествіе?!—отвѣчаю я вполголоса и, взявъ его подъ руку, отхожу отъ Тортони.—Какъ же можно такъ подвергаться, и особенно теперь?

— Если бы вы знали, что за скука сидѣть взаперти и прятаться, просто съ ума сойдешь... Я думалъ, думалъ да и пошелъ гулять.

— Зачѣмъ же на бульваръ?

— Это ничего не значитъ. Здѣсь меня меньше знаютъ, чѣмъ по ту сторону Сены, и кому же придетъ въ голову, что я стану прогуливаться мимо Тортони? Впрочемъ, я ѣду...

— Куда?

— Въ Женеву,—такъ тяжело и такъ все надоѣло. Мы идемъ навстрѣчу страшнымъ несчастіямъ. Паденіе, паденіе, мелкость во всѣхъ, во всемъ! Ну, прощайте, прощайте и да будетъ наша встрѣча повеселѣе.

Въ Женевѣ Лавиронъ занимался архитектурой, что-то строилъ. Вдругъ объявлена война «за папу» противъ Рима. Французы сдѣлали свою вѣроломную высадку въ Чивитавеккіи и приближались къ Риму. Лавиронъ бросилъ циркуль и поскакалъ въ Римъ. «Надобно вамъ инженера, артиллериста, солдата?... Я французъ, я стыжусь за Францію и иду драться съ моими соотечественниками»,— говорилъ онъ триумвирамъ и пошелъ жертвой искупленія въ ряды римлянъ. Съ мрачной отвагой шелъ онъ впередъ; когда все было потеряно, онъ еще дрался и палъ въ воротахъ Рима, сраженный французскимъ ядромъ.

Французскія газеты похоронили его рядомъ ругательствавъ, указывая судъ божій надъ преступнымъ измѣнникомъ отечества!

... Когда человѣкъ, долго глядя на черныя кудри и черные глаза, вдругъ обращается къ бѣлокурой женщинѣ съ свѣтлыми бровями, нервной и блѣдной, взгляды его всякій разъ удивляются и не могутъ сразу прійти въ себя. Разница, о которой онъ не думалъ, которую забыть, невольно, физически навязывается ему.

Точно то же дѣлается при быстромъ переходѣ отъ итальянской эмиграціи къ нѣмецкой.

Нѣмецъ теоретически развитъ, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ всѣ народы, но проку въ этомъ нѣтъ до сихъ поръ. Изъ католическаго фанатизма онъ перешелъ въ протестантскій піэтизмъ трансцендентальной философіи и поэтизмъ филологіи, а теперь понемногу перебирается въ положительную науку; онъ «во всѣхъ классахъ

учится прилежно», и въ этомъ вся его исторія; на страшномъ судѣ ему сочтутъ баллы. Народъ Германіи, менѣе учившійся, много страдалъ; онъ купилъ право на протестантизмъ Тридцатилѣтней войной, право на независимое существованіе, т.-е. на блѣдное существованіе подъ надзоромъ Россіи,—борьбой съ Наполеономъ. Его освобожденіе въ 1814, 1815 гг. было совершеннѣйшей реакціей, и когда на мѣсто Жерома Бонапарта ¹⁾ явился *der Landesvater* ²⁾, въ пудреномъ парикѣ и залежавшемся мундирѣ стараго покроя, и объявилъ, что на другой день начинается, по порядку, положимъ, 45-й *парадъ* (сорокъ четвертый былъ до революціи),—тогда всѣмъ освобожденнымъ показалось, что они вдругъ потеряли современность и воротились къ другому времени, каждый щупаль, не выросла ли у него коса съ бантомъ на затылкѣ. Народъ принималъ это съ простодушной глупостью и пѣлъ Кернеровы ³⁾ пѣсни. Науки шли впередъ. Греческія трагедіи давались въ Берлинѣ, драматическія торжества для Гете—въ Веймарѣ.

Самые радикальные люди между нѣмцами въ частной жизни остаются филистерами. Смѣлые въ логикѣ, они освобождаютъ себя отъ практической послѣдовательности и впадаютъ въ вопіющія противорѣчія. Германскій умъ въ революціи, какъ во всемъ, беретъ общую идею, разумѣется, въ ея безусловномъ, т.-е. недѣйствительномъ, значеніи и довольствуется идеальнымъ построеніемъ ея, воображая, что вещь сдѣлана, если она понята, и что фактъ такъ же легко кладется подъ мысль, какъ смыслъ факта переходитъ въ сознаніе.

Англичанинъ и французъ исполнены предрасудковъ, нѣмецъ ихъ не имѣетъ; но и тотъ, и другой въ своей жизни послѣдовательнѣе: то, чему они покоряются, можетъ быть и нелѣпо, но признано ими. Нѣмецъ не признаетъ ничего, кромѣ разума и логики, но покоряется многому *изъ видовъ*,—это кривленіе душой за взятки.

Французъ не свободенъ нравственно: богатый инициативой въ дѣятельности, онъ бѣденъ въ мышленіи. Онъ думаетъ принятыми понятіями въ принятыхъ формахъ; онъ пошлымъ идеямъ даетъ модный покрой и доволенъ этимъ. Ему трудно дается новое, даромъ, что онъ бросается на него. Французъ тѣснитъ свою семью и вѣрить, что это—его обязанность, такъ, какъ вѣрить въ «по-

¹⁾ Младшій братъ Наполеона I, король вестфальскій.

²⁾ Отецъ народа; такъ называли себя въ Германіи владѣтельные князья.

³⁾ Карлъ-Теодоръ Кернеръ, нѣмецкій поэтъ, прославившійся патристическими пѣснями.

четный легионъ», въ приговоры суда. Нѣмецъ ни во что не вѣрять, но пользуется на выборъ общественными предразсудками. Онъ привыкъ къ мелкому довольству, къ Wohlbehagen ¹⁾, къ покою и, переходя изъ своего кабинета въ Prunkzimmer ²⁾ или спальню, жертвуетъ халату, покою и кухнѣ свободную мысль свою. Нѣмецъ большой сибаритъ; этого въ немъ не замѣчаютъ, потому что его убогое раздолье и мелкая жизнь неказисты, но эскимось, который пожертвуетъ всѣмъ для рыбаго жира,—такой же эпикуреецъ, какъ Лукуллъ. Къ тому же нѣмецъ, лимфатическій отъ природы, скоро тяжѣлетъ и пускаетъ тысячи корней въ извѣстный образъ жизни; все, что можетъ его вывести изъ его привычки, ужасаетъ его филистерскую натуру.

Всѣ нѣмецкіе революціонеры—большіе космополиты, sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität ³⁾, и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упornaго патріотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобъ Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Вѣнскіе студенты не побрезгали отправиться подъ начальство Радецкаго въ Ломбардію, они даже, подъ предводительствомъ какого-то профессора, взяли пушку, которую подарили Инсбруку.

При этомъ заносчивомъ и воинственномъ патріотизмѣ Германія, со времени первой революціи и поднесъ, смотритъ съ ужасомъ направо, съ ужасомъ налево. Тутъ Франція съ распущенными знаменами переходитъ Рейнъ, тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ двадцать пять милліоновъ головъ чувствуетъ себя круглымъ сиротой, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобъ утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе.

«Воинственный» конвентъ, собиравшійся въ павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ sehr ausgezeichneten in ihrem Fache ⁴⁾ профессоровъ, лѣкарей, теологовъ, фармацевтовъ и филологовъ, рукоплескалъ австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи, тѣснилъ поляковъ въ Познани. Самый вопросъ о Шлезвигъ-Гольштейнѣ (Stammverwandtl) ⁵⁾ бралъ за живое только съ точки зрѣнія «Тейтчтума» ⁶⁾. Первое свободное слово, сказанное, послѣ вѣковъ

¹⁾ Хорошему самочувствію.

²⁾ Парадную комнату.

³⁾ Они переросли точку зрѣнія націонализма.

⁴⁾ Весьма выдающихся въ своей области.

⁵⁾ Одноплеменномъ.

⁶⁾ Deutschtum—«нѣмецкой идеи».

молчанія, представителями освобождающейся Германіи, было противъ притѣсненныхъ, слабыхъ народностей; эта неспособность къ свободѣ, эти неловко обличаемыя поползновенія удержатъ неправое стяжаніе вызываютъ иронію: человѣкъ прощаетъ дерзкія притязанія только за энергическія дѣйствія, а ихъ не было.

Революція 1848 года имѣла вездѣ характеръ опрометчивости, невыдержки, но не имѣла ни во Франціи, ни въ Италіи почти ничего смѣшного; въ Германіи, кромѣ Вѣны, она была исполнена комизма несравненно больше юмористическаго, чѣмъ комизмъ прегадкой гетевской комедіи «Der Bürgergeneral» ¹⁾).

Не было города, «пятна» ²⁾ въ Германіи, въ которомъ при возстаніи не являлась бы попытка «комитета общественнаго спасенія», со всѣми главными дѣятелями, съ холоднымъ юношей *Сенз-Жюстомъ*, съ мрачными террористами и военнымъ геніемъ, представлявшимъ Карно. Дзухъ-трехъ Робеспьеровъ я лично зналъ; они надѣвали всегда чистую рубашку, мыли руки и чистили ногти; зато были и растрепанные Коло д'Эрбуа, а если въ клубѣ находился человѣкъ, любившій еще больше пиво, чѣмъ другіе, и волочившійся еще открытѣе за штубенмедхень ³⁾, — это былъ Дантонъ, eine schwelgende Natur! ⁴⁾

Французскіе слабости и недостатки долею улетучиваются при ихъ легкомъ и быстромъ характерѣ. У нѣмца тѣ же недостатки получаютъ какое-то прочное и основательное развитіе и бросаются въ глаза. Надобно самому видѣть эти нѣмецкіе опыты, представить so einen burschikosen Gamln de Paris ⁵⁾ въ политикѣ, чтобы оцѣнить ихъ. Мнѣ они всегда напоминали рѣзвость коровы, когда это доброе и почтенное животное, украшенное семейнымъ добродушіемъ, разыграется, завѣтреничаешь на лугу и съ пресерьезной миной побрыкаетъ обѣими задними ногами или пробѣжитъ косымъ галопомъ, погоняя себя хвостомъ.

Послѣ дрезденскаго дѣла я встрѣтилъ въ Женевѣ одного изъ тамошнихъ агитаторовъ и началъ его тотчасъ разспрашивать о Бакунинѣ. Онъ его перевозносилъ и сталъ рассказывать, какъ онъ самъ начальствовалъ баррикадой подъ его распоряженіями. Воспламенившись своимъ рассказомъ, онъ продолжалъ: «Революція—гроза; тутъ нельзя слушать ни сердца, ни сообразоваться съ обыкновенной справедливостью... Надобно самому побывать въ этихъ обстоя-

¹⁾ «Генераль-гражданинъ».

²⁾ Flecken—пятно, также—мѣстечко.

³⁾ Stubenmädchen—горничная.

⁴⁾ Широкая натура!

⁵⁾ Такого настоящаго парижскаго сорви-голову.

тельствѣхъ, чтобъ вполнѣ понять «Гору» 1794 г. Представьте себѣ, вдругъ мы замѣчаемъ глухое движеніе въ королевской партіи; намѣренно распускаются ложные слухи, показываются люди съ подозрительными лицами. Я подумаль-подумаль и рѣшился *терроризовать* мою улицу. «Männer! ¹⁾—говорю я моему отряду—подъ опасеніемъ военнаго суда, который при осадномъ положеніи можетъ *сейчасъ лишить васъ жизни* въ случаѣ ослушанія, приказываю вамъ, чтобъ всякій, безъ различія пола, возраста и званія, кто захотѣлъ бы перейти баррикаду, былъ захваченъ и подъ строгимъ покрытіемъ приведенъ ко мнѣ». Такъ продолжалось болѣе сутокъ. Если бюргеръ, котораго ко мнѣ приводили, былъ хорошій патріотъ, я его пропускалъ, но если это было подозрительное лицо, то я давалъ знакъ стражѣ»...

— И,—сказаль я съ ужасомъ,—и она?

— И она ихъ отводила домой,—прибавилъ гордо и самодовольно террористъ...

Къ характеристикѣ нѣмецкихъ освободителей прибавлю еще анекдотъ.

Исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ, юноша, о которомъ я помянулъ, рассказывая о визитѣ Густава Струве, написалъ мнѣ черезъ нѣсколько дней записку, въ которой просилъ найти ему какую-нибудь работу. Я предложилъ ему переписать для печати рукопись «*Vom andern Ufer*», писанную рукой Каппа, которому я диктоваль по-нѣмецки съ русскаго оригинала. Молодой человѣкъ принялъ предложеніе. Черезъ нѣсколько дней онъ скъзаль мнѣ, что онъ такъ дурно помѣщенъ съ разными фрейшерлерами, что у него нѣтъ ни мѣста, ни тишины, чтобъ заниматься, и просилъ позволеніе переписывать въ комнатѣ Каппа. И тутъ работа не пошла. Министръ *per interim* приходилъ въ одиннадцать часовъ утра, лежалъ на диванѣ, курилъ сигары, пилъ пиво... и уходилъ вечеромъ на совѣщанія и собранія къ Струве. Каппъ, деликатнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, стыдился за него. Такъ прошло съ недѣлю. Каппъ и я, мы молчали, но эксъ-министръ прервалъ молчаніе: онъ просилъ у меня запиской *сто франковъ впередъ* за работу. Я написалъ ему, что онъ такъ медленно работаетъ, что такой суммы я ему впередъ дать не могу, а, если ему очень нужны деньги, то посылаю двадцать франковъ, несмотря на то, что онъ не переписаль еще и на десять.

Вечеромъ министръ явился на сходку къ Струве и донесъ о моемъ анти-цивическомъ поступкѣ и о злоупотребленіи капиталомъ.

¹⁾ Господа.

Добрый министр считалъ, что социализмъ состоитъ не въ общественной организаціи, а въ безсмысленномъ дѣлѣ безсмысленно полученнаго достоянія.

Несмотря на удивительный хаосъ, царившій въ головѣ Струве, онъ, какъ честный человекъ, разсудилъ, что я не совсѣмъ виновать и что, можетъ, *бюриеру* и *брудеру* лучше было бы переписывать больше, а денегъ впередъ просить меньше. Онъ уговаривалъ его не дѣлать изъ исторіи шума.

— Ну, такъ я отошлю ему деньги mit Verachtung ¹⁾,—сказалъ министръ.

— Что за вздоръ!—закричалъ одинъ фрейшерлеръ.—Если брудеръ и бюргеръ не хочетъ ихъ брать, то я предлагаю сейчасъ на всѣ послать за пивомъ и выпить на гибель der Besitzenden ²⁾. Согласны?

— Да, да, согласны, браво!

— Выпьемъ,—кричалъ ораторъ,—и дадимъ слово не кланяться русскому аристократу, который обидѣлъ брудера.

— Да, да, ненадобно кланяться.

Дѣйствительно, пиво выпили и кланяться мнѣ перестали.

Всѣ эти смѣшные недостатки вмѣстѣ съ особенной Plumpheit ³⁾ нѣмцевъ оскорбляютъ южную натуру итальянцевъ и возбуждаютъ въ нихъ зоологическую, народную ненависть. Всего хуже, что хорошая сторона нѣмцевъ, т.-е. сторона философскаго образованія, итальянцу равнодушна или недоступна, а сторона пошлая, тяжелая постоянно колетъ глаза. Итальянецъ часто ведетъ самую пустую и праздную жизнь, но съ какимъ-то артистическимъ, граціознымъ ритмомъ, и именно потому онъ всего меньше можетъ вынести медвѣжью шутку и фамильярное прикосновеніе жовіальнаго ⁴⁾ нѣмца.

Англо-германская порода гораздо грубѣе франко-романской. Съ этимъ дѣлать нечего, это—ея фізіологическій признакъ, сердиться на него смѣшно. Пора понять разъ навсегда, что разныя породы людей, какъ разныя породы звѣрей, имѣютъ разные характеры и не виноваты въ этомъ. Никто не сердится на быка за то, что онъ не имѣетъ ни красоты лошади, ни быстроты оленя; никто не упрекаетъ лошадь за то, что ея филейныя мяса не такъ вкусны, какъ у быка; все, чего мы можемъ требовать отъ нихъ, во имя

¹⁾ Съ презрѣніемъ.

²⁾ Имущикъ.

³⁾ Неуклюжестью.

⁴⁾ Рѣзвящагося.

животнаго братства, это, чтобъ они мирно паслись на одномъ и томъ же полѣ, не бодаясь и не лягаясь. Въ природѣ все достигаетъ посильно, чего можетъ; складывается, какъ случится, и потомъ принимаетъ родовое ріи ¹⁾; воспитаніе идетъ до извѣстной степени, исправляетъ одно, прививаетъ другое, но требовать отъ лошади бифштекса и отъ быковъ иноходи, все же,—нелѣпость.

Чтобъ наглазно понять разницу двухъ противоположныхъ традицій европейскихъ породъ, стоитъ взглянуть въ Парижѣ и въ Лондонѣ на уличныхъ мальчишекъ; я беру именно ихъ потому, что они неподдѣльны въ своей грубости.

Посмотрите, какъ парижскіе гамены смѣются надъ какимъ-нибудь англійскимъ чудакомъ, и какъ лондонскіе мальчишки издѣваются надъ французомъ; въ этомъ маленькомъ примѣрѣ рѣзко высказываются два противоположные типа двухъ европейскихъ породъ. Парижскій гамень наглъ и привязчивъ, онъ можетъ быть несносенъ, но, во-первыхъ, онъ остеръ, его шалость ограничивается шутками, и онъ столько же смѣшитъ, сколько сердитъ; во-вторыхъ, есть слова, отъ которыхъ онъ краснѣетъ и сейчасъ отстаетъ; есть слова, которыхъ онъ никогда не употребляетъ, — грубостью его остановить трудно, если же пациентъ подниметъ палку, то я не отвѣчаю за послѣдствія. Еще надобно замѣтить, что французскихъ мальчиковъ нужно чѣмъ-нибудь поразить: краснымъ жилетомъ съ синими полосками, кирпичнымъ полуфракомъ, необычайнымъ кашнэ, лакеемъ, который несетъ попугая, собаку,—вещами, дѣлаемыми одними англичанами и, замѣтьте, только внѣ Англии. Быть просто иностранцемъ недостаточно, чтобъ обратить гоненіе или смѣхъ.

Острота лондонскихъ мальчишекъ проще, она начинается съ ржанія при видѣ иностранца ²⁾, лишь бы онъ имѣлъ усы, бороду или шляпу съ широкими полями; потомъ они кричатъ разъ двадцать: french pig! french dog! ³⁾. Если иностранецъ обратится къ нимъ съ какимъ-нибудь отвѣтомъ, ржаніе и блеяніе удваиваются; если онъ идетъ прочь, мальчишки бѣгутъ за нимъ,—тогда остается ultima ratio ⁴⁾: поднять палку, а иногда и опустить ее на перваго попавшагося. Послѣ этого мальчишки бѣгутъ, сломя голову, прочь, осыпая ругательствами, а иной разъ пуская издали грязью или камнемъ.

Во Франціи взрослый работникъ, сидѣлецъ или торговка ни-

¹⁾ Складку.

²⁾ Все это очень перемѣнилось послѣ Крымской войны (1866). А. И. Г

³⁾ Французская свинья! французская собака!

⁴⁾ Крайнее средство.

когда не участвуют съ gamins въ ихъ продѣлкахъ противъ иностранца; въ Лондонѣ всѣ грязныя бабы, всѣ взрослые сидѣльцы хрюкаютъ и помогаютъ мальчишкамъ.

Во Франціи есть щитъ, который тотчасъ останавливаетъ самага задорнаго мальчика, это—бѣдность. Страна, которая не знаетъ слова болѣе оскорбительнаго, какъ слово beggar ¹⁾, тѣмъ больше преслѣдуетъ иностранца, чѣмъ онъ беззащитнѣе и бѣднѣе.

Одинъ итальянскій рефюжье, бывшій прежде офицеромъ въ австрійской кавалеріи и безъ всякихъ средствъ оставившій отечество послѣ войны, ходилъ, когда пришла зимняя пора, въ военной офицерской шинели. Это производило такой фуроръ на рынкѣ, по которому онъ долженъ былъ проходить всякій день, что крики «кто вашъ портной?», хохотъ и, наконецъ, подергиваніе за воротникъ дошли до того, что итальянецъ бросилъ свою шинель и ходилъ, дрогнувъ до костей, въ одномъ сюртукѣ.

Эта грубость въ уличной шуткѣ, этотъ недостатокъ деликатности, такта въ народѣ, съ своей стороны, объясняетъ, отчего женщинъ нигдѣ не бьютъ такъ часто и такъ больно, какъ въ Англіи ²⁾, отчего отецъ готовъ безчестить дочь, мужъ — жену, юридически преслѣдовать ихъ.

Уличныя грубости сильно оскорбляютъ сначала французовъ и итальянцевъ. Нѣмецъ, напротивъ, принимаетъ ихъ съ хохотомъ, отвѣчаетъ такимъ же ругательствомъ, перебранка продолжается, и онъ остается очень доволенъ. Обоимъ это кажется любезностью, милой шуткой. «Bloody dog!» ³⁾ кричитъ ему, хрюкая, гордый британецъ. — «Стерва Джонъ Буль!» отвѣчаетъ нѣмецъ, и каждый идетъ своей дорогой.

Это обращеніе не ограничивается улицей: стоитъ только посмотрѣть на полемику Маркса ⁴⁾, Гейнцена, Puge et consorts ⁵⁾, которая съ 1849 г. не переставала и теперь продолжается по ту сторону океана. Глазъ нашъ не привыкъ видѣть въ печати такія выраженія, такія обвиненія: ничего не пощажено: ни личная честь, ни семейныя дѣла, ни повѣренныя тайны.

¹⁾ Нищій (англ.).

²⁾ «Таймсъ» какъ-то, года два тому назадъ, считалъ, что среднимъ числомъ въ каждой части Лондона (ихъ десять) ежегодно бываетъ до 200 процессовъ о побояхъ женщинъ и дѣтей. А сколько побоевъ проходитъ безъ процессовъ? А. И. Г.

³⁾ Кровавая собака! (очень грязное ругательство).

⁴⁾ Френсисъ-Юсифъ, см. т. VII, стр. 304—306 и др.

⁵⁾ И компаніи.

У англичанъ грубость пропадаетъ, поднимаясь на высоту таланта или аристократическаго воспитанія, у нѣмцевъ — никогда. Величайшіе поэты Германіи (за исключеніемъ Шиллера) впадаютъ въ самую неотесанную вульгарность.

Одна изъ причинъ дурнаго тона нѣмцевъ происходитъ отъ того, что въ Германіи вовсе не существуетъ воспитанія въ нашемъ смыслѣ слова. Нѣмцевъ учать, и учать много, но совсѣмъ не воспитываютъ, даже въ аристократіи, въ которой преобладаютъ казарменные, юнкерскіе нравы. У нихъ въ житейскихъ дѣлахъ отсутствуетъ эстетическій органъ. Французы его утратили, точно такъ, какъ они утратили изящество своего языка; нынѣшній французъ рѣдко умѣетъ написать письмо безъ конторскихъ или адвокатскихъ выраженій, — прилавокъ и казармы исказили ихъ нравы.

Въ заключеніе этого сравненія я расскажу одинъ случай, въ которомъ я наглазно и лицомъ къ лицу видѣлъ всю пропасть, дѣлящую итальянцевъ отъ tedesковъ ¹⁾, и въ которую, сколько хочешь грузи амнистій и разглагольствованій о братствѣ народовъ, моста долго еще не составишь.

Отправляясь съ Тесье-дю-Мотэ въ 1852 году изъ Генуи въ Лугано, мы пріѣхали ночью въ Арону, спросили, когда идетъ пароходъ, узнали, что на другой день утромъ, въ 8 часовъ, и легли спать. Въ половинѣ восьмого портъе пришелъ взять наши чемоданы, и, когда мы вышли на берегъ, они уже были на палубѣ. Но, несмотря на то, вмѣсто того, чтобъ итти на пароходъ, мы глядѣли съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ другъ другу въ глаза.

Надъ шипѣвшимъ и покачивавшимся пароходомъ развѣвался огромный бѣлый флагъ съ двуглавымъ орломъ, а на кормѣ красовалась надпись: «Fürst Radetzky». Мы забыли съ вечера спросить, какой пароходъ отходить: австрійскій или сардинскій? Тесье, по версальскому суду, былъ осужденъ *in contumaciâ* ²⁾ на депортацию ³⁾. Хотя Австріи до этого и не было дѣла, но какъ не воспользоваться случаемъ, ну, хоть за справками мѣсяцевъ шесть продержатъ въ тюрьмѣ? Примѣръ Бакунина показывалъ, что они могутъ сдѣлать со мной. По договору съ Пиемонтомъ, австрійцы не имѣли права требовать паспортовъ у тѣхъ, которые, не высаживаясь на ломбардскій берегъ, ѣхали въ Магадино, принадлежащій Швейцаріи, но я думаю, что они не побрезгали бы, если-бъ можно

¹⁾ Нѣмцы, въ частности австрійцы (по-итальянски).

²⁾ Заочно.

³⁾ Изгнаніе.

было, такимъ простымъ средствомъ, чтобъ схватить Маццини или Кошута.

— Что же,—сказаль Тесье,—вѣдь, итти назадъ смѣшно.

— Ну, такъ впередъ!—и мы пошли на палубу.

Когда канать былъ взятъ, пассажировъ окружили взводомъ солдатъ съ ружьями. Зачѣмъ?—не знаю. На пароходѣ стояли двѣ небольшія пушки, особымъ образомъ прикрѣпленныя. Когда пароходъ пошелъ, солдатъ распустили. Въ каютѣ, на стѣнѣ, висѣли правила; въ нихъ было подтверждено, что ѣдущіе не въ Ломбардію не обязаны предъявлять паспортовъ, но было добавлено, что если кто-нибудь изъ этихъ лицъ сдѣлаетъ какой-либо проступокъ противъ К.-К. (kaiserlich-königliche) ¹⁾ полицейскихъ уставовъ, тотъ имѣетъ быть судимъ по австрійскимъ законамъ. *Of donc* ²⁾, носить калабрійскую шляпу или трехцвѣтную кокарду было уже австрійское преступленіе. Только тогда я вполнѣ оцѣнилъ, въ какихъ мы когтяхъ. Однако, я далекъ отъ того, чтобъ раскаиваться въ моей поѣздкѣ: все время нашего пути ничего не произошло особаго, но я сдѣлалъ богатый штудіумъ ³⁾.

На палубѣ сидѣло нѣсколько итальянцевъ; мрачно, молча курили они сигары, съ затаенной ненавистью посматривая на суетившихся во всѣ стороны и безъ всякой нужды бѣлобрысыхъ и одѣтыхъ въ бѣлые сюртуки офицеровъ. Надобно замѣтить, что въ ихъ числѣ были мальчишки лѣтъ двадцати, и, вообще, они были молодые люди; я теперь слышу дребезжащій, горловой, казарменный голосъ, наглый смѣхъ, похожій на кашель, и къ тому еще отвратительный австрійскій акцентъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Повторяю, не было ничего ужаснаго, но я чувствовалъ, что за эту манеру стоять, повернувшись спиной возлѣ самага носа, ломаться и показывать: «мы, де, побѣдители, наша взяла», слѣдовало бы ихъ всѣхъ бросить въ воду, и еще больше чувствовалъ я, что былъ бы радъ, если-бъ это случилось, и охотно помочь бы.

Кто даль бы себѣ трудъ счетомъ пять минутъ посмотрѣть на тѣхъ и другихъ, тотъ непременно понялъ бы, что тутъ и рѣчи быть не можетъ о примиреніи, что въ крови у этихъ людей лежитъ ненависть другъ къ другу, которую распустишь, смягчишь, привестъ къ безобидному племенному различію надобно вѣка времени.

Послѣ полудня часть пассажировъ сошла въ каюту, другіе

¹⁾ Императорскихъ-королевскихъ.

²⁾ Ну, а.

³⁾ Studium —опытъ.

спросили себѣ завтракъ на палубу. Тутъ физическая разница еще рѣзче выразилась. Я смотрѣлъ съ удивленіемъ: ни одного общаго приема. Итальянцы ѣли мало, съ той врожденной, натуральной граціей, съ которой они все дѣлають. Офицеры рвали куски, жевали вслухъ, бросали кости, толкали тарелки; одни, наклонясь къ самому столику, съ особенной ловкостью и необыкновенной скоростью *плескали* съ ложки супъ въ ротъ, другіе ѣли *съ ножа*, безъ хлѣба и безъ соли, масло. Я посмотрѣлъ на этихъ артистовъ и, глядя на итальянца, улыбнулся,—онъ тотчасъ понялъ меня и, симпатически отвѣчая мнѣ улыбкой, показалъ полнѣйшій видъ отвращенія. Еще замѣчаніе: въ то время, какъ итальянцы съ улыбкой и мягкостью спрашивали тарелку, вина, каждый разъ благодаря головой или взглядомъ человѣка, австрійцы обращались возмутительно съ прислугой, такъ, какъ русскіе отставные корнеты и прапорщики обращаются съ крѣпостными при чужихъ.

Для закуски, молодой, долговязый, съ свѣтложелтыми волосами офицерикъ позвалъ солдата лѣтъ пятидесяти, поляка или кроата по лицу, и началъ его ругать за какую-то оплошность. Старикъ стоялъ, какъ слѣдуетъ, на вытяжкѣ и, когда офицеръ кончилъ, хотѣлъ, было, что-то ему сказать, но лишь только онъ произнесъ: «Ваше благородіе»,—«Молчать!», закричалъ раздавленнымъ голосомъ свѣтложелтый и—«марш!». Потомъ, обращаясь къ товарищамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ принялся снова за пиво. Зачѣмъ же все это было дѣлать при насъ? Да уже не было ли это нарочно сдѣлано для насъ?

Когда мы вышли на землю у Магадино, натерпѣвшееся сердце не выдержало, и мы, обернувшись къ пароходу, который еще стоялъ, прокричали: «Viva la Republic!», а одинъ итальянецъ, качая головой, повторялъ: «о, brutissimi, brutissimi!»¹⁾

Не рано ли такъ опрометчиво толковать о солидарности народовъ, о братствѣ и не будетъ ли всякое насильственное прикрытие вражды однимъ лицемѣрнымъ перемиріемъ? Я вѣрю, что національныя особенности настолько потеряють свой оскорбительный характеръ, насколько онъ теперь потерянъ въ образованномъ обществѣ, но, вѣдь, для того, чтобъ это воспитаніе проникло во всю глубину народныхъ массъ, надобно много времени; когда же я посмотрю на Фокстонъ и Булонь, на Дувръ и Кале, тогда мнѣ становится страшно и хочется сказать: много вѣковъ.

¹⁾ О, скоты, скоты!

ГЛАВА XXXVIII.

Швейцарія.—Джемсъ Фази и рефюжье.—Monterosa.

Волненіе Европы еще такъ сильно качало въ 1849 году, что трудно было установить, живши въ Женевѣ, вниманіе на одной Швейцаріи. Къ тому же политическія партіи довольно похожи на русское правительство въ искусствѣ отводить глаза путешественнику. Попадая подъ ихъ вліяніе, онъ все видитъ, но видитъ не просто, а подъ извѣстнымъ угломъ; онъ не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга. Его первое впечатлѣніе подтасовано, закуплено, не ему принадлежитъ. Пристрастный взглядъ партіи застаётъ его врасплохъ, неприготовленнаго, равнодушнаго, обезоруженнаго, такъ сказать, и, прежде чѣмъ онъ спохватится, дѣлается его взглядомъ.

Въ 1849 году я зналъ одну радикальную Швейцарію, ту, которая сдѣлала демократическій переворотъ, ту, которая въ 1847 г. подавила зондербундъ ¹⁾). Потомъ, окруженный больше и больше выходцами, я дѣлилъ ихъ негодованіе на малодушное федеральное правительство и на жалкую роль, которую оно играло передъ реакціонными сосѣдями.

Больше и лучше узналъ я Швейцарію въ слѣдующія поѣздки и всего больше въ Лондонѣ. Въ томномъ досугѣ 53 и 54 годовъ я многому научился и на многое изъ прошедшаго и видѣннаго прежде иначе взглянулъ.

¹⁾ Союзъ семи клерикальныхъ кантоновъ Швейцаріи (Люцернъ, Фрейбургъ, Цугъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ и Валлисъ), основанный въ 1843 г. для противодѣйствія радикальной политикѣ федеральнаго правительства.

Швейцарія прошла труднымъ искусомъ. Между развалинами цѣлаго міра свободныхъ учреждений, между обломками цивилизацій, шедшихъ ко дну, перетирая другъ друга, середь гибели всѣхъ человѣческихъ условій жизни, всѣхъ государственныхъ формъ въ пользу грубаго деспотизма, двѣ страны остались, какъ были: одна за своимъ моремъ, другая за своими горами, обѣ средневѣковыя республики, обѣ, прочно вросшія въ землю вѣковыми нравами.

Но какая разница въ силѣ и положеніи между Англіей и Швейцаріей! Если Швейцарія и представляетъ сама островъ за своими горами, то ея промежуточное положеніе и духъ народный обязываютъ ее, съ одной стороны, къ трудному лавированію, съ другой,—къ сложному поведенію. Въ Англіи, собственно, народъ покоенъ, онъ вѣка на три отсталъ. Дѣятельная часть Англіи принадлежитъ извѣстной средѣ; большинство народа внѣ движенія; ее едва колеблетъ чартизмъ ¹⁾, и то исключительно между городскими работниками. Англія стоитъ въ сторонѣ, выбрасываетъ за океанъ горючія вещества, по мѣрѣ ихъ накопленія, и тамъ они торжественно возрастаютъ. Идеи не тѣснятъ въ нее съ материка, а входятъ тихо, переложенныя на ея нравы и переведенныя на ея языкъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ Швейцаріи: въ ней нѣтъ кастъ, даже нѣтъ яркихъ предѣловъ между горожанами и сельскими жителями. Патриархальные патрици кантоновъ оказались несостоятельными при первомъ напорѣ демократическихъ идей. Черезъ Швейцарію идутъ взадъ и впередъ всѣ ученія, всѣ идеи, и всѣ оставляютъ слѣды. Она говоритъ на трехъ языкахъ. Въ ней проповѣдывалъ Кальвинъ, въ ней проповѣдывалъ портной Вейтлингъ ²⁾, въ ней смѣялся Вольтеръ, въ ней родился Руссо. Страна эта, призванная вся, отъ пахаря и работника, къ самоуправленію, задавленная большими сосѣдями, безъ постоянной арміи, безъ бюрократіи и диктатуры, является, послѣ бурь революціи и сатурналій реакціи, той же вольной, республиканской конфедераціей, какъ и прежде.

Желательно было бы знать, какъ консерваторы объясняютъ, что единственныя покойныя земли въ Европѣ—тѣ, въ которыхъ

¹⁾ Радикальное политическое и социальное движеніе въ Англіи въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ.

²⁾ Германскій социалистъ, портной по профессіи, руководившій въ сороковыхъ годахъ революціонными изданіями и основавшій революціонныя иружки въ Цюрихѣ, откуда онъ былъ высланъ и выданъ баденскимъ властямъ.

личная свобода и свобода рѣчи всего меньше стѣснены. Въ то время, какъ австрійская имперія, напр., поддерживается рядомъ *coups d'état* съ мошусомъ ¹⁾, гальваническихъ потрясеній и административныхъ революцій, а французскій тронъ держится однимъ терроромъ и уничтоженіемъ всякой законности,—въ Швейцаріи и Англии сохраняются даже нелѣпыя и устарѣлыя формы, сросшіяся съ ихъ свободой и твердыя подъ ихъ могучей сѣнью.

Поведеніе федеральнаго совѣта въ отношеніи къ политическимъ выходцамъ, которыхъ они выбрасывали по первому требованію Австріи или Франціи, было позорно. Но отвѣтственность за него падаетъ исключительно на правительство: вопросы внѣшней политики совѣмъ не такъ близки къ сердцу народа, какъ вопросы внутренніе. Въ сущности, всѣ народы занимаются только своими дѣлами, остальное составляетъ или дальнее желаніе, или просто риторическое упражненіе, иногда откровенное, но и тогда рѣдко дѣльное. Народъ, составившій себѣ репутацію своимъ общечеловѣческимъ участіемъ ко всѣмъ и всему, наименѣе знаетъ географію и всего больше зараженъ нестерпимо раздражительнымъ патріотизмомъ. Къ тому же швейцарецъ самою природой не увлекается вдаль: онъ сведенъ горами на свою родную долину, какъ житель приморскій—на свой берегъ, и, пока его не трогаютъ на ней, онъ молчитъ.

Право, присвоенное себѣ федеральнымъ правительствомъ, распоряжаться выходцами, вовсе не *швейцарское*; по немъ, вопросъ объ эмигрантахъ—вопросъ кантональный. Швейцарскіе радикалы, увлекаемые французскими теоріями, старались усилить сводное правительство въ Бернѣ и сдѣлали большую ошибку. По счастью, попытки централизаціи, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ практическая польза ихъ очевидна, какъ въ устройствѣ почтъ, дорогъ, единства монетъ, вовсе не народны въ Швейцаріи. Централизація можетъ многое сдѣлать для порядка, для разныхъ общихъ предпріятій, но она несовмѣстна съ свободой; ею легко народы доходятъ до положенія хорошо береженаго стада или своры собакъ, ловко держимыхъ какимъ-нибудь добѣзжачимъ.

Оттого-то американцы и англичане столько же ненавидятъ ее, сколько и швейцарцы.

Слабая числомъ, нецентрализованная Швейцарія—гидра, Бріарей ²⁾, ее не пришибешь однимъ ударомъ. Гдѣ ея голова? гдѣ ея сердце? Сверхъ того, безъ столицы нельзя себѣ представить ко-

¹⁾ Moschus—мускусъ.

²⁾ Въ греческой мифологіи сторукой великанъ.

роля. Король въ Швейцаріи—такая же нелѣпость, какъ табель о рангахъ въ Нью-Йоркѣ. Горы, республика и федерализмъ воспитали, сохранили въ Швейцаріи сильный, мощный кряжъ людей, такъ же рѣзко разграниченный, какъ ихъ почва, горами и такъ же соединенный ими, какъ она.

Надобно видѣть, какъ гдѣ-нибудь на федеральномъ тирѣ собираются стрѣлки разныхъ кантоновъ, съ своими знаменами, въ своихъ костюмахъ и съ карабиномъ за плечами. Гордые своей особенностью и своимъ единствомъ, они, сходя съ родныхъ горъ, братскими кликами привѣтствуютъ другъ друга и федеральный стягъ (остающийся въ *томъ* городѣ, гдѣ былъ послѣдній тиръ), нисколько не смѣшиваясь.

Въ этихъ празднествахъ вольнаго народа, въ его военной забавѣ, безъ оскорбительнаго *étalagé'a* ¹⁾ монархіи, безъ пышной обстановки золотомъ шитой аристократіи, пестрой гвардіи есть что-то торжественное и могу ее. Вездѣ произносятся рѣчи, льется домашнее вино, раздаются крики, пѣсни, музыка, и всѣ чувствуютъ, что на ихъ плечахъ нѣтъ свинцовой плиты, гнетущей власти...

Въ Женевѣ, вскорѣ послѣ моего приѣзда, давали обѣдъ ученикамъ всѣхъ школъ передъ наступающими вакаціями. Джемсъ Фази (президентъ кантона) пригласилъ меня на этотъ пиръ. На полѣ, въ Каружѣ ²⁾, былъ разбитъ большой шатеръ. Совѣтъ и всѣ кантональныя знаменитости были налицо и обѣдали вмѣстѣ съ дѣтьми. Часть гражданъ, состоявшихъ на очереди, была созвана въ мундирахъ и съ ружьями, для почетной стражи. Фази произнесъ рѣчь, совершенно радикальную, поздравилъ получившихъ награды и предложилъ тостъ: «за будущихъ гражданъ!» при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ этого дѣти, по два въ рядъ, отправились за нимъ въ поле, гдѣ были приготовлены разныя забавы, воздушные шары, акробаты и проч. Вооруженные граждане, т.-е. отцы, дяди, старшіе братья учениковъ, составили шпалеры, и, по мѣрѣ того, какъ глава колонны проходила, они дѣлали «на-караулъ»... Да! «на-караулъ» передъ сыновьями-мальчиками, передъ сиротами, воспитывающимися на счетъ кантона... Дѣти были почетные гости города, его «будущіе граждане». Странно все это нашему брату, бывавшему на институтскихъ и иныхъ торжественныхъ актахъ.

Странно и то, что каждый работникъ, каждый взрослый

¹⁾ Выставленіе на показъ.

²⁾ Предмѣстье Женевы.

крестьянинъ, половые въ трактирахъ и ихъ хозяева, жители горъ и жители болотъ знаютъ хорошо дѣла кантона, принимаютъ въ нихъ участіе, принадлежатъ къ партіямъ. Языкъ ихъ, степень образованія очень мѣняются, и, если женевскій работникъ напоминаетъ иногда лѳонскаго клубиста, въ то время, какъ простой житель горъ похожъ еще до сихъ поръ на лица, окружающія шиллеровскаго Телля, то это нисколько не мѣшаетъ тому и другому горячо заниматься общественными дѣлами. Во Франціи идутъ по городамъ отпрыски и развѣтвленія политическихъ и соціальныхъ обществъ; члены ихъ занимаются *революціоннымъ* вопросомъ и по дорогѣ знаютъ кое-что изъ настоящаго управленія. Но зато стоящіе внѣ ассоціаціи, а въ особенности крестьяне, ничего не знаютъ и вовсе не интересуются ни дѣлами Франціи, ни дѣлами департамента.

Наконецъ, и намъ и французамъ бросается въ глаза отсутствіе всякихъ ризъ и облаченій, всей оперной обстановки правительства. Президентъ кантона, президентъ федеральнаго собранія, статсъ-секретари (т.-е. министры), федеральные полковники ходятъ, какъ всѣ простые смертные, въ кафѣ, обѣдаютъ за общимъ столомъ, разсуждаютъ о дѣлахъ, спорятъ съ работниками, спорятъ при нихъ между собой, и все это запиваютъ вмѣстѣ съ другими иворнскимъ виномъ да киршемъ.

Съ начала нашего знакомства съ Джемсомъ Фази эта демократическая простота поражала меня, и я только впослѣдствіи, вглядываясь ближе, увидѣлъ, что во всѣхъ законныхъ случаяхъ правительство кантона вовсе не было слабо, несмотря на отсутствіе гардеробной важности, лампасовъ, плюмажей, швейцаровъ съ булавой, вахмистровъ съ усами и прочихъ шалостей и ненужностей монархической *mise en scène*.⁸

Осенью 1849 началось гоненіе выходцевъ, искавшихъ убѣжища въ Швейцаріи; правительство было въ слабыхъ рукахъ доктринеровъ; федеральные министры потеряли голову. Застрашенная конфедерація, отказавшая нѣкогда Людовику-Филиппу въ высылкѣ Людовика-Наполеона, высылала теперь, по приказу послѣдняго, людей, искавшихъ убѣжища, и дѣлада ту же любезность для Австріи и Пруссіи. Конечно, федеральное правительство имѣло дѣло не съ старымъ, толстымъ королемъ, не любившимъ крайнихъ мѣръ, а съ людьми, у которыхъ на рукахъ еще не обсохла кровь, и которые были въ самомъ разгарѣ дикаго преслѣдованія. Но чего же боялось федеральное собраніе? Если-бъ оно умѣло смотрѣть дальше своихъ горъ, тогда оно поняло бы, какую долю внутренняго страха покрывали нахальствами и угрозами сосѣднія правительства. Ни

одно изъ нихъ въ 1849 году не имѣло достаточной осѣдлости и нравственнаго сознанія своей силы, чтобъ начать войну. Стоило конфедераціи показать зубы—и они умолкли бы; доктринеры предпочли робкую уступчивость и начали мелкое, неблагородное гоненіе людей, которымъ некуда было дѣться.

Долго нѣкоторые кантоны, и въ томъ числѣ женевскій, противодѣйствовали федеральному собранію, но, наконецъ, и Фази былъ увлеченъ *volens-nolens* ¹⁾ въ преслѣдованіе выходцевъ.

Положеніе его было очень непріятно. Переходъ человѣка изъ заговорщиковъ въ правительство, какъ бы онъ естественъ ни былъ, имѣетъ свои комическія и досадныя стороны. Въ сущности, надобно сказать, что не Фази перешелъ въ правительство, а правительство перешло къ Фази, тѣмъ не менѣе прежній конспираторъ не всегда ладилъ съ президентомъ кантона. Ему приходилось бить по своимъ или иногда явно не слушаться федеральныхъ приказовъ, принимать такія мѣры, противъ которыхъ онъ лѣтъ десять кряду ораторствовалъ. Онъ дѣлалъ то и другое по капризу и этимъ возбуждалъ противъ себя обѣ стороны.

Фази—человѣкъ большой энергіи и большихъ государственныхъ талантовъ, но слишкомъ французъ, чтобы не любить крутыя мѣры, централизацію, власть. Онъ всю жизнь провелъ въ политической борьбѣ. Молодымъ человѣкомъ мы его встрѣчаемъ на парижскихъ баррикадахъ 1830 года, а потомъ въ Отель-де-Виль, въ числѣ той молодежи, которая, вопреки Лафайету и банкирамъ, требовала провозглашенія республики. Перье ²⁾ и Лаффитъ ³⁾ нашли, что «лучшая республика»—герцогъ Орлеанскій; онъ сдѣлался королемъ, а Фази бросился въ крайнюю республиканскую оппозицію. Тутъ онъ дѣйствуетъ съ Годфруа Кавеньякомъ и Маррастомъ, съ обществомъ *Les droits de l'homme* ⁴⁾ и съ карбонарами, замѣшивается въ савойскую экспедицію Маццини, издаетъ журналъ, который на французскій манеръ задавили пенями...

Убѣдившись, наконецъ, что во Франціи нечего дѣлать, онъ вспоминаетъ свою родину и переноситъ всю свою энергію, всю приобрѣтенную ловкость политическаго дѣятеля, публициста и конспиратора на развитіе своихъ идей въ женевскомъ кантонѣ.

Онъ задумалъ радикальный переворотъ въ немъ и исполнилъ его. Женева возстала на свое старое правительство; пренія, на-

¹⁾ Волей-неволей.

²⁾ Казиміръ, президентъ палаты депутатовъ и министръ внутр. дѣлъ при Луи-Филиппѣ.

³⁾ Жакъ, банкиръ, министръ финансовъ.

⁴⁾ Правъ человѣка.

падки и отпоры перешли изъ камеръ и журналовъ на площадь, и Фази явился главою возмущившейся части города. Пока онъ распоряжался и устанавливалъ своихъ вооруженныхъ друзей, сѣдой старикъ смотрѣлъ изъ окна и, военный по профессіи, не могъ вытерпѣть, чтобъ не дать совѣта, какъ слѣдуетъ поставить пушку или отрядъ. Фази послушался. Совѣтъ былъ дѣльный,—но кто же этотъ военный? Графъ Остерманъ-Толстой ¹⁾, главнокомандующій союзными арміями подъ Кульмомъ, уѣхавшій изъ Россіи при воцареніи Николая и жившій потомъ почти всегда въ Женевѣ.

Во время этого переворота Фази показалъ, что онъ вполнѣ обладаетъ не только тактомъ и вѣрностью взгляда, но и той дерзостью, которую Сень-Жюсть считалъ необходимой для революціонера. Разбивши почти безъ кровопролитія консерваторовъ, онъ явился въ Большой совѣтъ и объявилъ ему, что онъ распущенъ. Члены хотѣли арестовать его и съ негодованіемъ спрашивали: «Во имя кого онъ осмѣливается такъ говорить?».

— «Во имя женевского народа, которому надоѣло дурное управленіе ваше и который со мной»,—при этомъ Фази отдернулъ сукно въ дверяхъ совѣта. Толпа вооруженныхъ людей наполнила залы, готовая, по первому слову Фази, опустить ружья и выстрѣлить. Старые «патриціи» и мирные кальвинисты смутились.—«Ступайте вонъ, пока есть время»,—замѣтилъ Фази, и они смиренно поплелись домой, а Фази сѣлъ за столъ и написалъ декретъ или плебисцитъ, объявлявшій, что народъ женевскій, уничтоживъ прежнее правительство, собирается для новыхъ выборовъ и для принятія новаго демократическаго уложенія, въ ожиданіи чего народъ ввѣряетъ исполнительную власть *Джексу Фази*. Это—18 брюмера въ пользу демократіи и народа. Хотя онъ и выбралъ самъ себя диктаторомъ, но выборъ, безспорно, былъ очень удаченъ.

Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1846 года, онъ управляетъ Женевой. Такъ какъ, по конституціи, президентъ избирается на два года и не можетъ быть избранъ два раза кряду, то черезъ два года женевацы назначаютъ кого-нибудь изъ блѣдныхъ поклонниковъ Фази, и такимъ образомъ de facto онъ остается президентомъ, къ великой горести консерваторовъ и піэтистовъ, постоянно остающихся въ меньшинствѣ.

Фази показалъ новыя способности во время своего диктаторства. Администрація, финансы,—все двинулось быстро впередъ; твер-

¹⁾ Александръ Ивановичъ, тогда въ отставкѣ, а въ царствованіе Александра I одинъ изъ видныхъ боевыхъ генераловъ; жилъ въ Женевѣ 1837—1857 гг., тамъ и погребенъ.

дое проведеніе радикальныхъ началъ привязало къ нему народъ. Фази явился такимъ же энергическимъ организаторомъ, какимъ былъ разрушителемъ. Женева расцвѣла при немъ. Это мнѣ говорили не одни друзья его, но люди совершенно посторонніе, между прочими и знаменитый побѣдитель подъ Кульмомъ Остерманъ-Толстой.

Крутой и раздражительный, быстрый и безъ терпимости въ характерѣ, Фази всегда имѣлъ въ себѣ деспотически-республиканскія замашки; привыкнувъ къ власти,—деспотическое ріі стало иной разъ брать верхъ; къ тому же событія и идеи послѣ 1848 застали Фази врасплохъ, онъ былъ смущенъ, съ одной стороны, обойденъ—съ другой. Ну, вотъ она, эта республика, о которой онъ мечталъ съ Годфруа Кавеньякомъ и Арманъ Каррелемъ... а что-то неладно. Бывшій его товарищъ Маррасть, президентъ національнаго собранія, замѣчаетъ ему, что онъ неосторожно отозвался о католицизмѣ «за завтракомъ, въ присутствіи секретаря», и говоритъ, что религію надобно беречь, чтобы не разсердить поповъ; когда эксъ-редакторъ «National'я» въ президентскомъ домѣ проходилъ изъ комнаты въ комнату, двое часовыхъ отдавали ему честь. Другой пріятель и протезе Фази пошелъ еще дальше: сдѣлался самъ президентомъ республики, но онъ уже не хочетъ знаться съ старымъ товарищемъ и идетъ въ Наполеоны. «Республика въ опасности!»—а работники и передовые люди не занимаютъ ею, они все толкуютъ о социализмѣ. Такъ вотъ виноватый,—и Фази съ упрямствомъ и озлобленіемъ опрокинулся на социализмъ. Это значило, что онъ достигъ своего предѣла, своего *culminations-punkt'a*, какъ говорятъ нѣмцы, и пошелъ внизъ.

Онъ и Маццини, бывши социалистами прежде социализма, сдѣлались его врагами, когда онъ сталъ переходить изъ общихъ стремленій въ новую революціонную силу. Много поломалъ я копій съ обоими и съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ мало можно взять логикой, когда человекъ *не хочетъ* убѣдиться. Если у того и у другого это была политика, уступка временной необходимости, то зачѣмъ же было горячиться, зачѣмъ такъ хорошо играть свою роль, даже въ частной бесѣдѣ? Нѣтъ, тутъ былъ какой-то зубъ на новое ученіе, сложившееся *внѣ* ихъ круга; тутъ была даже злоба къ имени. Я разъ предлагалъ Фази называть социализмъ въ нашихъ разговорахъ «Клеопатрой», чтобы это слово не сердило его и не мѣшало своимъ звукомъ пониманію. Брошюры Маццини противъ социализма вполсѣдствіи принесли больше вреда знаменитому агитатору, чѣмъ Радецкій,—но объ этомъ не здѣсь.

Разъ, пришедши домой, я нашель записку Струве; онъ меня

извѣщалъ, что Фази изгоняетъ его, и очень круто. Федеральное правительство давнымъ-давно предписало выслать Струве и Гейнца; Фази ограничился тѣмъ, что сообщилъ имъ это. Что же случилось новаго?

Фази не хотѣлъ, чтобъ Струве издавалъ въ Женевѣ свой «интернаціональный» журналъ; онъ боялся и, можетъ, былъ правъ, что они вдвоемъ съ Гейнцемъ напечатаютъ такой опасный вздоръ, что снова навлекутъ угрозы Франціи, вопль Пруссіи и скрежетъ зубовъ Австріи. Какъ практическій человекъ могъ думать, что этотъ журналъ состоится, я не знаю; довольно того, что онъ предложилъ Струве отказаться отъ журнала или ѣхать вонъ изъ Женевы. Отказаться въ ту минуту, когда Струве фанатически мечталъ, что онъ своимъ журналомъ окончательно побьетъ «семь бичей рода человѣческаго», было выше силъ баденскаго революціонера. Тогда Фази послалъ къ нему квартальнаго съ приказомъ, чтобъ онъ сейчасъ оставилъ кантонъ. Струве сухо принялъ полицейскаго и объявилъ, что онъ еще не готовъ къ отъѣзду. Фази обидѣлся за квартальнаго и велѣлъ полиціи сбить Струве съ рукъ. Войти въ домъ безъ судебного приговора было невозможно; мѣра, принятая въ Бернѣ, была полицейская, а не судебная (то, что французы называютъ *measure de salut public* ¹⁾). Полицейскій зналъ это, но, желая услужить Фази и, вѣроятно, расплатиться за дурной приемъ, приготовилъ карету и сѣлъ съ товарищемъ гдѣ-то подъ липой, неподалеку отъ дома Струве.

Струве, втайнѣ довольный вновь начинающейся эрой гоненій и мученичества и впередъ увѣренный, что важнаго ничего съ нимъ не сдѣлаютъ, разослалъ всѣмъ своимъ знакомымъ записки о случившемся. Въ ожиданіи ихъ пламеннаго участія и горячаго негодованія онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не сходить къ другу Гейнцу, который, съ своей стороны, получилъ такую же любезную цидулку отъ Фази. Такъ какъ Гейнценъ жилъ недалеко, то Струве *ganz gemütlich* ²⁾ отправился къ нему, одѣтый по-домашнему и въ туфляхъ. Лишь только онъ поравнялся съ липой, за которой прятался лукавый сынъ Кальвина, какъ тотъ перерѣзалъ ему дорогу и, показавъ приказъ федеральнаго совѣта, требовалъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Убѣдительность его приглашенія поддерживали два жандарма. Удивленный Струве, проклиная Фази и причисляя его къ числу «семи бичей», сѣлъ въ карету и покатился съ полицейскими въ Ваадтскій кантонъ.

¹⁾ Мѣрою общественнаго благополучія.

²⁾ Совсѣмъ благодушно.

Со времени диктаторства Фази еще ничего подобного не было въ Женевѣ. Во всемъ этомъ было что-то грубое, ненужное и даже шутовское. Кипя досадой, возвращался я домой часу въ двѣнадцатомъ вечера; у Pont des Bergues я встрѣтилъ Фази; онъ весело шель съ нѣсколькими итальянскими выходцами.

— А, здравствуйте, что новаго?—сказалъ онъ, увидавъ меня.

— Много,—отвѣчалъ я съ изысканной сухостью.

— Что же такое?

— Да вотъ, на примѣръ, въ Женевѣ, точно въ Парижѣ, людей хватаютъ на улицѣ, насильно увозятъ, *il n'y a plus de sécurité dans les rues* ¹⁾,—я боюсь ходить...

— А, это вы говорите насчетъ Струве...—отвѣчалъ Фази, успѣвшій разсердиться до того, что голосъ его сталъ перерываться.— Что же прикажете дѣлать съ этими взбалмошными людьми? Я, наконецъ, усталъ, я покажу этимъ господамъ, что значить пренебрегать законами, явно не слушаться распоряженій федеральнаго совѣта...

— Право,—сказалъ я, улыбаясь,—которое вы предоставляете одному себѣ.

— Что же мнѣ изъ-за всякаго вырвавшагося изъ Бедлама подвергать опасности кантонъ, самого себя, и это при теперешнихъ обстоятельствахъ? Да мало еще, вмѣсто «спасибо», они грубятъ. Представьте себѣ, господа, я посылаю къ нему комиссара полиціи, а онъ только что не вытолкалъ его,—это изъ рукъ вонъ! Не понимаютъ, что чиновникъ (*magistrat*), приходящій во имя закона, долженъ быть уважаемъ. Не правда ли?

Товарищи Фази кивнули утвердительно головой.

— Я не согласенъ,—сказалъ я ему,—и совѣмъ не вижу причины уважать человѣка за то, что онъ полицейскій, и за то, что онъ пришелъ объявлять какой-нибудь вздоръ, написанный Фуреромъ ²⁾ или Друэ ³⁾ въ Бернѣ. Можно быть не грубымъ, но для чего расточаться въ учтивостяхъ передъ человѣкомъ, который является ко мнѣ, какъ врагъ, да еще какъ врагъ, поддерживаемый силой?

— Я отроду не слыхивалъ такихъ вещей!—замѣтилъ Фази, подымая плечи и бросая на меня молніи своихъ взоровъ.

— Вамъ это ново, потому что вы никогда не думали объ

¹⁾ Не чувствуешь себя въ безопасности на улицѣ.

²⁾ Ионасъ, швейцарскій государств. дѣятель.

³⁾ Шарль, членъ федеральнаго совѣта, одинъ изъ представителей исполнительной власти.

этомъ. Представлять себѣ чиновниковъ какими-то священнодѣйствующими лицами—вещь совершенно монархическая...

— Вы оттого не хотите понять разницы между уваженіемъ къ закону и раболѣпиемъ, что у васъ царь и законъ—одно и то же, *c'est parfaitement russe!* ¹⁾

— Да гдѣ же это понять, когда у васъ уваженіе къ закону значить уваженіе къ квартальному или къ городовому сержанту?

— А знаете ли вы, м. г., что комиссаръ полиціи, котораго я посылалъ, не только честнѣйшій человѣкъ, но и одинъ изъ преданнѣйшихъ патріотовъ? я его видѣлъ на дѣлѣ...

— И прекрасный отецъ семейства, — продолжалъ я, — да только ни мнѣ, ни Струве дѣла нѣтъ до этого; мы съ нимъ незнакомы, и явился онъ къ Струве вовсе не какъ образцовый гражданинъ, а какъ исполнитель притѣснительной власти...

— Да помиуйте, — замѣтилъ все больше и больше сердившійся Фази, — что вамъ дался этотъ Струве? да не вчера ли вы сами надъ нимъ хохотали...

— Не смѣяться же мнѣ сегодня, если вы его будете вѣшать.

— Знаете, что я думаю?—онъ пріостановился.—Я полагаю, что онъ—просто русскій агентъ.

— Господи, какой вздоръ!—сказалъ я, расхохотавшись.

— Какъ *вздоръ!*?—закричалъ Фази еще громче.—Я вамъ говорю это серьезно!

Зная необузданно-вспыльчивый нравъ моего женевского тирана и зная, что, при всей раздражительности его, онъ, въ сущности, былъ во сто разъ лучше своихъ словъ и человѣкъ не злой, я, можетъ, пропустилъ бы ему это поднятіе голоса; но тутъ были свидѣтели; къ тому же онъ былъ президентъ кантона, а я такой же беспаспортный бродяга, какъ и Струве, и потому я стенторовскимъ ²⁾ голосомъ отвѣчалъ ему:

— Вы воображаете, что вы президентъ, такъ вамъ и достаточно что-нибудь сказать, чтобъ всѣ повѣрили?!

Крикъ мой подѣйствовалъ, Фази сбавилъ голосъ, но зато, безпощадно разбивая свой кулакъ о перила моста, онъ замѣтилъ:

— Да его дядя Густавъ Струве—русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Гамбургѣ.

— Это ужъ изъ «Волка и овецъ». Я лучше пойду домой. Прощайте!

¹⁾ Это совершенно по-русски.

²⁾ Стенторъ — «мѣдногосый боецъ», «кто пятьдесятъ голосовъ могъ одинъ покрывать своимъ крикомъ» («Иліада»).

— Въ самомъ дѣлѣ, лучше итти спать, чѣмъ спорить, а то еще мы поссоримся,—замѣтилъ Фази, принужденно улыбаясь.

Я пошелъ въ Hôtel des Bergues, Фази съ итальянцами—черезъ мостъ. Мы такъ усердно кричали, что нѣсколько оконъ въ отелѣ растворились, и публика, состоявшая изъ гарсоновъ и туристовъ, слушала наше преніе.

Между тѣмъ, квартальный и честнѣйшій гражданинъ, который повезъ Струве, возвратился, и не одинъ, а съ тѣмъ же Струве. Въ первомъ городкѣ Ваадтскаго кантона, близъ Колпе, гдѣ жили Сталь ¹⁾ и Рекамье ²⁾, случилось презабавное обстоятельство. Префектъ полиціи, горячій республиканецъ, услышавъ, какъ Струве былъ схваченъ, объявилъ, что женевская полиція поступила беззаконно, и не только отказался послать его далѣе, но воротилъ назадъ.

Можно себѣ представить бѣшенство Фази, когда онъ, на закуску нашего разговора, узналъ о благополучномъ возвращеніи Струве. Побранившись съ «тираномъ» письменно и словесно, Струве уѣхалъ съ Гейнценомъ въ Англію ³⁾; тамъ-то Гейнценъ потребовалъ два милліона головъ и мирно уплылъ съ своимъ Пиладомъ въ Америку, сначала съ цѣлью завести *училище для молодыхъ дѣвицъ*, потомъ, чтобъ издавать въ С.-Луизѣ «*Пионера*», журналъ, который и пожилымъ мужчинамъ не всегда можно читать ⁴⁾.

Дней пять послѣ разговора у моста, я встрѣтилъ съ Фази въ café de la Poste.

— Что это васъ не видать давно?—спросилъ онъ.—Неужели все сердитесь? Ну, ужъ эти мнѣ дѣла о выходцахъ! Признаюсь, такая обуза, что съ ума можно сойти! Федеральнй совѣтъ бомбардируетъ одной нотой за другой, а тутъ проклятый жекскій супрефектъ нарочно живетъ, чтобъ смотрѣть, интернированы ли французы. Я стараюсь все уладить, и за все за это свои же сердятся. Вотъ теперь новое дѣло, и прескверное, я уже знаю, что меня будутъ бранить, а что мнѣ дѣлать.—Онъ сѣлъ за мой столикъ и, понижая голосъ, продолжалъ: Это уже не фразы, не социализмъ, а просто воровство.

Онъ подаль мнѣ письмо. Какой-то нѣмецкій владѣтельный герцогъ жаловался, что, во время занятія фрейшерлерами его городишка, были ими похищены драгоцѣнныя вещи и, между про-

¹⁾ Баронесса Анна-Луиза, знаменитая франц. писательница.

²⁾ Юлія-Аделаида, знаменитая красавица.

³⁾ Въ 1850 г.

⁴⁾ Еженедѣльный политическій рѣзко-радикальный листокъ.

чимъ, рѣдкой работы старинный потиръ, что онъ находится у бывшаго начальника легіона Бленкера ¹⁾, а такъ какъ до свѣдѣнія его свѣтлости дошло, что Бленкеръ живетъ въ Женевѣ, то онъ и проситъ содѣйствія Фази въ отысканіи вещей.

— Что скажете?!—спросилъ торжествующимъ голосомъ Фази.

— Ничего. Мало ли что бываетъ въ военное время.

— Что же, по-вашему, дѣлать?

— Бросить письмо или написать этому шуту, что вы вовсе не сыщикъ его въ Женевѣ. Что вамъ за дѣло до его посуды? Онъ долженъ радоваться, что Бленкеръ не повѣсилъ его, а тутъ онъ еще ищетъ пожитки.

— Вы—преопасный софистъ, — сказалъ Фази,—да только вы не подумали, что такія продѣлки бросаютъ тѣнь на вашу партію... Этого такъ оставить невозможно.

— Не знаю, зачѣмъ вы это принимаете къ сердцу. Такіе ли дѣлаются ужасы на бѣломъ свѣтѣ. Что касается партіи и ея чести, вы, пожалуй, опять скажете, что я софистъ,—подумайте сами, неужели, давши ходъ этому дѣлу, вы ей сдѣлаете пользу? Оставьте безъ вниманія доносъ герцога, — его примутъ за клевету; а вотъ какъ къ слуху о немъ прибавятъ, что вы посылали дѣлать обыскъ, да еще, на бѣду, что-нибудь найдутъ, тогда трудно будетъ оправдываться Бленкеру и всей партіи.

Фази откровенно удивлялся русскому безпорядку моихъ мнѣній.

Дѣло Бленкера кончилось какъ нельзя лучше. Его не было въ Женевѣ; жена его, при появленіи слѣдственнаго судьи и полиціи, показала спокойно вещи и деньги, рассказала, откуда онѣ, и, услышавъ о сосудѣ, сама отыскала его,—это былъ весьма простой серебряный потиръ. Его взяли молодые люди, бывшіе въ ополченіи, и поднесли въ память побѣды своему полковнику.

Фази впослѣдствіи извинялся передъ Бленкеромъ, *соглашаясь*, что поторопился въ этомъ дѣлѣ. Неумѣренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей въ дѣлахъ уголовныхъ, преслѣдовать съ ожесточеніемъ виноватыхъ, сбивать ихъ, — все это *чисто-французскіе* недостатки; судопроизводство для нихъ—кровожадная игра, въ родѣ травли для испанцевъ. Прокуроръ, какъ ловкій тореадоръ, униженъ и оскорбленъ, ежели травимый звѣрь уцѣлѣетъ. Въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго: судья смотритъ хладнокровно на подсудимаго, не усердствуетъ и почти доволенъ, когда присяжные не дають обвинительнаго приговора.

¹⁾ Луи, нѣмец. революціонеръ, участникъ баденскаго возстанія, въ концѣ 1849 г. эмигрировалъ въ Америку.

Съ своей стороны, рефюжье дразнили Фази и отравляли дни его. Все это понятно и къ этому нельзя быть слишкомъ строгимъ. Страсти, распахнувшіяся во время революціонныхъ движеній, не угомонились отъ неудачи и, не имѣя другого выхода, выражались въ строптивомъ безпокойствѣ духа. Людямъ этимъ смертельно хотѣлось поворить именно въ то время, когда приходилось замолкнуть, отступить на второй планъ, стереться, сосредоточиться, а они, совсѣмъ на противъ, старались не сходить со сцены и баловали всѣми средствами свое существованіе; они писали брошюры, писали въ журналы, говорили на сходкахъ, говорили въ кафэ, распространяли ложныя новости и страшали глупыя правительства близкимъ возстаніемъ. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ числу самыхъ безопасныхъ хористовъ революціи, но устрашенныя правительства съ обратнымъ безуміемъ вѣрили ихъ силѣ и, непривычныя къ свободной и смѣлой рѣчи, кричали о неминуемой опасности, о гибели религіи, трона, семьи и требовали, чтобъ федеральный совѣтъ изгналъ этихъ страшныхъ людей мятежа и разрушеній.

Одна изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ швейцарскимъ правительствомъ, состояла въ удаленіи отъ французской границы тѣхъ изъ рефюжье, которые особенно не нравились Наполеону. Исполнить эту мѣру было очень противно для Фази: онъ почти со всѣми былъ лично знакомъ. Объяснивъ имъ приказъ оставить Женеву, онъ старался *не злитъ*, кто уѣхалъ, кто нѣтъ. Неуѣхавшимъ еще надобно было отказаться отъ главныхъ кафэ, отъ Pont des Bergues,—этого-то они и не хотѣли уступить. Отсюда выходили смѣшныя пансіонскія сцены, въ которыхъ участвовали бывшіе народные представители, люди съ сѣдыми волосами, за сорокъ лѣтъ, извѣстные писатели съ одной стороны, и съ другой—президентъ свободного кантона да полицейскіе агенты рабскихъ сосѣдей Швейцаріи.

Разъ при мнѣ жекскій супрефектъ спросилъ ироническимъ тономъ у Фази:

— M-r le Président, а что, такой-то въ Женевѣ?

— Давнымъ-давно нѣтъ,—отвѣчалъ отрывисто Фази.

— Я очень радъ,—замѣтилъ супрефектъ и пошелъ своей дорогой. А Фази, неистово схвативъ меня за руку и судорожно указывая на человѣка, спокойно курившаго сигару, сказалъ мнѣ:

— Вотъ оны! вотъ оны! Пойдемте въ другую сторону, чтобъ не встрѣтить этого разбойника. Это адъ, да и только!

Я не могъ удержаться отъ смѣха. Разумѣется, это былъ высланный рефюжье, и онъ-то прогуливался по Pont des Bergues, который въ Женевѣ—то, что у насъ Тверской бульваръ.

Я прожилъ въ Женевѣ до половины декабря. Гоненія, начавшіяся втихомолку противъ меня русскимъ правительствомъ, заставили меня покинуть ее для того, чтобъ ѣхать въ Цюрихъ спасать имѣнье моей матери, въ которое запустилъ царственные когти «незабвенный» импера оръ.

Страшное это время было въ моей жизни. Штиль между двухъ ударовъ грома, штиль дѣвѣщій, тяжелый, но не казистый... Примѣты грозили пальцемъ, но я и тутъ еще отворачивался отъ нихъ. Жизнь шла неровно, нестройно, но въ ней были свѣтлые дни; за нихъ я обязанъ величественной швейцарской природѣ.

Даль отъ людей и изящная природа имѣютъ удивительно цѣлебное вліяніе. Я по опыту писалъ въ «Поврежденномъ»¹⁾: «Когда душа носить въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не настолько сладилъ съ собою, чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи, ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткій воздухъ; нужны для того, чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобъ онъ не зачерствѣлъ»...

Отъ многаго хотѣлось отдохнуть уже и тогда. Полтора года, проведенные въ средоточіи политическихъ смуть и распрей, въ постоянномъ раздраженіи, въ виду кровавыхъ зрѣлищъ, страшныхъ паденій и мелкихъ измѣнъ, осадили много горечи, тоски и устали на днѣ души. Иронія принимала другой характеръ. Грановскій писалъ мнѣ, прочитавъ «Съ того берега», писанное именно въ то время: «Книги твои дошли до насъ. Я читалъ ихъ съ радостью и съ гордымъ чувствомъ... Но при всемъ томъ въ ней есть что-то усталое. Ты стоишь одинокъ и, можетъ, сдѣлаешься великимъ писателемъ; но то, что было въ Россіи живого и симпатическаго для всѣхъ въ твоемъ талантѣ, какъ будто, исчезло на чужой почвѣ»²⁾... Сазоновъ, перечитавъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа въ 1849 г. начало моей повѣсти «Долгъ прежде всего», писанной за два года, сказалъ мнѣ: «Ты этой повѣсти не кончишь, да и ничего подобнаго больше не напишешь. У тебя прошелъ свѣтлый смѣхъ и добродушная шутка».

Но могъ ли человѣкъ пройти искусомъ 1848 и 1849 годовъ и остаться тѣмъ же? Я самъ чувствовалъ эту перемѣну. Только дома, безъ постороннихъ находили иногда прежнія минуты не «свѣтлаго смѣха», а *свѣтлой грусти*; вспоминая бывшее, нашихъ друзей, вспоминая недавнія картины римской жизни, возлѣ кровати спящихъ дѣтей или глядя на ихъ игру, душа настраивалась, какъ

¹⁾ № 722.

²⁾ Письмо Грановскаго приведено на стр. 412 т. VI.

прежде, какъ нѣкогда,—на нее вѣяло свѣжестью, молодой поэзіей, поной кроткой гармоніей, на сердцѣ становилось хорошо, тихо и подѣ влияніемъ такого вечера легче жилось день, другой!

Минуты эти были не часты,—дурное, невеселое разсѣяніе мѣшало имъ; число постороннихъ росло около насъ, и къ вечеру маленькая гостиная наша на Елисейскихъ поляхъ была полна чужими. Большею частью это были вновь пріѣхавшіе эмигранты, люди добрые и несчастные, но близокъ я былъ только съ однимъ человекомъ... ¹⁾ и зачѣмъ я былъ близокъ съ нимъ!..

Я съ радостью покидалъ Парижъ, но въ Женевѣ мы очутились въ томъ же обществѣ, только лица были другія и размѣры тѣсныѣ. Въ Швейцаріи все тогда было ринуту въ политику, все дѣлилось на партіи: tables d'hôt'ы и кофейныя, часовщики и женщины. Исключительно политическое направленіе, особенно въ томъ тяжеломъ затишьи, которое всегда слѣдуетъ за неудачными переворотами, чрезвычайно утомляетъ безплодной сухостью и однообразнымъ попреканіемъ прошедшему. Оно похоже на лѣтнее время въ большихъ городахъ, гдѣ все запылено, жарко, безъ воздуха, гдѣ сквозь блѣдныя деревья просвѣчиваютъ стѣны, отражающія солнце, и теплые камни мостовой. Живой человекъ рвется на воздухъ, которымъ еще не дышала тьма темъ, въ которомъ не пахнутъ обглодками жизни и не слышно нестройнаго дребезжанія, сальнаго, гнилого запаха и непрерывнаго стука.

Иногда мы въ самомъ дѣлѣ вырывались изъ Женевы, ѣздили по берегамъ Лемана, уѣзжали къ подножію Монъ Блана, и насупившаяся, мрачная красота горной природы заслоняла своими яркими тѣнями всю суету суетствій, освѣжая душу и тѣло холоднымъ вѣяніемъ своихъ вѣчныхъ ледниковъ.

Не знаю, желалъ ли бы я навсегда остаться въ Швейцаріи: нашему брату, жителю долинъ и луговъ, горы черезъ нѣкоторое время мѣшаютъ: онѣ слишкомъ громадны, близки, тѣснятъ, ограничиваютъ, но иной разъ хорошо пожить подѣ ихъ тѣнью. Къ тому же по горамъ живетъ чистое и доброе племя,—племя бѣдное, но не несчастное, съ малыми потребностями, привычное къ жизни самобытной и независимой. Накипъ цивилизациі, ея ярь-мѣдянка не осѣла на этихъ людяхъ; историческія перемѣны, словно облака, ходятъ подѣ ними, мало задѣвая ихъ. Римскій міръ еще продолжается въ Граубюнденѣ; время крестьянскихъ войнъ едва прошло гдѣ-нибудь въ Аппенцелѣ. Можетъ, въ Пиренеяхъ или другихъ го-

¹⁾ Георгъ Гервегъ.

рахъ, въ Тиролѣ, найдется такой же здоровый кряжъ населенія, но, вообще, его въ Европѣ давно нѣтъ.

На нашемъ сѣверо-востокѣ видѣлъ я, впрочемъ, что-то подобное. Въ Перми и Вяткѣ мнѣ удавалось встрѣчать людей такого же закала, какъ на Альпахъ.

Утомленные безпрерывнымъ, долгимъ подниманіемъ шагъ-за-шагомъ по горѣ, чтобъ дать отдохнуть клячамъ, я и товарищъ¹⁾, ѣхавшій со мной въ Церматтъ, мы вошли въ небольшой постоялый дворъ, помнится, повыше Св. Николы. Хозяйка, худая, но мускулистая, высокая старушка, была одна-одинехонька дома; увидя гостей, она засуетилась и, жалуясь на бѣдность своихъ запасовъ, пошаривъ тамъ-сямъ, принесла бутылку кирша, сухой, какъ камень, хлѣбъ (хлѣбъ въ горахъ — вещь не простая, его привозятъ на ослахъ съ долинъ), копченую баранину, тоже сухую, сыру, козьяго молока и потомъ пошла стряпать какую-то сладкую яичницу, которой я ѣсть не могъ; но баранина, сыръ и киршъ были хороши. Хозяйка угощала насъ, какъ званныхъ гостей, съ добродушнымъ видомъ подкладывала кусочки и все извинялась. Проводники наши тоже поѣли и допили киршъ. Уѣзжая, я спросилъ, что мы ей должны. Хозяйка долго думала, даже прошлась въ другую комнату, чтобы сообразить, и потомъ, сдѣлавъ предисловіе о дороговизнѣ, трудномъ подвозѣ, она рискнула сказать *пять франковъ*.

— Какъ, — замѣтилъ я, — и съ лошадьми? — Она не поняла меня и поторопилась прибавить:

— Ну, и четырехъ будетъ довольно.

Когда меня везли изъ Перми въ Вятку, я попросилъ въ одной деревнѣ, гдѣ мѣняли лошадей, квасу у женщины, сидѣвшей на бревнѣ возлѣ избы.

— Больно кисель, — отвѣчала она, — а вотъ я тебѣ вынесу браги, отъ праздника, видишь, осталась.

Черезъ минуту она принесла глиняный кувшинъ, заткнутый тряпкой, и ковшъ. Мы съ жандармомъ напились вдоволь; отдавая ковшъ старухѣ, я подаль ей гривенникъ или пятиалтынный, но она не взяла, приговаривая:

— Господь съ тобой! что это, съ дорожнаго человѣка-то брать, да и ѣдешь ты того...—она посмотрѣла на жандарма.

— Да за что же, тетушка, мою бражку-то даромъ пили? Возьми дѣтушкамъ на пряники.

— Нѣтъ, кормилецъ, ты въ этомъ не сомнѣвайся, а есть лишнія деньги, подай ихъ нищему али богу поставь свѣчку.

¹⁾ Г. Гервегъ.

Другой подобный случай был со мной на Великой-рѣкѣ, близъ Вятки. Я ѣздилъ смотрѣть туда оригинальную процессію, какъ икону Николая Хлыновскаго носить туда въ гости. На обратномъ пути я зашелъ съ ямщикомъ въ избу, гдѣ онъ бралъ овесъ: хозяева и человекъ три богомольцевъ собирались обѣдать; сильно пахло щами, попросилъ и я себѣ. Молодая женщина принесла деревянную чашку щей, ломоть хлѣба и огромную солонку съ высокой спинкой. Поѣвши, я далъ хозяину четвертакъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, почесалъ затылокъ и сказалъ: «Оно, видишь, неладно... Что же ты наѣлъ гроша на два, а даешь четвертакъ... Оно мнѣ взять-то и не приходится: и передъ богомъ грѣшно, и передъ людьми совѣстно».

Помнится, я гдѣ-то упоминалъ объ обычаѣ пермскихъ мужиковъ выставлять на ночь за окно кусокъ хлѣба, квасъ или молоко, на тотъ случай, что если *несчастный*, т.-е. сосланный, проберется изъ Сибири да побойтся постучать, такъ чтобъ подкрѣпился, не дѣлая шума. Подобное я нашелъ на горахъ Швейцаріи; только тутъ это дѣлается, за неимѣніемъ возлѣ Сибири, просто для путниковъ. На довольно большихъ высотахъ, тамъ, гдѣ уже жизнь рѣдѣетъ, гдѣ гранитъ уже выказывается, какъ черепъ у человекъ, начинающаго плѣшивѣть, и рѣзкій холодный вѣтеръ подуваетъ на сухую, аптекарскую растительность,—тамъ попадались мнѣ хижины пустыя, но съ незапертыми дверями, чтобы путникъ, сбившійся съ дороги или загнанный непогодой, могъ найти пріютъ и безъ хозяина: Разная крестьянская утварь стояла тутъ, а на столѣ—сыръ, хлѣбъ или козье молоко. Иные, поѣвши, кладутъ на столъ какую-нибудь копѣйку, другіе ничего, но, видно, никто не крадетъ. Конечно, постороннихъ прохожихъ бываетъ очень мало, но, тѣмъ не менѣе, эти отпертыя двери удивляютъ городской глазъ.

Разговорившись о горахъ и вершинахъ, доскажу мое путешествіе на Монтерозу. Какъ же лучше и кончить главу о Швейцаріи, какъ не на высотѣ семи тысячъ футовъ?

Отъ старушки, которая совѣстилась взять пять франковъ за кормъ четырехъ человекъ и двухъ лошадей, со включеніемъ цѣлой бутылки кирша, мы до самаго вечера поднимались по узкой нарѣзкѣ, мѣстами не шире метра, до Церматта; привычныя лошади шли шагомъ и осторожно, выбирая мѣсто, куда поставить копыто по скалистой неровной тропинкѣ. Проводники безпрестанно напоминали намъ, чтобъ не править, а пускать лошадь итти, какъ она знаетъ. Съ одной стороны былъ крутой обрывъ тысячи въ три футовъ и больше. Внизу, на его днѣ, шумѣлъ и несся Фиспъ, съ какой-то безумной поспѣшностью, стараясь найти больше откры-

тое русло и вырваться изъ сжатой каменной постели. Его пѣнящаяся, клубящаяся поверхность была мѣстами видна; по гористымъ берегамъ росли цѣлые сосновые лѣса, казавшіеся мхомъ съ высоты, по которой мы двигались. Съ другой стороны — голая, скалистая высь, мѣстами нависшая надъ головами. Часы цѣлые ѣдешь, ѣдешь... Стучать по ковы о камень, срывается нога лошади, реветъ Фиспъ, и все такіе же скалы съ одной стороны, за которыми ничего не видать, и уже смеркающійся обрывъ — съ другой; это наводитъ тоску, раздражительную усталъ... Я не хотѣлъ бы часто повторять этого пути.

Цермагъ—послѣднее мѣстечко, гдѣ живутъ нѣсколько семей вмѣстѣ; оно стоитъ, какъ въ котлѣ; громады горъ окружаютъ его. Одинъ изъ домохозяевъ принимаетъ у себя рѣдкихъ путешественниковъ; мы застали у него шотландца, геолога. Пока намъ собирали ужинъ, сдѣлалось совершенно темно; близость горъ удваивала мракъ. Часу въ одиннадцатомъ хозяйка, прислушиваясь у окна, сказала намъ:

— Вѣдь, это копыта, да и крикъ проводниковъ слышенъ... Охота же въ ночную пору ѣхать по такой дорогѣ.

Стукъ копытъ медленно приближался; хозяйка взяла фонарь и вышла съ нимъ въ сѣни; я пошелъ за ней. Что-то стало отдѣляться изъ черной мглы, какія-то фигуры показались на полосѣ фонарнаго свѣта, и, наконецъ, два всадника подѣхали къ сѣнямъ. На одной лошади сидѣла высокая, среднихъ лѣтъ женщина, на другой — мальчикъ, лѣтъ четырнадцати. Дама покойно сошла съ лошади, будто она воротилась съ прогулки въ Гайдъ-Паркъ, и вошла въ общую комнату. Шотландца она уже гдѣ-то встрѣтила и потому тотчасъ стала съ нимъ говорить. Спросивъ себѣ поѣсть, она послала сына узнать отъ проводниковъ, сколько времени лошадямъ нужно отдыхать. Они сказали, что двухъ часовъ довольно.

— Неужели вы ѣдете, не дождавшись дня? — спросилъ шотландецъ. Эги не видать, и притомъ же вамъ теперь придется спускаться по новой дорогѣ.

— Я уже такъ разочла время.

Черезъ два часа англичанка съ сыномъ стала спускаться на итальянскую сторону, а мы легли уснуть часа два-три.

На разсвѣтѣ мы взяли третьяго проводника, гербариста, который зналъ всѣ тропинки и удивительно насвистывалъ альпійскіе мотивы, и стали взбираться на одну изъ ближнихъ высотъ, поднимаясь къ ледяному морю и Монте-Сервину.

Сначала сѣдой туманъ закрывалъ все и мочилъ насъ мелкимъ

дождемъ; мы поднимались, онъ понижался; вскорѣ сдѣлалось какъ-то рѣзко свѣтло, необыкновенно чисто и ясно.

Гюго гдѣ-то описываетъ «что слышно на горѣ»; не высока, должно быть, была его гора; меня поразило, совсѣмъ напротивъ, совершенное отсутствіе звука: рѣшительно ничего не слышать, кромѣ легкаго, перемежающагося грохота отъ перекатывающихся лавинъ, и то изрѣдка... Вообще же, тишина мертвая, *прозрачная*, — я нарочно употребляю это слово, — и необычайная разрѣженность воздуха дѣлаютъ *видимой, звучной* эту совершенную нѣмоту, этотъ безпробудный, минеральный, стихійный сонъ ¹⁾ допотопныхъ временъ.

Шумить жизнь, но все живое внизу и покрыто облаками; тутъ ужъ нѣтъ и растений, одинъ мохъ еѣдой, жесткій попадаетъ кое-гдѣ на камняхъ. Еще вверхъ — еще свѣжѣе стало, начинается нетающій иней; тутъ рубежъ, тутъ ничего не бываетъ, дальше ходитъ только любопытнѣйшій изъ всѣхъ *звѣрей*, чтобъ на минуту заглянуть въ эти степи пустоты, посмотрѣть на эти пограничные, выдавшіеся предѣлы планеты, и скорѣе спуститься въ свою среду, исполненную суетъ, но гдѣ онъ дома.

Мы остановились передъ ледянымъ снѣжнымъ моремъ, разстилавшимся между нами и Монте-Сервиномъ; окаймленное грядою горъ, облитыхъ солнцемъ, оно само, бѣлое до ослѣпительности, представляло замерзшую арену какого-то гигантскаго Колизея. Мѣстами изрытое вѣтрами, волнистое, оно, будто, застыло въ самую минуту движенія; изгибы валовъ замерзли, не успѣвъ выправиться.

Я сошелъ съ лошади и прилегъ на глыбу гранита, причаленную снѣжными волнами къ берегу... Нѣмая, неподвижная бѣлизна, безъ всякаго предѣла... Легкій вѣтеръ приподнималъ небольшую бѣлую пыль, уносилъ ее, вертѣлъ... Она падала, и все снова приходило въ покой, да раза два лавины, оторвавшись съ глухимъ раскатомъ, скатывались вдали, цѣпляясь за утесы, разбиваясь о нихъ и оставляя по себѣ облако снѣга...

Странно чувствуетъ себя человекъ въ этой рамѣ: гостемъ, лишнимъ, постороннимъ и, съ другой стороны, свободнѣе дышетъ и, будто подъ цвѣтъ окружающему, становится бѣлъ и чистъ внутри... серьезень и полонъ какого-то благочестія!

¹⁾ Вотъ я и оправдалъ знаменитое: «я слышу молчаніе!» московскаго полицмейстера. А. И. Г.

Какимъ натянутымъ риторомъ сочли бы меня, если-бъ я заключилъ эту картину Монтерозы, сказавши, что середь этой бѣлизны, свѣжести и тишины, изъ двухъ путниковъ, потерянныхъ на этой выси и считавшихъ другъ друга близкими друзьями, одинъ ¹⁾ обдумывалъ черную измѣну...

Да, жизнь иногда имѣетъ свои мелодраматическія выходы, свои *coups de théâtre* ²⁾, очень натянутые.

¹⁾ Г. Гервегъ.

²⁾ Театральные эффекты.

ЗАПАДНЫЯ АРАБЕСКИ.

Тетрадь вторая.

I.

IL PIANTO ¹⁾.

Послѣ іюньскихъ дней я видѣлъ, что революція побѣждена, но вѣрилъ еще въ *побѣжденныхъ*, въ падшихъ, вѣрилъ въ чудотворную силу мощей, въ ихъ нравственную могучесть. Въ Женевѣ я сталъ понимать яснѣе и яснѣе, что революція не только побѣждена, но что она *должна была быть* побѣжденной.

У меня кружилась голова отъ моихъ открытій, пропасть открывалась передъ глазами, и я чувствовалъ, какъ почва исчезала подъ ногами.

Не реакція побѣдила революцію. Реакція вездѣ оказалась тупой, трусливой, выжившей изъ ума; она вездѣ позорно отступила за уголь передъ напоромъ народной волны и воровски выжидала время въ Парижѣ и въ Неаполѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Революція пала, какъ Агриппина ²⁾, подъ ударами своихъ дѣтей и, что всего хуже, безъ ихъ сознанія; героизма, юношескаго самоотверженія было больше, чѣмъ разумѣнія, и чистыя, благородныя жертвы пали, не зная, за что. Судьба остальныхъ врядъ не была ли еще печальнѣе. Они, въ раздорѣ между собой, въ личныхъ спорахъ, въ печальномъ самообольщеніи, разѣждаемые необузданнымъ самолюбіемъ, останавливались на своихъ неожиданныхъ дняхъ торжества и не хотѣли

¹⁾ Плачь.

²⁾ Мать Нерона, умерщвленная имъ при помощи подосланнаго убійцы.

ѣи снять увядшихъ вѣнковъ, ни вѣнчальнаго наряда, несмотря на то, что не *невѣста* обманула.

Несчастія, праздность и нужда внесли нетерпимость, упрямство, раздраженіе... Эмиграціи разбивались на маленькія кучки, средоточіемъ которыхъ дѣлались имена, ненависти, а не начала. Взглядъ, постоянно обращенный назадъ, и исключительное, замкнутое общество начали выражаться въ рѣчахъ и мысляхъ, въ пріемахъ и одеждѣ; новый цехъ, *цехъ выходцевъ*, складывался и костенѣлъ рядомъ съ другими. И, какъ нѣкогда Василій Великій писалъ Григорію Назіанзскому, что онъ «утопаетъ въ постѣ и наслаждается лишеніями», такъ теперь явились добровольные мученики, страдавшіе по званію, несчастные по ремеслу, и въ ихъ числѣ добросовѣстнѣйшіе люди; да и Василій Великій откровенно писалъ своему другу объ оргіяхъ плотоумерщвленія и о нѣгѣ гоненія. При всемъ этомъ сознаніе не двигалось ни на шагъ, мысль дремала... Если-бъ эти люди были призваны звукомъ новой трубы и новаго набата, они, какъ девять спящихъ дѣвъ, продолжали бы тотъ день, въ который заснули.

Сердце изнывало отъ этихъ тяжелыхъ истинъ; трудную страницу воспитанія приходилось переживать.

...Печально сидѣлъ я разъ въ мрачномъ, непріятномъ Цюрихѣ, въ столовой у моей матери; это было въ концѣ декабря 1849. Я ѣхалъ на другой день въ Парижъ; день былъ холодный, снѣжный; два-три полѣна, нехотя дымясь и треща, горѣли въ каминѣ; всѣ были заняты укладкой; я сидѣлъ одинъ-одинехонекъ; женевская жизнь носилась передъ глазами, впереди все казалось темно, я чего-то боялся, и мнѣ было такъ невыносимо, что, если-бъ я могъ, я бросился бы на колѣни и плакалъ бы, и молился бы, но я не могъ и, вмѣсто молитвы, написалъ *проклятіе*—*мой «Эпилогъ къ 1849»*.

«Разочарованіе, усталъ, Blasirtheit! ¹⁾», сказали объ этихъ выболѣвшихъ строкахъ демократическіе рецензенты. Да, разочарованіе! Да, усталъ!.. Разочарованіе — слово битое, пошлое, дымка, подъ которой скрывается лѣнь сердца, эгоизмъ, придающій себѣ видъ любви, звучная пустота самолюбія, имѣющаго притязаніе на все, силы — ни на что. Давно надоѣли намъ всѣ эти высшія, неузнанныя натуры, исхудалыя отъ зависти и несчастныя отъ высокомерія, — въ жизни и въ романахъ. Все это совершенно такъ, а врьдъ ли нѣтъ чего-либо истиннаго, особенно принадлежащаго нашему времени, на днѣ этихъ страшныхъ психическихъ болей, вырождающихся въ смѣшныя пародіи и въ пошлый маскарадъ.

¹⁾ Равнодушіе.

Поэтъ, нашедшій слово и голосъ для этой боли, былъ слишкомъ гордъ, чтобъ притворяться, чтобъ страдать для рукоплесканій; напротивъ, онъ часто горькую мысль свою высказывалъ съ такимъ юморомъ, что добрые люди помирали со смѣха. Разочарованіе Байрона больше, нежели капризъ, больше, нежели личное настроеніе. Байронъ сломился оттого, что его жизнь обманула. А жизнь обманула не потому, что требованія его были ложны, а потому, что Англія и Байронъ были двухъ разныхъ возрастовъ, двухъ разныхъ воспитаній и встрѣтились именно въ ту эпоху, въ которую туманъ разсѣялся.

Разрывъ этотъ существовалъ и прежде, но въ нашъ вѣкъ онъ пришелъ къ сознанию, въ нашъ вѣкъ больше и больше обличается невозможность посредства какихъ-нибудь вѣрованій. За римскимъ разрывомъ шло христіанство, за христіанствомъ — вѣра въ цивилизацію, въ человѣчество. *Либерализмъ составляетъ послѣднюю религію*, но его церковь не другого міра, а этого, его теодицея—политическое ученіе; онъ стоитъ на землѣ и не имѣетъ мистическихъ примиреній, ему надобно мириться въ самомъ дѣлѣ. Торжествующій и потомъ побитый либерализмъ раскрылъ разрывъ во всей наготѣ; болѣзненное сознание этого выражается ироніей современнаго человѣка, его скептицизмомъ, которымъ онъ мететъ осколки разбитыхъ кумировъ.

Ироніей высказывается досада, что истина логическая — не одно и то же съ истиной исторической, что, сверхъ діалектическаго развитія, она имѣетъ свое страстное и случайное развитіе, что, сверхъ своего разума, она имѣетъ свой романъ.

Разочарованія, въ нашемъ смыслѣ слова, до революціи не знали ¹⁾; XVIII столѣтіе было одно изъ самыхъ религіозныхъ временъ исторіи. Я уже не говорю о великомученикѣ С.-Жюстѣ или объ апостолѣ Жанъ-Жакѣ; но развѣ папа-Вольтеръ, благословлявшій Франклинова внука во имя бога и свободы, не былъ піэтистъ своей человѣческой религіи?

Скептицизмъ провозглашенъ вмѣстѣ съ республикой 22 сентября 1792 года.

Якобинцы и вообще революціонеры принадлежали къ меньшинству, отдѣлившемуся отъ народной жизни развитіемъ: они составляли нѣчто въ родѣ свѣтскаго духовенства, готоваго пасти

¹⁾ Вообще, «нашъ» скептицизмъ не былъ извѣстенъ въ прошломъ вѣкѣ; одинъ Дидро и Англія дѣлаютъ исключеніе. Въ Англіи скептицизмъ былъ съ давнихъ временъ дома, и Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ. А. И. Г.

стада людскія. Они представляли *высшую* мысль своего времени, его *высшее*, но не *общее* сознание, не *мысль вѣхъ*.

У новаго духовенства не было понудительныхъ средствъ, ни фантастическихъ, ни насильственныхъ; съ той минуты, какъ власть выпала изъ ихъ рукъ, у нихъ было одно орудіе—убѣждение, но для убѣжденія недостаточно *правоты*, въ этомъ вся ошибка, а необходимо еще одно—*мозговое равенство!*

Пока длилась отчаянная борьба, при звукахъ святой пѣсни гугенотовъ и святой марсельезы, пока костры горѣли, и кровь лилась, этого неравенства не замѣчали; но, наконецъ, тяжелое зданіе феодальной монархіи рухнулось; долго ломали стѣны, отбивали замки... еще ударъ — еще проломъ сдѣланъ, храбрые впередъ, ворота отперты — и толпа хлынула, только не та, которую ждали. Кто это такіе? Изъ какого вѣка? Это не спартанцы, не великій *populus romanus*;—*Davus sum, non Aedipus!*¹⁾ Неотразимая волна грязи залила все. Въ террорѣ 93, 94 года выразился внутренній ужасъ якобинцевъ: они увидѣли страшную ошибку, хотѣли ее поправить гильотиной, но, сколько ни рубили головъ, все-таки, склонили свою собственную передъ силою восходящаго общественнаго слоя. Все ему покорилось, онъ пересилилъ революцію и реакцію, онъ затопилъ старыя формы и наполнилъ ихъ собою, потому что онъ составлялъ единственное дѣятельное и современное большинство; Сійэсъ былъ больше правъ, чѣмъ думалъ, говоря, что *мѣщане*—«все».

Мѣщане не были произведены революціей, они были готовы съ своими преданіями и нравами, чуждыми *на друиой ладъ* революціонной идеи. Ихъ держала аристократія въ черномъ тѣлѣ и на третьемъ планѣ; освобожденные, они прошли по трупамъ освободителей и ввели свой порядокъ. Меньшинство было или раздавлено, или распустилось въ мѣщанство.

Нѣсколько человѣкъъ каждаго поколѣнія оставались, вопреки событіямъ, упорными хранителями идеи; эти-то левиты, а, можетъ, ацтеки несутъ несправедливую казнь за монополію исключительнаго развитія, за мозговое превосходство сытыхъ касть, касть досужихъ, имѣвшихъ время работать не однѣми мышцами.

Насъ сердить, выводить изъ себя нелѣпость, несправедливость этого факта. Какъ будто кто-нибудь (кромѣ насъ самихъ) обѣщаль,

¹⁾ Римскій народъ; я — Давъ (ставшее нарицательнымъ имя глупаго и морально грязнаго раба, частаго персонажа римскихъ комедій), а не Эдипъ (т.-е. не мудрый царь, отгадавшій загадки сфинкса); фраза изъ комедіи Теренція «Андіа». приобрѣла значеніе поговорки.

что все въ мірѣ будетъ изящно, справедливо и итти, какъ по маслу. Довольно удивлялись мы отвлеченной премудрости природы и историческаго развитія; пора догадаться, что въ природѣ и исторіи много случайнаго, глупаго, неудавшагося, спутаннаго. Разумъ, мысль на концѣ, это—заключение; все начинается тупостью новорожденнаго; возможность и стремленіе лежатъ въ немъ, но прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до развитія и сознанія, онъ подвергается ряду внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, отклоненій, остановокъ. У одного вода размягчитъ мозгъ, другой, падая, сплюснетъ его, оба останутся идіотами, третій не упадетъ, не умретъ скарлатиной и сдѣлается поэтомъ, военачальникомъ, бандитомъ, судьей. Мы, вообще, въ природѣ, въ исторіи и въ жизни всего больше знаемъ удачи и успѣхи; мы теперь только начинаемъ чувствовать, что не все такъ хорошо подтасовано, какъ казалось, потому что мы сами—неудача, *прошранная карта*.

Сознаніе безсилія идеи, отсутствія обязательной силы истины надъ дѣйствительнымъ міромъ огорчаетъ насъ. Новаго рода манихеизмъ овладѣваетъ нами, мы готовы, *par dépit* ¹⁾, вѣрить въ разумное (т.-е. намѣренное) зло, какъ вѣрили въ разумное добро; это—последняя дань, которую мы платимъ идеализму.

Боль эта пройдетъ со временемъ, трагическій и страстный характеръ уляжется; ея почти нѣтъ въ *Новомъ* свѣтѣ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ народъ, молодой, предприимчивый, болѣе дѣловой, чѣмъ умный, до того занятъ устройствомъ своего жилья, что вовсе не знаетъ нашихъ мучительныхъ болей. Тамъ, сверхъ того, нѣтъ и двухъ образованій. Лица, составляющія слои въ тамошнемъ обществѣ, безпрестанно мѣняются, они поднимаются, опускаются съ итогомъ *credit* и *debet* каждаго. Дюжая порода англійскихъ колонистовъ разрастается страшно; если она возьметъ верхъ, люди въ ней не сдѣлаются счастливыѣ, но будутъ довольныѣ. Довольство это будетъ плоше, бѣднѣе, суше того, которое носилось въ идеалахъ романтической Европы, но съ нимъ не будетъ ни царей, ни централизаціи, а, можетъ, не будетъ и голода. *Кто можетъ* совлечь съ себя стараго европейскаго Адама и переродиться въ новаго Іонаѳана ²⁾, тотъ пусть ѣдетъ съ первымъ пароходомъ куда-нибудь въ Висконсинъ или Канзасъ,—тамъ, навѣрное, ему будетъ лучше, чѣмъ въ европейскомъ разложеніи.

¹⁾ Назло.

²⁾ «Братъ Іонаѳанъ»—шуточное прозвище, данное англичанами сѣвероамериканцамъ, какъ полагаютъ, съ намекомъ на пристрастіе послѣднихъ къ библейскимъ именамъ.

Тѣ, которые *не могутъ*, тѣ останутся доживать свой вѣкъ, какъ образчики прекраснаго сна, которымъ дремало человѣчество. Они слишкомъ жили фантазіей и идеалами, чтобъ войти въ разумный американскій возрастъ.

Большой бѣды въ этомъ нѣтъ: насъ немного, и мы скоро выремъ!

Но какъ люди такъ развиваются вонъ изъ своей среды?..

Представьте себѣ оранжерейнаго юношу, хоть того, который описалъ себя въ «The Dream» ¹⁾; представьте его себѣ лицомъ къ лицу съ самымъ скучнымъ, съ самымъ тяжелымъ обществомъ, лицомъ къ лицу съ уродливымъ минотавромъ англійской жизни, неловко спаяннымъ изъ двухъ животныхъ: одного дряхлаго, другого по колѣна въ топкомъ болотѣ, раздавленнаго, какъ Каріатида, постоянно натянутыя мышцы которой не даютъ ни капли крови мозгу. Если-бъ онъ умѣлъ приладиться къ той жизни, онъ, вмѣсто того, чтобъ умереть за тридцать лѣтъ въ Греціи, былъ бы теперь лордомъ Пальмерстономъ ²⁾ или сэромъ Джономъ Росселемъ ³⁾. Но такъ какъ онъ не могъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ съ своимъ Гарольдомъ говоритъ кораблю: «Неси меня, куда хочешь, — только вдаль отъ родины» ⁴⁾.

Но что же ждало его въ этой дали? Испанія, вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Греція, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 года; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равеннѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетвориться по-нѣмецки теоріями *sub specie aeternitatis* ⁵⁾, ни по-французски политической болтовней, и онъ сломился, но сломился, какъ грозный Титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе, не золотя пилюли.

Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ, какъ поэтъ и гений, сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода съ 1830 къ 1848 г. и гнуснаго съ 48 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ. И мы, какъ Байронъ, не знаемъ, куда дѣться, куда преклонить голову.

Реалистъ Гете такъ же, какъ романтикъ Шиллеръ, этой разорванности не знали. Одинъ былъ слишкомъ религіозенъ, другой — слишкомъ философъ. Оба могли примиряться въ отвлеченныхъ

¹⁾ «Сонъ», стихотвореніе Байрона, который и названъ «оранжерейнымъ юношей».

²⁾ Генри-Джонъ, извѣстный англійскій государственный дѣятель.

³⁾ То же.

⁴⁾ Изъ первой пѣсни «Паломничества Чайльдъ Гарольда».

⁵⁾ Съ точки зрѣнія вѣчности.

сферахъ. Когда «духъ отрицанья» является такимъ шутникомъ, какъ Мефистофель, тогда разрывъ еще не страшенъ; насмѣшливая и вѣчно противорѣчащая натура его еще расплывается въ высшей гармоніи и въ свое время прозвучитъ всему—*sie ist gettset* ¹⁾). Не таковъ Люциферъ въ «Каинѣ» ²⁾; это—печальный ангелъ тьмы; на его лбу тускло мерцаетъ звѣзда горькой думы, полного внутренняго распадѣнія, концы котораго не сведешь. Онъ не остритъ отрицаніемъ, не смѣшитъ дерзостью невѣрія, не манитъ чувственностью, не достаётъ ни наивныхъ дѣвочекъ, ни вина, ни брильянтовъ, а спокойно влечетъ къ убійству, тянетъ къ себѣ, къ преступленію той непонятной силой, которой зоветъ человѣка въ иныя минуты стоячая вода, освѣщенная мѣсяцемъ, ничего не общая въ безотрадныхъ, холодныхъ, мерцающихъ объятіяхъ своихъ, кромѣ смерти.

Ни Каинъ, ни Манфредъ, ни Донъ-Жуанъ, ни Байронъ не имѣютъ никакого вывода, никакой развязки, никакого «нравоученія». Можетъ, съ точки зрѣнія драматическаго искусства это и не идетъ, но въ этомъ-то и печать искренности и глубины разрыва. Эпилогъ Байрона, его послѣднее слово, если вы хотите, это—«*The Darkness*» ³⁾; вотъ результатъ жизни, начавшейся со «Сна». Дорисуйте картину сами. Два врага, обезображенные голодомъ, умерли, ихъ съѣли какія-нибудь ракообразныя животныя... корабль догниваетъ... смоленный канатъ качается себѣ по мутнымъ волнамъ въ темнотѣ, холодъ страшный, звѣри вымираютъ, исторія уже умерла,--- и мѣсто расчищено для новой жизни: наша эпоха зачислится въ четвертую формацію, т.-е., если новый міръ дойдетъ до того, что сумѣетъ считать до четырехъ.

Наше историческое призваніе, наше дѣяніе въ томъ и состоитъ, что мы нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ доходимъ до смиренія и покорности передъ истиной и избавляемъ отъ этихъ скорбей слѣдующія поколѣнія. Нами человѣчество протрезвляется, мы—его похмелье, мы—его боли родовъ. Если роды кончатся хорошо, все пойдетъ на пользу; но мы не должны забывать, что по дорогѣ можетъ умереть ребенокъ или мать, а можетъ, и оба, и тогда—ну, тогда исторія съ своимъ мормонизмомъ ⁴⁾ начнетъ новую беременность... *E sempre bene* ⁵⁾, господа!

Мы знаемъ, какъ природа распоряжается съ личностями: послѣ,

¹⁾ Она спасена (слова «Голоса свыше» изъ «Фауста»).

²⁾ Мистерія Байрона.

³⁾ «Тьма», стихотвореніе Байрона.

⁴⁾ Т.-е. многобрачіемъ.

⁵⁾ Ну, и ладно.

прежде, безъ жертвъ, на грудахъ труповъ—ей все равно, она продолжаетъ свое или такъ продолжаетъ, что попало: десятки тысячъ лѣтъ наноситъ какой-нибудь коралловый рифъ, всякую весну покидая смерти забѣжавшіе ряды. Полипы умирають, не подозрѣвая, что они служили *прогрессу* рифа.

Чему-нибудь послужимъ и мы. Войти въ будущее, какъ элементъ, не значить еще, что будущее исполнить наши идеалы. Римъ не исполнилъ ни Платонову республику, ни вообще греческій идеаль. Средніе вѣка не были развитіемъ Рима. Современная мысль западная войдетъ, воплотится въ исторію, будетъ имѣть свое вліяніе и мѣсто, такъ, какъ тѣло наше войдетъ въ составъ травы, барановъ, котлетъ, людей. Намъ не нравится это безсмертіе,—что же съ этимъ дѣлать?

Теперь я привыкъ къ этимъ мыслямъ, онѣ уже не пугаютъ меня. Но въ концѣ 1849 года я былъ ошеломленъ ими, и, несмотря на то, что каждое событіе, каждая встрѣча, каждое столкновеніе, лицо наперерывъ обрывали послѣдніе зеленые листья, я еще упрямо и судорожно искалъ *выхода*.

Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко мужественную мысль Байрона. Онъ видѣлъ, что *выхода нтъ*, и гордо высказалъ это.

Я былъ несчастенъ и смущенъ, когда эти мысли начали посящать меня; я всячески хотѣлъ бѣжать отъ нихъ... Я стучался, какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій, во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и спрашивалъ о дорогѣ, но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату—къ *смирению передъ истиной*, къ самоотверженному принятію ея.

... Три года тому назадъ я сидѣлъ у изголовья больной ¹⁾ и видѣлъ, какъ смерть стягивала ее безжалостно шагъ за шагомъ въ могилу. Эта жизнь была все мое достояніе. Мгла стлалась около меня, я дичалъ въ тупомъ отчаяніи, но не тѣшилъ себя надеждами, не предалъ своей горести ни на минуту одуряющей мысли о свиданіи за гробомъ.

Такъ ужъ съ общими-то вопросами и подавно не стану кривить душой!

¹⁾ Жены.

II.

POST SCRIPTUM.

Я знаю, что мое воззрѣніе на Европу встрѣтитъ у насъ дурной пріемъ. Мы, для утѣшенія себя, *хотимъ* другой Европы и вѣримъ въ нее такъ, какъ христіане вѣрятъ въ рай. Разрушать мечты, вообще, дѣло непріятное, но меня заставляетъ какая-то внутренняя сила, которой я не могу побѣдить, высказывать истину— даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она мнѣ вредна.

Мы, вообще, знаемъ Европу школьно, литературно, т.-е. мы не знаемъ ея, а судимъ à livre ouvert, по книжкамъ и картинкамъ, такъ, какъ дѣти судятъ по «Orbis pictus» ¹⁾ о настоящемъ мірѣ, воображая, что всѣ женщины на Сандвичевыхъ островахъ держатъ руки надъ головой съ какими-то бубнами, и что гдѣ есть голый негръ, тамъ непременно въ пяти шагахъ отъ него стоитъ левъ съ растрепанной гривой или тигръ со злыми глазами.

Наше *классическое* незнаніе западнаго человѣка надѣляетъ много бѣдъ, изъ него еще разовьются племенные ненависти и кровавыя столкновения.

Во-первыхъ, намъ извѣстенъ только одинъ верхній, *образованный* слой Европы, который накрываетъ собой тяжелый фундаментъ народной жизни, сложившійся вѣками, выведенный инстинктомъ, по законамъ, мало извѣстнымъ въ самой Европѣ. Западное образованіе не проникаетъ въ эти циклопическія работы, которыми исторія приросла къ землѣ и граничитъ съ геологіей. Европейскія государства спаяны изъ двухъ народовъ, особенности которыхъ поддерживаются совершенно разными воспитаніями. Восточнаго единства, вслѣдствіе котораго турокъ, подающій чубукъ, и турокъ, великій визирь, похожи другъ на друга, здѣсь нѣтъ. Массы сельскаго населенія, послѣ религіозныхъ войнъ и крестьянскихъ возстаній, не принимали никакого дѣйствительнаго участія въ событіяхъ; они ими увлекались направо или налево, какъ нивы, не оставляя ни на минуту своей почвы.

Во-вторыхъ, и тотъ слой, который намъ знакомъ, съ которымъ мы входимъ въ соприкосновеніе, мы знаемъ исторически, несовременно. Поживши годъ-другой въ Европѣ, мы съ удивленіемъ видимъ, что, вообще, западные люди не соотвѣтствуютъ нашему понятію о нихъ, что они *гораздо ниже* его.

¹⁾ «Міръ въ картинкахъ», сочиненіе Амоса Каменскаго.

Въ идеаль, составленный нами, входятъ элементы вѣрные, но или не существующіе болѣе, или совершенно измѣнившіеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократическихъ нравовъ, строгая чинность протестантовъ, гордая независимость англичанъ, роскошная жизнь итальянскихъ художниковъ, искрящійся умъ энциклопедистовъ и мрачная энергія террористовъ,—все это переплавилось и переродилось въ цѣлую совокупность другихъ господствующихъ нравовъ, *мѣщанскихъ*. Они составляютъ цѣлое, т.-е. замкнутое, оконченное въ себѣ, воззрѣніе на жизнь, съ своими преданіями и правилами, съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими приѣмами и съ своей нравственностью *нижшаго порядка*.

Какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра; господа замѣнились *хозяевами*. Купецъ самъ по себѣ—лицо стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ, и другимъ, который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто въ родѣ дороги, повозки, средства.

Рыцарь былъ больше *онъ самъ*, больше *лицо* и берегъ, какъ понималъ, свое достоинство, оттого-то онъ, въ сущности, и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его личность была главное; въ мѣщанинѣ личность прячется или не выступаетъ, потому что не она главное: главное—товаръ, дѣло, вещь, главное—*собственность*.

Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піэтистъ, но онъ былъ во всемъ открытъ и откровененъ; къ тому же онъ всегда готовъ былъ лечь костыми за то, что считалъ правымъ; у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень произвольный, но отъ котораго онъ не отступалъ безъ утраты собственнаго уваженія или уваженія равныхъ.

Купецъ—человѣкъ міра, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; расчетливый, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ и, какъ рыцарь, вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, только мѣрится съ нимъ—*хитростью*. Его предки, средневѣковые горожане, спасаясь отъ насилій и грабежа, принуждены были лукавить; они покупали покой и достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь въ поясъ, обсчитывали рыцаря; качая головой и вздыхая, говорили они сосѣдямъ о своей бѣдности, а, между тѣмъ, потихоньку зарывали деньги въ землю. Все это, естественно, перешло въ кровь

и мозгъ потомства и сдѣлалось физиологическимъ признакомъ особаго вида людскаго, называемаго *среднимъ состояніемъ*.

Пока оно было въ несчастномъ положеніи и соединялось съ свѣтлой закраиной аристократіи для защиты своей вѣры, для завоеванія своихъ правъ, оно было исполнено величія и поэзіи. Но этого стало не надолго, и Санчо-Панса, завладѣвъ мѣстомъ и запросто развалясь на просторѣ, далъ себѣ полную волю и потерялъ свой народный юморъ, свой здравый смыслъ; вульгарная сторона его натуры взяла верхъ.

Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вѣжливость — чопорностью, гордость — обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостиницами, открытыми для *всѣхъ* (т. е. для всѣхъ, имѣющихъ деньги).

Прежнія, устарѣлыя, но послѣдовательныя понятія объ отношеніяхъ между людьми были потрясены, но новаго сознанія *настоящихъ* отношеній между людьми не было раскрыто. Хаотическій просторъ этотъ особенно способствовалъ развитію всѣхъ мелкихъ и дурныхъ сторонъ мѣщанства, подъ всемогущимъ вліяніемъ ничѣмъ необуздываемаго стяжанія.

Разберите моральныя правила, которыя въ ходу съ полвѣка; чего тутъ нѣтъ? Римскія понятія о государствѣ съ готическимъ раздѣленіемъ властей, протестантизмъ и политическая экономія, *Salus populi* ¹⁾ и *chacun pour soi* ²⁾, Брутъ и Эома Кемпійскій, Евангеліе и Бентамъ, прихода-расходное счетоводство и Ж.-Ж. Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ, вѣчно притягиваемымъ къ золоту въ груди, не трудно было дойти до тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы.

Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій — хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвью новаго общества. Человѣкъ *de facto* сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ.

Политическій вопросъ съ 1830 года дѣлается исключительно вопросомъ мѣщанскимъ, и вѣковая борьба высказывается страстями и влеченіями господствующаго состоянія. Жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось въ мѣняльныя лавочки и рынки: редакціи журналовъ, избирательныя собранія, камеры. Англичане

¹⁾ Народное благо.

²⁾ Каждый для себя.

до того привыкли все приводить къ лавочной номенклатурѣ, что называютъ свою старую англиканскую церковь—Old Shop ¹⁾).

Всѣ партіи и отгѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе *мѣщане*, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т.-е. съ одной стороны *скупость*, съ другой—*зависть*. Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна оппозиціи за другой достигаетъ побѣды, т.-е. собственности или мѣста, и, естественно, переходитъ со стороны зависти на сторону скупости. Для этого перехода ничего не можетъ быть лучше, какъ безплодная качка парламентскихъ преній,—она даетъ движеніе и предѣлы, даетъ *видъ дѣла* и форму общихъ интересовъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей.

Парламентское правленіе,—не такъ, какъ оно истекаетъ изъ народныхъ основъ англо-саксонскаго Common law ²⁾, а такъ, какъ оно сложилось въ государственный законъ—самое колоссальное бѣличье колесо въ мірѣ. Можно ли величественнѣе стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, придавая себѣ видъ торжественнаго марша, какъ оба англійскіе парламента?

Но въ этомъ-то сохраненіи вида и—главное дѣло.

Во всемъ современно-европейскомъ глубоко лежатъ двѣ черты, явно идущія изъ-за прилавка: съ одной стороны, лицемѣріе и скрытность, съ другой,—выставка и *étalage* ³⁾. Продать товаръ лицомъ, купить за полцѣны, выдать дрянъ за дѣло, форму—за сущность, умолчать какое-нибудь условіе, воспользоваться буквальнымъ смысломъ, *казаться*, вмѣсто того, чтобъ *быть*, вести себя *прилично*, вмѣсто того, чтобъ вести себя *хорошо*, хранить внѣшній *respectability* ⁴⁾, вмѣсто внутренняго достоинства.

Въ этомъ мірѣ все—до такой степени декорация, что самое грубое невѣжество получило видъ образованія. Кто изъ насъ не останавливался, краснѣя за невѣдѣніе западнаго общества (я здѣсь не говорю объ ученыхъ, а о людяхъ, составляющихъ то, что называется обществомъ)? Образованія теоретическаго, серьезнаго

¹⁾ Старая лавка.

²⁾ Обычнаго права.

³⁾ Выставленіе на показъ.

⁴⁾ Благопристойность.

быть не можетъ: оно требуетъ слишкомъ много времени, слишкомъ отвлекаетъ отъ *дѣла*. Такъ какъ все, лежащее внѣ торговыхъ оборотовъ и «эксплоатаціи» своего общественнаго положенія, не *существенно* въ мѣщанскомъ обществѣ, то ихъ образованіе и должно быть ограничено. Оттого происходитъ та нелѣпость и тяжесть ума, которую мы видимъ въ мѣщанахъ всякій разъ, какъ имъ приходится сѣзжать съ битой и торной дороги. Вообще, хитрость и лицемѣріе далеко не такъ умны и дальновидны, какъ воображаютъ; ихъ діаметръ бѣденъ и плаванье мелко.

Англичане это знаютъ и потому не оставляютъ битыя колени и выносятъ не только тяжелыя, но, хуже того, смѣшныя неудобства своего готизма, боясь всякой переменны.

Французскіе мѣщане не были такъ осторожны и со всѣмъ своимъ лукавствомъ и двоедушіемъ оборвались въ имперію.

Увѣренные въ побѣдѣ, они провозгласили основой новаго государственнаго порядка *всеобщую подачу юлосовв*. Это арифметическое знамя было имъ симпатично, истина опредѣлялась сложениемъ и вычитаніемъ, ее можно было прикидывать на счетахъ и мѣтить булавками.

И что же они подвергнули суду *всѣхъ юлосовв* при современномъ состояніи общества? Вопросъ о существованіи республики. Они хотѣли ее убить народомъ, сдѣлать изъ нея пустое слово, потому что они не любили ея. Кто уважаетъ истину, пойдетъ ли тотъ спрашивать мнѣніе встрѣчнаго, поперечнаго? Что, если-бъ Колумбъ или Коперникъ пустили Америку и движеніе земли на голоса?

Хитро было придумано, а въ послѣдствіяхъ добряки обочились.

Щель, сдѣлавшаяся между партеромъ и актерами, прикрытая сначала линючимъ ковромъ ламартиноускаго ¹⁾ краснорѣчія, дѣлалась больше и больше; іюньская кровь ее размыла—и тутъ-то раздраженному народу поставили вопросъ о президентѣ. Отвѣтомъ на него вышелъ изъ щели, протирая заспанные глаза, Людовикъ-Наполеонъ, забравшій все въ руки, т.-е. и мѣщанъ, которые воображали по старой памяти, что онъ будетъ *царствовать*, а они—*править*.

То, что вы видите на большой сценѣ государственныхъ событій, то микроскопически повторяется у каждаго очага. Мѣщанское растлѣніе пробралось во всѣ тайники семейной и частной жизни.

¹⁾ Какъ извѣстно, Ламартинъ былъ предсѣдателемъ временнаго правительства 1848 г.

Никогда католицизмъ, никогда рыцарство не отпечатлѣвались такъ глубоко, такъ многосторонне на людяхъ, какъ буржуазія.

Дворянство обязывало. Разумѣется, такъ какъ его права были долею фантастическія, то и обязанности были фантастическія, но онѣ дѣлали извѣстную круговую поруку между равными. Католицизмъ обязывалъ, съ своей стороны, еще больше. Рыцари и вѣрующіе часто не исполняли своихъ обязанностей, но сознание, что они тѣмъ нарушили ими самими признанный общественный союзъ, не позволяло имъ ни быть свободными въ отступленіяхъ, ни возводить въ норму своего поведенія. У нихъ была своя праздничная одежда, своя офиціальная постановка, которая не были ложью, а скорѣй—ихъ идеаломъ.

Намъ теперь дѣла нѣтъ до содержанія этого идеала. Ихъ процессъ рѣшенъ и давно проигранъ. Мы хотимъ только указать, что мѣщанство, напротивъ, ни къ чему не обязываетъ, ни даже къ военной службѣ, если только есть охотники, т.-е. обязываетъ *per fas et nefas* ¹⁾ имѣть собственность. Его евангеліе коротко: «Наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской, пользуйся и злоупотребляй своимъ денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ, не разоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долголѣтія, женишь своихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память».

Отрицаніе міра рыцарскаго и католическаго было необходимо и сдѣлалось не мѣщанами, а просто свободными людьми, т.-е. людьми, отрѣшившимися отъ всякихъ гуртовыхъ опредѣленій. Тутъ были рыцари, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, и дворяне, какъ Аруэ Вольтеръ, ученики часовщиковъ, какъ Руссо, полковые лѣкаря, какъ Шиллеръ, и купеческія дѣти, какъ Гете ²⁾. Мѣщанство воспользовалось ихъ работой и явилось освобожденнымъ не только отъ царей, рабства, но и отъ всѣхъ общественныхъ тягъ, кромѣ складчины для найма, охраняющаго ихъ правительства.

Изъ протестантизма они сдѣлали *свою* религію,—религію, примирившую совѣсть христіанина съ занятіемъ ростовщика, религію до того мѣщанскую, что народъ, лившій кровь за нее, ее оставилъ. Въ Англіи *чернь* всего менѣе ходитъ въ церковь.

Изъ революціи они хотѣли сдѣлать *свою* республику, но она ускользнула изъ-подъ ихъ пальца такъ, какъ античная цивилизація ускользнула отъ варваровъ, т.-е. безъ мѣста въ настоящемъ, но съ надеждой на *instauratorem magnam* ³⁾.

¹⁾ Правдою и неправдою.

²⁾ Отецъ Гете былъ докторомъ правъ и имперскимъ совѣтникомъ; купцомъ былъ отецъ Гейне.

³⁾ Великую реставрацію.

Реформація и революція были сами до того испуганы пустою міра, въ который онѣ входили, что онѣ искали спасенія въ двухъ монашествахъ: въ холодномъ, скучномъ ханжествѣ пуританизма и въ сухомъ, натянутомъ цивилизмѣ республиканскаго формализма. Квакерская и яacobинская нетерпимость были основаны на страхѣ, что ихъ почва не тверда; онѣ видѣли, что имъ надобны были сильныя средства, чтобы увѣрить однихъ, что это—церковь, другихъ, что это—свобода.

Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное западное состояніе наибольше развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, *образованнѣе*, т.-е. промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣ-нибудь въ Италіи или въ Испаніи не такъ невыносимо удушливо жить, какъ въ Англіи и во Франціи... И вотъ отчего горная, бѣдная сельская Швейцарія—единственный клочокъ Европы, въ который можно удалиться съ миромъ.

Эти отрывки, напечатанные въ «Полярной Звѣздѣ», оканчивались слѣдующимъ посвященіемъ, писаннымъ до *пріѣзда Огарева въ Лондонъ и до смерти Грановскаго*:

... *Прими сей черепъ,—онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву*¹⁾.

А. Пушкинъ.

На этомъ пока и остановимся. Когда-нибудь я напечатаю выпущенныя главы и напишу другія, безъ которыхъ разсказъ мой останется непонятнымъ, усѣченнымъ, можетъ, ненужнымъ, во всякомъ случаѣ будетъ не тѣмъ, чѣмъ я хотѣлъ, но все это послѣ, гораздо послѣ...

Теперь разстанемтесь и на прощанье одно слово, къ вамъ, друзья юности.

Когда все было схоронено, когда даже шумъ, долею вызванный мною, долею самъ накликавшійся, улегся около меня, и люди разошлись по домамъ, я приподнялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ: живого, родного не было ничего, кромѣ дѣтей. Побродивши между постороннихъ, еще присмотрѣвшись къ нимъ, я пересталъ въ нихъ искать *своихъ* и отучился—не отъ людей, а отъ близости съ ними.

¹⁾ У Пушкина въ первомъ стихѣ «Дельвигъ», замѣненный Герценомъ знакомъ тире.

Правда, подчасъ кажется, что еще есть въ груди чувства, слова, которыхъ жаль не высказать, которыя сдѣлали бы много добра, по крайней мѣрѣ, отрады слушающему, и становится жаль, зачѣмъ все это должно заглухнуть и пропасть въ душѣ, какъ взглядъ разсѣивается и пропадаетъ въ пустой дали... но и это— скорѣе догорающее зарево, отраженіе уходящаго прошедшаго.

Къ нему-то я и обернулся. Я оставилъ чужой мнѣ міръ и воротился къ вамъ; и вотъ мы съ вами живемъ второй годъ, какъ бывало, видаемся каждый день, и ничего не перемѣнилось, никто не отошелъ, не состарился, никто не умеръ, и мнѣ такъ дома съ вами и такъ ясно, что у меня нѣтъ другой почвы, кромѣ нашей, другого призванія, кромѣ того, на которое я себя обрекалъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

Разсказъ мой о быломъ, можетъ, скученъ, слабъ, но вы, друзья, примите его радушно; зготъ трудъ помогъ мнѣ пережить страшную эпоху; онъ меня вывелъ изъ празднаго отчаянія, въ которомъ я погибалъ; онъ меня воротилъ къ вамъ. Съ нимъ я вхожу *не весело, но спокойно* (какъ сказалъ поэтъ, котораго я безмѣрно люблю) въ мою зиму:

«Lièto no... ma sicuro!» ¹⁾ говоритъ Леопарди о смерти въ своемъ «Ruysch e le sui mummie» ²⁾.

Такъ, безъ вашей воли, безъ вашего вѣдома вы выручили меня, — *примите же сей черепъ — онъ вамъ принадлежитъ по праву.*

Isle of Wigt, Ventnor,
1 октября 1855 г.

¹⁾ Не весело... но спокойно.

²⁾ «Dialogo di Federico Ruysch e delle sui mummie»—«Разговоръ Фридриха Рюиша съ его муміями».

ГЛАВА XXXIX.

Деньги и полиція.— Императоръ Джемсъ Ротшильдъ и банкиръ Николай Романовъ. — Полиція и деньги.

Въ декабрѣ 1849 года я узналъ, что довѣренность на залогъ моего имѣнія, посланная изъ Парижа и засвидѣтельственная въ посольствѣ, уничтожена, и что вслѣдъ затѣмъ на капиталъ моей матери наложено запрещеніе. Терять времени было нечего; я, какъ уже сказалъ въ прошлой главѣ, бросилъ тотчасъ Женеву и поѣхалъ къ моей матери.

Глупо или притворно было бы въ наше время денежнаго неустройства пренебрегать состояніемъ. Деньги—независимость, сила, оружіе, а оружіе никто не бросаетъ во время войны, хотя бы оно и было непріятельское, даже ржавое. Рабство нищеты страшно; я изучилъ его во всѣхъ видахъ, живши годы съ людьми, которые спаслись, въ чемъ были, отъ политическихъ караблекрушеній. Поэтому я считалъ справедливымъ и необходимымъ принять всѣ мѣры, чтобъ вырвать что можно изъ медвѣжьихъ лапъ русскаго правительства.

Я и то чуть не потерялъ всего. Когда я ѣхалъ изъ Россіи, у меня не было никакого опредѣленнаго плана, я хотѣлъ только остаться донельзя за границей. Пришла революція 1848 года и увлекла меня въ свой круговоротъ, прежде чѣмъ я что-нибудь сдѣлалъ для спасенія моего состоянія. Добрые люди винили меня за то, что я замѣшался, очертя голову, въ политическія движенія и предоставилъ на волю божію будущность семьи,—можетъ, оно и было не совсѣмъ осторожно; но если-бъ, живши въ Римѣ въ 1848 году, я сидѣлъ дома и придумывалъ средства, какъ спасти свое имѣніе

въ то время, какъ вспрыгнувшая Италія кипѣла передъ моими окнами, тогда я, вѣроятно, не остался бы въ чужихъ краяхъ, а поѣхалъ бы въ Петербургъ, снова вступилъ бы на службу, могъ бы быть «вице-губернаторомъ», за «оберъ-прокурорскимъ столомъ» и говорилъ бы своему секретарю «ты», а своему министру—«Ваше Высокопревосходительство!».

Столько воздержности и благоразумія у меня не было, и теперь я стократно благословляю это. Бѣднѣе было бы сердце и память, если-бъ я пропустилъ тѣ свѣтлыя мгновенія вѣры и восторженности! Чѣмъ было бы выкуплено для меня лишеніе ихъ? да и что для *меня!*—чѣмъ было бы выкуплено для *той* ¹⁾, сломленная жизнь которой была потомъ однимъ страданіемъ, окончившимся могилой? Какъ горько упрекала бы меня совѣсть, что я изъ предусмотрительности укралъ у нея чуть ли не послѣднія минуты невозмутимаго счастья! А потомъ, вѣдь, главное я все же сдѣлалъ: спасъ почти все достояніе, за исключеніемъ костромского имѣнія.

Послѣ іюньскихъ дней мое положеніе становилось опаснѣе. Я познакомился съ Ротшильдомъ и предложилъ ему размѣнять мнѣ два билета московской сохранной казны. Дѣла тогда, разумѣется, не шли, курсъ былъ прескверный; условія его были невыгодны ²⁾, но я тотчасъ согласился и имѣлъ удовольствіе видѣть легкую улыбку сожалѣнія на губахъ Ротшильда,—онъ меня принялъ за безчестнаго prince russe ³⁾, задолжавшаго въ Парижѣ, и потому сталъ называть «monsieur le comte ⁴⁾».

По первымъ билетамъ деньги немедленно были уплачены; по слѣдующимъ, на гораздо значительнѣйшую сумму, уплата хотя и была сдѣлана, но корреспондентъ Ротшильда ⁵⁾ извѣщалъ его, что на мой капиталъ наложено запрещеніе,—по счастью, его не было больше.

Такимъ образомъ, я очутился въ Парижѣ съ большой суммой денегъ, средь самага смутнаго времени, безъ опытности и знанія, что съ ними дѣлать. И между тѣмъ все уладилось довольно хорошо. Вообще, чѣмъ меньше страстности въ финансовыхъ дѣлахъ, безпокойствія и тревоги, тѣмъ они легче удаются. Состоянія рушатся такъ же часто у жадныхъ стяжателей и финансовыхъ трусовъ, какъ у мотовъ.

По совѣту Ротшильда, я купилъ себѣ американскихъ бумагъ,

1) Жена.

2) Ротшильдъ получилъ съ Герцена 25,000 фр. комиссіи.

3) Русскаго князя.

4) Графъ.

5) Гассеръ.

нѣсколько французскихъ и небольшой домъ на Амстердамской улицѣ занимаемый Гаврской гостиницей ¹⁾).

Одинъ изъ первыхъ революціонныхъ шаговъ моихъ, развязавшихъ меня съ Россіей, погрузилъ меня въ почтенное сословіе консервативныхъ тунейдцевъ, познакомилъ съ банкирами и нотариусами, приучилъ заглядывать въ биржевой курсъ, словомъ, сдѣлалъ меня западнымъ gentier. Разрывъ современнаго человѣка со средой, въ которой онъ живетъ, вноситъ страшный сумбуръ въ частное поведеніе. Мы въ самой серединѣ двухъ, мѣшающихъ другъ другу потоковъ; насъ бросаетъ, и будетъ еще долго бросать, то въ ту, то въ другую сторону, до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой окончательно не сломитъ, и потокъ еще безпокойный и бурный, но уже текущій въ одну сторону, не облегчитъ пловца, т.-е. не унесетъ его съ собой.

Счастливъ тотъ, кто до этого умѣетъ такъ лавировать, что, уступая волнамъ и качаясь, все же, плыветъ въ *свою* сторону!

При покупкѣ дома я имѣлъ случай поближе взглянуть въ дѣловой и буржуазный міръ Франціи. Бюрократическій формализмъ при совершеніи купчей не уступитъ нашему. Старикъ нотариусъ прочелъ мнѣ нѣсколько тетрадей, актъ о прочтеніи ихъ, *mainlevée* ²⁾), потомъ настоящій актъ; изъ всего составила цѣлая книга *in-folio*. Въ послѣдній торгъ нашъ о цѣнѣ и расходахъ хозяинъ дома сказалъ, что онъ сдѣлаетъ уступку и возьметъ на себя весьма значительные расходы по купчей, если я немедленно заплачу ему самому всю сумму; я не понялъ его, потому что съ самаго начала объявилъ, что покупаю на чистыя деньги. Нотариусъ объяснилъ мнѣ, что деньги должны остаться у него, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ сдѣлается публикація и вызовутся всѣ кредиторы, имѣющіе какія-нибудь права на домъ. Домъ былъ заложенъ въ 70,000, но онъ могъ быть еще заложенъ и въ другія руки; черезъ три мѣсяца по собраніи справокъ выдается покупщику *purge hypothécaire* ³⁾), а прежнему хозяину вручаются деньги.

Хозяинъ увѣрялъ, что у него нѣтъ другихъ долговъ. Нотариусъ подтверждалъ это.

— Честное слово,—сказалъ я ему,—и вашу руку: у васъ другихъ долговъ нѣтъ, которые касались бы дома?

— Охотно даю его.

¹⁾ Grand Hôtel du Havre.

²⁾ Снятие запрещенія.

³⁾ Освобожденіе недвижимостей отъ закладныхъ.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ и явлюсь сюда завтра съ чекомъ Ротшильда.

Когда я на другой день пріѣхалъ къ Ротшильду, его секретарь всплеснулъ руками:

— Они васъ надуютъ! Какъ это возможно! Мы остановимъ, если хотите, продажу. Это неслыханное дѣло,—покупать у незнакомаго на такихъ условіяхъ.

— Хотите, я пошлю съ вами кого-нибудь разсмотрѣть это дѣло?—спросилъ самъ баронъ Джемсъ.

Такую роль недоросля мнѣ не хотѣлось играть, я сказалъ, что далъ слово, и взялъ чекъ на всю сумму. Когда я пріѣхалъ къ нотаріусу, тамъ, сверхъ свидѣтелей, былъ еще кредиторъ, пріѣхавшій получить свои 70,000 фр. Купчужу перечитали, мы подписались, нотаріусъ поздравилъ меня парижскимъ домохозяиномъ,—оставалось вручить чекъ.

— Какая досада,—сказалъ хозяинъ, взявши его изъ моихъ рукъ,—я забылъ васъ попросить привезти два чека; какъ я теперь отдѣлю 70,000?

— Нѣтъ ничего легче: съѣздите къ Ротшильду, вамъ дадутъ два или, еще проще, съѣздите въ банкъ.

— Пожалуй, я съѣзжу,—сказалъ кредиторъ. Хозяинъ поморщился и отвѣтилъ, что это—его дѣло, что онъ поѣдетъ.

Кредиторъ нахмурился. Нотаріусъ добродушно предложилъ имъ ѣхать вмѣстѣ.

Едва удерживаясь отъ смѣха, я имъ сказалъ:

— Вотъ ваша записка, отдайте мнѣ чекъ, я съѣзжу и размѣню его.

— Вы насъ безконечно обяжете,—сказали они, вздохнувъ отъ радости, и я поѣхалъ.

Черезъ четыре мѣсяца *purge hypothécaire* была мнѣ прислана, и я выигралъ тысячь десять франковъ за мое опрометчивое довѣріе.

Послѣ 13 іюня 1849 года, префектъ полиціи Ребилю что-то донесъ на меня; вѣроятно, вслѣдствіе его доноса и были взяты петербургскимъ правительствомъ странныя мѣры противъ моего имѣнія. Онѣ-то, какъ я сказалъ, заставили меня ѣхать съ моей матерью въ Парижъ.

Мы отправились черезъ Невшатель и Безансонъ. Путешествіе наше началось съ того, что въ Бернѣ я забылъ на почтовомъ дворѣ свою шинель; такъ какъ на мнѣ было теплое пальто и теплыя калоши, то я и не воротился за ней. До горъ все шло хорошо, но въ горахъ насъ встрѣтилъ снѣгъ по колѣно, градусовъ

восемь мороза и проклятая швейцарская биза ¹⁾). Дилижансъ не могъ итти, пассажировъ разсажали по два, по три въ небольшія пошевни. Я не помню, чтобъ я когда-нибудь страдалъ столько отъ холода, какъ въ эту ночь. Ногамъ было просто больно, я зрылъ ихъ въ солому, потомъ почтальонъ далъ мнѣ какой-то воротникъ, но и это мало помогло. На третьей станціи я купилъ у крестьянки ея шаль франковъ за 15 и завернулъ въ нее; но это было уже на съѣздѣ и съ каждой милей становилось теплѣе.

Дорога эта великолѣпно-хороша съ французской стороны; обширный амфитеатръ громаднхъ и совершенно непохожихъ другъ на друга очертаніями горъ провожаетъ до самаго Безансона; кое-гдѣ на скалахъ виднѣются остатки укрѣпленныхъ рыцарскихъ замковъ. Въ этой природѣ есть что-то могучее и суровое, твердое и угрюмое; на нее-то глядя, росъ и складывался крестьянскій мальчикъ, потомокъ стараго сельскаго рода, Пьеръ-Жозефъ Прудонъ. И, дѣйствительно, о немъ можно сказать, только въ другомъ смыслѣ, сказанное поэтомъ о флорентинцахъ:

E tiene ancor del monte et del macigno! ²⁾

Ротшильдъ согласился принять билетъ моей матери, но не хотѣлъ платить впередъ, ссылаясь на письмо Гассера. Опекунскій совѣтъ, дѣйствительно, отказалъ въ уплатѣ. Тогда Ротшильдъ велѣлъ Гассеру потребовать аудіенціи у Нессельроде ³⁾ и спросить его, въ чемъ дѣло. Нессельроде отвѣчалъ, что, хотя въ билетахъ никакого сомнѣнія нѣтъ, и искъ Ротшильда справедливъ, но что государь велѣлъ остановить капиталъ по причинамъ политическимъ и секретнымъ.

Я помню удивленіе въ Ротшильдовомъ бюро при полученіи этого отвѣта. Глазъ невольно искалъ подъ такимъ актомъ тавро Алариха или печать Чингисхана. Такой шутки Ротшильдъ не ждалъ даже и отъ такого извѣстнаго деспотическихъ дѣлъ мастера, какъ Николай. «Для меня,—сказалъ я ему,—мало удивительнаго въ томъ, что Николай, въ наказаніе мнѣ, хочетъ стянуть деньги моей матери или меня поймать ими на удочку; но я не могъ себѣ представить, чтобъ ваше имя имѣло такъ мало вѣса въ Россіи. Билеты наши, а не моей матери; подписываясь на нихъ, она ихъ передала предъявителю (au porteur), но съ тѣхъ поръ, какъ вы расписались

¹⁾ Сѣверный вѣтеръ.

²⁾ Сохранилось нѣчто отъ горы и отъ каменныхъ глыбъ.

³⁾ Графъ, министръ иностр. дѣлъ.

на нихъ, этотъ porteur—*ва* ¹⁾, и вамъ-то нагло отвѣчаютъ: «деньги ваши, но баринъ платить не велѣлъ».

Рѣчь моя удалась. Ротшильдъ сталъ сердиться и, ходя по комнатѣ, говорилъ: «Нѣтъ, я съ собой шутить не позволю, я сдѣлаю процессъ ломбарду, я потребую категорическаго отвѣта у министра финансов!».

Ну, подумаль я, этого уже Вронченко ²⁾ не пойметъ. Хорошо еще «конфиденціального», а то—«категорическаго».

— Вотъ вамъ образчикъ, какъ самодержавіе, на которое такъ надѣется реакція, фамиллярно и *sans gêne* ³⁾ распоряжается съ собственностью. Казацкій коммунизмъ чуть ли не опаснѣе луи-блановскаго.

— Я подумую, — сказалъ Ротшильдъ, — что дѣлать. Такъ нельзя оставить этого.

Дня черезъ три послѣ этого разговора я встрѣтилъ Ротшильда на бульварѣ.

— Кстати,—сказалъ онъ мнѣ, останавливая меня,—я вчера говорилъ о вашемъ дѣлѣ съ Киселевымъ ⁴⁾. Я вамъ долженъ сказать, вы меня извините, онъ очень невыгоднаго мнѣнія о васъ и врядъ ли сдѣлаетъ что-нибудь въ вашу пользу.

— Вы съ нимъ часто видаетесь?

— Иногда на вечерахъ.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите ему, что вы сегодня видѣлись со мной, и что я самага дурнаго мнѣнія о немъ, но что съ тѣмъ вмѣстѣ никакъ не думаю, чтобъ за это было справедливо обокрасть его мать.

Ротшильдъ расхохотался; онъ, кажется, съ этихъ поръ сталъ догадываться, что я не *prince russe*, и уже называлъ меня *барономъ*; но это, я думаю, онъ для того поднималъ меня, чтобъ сдѣлать достойнымъ разговаривать съ нимъ.

На другой день онъ прислалъ за мной; я тотчасъ отправился. Онъ подалъ мнѣ неподписанное письмо къ Гассеру и прибавилъ:¹⁾

¹⁾ Подпись эта, *endossement*, дѣлается для пересылки, чтобъ не посылать анонимный билетъ, по которому всякій можетъ получить деньги.
А. И. Г.

²⁾ Федоръ Павловичъ, министръ финансовъ, извѣстный своимъ очень скуднымъ образованіемъ.

³⁾ Безцеремонно.

⁴⁾ Это не П. Д. Киселевъ, бывший впоследствии въ Парижѣ, очень порядочный человекъ и извѣстный министръ государственныхъ имуществъ, а другой, переведенный въ Римъ. А. И. Г.

— Вотъ нашъ проектъ письма; садитесь, прочтите его внимательно и скажите, довольны ли вы имъ; если хотите что прибавить или измѣнить, мы сейчасъ сдѣлаемъ. А мнѣ позвольте продолжать мои занятія.

Сначала я осматрѣлся. Каждую минуту отворялась небольшая дверь, и входилъ одинъ биржевой агентъ за другимъ, громко говоря цифру; Ротшильдъ, продолжая читать, бормоталъ, не подымая глазъ: «да,—нѣтъ,—хорошо,—пожалуй,—довольно», и цифра уходила. Въ комнатѣ были разные господа, рядовые капиталисты, члены народнаго собранія, два-три истощенныхъ туриста съ молодыми усами на старыхъ щекахъ,—эти вѣчныя лица, пьющія на водахъ вино, представляющіяся ко дворамъ, слабые и лимфатическіе отпрыски, которыми изсякаютъ аристократическіе роды и которые, туда же, суются отъ карточной игры къ биржевой. Всѣ они говорили между собой вполголоса. Царь іудейскій сидѣлъ спокойно за своимъ столомъ, смотрѣлъ бумаги, писалъ что-то на нихъ, вѣрно, все милліоны или, по крайней мѣрѣ, сотни тысячъ.

— Ну, что,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—довольны?

— Совершенно,—отвѣчалъ я.

Письмо было превосходно: рѣзко, настойчиво, какъ слѣдуетъ, когда власть говоритъ съ властью. Онъ писалъ Гассеру, чтобъ тотъ немедленно требовалъ аудіенціи у Нессельроде и у министра финансовъ; чтобъ онъ имъ сказалъ, что Ротшильдъ знать не хочетъ, кому принадлежали билеты, что онъ ихъ купилъ и требуетъ уплаты или яснаго, законнаго изложенія, почему уплата остановлена; что, въ случаѣ отказа, онъ подвергнетъ дѣло обсужденію юрисконсультовъ и совѣтуетъ очень подумать о послѣдствіяхъ отказа, особенно страннаго въ то время, когда русское правительство хлопочетъ заключить черезъ него новый заемъ. Ротшильдъ заключалъ тѣмъ, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ проволочекъ, онъ долженъ будетъ дать гласность этому дѣлу черезъ журналы, для предупрежденія другихъ капиталистовъ. Письмо это онъ рекомендовалъ Гассеру показать Нессельроде.

Насъ прервали... Шомбургъ ¹⁾ просилъ меня зайти черезъ полчаса.

Когда черезъ полчаса я входилъ на лѣстницу Зимняго дворца финансовъ въ Rue Laffitte, съ нея сходилъ соперникъ Николая. «Мнѣ Шомбургъ говорилъ,—сказало Его Величество, милостиво улыбаясь и высочайше протягивая собственную августѣйшую руку свою,—

¹⁾ Служащій Ротшильда.

письмо подписано и послано. Вы увидите, какъ они повернутся; я имъ покажу, какъ со мной шутить».

... Я хотѣлъ стать на колѣни и принести, сверхъ благодарности, вѣрноподданническую присягу, но ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Если вы совершенно увѣрены, велите мнѣ открыть кредитъ хотъ на половину всей суммы.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ государь императоръ и прослѣдовалъ въ улицу Лафитъ.

Я откланялся его величеству и, пользуясь близостью, пошелъ въ Maison Dogée.

Черезъ мѣсяцъ или полтора тугой на уплату петербургскій 1-ой гильдіи купецъ Николай Романовъ, утраченный конкурсомъ и опубликованіемъ въ «Вѣдомостяхъ», уплатилъ, по высочайшему повелѣнію Ротшильда, незаконно задержанныя деньги съ процентами и процентами на проценты, оправдываясь невѣдѣніемъ законовъ, которыхъ онъ, дѣйствительно, не могъ знать по своему общественному положенію.

Съ тѣхъ поръ мы были съ Ротшильдомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; онъ любилъ во мнѣ поле сраженія, на которомъ онъ побилъ Николая; я былъ для него нѣчто въ родѣ Маренго или Аустерлица ¹⁾, и онъ нѣсколько разъ рассказывалъ при мнѣ подробности дѣла, слегка улыбаясь, но великодушно щадя побитаго противника. ²⁾

Въ продолженіе моего процесса я жилъ въ отель Мирабо, Rue de la Paix. Хлопоты по этому дѣлу заняли около полугода. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ говорятъ мнѣ, что какой-то господинъ дожидается меня въ залѣ и хочетъ непремѣнно видѣть. Я вышелъ; въ залѣ стояла какая-то подхалюзая, чиновническая, старая фигура.

— Комиссаръ полиціи тюльерійскаго квартала, такой-то.

— Очень радъ.

— Позвольте мнѣ прочесть вамъ декретъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщенный мнѣ префектомъ полиціи и касающійся васъ.

— Сдѣлайте одолженіе, вотъ стулъ.

— «Мы, префектъ полиціи ³⁾»:

«Взявъ въ соображеніе 7 пунктъ закона 13 и 21 ноября и 3 декабря 1849 года, дающій министру внутреннихъ дѣлъ право

¹⁾ Мѣста побѣдъ Наполеона.

²⁾ Перевожу слово въ слово. А. И. Г.

высылать (expulser) изъ Франціи всякаго иностранца, присутствіе котораго во Франціи можетъ возмутить порядокъ и быть опаснымъ общественному спокойствію, и основываясь на министерскомъ циркулярѣ 3 января 1850 года,

«рѣшаемъ, что слѣдуетъ:

«Называемый (le N-é., т.-е. потмѣ, но это не значитъ «вышеупомянутый», потому что прежде обо мнѣ не говорится; это— только безграмотная попытка какъ можно грубѣе обозначить челоуѣка) Герценъ, Александръ, 40 лѣтъ (два года прибавили), русскій подданный, живущій тамъ-то, обязанъ оставить немедленно Парижъ, по объявленіи сего, и въ наискорѣйшемъ времени выѣхать изъ предѣловъ Франціи.

«Воспрещается ему впредь возвращаться, подъ опасеніемъ наказаній, положенныхъ 8 пунктомъ того же закона (тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до шести и денежный штрафъ).»

«Всѣ мѣры будутъ приняты для удостовѣренія въ исполненіи сихъ распоряженій.

«Сдѣлано (Fait) въ Парижѣ, 16 апрѣля 1850.

«Префектъ полиціи

П. Карле.

«Скрѣпилъ общій секретарь префектуры

Клеменъ Рейро.

На боку: «Читаль и одобрилъ, 19 апрѣля 1850 г.

Министръ внутреннихъ дѣлъ

Ж. Барошъ.

«Лѣта тысяча восемьсотъ пятидесятаго, апрѣля двадцать четвертаго.

«Мы, Эмиль Буллей, комиссаръ полиціи города Парижа и *въ особенноти* тюльерійскаго отдѣленія, во исполненіе приказаній господина префекта полиціи отъ 23 апрѣля:

«Объявили сударю (sieur) Александру Герцену, говоря ему, какъ сказано въ оригиналѣ». Тутъ слѣдуетъ весь текстъ опять, въ томъ родѣ, какъ дѣти говорятъ сказку о бѣломъ бычкѣ, повторяя всякій разъ съ прибавкой одной фразы: «Сказать ли вамъ сказку о бѣломъ бычкѣ?».

Далѣе: «Мы пригласили поименованнаго (le dit) Герцена явиться въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ въ префектуру для полученія паспорта и для назначенія границы, черезъ которую онъ выѣдетъ изъ Франціи.

«А чтобъ сказанный сударь Герценъ не отозвался невѣдѣиємъ (n'en prétende cause d'ignorance—каковъ языкъ!), мы ему оставили эту копию сказаннаго рѣшенія въ началѣ сего настоящаго нашего протокола объявленія. (Nous lui avons laissé cette copie tant du dit arrêté en tête de cette presente de notre procès-verbal de notification)».

Гдѣ мои вятскіе товарищи по канцеляріи Тюфяева? гдѣ Ардашовъ, писавшій за присѣсть по десяти листовъ, Вепревъ, Штинъ и мой пьяненькій столоначальникъ? Какъ сердце ихъ должно возрадоваться, что въ Парижѣ, послѣ Вольтера, послѣ Бомарше, послѣ Ж. Сандъ и Гюго, пишутъ такъ бумаги! Да и не одинъ Вепревъ и Штинъ должны радоваться, а и земскій моего отца Василий Епифановъ, который, изъ глубокихъ соображеній учтивости, писалъ своему помѣщику: «Повелѣніе ваше по сей настоящей прошедшей почтѣ получилъ и по иной же имѣю честь доложить»...

Можно ли оставить камень на камнѣ этого глупаго, пошлаго зданія *des us et coutumes* ¹⁾, годнаго только для слѣпой и выжившей изъ ума старухи, какъ Фемида?

Чтеніе не произвело ожидаемаго дѣйствія. Парижанинъ думаетъ, что высылка изъ Парижа равняется изгнанію Адама изъ рая, да и то еще безъ Евы; мнѣ, напротивъ, было все равно, и жизнь парижская уже начинала надоѣдать.

— Когда долженъ я явиться въ префектуру?—спросилъ я, придавая себѣ любезный видъ, несмотря на злобу, разбиравшую меня.

— Я совѣтую завтра, часовъ въ десять утра.

— Съ удовольствіемъ.

— Какъ нынѣшній годъ весна рано начинается, — замѣтилъ комиссаръ города Парижа и въ особенности тюльерійскій.

— Чрезвычайно.

— Это старинный отель: здѣсь обѣдывалъ Мирабо, оттого онъ такъ и называется; вы, вѣрно, были имъ очень довольны?

— Очень. Вообразите же, каково съ нимъ разстаться такъ круто!

— Это, дѣйствительно, неприятно... Хозяйка умная и прекрасная женщина, M-lle Кузенъ, была большой пріятельницей знаменитой Lenormand ²⁾.

— Представьте себѣ! Какъ досадно, что я этого не зналъ! можетъ, она унаслѣдовала у нея искусство гадать и могла бы мнѣ предсказать *billet doux* ³⁾ Карлье.

¹⁾ Обычаевъ.

²⁾ Извѣстная гадалщица на картахъ и писательница.

³⁾ Любовную записку.

— Ха, ха... мое дѣло вы знаете, позвольте пожелать...

— Помилуйте, всякое бываетъ, честь имѣю вамъ кланяться.

На другой день я явился въ знаменитую, больше чѣмъ сама Ленорманъ, улицу Jerusalem. Сначала меня принялъ какой-то шпионствующій юноша, съ бородкой, усиками и со всѣми приемами недоношеннаго фельетониста и неудавшагося демократа; лицо его, взглядъ носили печать того утонченнаго растлѣнія души, того завистливаго голода наслажденій, власти, приобрѣтеній, которыя я очень хорошо научился читать на западныхъ лицахъ и котораго вовсе нѣтъ у англичанъ. Должно быть, онъ еще недавно поступилъ на свое мѣсто: онъ еще наслаждался имъ и потому говорилъ нѣсколько свысока. Онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ ѣхать черезъ три дня и что безъ особенно важныхъ причинъ отсрочить нельзя. Его дерзкое лицо, его произношеніе и мимика были таковы, что, не вступая съ нимъ въ дальнѣйшія разсужденія, я поклонился ему и потомъ спросилъ, надѣвъ сперва шляпу, когда можно видѣть префекта.

— Префектъ принимаетъ только тѣхъ, кто у него письменно просить аудіенціи.

— Позвольте мнѣ написать сейчасъ.

Онъ позвонилъ, вошелъ старикъ huissier ¹⁾, съ цѣпью на груди; сказавъ ему съ важнымъ видомъ: «бумаги и перо этому господину», юноша кивнулъ мнѣ головой.

Huissier повелъ меня въ другую комнату. Тамъ я написалъ Карлье, что желаю его видѣть, чтобъ объяснить ему, почему мнѣ надобно отсрочить мой отъѣздъ.

Въ тотъ же день ²⁾ вечеромъ я получилъ изъ префектуры лаконической отвѣтъ: «Г. префектъ готовъ принять такого-то завтра, въ два часа».

Тотъ же самый противный юноша встрѣтилъ меня и на другой день; у него была особая комната, изъ чего я и заключилъ, что онъ—нѣчто въ родѣ начальника отдѣленія. Начавши такъ рано и съ такимъ успѣхомъ карьеру, онъ далеко уйдетъ, если богъ продлитъ его животь.

На сей разъ онъ привелъ меня въ большой кабинетъ; тамъ, за огромнымъ столомъ, на большихъ покойныхъ креслахъ, сидѣлъ толстый, высокій, румяный господинъ, изъ тѣхъ, которымъ всегда бываетъ жарко, съ бѣлыми, откормленными, но рыхлыми мясами, съ толстыми, но тщательно выхоленными руками, съ шейнымъ плат-

¹⁾ Сторожъ.

²⁾ 25 апрѣля.

комъ, сведеннымъ на минимумъ, съ безцвѣтными глазами, съ жовіальнымъ выраженіемъ, которое обыкновенно принадлежитъ людямъ, совершенно потонувшимъ въ любви къ своему благосостоянію, и которые могутъ подняться холодно и безъ большихъ усилій до чрезвычайныхъ злодѣйствъ.

— Вы желали видѣть префекта?—сказалъ онъ мнѣ.—Но онъ извиняется передъ вами: очень нужное дѣло заставило его выѣхать; если я могу сдѣлать вамъ чѣмъ-нибудь что-нибудь пріятное, я, ничего лучшаго не прошу. Вотъ кресло, не угодно ли?

Все это высказалъ онъ плавно, очень учтиво, нѣсколько щуря глаза и улыбаясь мясными подушечками, которыми были украшены его скулы. «Ну, этотъ давно служить» подумалъ я.

— Вы, вѣрно, знаете, зачѣмъ я пришелъ?—Онъ сдѣлалъ головою то тихое движеніе, которое дѣлаетъ всякій, начиная плавать, и не отвѣчалъ ничего.

— Мнѣ объявленъ приказъ ѣхать черезъ три дня. Такъ какъ я знаю, что министръ у васъ имѣетъ право высылать, не говоря причины и не дѣлая слѣдствія, то я и не стану ни спрашивать, почему меня высылаютъ, ни защищаться; но у меня есть, свѣрхъ собственнаго дома...

— Гдѣ вашъ домъ?

— 14 ¹⁾, Rue Amsterdam.... очень серьезная дѣла въ Парижѣ, мнѣ трудно ихъ оставить сразу.

— Позвольте узнать, какія у васъ дѣла: по дому или...?

— Дѣла мои у Ротшильда, мнѣ приходится получить тысячь четырехста франковъ.

— Какъ-съ?

— Съ небольшимъ сто тысячь *goubles argent*.

— Это значительная сумма!

— *C'est une somme ronde* ²⁾.

— Сколько времени вамъ нужно для окончанія вашего дѣла?—спросилъ онъ, глядя на меня еще кротче, такъ, какъ глядятъ на выставленные въ окнахъ фазаны съ трюфелями.

— Отъ мѣсяца до шести недѣль.

— Это ужасно много.

— Процессъ мой въ Россіи. Чуть ли не по его милости я и оставляю Францію.

— Какъ такъ?

— Съ недѣлю тому назадъ Ротшильдъ мнѣ говорилъ, что

¹⁾ Теперь № 16, соединенный съ № 18.

²⁾ Это кругленькая сумма.

Киселевъ дурно обо мнѣ отзывался. Вѣроятно, петербургскому правительству хочется замѣть дѣло, чтобъ о немъ не говорили: чай, посоль попросилъ по дружбѣ выслать меня вонъ.

— D'abord ¹⁾, — замѣтилъ, принимая важный и проникнутый сильнымъ убѣжденіемъ видъ, обиженный патриотъ префектуры, — Франція не позволитъ ни одному правительству мѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Я удивляюсь, какъ вамъ могла прійти такая мысль въ голову. Потомъ, что можетъ быть естественнѣе, какъ право, которое взяло себѣ правительство, старающееся всѣми силами возратить порядокъ страждущему народу, удалять изъ страны, въ которой столько горючихъ веществъ, иностранцевъ, употребляющихъ во зло то гостепримство, которое она имъ даетъ.

Я рѣшилъ его добивать деньгами. Это было такъ же вѣрно, какъ въ спорѣ съ католикомъ употреблять тексты изъ евангелія, а потому, улыбнувшись, я возразилъ ему:

— За гостепримство Парижа я заплатилъ сто тысячъ франковъ и потому считалъ себя почти сквитавшимся.

Это удалось еще лучше, чѣмъ моя «*somme ronde*». Онъ сконфузился и, сказавъ послѣ небольшой паузы:

— Что намъ дѣлать? мы въ необходимости, — взялъ со стола мое досье. Это былъ второй томъ романа, первую часть котораго я видѣлъ когда-то въ рукахъ Дубельта. Поглаживая листы, какъ добрыхъ коней, своей пухлой рукой:

— Видите ли, — приговаривалъ онъ, — ваши связи, участіе въ неблагонамѣренныхъ журналахъ (почти слово въ слово то же, что мнѣ говорилъ Сагтынскій въ 1840), наконецъ, значительныя *subventions* ²⁾, которыя вы давали самымъ вреднымъ предпріятіямъ, заставили насъ прибѣгнуть къ мѣрѣ очень непріятной, но необходимой. Мѣра эта удивлять васъ не можетъ. Вы даже въ своемъ отечествѣ навлекли на себя политическія гоненія. Одинакія причины ведутъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.

— Я увѣренъ, — сказалъ я, — что самъ императоръ Николай не подозрѣваетъ этой солидарности; не можете же вы, въ самомъ дѣлѣ, находить хорошимъ его управленіе.

— Un bon citoyen ³⁾ уважаетъ законы страны, какіе бы они ни были... ⁴⁾

¹⁾ Раньше всего.

²⁾ Субсидіи.

³⁾ Хорошій гражданинъ.

⁴⁾ Впослѣдствіи профессоръ Чичеринъ проповѣдывалъ что-то подобное въ московскомъ университетѣ. А. И. Г.

— Вѣроятно, это по тому знаменитому правилу, что, все же, лучше, чтобъ была дурная погода, чѣмъ чтобъ совсѣмъ погоды не было.

— Но, чтобъ вамъ доказать, что русское правительство совершенно внѣ игры, я вамъ общаю выхлопотать у префекта отсрочку на одинъ мѣсяць. Вы, вѣрно, не найдете страннымъ, если мы справимся у Ротшильда о вашемъ дѣлѣ; тутъ не столько сомнѣніе...

— Да сдѣлайте одолженіе, отчего же не справиться; мы въ войнѣ, и если-бъ мнѣ было полезно употребить военную хитрость, чтобъ остаться, неужели вы думаете, что я не употребилъ бы ее?..

Но свѣтскій и милый alter ego префекта не остался въ долгу:

— Люди, которые такъ говорятъ, никогда не говорятъ неправды.

Черезъ мѣсяць дѣло еще не было окончено; къ намъ ѣздилъ старикъ докторъ Пальме, который всякую недѣлю имѣлъ удовольствіе дѣлать въ префектурѣ инспекторскій смотръ интересному классу парижанокъ. Давая такое количество свидѣтельствъ прекрасному полу въ здоровьѣ, я думалъ, что онъ не откажется написать мнѣ свидѣтельство въ болѣзни. Пальме, разумѣется, былъ знакомъ со всѣми въ префектурѣ; онъ общалъ мнѣ лично передать X. исторію моего недуга. Къ крайнему удивленію, Пальме пріѣхалъ безъ удовлетворительнаго отвѣта. Черта эта потому драгоцѣнна, что въ ней есть какое-то братственное сходство между русской и французской бюрократіей. X. не давалъ отвѣта и вѣдялъ, обидѣвшись, что я не явился *лично* извѣстить его о томъ, что я боленъ, въ постели и не могу встать... Дѣлать было нечего, — я отправился на другой день въ префектуру, пышачій здоровьемъ.

X. съ большимъ участіемъ спросилъ меня о моей болѣзни. Такъ какъ я не полюбобытствовалъ прочесть, что написалъ докторъ, то мнѣ и пришлось выдумать болѣзнь. По счастью, я вспомнилъ Сазонова, который, при обильной тучности и неистощимомъ аппетитѣ, жаловался на аневризмъ, — я сказалъ X., что у меня болѣзнь въ сердцѣ, и что дорога можетъ мнѣ быть очень вредна.

X. пожалѣлъ, совѣтовалъ беречься, потомъ отправился въ содѣдную комнату и черезъ минуту вышелъ, говоря:

— Вы можете остаться еще мѣсяць. Префектъ поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать вамъ, что онъ надѣется и желаетъ, чтобъ ваше здоровье поправилось въ продолженіе этого времени; ему было бы очень непріятно, если-бъ это было не такъ, потому что въ третій разъ онъ отсрочить не можетъ.

Я понялъ это и приготовился выѣхать изъ Парижа около 20 іюня.

Имя X. встрѣтилось мнѣ еще разъ черезъ годъ. Патриотъ этотъ и bon citoyen безшумно удалился изъ Франціи, забывши отдать отчетъ тысячамъ небогатыхъ и бѣдныхъ людей, вкладчиковъ въ какую-то калифорнскую лотерею, дѣйствовавшую подъ покровительствомъ префектуры! Когда добрый гражданинъ увидѣлъ, что, при всемъ уваженіи къ законамъ своей родины, онъ можетъ попасть на галеры за faux ¹⁾, тогда онъ предпочелъ имъ пароходъ и уѣхалъ въ Геную. Это была натура цѣльная, нетерявшаяся отъ неудачъ. Онъ воспользовался извѣстностью, пріобрѣтенною исторіей калифорнской лотереи, и тотчасъ предложилъ свои услуги обществу акціонеровъ, составлявшемуся около того времени въ Туринѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ; видя столь надежнаго человѣка, общество поспѣшило принять его услуги.

Послѣдніе два мѣсяца, проведенные въ Парижѣ, были невыносимы. Я былъ буквально gardé à vue ²⁾, письма приходили нагло подпечатанныя и днемъ позже. Куда бы я ни шелъ, издали слѣдовала за мной какая-нибудь гнусная фигура, передавая меня на углу глазомъ другому.

Ненадобно забывать, что это было время пущаго полицейскаго бѣшенства. Тупые консерваторы и революціонеры алжирски-ламартиновскаго толка помогали плутамъ и пройдохамъ, окружавшимъ Наполеона, и ему самому въ приготовленіи сѣтей шпіонства и надзора, чтобъ, растянувши ихъ на всю Францію, въ данную минуту поймать и задушить по телеграфу, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и Ellysée ³⁾, всѣ дѣятельныя силы страны. Наполеонъ ловко воспользовался противъ нихъ самихъ врученнымъ ему орудіемъ. Второе декабря — возведеніе полиціи на степень государственной власти.

Никогда нигдѣ не было такой политической полиціи, ни въ Австріи, ни въ Россіи, какъ во Франціи со временъ конвента. На это, сверхъ особеннаго *національнаго* влеченія къ полиціи, есть много причинъ. Кромѣ Англии, гдѣ полиція не имѣетъ ничего общаго съ континентальнымъ шпіонствомъ, полиція вездѣ окружена враждебными элементами и, слѣдственно, оставлена на свои силы. Во Франціи, напротивъ, полиція — самое народное учрежденіе; какое бы правительство ни захватило власть въ руки, *полиція у него ютова*, часть народонаселенія будетъ ему помогать съ фанатизмомъ и увлеченіемъ, которые надобно умѣрять, а не усиливать, и помо-

¹⁾ Мошенничество.

²⁾ Подъ явнымъ надзоромъ.

³⁾ То-есть, изъ Palais de l'Ellysée, или Елисейскаго дворца.

гать, притомъ, всѣми страшными средствами частныхъ людей, которыя для полиціи невозможны. Куда скрыться отъ лавочника, дворника, портного, прачки, мясника, сестринаго мужа, братниной жены, особенно въ Парижѣ, гдѣ живутъ не особнякомъ, какъ въ Лондонѣ, а въ какихъ-то полипнякахъ или уляхъ, съ общей лѣстницей, съ общимъ дворомъ и дворникомъ?

Кондорсе ¹⁾ ускользаетъ отъ якобинской полиціи и счастливо пробирается до какой-то деревни близъ границы; усталый и измученный, онъ входитъ въ харчевню, садится передъ огнемъ, грѣетъ себѣ руки и проситъ кусокъ курицы. Трактирищица, добродушная старушка, большая патриотка, разсуждаетъ такъ: «Онъ въ пыли, стало, пришелъ *издалека*; онъ спросилъ курицы, стало, у него есть *денги*; руки у него бѣлыя, стало, онъ *аристократъ*». Поставивъ курицу въ печь, она идетъ въ другой кабакъ; тамъ засѣдаютъ патриоты: какой-нибудь гражданинъ — Муцій Сцевола, ликвористъ ²⁾ и гражданинъ — Брутъ, Тимoleonъ — портной. Тѣмъ того и надобно, — и черезъ десять минутъ одинъ изъ умнѣйшихъ дѣятелей французской революціи — въ тюрьмѣ и выданъ полиціи свободы, равенства и братства!

Наполеонъ, имѣвшій въ высшей степени полицейскій талантъ, сдѣлалъ изъ своихъ генераловъ лазутчиковъ и доносчиковъ; палачъ Ліона Фуше ³⁾ основалъ цѣлую теорію, систему, науку шпіонства черезъ префектовъ, помимо префектовъ, черезъ развратныхъ женщинъ и безпорочныхъ лавочницъ, черезъ слугъ и кучеровъ, черезъ лѣкарей и парикмахеровъ. Наполеонъ палъ, но оружіе осталось, и не только оружіе, но и оруженосецъ: Фуше перешелъ къ Бурбонамъ; сила шпіонства ничего не потеряла, напротивъ, увеличилась монахами, попами. При Людовикѣ-Филиппѣ, при которомъ подкупъ и нажива сдѣлались одной изъ нравственныхъ силъ правительства, половина мѣщанства сдѣлалась его лазутчиками, полицейскимъ хоромъ, къ чему особенно способствовала ихъ служба, сама по себѣ полицейская, въ національной гвардіи.

Во время февральской республики образовались три или четыре дѣйствительно тайныя полиціи и нѣсколько явно-тайныхъ. Была полиція Ледрю-Роллена и полиція Коссидьера, была полиція Марраста и полиція временнаго правительства, была полиція порядка и полиція безпорядка, полиція Бонапарта и орлеанская полиція. Всѣ подсматривали, слѣдили другъ за другомъ и доносили;

¹⁾ Жанъ-Антуанъ, знаменитый франц. писатель и политическій дѣятель.

²⁾ Liquorist — продавецъ прохладительныхъ напитковъ.

³⁾ Жозефъ, министръ полиціи.

положимъ, что доносы дѣлались съ убѣжденіемъ, съ наилучшими цѣлями, безденежно, но, все же, это были доносы... Эта пагубная привычка, встрѣтившись, съ одной стороны, съ печальными неудачами, а съ другой,—съ болѣзненной, необузданной жадной денегъ и наслажденій, растлила цѣлое поколѣніе.

Ненадобно забывать и то нравственное равнодушіе, ту шаткость мнѣній, которая остались осадкомъ перемежающихся революцій и реставрацій. Люди привыкли считать сегодня то за героизмъ и добродѣтель, за что завтра посылають въ каторжную работу; лавровый вѣнокъ и клеймо палача мѣнялись нѣсколько разъ на одной и той же головѣ. Когда къ этому привыкли, націи шпіоновъ была готова.

Всѣ послѣднія открытія тайныхъ обществъ, заговоровъ, всѣ доносы на выходцевъ сдѣланы фальшивыми членами, подкупленными друзьями, людьми, *сближавшимися* съ цѣлью предательства.

Вездѣ бывали примѣры, что трусы, боясь тюрьмы и ссылки, губятъ друзей, открываютъ тайны,—такъ, слабодушный товарищъ погубилъ Конарскаго. Но ни у насъ, ни въ Австріи нѣтъ этого легіона молодыхъ людей, образованныхъ, говорящихъ *нашимъ* языкомъ, произносящихъ вдохновенныя рѣчи въ клубахъ, пишущихъ революціонныя статейки и служащихъ шпіонами.

Къ тому же правительство Бонапарта превосходно поставлено, чтобъ пользоваться доносчиками всѣхъ партій. Оно представляетъ революцію и реакцію, войну и миръ, 89 годъ и католицизмъ, паденіе Бурбуновъ и $4\frac{1}{2}\%$. Ему служитъ и Фаллу-іезуитъ ¹⁾, и Бильо - социалистъ ²⁾, и Ларошжакленъ - легитимистъ ³⁾, и бездна людей, облагодѣтельствоваанныхъ Людовикомъ-Филиппомъ. Растлѣнное всѣхъ партій и оттѣнковъ естественно стекаетъ и бродитъ въ тюльерійскомъ дворцѣ.

¹⁾ Графъ Альфредъ, министръ народнаго просвѣщенія.

²⁾ Огюсть-Адольфъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

³⁾ Изъ первыхъ роялистовъ, признавшихъ въ 1848 г. республику. Потомъ сторонникъ Наполеона III.

ГЛАВА XL.

Центральный европейскій комитетъ.—Русскій генеральный консулъ въ Ниццѣ.—
Письмо къ А. Ѳ. Орлову.—Преслѣдованіе ребенка.—Фогты.—Перечисленіе
изъ надворныхъ совѣтниковъ въ тягловые крестьяне.—Пріемъ въ Шателѣ.

(1850—1851).

Съ годъ послѣ нашего пріѣзда въ Ниццу изъ Парижа, я писалъ: «Напрасно радовался я моему тихому удаленію, напрасно чертилъ я пентаграмму: я не нашель желаннаго мира, ни покойной гавани. Пентаграммы защищаютъ отъ нечистыхъ духовъ; отъ нечистыхъ людей не спасеть никакой многоугольникъ,—развѣ, только квадратъ целлюлярной тюрьмы.

«Скучное, тяжелое время и чрезвычайно пустое, утомительная дорога между станціей 1848 года и станціей 1852; но ваго ничего, развѣ, какое личное несчастіе доломаетъ грудь, какое-нибудь колесо жизни разсыпется»...

«Письма изъ Франціи и Италіи» (1 іюня 1851).

Дѣйствительно, перебирая то время, становится больно, какъ бываетъ при воспоминаніи похоронъ, мучительныхъ болѣзней, операцій. Не касаясь еще здѣсь до внутренней жизни, которую заволакивали больше и больше темныя тучи, довольно было общихъ происшествій и газетныхъ новостей, чтобъ бѣжать куда-нибудь въ степь. Франція неслась съ быстротой падающей звѣзды ко 2 де-

кабря. Германія лежала у ногъ Николая, куда ее стащила несчастная проданная Венгрія. Полицейскіе кондотьеры съѣзжались на свои вселенскіе соборы и тайно совѣщались объ общихъ мѣрахъ международнаго шпіонства. Революціонеры продолжали пустую агитацію. Люди, стоявшіе во главѣ движенія, обманутые въ своихъ надеждахъ, теряли голову. Кошутъ возвращался изъ Америки, утративъ долю своей народности, Маццини заводилъ въ Лондонѣ съ Ледрю-Ролленомъ и Руге *центральный европейскій комитетъ*... А реакція свирѣпѣла больше и больше.

Послѣ нашей встрѣчи въ Женевѣ, потомъ въ Лозаннѣ, я видѣлся съ Маццини въ Парижѣ въ 1850 ¹⁾ году. Онъ былъ во Франціи тайно, остановился въ какомъ-то аристократическомъ домѣ и присылалъ за мной одного изъ своихъ приближенныхъ. Тутъ онъ говорилъ мнѣ о проектѣ международной юнты ²⁾ въ Лондонѣ и спрашивалъ, желалъ ли бы я участвовать въ ней, *какъ русскій*; я отклонилъ разговоръ. Годъ спустя, въ Ниццѣ, явился ко мнѣ Орсини, отдалъ программу, разныя прокламаціи европейскаго центрального комитета и письмо отъ Маццини съ новымъ предложеніемъ. Участвовать въ комитетѣ я и не думалъ; какой же элементъ русской жизни я могъ представить тогда, совершенно отрѣзанный отъ всего русскаго? Но это не была единственная причина, по которой европейскій комитетъ мнѣ былъ не по душѣ. Мнѣ казалось, что въ основѣ его не было ни глубокой мысли, ни единства, ни даже необходимости, а форма его была просто ошибочна.

Та сторожа *движенія*, которую комитетъ представлялъ, т.-е. возстановленіе угнетенныхъ національностей, не была такъ сильна въ 1851 году, чтобъ имѣть *явно* свою юнту. Существованіе такого комитета доказывало только терпимость англійскаго законодательства и отчасти то, что министерство не вѣрило въ его силу, иначе оно прихлопнуло бы его или *alien биллемъ* ³⁾, или предложеніемъ приостановить *habeas corpus* ⁴⁾.

Европейскій комитетъ, напугавшій всѣ правительства, ничего не дѣлалъ, не догадываясь объ этомъ. Самые серьезные люди ужасно легко увлекаются формализмомъ и увѣряютъ себя, что они дѣлаютъ *что-нибудь*, имѣя періодическія собранія, кипы бумагъ, протоколы, совѣщанія, подавая голоса, принимая рѣшенія, печатая прокламаціи, *professions de foi* ⁵⁾ и проч. Революціонная бюрократія

¹⁾ Въ декабрѣ 1849 г.

²⁾ Junta—исполнительный комитетъ.

³⁾ Билль объ иностранцахъ.

⁴⁾ Законъ, обезпечивающій свободу личности въ Англии.

⁵⁾ Исповѣданія вѣры.

точно такъ же распускаеть дѣла въ слова и формы, какъ наша канцелярская. Въ Англии пропасть разныхъ ассоціацій, имѣющихъ торжественныя собранія, на которыя являются герцоги и лорды, клержимены ¹⁾ и секретари. Казначей собираютъ деньги, литераторы пишутъ статьи, и всѣ вмѣстѣ рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Собранія эти, большей частью филантропическія и религіозныя, съ одной стороны, служатъ развлеченіемъ, а, съ другой,—примиряютъ христіанскую совѣсть людей, преданныхъ свѣтскимъ интересамъ. Но такого кроткаго и мирнаго характера не могъ представлять въ Лондонѣ революціонный сенатъ *en permanence* ²⁾. Это былъ гласный заговоръ, заговоръ съ открытыми дверями, то-есть невозможный.

Заговоръ долженъ быть тайной. Время *тайныхъ обществъ* миновало только въ Англии и Америкѣ. Вездѣ, гдѣ есть меньшинство, предварившее пониманіе массъ и желающее осуществить ими понятую идею, если нѣтъ ни свободы рѣчи, ни права собранія,—будутъ составляться тайныя общества. Я говорю объ этомъ совершенно объективно; послѣ юношескихъ попытокъ, окончившихся моею ссылкой въ 1835 г., я не участвовалъ *никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ*, но совсѣмъ не потому, что я считаю расточеніе силъ на индивидуальныя попытки за лучшее. Я не участвовалъ потому, что мнѣ не случилось встрѣтить общества, которое соотвѣтствовало бы моимъ стремленіямъ, въ которомъ я могъ бы что-нибудь дѣлать. Если-бъ я встрѣтилъ союзъ Пестеля и Рылѣва, разумѣется, я бросился бы въ него головою.

Другая ошибка или другое несчастіе комитета состояло въ отсутствіи единства. Это собраніе въ одинъ фокусъ разнородныхъ стремленій могло только въ дѣйствительномъ единствѣ развить составную силу. Если-бъ каждый, входя въ комитетъ, вносилъ только свою исключительную національность, это не мѣшало бы еще: у нихъ было бы единство ненависти къ одному главному врагу—къ Священному союзу. Но воззрѣнія ихъ, согласныя въ двухъ отрицательныхъ принципахъ: въ отрицаніи царской власти и социализма, въ остальномъ были различны; для ихъ единства были необходимы уступки, а этого рода уступки оскорбляютъ одностороннюю силу cadaquo, подвязывая именно тѣ струны для общаго аккорда, которыя звучатъ всего рѣзче, оставляя стертой, мутной и колеблющейся сводную гармонію.

¹⁾ Clergyman—пасторъ.

²⁾ Непрерывно засѣдающій.

Прочитавъ бумаги, которыя привезъ Орсини, я написалъ къ Маццини слѣдующее письмо:

Ницца, 13 сентября 1850.

«Любезный Маццини! Я васъ уважаю искренно и потому не боюсь откровенно высказать вамъ мое мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, вы меня выслушаете терпѣливо и снисходительно.

«Вы—чуть ли не одинъ изъ главныхъ *политическихъ* дѣятелей послѣдняго времени, имя котораго осталось окружено сочувствіемъ и уваженіемъ. Можно не соглашаться съ вами въ мнѣніяхъ, въ образѣ дѣйствія, но не уважать васъ нельзя. Ваше прошедшее, Римъ 1848 и 1849 годовъ, обязываютъ васъ гордо нести великое вдовство до тѣхъ поръ, пока событія снова позовутъ предупредившаго ихъ бойца. Потому-то мнѣ и больно видѣть имя ваше вмѣстѣ съ именами людей неспособныхъ, испортившихъ все дѣло, съ именами, которыя намъ только напоминаютъ бѣдствія, обрушенныя ими на насъ.

«Какая тутъ можетъ быть организація? это — одно смѣшеніе.

«Ни вамъ, ни исторіи эти люди не нужны; все, что для нихъ можно сдѣлать, это отпустить имъ ихъ прегрѣшенія. Вы ихъ хотите покрыть вашимъ именемъ, вы хотите раздѣлить съ ними ваше вліяніе, ваше прошедшее; они раздѣлятъ съ вами свою непопулярность, свое прошедшее.

«Что *новаго* въ прокламаціяхъ, что въ «Proscript»? Гдѣ слѣды грозныхъ уроковъ послѣ 24 февраля? Это—продолженіе прежняго либерализма, а не начало новой свободы, это—эпизодъ, а не прологъ. Почему нѣтъ въ Лондонѣ той организаціи, которую вы желаете? Потому что нельзя устраиваться на основаніи неопредѣленныхъ стремленій, а только на глубокой и общей мысли. Но гдѣ же она?

«Первая публикація, дѣлаемая при такихъ условіяхъ, какъ присланная вами прокламація, должна была быть исполнена искренности, ну, а кто же можетъ прочесть безъ улыбки имя Арнольда Руге подъ прокламаціей, говорящей во имя божественнаго провидѣнія? Руге проповѣдывалъ съ 1838 года философскій атеизмъ, для него (если голова его устроена логически) идея провидѣнія должна представлять въ зародышѣ всѣ реакціи. Это—уступка, дипломатія, политика, оружія нашихъ враговъ. Къ тому же все это ненужно. Богословская часть прокламаціи — чистая роскошь, она ничего не прибавляетъ ни къ разумѣнію, ни къ популярности. Народъ имѣетъ положительную религію и церковь. Деизмъ—религія рационалистовъ,

представительная система, приложенная къ вѣрѣ, религія, окруженная атеистическими учрежденіями.

«Я, съ своей стороны, проповѣдую полный разрывъ съ неполными революціонерами: отъ нихъ на двѣсти шаговъ вѣтъ реакціей. Нагрузивъ себѣ на плечи тысячи ошибокъ, они ихъ до сихъ поръ оправдываютъ; лучшее доказательство, что они ихъ повторятъ.

«Въ «Nouveau Monde» тотъ же vacuum horrendum ¹⁾, печальное пережевываніе пищи, вмѣстѣ зеленой и сухой, которая, все-таки, не переваривается.

«Пожалуйста, не думайте, что я это говорю для того, чтобъ отклонять отъ дѣла. Нѣтъ, я не сижу сложа руки. У меня еще слишкомъ много крови въ жилахъ и энергіи въ характерѣ, чтобъ удовлетвориться ролью страдательнаго зрителя. Съ тринадцати лѣтъ я служилъ одной идеѣ и былъ подъ однимъ знаменемъ — войны противъ всякой втѣсняемой власти, противъ всякой неволи во имя безусловной независимости лица. Мнѣ хотѣлось бы продолжать мою маленькую партизанскую войну настоящимъ казакомъ... auf eigene Faust ²⁾, какъ говорятъ нѣмцы, при большой революціонной арміи, не вступая въ правильные кадры ея, пока они совсѣмъ не преобразуются.

«Въ ожиданіи этого я пишу. Можетъ, это ожиданіе продолжится долго, не отъ меня зависитъ измѣненіе капризнаго людского развитія; но говорить, обращать, убѣждать зависитъ отъ меня, — и я это дѣлаю отъ всей души и отъ всего помышленія.

«Простите мнѣ, любезный Маццини, и откровенность, и длину моего письма и не переставайте ни любить меня немного, ни считать человѣкомъ, преданнымъ вашему дѣлу, — но тоже преданнымъ и своимъ убѣжденіямъ» ³⁾.

На это письмо Маццини отвѣчалъ нѣсколькими дружескими строками, въ которыхъ, не касаясь сущности, говорилъ о необходимости соединенія всѣхъ силъ въ одно единое дѣйствіе, грустилъ о разномыслии ихъ и пр. ¹⁰

Въ ту же осень, въ которую меня вспомнилъ Маццини и европейскій комитетъ, вспомнилъ меня, наконецъ, и противоевропейскій комитетъ Николая Павловича.

Однимъ утромъ ⁴⁾ горничная наша, съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ, сказала мнѣ, что русскій консулъ внизу и спраши-

¹⁾ Ужасающая пустота.

²⁾ За свой рискъ.

³⁾ Полностью письмо напечатано въ VI т., № 495.

⁴⁾ 20 сентября 1850 г.

ваетъ, могу ли я его принять. Я до того уже считалъ поконченными мои отношенія съ русскимъ правительствомъ, что самъ удивился такой чести и не могъ догадаться, что ему отъ меня надобно.

Вошла какая-то официальная, германски-канцелярская фигура *второю* порядка.

— Я имѣю вамъ сдѣлать сообщеніе.

— Несмотря на то,—отвѣчалъ я,—что я не знаю вовсе, какого рода, я почти увѣренъ, что оно будетъ неприятное. Прошу садиться.

Консулъ покраснѣлъ, нѣсколько смѣшался, потомъ сѣлъ на диванъ, вынулъ изъ кармана бумагу, развернулъ и, прочитавши: «Генераль-адъютантъ графъ Орловъ сообщилъ графу Нессельроде, что Его Им...»—снова всталъ. Тутъ, по счастью, я вспомнилъ, что въ Парижѣ, въ нашемъ посольствѣ, объявляя Сазонову приказъ государя возвратиться въ Россію, секретарь всталъ, и Сазоновъ, ничего не подозрѣвая, тоже всталъ, а секретарь это дѣлалъ изъ глубокаго чувства долга, требующаго, чтобъ вѣрноподанный держалъ спину на ногахъ и нѣсколько согбенную голову, внимая монаршей волѣ. А потому, по мѣрѣ того, какъ консулъ вставалъ, я глубже и покойнѣе усаживался въ креслахъ и, желая, чтобъ онъ это замѣтилъ, сказалъ ему, кивая головой: «Сдѣлайте одолженіе, я слушаю».

— «...ператорское Величество, продолжалъ онъ, снова садясь, изволили приказать, чтобы такой-то немедленно возвратился, о чемъ ему объявить, не принимая отъ него никакихъ причинъ, которыя могли бы замедлить его отъѣздъ, и не давая ему ни въ какомъ случаѣ отсрочки»,—онъ замолчалъ.

Я продолжалъ не говорить ни слова.

— Что же мнѣ отвѣчать?—спросилъ онъ, складывая бумагу.

— Что я не поѣду.

— Какъ не поѣдете?

— Такъ-таки просто не поѣду.

— Вы обдумали ли, что такой шагъ?..

— Обдумалъ.

— Да какъ же это?.. Позвольте, что же я напишу? по какой причинѣ?..

— Вамъ не велѣно принимать никакихъ причинъ.

— Какъ же я скажу? вѣдь, это—ослушаніе воли Его Императорскаго Величества.

— Такъ и скажите.

— Это невозможно, я никогда не осмѣлюсь написать это,—и онъ еще больше покраснѣлъ. Право, лучше было бы вамъ измѣ-

нить ваше рѣшеніе, пока все это еще *келейно*. (Консуль, вѣрно, думалъ, что III Отдѣленіе—монастырь).

Какъ я ни человѣколюбивъ, но для облегченія переписки генеральнаго консула въ Ниццѣ не хотѣлъ ѣхать въ Петропавловскія кельи отца Леонтія ¹⁾ или въ Нерчинскъ, не имѣя даже въ виду Евпаторіи въ легкихъ Николая Павловича.

— Неужели,—сказалъ я ему,—когда вы шли сюда, вы могли хоть одну секунду предполагать, что я поѣду? Забудьте, что вы консуль, и разсудите сами. Имѣніе мое секвестровано, капиталъ моей матери былъ задержанъ, и все это не спрашивая меня, хочу ли я возвратиться. Могу ли же я послѣ этого ѣхать, не сойдя съ ума?

Онъ мялся, постоянно краснѣлъ и, наконецъ, попалъ на ловкую, умную и, главное, новую мысль.

— Я не могу,—сказалъ онъ,—вступать... Я понимаю затруднительное положеніе, съ другой стороны — милосердіе! — Я посмотрѣлъ на него, онъ опять покраснѣлъ. — Сверхъ того, зачѣмъ же вамъ отрѣзывать себѣ всѣ пути? вы напишите мнѣ, что вы очень больны, я отошлю къ графу.

— Это ужъ слишкомъ старо, да и на что же безъ нужды говорить неправду.

— Ну, такъ ужъ потрудитесь написать мнѣ письменный отвѣтъ.

— Пожалуй. Вы мнѣ не оставите ли копіи съ бумаги, которую читали?

— У насъ этого не дѣлается.

— Жаль,—я собираю коллекцію.

Какъ ни былъ простъ мой письменный отвѣтъ, консуль, все же, перепугался: ему казалось, что его переведутъ за него, не знаю, куда-нибудь въ Бейрутъ или въ Триполи; онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что ни принять, ни сообщить его никогда не осмѣлится. Какъ я его ни убѣждалъ, что на него не можетъ пасть никакой отвѣтственности, онъ не соглашался и просилъ меня написать другое письмо.

— Это невозможно, — возразилъ я ему, — я не шучу этимъ шагомъ и вздорныхъ причинъ писать не стану; вотъ вамъ письмо и дѣлайте съ нимъ, что хотите.

— Позвольте,—говорилъ самый кроткій консуль изъ всѣхъ, бывшихъ послѣ Юрія Брута и Кальпурнія Бестіи ²⁾,—вы письмо это напишите не ко мнѣ, а къ графу Орлову, я же только сообщу его канцлеру.

¹⁾ Л. В. Дубельтъ.

²⁾ Римскіе консулы.

— Дѣло не трудное: стоитъ поставить «M. le comte», вмѣсто «M. le consul»; на это я согласенъ.

Переписывая мое письмо, мнѣ пришло въ голову, для чего же это я пишу Орлову по-французски? По-русски кантонистъ какой-нибудь въ его канцеляріи или въ канцеляріи III Отдѣленія можетъ его прочесть, его могутъ послать въ сенатъ, и молодой оберъ-секретарь покажетъ его писцамъ; зачѣмъ же ихъ лишать этого удовольствія? А потому я и перевелъ письмо. Вотъ оно:

«М. Г.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ!

«Императорскій консулъ въ Ниццѣ сообщилъ мнѣ высочайшую волю о моемъ возвращеніи въ Россію. При всемъ желаніи, я нахожусь въ невозможности исполнить ее, не приведя въ ясность моего положенія.

«Прежде всякаго вызова, болѣе года тому назадъ положено было запрещеніе на мое имѣніе, отобраны дѣловыя бумаги, находившіяся въ частныхъ рукахъ, наконецъ, захвачены деньги, 10,000 фр., высланныя мнѣ изъ Москвы. Такія строгія и чрезвычайныя мѣры противъ меня показываютъ, что я не только въ чемъ-то обвиняемъ, но что прежде всякаго вопроса, всякаго суда признанъ виновнымъ и наказанъ лишеніемъ части моихъ средствъ.

«Я не могу надѣяться, чтобъ одно возвращеніе мое могло меня спасти отъ печальныхъ послѣдствій политическаго процесса. Мнѣ легко объяснить каждое изъ моихъ дѣйствій, но въ процессахъ этого рода судятъ мнѣнія, теоріи, на нихъ основываютъ приговоры. Могу ли я, долженъ ли я подвергать себя и все мое семейство такому процессу...

«В. С. оцѣните простоту и откровенность моего отвѣта и повергнете на высочайшее разсмотрѣніе причины, заставляющія меня остаться въ чужихъ краяхъ, несмотря на мое искреннее и глубокое желаніе возвратиться на родину».

Ницца, 23 сентября 1850. ¹⁾

Я, дѣйствительно, не знаю, возможно ли было скромнѣе и проще отвѣчать; но у насъ такъ велика привычка къ рабскому молчанію, что и это письмо консулъ въ Ниццѣ счелъ чудовищно-дерзкимъ, да, вѣроятно, и самъ Орловъ также.

Молчать, не смѣяться, да и не плакать, а отвѣчать по данной формѣ, безъ похвалы и осужденія, безъ веселья, да и безъ печали—

¹⁾ Полностью письмо напечатано въ VI т., № 496.

это идеаль, до котораго деспотизмъ хочеть довести подданныхъ и довелъ солдатъ,—но какими средствами? А вотъ я вамъ разскажу.

Николай разъ на смотру, увидавъ молодца фланговаго солдата съ крестомъ, спросилъ его: «Гдѣ получилъ крестъ?». По несчастью, солдатъ этотъ былъ изъ какихъ-то исшалившихся семинаристовъ и, желая воспользоваться такимъ случаемъ, чтобъ блеснуть краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: «Подъ побѣдоносными орлами вашего величества». Николай сурово взглянулъ на него, на генерала, надулся и прошелъ. А генераль, шедшій за нимъ, когда поровнялся съ солдатомъ, блѣдный отъ бѣшенства, поднялъ кулакъ къ его лицу и сказалъ: «Въ гробъ заколочу Демосеена!».

Мудрено ли, что краснорѣчіе не цвѣтетъ при такихъ поощреніяхъ.

Отдѣлавшись отъ императора и консула, мнѣ захотѣлось выйти изъ категоріи безпаспортныхъ.

Будущее было темно, печально... Я могъ умереть, и мысль, что тотъ же краснѣющій консулъ явится распоряжаться въ домѣ, захватить бумаги, заставляла меня думать о полученіи гдѣ-нибудь правъ гражданства. Само собою разумѣется, что я выбралъ Швейцарію, несмотря на то, что именно около этого времени въ Швейцаріи сдѣлали мнѣ полицейскую шалость.

Съ годъ послѣ рожденія моего второго сына, мы съ ужасомъ замѣтили, что онъ совершенно глухъ. Разные консультаціи и опыты скоро доказали, что возбудить слухъ было невозможно. Но тутъ явился вопросъ: слѣдовало ли его оставить, какъ это всегда дѣлаютъ, нѣмымъ? Школы, которыя я видѣлъ въ Москвѣ, далеко не удовлетворяли меня. Разговоръ пальцами и знаками не есть разговоръ: говорить надобно ртомъ и губами. По книгамъ я зналъ, что въ Германіи и въ Швейцаріи дѣлали опыты учить глухонѣмыхъ говорить, какъ мы говоримъ, и слушать, смотря на губы. Въ Берлинѣ я видѣлъ въ первый разъ оральное преподаваніе глухонѣмымъ и слышалъ, какъ они декламировали стихи. Это — огромный шагъ впередъ отъ метода аббата Лепе ¹⁾. Въ Цюрихѣ это ученіе доведено до большого совершенства. Моя мать, страстно любившая Колю, рѣшилась поселиться съ нимъ на нѣсколько лѣтъ въ Цюрихѣ, чтобы посылать его въ школу. ¹¹

Ребенокъ этотъ былъ одаренъ необыкновенными способностями: вѣчная тишина вокругъ него, сосредоточивая его живой, порывистый характеръ, славно помогала его развитію и вмѣстѣ съ тѣмъ изощряла необычайно пластическую наблюдательность: гла-

¹⁾ Шарль-Мишель, основатель азбуки для глухонѣмыхъ.

зенки его горѣли умомъ и вниманіемъ; пяти лѣтъ онъ умѣлъ дразнить намѣренно-карикатурно всѣхъ приходившихъ къ намъ, съ такимъ комическимъ тактомъ, что нельзя было не смѣяться.

Въ полгода онъ сдѣлалъ въ школѣ большіе успѣхи. Его голось былъ *voilé* ¹⁾, онъ мало обозначалъ ударенія, но уже говорилъ очень порядочно по-нѣмецки и понималъ все, что ему говорили съ разстановкой. Все шло, какъ нельзя лучше. Проезжая черезъ Цюрихъ ²⁾, я благодарилъ директора и совѣтъ, дѣлалъ имъ разныя любезности, они—мнѣ.

Но послѣ моего отъѣзда, старѣйшины города Цюриха узнали, что я—вовсе не русскій графъ, а русскій эмигрантъ, и къ тому же пріятель съ радикальной партіей, которую они терпѣть не могли, да еще и съ соціалистами, которыхъ они ненавидѣли, и, что хуже всего этого вмѣстѣ, что я—человѣкъ не религіозный и открыто признаюсь въ этомъ. Последнее они вычитали въ ужасной книжкѣ «*Vom andern Ufer*», вышедшей, какъ на смѣхъ, у нихъ подъ носомъ, изъ лучшей цюрихской типографіи ³⁾. Узнавъ это, имъ стало совѣстно, что они даютъ воспитаніе сыну человѣка, не вѣрющаго ни по Лютеру, ни по Лойолѣ, и они принялись искать средствъ, чтобъ сбыть его съ рукъ. Такъ какъ провидѣніе въ этомъ вопросѣ было заинтересовано, то имъ тотчасъ и указало путь. Городская полиція вдругъ потребовала *паспортъ ребенка*; я отвѣчалъ изъ Парижа, думая, что это—простая формальность, что Коля, дѣйствительно,—мой сынъ, что онъ означенъ на моемъ паспортѣ, но что особаго вида я не могу взять изъ русскаго посольства, находясь съ нимъ не въ самыхъ лучшихъ сношеніяхъ. Полиція не удовлетворилась и грозила выслать ребенка изъ школы и изъ города. Я рассказалъ это въ Парижѣ; кто-то изъ моихъ знакомыхъ напечаталъ объ этомъ въ «Насіоналѣ». ¹² Устыдившись гласности, полиція сказала, что она не требуетъ высылки, а только какую-то ничтожную сумму денегъ въ обезпеченіе (*caution*), что ребенокъ не кто-нибудь другой, а онъ самъ. Какое же обезпеченіе—нѣсколько сотъ франковъ? А, съ другой стороны, если-бъ у моей матери и у меня не было ихъ, такъ ребенка выслали бы (я спрашивалъ ихъ объ этомъ черезъ «Насіональ»)? И это могло быть въ XIX столѣтіи, въ свободной Швейцаріи! Послѣ случившагося мнѣ было противно оставлять ребенка въ этой ослиной пещерѣ.

¹⁾ Глухъ.

²⁾ Въ декабрѣ 1849 г.

³⁾ Тамъ книга печаталась, но обложка дѣлалась въ Гамбургѣ, гдѣ «Съ того берега» и вышло.

Но что же было дѣлать? Лучшій учитель въ заведеніи, молодой человѣкъ, отдавшійся съ увлеченіемъ педагогіи глухонѣмыхъ, человѣкъ съ основательнымъ университетскимъ образованіемъ, по счастью, не дѣлилъ мнѣній полицейскаго синхедріона и былъ большой почитатель именно той книги, за которую разсвирѣпѣли благочестивые квартальные цюрихскаго кантона. Мы предложили ему оставить школу и перейти въ домъ моей матери, съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ ней въ Италію. Онъ, разумѣется, согласился. Институтъ взбѣсилъ, но дѣлать было нечего. Мать моя съ Колей и Шпильманомъ отправилась въ Ниццу. Передъ отъѣздомъ она послала за своимъ залогомъ; ей его не выдали, подъ предлогомъ, что Коля еще въ Швейцаріи. Я написалъ изъ Ниццы. Цюрихская полиція потребовала свѣдѣній, имѣетъ ли Коля законное право жить въ Піемонтѣ.

Это было уже слишкомъ, и я написалъ слѣдующее письмо къ президенту цюрихскаго кантона:

«Г. Президентъ!

«Въ 1849 году я помѣстилъ моего сына, пяти лѣтъ отроду, въ цюрихскій институтъ глухонѣмыхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ цюрихская полиція потребовала у моей матери его паспортъ. Такъ какъ у насъ не спрашиваютъ ни у новорожденныхъ, ни у дѣтей, ходящихъ въ школу, паспортъ, то сынъ мой и не имѣлъ отдѣльнаго вида, а былъ помѣщенъ на моемъ. Это объясненіе не удовлетворило цюрихскую полицію: она потребовала залогъ. Моя мать, боясь, что ребенка, навлекшаго на себя столько опасливаго подозрѣнія со стороны цюрихской полиціи, вышлютъ, внесла его.

«Въ августѣ 1850 г., желая оставить Швейцарію, моя мать потребовала залогъ, но цюрихская полиція его не отдала; она хотѣла прежде узнать о дѣйствительномъ отъѣздѣ ребенка изъ кантона. Приѣхавъ въ Ниццу, моя мать просила гг. Авидора и Шультегеса ¹⁾ получить деньги, при чемъ она приложила свидѣтельство о томъ, что мы и, главное, шестилѣтній и подозрительный сынъ мой находимся въ Ниццѣ, а не въ Цюрихѣ. Цюрихская полиція, тугая на отдачу залога, потребовала тогда другого свидѣтельства, въ которомъ здѣшняя полиція должна была засвидѣтельствовать, «что сыну моему официально позволено жить въ Піемонтѣ» (*que l'enfant est officielement toleré*). Г. Шультегесъ сообщилъ это г. Авидору.

¹⁾ Банкирскіе дома: въ Цюрихѣ и Ниццѣ.

«Видя такое эксцентрическое любопытство цюрихской полиціи, я отказался отъ предложенія г. Авигдора послать новое свидѣтельство, которое онъ очень любезно предложилъ мнѣ самъ взять. Я не хотѣлъ доставить этого удовольствія цюрихской полиціи, потому что она, при всей важности своего положенія, все же, не имѣетъ права ставить себя полиціей международной, и потому еще, что требованіе ея не только обидно для меня, но для Пиемонта.

«Сардинское правительство, господинъ президентъ, — правительство образованное и свободное. Какъ же возможно, чтобъ оно не дозволило жить (*ne tolerât pas*) въ Пиемонтѣ больному ребенку шести лѣтъ? Я, дѣйствительно, не знаю, какъ мнѣ считать этотъ запросъ цюрихской полиціи: за странную шутку или за слѣдствіе пристрастія къ залогамъ вообще.

«Представляя на ваше разсмотрѣніе, г. президентъ, это дѣло, я буду васъ просить, какъ особеннаго одолженія, въ случаѣ новаго отказа, объяснить мнѣ это происшествіе, которое слишкомъ любопытно и интересно, чтобъ я считалъ себя въ правѣ скрыть его отъ общаго свѣдѣнія.

«Я снова писалъ г. Шультегесу о полученіи денегъ и могу васъ смѣло увѣрить, что ни моя мать, ни я, ни подозрительный ребенокъ не имѣемъ ни малѣйшаго желанія, послѣ всѣхъ полицейскихъ непріятностей, возвращаться въ Цюрихъ. Съ этой стороны нѣтъ ни тѣни опасности».

Ницца, 9 сентября 1850.

Само собою разумѣется, что послѣ этого полиція города Цюриха, несмотря на вселенскія притязанія, выплатила залогъ...

...Кромѣ швейцарской натурализаціи, я не принялъ бы въ Европѣ никакой, ни даже англійской: поступить добровольно въ подданство, чье бы то ни было, было мнѣ противно; не сквернаго барина на хорошаго хотѣлъ перемѣнить я, а выйти изъ крѣпостного состоянія въ свободные хлѣбопашцы. Для этого предстояли двѣ страны: Америка и Швейцарія.

Америка, — я ее очень уважаю, вѣрю, что она призвана къ великому будущему, знаю, что она теперь вдвое ближе къ Европѣ, чѣмъ была, — но американская жизнь мнѣ антипатична. Весьма вѣроятно, что изъ угловатыхъ, грубыхъ, сухихъ элементовъ ея сложится иной бытъ. Америка не приняла осѣдлости, она недостроена, въ ней работники и мастеровые въ будничномъ платьѣ таскаютъ

бревна, таскають каменя, пилятъ, рубятъ, приколачивають... За чѣмъ жѣ постороннему обживать ея сырое зданіе?

Сверхъ того, Америка, какъ сказалаъ Гарибальди, — «страна забвенія родины»; пусть же въ нее ѣдутъ тѣ, которые не имѣють вѣры въ свое отечество: они должны ѣхать съ своихъ кладбищъ; совсѣмъ напротивъ, по мѣрѣ того, какъ я утрачивалъ всѣ надежды на романо-германскую Европу, вѣра въ Россію снова возрождалась, но думать о возвращеніи при Николаѣ было бы безуміемъ.

Итакъ, оставалось вступить въ союзъ съ свободными людьми гельветической конфедераціи.

Фази, еще въ 1849 году, обѣщаль меня натурализовать въ Женевѣ, но все оттягиваль дѣло; можетъ, ему просто не хотѣлось прибавить мною число социалистовъ въ своемъ кантонѣ. Мнѣ это надобло. Приходилось переживатьъ черное время. Послѣднія стѣны покривились, могли рухнуть на голову, долго ли до бѣды... Карлъ Фогтъ предложилъ мнѣ списаться о моей натурализаціи съ Ю. Шаллеромъ ¹⁾, который былъ тогда президентомъ Фрейбургскаго кантона и главою тамошней радикальной партіи.

Но, назвавши Фогта, прежде всего надобно поговорить о немъ самомъ.

Въ однообразной, мелко и тихо текущей жизни германской встрѣчаются иногда, какъ бы на выкупъ ей, здоровыя, коренастыя семьи, исполненныя силы, упорства, талантовъ. Одно поколѣніе даровитыхъ людей смѣняется другимъ, многочисленнѣйшимъ, сохраняя изъ рода въ родъ дюжесть ума и тѣла. Глядя на какой-нибудь невзрачный, старинной архитектуры домъ въ узкомъ, темномъ переулкѣ, трудно представить себѣ, сколько въ продолженіе ста лѣтъ сошло по стоптаннымъ каменнымъ ступенькамъ его лѣстницы молодыхъ парней съ котомкой за плечами, со всевозможными сувенирами изъ волосъ и сорванныхъ цвѣтовъ въ котомкѣ, благословляемыхъ на путь слезами матери и сестеръ.. и пошли въ міръ, оставленные на однѣ свои силы, и сдѣлались извѣстными мужами науки, знаменитыми докторами, натуралистами, литераторами. А домикъ, крытый черепицей, въ ихъ отсутствіе опять наполнялся новымъ поколѣніемъ студентовъ, рвущихся грудью впередъ въ неизвѣстную будущность.

За неимѣніемъ другого, тутъ есть наслѣдство примѣра, наслѣдство фибрина. Каждый начинаетъ самъ и знаетъ, что придетъ время, и его выпроводитъ старушка-бабушка по стоптанной, каменной лѣстницѣ—бабушка, принявшая своими руками въ жизнь три

¹⁾ Юліанъ, государственный совѣтникъ кантона.

поколѣнія, мывшая ихъ въ маленькой ваннѣ и отпускавшая ихъ съ полною надеждою; онъ знаетъ, что гордая старушка увѣрена и въ немъ, увѣрена, что и изъ него выйдетъ что-нибудь... и выйдетъ непременно!

Dann und wann ¹⁾), черезъ много лѣтъ все это разсѣянное населеніе побываетъ въ старомъ домикѣ, всѣ эти состарившіеся оригиналы портретовъ, висящихъ въ маленькой гостиной, гдѣ они представлены въ студенческихъ береткахъ, завернутые въ плащи, съ рембрандтовскимъ притязаніемъ со стороны живописца, — въ домѣ тогда становится суетливѣе, два поколѣнія знакомятся, сближаются... и потомъ опять все идетъ на трудъ. Разумѣется, что при этомъ кто-нибудь непременно въ кого-нибудь хронически влюбленъ; разумѣется, что дѣло не обходится безъ сентиментальности, слезъ, сюрпризовъ и сладкихъ пирожковъ съ вареньемъ, но все это заглаживается той реальной, чисто жизненной поэзіей съ мышцами и силой, которую я рѣдко встрѣчалъ въ выродившихся, рахитическихъ дѣтяхъ аристократіи и еще менѣе у мѣщанства, строго соразмѣряющаго число дѣтей съ приходо-расходной книгой.

Вотъ къ этимъ-то благословеннымъ семьямъ древне-германскимъ принадлежитъ родительскій домъ Фогта.

Отецъ Фогта ²⁾)—чрезвычайно даровитый профессоръ медицины въ Бернѣ; мать—изъ рода Фолленовъ, изъ этой эксцентрической, нѣкогда надѣлавшей большого шума, швейцарско-германской семьи. Фоллены являлись главами *юной* Германіи въ эпоху тугендбундовъ и буршеншафтовъ ³⁾), Карла Занда и политическаго Schwärmerei ⁴⁾ 17 и 18 годовъ. Одинъ Фоллень ⁵⁾ былъ брошенъ въ тюрьму за Вартбургскій праздникъ въ память Лютера: онъ произнесъ, дѣйствительно, зажигательную рѣчь, вслѣдъ за которою сжегъ на кострѣ іезуитскія и реакціонныя книги, всякіе символы самодержавія и папской власти ⁶⁾). Студенты мечтали сдѣлать его императоромъ единой и нераздѣльной Германіи. Его внукъ Карлъ Фогтъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ однимъ *изъ викариевъ имперіи* ⁷⁾ въ 1849 году.

¹⁾ Время отъ времени.

²⁾ Филиппъ-Фридрихъ-Вильгельмъ.

³⁾ Союзовъ добродѣтели и студенческихъ корпорацій.

⁴⁾ Мечтательства.

⁵⁾ Августъ, нѣмецкій поэтъ, въ 1821 эмигрировалъ въ Швейцарію. Братъ его Карлъ, политическій поэтъ и юристъ, эмигрировалъ въ Швейцарію, а потомъ, въ 1829 г. въ Америку. Ихъ братъ Павелъ, основатель Общества выходцевъ, тоже эмигрировалъ въ Америку.

⁶⁾ Подробности въ словарѣ Брокгауза и Ефрона—«Вартбургскій праздникъ».

⁷⁾ Reichsvikarien, или замѣстители императора, назначались въ старой Германіи, на случай смерти, временнаго отсутствія, болѣзни или малолѣтства императора.

Здоровая кровь должна была течь въ жилахъ сына бернскаго профессора, внука Фолленовъ. А, вѣдь, *au bout du compte* ¹⁾, все зависить отъ химическаго соединенія да отъ качества элементовъ,— не Карлъ Фогтъ станеть со мной спорить объ этомъ.

Въ 1851 г. я былъ проѣздомъ въ Бернѣ. Прямо изъ почтовой кареты я отправился къ Фогтову отцу съ письмомъ сына. Онъ былъ въ университетѣ. Меня встрѣтила его жена, радушная, веселая, чрезвычайно умная старушка; она меня приняла, какъ друга своего сына, и тотчасъ повела показывать его портретъ. Мужа она не ждала ранѣе 6 часовъ; мнѣ его очень хотѣлось видѣть, я возвратился, но онъ уже уѣхалъ на какую-то консультацію къ больному. Второй разъ старушка встрѣтила меня уже, какъ стараго знакомаго, и повела въ столовую, желая, чтобъ я выпилъ рюмку вина. Одна часть комнаты была занята большимъ круглымъ столомъ, неподвижно прикрѣпленнымъ къ полу; объ этомъ столѣ я уже давно слышалъ отъ Фогта и потому очень радъ былъ лично познакомиться съ нимъ. Внутренняя часть его двигалась около оси, на нее ставили разные припасы: кофе, вина и все нужное для ѣды, тарелки, горчицу, соль, такъ что, не безпокая никого, и безъ прислуги, каждый привертывалъ къ себѣ что хотѣлъ, — ветчину или варенье. Только ненадобно было задумываться или много говорить, а то, вмѣсто горчицы, можно было попасть ложкой въ сахаръ... если кто-нибудь повертывалъ дискъ. Въ этомъ населеніи братьевъ и сестеръ, короткихъ знакомыхъ и родныхъ, гдѣ всѣ были заняты разное, срочно, общій обѣдъ вечеромъ было трудно устроить. Кто приходилъ и кому хотѣлось ѣсть, тотъ садился за столъ, вертѣлъ его направо, вертѣлъ его налѣво и управлялся какъ нельзя лучше. Мать и сестры надсматривали, приказывали приносить того или другого.

Остаться у нихъ я не могъ: ко мнѣ вечеромъ хотѣли пріѣхать Фази и Шаллеръ, бывшіе тогда въ Бернѣ; я обѣщаль, если пробуду еще полдня, зайти къ Фогтамъ и, пригласивши меньшого брата, юриста, къ себѣ ужинать, пошелъ домой. Звать старика такъ поздно и послѣ такого дня я не счелъ возможнымъ. Но около двѣнадцати часовъ гарсонъ, почтительно отворяя двери передъ кѣмъ-то, возвѣстилъ намъ: «*Der Herr Professor Vogt*», — я всталъ изъ-за стола и пошелъ къ нему навстрѣчу.

Вошелъ старикъ довольно высокаго роста, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, превосходно сохранившійся.

— Ваше посѣщеніе,—сказалъ я ему,—мнѣ вдвойнѣ дорого, я не смѣлъ васъ звать такъ поздно, послѣ вашихъ трудовъ.

¹⁾ Въ концѣ концовъ.

— А я не хотѣлъ васъ пропустить черезъ Бернъ, не увидавшись съ вами. Услышавъ, что вы были у насъ два раза и что вы пригласили Густава, я пригласилъ самъ себя. Очень, очень радъ, что вижу васъ, то, что Карлъ о васъ пишетъ, да и безъ комплиментовъ, я хотѣлъ познакомиться съ авторомъ «Съ того берега».

— Душевно благодарю васъ; вотъ мѣсто, садитесь съ нами, у насъ ужинъ во всемъ разгарѣ. Что вамъ угодно?

— Я не буду ѣсть, но рюмку вина выпью съ удовольствіемъ.

Въ его видѣ, словахъ, движеніяхъ было столько непринужденности, вмѣстѣ — не съ тѣмъ добродушіемъ, которое имѣютъ люди вялые, прѣсные и чувствительные, — а именно съ добродушіемъ людей сильныхъ и увѣренныхъ въ себѣ. Его появленіе нисколько не стѣснило насъ, напротивъ, все пошло живѣе.

Разговоръ переходилъ отъ предмета къ предмету, вездѣ, во всемъ онъ былъ дома, уменъ, éveillé ¹⁾, оригиналенъ. Рѣчь зашла какъ-то о федеральномъ концертѣ, который давался утромъ въ бернскомъ соборѣ, и на которомъ были всѣ, кромѣ Фогта. Концертъ былъ гигантскій, со всей Швейцаріи съѣхались музыканты, пѣвцы и пѣвицы для участія въ немъ. Музыка, разумѣется, была духовная. Съ талантомъ и пониманіемъ исполнили они знаменитое твореніе Гайдна ²⁾. Публика была внимательна, но холодна, она шла изъ собора, какъ идутъ отъ обѣдни; не знаю, насколько было благочестія, но увлеченія не было. Я то же испыталъ на самомъ себѣ. Въ припадкѣ откровенности, я сказалъ это знакомымъ, съ которыми выходилъ; по несчастью, это были правовѣрные, ученые, горячіе музыканты; они напали на меня, объявили меня профаномъ, не умѣющимъ слушать музыку, глубокую, серьезную. «Вамъ только нравятся мазурки Шопена», говорили они. Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, думалъ я, но, считая себя, все же, несостоятельнымъ судьей, замолчалъ.

Надобно имѣть много храбрости, чтобъ признаться въ такихъ впечатлѣніяхъ, которыя противорѣчатъ общепринятому предразсудку или мнѣнію. Я долго не рѣшался при постороннихъ сказать, что «Освобожденный Иерусалимъ» скученъ, что «Новую Элоизу» я не могъ дочитать до конца, что «Германъ и Доротея» — произведеніе мастерское, но утомляющее до противности. Я сказалъ что-то въ этомъ родѣ Фогту, рассказывая ему мое замѣчаніе о концертѣ.

— А что, — спросилъ онъ, — Моцарта вы любите?

¹⁾ Обладаль живымъ умомъ.

²⁾ «Ораторію».

— Чрезвычайно, безъ всякихъ границъ.

— Я зналъ это, потому что я вполне вамъ сочувствую. Какъ же это возможно, чтобъ живой, современный человѣкъ могъ себя такъ искусственно натянуть на религиозное настроеніе, чтобъ наслажденіе его было естественно и полно? Для насъ такъ же нѣтъ піэтистической музыки, какъ нѣтъ духовной литературы,—она для насъ имѣетъ смыслъ исторической. У Моцарта, напротивъ, звучитъ намъ знакомая жизнь, онъ поетъ отъ избытка чувства, страсти, а не молится. Я помню, когда «Don Giovanni» ¹⁾, когда «Nozze di Figaro» ²⁾ были новостью; что это былъ за восторгъ, что за откровеніе новаго источника наслажденій! Моцартова музыка сдѣлала эпоху, переворотъ въ умахъ, какъ Гетевъ «Фаустъ», какъ 1789 годъ. Мы видѣли въ его произведеніяхъ, какъ свѣтская мысль XVIII-го столѣтія съ своей секуляризацией жизни вторгалась въ музыку; съ Моцартомъ революція и новый вѣкъ вошли въ искусство. Ну, какъ же намъ послѣ «Фауста» читать Клопштока и безъ вѣры слушать эти литургіи въ музыкѣ?..

Долго и необыкновенно занимательно говорилъ старикъ, онъ одушевился; я налилъ еще раза два вина въ его бокаль, онъ не отказывался и не торопился пить. Наконецъ, онъ посмотрѣлъ на часы. «Ба! ужъ два часа, прощайте, мнѣ въ девять надобно быть у больного».

Я съ истинной дружбой проводилъ его.

Два года спустя, онъ доказалъ, какъ много энергии въ его сѣдой головѣ и какъ его теоріи—*правда*, т.-е. какъ онѣ близки къ практикѣ. Вѣнскій рефужье, докторъ Кудлихъ ³⁾, посватался за одну изъ дочерей Фогта; отецъ былъ согласенъ, но вдругъ протестантская консисторія потребовала метрическія свидѣтельства жениха. Разумѣется, ему, какъ изгнаннику, ничего нельзя было достать изъ Австріи, и онъ представилъ приговоръ, по которому былъ осужденъ заочно; одного свидѣтельства Фогта и его дозволенія было бы достаточно для консисторіи, но бернскіе піэтисты, по инстинкту ненавидѣвшіе Фогта и всѣхъ изгнанниковъ, уперлись. Тогда Фогтъ собралъ всѣхъ своихъ друзей, профессоровъ и разныхъ бернскіихъ знаменитости, рассказалъ имъ дѣло, потомъ позвалъ свою дочь и Кудлиха, взялъ ихъ руки, соединилъ и сказалъ присутствовавшимъ: «Васъ, друзья, беру въ свидѣтели, что я, какъ

¹⁾ «Донъ-Жуаяъ».

²⁾ «Свадьба Фигаро».

³⁾ Гансъ, австрійскій политич. дѣятель, послѣ баденскаго возстанія жилъ въ Швейцаріи, потомъ въ Америкѣ.

отецъ, благословляю этотъ бракъ и отдаю мою дочь, по ея желанію, за такого-то».

Поступокъ этотъ ошеломилъ піэстистическое общество въ Швейцаріи; оно съ негодованіемъ и ужасомъ взглянуло на этотъ антецедентъ, сдѣланный не горячимъ юношей, не бездомнымъ изгнанникомъ, а старцемъ безукоризненнымъ и уважаемымъ всѣми.

Теперь отъ отца перейдемте къ его старшему сыну.

Я съ нимъ познакомился въ 1847 году у Бакунина, но особенно сблизились мы въ два года нашей жизни въ Ниццѣ. Это—не только свѣтлый умъ, но и самый свѣтлый нравъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Я счелъ бы его за очень счастливаго человѣка, если бъ зналъ, что онъ недолго проживетъ; но на судьбу полагаться нечего, хотя она его и щадила до сихъ поръ, донимая только одними мигренями. Его натура реальная, живая, всему раскрытая имѣеть многое, чтобъ наслаждаться, все, чтобъ никогда не скучать, и почти ничего, чтобъ мучиться внутренно, разъѣдать себя недовольной мыслью, страдать теоретически сомнѣніемъ и практически тоской по несбывшимся мечтамъ. Страстный поклонникъ красотъ природы, неутомимый работникъ въ наукѣ, онъ все дѣлалъ необыкновенно легко и удачно; вовсе не сухой ученый, а художникъ въ своемъ дѣлѣ, онъ имъ наслаждался; радикаль по темпераменту, реалистъ по организаци и гуманный человѣкъ по ясному и добродушно-ироническому взгляду, онъ жилъ именно въ той жизненной средѣ, къ которой единственно идутъ дантовскія слова: «Qui è l'uomo felice»¹⁾.

Онъ прожилъ жизнь дѣятельно и беззаботно, нигдѣ не отставая, вездѣ въ первомъ ряду; не боясь горькихъ истинъ, онъ такъ же пристально всматривался въ людей, какъ въ полипы и медузы, ничего не требуя ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, кромѣ того, что они могутъ дать. Онъ не поверхностно изучалъ, но не чувствовалъ потребности переходить извѣстную глубину, за которой и оканчивается все свѣтлое, и которая, въ сущности, представляетъ своего рода выходъ изъ дѣйствительности. Его не манило въ тѣ нервныя омуты, въ которыхъ люди упиваются страданіями. Простое и ясное отношеніе къ жизни исключало изъ его здороваго взгляда ту поэзію печальныхъ восторговъ и болѣзненнаго юмора, которую мы любимъ, какъ все потрясающее и ѣдкое. Его иронія, какъ я замѣтилъ, была добродушна, его насмѣшка весела; онъ смѣялся первый и отъ души своимъ шуткамъ, которыми отравлялъ чернила.

¹⁾ Здѣсь человѣкъ счастливъ.

и пиво педантовъ-профессоровъ и своихъ товарищей по парламенту in der Paul's Kirche ¹⁾).

Въ этомъ жизненномъ реализмѣ было то общее, симпатическое, что насъ связывало, хотя жизнь и развитіе наше были такъ разны, что мы во многомъ расходились.

Во мнѣ не было и не могло быть той спѣлости и того единства, какъ у Фогта. Воспитаніе его шло такъ же правильно, какъ мое—безсистемно; ни семейная связь, ни теоретическій ростъ никогда не обрывались у него, онъ продолжалъ традицію семьи. Отецъ стоялъ возлѣ примѣромъ и помощникомъ; глядя на него, онъ сталъ заниматься естественными науками. У насъ обыкновенно поколѣніе съ поколѣніемъ расчленено; общей нравственной связи у насъ нѣтъ. Я съ раннихъ лѣтъ долженъ былъ бороться съ возрѣніемъ всего окружавшаго меня, я дѣлалъ оппозицію въ дѣтской, потому что старшіе наши, наши дѣды были не Фоллены, а помѣщики и сенаторы. Выходя изъ нея, я съ той же запальчивостью бросился въ другой бой и, только-что кончилъ университетскій курсъ, былъ уже въ тюрьмѣ, потомъ въ ссылкѣ. Наука на этомъ переломилась, тутъ представилось иное изученіе—изученіе міра несчастнаго, съ одной стороны, грязнаго—съ другой.

Наскучивъ этой патологіей, я бросился съ жадностью на философію, отъ которой Фогтъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Окончивъ курсъ медицины и получивъ дипломъ доктора, онъ не рѣшился лѣчить, говоря, что недостаточно вѣрить въ врачебную кабалистику, и снова весь отдался физиологіи. Трудъ его очень скоро обратилъ на себя вниманіе не только нѣмецкихъ ученыхъ, но и парижской академіи наукъ. Онъ уже былъ профессоромъ сравнительной анатоміи въ Гиссенѣ, товарищемъ Либиха (съ которымъ вель потомъ озлобленную химико-теологическую полемику), когда революціонный шкваль 1848 года оторвалъ его отъ микроскопа и бросилъ во франкфуртскій парламентъ.

Разумѣется, что онъ сталъ въ самый радикальный рядъ ²⁾, говорилъ исполненныя остроты и отваги рѣчи, выводилъ изъ терпѣнія умѣренныхъ прогрессистовъ, а иногда и неумѣреннаго короля прусскаго. Вовсе не будучи политическимъ человѣкомъ, онъ по удѣльному вѣсу сдѣлался однимъ изъ «лидеровъ» оппозиціи, и когда эрцгерцогъ Іоаннъ, бывшій какимъ-то викаріемъ имперіи, окончательно сбросилъ съ себя маску добродушія и популярности,

¹⁾ Въ церкви св. Павла происходили засѣданія общегерманскаго парламента въ 1848 г.

²⁾ Фогтъ примкнулъ къ крайней лѣвой партіи, голосовавшей за республику.

заслуженной тѣмъ, что онъ женился когда-то на дочери станціоннаго зрителя и иногда ходилъ во фракѣ, Фогтъ съ четырьмя товарищами были выбраны на его мѣсто. Тутъ дѣла нѣмецкой революціи пошли быстро подъ гору: правительства достигли цѣли, выиграли нужное время (по совѣту Меттерниха),—щадить парламентъ имъ было бесполезно. Изгнанный изъ Франкфурта, парламентъ мелькнулъ какой-то тѣнью въ Штутгартѣ, подъ печальнымъ названіемъ Nach-Parlament ¹⁾; тамъ его реакція и придушила. Оставалось викаріямъ по-добру да по-здорову уѣхать отъ вѣнскаго тюрьма и каторжной работы... Переѣхавъ швейцарскія горы, Фогтъ стряхнулъ съ себя пыль франкфуртскаго собора и, расписавшись въ книгѣ путешественниковъ: «К. Фогтъ—викарій германской имперіи въ бѣгахъ», снова принялся съ той же невозмутимой ясностью, веселымъ расположеніемъ духа и неутомимымъ трудолюбіемъ за естественныя науки. Съ цѣлью изученія морскихъ зоофитовъ онъ поѣхалъ въ Ниццу въ 1850.

Несмотря на то, что мы шли съ разныхъ сторонъ и разными путями, мы встрѣтились на *трезвомъ совершеннѣйшій въ наукѣ*.

Былъ ли я такъ послѣдователенъ, какъ Фогтъ, и *въ жизни*? трезво ли я на нее смотрѣлъ? Теперь мнѣ кажется, что нѣтъ. Да я не знаю, впрочемъ, хорошо ли начинать съ трезвости; она не только *предупреждаетъ* много бѣдствій, но и лучшія минуты жизни. Вопросъ трудный, который, по счастью, для каждаго разрѣшается не разсужденіями и волей, а организаціей и событіями. Теоретически освобожденный, я не то, что хранилъ разныя непслѣдовательныя вѣрованія, *а они сами остались*; романтизмъ революціи я пережилъ; мистическое вѣрованіе въ прогрессъ, въ человѣчество оставалось дольше другихъ теологическихъ догматовъ; а когда я ихъ пережилъ, у меня еще оставалась религія личностей, вѣра въ двухъ-трехъ, увѣренность въ себя, въ волю человѣческую. Тутъ были, разумѣется, противорѣчія; внутреннія противорѣчія ведутъ къ несчастіямъ, тѣмъ болѣе прискорбнымъ, обиднымъ, что у нихъ впередъ отнято послѣднее человѣческое утѣшеніе—оправданіе себя въ своихъ собственныхъ глазахъ...

Въ Ниццѣ Фогтъ принялся съ необыкновенной ревностью за дѣло... Покойные, теплые заливы Средиземнаго моря представляютъ богатую колыбель всѣмъ *frutti di mare* ²⁾, вода просто полна ими. Ночью бразды ихъ фосфорнаго огня тянутся, мерцающія за лодкой, тянутся за весломъ, сальпы можно брать рукой, всякимъ сосудомъ.

¹⁾ Nach—послѣ; франкфуртскій назывался Vor-Parlament; vor—предъ.

²⁾ Морскіе слизни.

Стало быть, въ матеріалѣ не было недостатка. Съ ранняго утра сидѣлъ Фогтъ за микроскопомъ, наблюдалъ, рисовалъ, писалъ, читалъ и часовъ въ пять бросался, иногда со мной, въ море (плавалъ онъ, какъ рыба); потомъ онъ приходилъ къ намъ обѣдать и, вѣчно веселый, былъ готовъ на ученый споръ и на всякіе пу-стыяки, пѣлъ за фортепіано уморительныя пѣсни или рассказывалъ дѣтямъ сказки съ такимъ мастерствомъ, что они, не вставая, слушали его цѣлые часы.

Фогтъ обладаетъ огромнымъ талантомъ преподаванія. Онъ, полушутя, читалъ у насъ нѣсколько лекцій физиологіи для дамъ. Все у него выходило такъ живо, такъ просто и такъ пластически выразительно, что дальній путь, которымъ онъ достигъ этой ясности, не былъ замѣтенъ. Въ этомъ-то и состоитъ вся задача педагогіи—сдѣлать науку до того понятной и усвоенной, чтобъ заставить ее говорить простымъ, *обыкновеннымъ* языкомъ.

Трудныхъ наукъ нѣтъ, есть только трудныя изложенія, т.-е. непереваримыя. Ученый языкъ—языкъ условный, подъ титлами, языкъ стенографированный, временной, пригодный ученикамъ; содержаніе спрятано въ его алгебраическихъ формулахъ для того, чтобъ, раскрывая законъ, не повторять сто разъ одного и того же. Переходя рядомъ схоластическихъ приемовъ, содержаніе науки обра-стаетъ всей этой школьной дрянью, а доктринеры до того при-выкаютъ къ уродливому языку, что другого не употребляютъ, имъ онъ кажется понятенъ,—въ старые годы имъ этотъ языкъ былъ даже дорогъ, какъ трудовая копѣйка, какъ отличіе отъ языка вулгарнаго. По мѣрѣ того, какъ мы изъ учениковъ переходимъ къ дѣйствительному знанію, стропила и подмостки становятся противны,—мы ищемъ простоты. Кто не замѣтилъ, что учащіеся, вообще, употребляютъ гораздо больше трудныхъ терминовъ, чѣмъ выучившіеся.

Вторая причина темноты въ наукѣ происходитъ отъ недобро-совѣстности преподавателей, старающихся скрыть долю истины, обдѣлаться отъ опасныхъ вопросовъ. Наука, имѣющая какую-ни-будь цѣль, вмѣсто истиннаго знанія,—не наука. Она должна имѣть смѣлость прямой, открытой рѣчи. Въ недостаткѣ откровенности, въ робкихъ уступкахъ никто не обвинить Фогта. Скорѣе «нѣжныя души» упрекнуть его въ томъ, что онъ слишкомъ прямо и слиш-комъ просто высказываетъ свою правду, находящуюся въ прямомъ противорѣчьи съ общепринятой ложью. Христіанское воззрѣніе при-учило къ дуализму и идеальнымъ образамъ такъ сильно, что насъ не-пріятно поражаетъ все естественно здоровое; нашъ умъ, свих-

нутый вѣками, гнушается голой красотой, дневнымъ свѣтомъ и требуетъ сумерекъ и покрывала.

Читая Фогта, многимъ обидно, что ему ничего не стоитъ принимать самыя рѣзкія послѣдствія; что ему жертвовать такъ легко, что онъ не дѣлаетъ усилій, не мучится, желая примирить теодицею съ біологіей—ему до первой, какъ будто, дѣла нѣтъ.

Дѣйствительно, натура Фогта такова, что онъ никогда иначе не думалъ и *не могъ* иначе думать; въ этомъ-то и состоитъ его непосредственный реализмъ. Теологическія возраженія могли ему представлять только историческій интересъ; нелѣпость дуализма до того ясна его простому взгляду, что онъ не можетъ вступать въ серьезный споръ съ нимъ, такъ, какъ его противники—химическіе богословы и святые отцы фізіологіи—въ свою очередь, не могутъ серьезно опровергать магію или астрологію. Фогтъ отшучивается отъ ихъ нападокъ, а этого, по несчастію, мало.

Вздоръ, которымъ ему возражаютъ,—вздоръ всемірный и поэтому очень важный. Дѣтство человѣческаго мозга таково, что онъ не беретъ простой истины; для сбитыхъ съ толку, разсѣянныхъ, смутныхъ умовъ только то и понятно, чего понять нельзя, что невозможно или нелѣпо.

Тутъ нечего ссылаться на толпу; литература, образованные круги, судебныя мѣста, учебныя заведенія, правительства и революціонеры поддерживаютъ наперерывъ родовое безуміе человѣчества. И какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ сухой деистъ Робеспьеръ казнилъ Анахарсиса Клоотса, такъ какіе-нибудь Вагнеры ¹⁾ отдали бы сегодня Фогта въ руки палача.

Бой невозможенъ: сила съ ихъ стороны. Противъ горсти ученыхъ, натуралистовъ, медиковъ, двухъ-трехъ мыслителей, поэтовъ—весь міръ, отъ Пія IX «съ незапятнаннымъ зачатіемъ» до Маццини съ «республиканскимъ Iddio» ²⁾; отъ московскихъ православныхъ кликушъ славянизма до генераль-лейтенанта Радовица ³⁾, который, умирая, завѣщалъ профессору фізіологіи Вагнеру то, чего еще никому не приходило въ голову завѣщать—*безсмертіе души* и ея защиту; отъ американскихъ заклинателей, вызывающихъ покойниковъ, до англійскихъ полковниковъ-милліонеровъ, проповѣдующихъ верхомъ передъ фронтомъ слово божіе индійцамъ. Людямъ свободнымъ остается одно—сознаніе своей правоты и надежда на будущія поколѣнія...

¹⁾ Т.-е. педанты, въ родѣ Вагнера, ученаго изъ «Фауста».

²⁾ Богомъ.

³⁾ Юсифъ, прусскій генераль и государственный дѣятель.

... А если докажутъ, что это безуміе, эта религіозная манія—единственное условіе гражданскаго общества? что для того, чтобъ человѣкъ спокойно жилъ возлѣ человѣка, надобно обоихъ свести съ ума и запугать? что эта манія—единственная удовка, въ силу которой творится исторія?

Я помню французскую карикатуру, сдѣланную когда-то противъ фурьеристовъ, съ ихъ *attraction passionnée* ¹⁾: на ней представленъ осель, у котораго на спинѣ прикрѣпленъ шестъ, а на шестѣ повѣшено сѣно такъ, чтобъ онъ могъ его видѣть. Осель, думая достать сѣно, долженъ итти впередъ,—двигалось, разумѣется, и сѣно, онъ шелъ за нимъ. Можетъ, доброе животное и прошло бы далѣе такъ, но, вѣдь, все-таки, *оно осталось бы въ дуракахъ!*

Перехожу теперь къ тому, какъ одна страна радушно приняла меня въ то самое время, какъ другая безъ всякаго повода вытолкнула.

Шаллеръ общалъ Фогту похлопотать о моей натурализаціи, т.-е. найти общину, которая согласилась бы принять меня, и потомъ поддержать дѣло въ Большомъ совѣтѣ. Въ Швейцаріи для натурализаціи необходимо, чтобъ предварительно какое-нибудь сельское или городское общество было согласно на принятіе новаго согражданина, что совершенно согласно съ самозаконностью каждаго кантона и каждаго мѣстечка, въ свою очередь. Деревенька Шатель, близъ Мора (Муртенъ) ²⁾, соглашалась за небольшой взносъ денегъ въ пользу сельскаго общества принять мою семью въ число своихъ крестьянскихъ семей. Деревенька эта недалеко отъ Муртенскаго озера, возлѣ котораго былъ разбитъ и убитъ Карлъ Смѣлый, несчастная смерть и имя котораго такъ ловко послужили австрійской цензурѣ (а потомъ и петербургской) для замѣны имени «Вильгельма Телля» въ россиніевской оперѣ. ¹³

Когда дѣло поступило въ Большой совѣтъ, два іезуитствующіе депутата подняли голосъ противъ меня, но ничего не сдѣлали. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что надобно было бы знать, почему я былъ въ ссылкѣ и чѣмъ навлекъ гнѣвъ Николая. «Да, это—сама по себѣ рекомендація!»—отвѣчалъ ему кто-то, и всѣ засмѣялись. Другой, изъ видовъ предупредительной осторожности, требовалъ новыхъ обезпеченій, чтобъ, въ случаѣ моей смерти, воспитаніе и содержаніе моихъ дѣтей не пало на бѣдную коммуну. Удовлетворился и этотъ сынъ во Іисусѣ отвѣтомъ Шаллера. Мои права гражд-

¹⁾ Теорію о страстномъ влеченіи.

²⁾ Morat (франц. названіе, до-нѣмецки—Murten)—городъ во Фрейбургскомъ кантонѣ, на восточн. берегу Муртенскаго озера.

данства были признаны огромнымъ большинствомъ, и я сдѣлался изъ русскихъ надворныхъ совѣтниковъ тягловымъ крестьяниномъ сельца Шателя, что подь Муртеномъ, «originaire de Châtel près Morat» ¹⁾, какъ расписался фрейбургскій писарь на моемъ паспортѣ. ¹⁴

Натурализація нисколько не мѣшаетъ, впрочемъ, карьерѣ въ Россіи,—я имѣю два блестящихъ примѣра передъ глазами: Людовикъ Бонапартъ, гражданинъ Турговіи ²⁾, и Александръ Николаевичъ, бюргеръ дармштадтскій, сдѣлались, послѣ ихъ натурализаціи, императорами. Такъ далеко я и не иду.

Получивъ вѣсть объ утвержденіи моихъ правъ, мнѣ было почти необходимо съѣздить поблагодарить новыхъ согражданъ и познакомиться съ ними. Къ тому же у меня именно въ это время была сильная потребность побыть одному, всмотрѣться въ себя, свѣрить прошлое, разглядѣть что-нибудь въ туманѣ будущаго, и я былъ радъ внѣшнему толчку...

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Ниццы я получилъ приглашеніе отъ начальника полиціи de la sicurezza pubblica ³⁾. Онъ мнѣ объявилъ приказъ министра внутреннихъ дѣлъ выѣхать немедленно изъ сардинскихъ владѣній. Эта странная мѣра со стороны ручного и уклончиваго сардинскаго правительства удивила меня гораздо больше, чѣмъ высылка изъ Парижа въ 1850, къ тому же и не было никакого повода.

Говорятъ, будто, я обязанъ этимъ усердію двухъ-трехъ вѣрно-подданныхъ русскихъ, жившихъ въ Ниццѣ, и въ числѣ ихъ мнѣ пріятно назвать министра юстиціи Панина: онъ не могъ вынести, что человѣкъ, навлекшій на себя высочайшій гнѣвъ Николая Павловича, не только покойно живетъ, и даже въ одномъ городѣ съ нимъ, но еще пишетъ статьи, зная, что государь императоръ этого не жалуется. Пріѣхавъ въ Туринъ, юстиція, говорятъ, попросилъ, такъ, по доброму знакомству, министра Азеліо ⁴⁾ выслать меня. Сердце Азеліо чуяло, вѣрно, что я въ Крутицкихъ казармахъ, учась по-итальянски, читалъ его «La Disfida di Barletto» ⁵⁾,—

¹⁾ Родомъ изъ Шателя, близъ Мора.

²⁾ Thurgovie (Thurgau)—одинъ изъ швейцарскихъ кантоновъ; натурализовавшись тамъ, принцъ Людовикъ-Наполеонъ, послѣ революціи 1830 г., долженъ былъ выѣхать оттуда въ Англію, чтобы не ставить въ тяжелое положеніе кантонъ, отъ котораго Франція требовала его удаленія.

³⁾ Общественной безопасности.

⁴⁾ Массимо Тапарелли, президентъ совѣта министровъ.

⁵⁾ «Вызовъ Барлетто».

романъ «и не классическій и не старинный»¹⁾, хотя тоже скучный,— и ничего не сдѣлалъ. А, можетъ, и потому онъ не рѣшился меня *выслать*, что прежде такихъ дружескихъ вниманій надобно было *прислать* посланника, а *Николай* все еще дулся за мятежныя мысли Карла-Альберта.

Зато ниццскій интендантъ²⁾ и министры въ Туринѣ воспользовались рекомендаціей при первомъ же случаѣ. Нѣсколько дней до моей высылки, въ Ниццѣ было «народное волненіе», въ которомъ лодочники и лавочники, увлекаемые краснорѣчіемъ банкира Авигдора, протестовали, и притомъ довольно дерзко, говоря о независимости ниццскаго графства, о его неотъемлемыхъ правахъ,—противъ уничтоженія свободнаго порта. Общее легкое таможенное положеніе для всего королевства уменьшало ихъ привилегіи безъ уваженія «къ независимости ниццскаго графства» и къ его правамъ, «начертаннымъ на скрижаляхъ исторіи».

Авигдора, этого О'Коннеля³⁾ Пайльонъ (такъ называется сухая рѣка, текущая въ Ниццѣ), посадили въ тюрьму; ночью ходили патрули, и народъ ходилъ; тѣ и другіе пѣли пѣсни, и притомъ однѣ и тѣ же,—вотъ и все. Нужно ли говорить, что ни я, ни кто другой изъ иностранцевъ не участвовалъ въ этомъ семейномъ дѣлѣ тарифовъ и таможенъ. Тѣмъ не менѣе, интендантъ указалъ на нѣсколько человѣкъ изъ рефюжье, какъ на зачинщиковъ, и въ томъ числѣ на меня. Министерство, желая показать примѣръ цѣлебной строгости, велѣло меня прогнать вмѣстѣ съ другими.

Я пошелъ къ интенданту (изъ іезуитовъ) и, замѣтивъ ему, что это—совершеннѣйшая роскошь высылать человѣка, который самъ ѣдетъ и у котораго визированный пассъ въ карманѣ, спросилъ его, въ чемъ дѣло? Онъ увѣрялъ, что самъ такъ же удивленъ, какъ я, что мѣра взята министромъ внутреннихъ дѣлъ, даже безъ предварительнаго сношенія съ нимъ. При этомъ онъ былъ до того учтивъ, что у меня не осталось никакого сомнѣнія, что все это напакостилъ онъ. Я написалъ разговоръ мой съ нимъ извѣстному депутату оппозиціи Лоренцо Валеріо и уѣхалъ въ Парижъ.

Валеріо свирѣпо напалъ на министра въ своей интерпелляціи и требовалъ отчета, почему меня выслали. Министръ мялся, откло-

¹⁾ «Романъ классическій, старинный, отмѣнно длинный, длинный, длинный... («Графъ Нулинъ»).

²⁾ Intendente—управитель.

³⁾ Даніэль, знаменитый ирландскій патріотъ.

няль всякое вліяніе русской дипломатіи, свалиль все на доносы интенданта и смиренно заключилъ, что, если министерство поступило сгоряча, неосторожно, то оно съ удовольствіемъ измѣнить свое рѣшеніе.

Оппозиція аплодировала. Слѣдственно, de facto запрещеніе было снято, но, несмотря на мое письмо къ министру, онъ мнѣ не отвѣчалъ. Рѣчь Валеріо и отвѣтъ на нее я прочиталъ въ газетахъ и рѣшился ѣхать просто-напросто въ Туринъ, на возвратномъ пути изъ Фрейбурга. Чтобъ не имѣть отказа въ визѣ, я поѣхалъ безъ визы; на піемонтской границѣ со стороны Швейцаріи пасты осматриваютъ безъ свирѣпаго ожесточенія французскихъ жандармовъ. Въ Туринѣ я пошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ; вмѣсто его, меня принялъ его товарищъ, завѣдывавшій верховной полиціей, графъ Понца ди С. Мартино ¹⁾, человекъ извѣстный въ тѣхъ краяхъ, умный, хитрый и преданный католической партіи.

Пріемъ его меня удивилъ. Онъ мнѣ сказалъ все то, что я ему хотѣлъ сказать; что-то подобное было со мной въ одно изъ свиданій съ Дубельтомъ, но графъ Понца перещеголялъ.

Онъ былъ очень пожилыхъ лѣтъ, болѣзненный, худой, съ отталкивающей наружностью, съ злыми и лукавыми чертами, съ нѣсколько клерикальнымъ видомъ и жесткими сѣдыми волосами на головѣ. Прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать десять словъ о причинѣ, почему я просилъ аудіенціи у министра, онъ перебилъ меня словами:

— Да, помилуйте, гдѣ же тутъ можетъ быть сомнѣніе?.. Отправляйтесь въ Ниццу, отправляйтесь въ Геную, оставайтесь здѣсь,—только безъ малѣйшей гапсине ²⁾, мы очень рады... Это все надѣлалъ интендантъ... Видите, мы—еще ученики, не привыкли къ законности, къ конституціонному порядку. Если бы вы сдѣлали что-нибудь противное законамъ, на то есть судъ, вамъ нечего тогда было бы пенять на несправедливость, неправда ли?

— Совершенно согласенъ съ вами.

— А то *берутъ* мѣры, которыя раздражаютъ... заставляютъ кричать, и безъ всякой нужды!

Послѣ этой рѣчи противъ *самою себя*, онъ проворно схватилъ листъ бумаги съ министерскимъ заголовкомъ и написалъ: «Si permette al sig. A. H. di ritornare a Nizza e di restarvi quanto

¹⁾ Густавъ (Ponza di S. Martino).

²⁾ Злопамятство.

tempo credera conveniente. Per il ministro S. Martino, 12 luglio 1851 ¹⁾).

— Вотъ вамъ на всякій случай; впрочемъ, будьте увѣрены, до этой бумаги дѣло не дойдетъ. Я очень, очень радъ, что мы покончили съ вами это дѣло.

Такъ какъ это значило vulgariter ²⁾: «ступайте съ богомъ», то я и оставилъ моего Понца, улыбаясь впередъ лицу, которое сдѣлаетъ интендантъ въ Ниццѣ; но этого лица богъ мнѣ не привелъ видѣть: его смѣнили.

Но возвращаюсь къ Фрейбургу и его кантону. Послушавши знаменитые органы и проѣхавши по знаменитому мосту, какъ всѣ смертные, бывшіе въ Фрейбургѣ, мы отправились съ добрымъ старичкомъ, канцлеромъ фрейбургскаго кантона, въ Шатель. Въ Муртенѣ префектъ полиціи, человекъ энергическій и радикальный, просилъ насъ подождать у него, говоря, что староста поручилъ ему предупредить его о нашемъ приѣздѣ, потому что ему и прочимъ домохозяевамъ было бы очень непріятно, если-бъ я приѣхалъ невзначай, когда всѣ въ полѣ на работѣ. Погулявши часа два по Мора, или Муртену, мы отправились, и префектъ съ нами.

Возлѣ дома старосты ждали насъ нѣсколько пожилыхъ крестьянъ и впереди ихъ самъ староста, почтенный, высокаго роста, сѣдой и, хотя нѣсколько сгорбившійся, но мускулистый старикъ. Онъ выступилъ впередъ, снялъ шляпу, протянулъ мнѣ широкую, сильную руку и, сказавъ «Lieber Mitbürger» ³⁾..., произнесъ привѣтственную рѣчь на такомъ германо-швейцарскомъ нарѣччіи, что я ничего не понялъ. Приблизительно можно было догадаться, что онъ могъ мнѣ сказать, а потому да еще взявъ въ соображеніе, что, если я скрылъ, что не понимаю его, то и онъ скроетъ, что не понимаетъ меня, я смѣло отвѣчалъ на его рѣчь:

— Любезный гражданинъ староста и любезные шательскіе сограждане! Я прихожу благодарить васъ за то, что вы въ вашей общинѣ дали пріютъ мнѣ и моимъ дѣтямъ и положили предѣлъ моему бездомному скитанію. Я, любезные граждане, не за тѣмъ оставилъ родину, чтобъ искать себѣ другой: я всѣмъ сердцемъ люблю народъ русскій, а Россію оставилъ потому, что не могъ быть нѣмымъ и празднымъ свидѣтелемъ ея угнетенія; я оставилъ

¹⁾ Симъ разрѣшается г. А. Г. возвратиться въ Ниццу и оставаться тамъ сколько времени онъ найдетъ нужнымъ. За министра С. Мартино. 12 іюля 1851.

²⁾ Попросту.

³⁾ Дорогой согражданинъ...

ее послѣ ссылки, преслѣдуемый свирѣпымъ самовластьемъ Николая, Рука его, достававшая меня вездѣ, гдѣ есть король или господинъ, не такъ длинна, чтобъ достать меня въ общинѣ вашей! Я спокойно прихожу подъ защиту и кровь вашу, какъ въ гавань, въ которой я всегда могу найти покой. Вы, граждане Шателя, вы, эти нѣсколько человѣкъ, вы могли, принимая меня въ вашу среду, остановить занесенную руку русскаго императора, вооруженную миллиономъ штыковъ. *Вы сильнѣе его!* Но сильны вы только вашими свободными вѣковыми республиканскими учрежденіями! Съ гордостью вступаю я въ вашъ союзъ! И да здравствуетъ Гельветическая республика!

— Dem neuen Bürger «hoch»!.. Es lebe der neue Bürger! ¹⁾...— отвѣчали старики и крѣпко жали мою руку; я самъ былъ нѣсколько взволнованъ!

Староста пригласилъ насъ къ себѣ.

Мы пошли и сѣли за длинный столъ на скамьяхъ; на столѣ былъ хлѣбъ и сыръ. Двое крестьянъ втащили страшной величины бутылъ, больше тѣхъ классическихъ бутылей, которыя прѣютъ цѣлыя зимы въ старинныхъ нашихъ домахъ, въ углу, на лежанкѣ, наполненные наливками и настойками. Бутылъ эта была въ плетеной корзинѣ и наполнена бѣлымъ виномъ. Староста сказалъ намъ, что это вино тамошнее, но только очень старое; что эту бутылъ онъ помнитъ лѣтъ за тридцать, и что вино это употребляется только при чрезвычайныхъ случаяхъ. Всѣ крестьяне сѣли съ нами за столъ, кромѣ двухъ, хлопотавшихъ около каедральной бутылки. Они изъ нея наливали вино въ большую кружку, а староста наливалъ изъ кружки въ стаканы; передъ каждымъ крестьяниномъ былъ стаканъ, но мнѣ онъ принесъ нарядный хрустальный кубокъ, причемъ онъ замѣтилъ канцлеру и префекту:

— Вы на этотъ разъ извините, почетный-то кубокъ ужъ нынче мы подадимъ нашему новому согражданину; съ вами мы свои люди.

Пока староста наливалъ вино въ стаканы, я замѣтилъ, что одинъ изъ присутствующихъ, одѣтый не совсѣмъ по-крестьянски, былъ очень безпокоенъ, обтиралъ потъ, краснѣлъ,—ему нездоровилось; когда же староста провозгласилъ мой тостъ, онъ съ какой-то отчаянной отвагой вскочилъ и, обращаясь ко мнѣ, началъ рѣчь.

¹⁾ Новому гражданину «ура»! Да здравствуетъ новый гражданинъ!

— Это,—шепнулъ мнѣ на ухо староста съ значительнымъ видомъ,—гражданинъ учитель въ нашей школѣ.

Я всталъ. Учитель говорилъ не по-швейцарски, а по-нѣмецки, да и не просто, а по образцамъ изъ нарочито извѣстныхъ ораторовъ и писателей; онъ упомянулъ и о Вильгельмѣ Теллѣ, и о Карлѣ Смѣломъ (какъ тутъ поступила бы австрійско-александринская театральная цензура? развѣ, назвала бы Вильгельма Смѣлымъ, а Карла—Теллемъ?) и при этомъ не забылъ не столько новое, сколько выразительное сравненіе неволи съ позлащенной клѣткой, изъ которой птица, все же, рвется; Николаю Павловичу досталось отъ него порядкомъ: онъ его ставилъ рядомъ съ очень обыкновенными людьми изъ римской исторіи. Я чуть не перервалъ его на этомъ, чтобы сказать: «Не обижайте покойниковъ!», но, какъ будто предвидя, что и Николай скоро будетъ въ ихъ числѣ, промолчалъ.

Крестьяне слушали его, вытянувъ загорѣлую, сморщившуюся шею и прикладывая, въ видѣ глазного зонтика, руку къ ушамъ; канцлеръ немного вздремнулъ и, чтобы скрыть это, первый похвалилъ оратора.

Между тѣмъ, староста сидѣлъ не сложа руки, а усердно наливалъ вино, провозглашая, какъ самый привычный къ дѣлу церемоніймейстеръ, тосты:

— За конференцію! За Фрейбургъ и его радикальное правительство! За президента Шаллера!

— За моихъ любезныхъ согражданъ въ Шателѣ!—предложилъ я, наконецъ, чувствуя, что вино, несмотря на слабый вкусъ, далеко не слабо. Всѣ встали... Староста говорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, lieber Mitbürger, полный кубокъ, какъ мы пили за васъ, полный!—Старички мои расходились, вино подогрѣло ихъ.

— Привезите вашихъ дѣтей,—говорилъ одинъ.

— Да, да,—подхватили другіе,—пусть они посмотрятъ, какъ мы живемъ; мы люди простые, дурному не научимъ, да и мы ихъ посмотримъ.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ я,—непремѣнно..

Тутъ староста ужъ пошелъ извиняться въ дурномъ приѣмѣ, говоря, что во всемъ виноватъ канцлеръ; что ему слѣдовало бы дать знать дня за два, тогда бы все было иное, можно бы достать и музыку, а главное, что тогда встрѣтили бы меня и проводили ружейнымъ залпомъ. Я чуть не сказалъ ему à la Louis-Philippe: «Помилуйте... да что же случилось? Однимъ крестьяниномъ только больше въ Шателѣ?».

Мы разстались большими друзьями. Меня нѣсколько удивило, что я не видѣлъ ни одной женщины, ни старухи, ни дѣвочки, да и ни одного молодого человѣка. Впрочемъ, это было въ рабочую пору. Замѣчательно и то, что на такомъ рѣдкомъ для нихъ праздникѣ не былъ приглашенъ пасторъ.

Я имъ это поставилъ въ большую заслугу. Пасторъ непременно испортилъ бы все, сказалъ бы глупую проповѣдь и съ своимъ чиннымъ благочестіемъ похожъ былъ бы на муху въ стаканѣ съ виномъ, которую непременно надобно вынуть, чтобъ пить съ уловольствіемъ.

Наконецъ, мы снова усѣлись въ небольшую коляску или, вѣрнѣе, линейку канцлера, завезли префекта въ Мора и покатались въ Фрейбургъ. Небо было покрыто тучами, меня клонилъ сонъ и кружилось въ головѣ. Я усиливался не спать; неужели это ихъ вино? думалъ я съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ самому себѣ... Канцлеръ лукаво улыбался, а потомъ самъ задремалъ; дождь сталъ накрапывать, я покрылся пальто, сталъ, было, засыпать... потомъ проснулся отъ прикосновенія холодной воды... Дождь лилъ, какъ изъ ведра; черныя тучи, словно, высѣкали огонь изъ скалистыхъ вершинъ; дальніе раскаты грома пересыпались по горамъ. Канцлеръ стоялъ въ сѣняхъ и громко смѣялся, говоря съ хозяиномъ Zähringerhof'a.

— Что,—спрашивалъ меня хозяинъ,—видно, наше простое, крестьянское вино не то, что французское?

— Да неужели мы пріѣхали?—спрашивалъ я, выходя весь мокрый изъ линейки.

— Это не такъ мудрено,—замѣтилъ канцлеръ,—а вотъ что мудрено, что вы проспали грозу, какой давно не бывало. Неужели вы ничего не слышали?

— Ничего.

Потомъ я узналъ, что простыя швейцарскія вина, вовсе не крѣпкія на вкусъ, получаютъ съ лѣтами большую силу и особенно дѣйствуютъ на непривычныхъ. Канцлеръ нарочно мнѣ не сказалъ этого. Къ тому же, если-бъ онъ и сказалъ, я не сталъ бы отказываться отъ добродушнаго угощенія крестьянъ, отъ ихъ тостовъ и еще менѣе не сталъ бы церемонно мочить губы и ломаться. Что я хорошо поступилъ, доказывается тѣмъ, что черезъ годъ, проѣздомъ изъерна въ Женеву, я встрѣтилъ на одной станціи моратскаго префекта.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ мнѣ,—чѣмъ вы заслужили особенную популярность нашихъ шательцевъ?

— Нѣтъ.

— Они до сихъ поръ разсказываютъ съ гордымъ самодовольствомъ, какъ новый согражданинъ, выпивши ихъ вина, проспалъ грозу и доѣхалъ, не зная какъ, отъ Мора до Фрейбурга, подъ проливнымъ дождемъ.

Итакъ, вотъ какимъ образомъ я сдѣлался свободнымъ гражданиномъ швейцарской конфедераціи и напился пьянъ шательскимъ виномъ! ¹⁾

¹⁾ Не могу не прибавить, что именно этотъ листъ мнѣ пришлось правлять въ Фрейбургѣ, въ томъ же Zähringerhofѣ. И хозяинъ все тотъ же, съ видомъ дѣйствительнаго хозяина, и столовая, гдѣ я сидѣлъ съ Сазоновымъ въ 1851 году ^{о)},—та же, и комната, въ которой черезъ годъ я писалъ свое завѣщаніе, дѣлая исполнителемъ его Карла Фогта, и этотъ листъ, напомнившій столько подробностей...

Пятнадцать лѣтъ!

Невольно, безотчетно беретъ страхъ...

14 октября 1866. А. И. Г.

^{о)} Не слѣдуетъ думать, что это—указаніе на свиданіе съ Сазоновымъ 28 іюня, происшедшее въ Женевѣ (т. VI, 421 и др.).

ГЛАВА ХLI.

П.-Ж. Прудонъ.—Издание «La Voix du Peuple». —Переписка.—Значеніе Прудона.

Вслѣдъ за іюньскими баррикадами пали и типографскіе станки. Испуганные публицисты пріумолкли. Одинъ старецъ Ламеннэ приподнялся мрачной тѣнью судьи, проклялъ герцога Альбу іюньскихъ дней, Кавеньяка, и его товарищей и мрачно сказалъ народу: «А ты молчи, ты слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть право на слово!».

Когда первый страхъ осаднаго положенія миновалъ, и журналы снова стали оживать, они взаимнѣнъ насилія встрѣтили готовый арсеналь юридическихъ кляузъ и судейскихъ уловокъ. Началась старая травля, *rag force* ¹⁾ редакторовъ,—травля, въ которой отличались министры Людовика-Филиппа. Уловка ея состоитъ въ уничтоженіи залога рядомъ процессовъ, оканчивающихся всякій разъ тюрьмой и денежной пеней. Пень берется изъ залога; пока залогъ не дополненъ, нельзя издавать журналъ, какъ онъ пополнится—новый процессъ. Игра эта всегда успѣшна, потому что судебная власть во всѣхъ политическихъ преслѣдованіяхъ дѣйствуетъ заодно съ правительствомъ.

Ледрю-Ролленъ сначала, потомъ полковникъ Фрапполи ²⁾, какъ представитель мацциневской партіи, заплатили большія деньги, но не спасли «Реформу» ³⁾. Всѣ рѣзкіе органы социализма и республики были убиты этимъ средствомъ, въ томъ числѣ, и въ са-

¹⁾ Парфорсная охота; состоитъ въ доведеніи преслѣдуемаго звѣря до совершеннаго изнеможенія, когда съ нимъ справиться очень легко.

²⁾ Людовико, итальянск. политическій дѣятель.

³⁾ «Réforme» выходила подъ редакціею Флокона; фактически руководилъ направленіемъ газеты Ледрю-Ролленъ.

момъ началъ, Прудоновъ «Le Représentant du Peuple», потомъ его же «Le Peuple». Прежде, чѣмъ оканчивался одинъ процессъ, начинался другой.

Одного изъ редакторовъ, помнится Дюшена ¹⁾, приводили раза три изъ тюрьмы въ ассизы по новымъ обвиненіямъ и всякій разъ снова осуждали на тюрьму и штрафъ. Когда ему въ послѣдній разъ, передъ гибелью журнала, было объявлено рѣшеніе, онъ, обращаясь къ прокурору, сказалъ: «L'addition, s'il vous plaît!» ²⁾—ему, въ самомъ дѣлѣ, накопилось лѣтъ десять тюрьмы и тысячь пятьдесятъ штрафа ³⁾.

Прудонъ былъ подъ судомъ, когда журналъ его остановился послѣ 13 июня. Національная гвардія ворвалась въ этотъ день въ его типографію, сломала станки, разбросала буквы, какъ бы подтверждая именемъ вооруженныхъ мѣщанъ, что во Франціи настаетъ періодъ высшаго насилія и полицейскаго самовластія.

Неукротимый гладиаторъ, упрямый безансонскій мужикъ не хотѣлъ положить оружія и тотчасъ затѣялъ издавать новый журналъ «La Voix du Peuple». Надобно было достать 24.000 фр. для залога. Э. Жирарденъ ⁴⁾ былъ не прочь ихъ дать, но Прудону не хотѣлось быть въ зависимости отъ него, и Сазоновъ предложилъ мнѣ внести залогъ.

Я былъ многимъ обязанъ Прудону въ моемъ развитіи и, подумавши нѣсколько, согласился, хотя и зналъ, что залога не долго станеть.

Чтеніе Прудона, какъ чтеніе Гегеля, даетъ особый приемъ, оттачиваетъ оружіе, даетъ не результаты, а средства. Прудонъ— по преимуществу діалектикъ, контроверзистъ ⁵⁾ социальныхъ вопросовъ. Французы въ немъ ищутъ эксперименталиста и, не находя ни смѣты фаланстера, ни икарійской управы благочинія, пожимаютъ плечами и кладутъ книгу въ сторону.

Прудонъ, конечно, виноватъ, поставивъ въ своихъ «Противорѣчіяхъ» эпиграфомъ: «destruam et aedificabo» ⁶⁾; сила его не въ созданіи, а въ критикѣ существующаго. Но эту ошибку дѣлали споконъ вѣка всѣ ломавшіе старое; человѣку одно разрушеніе противно; когда онъ принимается ломать, какой-нибудь идеаль буду-

¹⁾ Жоржъ, журналистъ.

²⁾ Сколько съ меня слѣдуетъ всего?

³⁾ Три года и до 80,000 фр.

⁴⁾ Эмиль, франц. журналистъ, издатель «La Presse», очень падкій на рекламу.

⁵⁾ Controversia—диспутъ, споръ.

⁶⁾ Разрушу и воздвигну.

щей постройки невольно бродить въ его головѣ, хотя иной разъ это—пѣсня каменщика, разбирающаго стѣну.

Въ большей части социальныхъ сочиненій важны не идеалы, которые почти всегда или недостигаемы въ настоящемъ, или сводятся на какое-нибудь одностороннее рѣшеніе, а то, что, достигая до нихъ, становится *вопросомъ*. Соціализмъ касается не только того, что было рѣшено прежнимъ эмпирически-религіознымъ бытомъ, но и того, что прошло черезъ сознание односторонней науки; не только до юридическихъ выводовъ, основанныхъ на традиціонномъ законодательствѣ, но и до выводовъ политической экономіи. Онъ встрѣчается съ рациональнымъ бытомъ эпохи гарантій и мѣщанскаго экономическаго устройства, какъ съ своей непосредственностью, точно такъ, какъ политическая экономія относилась къ теоретически-феодалному государству.

Въ этомъ отрицаніи, въ этомъ улетучиваніи стараго общественнаго быта—страшная сила Прудона; онъ — такой же поэтъ діалектики, какъ Гегель, съ той разницей, что одинъ держится на покойной выси научнаго движенія, а другой втолкнуть въ сумятицу народныхъ волненій, въ рукопашный бой партій.

Прудонъ начинается новый рядъ французскихъ мыслителей. Его сочиненія составляютъ переворотъ не только въ исторіи социализма, но и въ исторіи французской логики. Въ діалектической дожести своей онъ сильнѣе и свободнѣе самыхъ талантливыхъ французовъ. Люди чистые и умные, какъ Пьеръ Леру и Консидеранъ, не понимаютъ ни его точки отправленія, ни его метода. Они привыкли играть впередъ подтасованными идеями, ходить въ извѣстномъ нарядѣ, по торной дорогѣ, къ знакомымъ мѣстамъ. Прудонъ часто ломится цѣлиной, не боясь помять чего-нибудь по пути, не жалѣя ни раздавить что попадетса, ни зайти слишкомъ далеко. У него нѣтъ ни той чувствительности, ни того риторическаго, революціоннаго цѣломудрія, которое у французовъ замѣняетъ протестантскій піэтизмъ... Оттого онъ и остается одинокимъ между своими, болѣе пугая, чѣмъ убѣждая своей силой.

Говорятъ, что у Прудона германскій умъ. Это неправда, напротивъ, его умъ совершенно французскій; въ немъ тотъ родоначальный галло-франкскій гений, который является въ Рабле, въ Монтенѣ, въ Вольтерѣ и Дидро... даже въ Паскалѣ. Онъ только усвоилъ себѣ діалектическій методъ Гегеля, какъ усвоилъ себѣ и всѣ приемы католической контроверзы; но ни Гегелева философія, ни католическое богословіе не дали ему ни содержанія, ни характера, для него это—орудія, которыми онъ пытается свой предметъ, и орудія эти онъ такъ приладилъ и обтесалъ по-своему, какъ при-

ладиль французскій языкъ къ своей сильной и энергической мысли. Такіе люди слишкомъ твердо стоятъ на своихъ ногахъ, чтобы чему-нибудь покориться, чтобы дать себя заарканить.

— Мнѣ очень нравится ваша система,—сказалъ Прудону одинъ англійскій туристъ.

— Да у меня нѣтъ никакой системы,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Прудонъ и былъ правъ.

Это-то именно и сбиваетъ его соотечественниковъ, привыкшихъ къ нравоученіямъ на концѣ басни, къ систематическимъ формуламъ, оглавленіямъ, къ отвлеченнымъ обязательнымъ рецептамъ.

Прудонъ сидитъ у кровати больного и говоритъ, что онъ очень плохъ потому и потому. Умиращему не можешь, строя идеальную теорію о томъ, какъ онъ могъ бы быть здоровъ, не будь онъ боленъ, или предлагая ему лѣкарства, превосходныя сами по себѣ, но которыхъ онъ принять не можетъ или которыхъ со-всѣмъ нѣтъ налицо.

Наружные признаки и явленія финансоваго міра служатъ для него такъ, какъ зубы животныхъ служили для Кювье: лѣстницей, по которой онъ спускается въ тайники общественной жизни—онъ по нимъ изучаетъ силы, влекущія больное тѣло къ разложенію. Если онъ послѣ каждаго наблюденія провозглашаетъ новую побѣду смерти, развѣ это его вина? Тутъ нѣтъ родныхъ, которыхъ страшно испугать,—мы сами умираемъ этой смертью. Толпа съ негодова-ніемъ кричитъ: «лѣкарства! лѣкарства! или молчи о болѣзни!». Да зачѣмъ же молчать? Только въ самовластныхъ правленіяхъ запрещаютъ говорить о неурожаяхъ, заразахъ и о числѣ побитыхъ на войнѣ. Лѣкарство, видно, нелегко находится; мало ли какіе опыты дѣлали во Франціи со времени неумѣренныхъ кровопусканій 1793: ее лѣчили побѣдами и усиленными моціонами, заставляя ходить въ Египетъ, въ Россію, ее лѣчили парламентаризмомъ и ажіотажемъ, маленькой республикой и маленькимъ Наполеономъ ¹⁾,—что же лучше, что ли, стало? Самъ Прудонъ попробовалъ, было, разъ свою патологию и срѣзался на народномъ банкѣ, несмотря на то, что, сама по себѣ взятая, идея его вѣрна. По несчастью, онъ въ заговариваніе не вѣритъ, а то и онъ причитывалъ бы ко всему: «Союзъ народовъ! Союзъ народовъ! Всеобщая республика! Всемирное братство! Grande armée de la démocratie!» ²⁾. Онъ не употребляетъ этихъ фразъ, не щадитъ революціонныхъ старовѣровъ и за то

¹⁾ Такъ называлъ Наполеона III Гюго въ своемъ памфлетѣ «Napoléon le Petit».

²⁾ Великая армія демократіи!

французы его считают эгоистомъ, индивидуалистомъ, чуть не ренегатомъ и измѣнникомъ.

Я помню сочиненія Прудона, отъ его разсужденія «О собственности» до «Биржевого руководства»; многое измѣнилось въ его мысляхъ, — еще бы, прожить такую эпоху, какъ наша, и свистать тотъ же дуэтъ à toll'ный, какъ Платонъ Михайловичъ въ «Горѣ отъ ума». Въ этихъ перемѣнахъ именно и бросается въ глаза внутреннее единство, связующее ихъ отъ диссертации, написанной на школьную задачу безансонской академіи, до недавно вышедшаго *сaгmen horrendum* ¹⁾ биржевого распутства; тотъ же порядокъ мыслей, развиваясь, видоизмѣняясь, отражая событія, идетъ и черезъ «Противорѣчія» ²⁾ политической экономіи, и черезъ его «Исповѣдь» ³⁾, и черезъ его «журналъ» ⁴⁾.

Косность мысли принадлежитъ религіи и доктринаризму; они предполагаютъ упорную ограниченность, оконченную замкнутость, живущую особнякомъ или въ своемъ тѣсномъ кругѣ, отвергающемъ все, что жизнь вноситъ новаго... или, по крайней мѣрѣ, не заботясь о томъ. Реальная истина должна находиться подъ вліяніемъ событій, отражать ихъ, оставаясь вѣрною себѣ, иначе она не была бы *живой истиной*, а—истиной вѣчной, успокоившейся отъ треволненія міра сего въ мертвой тишинѣ святого застоя ⁵⁾.

Гдѣ и въ какомъ случаѣ, случалось мнѣ спрашивать, Прудонъ измѣнилъ органическимъ основамъ своего воззрѣнія? Мнѣ всякій разъ отвѣчали его политическими ошибками, его промахами въ революціонной дипломатіи. За политическія ошибки онъ, какъ журналистъ, конечно, повиненъ отвѣтомъ, но и тутъ онъ виноватъ не передъ собой; напротивъ, часть его ошибокъ происходила отъ того, что онъ вѣрилъ своимъ началамъ больше, чѣмъ партіи, къ которой онъ поневолѣ принадлежалъ, и съ которой онъ не имѣлъ ничего общаго, а былъ, собственно, соединенъ только ненавистью къ общему врагу.

Политическая дѣятельность не составляла ни его силы, ни основы той мысли, которую онъ облакалъ во всѣ доспѣхи своей діалектики. Совсѣмъ напротивъ, вездѣ ясно видно, что политика,

¹⁾ Пѣсня, внушающая ужасъ.

²⁾ «Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère».

³⁾ «Confessions d'un révolutionnaire».

⁴⁾ «Journal des économistes».

⁵⁾ Въ новомъ сочиненіи Стюарта Милля «On Liberty», онъ приводитъ превосходное выраженіе объ этихъ разъ навсегда рѣшенныхъ истинахъ: «the deep slumber of a decided opinion» ⁰⁾. А. И. Г.

⁰⁾ Глубокій сонъ составленнаго мнѣнія.

въ смыслѣ стараго либерализма и конституціонной республики, стоитъ у него на второмъ планѣ, какъ что-то полупрошедшее, уходящее. Въ политическихъ вопросахъ онъ равнодушенъ, готовъ дѣлать уступки, потому что не приписываетъ особой важности формамъ, которыя, по его мнѣнію, не существенны. Въ подобномъ отношеніи къ религіозному вопросу стоятъ всѣ, оставившіе христіанскую точку зрѣнія. Я могу признавать, что конституціонная религія протестантизма нѣсколько посвободнѣе католическаго самодержавія, но принимать къ сердцу вопросъ объ исповѣданіи и церкви не могу; я, вслѣдствіе этого, надѣлаю, вѣроятно, ошибокъ и уступокъ, которыхъ избѣжить всякій самый пошлый бакалавръ богословія или приходскій попъ.

Безъ сомнѣнія, не мѣсто было Прудону въ народномъ собраніи, такъ, какъ оно было составлено, и личность его терялась въ этомъ мѣщанскомъ вертепѣ. Прудонъ въ своей «Исповѣди революціонера» говоритъ, что онъ не умѣлъ найтись въ собраніи. Да что же могъ тамъ дѣлать человѣкъ, который Маррастовой конституціи, этому кислому плоду семимѣсячной работы семисотъ головъ, сказалъ: «Я подаю голосъ противъ вашей конституціи не только потому, что она дурна, но и потому, что она—конституція».

Парламентская чернь отвѣчала на одну изъ его рѣчей: «Рѣчь—въ «Монитеръ», оратора—въ сумасшедшій домъ!». Я не думаю, чтобъ въ людской памяти было много подобныхъ парламентскихъ анекдотовъ съ тѣхъ поръ, какъ александрійскій архіерей возилъ съ собой на вселенскіе соборы какихъ-то послушниковъ, вооруженныхъ, во имя богородицы, дубинами, и до вашингтонскихъ сенаторовъ, доказывающихъ другъ другу палкой пользу рабства.

Но даже и тутъ Прудону удавалось становиться во весь ростъ и оставлять середь перебранокъ яркій слѣдъ.

Тьеръ, отвергая финансовый проектъ Прудона, сдѣлалъ какой-то намекъ о нравственномъ растлѣніи людей, распространяющихъ такія ученія. Прудонъ взошелъ на трибуну и, съ своимъ грознымъ и сутуловатымъ видомъ коренастаго жителя полей, сказалъ улыбающемуся старичишкѣ: «Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности; я могу принять это за личность, я вамъ уже сказалъ это въ комитетѣ. Если же вы будете продолжать, я... я не вызову васъ на дуэль (Тьеръ улыбнулся). Нѣтъ, мнѣ мало вашей смерти,—этимъ ничего не докажешь. Я предложу вамъ другой бой. Здѣсь, съ этой трибуны я расскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ; каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь забуду или пропущу. И потомъ пусть расскажетъ свою жизнь мой противникъ!»... Глаза всѣхъ обратились на Тьера:

онъ сидѣлъ нахмуренный и улыбки совсѣмъ не было, да и отвѣта тоже.

Враждебная камера смолкнула, и Прудонъ, глядя съ презрѣніемъ на защитниковъ религіи и семьи, сошелъ съ трибуны. Вотъ гдѣ его сила, — въ этихъ словахъ рѣзко слышится языкъ новаго міра, идущаго со своимъ судомъ и со своими казнями.

Съ февральской революціи Прудонъ предсказывалъ то, къ чему Франція пришла. На тысячу ладовъ повторялъ онъ: берегитесь, не шутите, «это не Катилина у воротъ вашихъ, а смерть». Французы пожимали плечами. Обнаженныхъ челюстей, косы, клепсидры ¹⁾, — всего мундира смерти не было видно, какая же это смерть? это «минутное затмѣніе, послѣобѣденный сонъ великаго народа!». Наконецъ, разглядѣли многіе, что дѣло плохо. Прудонъ унывалъ менѣе другихъ, пугался менѣе, потому что предвидѣлъ; тогда его обвинили не только въ безчувственности, но и въ томъ, что онъ накликалъ бѣду. Говорятъ, что китайскій императоръ таскаетъ ежегодно за хохоль придворнаго звѣздочета, когда тотъ ему докладываетъ, что дни начинаютъ убывать.

Геній Прудона, дѣйствительно, антипатиченъ французскимъ риторамъ, его языкъ оскорбляетъ ихъ. Революція развила свой пуританизмъ, узкій, лишенный всякой терпимости, свои обязательные обороты, и патріоты отвергаютъ написанное не по формѣ, точно такъ, какъ русскіе судьи. Ихъ критика останавливается передъ ихъ символическими книгами, въ родѣ «Contrat social», «Объявленія правъ челоуѣка». Люди вѣры, они ненавидятъ анализъ и сомнѣнія; люди заговоровъ, они все дѣлаютъ сообща и изъ всего дѣлаютъ интересъ партіи. Независимый умъ имъ ненавистенъ, какъ мятежникъ; они даже въ прошедшемъ не любятъ самобытныхъ мыслей. Луи Бланъ почти досадуетъ на эксцентрической геній Монтеня ²⁾. На этомъ галльскомъ чувствѣ, стремящемся снять личность стадомъ, основано ихъ пристрастіе къ *приравниванію*, къ единству военнаго строя, къ централизациі, т.-е. къ деспотизму.

Кошунство француза и рѣзкость сужденій—больше шалость, баловство, удовольствіе подразнить, чѣмъ потребность разбора, чѣмъ сосущій душу скептицизмъ. У него бездна маленькихъ предразсудковъ, крошечныхъ религій,—за нихъ онъ стоитъ съ запальчивостью Донъ-Кихота, съ упрямствомъ раскольника. Оттого-то они и не могутъ простить ни Монтеню, ни Прудону ихъ *вольнодумство и непочтительность* къ общепринятымъ кумирамъ. Они,

¹⁾ Klepsüdra—водяные часы.

²⁾ «Histoire de la Révolution française». А. И. Г.

какъ петербургская цензура, позволяютъ шутить надъ титулярнымъ совѣтникомъ, но тайнаго—не тронь. Въ 1850 г. Э. Жирарденъ напечаталъ въ «Прессѣ» смѣлую и новую мысль, что основы права не вѣчны, а идутъ, измѣняясь съ историческимъ развитіемъ. Что за шумъ возбудила эта статья! брань, крикъ, обвиненія въ безнравственности продолжались, съ легкой руки «Gazette de France», мѣсяцы.

Участвовать въ возстановленіи такого органа, какъ «Peuple», стоило пожертвованій,—я написалъ Сазонову и Хоецкому, что готовъ внести залогъ.

До того времени мои сношенія съ Прудонъ были ничтожны; я встрѣчалъ его раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ Rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и бакунинскаго Гегеля,—философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя всеобщія бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фогтъ, жившій тоже въ Rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные толки о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ: имъ обоимъ надобно было итти къ Jardin des Plantes; его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ приотворилъ дверь—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, передъ потухшимъ каминомъ, и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ.

Боясь сначала смиренной роли нашихъ соотечественниковъ и патронажа великихъ людей, я не старался сблизаться даже съ самимъ Прудонъ и, кажется, былъ не совершенно неправъ. Письмо Прудона ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое, было учтиво, но холодно и съ нѣкоторой сдержанностью.

Мнѣ хотѣлось съ самаго начала показать ему, что онъ не имѣетъ дѣла ни съ сумасшедшимъ prince russe, который изъ революціоннаго дилетантизма, а вдвое того — изъ хвастовства даетъ деньги, ни съ правовѣрнымъ поклонникомъ французскихъ публицистовъ, глубоко благодарнымъ за то, что у него берутъ 24.000 франковъ, ни, наконецъ, съ какимъ-нибудь тупоумнымъ bailleur de fonds ¹⁾, который соображаетъ, что внести залогъ за такой журналъ, какъ «Voix du Peuple»—*серьезное* помѣщеніе денегъ. Мнѣ

¹⁾ Пайщикъ.

хотѣлось показать ему, что я очень знаю, *что дѣлаю*, что имѣю свою положительную цѣль, а потому хочу имѣть положительное вліяніе на журналъ; принявши безусловно все то, что онъ писалъ о деньгахъ, я требовалъ, во-первыхъ, права помѣщать статьи свои и не свои, во-вторыхъ, права завѣдывать всею иностранною частью, рекомендовать редакторовъ для нея, корреспондентовъ и пр., требовать для послѣднихъ плату за помѣщенные статьи. Это можетъ показаться страннымъ, но я могу увѣрить, что «National» и «Реформа» открыли бы огромные глаза, если-бъ кто-нибудь изъ иностранцевъ смѣлъ спросить денегъ за статью. Они приняли бы это за дерзость или за помѣшательство, какъ будто, иностранцу видѣть себя въ печати въ *парижскомъ* журналѣ не есть:

Lohn der reichlich lohnet ¹⁾).

Прудонъ согласился на мои требованія, но, все же, они поколебали его. Вотъ что онъ писалъ мнѣ 29 августа 1849 года въ Женеву ²⁾: «Итакъ, дѣло рѣшено: подѣ моей общей дирекціей вы имѣете участіе въ изданіи журнала, ваши статьи должны быть принимаемы *безъ всякаго контроля*, кромѣ того, къ которому редакцію обязываетъ уваженіе *къ своимъ мнѣніямъ* и страхъ судебной отвѣтственности. Согласные въ идеяхъ, мы можемъ только расходиться въ выводахъ, что же касается до обсуживанія заграничныхъ событій, мы ихъ совсѣмъ предоставляемъ вамъ. Вы и мы—миссіонеры одной мысли. Вы увидите нашъ путь по общей полемикѣ и вамъ надобно будетъ держаться его; я увѣренъ, что мнѣ никогда не придется *поправлять ваши мнѣнія*, я это счелъ бы величайшимъ несчастіемъ; скажу откровенно—весь успѣхъ журнала зависитъ отъ нашего согласія. Надобно вопросъ демократической и соціальнай поднять на высоту предпріятія европейской лиги. *Предположить*, что мы не будемъ согласны другъ съ другомъ, значить предположить, что у насъ недостаетъ необходимыхъ условій для изданія журнала и *что намъ было бы лучше молчать*». На эту строгую депешу я отвѣчалъ высылкою 24.000 фр. и длиннымъ письмомъ, совершенно дружескимъ, но твердымъ; я говорилъ,

¹⁾ Изъ стихотворенія Гете «Der Sanger» («Пѣвецъ»):

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet,

т.-е. «сама пѣсня, рвущаяся изъ груди, есть плата, которая богато вознаграждаетъ».

²⁾ Послѣ заключенія съ Герценомъ условія, напечатаннаго на стр. 293—296 т. V.

насколько я теоретически согласенъ съ нимъ, прибавивъ, что я какъ настоящій скиѣ, съ радостью вижу, какъ разваливается старый міръ, и думаю, что наше призваніе—возвѣщать ему его близкую кончину. *«Ваши соотечественники далеки отъ тою, чтобы раздѣлять эти идеи.* Я знаю одного свободного француза,— это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негачіи ¹⁾ и переворота на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Барро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ—это чрезвычайно легко,—но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличить круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сентиментальности затрогивать и побѣжденныхъ.

«Я глубоко убѣжденъ, что если инквизиція республики не уберетъ нашъ журналъ, это будетъ лучший журналъ въ Европѣ».

Я и теперь въ этомъ убѣжденъ. Но какъ же мы съ Прудонъ могли думать, что вовсе нецеремонное правительство Бонапарта допуститъ такой журналъ? Это трудно объяснить.

Прудонъ былъ доволенъ моимъ письмомъ и 15 сентября писалъ мнѣ изъ Консьержери: «Я очень радъ, что встрѣтился съ вами на одномъ или на одинаковомъ трудѣ; я тоже написалъ нѣчто въ родѣ философіи ²⁾, подъ заглавіемъ «Исповѣдь революціонера». Вы въ ней, можетъ, не найдете вашего варварскаго вздора (*verve bagarre*), къ которому васъ приучила нѣмецкая философія. Не забывайте, что я пишу для французовъ, которые со всѣмъ своимъ революціоннымъ пыломъ, надо признаться, гораздо ниже своей роли. Какъ бы ограниченъ ни былъ мой взглядъ, все же, онъ на сто тысячъ туазовъ ³⁾ выше самыхъ высокихъ вершинъ нашего журнальнаго, академическаго и литературнаго міра; меня еще станеть на десять лѣтъ, чтобы быть великаномъ между ними.

¹⁾ Отрицанія.

²⁾ Я тогда напечаталъ «*Vom andern Ufer*». А. И. Г.

³⁾ Древняя франц. мѣра длины, равная 1,949 милим.

«Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ, такъ называемыхъ, республиканцевъ; разумѣется, это — одинъ видъ общей породы доктринеровъ. Что касается этихъ вопросовъ, намъ не въ чемъ убѣждать другъ друга. Во мнѣ и въ моихъ сотрудникахъ вы найдете людей, которые пойдутъ съ вами рука въ руку...

«Я также думаю, что методическій, мирный шагъ незамѣтными переходами, какъ того хотятъ экономическія науки и философія исторіи, невозможенъ больше для революціи; намъ надобно дѣлать страшные скачки. Но, въ качествѣ публицистовъ, возвѣщая грядущую катастрофу, намъ не должно представлять ее необходимой и справедливой, а то насъ возненавидятъ и будутъ гнать, а намъ надобно *жить*»...

Журналъ пошелъ удивительно. Прудонъ изъ своей тюремной кельи мастерски дирижировалъ своимъ оркестромъ. Его статьи были полны оригинальности, огня и того раздраженія, которое тюрьма раздуваетъ.

«Кто вы такой, г. президентъ?—пишетъ онъ въ одной статьѣ, говоря о Наполеонѣ;—скажите: мужчина, женщина, гермафродитъ, звѣрь или рыба?»... И мы все еще думали, что такой журналъ можетъ держаться!

Подписчиковъ было не много, но уличная продажа была велика: въ день продавалось отъ 35.000 до 40.000 экземпляровъ. Расходъ особенно замѣчательныхъ нумеровъ, напр., тѣхъ, въ которыхъ помѣщались статьи Прудона, былъ еще больше; редакція печатала ихъ отъ 50.000 до 60.000, и часто на другой день экземпляры продавались по *франку*, вмѣсто одного су ¹⁾.

Но со всѣмъ этимъ къ 1 марта, т.-е. черезъ полгода, не только въ кассѣ не было ничего, но уже доля залога пошла на уплату штрафовъ. Гибель была неминуема. Прудонъ значительно ускорилъ ее. Это случилось такъ. Разъ я засталъ у него въ С.-Пелажи ²⁾ д'Альтонъ-Ше ³⁾ и двухъ изъ редакторовъ. Д'Альтонъ-Ше—тотъ пэръ Франціи, который скандализовалъ Пакье ⁴⁾ и испугалъ всѣхъ пэровъ, отвѣчая съ трибуны на вопросъ «да развѣ вы не католикъ?»: «Нѣтъ, но еще больше: я вовсе не христіанинъ, да и не знаю, деистъ ли». Онъ говорилъ Прудону, что послѣдніе нумера

¹⁾ Мой отвѣтъ на рѣчь Доносо-Кортеса, отпечатанный тысячь въ 50 экземпляровъ, вышелъ весь, и, когда я попросилъ черезъ два-три дня себѣ нѣсколько экземпляровъ, редакція принуждена была скупить ихъ по книжнымъ лавкамъ. А. И. Г.

²⁾ Maison d'arrêt de Sainte-Pélagie—тюрьма, куда Прудонъ былъ переведенъ изъ Консьержери

³⁾ Эдмонъ, графъ, сторонникъ Ледрю-Роллена.

⁴⁾ Pasquier, Этьеннъ-Денись, членъ палаты пэровъ, орлеаистъ.

«Voix du Peuple» слабы; Прудонъ разсматриваль ихъ и становился все угрюмѣе, потомъ, совершенно разсерженный, обратился къ редакторамъ: «Что же это значить? Пользуясь тѣмъ, что я въ тюрьмѣ, вы спите тамъ въ редакціи! Нѣтъ, господа, эдакъ я откажусь отъ всякаго участія и напечатаю мой отказъ; я не хочу, чтобъ мое имя таскали въ грязи; у васъ надобно стоять за спиной, смотрѣть за каждой строкой. Публика принимаетъ это за мой журналъ. Нѣтъ, этому надобно положить конецъ! Завтра я пришлю статью, чтобъ загладить дурное дѣйствіе вашего маранья, и покажу, какъ я разумѣю духъ, въ которомъ долженъ быть нашъ органъ». Видя его раздраженіе, можно было ожидать, что статья будетъ не изъ самыхъ умѣренныхъ, но онъ превзошелъ наши ожиданія: его «Vive l'Empereur!» былъ диамантъ ироніи,—ироніи ядовитой, страшной.

Сверхъ новаго процесса, правительство отмстило по-своему Прудону. Его перевели въ скверную комнату, т.-е. дали гораздо худшую, въ ней забрали окно до половины досками, чтобъ нельзя было ничего видѣть, кромѣ неба, не велѣли къ нему пускать никого, къ дверямъ поставили особаго часового. И эти средства, неприличныя для исправленія шестнадцатилѣтняго шалуна, употребляли семь лѣтъ тому назадъ съ однимъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка! Не поумнѣли люди со времени Сократа, не поумнѣли со времени Галилея, только стали мельче. Это неуваженіе къ генію, впрочемъ,—явленіе новое, возобновленное въ послѣднее десятилѣтіе. Со времени Возрожденія талантъ становится до нѣкоторой степени охраной: ни Спинозу, ни Лессинга не сажали въ темную комнату, не ставили въ уголъ; такихъ людей иногда преслѣдуютъ и убиваютъ, но не унижаютъ мелочами; ихъ посылаютъ на эшафотъ, но не въ рабочій домъ.

Буржуазно-императорская Франція любитъ равенство.

Гонимый Прудонъ еще рванулся въ своихъ цѣпяхъ, еще сдѣлалъ усиліе издавать «Voix du Peuple» въ 1850, но этотъ опытъ былъ тотчасъ задушень. Мой залогъ былъ схваченъ до копѣйки. Пришлось замолчать единственному человѣку во Франціи, которому было еще что сказать.

Послѣдній разъ я видѣлся съ Прудономъ въ С.-Пелажи; меня высылали изъ Франціи, ему оставались еще два года тюрьмы. Печально простились мы съ нимъ: не было ни тѣни близкой надежды. Прудонъ сосредоточенно молчалъ, досада кипѣла во мнѣ; у обоихъ было много думъ въ головѣ, но говорить не хотѣлось.

Я много слышалъ о его жесткости, rudesse¹⁾, нетерпимо-

¹⁾ Грубости.

сти,—на себѣ я ничего подобнаго не испыталъ. То, что *маикіе* люди называютъ его жесткостью, были упругія мышцы бойца; нахмуренное чело показывало только сильную работу мысли; въ гнѣвѣ онъ напоминалъ сердящагося Лютера или Кромвеля, смѣющагося надъ Крупіономъ¹⁾. Онъ зналъ, что я его понимаю, зналъ и то, какъ немногіе его понимаютъ, и цѣнилъ это. Онъ зналъ, что его считали за человѣка мало экспансивнаго, и, услышавъ отъ Мишле о несчастіи, постигшемъ мою мать и Колю, онъ написалъ мнѣ изъ С.-Пелажи, между прочимъ: «Неужели судьба еще и съ этой стороны должна добивать насъ? Я не могу прійти въ себя отъ этого ужаснаго происшествія. Я васъ люблю и *глубоко ношу васъ* здѣсь, въ этой груди, которую такъ *многіе считаютъ каменной*»²⁾.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ его³⁾; въ 1851 г., когда я, по милости Леона Фуше⁴⁾, пріѣзжалъ въ Парижъ на нѣсколько дней, онъ былъ отосланъ въ какую-то центральную тюрьму. Черезъ годъ я былъ пробѣдомъ и тайкомъ въ Парижѣ⁵⁾; Прудонъ тогда лѣчился въ Безансонѣ.

У Прудона есть отшибленный уголъ, и тутъ онъ неисправимъ, тутъ предѣлъ его личности, и, какъ всегда бываетъ, за нимъ онъ—консерваторъ и человѣкъ преданія. Я говорю о его воззрѣніи на семейную жизнь и на значеніе женщины вообще. «Какъ счастливъ нашъ N,—говаривалъ Прудонъ, шутя:—у него жена не настолько глупа, чтобъ не умѣла приготовить хорошаго pot au feu⁶⁾, и не настолько умна, чтобъ толковать о его статьяxъ. Это все, что надобно для домашняго счастья».

Въ этой шуткѣ Прудонъ, смѣясь, выразилъ серьезную основу своего воззрѣнія на женщину. Понятія его о семейныхъ отношеніяхъ грубы и реакціонны, но и въ нихъ выражается не мѣщанскій элементъ горожанина, а скорѣе упорное чувство сельскаго *pater familias*'а, гордо считающаго женщину за подвластную работницу, а себя—за самодержавнаго главу дома.

Года полтора послѣ того, какъ это было написано, Прудонъ издалъ свое большѣе сочиненіе «*О справедливости въ церкви и революціи*»⁷⁾.

¹⁾ Прозвище, которое дали парламенту, образованному Кромвелемъ послѣ переворота 1653 г.

²⁾ Полностью письмо напечатано на стр. 536—538 т. VI.

³⁾ Послѣ писаннаго, я видѣлся съ нимъ въ Брюсселѣ. А. И. Г.

⁴⁾ Министръ внутр. дѣлъ.

⁵⁾ См. стр. 125 т. VII.

⁶⁾ Бульона.

⁷⁾ «De la justice dans la révolution et dans l'église», 1858 г.

Книгу эту, за которую одичалая Франція снова осудила его на три года тюрьмы, прочиталъ я внимательно и закрылъ третій томъ, задавленный мрачными мыслями.

Тяжкое... тяжкое время!... Разлагающій воздухъ его одуряетъ сильнѣйшихъ...

И этотъ «яркій боець» не выдержалъ, надломился; въ его послѣднемъ трудѣ я вижу ту же мощную діалектику, тотъ же размахъ, но она приводитъ уже его къ прежде задуманнымъ результатамъ; она уже не свободна въ послѣднемъ словѣ. Я подъ конецъ книги слѣдилъ за Прудонемъ, какъ Кентъ слѣдилъ за королемъ Лиромъ, ожидая, какъ онъ образумится, но онъ заговаривался больше и больше,—такіе же припадки нетерпимости, необузданной рѣчи, какъ у Лира, и такъ же «Every inch» ¹⁾ обличаетъ талантъ, но... талантъ «тронутый». И онъ бѣжитъ съ трупомъ,—только не дочери, а матери, которую считаетъ живой! ²⁾

Романская мысль, религіозная въ самомъ отрицаніи, суевѣрная въ сомнѣніи, отвергающая одни авторитеты во имя другихъ, рѣдко погружалась далѣе, глубже in medias res ³⁾ дѣйствительности, рѣдко такъ діалектически смѣло и вѣрно снимала съ себя всѣ путы, какъ въ этой книгѣ. Она отрѣшилась въ ней не только отъ дуализма религіи, но и отъ ухищреннаго дуализма философіи; она освободилась не только отъ небесныхъ привидѣній, но и отъ земныхъ; она перешагнула черезъ сентиментальный апоѳеозъ человечества, черезъ фатализмъ прогресса, у ней нѣтъ тѣхъ неизмѣняемыхъ литій о братствѣ, демократіи и прогрессѣ, которыя такъ жалко утомляютъ среди раздора и насилія. Прудонъ пожертвовалъ пониманію революціи ея идолами, ея языкомъ и перенесъ нравственность на единственную реальную почву, — грудь человѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ, «развѣ его».

И послѣ всего этого великій иконоборецъ испугался освобожденной личности человѣка, потому что, освободивъ ее отвлеченно, онъ впалъ снова въ метафизику, придалъ ей *небывалую волю*, не сладилъ съ нею и повелъ на закланіе богу безчеловѣчному, холодному богу *справедливости*, богу равновѣсія, тишины, покоя, богу браминовъ, ищущихъ потерять все личное и распуститься, опочить въ безконечномъ мірѣ ничтожества.

¹⁾ Every inch a king—каждый вершокъ—король («Король Лиръ» Шекспира).

²⁾ Я долею измѣнилъ мое мнѣніе объ этомъ сочиненіи Прудона (1866).
А. И. Г.

³⁾ Въ самую сущность.

На пустомъ алтарѣ поставлены *отсы*. Это будутъ новые кавдинскія фуркулы ¹⁾ для человѣчества.

«Справедливость», къ которой онъ стремится,—даже не художественная гармонія Платоновой республики, не *изящное* уравниваніе страстей и жертвъ. Галльскій трибунъ ничего не беретъ изъ «анархической и легкомысленной Греціи», онъ стоически попираетъ ногами личныя чувства, а не ищетъ согласовать ихъ съ требой семьи и общины. «Свободная» личность у него часовой и работникъ безъ выслуги, она несетъ службу и должна стоять на караулѣ до смѣны смертью, она должна морить въ себѣ все личнострастное, все внѣшнее долгу, потому что *она—не она*, ея смыслъ, ея сущность внѣ ея; она—органъ справедливости, она *предназначена*, какъ дѣва Марія, носить въ мученіяхъ идею и водворить ее на свѣтъ для спасенія государства.

Семья, первая ячейка общества, первая ясли справедливости, осуждена на вѣчную, безвыходную работу: она должна служить жертвенникомъ очищенія отъ личнаго, въ ней должны быть вытравлены страсти. Суровая римская семья въ современной мастерской—идеаль Прудона. Христіанство слишкомъ изнѣжило семейную жизнь, оно предпочло Марію Марѣѣ, мечтательницу хозяйкѣ, оно простило согрѣшившей и протянуло руку раскаявшейся за то, что она много любила, а въ Прудоновой семьѣ именно надобно мало любить. И это не все: христіанство гораздо выше ставитъ личность, чѣмъ семейныя отношенія ея. Оно сказало сыну: «брось отца и мать и иди за мной»,—сыну, котораго слѣдуетъ, во имя *воплощенія справедливости*, снова заковать въ колодки безусловной отцовской власти, сыну, который не можетъ имѣть воли при отцѣ, лучше всего въ выборѣ жены. Онъ долженъ закалиться въ рабствѣ, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться тираномъ дѣтей, рожденныхъ безъ любви, по долгу, для продолженія семьи. Въ этой семьѣ бракъ будетъ нерасторгаемъ, но зато холодный, какъ ледъ; бракъ—собственно, побѣда надъ любовью: чѣмъ меньше любви между женой-кухаркой и мужемъ-работникомъ, тѣмъ лучше. И эти старыя, изношенныя пугала изъ гегелизма правой стороны пришлось-то мнѣ еще разъ увидѣть подъ перомъ Прудона!

Чувство изгнано, все замерло, цвѣта исчезли, остался утомительный, тупой, безвыходный трудъ современнаго пролетарія,—трудъ, отъ котораго, по крайней мѣрѣ, была свободна аристокра-

¹⁾ Т.-е. ущелія. Намекъ на сраженіе, проигранное римлянами въ 321 г. до Р. Х. въ Кавдинскихъ ущеліяхъ (*Furculae Caudinae*), послѣ чего, какъ извѣстно, побѣдитель (самнитяне) заставилъ ихъ пройти подъ ярмомъ.

тическая семья древняго Рима, основанная на рабствѣ; нѣтъ больше ни поэзіи церкви, ни бреда вѣры, ни упованія рая, даже и стиховъ къ тѣмъ порамъ «не будутъ больше писать», по увѣренію Прудона, зато работа будетъ «увеличиваться». За свободу личности, за самобытность дѣйствія, за независимость можно пожертвовать религиознымъ убаюкиваніемъ, но пожертвовать всѣмъ для воплощенія идеи справедливости,—что это за вздор!

Человѣкъ осужденъ на работу; онъ долженъ работать до тѣхъ поръ, пока опустится рука; сынъ вынетъ изъ холодныхъ пальцевъ отца стругъ или молотъ и будетъ продолжать вѣчную работу. Ну, а какъ въ ряду сыновей найдется одинъ поумнѣе, который положить долото и спроситъ: «Да изъ чего же мы это выбиваемся изъ силъ?». «Для торжества справедливости», скажетъ ему Прудонъ. А новый Каинъ отвѣтитъ ему: «Да кто же мнѣ поручилъ торжество справедливости?». «Какъ кто? развѣ все призваніе твое, вся твоя жизнь не есть воплощеніе справедливости?». «Кто же поставилъ эту цѣль?—скажетъ на это Каинъ. Это слишкомъ старо, Бога нѣтъ, а заповѣди остались. Справедливость не есть мое призваніе, работать—не долгъ, а необходимость; для меня семья совсѣмъ не пожизненныя колодки, а среда для моей жизни, для моего развитія. Вы хотите держать меня въ рабствѣ, а я бунтую противъ васъ, противъ вашего безмѣна такъ, какъ вы всю вашу жизнь бунтовали противъ капитала, штыковъ, церкви, такъ, какъ всѣ французскіе революціонеры бунтовали противъ феодальной и католической традиціи. Или вы думаете, что послѣ взятія Бастиліи, послѣ террора, послѣ войны и голода, послѣ короля мѣщанина и мѣщанской республики, я повѣрю вамъ, что Ромео не имѣлъ правъ любить Джульету за то, что старыя дураки Монтекки и Капулетти длили вѣковую ссору, и что я ни въ тридцать, ни въ сорокъ лѣтъ не могу выбрать себѣ подруги безъ позволенія отца? что измѣнившую женщину нужно казнить, позорить? Да за кого же вы меня считаете съ вашей юстиціей?»

А мы, съ своей діалектической стороны, на подмогу Каину прибавили бы, что все понятіе о *цѣли* у Прудона совершенно непоследовательно. Телеологія, это—тоже теологія, это—февральская республика, т.-е. та же іюльская монархія, но безъ Людовика-Филиппа. Какая же разница между предопредѣленной цѣлесообразностью и промысломъ? ¹⁾

¹⁾ Самъ Прудонъ сказалъ: «Rien ne ressemble plus à la préméditation, que la logique des faits» ⁰⁾. А. И. Г.

⁰⁾ Ничто не похоже такъ на преднамѣренность, какъ логика фактовъ.

Прудонъ, черезъ край освободивши личность, испугался, взглянувъ на своихъ современниковъ, и, чтобъ эти каторжные, ticket of leave ¹⁾, не надѣлали бѣдъ, онъ ловить ихъ въ капканъ римской семьи.

Въ растворенныя двери реставрированнаго атріума, безъ ларя и пенатъ, видится уже не *анархія*, не уничтоженіе власти, государства, а строгій чинъ, съ централизаціей, съ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, съ наслѣдствомъ и съ лишеніемъ его за наказаніе; всѣ старыя римскіе грѣхи выглядываютъ съ ними изъ щелей своими мертвыми глазами статуи.

Античная семья ведетъ естественно за собой античное отечество съ своимъ ревнивымъ патриотизмомъ, этой свирѣпой добродѣтелью, которая пролила вдесятеро больше крови, чѣмъ всѣ пороки вмѣстѣ.

Человѣкъ, прикрѣпленный къ семьѣ, дѣлается снова крѣпокъ землѣ. Его движенія очерчены, онъ пустилъ корни въ свое поле, онъ только на немъ то, что онъ есть; «французъ, живущій въ Россіи,—говоритъ Прудонъ,—русскій, а не французъ». Нѣтъ больше ни колоній, ни заграничныхъ факторій, живи каждый у себя...

«Голландія не погибнетъ,—сказалъ Вильгельмъ Оранскій въ страшную минуту,—она сядетъ на корабли и уѣдетъ куда-нибудь въ Азію, а здѣсь мы спустимъ плотины». Вотъ какіе народы бываютъ свободны.

Такъ и англичане: какъ только ихъ начинаютъ тѣснить, они плывутъ за океанъ и тамъ заводятъ юную и болѣе свободную Англію. А уже, конечно, нельзя сказать объ англичанахъ, чтобъ они или не любили своего отечества, или чтобъ они были не національны. Расплывающаяся во всѣ стороны Англія заселила полміра въ то время, какъ скудная соками Франція однѣ колоніи потеряла, а съ другими не знаетъ, что дѣлать. Онѣ ей и не нужны; Франція довольна собой и лѣпитъ все больше и больше къ своему средоточію, а средоточіе—къ своему господину. Какая же независимость можетъ быть въ такой странѣ?

А, съ другой стороны, какъ же бросить Францію, la belle France? «Развѣ она и теперь не самая свободная страна въ мірѣ, развѣ ея языкъ—не лучшій языкъ, ея литература—не лучшая литература, развѣ ея силлабическій стихъ не звучнѣе греческаго гекзаметра!» Къ тому же ея всемірный геній усваиваетъ себѣ и мысль, и твореніе всѣхъ временъ и странъ; «Шекспиръ и

¹⁾ Свидѣтельство, предоставляющее арестанту извѣстныя льготы.

Кантъ, Гете и Гегель развѣ не сдѣлались своими во Франціи?». И еще больше—Прудонъ забылъ, что она ихъ исправила и одѣла, какъ помѣщики одѣваютъ мужиковъ, когда ихъ берутъ во дворъ.

Прудонъ заключаетъ свою книгу католической молитвой, положенной на социализмъ; ему стоило только разстричь нѣсколько церковныхъ фразъ и прикрыть ихъ, вмѣсто клобука, фригійской шапкой, чтобъ молитва «византинскихъ» ¹⁾ архіереевъ какъ разъ пришлась архіерею социализма!

Что за хаосъ! Прудонъ, освобождаясь отъ всего, кромѣ *разума*, хотѣлъ остаться не только мужемъ въ родѣ Синей-Бороды, но и французскимъ націоналистомъ съ литературнымъ шовинизмомъ и безграничной родительской властью, а потому вслѣдъ за крѣпкой, полной силъ мыслью свободнаго человѣка слышится голосъ свирѣпаго старика, диктующаго свое завѣщаніе и хотящаго теперь сохранить своимъ дѣтямъ ветхую храмину, которую онъ подкапывалъ всю жизнь.

Не любить романскій міръ свободы, онъ любитъ только домогаться ея; силы на *освобожденіе* онъ иногда находитъ, на *свободу*—никогда. Не печально ли видѣть такихъ людей, какъ Огюсть Контъ, какъ Прудонъ, которые послѣднимъ словомъ ставятъ: одинъ какую-то мандаринскую іерархію, другой свою каторжную семью и апоѳеозъ безчеловѣчнаго *pereat mundus—fiat justicial* ²⁾

¹⁾ По-французски «византійскихъ»—«byzantin».

²⁾ Пусть міръ погибнетъ, лишь бы торжествовала справедливость.

РАЗДУМЬЕ ПО ПОВОДУ ЗАТРОНУТЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

I.

... Съ одной стороны, безотвѣтно спаянная, заклепанная наглухо семья Прудона, неразрывный бракъ, нераздѣльность отцовской власти, семья, въ которой для *общественной* цѣли лица гибнуть, *кромя* одною; свирѣпый бракъ, въ которомъ признана неизмѣняемость чувствъ, кабала обѣту, съ другой—возникающія ученія, въ которыхъ бракъ и семья развязаны, признана неотра-зимая власть страстей, необязательность былого и независимость лицъ.

Съ одной стороны, женщина, чуть не побиваемая камнями за измѣну; съ другой,—самая ревность, поставленная hors la loi ¹⁾, какъ болѣзненное, искаженное чувство эгоизма, пропріетаризма и романтическаго ниспроверженія здоровыхъ и естественныхъ понятій.

Гдѣ истина... гдѣ діагональ? Двадцать три года тому назадъ я уже искалъ выхода изъ этого лѣса противорѣчій ²⁾.

Мы смѣлы въ отрицаніяхъ и всегда готовы толкнуть всякаго перуна въ воду, но перуны домашней и семейной жизни какъ-то waterproof ³⁾, они все «выдыбаются». Можетъ, въ нихъ и не осталось смысла, но жизнь осталась; видно, орудія, употребляемые противъ нихъ, только скользнули по ихъ змѣиной чешуѣ, уронили ихъ, оглушили... но не убили.

¹⁾ Вънѣ закона.

²⁾ «По поводу одной драмы». А. И. Г.

³⁾ Непромокаемы.

Ревность... Вѣрность... Измѣна... Чистота... Темныя силы, грозныя слова, по милости которыхъ текли рѣки слезъ, рѣки крови,—слова, заставляющія содрагаться насъ, какъ вспоминаніе объ инквизиціи, пыткѣ, чумѣ... и притомъ слова, подъ которыми, какъ подъ Дамокловымъ мечемъ, жила и живетъ семья.

Ихъ не выгонишь за дверь ни бранью, ни отрицаніемъ. Они остаются *за уломъ* и дремлютъ, готовые при малѣйшемъ поводѣ все губить: близкое и дальнее, губить насъ самихъ...

Видно, надобно оставить благое намѣреніе тушить до тла такіе тлѣющіе пожары и скромно ограничиться только тѣмъ, чтобъ разрушительный огонь человѣчески направить и укротить. Логикой страстей обуздать нельзя, такъ, какъ судомъ нельзя ихъ оправдать. Страсти—факты, а не догматы.

Ревность, сверхъ того, состояла на особыхъ правахъ. Сама по себѣ сильная и *совершенно естественная* страсть, она до сихъ поръ, вмѣсто обузданія, укрощенія, была только подстрекаема. Христіанское ученіе, ставящее изъ ненависти къ тѣлу все плотское на необыкновенную высоту, аристократическое поклоненіе своей крови, чистотѣ породы развило до нелѣпости понятіе несмываемаго пятна, смертельной обиды. Ревность получила *jus gladii* ¹⁾, право суда и мести. Она сдѣлалась *долгомъ чести*, чуть не добродѣтелью. Все это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, но затѣмъ, все же, на днѣ души остается очень *реальное* и несокрушимое чувство *боли, несчастія*, называемое ревностью, — чувство элементарное, какъ само чувство любви, противостоящее всякому отрицанію, — чувство «ирредуктибельное» ²⁾.

...Тутъ опять тѣ вѣчныя грани, тѣ кавдинскія фуркулы, подъ которыя насъ гонитъ исторія. Съ обѣихъ сторонъ *правда*, съ обѣихъ—*ложь*. Бойкимъ *entweder—oder* ³⁾ и тутъ ничего не возьмешь. Въ минуту полнаго отрицанія *одною* изъ терминовъ, *онъ* возвращается, такъ, какъ за послѣдней четвертью мѣсяца является съ другой стороны первая.

Гегель *снималъ* эти пограничныя столбы человѣческаго разума, подымаясь въ *безусловный духъ*; въ немъ они не исчезали, а *преображались, исполнялись*, какъ выражалась нѣмецкая теологическая наука; это—мистицизмъ, философская теодицея, аллегорія и самое дѣло, намѣренно смѣшанные. Всѣ религіозныя примиренія непримираемаго дѣлаются *искупленіями*, т.-е. священнымъ преобразова-

¹⁾ Право меча.

²⁾ Простое, недѣлимое.

³⁾ Или—или.

ніемъ, священнымъ обманомъ, такимъ разрѣшеніемъ, которое не разрѣшаетъ, а дается на вѣру. Что можетъ быть противоположнѣ *личной воли и необходимости*, а вѣрой и онѣ легко примиряются. Человѣкъ безропотно въ одно и то же время принимаетъ справедливость наказанія за поступокъ, который былъ предопредѣленъ.

Самъ Прудонъ поступилъ, въ другомъ порядкѣ вопросовъ, гораздо человѣчественнѣ нѣмецкой науки. Онъ выходитъ изъ экономическихъ противорѣчій тѣмъ, что признаетъ обѣ стороны подъ обузданіемъ высшаго начала. Собственность — *право* и собственность — *кража* становятся рядомъ, въ вѣчномъ колебаніи, въ вѣчномъ восполненіи, подъ постоянно растущимъ міродержавіемъ *справедливости*. Ясно, что противорѣчія и споръ переносятся въ другую сферу и что къ отвѣту требовать приходится понятіе справедливости больше, чѣмъ право собственности.

Чѣмъ высшее начало проще, менѣ мистично и менѣ одно-сторонне, чѣмъ оно реальнѣе и прилагаемѣе, тѣмъ полнѣе оно сводитъ термины противорѣчащіе на ихъ наименьшее выраженіе.

Безусловный, «перехватывающій» духъ Гегеля замѣненъ у Прудона грозною идеей справедливости.

Но и ею врядъ ли разрѣшатся вопросы страстей. Страсть сама по себѣ несправедлива. Справедливость отвлекается отъ личностей, она междулична, — страсть только индивидуальна.

Тутъ выходъ не въ судѣ, а въ человѣческомъ развитіи личностей, въ выходѣ ихъ изъ лирической замкнутости на бѣлый свѣтъ, *въ развитіи общихъ интересовъ*.

Радикально уничтожить ревность значитъ уничтожить *любовь къ лицу*, замѣняя ее любовью къ женщинѣ или къ мужчинѣ, вообще, любовью къ полу. Но именно только *личное, индивидуальное* и нравится, оно-то и даетъ колоритъ, tonus, страстность всей нашей жизни. Нашъ лиризмъ *личный*, наше счастье и несчастье — *личное* счастье и несчастье. Доктринаризмъ со всей своей логикой такъ же мало утѣшаетъ въ личномъ горѣ, какъ и римскія консулляции съ своей риторикой. Ни слезъ о потерѣ, ни слезъ ревности вытереть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтобъ *онѣ лились человѣчески...* и чтобъ въ нихъ равно не было ни монашескаго яда, ни дикости звѣря, ни вопля уязвленнаго собственника ¹⁾.

¹⁾ Читая корректурный листъ, мнѣ попалась французская газета, въ которой разсказанъ чрезвычайно характеристическій случай. Возлѣ Парижа какой-то студентъ завелъ связь съ дѣвушкой; связь эта открылась. Отецъ ея отправился къ студенту и умолялъ его со слезами, *на колыняхъ, воз-*

II.

Свести отношенія мужчины и женщины на случайную половую встрѣчу такъ же невозможно, какъ поднять и свинтить ихъ до гробовой доски въ неразрывномъ бракѣ. И то, и другое можетъ встрѣтиться на закраинахъ половыхъ и брачныхъ отношеній, какъ частный случай, какъ исключеніе, но не какъ общее правило. Половое отношеніе перервется или будетъ постоянно стремиться къ болѣе тѣсному и прочному соединенію такъ, какъ нерасторгаемый бракъ—къ освобожденію отъ внѣшней цѣпи.

Люди постоянно протестовали противъ обѣихъ крайностей. Нерасторгаемый бракъ былъ принимаемъ ими лицомъ къ лицу или сгоряча. Случайная близость никогда не имѣла полной инвеституры, ее всегда скрывали такъ, какъ хвастались бракомъ. Всѣ попытки официальной регламентаціи публичныхъ домовъ, несмотря на то, что онѣ имѣютъ въ виду ихъ стѣсненіе, оскорбляютъ общественный нравственный смыслъ. Онѣ въ устройствѣ видятъ признаніе. Проектъ, сдѣланный однимъ господиномъ въ Парижѣ, во время директоріи, о заведеніи привилегированныхъ публичныхъ домовъ, съ своей іерархіей и проч. былъ даже въ тѣ времена принятъ свистомъ и палъ подъ громомъ смѣха и пренебреженія.

Здоровая жизнь человѣка равно бѣжитъ отъ монастыря и отъ скотнаго двора, отъ безполяя инока, поставленнаго церковью выше брака, и отъ бездѣтнаго удовлетворенія страстей...

Бракъ для христіанства—уступка, непослѣдовательность, сла-

становить честь дочери и жениться на ней; студентъ съ дерзостью отказался. Колѣнопреклоненный отецъ далъ ему пощечину, студентъ его вызвалъ, они стрѣлялись; во время дуэли, старика хватилъ параличъ, изуродовавшій его. Студентъ сконфузился и «рѣшилсѣ жениться», а невѣста огорчилась и рѣшилась выйти замужъ. Газета прибавляетъ, что такая *счастливая* развязка, вѣрно, будетъ много способствовать къ выздоровленію старика. Неужели все это—не сумасшедшій домъ? неужели Китай, Индія, надъ юродствами которыхъ мы столько издѣваемся, представляютъ что-нибудь безобразнѣе, глупѣе этой исторіи? я уже не говорю—безнравственнѣе. Парижскій романъ во сто разъ преступнѣе всѣхъ поджариваемыхъ вдовъ и зарываемыхъ весталокъ. Тамъ *вѣра*, снимающая всякую отвѣтственность, а здѣсь одни условныя, прозрачныя понятія о внѣшней чести, о внѣшней репутаціи... Не явно ли изъ дѣла, что за человѣкъ студентъ? За что же судьбу дѣвушки сковали съ нимъ à perpétuité ⁹⁾. За что же ее сгубили для спасенія имени!? О, Бедламъ! (1866). А. И. Г.

⁹⁾ Пожизненно.

бость. Христіанство смотритъ на бракъ такъ, какъ общество на конкубинатъ.

Монахъ и католическій попъ приговорены къ вѣчному безбрачью въ награду за глупую побѣду свою надъ человѣческой природой.

Вообще, христіанскій бракъ мраченъ и несправедливъ; онъ возстановляетъ неравенство, противъ котораго проповѣдуетъ евангеліе, и отдаетъ жену въ рабство мужу. Жена пожертвована, любовь (ненавистная церкви) жертвована; выходя изъ церкви, она становится излишней и замѣняется долгомъ и обязанностью. Изъ самаго свѣтлаго, радостнаго чувства христіанство сдѣлало боль, истому и грѣхъ.

Роду человѣческому приходилось или вымереть, или быть непослѣдовательнымъ. Оскорбленная жизнь протестовала.

Протестовала она не только фактами, сопровождаемыми раскаяніемъ и угрызеніемъ совѣсти, а сочувствіемъ, реабилитацией. Протестъ начался въ самый разгаръ католичества и рыцарства.

Грозный мужъ, Рауль-Синяя Борода, въ латахъ, съ мечомъ, своевольный, ревнивый и беспощадный, босой монахъ, угрюмый, безумный, изувѣръ, готовый мстить за свои лишенія, за свою ненужную борьбу, тюремщики, палачи, лазутчики... и гдѣ-нибудь въ башнѣ или подвалѣ рыдающая женщина, юноша-пажъ въ цѣпяхъ, за которыхъ никто не вступится. Все мрачно, дико, вездѣ кровь, ограниченность, насиліе и латинская молитва въ нось.

Но за спиной монаха, исповѣдника и тюремщика, стоящихъ на стражѣ брака съ грознымъ мужемъ, отцомъ, братомъ, слагается въ тиши *народная легенда*, раздается пѣсня, ходитъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ замка въ замокъ, съ трубадуромъ и миннезингеромъ,—она поетъ за несчастную женщину. Судь разить, пѣсня отпускаетъ. Церковь предаетъ анаемѣ любовь внѣ брака, пѣсня проклиняетъ бракъ безъ любви. Она защищаетъ влюбленнаго пажу, падшую жену, угнетенную дочь не разсужденіемъ, а сочувствіемъ, жалостью, плачемъ. Пѣсня для народа—его свѣтская молитва, его *другой* выходъ изъ голодной, холодной жизни, душевной тоски и тяжелой работы.

Въ праздничные дни литаніи Богородицѣ смѣнялись печальными звуками *des complaintes* ¹⁾, которая не предавали позору несчастную женщину, а оплакивали ее и ставили передъ всѣхъ скорбящихъ Дѣвой, прося Ея заступы и прощенія.

Изъ пѣсенъ и легендъ протестъ растетъ въ романъ и драму. Въ драмѣ онъ становится силой. Обиженная любовь, мрачныя тайны семейной неправды получили свою трибуну, свой публичный судъ. Процессъ ихъ потрясалъ тысячи сердецъ, вырывая слезы и крики

¹⁾ Народныя пѣсни на сюжетъ трагической или религіозной.

негодования противъ кабальнаго брака и насильственно скованной семьи. Присяжные партера и ложъ произносили постоянно свое оправданіе лицамъ и осужденіе институтамъ.

Между тѣмъ, въ эпоху политическихъ перестроекъ и свѣтскаго направленія умовъ, одна изъ двухъ крѣпкихъ ножекъ брака стала подламываться. Переставая все болѣе и болѣе быть таинствомъ, т.-е. теряя послѣднюю основу свою, онъ тѣмъ больше опирался на полицію. Только мистическимъ вмѣшательствомъ высшей силы и можетъ быть оправданъ христіанскій бракъ. Тутъ есть своя логика, безумная, но логика. Квартальный, надѣвающий на себя трехцвѣтный шарфъ и вѣнчающій съ гражданскимъ кодексомъ въ рукѣ, гораздо нелѣпѣе священника въ ризѣ, окруженнаго дымомъ ладана, образами, чудесами. Самъ первый консулъ Наполеонъ, самый буржуазно-политическій человѣкъ въ дѣлѣ любви и семьи, догадался, что бракъ на съѣзжей больно плохъ, и уговаривалъ Камбасереса ¹⁾ прибавить какую-нибудь обязательную фразу, моральную, особенно такую, которая поучала бы новобрачную, что она обязана быть *вѣрной* мужу (о немъ ни слова) и слушаться его.

Какъ скоро бракъ выходитъ изъ сферъ мистицизма, онъ дѣлается *expédient* ²⁾, внѣшней мѣрой. Ее ввели испуганные «Синія-Бороды», обрившіеся и сдѣлавшіеся «синими подбородками», Раули въ судейскихъ парикахъ, академическихъ фракахъ, народные представители и либералы, попы кодекса. Гражданскій бракъ—мѣра государственнаго хозяйства, освобожденіе государства отъ воспитанія дѣтей и вѣщее прикрѣпленіе людей къ собственности. Бракъ безъ вмѣшательства церкви сдѣлался кабальнымъ контрактомъ на пожизненное отданіе своего тѣла другъ другу. До вѣры, до мистическихъ бредней законодателю дѣла нѣтъ, лишь бы контрактъ былъ исполненъ; а не будетъ исполненъ, онъ найдетъ средства наказать и добить. Да отчего же и не наказать? Въ Англіи, въ классической странѣ юридическаго развитія, подвергаютъ же страшнѣйшимъ истязаніямъ шестнадцатилѣтняго мальчика, котораго старый казарменный сводникъ, съ лентами на шляпѣ, напоитъ элемъ и джиномъ и завербууетъ въ полкъ. Отчего же не наказывать позоромъ, разореніемъ, выдачей головой дѣвочку, которая, не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, законтрактовалась на пожизненную любовь и допустила *extra* ³⁾, забывая, что *season ticket* ⁴⁾ не передается.

¹⁾ Жанъ-Жакъ, ближайшій совѣтникъ Наполеона I.

²⁾ Средствомъ для достиженія какой-либо цѣли.

³⁾ Излишнее, сверхъ обычнаго.

⁴⁾ Сезонный билетъ.

Но и на «синій подбородокъ» нашлись свои труверы ¹⁾ и романтисты. Противъ контрактнаго брака водрузился догматъ психіатрической, фізіологической, догматъ *абсолютной непреложности страстей и человѣческой несостоятельности бороться съ ними.*

Вчерашніе рабы брака идутъ въ рабство любви. На любовь суда нѣтъ, противъ нея силъ нѣтъ.

Затѣмъ стирается всякій разумный контроль, всякая отвѣтственность, всякое самообузданіе. Покореніе человѣка неотразимымъ и неподчиненнымъ ему силамъ—дѣло совершенно противоположное тому освобожденію въ разумъ и разумомъ, тому образованію характера свободнаго человѣка, къ которому стремятся разными путями всѣ соціальныя ученія.

Мнимыя силы, если люди ихъ принимаютъ за дѣйствительныя, точно такъ же мощны, какъ и дѣйствительныя, и это потому, что матеріаль, даваемый человѣкомъ, *тотъ же*, какая бы сила ни была. Человѣкъ, который боится духовъ, и человѣкъ, который боится бѣшеныхъ собакъ, боится одинаковымъ образомъ и можетъ умереть отъ страха. Разница въ томъ, что въ одномъ случаѣ чело-вѣку можно доказать, что онъ боится вздора, а въ другомъ нельзѧ.

Я отрицаю то царственное мѣсто, которое даютъ *любви* въ жизни, я отрицаю ея самодержавную власть и протестую противъ слабодушнаго оправданія увлеченіемъ.

Неужели мы освободились отъ всего на свѣтѣ: отъ бога и діавола, отъ римскаго и уголовнаго права, и провозгласили разумъ единственнымъ путеводителемъ и регуляторомъ для того, чтобъ скромно, какъ Геркулесъ, лечь у ногъ Омфалы или уснуть на колѣняхъ Далилы? Неужели женщина искала своего освобожденія отъ ига семьи, вѣчной опеки, тиранства мужа, отца, брата, искала своихъ правъ на самобытный трудъ, на науку и гражданское значеніе для того, чтобъ снова начать всю жизнь ворковать, какъ горлица, и изнывать отъ десятка Леоновъ Леони ²⁾, вмѣсто одного?

Да, женщину въ этомъ вопросѣ мнѣ всего больше жаль: ее безвозвратнѣе точить и губить всепожирающей Молохъ любви. Она больше вѣруеть въ него, больше страдаетъ. Она больше сосредоточена на одномъ половомъ отношеніи, больше *знана въ любовь...* Она больше сведена съ ума и меньше насъ доведена до него.

Мнѣ ее жаль.

¹⁾ Trouvère — трубадуръ.

²⁾ Герой романа Ж. Сандъ подъ такимъ же заглавіемъ.

III.

Развѣ кто-нибудь серьезно, честно старался разбить предрасудки въ женскомъ воспитаніи? Ихъ разбиваетъ опытъ, и оттого-то ломится не предрасудокъ, а жизнь.

Люди обходятъ вопросы, насъ занимающіе, какъ старухи и дѣти обходятъ кладбище или мѣста, на которыхъ совершилось злодѣйство. Однѣ боятся нечистыхъ духовъ, другіе чистой правды, и остаются при фантастическомъ неустройствѣ и неизслѣдованной тѣмѣ. Серьезнаго единства во взглядѣ на половыя отношенія такъ же мало, какъ во всѣхъ практическихъ сферахъ. Все еще мерещится возможность соединить христіанскую нравственность, идущую отъ попраиія плоти на *totus sanctus*, съ земной, реальной нравственностью *этой* свѣта. Съ досады, что не ладится, и чтобъ не долго мучить себя надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, люди оставляютъ по выбору и по вкусу то, что имъ нравится изъ церковнаго ученія, и бросаютъ то, что не нравится, на томъ самомъ основаніи, на которомъ, не соблюдая постовъ, усердно ѣдятъ блины, и, не оставляя веселыхъ религіозныхъ обычаевъ, устраняются отъ скучныхъ. А, кажется, давно пора внести больше спѣтости и мужества въ поведеніе. Пусть уважающій законъ остается подзаконнымъ и не нарушаетъ его, а не принимающій—свободнымъ отъ него открыто и сознательно.

Трезвый взглядъ на людскія отношенія гораздо труднѣе для женщины, чѣмъ для насъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онѣ больше обмануты воспитаніемъ, меньше знаютъ жизнь и оттого чаще отступаютъ и ломаютъ голову и сердце, чѣмъ освобождаются, всегда бунтуютъ и остаются въ рабствѣ, стремятся къ перевороту и пуше всего поддерживаютъ существующее.

Съ дѣтскихъ лѣтъ дѣвушка испугана половымъ отношеніемъ, какой-то *страшной, нечистой тайной*, отъ которой ее предостерегаютъ, отстрачиваютъ, какъ будто, этотъ грѣхъ имѣетъ какую-то чарующую силу. И потомъ то же чудовище, то же *magnum ignotum*¹⁾, пятнающее неизгладимымъ пятномъ, дальнѣйшій намекъ на которое заставляетъ краснѣть и позорить, ставится цѣлью ея жизни. Мальчику, едва умѣющему ходить, даютъ жестяную саблю, приучая его къ убійству; ему пророчатъ гусарскій мундиръ и эполеты; дѣвочку

1) Великое неизвѣстное.

убаюкиваютъ надеждой богатаго, красиваго жениха, и она мечтаетъ объ эполетахъ, но не на своихъ плечахъ, а на плечахъ суженаго.

«Dors, dors, mon enfant,
Jusqu'à l'âge de quinze ans,
A quinze ans faut te réveiller,
A quinze ans faut te marier»¹⁾.

Надобно дивиться хорошей человѣческой натурѣ, не поддающей такому воспитанію; слѣдовало бы ожидать, что всѣ дѣвочки, такъ убаюканныя съ пятнадцати лѣтъ, пустятся на ускоренную замѣну убитыхъ мальчиками, приученными съ дѣтства къ смертоноснымъ оружіямъ.

Христіанское ученіе вселяетъ ужасъ передъ «плотью» прежде, чѣмъ организмъ сознаетъ свой полъ; оно будитъ въ ребенкѣ опасный вопросъ, бросаетъ тревогу въ отроческую душу, и, когда приходитъ время отвѣта, *другое* ученіе возводитъ, какъ мы сказали, для дѣвушки половое назначеніе въ искомый идеалъ; ученица становится *невѣстой*, и та же тайна, тотъ же грѣхъ, но *очищенный*, является вѣнцомъ воспитанія, желаніемъ всѣхъ родныхъ, стремленіемъ всѣхъ усилій, чуть не общественнымъ долгомъ. Искусства и науки, образованіе, умъ, красота, богатство, грація,— все устремлено туда же, все это—розы, которыми усыпается путь къ *официальному* паденію, къ тому же грѣху, мысль о которомъ считалась преступленіемъ, но которое измѣнило свою сущность тѣмъ чудомъ, которымъ папа, взалкавши на дорогѣ, благословлялъ *скоромное блюдо въ постное*.

Словомъ, отрицательно и положительно все воспитаніе женщины остается воспитаніемъ половыхъ отношеній, около нихъ вертится вся ея послѣдующая жизнь... *отъ нихъ* она бѣжитъ, *къ нимъ* она бѣжитъ, *ими* опозорена, *ими* гордится... Сегодня хранить отрицательную святость непорочности, сегодня ближайшей подругѣ, краснѣя, шопотомъ говорить о любви; завтра при блескѣ и шумѣ, при толпѣ, зажженныхъ люстрахъ и громѣ музыки бросается въ объятія мужчины.

Невѣста, жена, мать,—женщина едва подъ старость, *бабушкой*, освобождается отъ половой жизни и становится самобытнымъ существомъ, особенно, если *дѣдушка* умеръ. Женщина, помѣченная любовью, не скоро ускользаетъ отъ нея... беременность, кормленіе, воспитаніе, развитіе той же тайны, того же акта любви;

¹⁾ Спи, спи, дитя мое, до пятнадцати лѣтъ. Въ пятнадцать лѣтъ тебя надо разбудить, въ пятнадцать лѣтъ тебя надо выдать замужъ.

въ женщинѣ онъ продолжается не въ одной памяти, а въ крови и въ тѣлѣ, въ ней онъ бродить и зрѣть и, разрываясь, не разрывается.

На это физиологически-крѣпкое и глубокое отношеніе христіанство дунуло своимъ лихорадочнымъ, монашескимъ аскетизмомъ, своими романтическими бреднями и раздуло его въ безумное и разрушительное пламя ревности, мести, кары, обиды.

Выпутаться женщинѣ изъ этого хаоса—геройскій подвигъ; его совершаютъ однѣ рѣдкія, исключительныя натуры; остальные женщины мучатся и, если не сходятъ съ ума, то только благодаря легкомыслію, съ которымъ мы всѣ живемъ до грозныхъ столкновеній и ударовъ, не мудрствуя лукаво и бессмысленно переходя со дня на день, отъ случайности къ случайности и отъ противорѣчія къ противорѣчю.

Какую ширину, какое человѣчески-сильное и человѣчески-прекрасное развитіе надобно имѣть женщинѣ, чтобъ перешагнуть всѣ палисады, всѣ частоколы, въ которыхъ она поймана!

Я видѣлъ одну борьбу и одну побѣду...

ГЛАВА XLII.

Coup d'état ¹⁾.—Прокуроръ покойной республики.—Гласъ коровій въ пустынь.—Высылка прокурора.—Порядокъ и цивилизація торжествуютъ.

«Vive la mort, друзья, и съ новымъ годомъ! Теперь будемъ послѣдовательны, не измѣнимъ собственной мысли, не испугаемся осуществленія того, что мы предвидѣли, не отречемся отъ знанія, до котораго дошли скорбнымъ путемъ. Теперь будемъ сильны и стоимъ за наши убѣжденія.

«Мы давно видѣли приближающуюся смерть; мы можемъ печалиться, принимать участіе, но не можемъ ни удивляться, ни отчаиваться, ни погнать голову. Совсѣмъ напротивъ, намъ надобно ее поднять,—мы оправданы. Насъ называли зловѣщими воронами, накликающими бѣды, насъ упрекали въ расколѣ, въ незнаніи народа, въ гордомъ удаленіи, въ дѣтскомъ негодованіи, а мы были только виноваты въ истинѣ и въ откровенномъ высказываніи ея. Рѣчь наша, оставаясь та же, становится утѣшеніемъ, одобреніемъ устрашенныхъ событіями въ Парижѣ» (*«Письма изъ Франціи и Италіи», письмо XIV, Ницца, 31 дек. 1851.*)

Утромъ, помнится, 4 декабря, вошелъ ко мнѣ нашъ поваръ Pasquale Rocca и съ довольнымъ видомъ объявилъ, что въ городѣ

¹⁾ Государственный переворотъ.

продаютъ афиши съ извѣщеніемъ о томъ, что «Бонапартъ разогналъ собраніе и назначилъ *красное* правительство». Кто такъ усердно служилъ Наполеону и распространялъ даже внѣ Франціи (тогда Ницца была итальянской) такіе слухи въ народѣ, не знаю, но каково должно быть число всякаго рода агентовъ, политическихъ кочегаровъ, взбивателей, подогрѣвателей, когда и на Ниццу хватило?

Черезъ часъ явились Фогтъ, Орсини, Хоецкій, Матье ¹⁾ и др., — всѣ были удивлены... Матье, типическое лицо изъ французскихъ революціонеровъ, былъ внѣ себя.

Лысый, съ черепомъ въ видѣ грецкаго орѣха, т.-е. съ черепомъ чисто галльскимъ, непомѣстительнымъ, но упрямымъ, съ большой, темной и нечесаной бородой, съ довольно добрымъ выраженіемъ и маленькими глазами, Матье походилъ на пророка, на юродиваго, на авгура и на его птицу. Онъ былъ юристъ и въ счастливые дни февральской республики былъ гдѣ-то прокуроромъ или за прокурора. Революціонеръ онъ былъ до конца ногтей: онъ отдался революціи такъ, какъ отдаются религіи: съ полной вѣрой, никогда не дерзалъ ни понимать, ни сомнѣваться, ни мудрствовать лукаво, а любилъ и вѣрилъ, называлъ Ледрю-Роллена «Ледрррю» и Луи-Блана «Бланомъ» просто, говорилъ, когда могъ, «citoyen» и постоянно конспиривалъ.

Получивши вѣсть 2 декабря, онъ исчезъ и возвратился черезъ два дня съ глубокимъ убѣжденіемъ, что Франція поднялась, *que cela chauffe* ²⁾, и особенно на югѣ, въ Варскомъ департаментѣ, около Драгиньяна. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобъ войти въ сношенія съ представителями возстанія... Кой-кого онъ видѣлъ и съ ними рѣшилъ ночью, перейдя Варъ на извѣстномъ мѣстѣ, собрать на совѣщаніе людей важныхъ и надежныхъ... Но, чтобъ жандармы не могли догадаться, было положено съ обѣихъ сторонъ подавать сигналы «коровьимъ мычаніемъ». Если дѣло пойдетъ на ладъ, Орсини хотѣлъ привести всѣхъ своихъ друзей и, не совѣмъ довѣряя вѣрному взгляду Матье, самъ отправился вмѣстѣ съ нимъ черезъ границу. Орсини возвратился, покачивая головой, однако, вѣрный своей революціонной и немного кондотьерской натурѣ, сталъ готовить своихъ товарищей и оружіе. Матье пропалъ.

Черезъ сутки ночью меня будить Рокка, часа въ четыре:

¹⁾ Mathieu de l'Ardèche, Пьеръ-Анри, франц. политическій дѣятель и юристъ.

²⁾ Что каша заваривается.

«Два господина прямо съ дороги; имъ очень нужно, говорятъ они, васъ видѣть». Одинъ изъ нихъ далъ эту записку: «Гражданинъ, Бога ради, какъ можно скорѣе, вручите подателю 300 или 400 фран., крайне нужно. *Матье*».

Я захватилъ деньги и сошелъ внизъ: въ полумракѣ сидѣли у окна двѣ замѣчательныя личности; привычный ко всѣмъ мундирамъ революціи, я, все-таки, былъ пораженъ посѣтителями. Оба были покрыты грязью и глиной съ колѣнъ до пятокъ; на одномъ былъ красный шарфъ, шерстяной и толстый, на обоихъ—затасканныя пальто, по жилету поясъ, за поясомъ большіе пистолеты, остальное, какъ слѣдуетъ: включенные волосы, большія бороды и крошечныя трубки. Одинъ изъ нихъ, сказавъ «citoyen», произнесъ рѣчь, въ которой коснулся до моихъ цивическихъ добродѣтелей и до денегъ, которыя ждетъ Матье. Я отдалъ деньги.

— Онъ въ безопасности?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ его посоль,—мы сейчасъ идемъ къ нему за Варъ. Онъ покушаетъ лодку.

— Лодку? зачѣмъ?

— Гражданинъ Матье имѣетъ цѣлый планъ высадки,—гнусный трусъ лодочникъ не хотѣлъ дать въ наемъ лодку...

— Какъ, высадку во Франціи?... съ одной лодкой?...

— Пока, гражданинъ, это тайна.

— *Comme de raison* ¹⁾.

— Прикажете расписку?

— Помилуйте, зачѣмъ.

На другой день явился самъ Матье, точно такъ же по уши въ грязи... и усталый до изнеможенія; онъ всю ночь мычалъ коро-вой, нѣсколько разъ, казалось, слышалъ отвѣтъ, шелъ на сигналъ и находилъ дѣйствительнаго быка или корову. Орсини, прождавъ его гдѣ-то часовъ десять кряду, тоже возвратился. Разница между ними была та, что Орсини, вымытый и, какъ всегда, со вкусомъ и чисто одѣтый, походилъ на человѣка, вышедшаго изъ своей спальни, а Матье носилъ на себѣ всѣ признаки, что онъ нарушалъ спокойствіе государства и покушался возстать.

Началась исторія лодки. Долго ли до грѣха,—сгубилъ бы онъ полдюжины своихъ да полдюжины итальянцевъ. Остановить, убѣдить его было невозможно. Съ нимъ показались и военачальники, приходившіе ко мнѣ ночью; можно было быть увѣреннымъ, что онъ компрометируетъ не только всѣхъ французовъ, но и насъ

¹⁾ Какъ и слѣдуетъ.

всѣхъ въ Ниццѣ. Хоецкій взялся его уговорить и сдѣлалъ это артистомъ.

Окно Хоецкаго, съ небольшимъ балкономъ, выходило прямо на взморье. Утромъ онъ увидѣлъ Матье, бродящаго съ таинственнымъ видомъ по берегу моря... Хоецкій сталъ ему дѣлать знаки; Матье увидѣлъ и показалъ, что сейчасъ придетъ къ нему, но Хоецкій выразилъ страшнѣйшій ужасъ,—телеграфировалъ ему руками неминуемую опасность и требовалъ, чтобъ онъ подошелъ къ балкону. Матье, оглядываясь и на цыпочкахъ, подкрался.

— Вы не знаете?—спросилъ его Хоецкій.

— Что?

— Въ Ниццѣ взводъ французскихъ жандармовъ.

— Что вы?!

— Ш-ш-ш-ш... Ищутъ васъ и вашихъ друзей, хотятъ дѣлать у насъ домовый обыскъ,—васъ сейчасъ схватятъ, не выходите на улицу.

— Violation du territoire ¹⁾... я буду протестовать.

— Непремѣнно, только теперь спасайтесь.

— Я въ St.-Hélène, къ Герцену.

— Съ ума вы сошли! Прямо себя отдать въ руки: дача его на границѣ съ огромнымъ садомъ; и не провѣдаютъ, какъ возьмутъ, да и Рокка видѣлъ уже вчера двухъ жандармовъ у воротъ.

Матье задумался.

— Идите моремъ къ Фогту, спрячьтесь у него покамѣстъ, онъ, кстати, всего лучше вамъ дастъ совѣтъ.

Матье берегомъ моря, т.-е. вдвое дальше, пошелъ къ Фогту и началъ съ того, что рассказалъ ему отъ доски до доски разговоръ съ Хоецкимъ. Фогтъ въ ту же минуту понялъ, въ чемъ дѣло, и замѣтилъ ему:

— Главное, любезный Матье, не теряйте ни минуты времени. Вамъ черезъ два часа надобно ѣхать въ Туринъ; за горой проходить дилижансъ, я возьму мѣсто и проведу васъ тропинкой.

— Я сбѣгаю домой за пожитками...—и прокуроръ республики нѣсколько замаялся.

— Это еще хуже, чѣмъ итти къ Герцену. Что вы, въ своемъ ли умѣ? за вами слѣдятъ жандармы, агенты, шпіоны... а вы, домой цѣловаться съ вашей толстой провансалкой! Экой Селадонъ! Дворникъ!—закричалъ Фогтъ (дворникъ его дома былъ крошечный нѣмецъ, уморительный, похожій на давно немывтый кофейникъ и очень преданный Фогту).—Пишите скорѣе, что вамъ нужна ру-

¹⁾ Вторженіе въ чужую территорію.

башка, платокъ, платье, онъ принесетъ, и, если хотите, приведетъ сюда вашу Дульцинею, цѣлуйтесь и плачьте, сколько хотите.

Матье отъ избытка чувствъ обнялъ Фогта.

— Торопитесь, торопитесь!—говорилъ онъ съ зловѣщимъ видомъ.

Между тѣмъ, воротился дворникъ, пришла и Дульцинея,—осталось ждать, когда дилижансъ покажется за горой. Мѣсто было взято.

— Вы, вѣрно, опять рѣжете гнилыхъ собакъ или кроликовъ?—спросилъ Хоецкій у Фогта—*Quel chien de métier* ¹⁾!

— Нѣтъ.

— Помилуйте, у васъ такой запахъ въ комнатѣ, какъ въ катакомбахъ въ Неаполѣ.

— Я и самъ чувствую, но не могу понять. Это изъ угла... вѣрно, мертвая крыса подъ поломъ—страшная вонь... И онъ снялъ шинель Матье, лежавшую на стулѣ. Оказалось, что запахъ идетъ изъ шинели.

— Что за чума у васъ въ шинели?—спросилъ его Фогтъ.

— Ничего нѣтъ.

— Ахъ, это, вѣрно, я,—замѣтила, краснѣя, Дульцинея,—я ему положила на дорогу фунтъ лимбургскаго сыра въ карманъ, *un peu trop fait* ²⁾.

— Поздравляю вашихъ сосѣдей въ дилижансѣ,—кричалъ Фогтъ, хохоча, какъ онъ одинъ въ свѣтѣ умѣетъ хохотать.—Ну, однако, пора. Маршъ!

И Хоецкій съ Фогтомъ выпроводили агитатора въ Туринъ.

Въ Туринѣ Матье явился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ протестомъ. Тотъ его принялъ съ досадой и смѣхомъ.

— Какъ же вы могли думать, чтобъ французскіе жандармы ловили людей въ сардинскомъ королевствѣ?—вы нездоровы.

Матье сослался на Фогта и Хоецкаго.

— Ваши друзья,—сказалъ министръ,—надъ вами пошутили.

Матье написалъ Фогту; тотъ нагородилъ ему, не знаю какой вздоръ въ отвѣтъ. Но Матье надулся, особенно на Хоецкаго, и черезъ нѣсколько недѣль написалъ мнѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Вы одинъ, гражданинъ, изъ этихъ господъ не участвовали въ коварномъ поступкѣ противъ меня...»

Къ характеристическимъ странностямъ этого дѣла принадлежитъ, безъ сомнѣнія, то, что возстаніе въ Варѣ было очень силь-

¹⁾ Какое собачье ремесло!

²⁾ Немного перезрѣлый (спеціальное выраженіе о сырѣ).

ное, что народныя массы, дѣйствительно, поднялись и были усмирены оружіемъ съ обыкновенной французской кровожадностью. Отчего же Матье и тѣлохранители его, при всемъ усердіи и мычаніи, не знали, гдѣ къ нимъ примкнуть? Никто не подозрѣваетъ ни его, ни его товарищей, что они намѣренно ходили пачкаться въ грязи и глинѣ и не хотѣли итти туда, гдѣ была опасность, — совсѣмъ нѣтъ. Это вовсе не въ духѣ французовъ, о которыхъ Дельфина Ге ¹⁾ говорила, что «они всего боятся, за исключеніемъ ружейныхъ выстрѣловъ», и еще больше не въ духѣ *de la démocratie militante* ²⁾ и красной республики... Отчего же Матье шелъ направо, когда возставшіе крестьяне были налѣво?

Нѣсколько дней спустя, какъ желтый листъ, гонимый вихремъ, стали падать на Ниццу несчастныя жертвы подавленнаго возстанія. Ихъ было такъ много, что піемонтское правительство, до поры до времени, дозволило имъ остановиться какими-то биваками или цыганскимъ таборомъ возлѣ города. Сколько бѣдствій и несчастій видѣли мы на этихъ кочевьяхъ, — это та страшная, закулисная часть внутреннихъ войнъ, которая обыкновенно остается за большой рамой и пестрой декорацией вторыхъ декабря.

Тутъ были простые земледѣльцы, мрачно тосковавшіе о домѣ, о своей землицѣ и наивно говорившіе: «Мы вовсе не возмутители и не *ragageux* ³⁾; мы хотѣли защищать порядокъ, какъ добрые граждане; *ce sont ces coquins* ⁴⁾, которые насъ вызвали (т. е. чиновники, мѣры, жандармы), они измѣнили присягѣ и долгу, — а мы теперь должны умирать съ голоду въ чужомъ краю или итти подъ военный судъ!... Какая же тутъ справедливость?» — И, дѣйствительно, *coup d'état* въ родѣ второго декабря убиваетъ больше, чѣмъ людей: онъ убиваетъ всякую нравственность, всякое понятіе о добрѣ и злѣ у цѣлаго населенія; это — такой урокъ разврата, который не можетъ пройти даромъ. Въ числѣ ихъ были и солдаты, *troupiers* ⁵⁾, которые не могли сами надивиться, какъ они, вопреки дисциплинѣ и приказаніямъ капитана, очутились не съ той стороны, съ которой полкъ и знамя. Ихъ число, впрочемъ, не было велико.

Тутъ были простые, небогатыя буржуа, которые на меня не дѣлаютъ того омерзительнаго впечатлѣнія, какъ не простые; жалкіе, ограниченные люди, они кой-какъ, съ трудомъ, между обмѣ-

1) Жена Эмиля Жирардена, франц. писательница.

2) Воинствующей демократіи.

3) Буквально: раздаватели; ироническое названіе коммунистовъ.

4) Это тѣ негодяи.

5) Служивые.

риваніємъ и обвѣшиваніємъ усваивая себѣ двѣ-три мысли и полумысли объ обязанностяхъ, возстали за нихъ, когда увидѣли, что ихъ святыня попорана. «Это—побѣда эгоизма,—говорили они;—да, да, эгоизма, а ужъ гдѣ эгоизмъ, тутъ порокъ; надобно, чтобы каждый исполнялъ долгъ свой безъ эгоизма».

Тутъ были, разумѣется, и городскіе работники, этотъ искренній и настоящій элементъ революціи, стремящейся декретировать *la sociale* ¹⁾ и въ ту же мѣру воздать буржуа и *aristo* ²⁾, въ какую они имъ воздаютъ.

Наконецъ, тутъ были раненые, и страшно раненые. Я помню двоихъ крестьянъ среднихъ лѣтъ, доползшихъ, оставляя кровавый слѣдъ, отъ границы до предмѣстья, въ которомъ жители подняли ихъ полумертвыми. За ними гнался жандармъ; видя, что граница недалеко, онъ выстрѣлилъ въ одного и раздробилъ ему плечо... Раненый продолжалъ бѣжать... Жандармъ выстрѣлилъ еще разъ; раненый упалъ; тогда онъ поскакалъ за другимъ и нагналъ его сначала пулей, а потомъ самъ. Второй раненый сдался; жандармъ второпяхъ привязалъ его къ лошади и вдругъ хватился перваго... Тотъ доползъ до перелѣска и пустился бѣжать... Догнать его верхомъ было трудно, особенно съ другимъ раненымъ, оставить лошадь невозможно... *Жандармъ выстрѣлилъ «à bout portant»* ³⁾ *плѣчю ному въ олову, сверху внизъ*; тотъ упалъ замертво: пуля раздробила ему всю правую сторону лица, всѣ кости. Когда онъ пришелъ въ себя, — никого не было... Онъ добрался по знакомымъ тропинкамъ, протоптаннымъ контрабандистами, до Вара и перешелъ его, исходя кровью; тутъ онъ нашелъ совершенно истощеннаго товарища и съ нимъ *дожилъ* до первыхъ домовъ St.-Hélène. Тамъ, какъ я сказалъ, ихъ спасли жители. Первый раненый говорилъ, что послѣ выстрѣла онъ зарылся въ какіе-то кусты, что онъ потомъ слышалъ голоса, что охотникъ-жандармъ, вѣрно, настигъ другихъ и поэтому удалился.

Каково усердіе французской полиціи!

За нимъ слѣдовало усердіе мэровъ, ихъ помощниковъ, прокуроровъ *республики* и префектовъ; оно показалось при подачѣ и счетѣ голосовъ. Все это — исторіи чисто французскія, извѣстныя всему міру. Скажу только, что въ отдаленныхъ мѣстахъ мѣры для достиженія огромнаго большинства при вотированіи были взяты съ сельской простотой. По ту сторону Вара, въ первомъ мѣстечкѣ

¹⁾ Соціализмъ.

²⁾ Аристократу.

³⁾ Въ упоръ.

мэръ и жандармскій brigadier сидѣли возлѣ урны и смотрѣли, какой бюллетень кто кладетъ, тутъ же говоря, что они свернутъ потомъ въ бараній рогъ всякаго *бунтовщика*. Казенные бюллетени были печатаны на особой бумагѣ,—ну, такъ и вышло, что во всемъ мѣстечкѣ нашлось, не знаю, пять или десять смѣльчаковъ безпардонныхъ, вотировавшихъ противъ плебисцита; остальные, и съ ними вся Франція, вотировали имперію in spe ¹⁾.

¹⁾ Въ будущемъ.

ГЛАВА XLIII.

1848.

«Такъ много понимать,—писала Natalie къ Огареву въ концѣ 1846 года, — и не имѣть силы сладить съ этимъ, не имѣть твердости пить равно горькое и сладкое, а останавливаться на первомъ—жалко! И это все я понимаю какъ нельзя больше и, все-таки, не могу выработать себѣ не только наслажденія, но даже снисхожденія... Хорошее я понимаю внѣ себя, отдаю ему должную справедливость, а въ душѣ отражается одно мрачное и мучаетъ меня и терзаетъ. Дай же мнѣ твою руку и скажи со мною вмѣстѣ, что тебя *ничто не удовлетворяетъ*, что ты ничѣмъ, ничѣмъ не доволенъ, а потомъ научи меня радоваться, веселиться, наслаждаться,— у меня все есть для этого, лишь развей эту способность».

Эти строки и остатокъ журнала, относящагося къ тому же времени и приложеннаго въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, писаны подъ вліяніемъ московскихъ размолвокъ. Темная сторона снова брала верхъ; отдаленіе Грановскихъ испугало Natalie; ей казалось, что весь кругъ распадается, и что мы остаемся одни съ Огаревымъ... Женщина, едва вышедшая изъ ребячества, которую она любила, какъ меньшую сестру ²⁾, ушла дальше другихъ. Вырваться, во что бы то ни стало, изъ этого круга сдѣлалось тогда страстной *idée fixe* Natalie.

Мы уѣхали.

Сначала новость Парижа, потомъ просыпавшаяся Италія и революціонная Франція захватили всю душу. Личное раздумье было побѣждено исторіей... Такъ дожили мы до іюньскихъ дней... Еще

¹⁾ Герценъ такъ и не указалъ ему мѣста; «Дневникъ» Н. А — ны на стр. 435—440 т. IV.

²⁾ Е. Б. Грановская.

прежде этихъ страшныхъ, кровавыхъ дней пятнадцатое мая провело косою по вторымъ всходамъ надеждъ... «Трехъ полныхъ мѣсяцевъ не прошло еще послѣ 24 февраля, «башмаковъ еще не успѣли износить», въ которыхъ строили баррикады, а ужъ Франція напрашивалась на рабство» ¹⁾. Капли крови не прожилось въ этотъ день; это былъ тотъ сухой ударъ грома при чистомъ небѣ, вслѣдъ за которымъ чуется страшная гроза. Въ этотъ день я съ какимъ-то ясновидѣніемъ заглянулъ въ душу буржуа, въ душу работника,—и ужаснулся. Я видѣлъ свирѣпое желаніе крови съ обѣихъ сторонъ,—сосредоточенную ненависть со стороны работниковъ и плотоядное, свирѣпое самосохраненіе со стороны мѣщанъ. Такіе два стана не могли стоять другъ возлѣ друга, толкаясь ежедневно въ совершенной чрезполосицѣ—въ домѣ, на улицѣ, въ мастерской, на рынкѣ. Страшный, кровавый бой, не предсказывавшій ничего добраго, былъ за плечами. Этого никто не видѣлъ, кромѣ консерваторовъ, накликавшихъ его;—ближайшіе знакомые говорили съ улыбкой о моемъ раздражительномъ пессимизмѣ. Имъ легче было схватить ружье и итти умирать на баррикаду, чѣмъ смѣло взглянуть въ глаза событіямъ; имъ, вообще, хотѣлось не пониманія дѣла, а торжества надъ противниками; имъ хотѣлось поставить на своемъ.

Я становился дальше и дальше отъ всѣхъ. Пустота грозила и тутъ,—но вдругъ барабанный бой утромъ, рано дребезжавшій по улицамъ сборъ возвѣстилъ начало катастрофы.

Іюньскіе дни, дни, шедшіе за ними, были ужасны; они положили черту въ моей жизни. Повторю нѣсколько строкъ, писанныхъ мною черезъ мѣсяць.

«Женщины плачутъ, чтобъ облегчить душу; мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать,—не для того, чтобъ описывать, объяснять кровавыя событія, а просто, чтобъ говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать!.. Въ ушахъ еще раздаются выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ; въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности: раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ, и нѣсколько капель крови на рукѣ; омнибусы, наполненные трупами, плѣнные со связанными руками, пушки на Place de la Bastille, лагерь у Porte St. Denis, на Елисейскихъ поляхъ и мрачное ночное «Sentinelle, prenez garde à vous!..» ²⁾. Какія тутъ описанія! мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра...

¹⁾ «Письма изъ Франціи и Италіи», IX. А. И. Г.

²⁾ Часовой, берегись!

«Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кругомъ, вблизи, вдали выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой, и знать, что возлѣ льется кровь, рѣжутъ, колютъ; что возлѣ умираютъ, — отъ этого можно умереть, сойти съ ума. Я не умеръ, но я состарился; я опраляюсь послѣ июньскихъ дней, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

«А торжественно начались они. Двадцать третьяго числа, часа въ четыре, передъ обѣдомъ, шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville; лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленьямъ; небо было покрыто тучами; шелъ дождикъ... Я остановился на Pont Neuf. Сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ, и середь всего этого раздавался мѣрный, протяжный звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія на берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца, ярко выходившими изъ-подъ тучи; барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась со стороны Карузельской площади ¹⁾.

«Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, — будто, я съ нимъ прощался. Я страстно любилъ Парижъ въ эту минуту; это была послѣдняя дань великому городу: послѣ июньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

«Съ другой стороны рѣки, на всѣхъ переулкахъ и улицахъ строились баррикады. Я, какъ теперь, вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни; дѣти, женщины помогали имъ. На одну баррикаду, повидимому оконченную, взошелъ молодой политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально-торжественнымъ голосомъ марсельезу; всѣ работавшіе запѣли, и хоръ этой великой пѣсни, раздававшійся изъ-за камней баррикады, захватывалъ душу... Набатъ все раздавался... Между тѣмъ, по мосту простучала артиллерія, и генераль Бедо осматривалъ съ моста въ трубу *непріятельскую* позицію...

«Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24 февраля; закромы «Националя» дали имъ исполнителей.

«Вечеромъ 26 іюня мы услышали, послѣ побѣды «Националя» надъ Парижемъ, правильные залпы съ небольшими разстановками... Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленя...

¹⁾ Place du Carrousel.

«Вѣдь, это разстрѣливаютъ»,—сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. *Горе тѣмъ, кто прощаетъ такія минуты!*

«Послѣ бойни, продолжавшейся четверо сутокъ, наступили тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены; рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ; надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили ходили по бульварамъ, распѣвая: «Mourir pour la patrie» ¹⁾; мальчишки 16—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ; на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобъ привѣтствовать побѣдителей. Кавеньякъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга, убишаго десятки французовъ. Буржуазія торжествовала. А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились; стѣны, разбитыя ядрами, обваливались; раскрытая внутренность комнатъ представляла каменные раны; сломанная мебель тлѣла; куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... А гдѣ же хозяйева, жильцы? Объ нихъ никто и не думалъ... мѣстами посыпали пескомъ, но кровь, все-таки, выступала... Къ Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженья деревья Елисейскихъ полей; на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла; въ Тюльерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

«Прошло еще нѣсколько дней, и Парижъ сталъ принимать обычный видъ; толпы праздношатающихся снова явились на бульварахъ; нарядныя дамы ѣздили въ коляскахъ и кабріолетахъ *смотреть* развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя... Одни частые патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни. Тогда только стало уясняться прошедшее... У Байрона есть описаніе ночной битвы. Кровавыя подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки: клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ; онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго» ²⁾.

¹⁾ Умереть за отечество.

²⁾ «Съ того берега», 411—414.

...Natalie писала около того же времени въ Москву: «Я смотрю на дѣтей и плачу; мнѣ становится страшно; я не смѣю больше желать, *чтобъ они были живы*: можетъ, и ихъ ждетъ такая же страшная, ужасная доля».

Въ этихъ словахъ—отголосокъ всего пережитаго, въ нихъ виднѣются и омнибусы, набитые трупами, и плѣнные со связанными руками, провожаемые ругательствами, и бѣдный глухонѣмой мальчикъ, подстрѣленный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ воротъ за то, что не слышалъ «*пassez au large!*»¹⁾.

И какъ же иначе могло это отразиться на душѣ женщины, такъ несчастно-глубоко понимавшей все печальное... Тутъ и свѣтлые характеры стали мрачны, исполнены желчи; какая-то злая боль ныла внутри, и какой-то родовой стыдъ дѣлалъ неловкимъ жизнь.

Не фантастическое горе по идеаламъ, не воспоминанія дѣвичьихъ слезъ и христіанскаго романтизма всплыло еще разъ надо всѣмъ въ душѣ Natalie, а скорбь истинная, тяжелая, не по женскимъ плечамъ. Живой интересъ Natalie къ общему не охладѣлъ; напротивъ, онъ сдѣлался *живою болью*. Это было сокрушеніе сестры, материнскій плачъ на печальномъ полѣ только-что миновавшей битвы. Она была *въ самомъ дѣлѣ* то, что Рашель дгала своей марсельезой.

Наскучивъ безплодными спорами, я схватился за перо и самъ въ себѣ съ какимъ-то внутреннимъ озлобленіемъ убивалъ прежнія упованія и надежды²⁾. Ломавшая, мучившая меня сила исходила этими страницами заклинаній и обидъ, въ которыхъ и теперь, перечитывая, я чувствую лихорадочную кровь и негодование, выступающее черезъ край... Это былъ выходъ.

У нея не было его. Утромъ дѣти, вечеромъ наши раздраженные, злые споры,—споры прозекторовъ съ плохими лѣкарями. Она страдала, а я, вмѣсто врачеванья, подавалъ горькую чашу скептицизма и ироніи. Если-бъ за ея больной душой я вполонину такъ ухаживалъ, какъ ходилъ потомъ за ея больнымъ тѣломъ, я не допустилъ бы побѣгамъ отъ развѣдающаго корня проникнуть во всѣ стороны... Я самъ ихъ укрѣпилъ и вырастилъ, не извѣдавъ, можетъ ли она вынести ихъ, сладить съ ними...

Самая жизнь наша устроилась странно. Рѣдко бывали тихіе вечера интимной бесѣды, мирнаго покоя. Мы не успѣли еще запи-

¹⁾ Проходи! (окрикъ часового).

²⁾ Писалъ «Съ того берега».

рать дверей отъ постороннихъ. Къ концу года начали отовсюду являться гонимые изъ всёхъ странъ; бездомные скитальцы, они искали отъ скуки, отъ одиночества какого-нибудь дружескаго крова и теплаго привѣта. Вотъ какъ она писала объ этомъ: «Мнѣ надобно китайскія тѣни, я не знаю, зачѣмъ и кого я вижу; знаю только, что слишкомъ много вижу людей; все хорошіе люди и *иногда*, мнѣ кажется, я была бы съ ними съ удовольствіемъ, а такъ слишкомъ часто, жизнь такъ похожа на капель весною: капъ, капъ, капъ, капъ... Все утро, какъ открываются глаза, забота о Сашѣ, о Наташѣ, и весь день эта забота; я не могу сосредоточиться ни на одну минуту, *разстѣяна* такъ, что мнѣ становится иногда страшно больно; приходитъ вечеръ, дѣти укладываются, — ну, кажется, отдохну... Нѣтъ, пошли бродить хорошіе люди, и отъ этого пуще тяжело, что хорошіе люди; тогда-бъ я была совсѣмъ одна, а тутъ и не одна, и присутствія ихъ *не чувствую*, будто, дымъ кругомъ бродитъ, глаза ѣсть, дышать тяжело, а уйдуть, — ничего не остается... Настаетъ завтра, — все то же, настаетъ другое завтра — все то же... Никому другому я-бъ этого не сказала, — примуть за жалобу, подумаютъ, «недовольна жизнью»; ты понимаешь меня, ты *знаешь*, что я ни съ кѣмъ въ свѣтѣ не промѣнялась бы; ты понимаешь, что это — минутное негодованье, усталъ... Струя свѣжаго воздуха — и я воскресаю во всей силѣ» (21 декабря 1848 года)...

«Если-бъ все говорить, что проходитъ по головѣ, мнѣ иногда такъ страшно становится, глядя на своихъ дѣтей... Что за смѣлость, что за дерзость сдѣлать новое существо, *заставитъ* его жить и не имѣть ничего, ничего для того, чтобъ сдѣлать жизнь его счастливою... Это страшно, иногда я кажусь себѣ преступницей; легче отнять жизнь, нежели дать, если-бъ это дѣлалось съ сознаниемъ. Я еще не встрѣчала никого, про кого могла бы сказать: «вотъ, если-бъ мой ребенокъ былъ такой», т.-е. если-бъ его жизнь была такая... Мой взглядъ упрощается все болѣе и болѣе. Вскорѣ послѣ рожденія Саши я желала, чтобъ онъ былъ великій человекъ, позже, — чтобъ онъ былъ тѣмъ, другимъ... наконецъ, я хочу, чтобъ»...

Тутъ письмо прервано тифоидной горячкой Таты, вполне разившейся, но 15 декабря добавлено: «Ну, такъ я хотѣла сказать тогда, что теперь я ничего не хочу сдѣлать изъ дѣтей, лишь бы имъ жилось весело и хорошо, остальное все пустяки»...

24 января 1849: «Какъ бы я хотѣла иногда тоже бѣгать по мышинному, и чтобъ эта бѣготня меня интересовала, а то быть такъ праздною, такъ праздною среди этой суеты, среди этихъ необходимостей... И заняться тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣла, нельзя; какъ мучительно чувствовать себя всегда въ такой дисгармоніи съ окружа-

ющимъ, съ существующимъ—я не говорю о самомъ тѣсномъ, тѣсномъ кругѣ—да, если-бъ можно было въ немъ заключиться,—нелзя! Хочется далѣе, вонъ... Но хорошо было итти вонъ, когда мы были въ Италиі! А теперь... Такъ что же это? тридцать лѣтъ и тѣ же стремленья, та же жажда, та же неудовлетворенность,—да, это я говорю громко,—та же неудовлетворенность... А Наташа подошла на этомъ словѣ и такъ крѣпко меня расцѣловала... Неудовлетворенность?! Я слишкомъ счастлива, *la vie déborde* ¹⁾... Но

«Отчего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?» ²⁾

«Только съ тобой я такъ могу говорить; ты меня поймешь оттого, что ты такъ же слаба, какъ я, но съ другими, кто сильнѣе и слабѣе, я бы не хотѣла *такъ* говорить, не хотѣла бы, чтобъ они *слышали*, какъ я говорю. Для нихъ я найду сюжетъ другой. Протомъ меня пугаетъ мое равнодушіе; такъ небольшое, такъ немногіе меня интересуютъ... Природа,—только не въ кухнѣ, исторія,—только не въ камерѣ, потомъ семья, потомъ еще двое-трое—вотъ и все. А, вѣдь, какіе все добрые, какъ занимаются моимъ здоровьемъ, Колиной глухотой»...

27 января. «Наконецъ, силъ недостаетъ смотрѣть на предсмертныя судороги этого старца — слишкомъ продолжительны, а жизнь такъ коротка; мною овладѣлъ эгоизмъ, оттого что самоотверженіемъ ничего не сдѣлаешь, развѣ, только доказать пословицу: «на людяхъ и смерть красна». Но довольно умирать, хотѣлось бы пожить, я-бъ бѣжала въ Америку... Чему мы повѣрили, что мы приняли осуществленнымъ, то было только пророчество, и пророчество очень раннее. Какъ тяжело, какъ безотрадно, — мнѣ хочется плакать, какъ ребенку. Что личное счастье?.. общее, какъ воздухъ обхватываетъ тебя, а этотъ воздухъ исполненъ только предсмертнымъ заразительнымъ дыханіемъ».

1 февраля. N...N., если-бъ ты знала, другъ мой, какъ темно, какъ безотрадно за порогомъ личнаго, частнаго! О, если-бъ можно было заключиться въ немъ и забыться, забыть все, кромѣ этого тѣснаго круга... Душно, невыносимо... Невыносимо броженіе, котораго результатъ будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ; существо мое

¹⁾ Жизнь бьетъ черезъ край.

²⁾ Изъ «Думы сокола» Кольцова.

слишкомъ слабо, чтобъ всплыть изъ этого броженія и смотрѣть такъ вдаль, — оно сжимается, уничтожается». Это письмо заключается словами: «Я желаю имѣть такъ мало силы, чтобъ не чувствовать своего существованія; когда я его чувствую, я чувствую всю *дисгармонію* всего существующаго»... ¹⁵

Реакція торжествовала; сквозь блѣдно-синюю республику виднѣлись черты претендентовъ; національная гвардія ходила на охоту по блузамъ, префектъ полиціи дѣлалъ облавы по роцамъ и катакомбамъ, отыскивая скрывавшихся. Люди менѣе воинственные доносили, подслушивали.

До осени мы были окружены своими, сердились и грустили на родномъ языкѣ: Т. ¹⁾ жили въ томъ же домѣ, М. Ѳ. ²⁾ — у насъ, А. ³⁾ и И. Т. ⁴⁾ приходили всякій день; но все глядѣло вдаль, кружокъ нашъ расходился. Парижъ, вымытый кровью, не удерживалъ больше; всѣ собирались ѣхать безъ особенной необходимости, вѣроятно, думая спастись отъ внутренней тягости, отъ июньскихъ дней, взошедшихъ въ кровь, и которые они везли съ собой.

Зачѣмъ не уѣхалъ и я? Многое было бы спасено, и мнѣ не пришлось бы принести столько человѣческихъ жертвъ и столько самого себя на закланіе богу жестокому и безпощадному.

День нашей разлуки съ Т — ми и съ М. Ѳ. какъ-то особо каркнулъ ворономъ въ моей жизни; я и этотъ сторожевой крикъ пропустилъ безъ вниманія, какъ сотни другихъ.

Всякій человѣкъ, много испытавшій, припомнитъ себѣ дни, часы, рядъ едва замѣтныхъ точекъ, съ которыхъ начинается переломъ, съ которыхъ вѣтеръ тянетъ съ другой стороны; эти знаменія или предостереженія вовсе не случайны: они — послѣдствія, начальныя воплощенія готоваго вступить въ жизнь, обличенія тайно бродящаго и уже существующаго. Мы не замѣчаемъ эти психическія *примѣты*, смѣемся надъ ними, какъ надъ просыпанной солонкой и потушенной свѣчей, потому что считаемъ себя несравненно независимѣе, нежели каковы мы на дѣлѣ, и гордо хотимъ сами управлять своей жизнью.

Наканунѣ отъѣзда нашихъ друзей они и еще человѣка три-четыре близкихъ знакомыхъ собрались у насъ. Путешественники должны были быть на желѣзной дорогѣ въ 7 часовъ утра; ло-

¹⁾ Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ, его жена и дочери Наталія и Елена Алексѣевны.

²⁾ Коршъ.

³⁾ П. В. Анненковъ.

⁴⁾ И. С. Тургеневъ.

житься спать не стоило труда, всѣмъ хотѣлось лучше вмѣстѣ провести послѣдніе часы. Сначала все шло живо, съ тѣмъ нервнымъ раздраженіемъ, которое всегда бываетъ при разлукѣ, но мало-по-малу темное облако стало заволакивать всѣхъ... Разговоръ не клеился, всѣмъ сдѣлалось не по-себѣ; налитое вино выдыхалось, натянутыя шутки не веселили. Кто-то, увидя разсвѣтъ, отдернулъ занавѣску, и лица освѣтились синевато-блѣднымъ цвѣтомъ, какъ на римской оргіи Кутюра ¹⁾).

Всѣ были печальны; я задыхался отъ грусти.

Жена моя сидѣла на небольшомъ диванѣ; передъ ней на колѣняхъ и, скрывая лицо на ея груди, стояла младшая дочь Т. ²⁾, «*Consuèlo di sua alma*» ³⁾,— какъ она ее звала. Она любила страстно мою жену и ѣхала отъ нея поневолѣ въ глушь деревенской жизни; ея сестра грустно стояла возлѣ. Консуэла шептала что-то сквозь слезы, а въ двухъ шагахъ, молча и мрачно, сидѣла М. Ѳ.; она давно свыклась съ покорностью судьбѣ, она знала жизнь, и въ ея глазахъ было просто «прощайте», тогда какъ сквозь слезы молодыхъ дѣвушекъ, все-таки, просвѣчивало «до свиданья».

Потомъ мы поѣхали ихъ провожать. Въ высококомъ, пустомъ каменномъ амбаркадерѣ ⁴⁾ было пронзительно холодно, двери хлопали неистово, и сквозной вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ. Мы усѣлись въ углу на лавкѣ; Т. пошелъ хлопотать съ чемоданами. Вдругъ дверь отворилась, и два пьяныхъ старика шумно вошли въ залу. Платья ихъ были замараны, лица искажены, отъ нихъ несло дикимъ развратомъ. Они вошли, ругаясь; одинъ хотѣлъ ударить другого, тотъ посторонился и, размахнувшись, что есть силы, ударилъ его самого въ лицо; пьяный старикъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Голова его съ какимъ-то дребезжащимъ, пронзительнымъ звукомъ щелкнулась о каменный полъ; онъ вскрикнулъ, приподнялъ голову, кровь лилась ручьями по сдѣтымъ волосамъ и камнямъ. Полиція и пассажиры съ неистовствомъ бросились на другого старика.

Съ вечера раздраженные, взволнованные, въ натянутомъ состояніи, мы крѣпились, но страшное эхо, раздавшееся въ огромной залѣ отъ костяного звука ударившагося черепа, произвело во всѣхъ что-то истерическое. Нашъ домъ и весь нашъ кругъ былъ во всѣ

¹⁾ Тома, франц. художникъ, авторъ картины «Римляне время упадка имперіи».

²⁾ Наталія Алексѣевна.

³⁾ Утѣшеніе ея души.

⁴⁾ Мѣсто отхода поѣздовъ.

времена чистъ и свободенъ отъ «траги-нервическихъ явленій» ¹⁾, но это было сверхъ силъ; я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, жена моя была близка къ обмороку, а тутъ звонокъ... Пора, пора!— и мы остались вдругъ за рѣшеткой одни.

Ничего нѣтъ грубѣе и оскорбительнѣе для разстающагося, какъ полицейскія мѣры во Франціи на желѣзныхъ дорогахъ; онѣ крадутъ у остающагося послѣднія двѣ-три минуты... *Они* еще тутъ, машина не свистнула еще, поѣздъ не отошелъ, но между вами, загородка, стѣна и рука полицейскаго, а вамъ хочется видѣть, какъ сядутъ, какъ тронутся съ мѣста, потомъ слѣдить за отдаленіемъ, за пылью, дымомъ, точкой, слѣдить, когда уже ничего не видать...

...Молча пріѣхали мы домой. Жена моя тихо проплакала всю дорогу: жаль ей было своей Консуэлы; по временамъ, закрываясь въ шаль, она спрашивала меня: «Помнишь этотъ звукъ? онъ у меня въ ушахъ».

Дома я уговорилъ ее прилечь, а самъ сѣлъ читать газеты; читалъ, читалъ и premier Paris ²⁾, и фельетоны, и смѣсь, взглянулъ на часы—еще не было двѣнадцати... Вотъ дени! Я пошелъ къ А. ³⁾, онъ тоже ѣхалъ на дняхъ; съ нимъ мы отправились гулять. Улицы были скучнѣе чтенія... такая тоска... точно, угрызенія совѣсти.

— Пойдемте ко мнѣ обѣдать,—сказалъ я, и мы пошли.

Жена моя была рѣшительно больна. Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ.

— Итакъ, рѣшено,—спросилъ я А., прощаясь,—вы ѣдете въ концѣ недѣли?

— Рѣшено.

— Жутко будетъ вамъ въ Россіи.

— Что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо; въ Петербургѣ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь, и здѣсь теперь не богъ знаетъ, какъ хорошо; какъ бы вамъ не пришлось раскаяться, что остае-
тесь.

Я тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, Ребилъ и Карлье не писали еще своихъ доносовъ; но внутри дѣло было рѣшено. Слова А., между тѣмъ, все-таки, неприятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервъ, я подумалъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, для меня выбора нѣтъ, я долженъ остаться и, если раскаюсь, то скорѣе въ томъ, что не взялъ ружье, когда мнѣ его подавалъ работникъ за баррикадой на Place Maubert.

¹⁾ «Евгеній Онѣгинъ».

²⁾ Передовыя статьи парижскихъ газетъ.

³⁾ Анненковъ.

Много разъ въ минуты отчаяніи и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ *последнемъ*, въ *остальномъ*, приходили мнѣ въ голову эти слова: «Зачѣмъ не взялъ я ружья у работника и не остался за баррикадой?». Незначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собой въ могилу еще два-три вѣрованія.

И опять потянулось время... день за день... сѣрое, скучное... Мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли. Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ, спасшіеся матросы другихъ кораблекрушеній; полные самоувѣренности, надеждъ, они принимали реакцію, подымавшуюся во всей Европѣ, за мимолетный вѣтеръ, за легкую неудачу, они ждали завтра, черезъ недѣлю свой чередъ...

Я чувствовалъ, что они ошибаются, но мнѣ нравилась ихъ ошибка, я старался быть непоследовательнымъ, боролся съ собой и жилъ въ какомъ-то тревожномъ раздраженіи. Время это осталось у меня въ памяти, какъ чадный, угарный день... Я метался отъ тоски туда, сюда, искалъ разсѣяній въ книгахъ, въ шумѣ, въ домашнемъ отшельничествѣ, на людяхъ, но все чего-то недоставало, смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу, и веселая бесѣда оканчивалась почти всегда мрачнымъ молчаніемъ.

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидныя противорѣчія, хаосъ; снова ломка, снова ничего нѣтъ. Давно оконченныя основы нравственнаго быта превращались опять въ вопросы; факты сурово подымались со всѣхъ сторонъ и опровергали ихъ. Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія; оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантии, а революціонныя знамена... изъ общихъ идей оно пробиралось въ жизнь. Пропастъ лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ, переходящимъ въ поведеніе; мысль смѣла, языкъ дерзокъ, онъ легко произноситъ слова, ~~въ~~ ~~отъ~~ которыхъ сердце бьется; въ груди еще тлѣютъ вѣрованія и надежды тогда, когда забѣжавшій умъ качаетъ головой. Сердце отстаётъ, потому что любитъ, и когда умъ приговариваетъ и казнить, оно еще прощаетъ.

Можетъ, въ юности, когда все кипитъ и несется, когда такъ много будущаго, когда потеря однихъ вѣрованій расчищаетъ мѣсто другимъ; можетъ, въ старости, когда все становится безразлично отъ усталости,—эти переломы дѣлаются легче, но «*nel mezzo del camin di nostra vita*» ¹⁾ они достаются не даромъ.

¹⁾ «Въ срединѣ жизненнаго пути»,—первый стихъ «Божественной комедіи» Данте.

Что же, наконецъ, все это? шутка? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали, жизнь обманула, исторія обманула, обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе и дѣла нѣтъ, что съ ними будетъ, когда они придутъ въ себя; она ихъ употребила,—пусть доживаютъ свой вѣкъ въ инвалидномъ домѣ. Стыдъ, досада! А тутъ возлѣ простосердечные друзья жмутъ плечами, удивляются вашему молодуюшю, вашему нетерпѣнію, ждуть завтрашняго дня и, вѣчно озабоченные, вѣчно занятые однимъ и тѣмъ же, ничего не понимаютъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, вѣчно идутъ—и все ни съ мѣста... Они васъ судятъ, утѣшаютъ, журятъ,—какая скука, какое наказанье!

«Люди вѣры, люди любви», какъ они называютъ себя въ противоположность намъ, «людямъ сомнѣнія и отрицанія», не знаютъ, что такое полоть съ корнемъ упованія, взлелѣянная цѣлою жизнью, они не знаютъ *болѣзни истины*, они не отдавали никакого сокровища съ тѣмъ «громкимъ воплемъ», о которомъ говоритъ поэтъ:

Ich riss sie blutend aus dem wunden Herzen,
Und weinte laut und gab sie hin ¹⁾.

Счастливые безумцы, никогда не трезвѣющіе,—имъ незнакома внутренняя борьба, они страдаютъ отъ внѣшнихъ причинъ, отъ злыхъ людей и случайностей; внутри все цѣло, совѣсть покойна, они довольны. Оттого-то червь, точащій другихъ, имъ кажется капризомъ, эпикуреизмомъ сытаго ума, праздною ироніей. Они видятъ, что раненый смѣется надъ своей деревяшкой, и заключаютъ, что ему операція ничего не стоила; имъ въ голову не приходитъ, отчего онъ состарился не по лѣтамъ, и какъ ноетъ отнятая нога при переменѣ погоды, при дуновеніи вѣтра.

Моя логическая исповѣдь, исторія недуга, черезъ который пробивалась оскорбленная мысль, осталась въ рядѣ статей, составившихъ «Съ того берега». Я въ себѣ преслѣдовалъ ими послѣдніе идолы, я ироніей мстилъ имъ за боль и за обманъ, я не надъ ближнимъ издѣвался, а надъ самимъ собой и, окова увлеченный, мечталъ уже быть свободнымъ, но тутъ-то и запылся. Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя.

Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя-тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ...

¹⁾ Изъ стихотворенія Шиллера «Resignation»: «И, обливаясь кровью, я вырвалъ ее (Лауру) изъ раненаго сердца и съ громкимъ воплемъ отдалъ ее».

лишнихъ. И я надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи: «*Omnia mea mecum porto!*»¹⁾

Жизнь распущенная, опаленная, полуувядающая въ омутѣ событій, въ круговоротѣ общихъ интересовъ, обособляясь, снова сводилась на періодъ юнаго лиризма безъ юности, безъ вѣры. Съ этимъ *faça da se*²⁾ моя лодка должна была разбиться о подводные камни и разбилась. Правда, я уцѣлѣлъ, но *безъ всего...*

Тифоидная горячка.

Зимой³⁾ 1848 года была больна моя маленькая дочь⁴⁾. Она долго разнемогалась, потомъ сдѣлалась небольшая лихорадка и, казалось, прошла. Райе, извѣстный докторъ, совѣтовалъ ее прокатить, несмотря на зимній день. Погода была прекрасная, но не теплая. Когда ее привезли домой, она была необыкновенно блѣдна, просила ѣсть и, не дождавшись бульона, уснула возлѣ насъ на диванѣ; прошло нѣсколько часовъ, сонъ продолжался. Фогтъ⁵⁾, братъ натуралиста, студентъ медицины, случился у насъ. «Посмотрите, сказалъ онъ, на ребенка, вѣдь, это вовсе не естественный сонъ». Мертвая, слегка синеватая блѣдность лица испугала меня, я положилъ руку на лобъ,—лобъ былъ совершенно холодный. Я бросился самъ къ Райе, по счастью, засталъ его дома и привезъ съ собою. Малютка не просыпалась; Райе приподнялъ ее, сильно потрясъ и заставилъ меня громко звать ее по имени... Она раскрыла глаза, сказала слова два и снова заснула тѣмъ же сномъ, тяжелымъ, мертвымъ; дыханье едва-едва было замѣтно. Въ этомъ состояніи, съ небольшими перемѣнами, она оставалась нѣсколько дней, безъ пищи и почти безъ питья; губы почернѣли, ногти сдѣлались синіе, на тѣлѣ показались пятна,—это была тифоидная горячка. Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзнью и не слишкомъ обнадеживалъ.

Видѣ ребенка былъ страшенъ, я ждалъ съ часа на часъ смерти. Блѣдная и молчащая, сидѣла моя жена день и ночь у кровати; глаза ея покрылись тѣмъ жемчужнымъ отливомъ, которымъ выказывается усталъ, страданіе, истощеніе силъ и неестественное напряженіе нервъ. Разъ, часу во второмъ ночи, мнѣ показалось,

¹⁾ Все свое съ собою несу.

²⁾ Обойдется безъ посторонней помощи, сама за себя постоитъ.

³⁾ Въ концѣ ноября.

⁴⁾ Наталія.

⁵⁾ Адольфъ.

что Тата не дышетъ; я смотрѣлъ на нее, скрывая ужасъ; жена моя догадалась. «У меня кружится въ головѣ,—сказала она мнѣ,— дай воды». Когда я подаль стаканъ, она была безъ чувствъ. И. Т. ¹⁾, приходившій дѣлать мрачные часы наши, побѣжалъ въ аптеку за аммоніакомъ, я стоялъ неподвижно, между двумя обмершими тѣлами, смотрѣлъ на нихъ и ничего не дѣлалъ. Горничная терла руки, мочила виски моей женѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя.—«Что?»—спросила она.—«Кажется, Тата открыла глаза»,—сказала наша добрая, милая Луиза. Я посмотрѣлъ—будто просыпается; я назвалъ ее шопотомъ по имени, она раскрыла глаза и улыбулась черными, сухими и растреснувшими губами. Съ этой минуты здоровье стало возвращаться.

Есть яды, которые злѣе. мучительнѣе разлагаютъ человѣка, чѣмъ дѣтскія болѣзни, я и ихъ знаю, но *тупою* яда, берушаго истомой, обезсиливающаго въ тиши, оскорбляющаго страшной ролью празднаго свидѣтеля, хуже нѣтъ.

Кто разъ на своихъ рукахъ держалъ младенца и чувствовалъ, какъ онъ холодѣлъ, тяжелѣлъ, становился каменнымъ; кто слышалъ послѣдній стонъ, которымъ тщедушный организмъ умоляетъ о пощадѣ, о спасеніи, просится остаться на свѣтѣ; кто видѣлъ на своемъ столѣ красивый гробикъ, обитый розовымъ атласомъ, и бѣленькое платьице съ кружевами, такъ отличающееся отъ желтаго личика,—тотъ при каждой дѣтской болѣзни будетъ думать: отчего же не быть и другому гробику вотъ на этомъ столѣ?

Несчастіе—самая плохая школа! Конечно, человѣкъ, много испытавшій, выносливѣе, но, вѣдь, это отъ того, что душа его помята, ослаблена. Человѣкъ изнашивается и становится трусливѣе отъ перенесеннаго. Онъ теряетъ ту увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, безъ которой ничего дѣлать нельзя; онъ становится равнодушнѣе, потому что свыкается съ страшными мыслями, наконецъ, онъ боится несчастій эгоистически, т.-е. боится снова почувствовать рядъ щемящихъ страданій, рядъ замираній сердца, память о которыхъ не разносится съ тучами.

Стонъ больного ребенка наводитъ на меня такой внутренней ужасъ, обдаетъ такимъ холодомъ, что я долженъ дѣлать большія усилія, чтобъ побѣдить эту чисто *нервную* память.

На другое утро той же ночи я въ первый разъ пошелъ пройтись; на дворѣ было холодно, тротуары были слегка посыпаны инеемъ; но, несмотря ни на холодъ, ни на ранній часъ, толпы народа покрывали бульвары, мальчишки съ крикомъ продавали

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

бюллетени: слишкомъ пять милліоновъ голосовъ клали связанную Францію къ ногамъ Людовика-Наполеона.

Осиротѣвшая передняя нашла, наконецъ, своего барина!

... Въ это-то напряженное, тяжелое время испытаній является въ нашемъ кругу личность, внесшая собой иной рядъ несчастій, сгубившая въ *частномъ* бытѣ еще болѣе, чѣмъ черные іюньскіе дни—въ *общемъ*. Личность эта быстро подошла къ намъ, втѣсняетъ себя, не давая образумиться... Въ обыкновенное время я скоро знакомлюсь и туго сближаюсь съ людьми, но время-то тогда, скажу еще разъ, не было обыкновенное.

Всѣ нервы были открыты и болѣли, ничтожныя встрѣчи, неважныя напоминовенья потрясали весь организмъ. Помню я, на-примѣръ, какъ дня три послѣ канонады я бродилъ по предмѣстьямъ св. Антонія; все еще носило свѣжіе слѣды свирѣпаго боя: развалившіяся стѣны, неснятыя баррикады, испуганныя, блѣдныя, чего-то искавшія женщины, дѣти, рывшіяся въ мусорѣ...

Я сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ кафэ и смотрѣлъ съ щемлящимъ сердцемъ на страшную картину. Прошло съ четверть часа. Кто-то тихо положилъ мнѣ руку на плечо,—это былъ Довіать, молодой энтузіастъ, проповѣдовавшій въ Германіи à la Ruge¹⁾ какой-то своего рода нео-католицизмъ и уѣхавшій въ 1847 г. въ Америку.

Онъ былъ блѣденъ, черты его разстроены, длинные волосы въ безпорядкѣ; на немъ было дорожное платье.

— Боже мой!—сказалъ онъ,—*какъ* мы съ вами встрѣчаемся!

— Когда вы пріѣхали!

— Сегодня. Узнавъ въ New-York'ѣ о февральской революціи, о всемъ, что дѣлается въ Европѣ, я на скорую руку продалъ все, что могъ, собралъ деньги и бросился на парохдъ, полный надеждъ и съ веселымъ сердцемъ. Вчера въ Гаврѣ я учалъ о послѣднихъ событіяхъ, но моего воображенія не доставало, чтобъ представить себѣ *это*.

Мы оба еще разъ посмотрѣли, и обоихъ глаза были полны слезъ.

— Ни дня, ни одного дня въ проклятомъ городѣ!—сказалъ взволнованный Довіать и былъ, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на какого-то пророчествующаго левита. Вонъ отсюда. Вонъ! Прощайте,—ѣду въ Германію!

¹⁾ Подобно Руге (Арнольдъ, нѣмецк. писатель и политическій дѣятель).

Онъ уѣхалъ и попался въ прусскую тюрьму, гдѣ просидѣлъ лѣтъ шесть.

Помню еще представленіе «Катилины», котораго ставилъ тогда на своемъ историческомъ театрѣ крѣпко-нервный Дюма... ¹⁾ Форты были набиты колодниками, излишнихъ отправляли стадами въ Шато д'Ифъ, въ депортацію, родные бродили изъ полиціи въ полицію, какъ тѣни, умоляя, чтобъ имъ сказали, кто убить и кто остался, кто разстрѣлянъ, а А. Дюма уже выводилъ іюньскіе дни въ римской латиклавѣ ²⁾ на сцену... Я пошелъ взглянуть. Сначала ничего. Ледрю-Ролленъ—Катилина и Маркъ Туллій—Ламартинъ, классическія сентенціи съ риторической опухолью. Возстаніе побѣждено. Ламартинъ прошелъ по сценѣ со своимъ *vixerunt* ³⁾,—декораціи мѣняются. Площадь покрыта трупами; издали зарево, умирающіе въ судорогахъ смерти лежатъ между мертвыми, умершіе покрыты окровавленными рубищами... У меня сперся духъ. Давно ли за стѣнами этого балагана, на улицахъ, ведущихъ къ нему, мы видѣли то же самое, и трупы были не картонные, и кровь струилась не изъ воды съ сандаломъ, а изъ живыхъ молодыхъ тѣлъ?.. Я бросился вонъ въ какомъ-то истерическомъ припадкѣ, проклиная бѣшено аплодировавшихъ мѣщанъ...

Въ такіе судорожные дни, когда человекъ изъ кабака и театра, изъ своего дома и изъ кабинета чтенія выходитъ въ лихорадкѣ съ воспаленнымъ мозгомъ, задавленный внутри, глубоко оскорбленный и готовый оскорбить перваго встрѣчнаго,—въ эти времена каждое слово симпатіи, каждая слеза того же горя, каждая брань той же ненависти имѣетъ страшную силу. Одинакими ранами быстро срстаются больныя мѣста.

... Въ первомъ времена моей юности меня поразилъ одинъ французскій романъ, котораго я впослѣдствіи не встрѣчалъ; романъ этотъ назывался «Arminius». Можетъ, онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ и долго бродилъ въ головѣ моей. Главныя черты его я помню до сихъ поръ.

Всѣ мы знаемъ изъ исторіи первыхъ вѣковъ встрѣчу и столкновеніе двухъ разныхъ міровъ: одного—старого, классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другого—дикаго, какъ звѣрь лютый, но полнаго дремлющихъ силъ и хаотическаго без-

¹⁾ Александръ, отецъ.

²⁾ Красная лента, которую римскіе сенаторы носили на своемъ платьѣ.

³⁾ Они отжили.

порядка стремлений, т.-е. знаемъ официальную, *газетную* сторону этой встрѣчи, а не ту, которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовья событія, а не судьбы лицъ, находившихся въ прямой зависимости отъ нихъ и въ которыхъ безъ видимаго шума ломились жизни и гибли въ столкновенияхъ, кровь замѣнялась слезами, опустошенные города—разрушенными семьями, поля сраженій—забытыми могилами.

Авторъ «Арминія» (имя его я забылъ) попытался воспроизвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного, идущаго изъ лѣса въ исторію, другого, идущаго изъ исторіи въ гробъ.

Всемірная исторія, распускаясь въ сплетни, становится ближе къ намъ, соизмѣримѣе, живѣе. Я былъ такъ увлеченъ «Арминіемъ», что самъ принялся писать около 1833 года рядъ историческихъ сценъ въ такомъ родѣ, и ихъ въ 1834 г. критически разбиралъ оберъ-полицмейстеръ Цынскій ¹⁾. Но, конечно, писавши ихъ, мнѣ не приходило въ мысль, что и я попаду въ такое же столкновение, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи. Что тамъ ни толкуютъ, а есть сходныя стороны въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ. Наша цивилизація накопѣла, развратъ грубъ; у насъ изъ-подъ пудры колетъ щетина и изъ-подъ бѣлилъ виденъ загаръ; у насъ есть лукавство дикихъ, развратъ животныхъ, уклончивость рабовъ; у насъ вездѣ являются кулаки и деньги, но мы далеко отстали отъ наслѣдственной, летучей тонкости западнаго растлѣнія. У насъ умственное развитіе ²⁾ служитъ чистилищемъ и пѣрушкой, исключенія рѣдки. Образование у насъ до послѣдняго времени составляло предѣлъ, который много гнуснаго и порочнаго не перелѣзало.

На Западѣ это не такъ. И вотъ почему мы легко отдаемся человѣку, касающемуся нашихъ святынь, *понимающему* наши заповѣдныя мысли, смѣло говорящему то, о чемъ мы привыкли молчать или говорить шопотомъ на ухо другу. Мы не беремъ въ расчетъ, что половина рѣчей, отъ которыхъ бьется наше сердце и подымается наша грудь, сдѣлалась для Европы трюизмами, фразами; мы забываемъ, сколько другихъ испорченныхъ страстей, страстей искусственныхъ, старческихъ напутано въ душѣ современнаго человѣка, принадлежащаго къ этой выжившей цивилизаціи. Онъ съ малыхъ лѣтъ бѣжитъ въ обгонки, источенъ домогательствомъ, боленъ завистью, самолюбіемъ, недосыгаемымъ эпикуреизмомъ, мелкимъ эгоизмомъ, передъ которыми падаетъ всякое отношеніе, всякое

¹⁾ Въ архивѣ III Отдѣленія ничего подобнаго нѣтъ.

²⁾ Писано въ 1857 году. А. И. Г.

чувство... ему нужна роль, поза на сценѣ, ему нужно, во что бы то ни стало, удержать мѣсто, удовлетворить своимъ страстямъ. Нашъ братъ, степнякъ, получивъ ударъ, другой, часто не видя откуда, оглушенный имъ, долго не приходитъ въ себя, а потомъ бросается, какъ раненый медвѣдь, и ломаетъ кругомъ деревья, и реветъ и взметааетъ землю,—но поздно,—и его противникъ на него же указываетъ пальцемъ... Много еще разольется ненависти и прольется крови изъ-за этихъ двухъ разныхъ возрастовъ и воспитаній.

... Было время, я строго и страстно судилъ человѣка, разбившаго мою жизнь. Было время, когда я искренно желалъ *убить* этого человѣка. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ; настоящій сынъ нашего вѣка, я износилъ желаніе мести и охладилъ страстное воззрѣніе долгимъ непрерывнымъ разборомъ. Въ эти *семь лѣтъ* я узналъ и свой собственный предѣлъ и предѣлы многихъ—и, вмѣсто ножа, у меня въ рукахъ скальпель, и, вмѣсто брани и проклятій, принимаюсь за рассказъ изъ психической патологіи.

ГЛАВА XLIV.

За нѣсколько дней до 23 іюня 1848, возвращаясь вечеромъ домой, я нашель въ своей комнатѣ какое-то незнакомое лицо, грустно и скорѣуженно шедшее мнѣ навстрѣчу.

— Да это вы?—сказаль я, наконецъ, смѣясь и протягивая ему руку... Можно ли это?... узнать васъ нельзя...

Это былъ Гервегъ, обритый, остриженный, безъ усовъ, безъ бороды...

Для него карта быстро перевернулась. Два мѣсяца тому назадъ, окруженный поклонниками, сопровождаемый своей супругой, онъ отправлялся въ покойномъ дормеэѣ изъ Парижа въ баденскій походъ, на провозглашеніе германской республики. Теперь онъ возвращался, убѣжавши съ поля битвы, преслѣдуемый тучей карикатуръ, осмѣянный врагами, обвиняемый своими...

Разомъ измѣнилось все, рухнулось все, и сквозь растреснувшіяся декораціи, въ довершеніе всего, виднѣлось разореніе.

Когда я ѣхаль изъ Россіи, Огаревъ далъ мнѣ письмо къ Гервегу. Онъ его зналъ во время его пущей славы. Всегда глубокой въ дѣлѣ мысли и искусства, Огаревъ никогда не умѣль судить о людяхъ. Для него всѣ нескучные и непошлые люди были прекрасными, особенно всѣ художники. Я засталъ Гервега въ тѣсной дружбѣ съ Бакунинымъ и Сазоновымъ и скоро познакомился больше фамиллярно, чѣмъ близко.¹⁶ Осенью 1847 я уѣхаль въ Италію.

Возвратившись въ Парижъ, я не засталъ его,— о еѣ несчастяхъ читаль въ газетахъ. Почти наканунѣ іюньскихъ дней пріѣхаль онъ въ Парижъ и, встрѣтивъ у меня первый дружескій

пріемъ послѣ баденскихъ ошибокъ, сталъ чаще и чаще ходить къ намъ. Многое мѣшало мнѣ сначала сблизиться съ этимъ человѣкомъ. Въ немъ не было той простой, откровенной природы, того полного abandon ¹⁾, который такъ идетъ всему талантливому и сильному и который у насъ почти неразрывенъ съ даровитостью. Онъ былъ скрытенъ, лукавъ, боялся другихъ; онъ любилъ наслаждаться украдкой, у него была какая-то немужская изнѣженность, жалкая зависимость отъ мелочей, отъ удобствъ жизни и эгоизмъ безъ всякихъ границъ, rücksichtslos ²⁾, доходившій до наивности и цинизма. Во всемъ этомъ я вполнину винилъ не его самого. Судьба поставила возлѣ него женщину, которая своей мозговой любовью, своимъ преувеличеннымъ ухаживаніемъ раздувала его эгоистическія наклонности и поддерживала его слабости, охорашивая ихъ въ его собственныхъ глазахъ. До женитьбы онъ былъ бѣденъ,— она принесла ему богатство, окружила его роскошью, сдѣлалась его нянькой, ключницей, сидѣлкой, ежеминутной необходимостью низшаго порядка. Поверженная въ прахъ, въ какомъ-то вѣчномъ поклоненіи, Huldigung передъ поэтомъ, «шедшимъ на замѣну Гете и Гейне», она въ то же время заморила, задушила его талантъ въ пуховикахъ мѣщанскаго сибаритизма. Досадно мнѣ было, что онъ такъ охотно принималъ свое положеніе мужа *на содержаніи*, и, признаюсь, я не безъ удовольствія видѣлъ разореніе, къ которому они неминуемо шли, и довольно хладнокровно смотрѣлъ на плачущую Эмму, когда ей приходилось сдать свою квартиру «съ золотымъ обрѣзомъ», какъ мы ее называли, и распродать поодиначкѣ и за полцѣны «своихъ Амуровъ и Купидоновъ» ³⁾, по счастью, не крѣпостныхъ, а бронзовыхъ.

Я пріостановлюсь здѣсь, чтобы сказать нѣсколько словъ объ ихъ прежней жизни и о самомъ бракѣ ихъ, носящемъ удивительно рѣзкую печать современнаго германизма.

У нѣмцевъ, а еще болѣе у нѣмокъ бездна ложныхъ страстей, т.-е. страстей выдуманыхъ, призрачныхъ, натянутыхъ, литературныхъ. Это какая-то Überspanntheit ⁴⁾... книжная восторженность, мнимая холодная экзальтація, всегда готовая безъ мѣры удивляться или умиляться безъ достаточной причины.

Не притворство, а ложная правда, психическая невоздержанность, эстетическая истерика, ничего не стоящая, но приносящая

1) Непринужденности.

2) Ни съ чѣмъ не считающійся.

3) «Амуры и зефиры всѣ

Распроданы поодиначкѣ!!!» (Монологъ Чацкаго).

4) Манія преувеличенія.

много слезъ, радости и печали, много развлеченій, ощущеній, *Wonne* ¹⁾. Умная женщина, какъ Беттина Арнимъ ²⁾, не могла отдѣлаться во всю свою жизнь отъ этой нѣмецкой болѣзни. Жанры могутъ измѣняться, содержаніе—быть инымъ, но, такъ сказать, психическое обрабатываніе матеріала одно и то же. Все сведется на разныя варіаціи, на разные нюансы сладострастнаго пантеизма, т.-е. религіозно-полового и теоретически влюбленнаго отношенія къ природѣ и людямъ, что вовсе не исключаетъ романтическаго цѣломудрія и теоретическаго сладострастія ни у свѣтскихъ жриць космоса, ни у монашествующихъ невѣсть Христа, богоблудствующихъ въ молитвѣ. Тѣ и другія порываются быть нареченными сестрами... грѣшницъ въ самомъ дѣлѣ. Дѣлаютъ онѣ это изъ любопытства и сочувствія къ *паденіямъ*, на которыя сами никогда не рѣшатся, и всякій разъ отпускаютъ имъ грѣхи, даже тогда, когда тѣ не просятъ объ этомъ. Самыя восторженныя изъ нихъ проходятъ весь курсъ страстей безъ приложенія и искушаются всѣми грѣхами какъ-то *заочно*, *per contumaciam*, по книжкамъ другихъ и собственнымъ тетрадкамъ.

Одна изъ самыхъ общихъ чертъ всѣхъ восторженныхъ нѣмокъ, это—идолопоклонство геніямъ и великимъ людямъ; религія эта идетъ изъ Веймара со временъ Виланда, Шиллера и Гете. Но такъ какъ геніи рѣдки, и Гейне жилъ въ Парижѣ, а Гумбольдтъ былъ слишкомъ старъ и слишкомъ реалистъ, то онѣ бросились съ какимъ-то голоднымъ отчаяніемъ на хорошихъ музыкантовъ, на недурныхъ живописцевъ. Образъ Ф. Листа, какъ электрическая искра, прошелъ черезъ сердца всѣхъ нѣмокъ, выжигая въ нихъ высокій лобъ и длинные, назадъ отчесанные волосы.

За неимѣніемъ, наконецъ, обще-германскихъ великихъ людей, онѣ брали, такъ сказать, удѣльныхъ геніевъ, чѣмъ бы то ни было отличившихся; всѣ женщины влюблялись въ него, всѣ дѣвушки *schwärmten für ihn* ³⁾, всѣ шили ему по канвѣ подтяжки и туфли и посылали разные сувениры, секретно, безъ имени.

Въ сороковыхъ годахъ умы въ Германіи были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народъ этотъ, посѣдѣвшій за книгой, какъ Фаустъ, захочетъ, наконецъ, какъ онъ, выйти на площадь посмотрѣть на бѣлый свѣтъ. Мы знаемъ теперь, что это были ложныя потуги, что новый Фаустъ изъ Ауэрбахова погребка

¹⁾ Наслажденія.

²⁾ Елизавета фонъ-Арнимъ, нѣмецкая писательница, восторженная поклонница Гете.

³⁾ Мечтали о немъ.

возвратился вспять въ штудирциммеръ ¹⁾. Тогда казалось иначе, особенно нѣмцамъ, а потому всякое проявленіе революціоннаго духа находило горячее признаніе.

Въ самый разгаръ этого времени показались политическія пѣсни Гервега. Большого таланта я въ нихъ никогда не видалъ, сравнивать Гервега съ Гейне могла только его жена, но злой скептицизмъ Гейне не соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію умовъ. Нѣмцамъ сороковыхъ годовъ нужны были не Гете и не Вольтеры, а Беранжеровы пѣсни и марсельеза, переложенная на зарейнскіе нравы. Стихотворенія Гервега оканчивались иной разъ *in crudo* ²⁾ французскимъ крикомъ, припѣвомъ: «Vive la république!» ³⁾, и это приводило въ восторгъ въ 42 году. Въ 52 году они были забыты. Перечитывать ихъ невозможно. Гервегъ, поэтъ лауреатъ демократіи, проѣхалъ съ банкета на банкетъ всю Германію и, наконецъ, явился въ Берлинъ. Все бросилось приглашать его, для него давали обѣды и вечера, всѣ хотѣли его видѣть, даже у самого короля явилось такое желаніе поговорить съ нимъ, что его докторъ Шенлейнъ ⁴⁾ счелъ нужнымъ представить Гервега королю.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца въ Берлинѣ жилъ банкиръ. Дочь этого банкира была уже *давно* влюблена въ Гервега. Она его никогда не видала и не имѣла о немъ никакого понятія, но она, читая его стихи, почувствовала въ себѣ *призваніе* сдѣлать его счастливымъ и въ его лавровый вѣнокъ вплести розу семейнаго блаженства. Когда же она увидала его въ первый разъ, на вечерѣ, который давалъ ея отецъ, она окончательно убѣдилась, что *это—онъ*, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался ея *онъ*.

Предпримчивая и рѣшительная дѣвушка повела стремительно свою атаку. Сначала двадцатичетырехлѣтній поэтъ ⁵⁾ отпрянулъ назадъ отъ мысли о бракѣ, и при томъ о бракѣ съ особой очень некрасивой, съ нѣсколько юнкерскими манерами и громкимъ голосомъ: будущность открывала передъ нимъ обѣ половинки парадныхъ дверей,—какой же тутъ семейный покой, какая жена! Но дочь банкира открывала, съ своей стороны, въ *настоящемъ* мѣшкѣ червонцы, путешествіе по Италіи, Парижъ, страсбургскіе пироги и Clos de Vougeot ⁶⁾. ...Поэтъ былъ бѣденъ, какъ Иръ ⁷⁾, жить у

¹⁾ Классная комната.

²⁾ Въ подлинникѣ.

³⁾ Да здравствуетъ республика!

⁴⁾ Иоганнъ, лейбъ-медикъ Фридриха-Вильгельма IV.

⁵⁾ Родился въ 1817 году, въ одинъ годъ съ Н. А.—ной.

⁶⁾ Красное вино.

⁷⁾ Имя миѣческаго нищаго на островѣ Итака.

Фоллена нельзя было вѣчно,—поколебался онъ, поколебался—и... принявъ предложеніе, забывъ старику Фоллену (дѣду К. Фогта) сказать спасибо.

Эмма сама мнѣ рассказывала, какъ подробно и отчетливо поэтъ велъ переговоры о приданомъ. Онъ даже прислалъ изъ Цюриха рисунки мебели, гардинъ и пр. и требовалъ, чтобъ все это было выслано *прежде* свадьбы,—такъ онъ требовалъ.

О любви нечего было и думать; ее надобно было чѣмъ-нибудь замѣнить. Эмма поняла это и рѣшилась упрочить свою власть иными средствами. Проведя нѣсколько времени въ Цюрихѣ, она повезла мужа въ Италію и потомъ поселилась съ нимъ въ Парижѣ. Тамъ она отдѣлала своему «Шацу» ¹⁾ кабинетъ съ мягкими диванами, тяжелыми бархатными занавѣсками, дорогими коврами, бронзовыми статуэтками и устроила цѣлую жизнь пустой праздности; ему это было ново и нравилось, а, между тѣмъ, талантъ его тускъ, производительность исчезала; она сердилась за это, подстрекала его и въ то же время утягивала его больше и больше въ буржуазный эпикуреизмъ ²⁾.

Она была по-своему совсѣмъ не глупа и имѣла гораздо больше силы и энергіи, чѣмъ онъ. Развитіе ея было чисто нѣмецкое,—она бездну читала, но не то, что нужно, училась всякой всячинѣ, не доходя ни въ чемъ до ясности. Отсутствіе женственной граціи непріятно поражало въ ней. Отъ рѣзкаго голоса до угловатыхъ движеній и угловатыхъ чертъ лица, отъ холодныхъ глазъ до охотнаго низведенія разговора на двусмысленные предметы,—у ней все было мужское. Она открыто при всѣхъ волочилась за своимъ мужемъ такъ, какъ пожилые мужчины волочатся за молоденькими дѣвочками: она смотрѣла ему въ глаза, указывала на него взглядомъ, поправляла ему шейный платокъ, волосы и какъ-то возмутительно нескромно хвалила его. При постороннихъ онъ конфузился, но въ своемъ кругу не обращалъ на это никакого вниманія, такъ, какъ занятый дѣломъ хозяинъ не замѣчаетъ усердія, съ ко-

¹⁾ Schatz—сокровище.

²⁾ Вотъ до чего шла ея предупредительность. Разъ въ Италіи Гервегъ былъ недоволенъ одеклономъ. Сейчас жена пишетъ къ Giovanni Maria Farina ³⁾, чтобъ прислать мужу чистѣйшій одеклонъ въ Римъ. Между тѣмъ, они изъ Рима уѣхали, оставляя приказъ переслать письма и посылки въ Неаполь; такъ точно они уѣхали изъ Неаполя... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ящикъ съ одеклономъ явился къ нимъ въ Парижѣ съ неимовѣрнымъ счетомъ своихъ путевыхъ издержекъ. А. И. Г.

³⁾ Глава старинной итальянской фирмы въ Кельнѣ, прославившейся своимъ одеклономъ (кельнская вода).

торымъ собака лижетъ ему сапоги и ласкается къ нему. У нихъ бывали сцены иногда изъ-за этого, послѣ ухода гостей; но на другой день влюбленная Эмма снова начинала ту же травлю любовью, и онъ снова выносилъ ее изъ-за удобствъ жизни и изъ-за ея обо всемъ пекущейся опеки. До чего она избаловала своего миньона ¹⁾, всего лучше показываетъ слѣдующій анекдотъ. Разъ послѣ обѣда заходить къ нимъ Ив. Тургеневъ. Онъ застаётъ Гервега лежащаго на диванѣ. Эмма терла ему ногу и остановилась. «Что же ты перестала? продолжай», — сказалъ устало поэтъ. — «Вы больны?» — спросилъ Тургеневъ. — «Нѣтъ, нисколько, но это очень пріятно... Ну, что новаго?» Они продолжали разговаривать, Эмма—натирать ноги...

Увѣренная въ томъ, что всѣ удивляются ея мужу, она безпрестанно болтала о немъ, не замѣчая ни того, что это очень было скучно, ни того, что она ему вредила анекдотами объ его слабонервности, о капризной требовательности. Для нея все это казалось безконечно милымъ и достойнымъ запечатлѣться на вѣки вѣковъ въ людской памяти; другихъ это возмущало.—«Георгъ у меня страшный эгоистъ и баловень (zu verwöhnt ²⁾)—говаривала она,—но кто же и имѣетъ больше права на баловство? Всѣ великіе поэты были вѣчно капризными дѣтьми и ихъ всѣхъ баловали»... «На дняхъ онъ купилъ мнѣ превосходную камелію; дома ему такъ стало жаль ее отдать, что онъ даже не показалъ мнѣ ея и спряталъ въ свой шкафъ и держалъ ее тамъ, пока она совсѣмъ завяла,—so kindisch!... ³⁾ Это — слово въ слово ея рассказъ. Этимъ идолопоклонствомъ Эмма довела своего Георга до края бездны, онъ и упалъ въ нее и, если не погибъ, все же, покрылъ себя стыдомъ и позоромъ.

Шумъ февральской революціи разбудилъ Германію. Говоръ, ропотъ, бѣненіе сердца слышались съ разныхъ концовъ единаго и раздѣленнаго на тридцать девять частей германскаго отечества. Въ Парижѣ нѣмецкіе работники составили клубъ и обдумывали, что сдѣлать. Временное правительство ободряло ихъ—не на возстаніе, а на удаленіе изъ Франціи: имъ что-то и отъ французскихъ работниковъ не спалось. Конечно, могло случиться, что послѣ напутственнаго благословенія Флокона ⁴⁾ и крѣпкаго словца о тиранахъ и деспотахъ Коссидьера, можетъ, этихъ бѣдняковъ и раз-

¹⁾ Mignon, mignonne—малютка.

²⁾ Слишкомъ избалованъ.

³⁾ Такъ по-дѣтски!

⁴⁾ Фердинандъ, франц. политическій дѣятель, потомъ министръ земледѣлія и торговли, сторонникъ Кавеньяка.

стрѣляютъ, и повѣсятъ, и бросятъ лѣтъ на двадцать въ казематы,— это было не ихъ дѣло.

Баденская экспедиція была рѣшена. Но кому же быть освободителемъ? кому вести эту новую *armée du Rhin* ¹⁾, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ мирныхъ работниковъ и подмастерій? Кому же, думала Эмма, какъ не великому поэту: лиру за спину и мечъ въ руки, на «боевомъ конѣ», о которомъ онъ мечталъ въ своихъ стихахъ. Онъ будетъ пѣть послѣ битвъ и побѣждать послѣ пѣсенъ; его выберутъ диктаторомъ, онъ будетъ въ сонмѣ царей и имъ продиктуетъ волю своей Германіи; въ Берлинѣ, *Unter den Linden* ²⁾ поставятъ его статую и ее будетъ видно изъ дома старика банкира; вѣка будутъ воспѣвать его и... въ этихъ пѣснопѣніяхъ, быть можетъ, не забудутъ добрую, самоотверженную Эмму, которая оруженосцемъ, пажомъ, денщикомъ провожала его, берегла его *in der Schwertfahrt!* ³⁾... И она заказала себѣ у Юмана, *Rue neuve des Petits Champs* ⁴⁾, военную амазонку изъ трехъ національныхъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и золотого, и купила себѣ чернѣйшій бархатный беретъ съ кокардой тѣхъ же цвѣтовъ.

Черезъ пріятелей Эмма указала работникамъ на поэта; не имѣя никого въ виду и вспоминая пѣсни Гервега, звавшія къ возстанію, они выбрали его своимъ начальникомъ. Эмма уговорила его принять это званіе.

На какомъ основаніи эта женщина втолкнула челоуѣка, котораго такъ любила, въ это опасное положеніе? Гдѣ, въ чемъ, когда показалъ онъ то присутствіе духа, то вдохновеніе обстоятельствомъ, которое даетъ лицу власть надъ ними, то быстрое соображеніе, то ясновидѣніе и тотъ задоръ, наконецъ, безъ котораго нельзя ни хирургу дѣлать операціи, ни партизану начальствовать отрядомъ? Гдѣ у этого разслабленнаго была сила одну часть нервъ поднять до удвоенной дѣятельности, а другую перевязать до безчувственности? Въ ней самой были и рѣшимость и самообладаніе,— тѣмъ непростительнѣе, что она не вспомнила, какъ онъ вздрагивалъ отъ малѣйшаго шума, блѣднѣлъ отъ всякой нечаянности, какъ онъ падалъ духомъ отъ малѣйшей физической боли и терялся передъ всякой опасностью. Зачѣмъ же она вела

¹⁾ Рейнская армія. Такъ называлась во время великой революціи 1789—92 гг. французская армія, расположенная въ Страсбургѣ; въ ея рядахъ находился Ружэ де Лиль, авторъ «Военной пѣсни Рейнской арміи», ставшей впоследствии знаменитой подъ названіемъ «Марсельеза».

²⁾ Подъ липами (названіе улицы).

³⁾ Въ походѣ.

⁴⁾ Названіе улицы въ Парижѣ.

его на страшный испусть, въ которомъ притворяться нельзя, въ которомъ не спасешься ни прозой, ни стихомъ, гдѣ, съ одной стороны, лавровый вѣнокъ возлѣ могилы, и съ другой,—бѣгство и позорный столбъ? У нея былъ совсѣмъ иной расчетъ,—его она, не думая сама, рассказала въ послѣдующихъ разговорахъ и письмахъ.

Республика въ Парижѣ провозгласилась почти безъ боя; революція брала верхъ въ Италіи; вѣсти изъ Берлина, даже изъ Вѣны ясно говорили, что и эти троны покачнулись; трудно было себѣ представить, что баденскій герцогъ или вюртембергскій король могли бы устоять противъ напора революціонныхъ идей. Можно было ждать, что при первомъ кликѣ свободы солдаты бросятъ оружіе, народъ приметъ инсургентовъ съ распростертыми объятіями; *поэтъ* провозгласилъ бы республику, республика провозгласила бы *поэта* диктаторомъ,—развѣ не былъ диктаторомъ Ламартинъ? Осталось бы потомъ диктатору-пѣвцу торжественнымъ шествіемъ проѣхать по всей Германіи съ своей черно-красно-золотой Эммой въ беретѣ, чтобъ покрыться военной и гражданской славой...

На дѣлѣ оказалось не то. Тупой баденскій и швабскій солдатъ ни поэтовъ, ни республики не знаетъ, а дисциплину и своего фельдфебеля знаетъ очень хорошо и, по врожденному холопству, любить ихъ и слѣпо слушается своихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Крестьяне были взяты врасплохъ, освободители сунулись безъ серьезнаго плана, ничего не приготовивъ. Тутъ и храбрые люди, какъ Гекеръ ¹⁾, какъ Виллихъ, ничего не могли сдѣлать,—они тоже были побиты, но не побѣжали съ поля сраженія и, по счастью, возлѣ нихъ не было влюбленной нѣмки.

При перестрѣлкѣ Эмма увидѣла своего испуганнаго, блѣднаго, со слезами страха на глазахъ Георга, готоваго бросить свою саблю, куда-нибудь спрятаться,—и окончательно погубила его. Она стала передъ нимъ *подъ выстрѣлами* и звала товарищей на спасеніе поэта. Солдаты одолѣвали... Эмма, прикрывая бѣгство своего мужа, подверглась быть раненой, убитой или схваченной въ плѣнъ, т.-е. посаженной лѣтъ на двадцать въ Шпандау или Раштадтъ, да еще предварительно высѣченной.

Онъ скрылся въ ближнюю деревушку при самомъ началѣ пораженія. Тамъ онъ бросился къ какому-то крестьянину, умоляя его, заклиная спрятать его. Крестьянинъ не скоро рѣшился, боясь солдатъ; наконецъ, позвалъ его на дворъ и, осмотрѣвшись кругомъ, сиряталъ будущаго диктатора въ пустой бочкѣ и прикрылъ соломой,

¹⁾ Фридрихъ-Карль, руководитель баденской революціи; 20 апрѣля у Кандерна былъ разбитъ войсками герцога и бѣжалъ въ Швейцарію.

подвергая свой домъ разграбленію и себя фухтелямъ и тюрьмѣ. Солдаты явились, крестьянинъ не выдалъ, а даль знать Эммѣ, которая пріѣхала за нимъ, спрятала мужа въ телѣгу, переодѣлась, сѣла на козлы и увезла его за границу. «Какъ же имя вашего спасителя?» спросили его мы. «Я забылъ его спросить» — отвѣчалъ спокойно Гервегъ. Раздраженные товарищи его бросились теперь съ ожесточеніемъ терзать несчастнаго пѣвца, вымещая разомъ и то, что онъ разбогатѣлъ, и то, что квартира его была «съ золотымъ обрѣзомъ», и аристократическую изнѣженность и проч. Его жена до такой степени не понимала *portée* ¹⁾ того, что дѣлала, что мѣсяца черезъ четыре напечатала въ защиту мужа брошюру, въ которой рассказываетъ *свои* подвиги, забывая, какую тѣнь одинъ этотъ рассказъ долженъ былъ отбросить на него. Вскорѣ его стали обвинять уже не только въ бѣгствѣ, но въ растратѣ и утайкѣ общественныхъ денегъ. Я думаю, что деньги не были присвоены имъ, но также увѣренъ и въ томъ, что онѣ безпорядочно бросались и долею на ненужныя прихоти *воинственной четы*. П. Анненковъ былъ свидѣтелемъ, какъ закупались начиненныя трюфелями индѣйки, паштеты у Шеве и укладывались вина и пр. въ путевую карету генерала. Деньги были даны Флокономъ, по распоряженію временнаго правительства; въ самой суммѣ ихъ престранныя вариации: французы говорили о 30,000 фр., Гервегъ увѣрялъ, что онъ не получилъ и половины, но что правительство заплатило за проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Къ этому обвиненію возвратившіеся инсургенты прибавляли, что въ Страсбургѣ, куда они добрались, оборванные, голодные и безъ гроша денегъ, послѣ пораженія, они обратились къ Гервегу за помощью и получили отказъ, — Эмма даже не допускала ихъ до него, въ то время, какъ онъ жилъ въ богатомъ отелѣ и носилъ «желтыя сафьяновыя туфли». Почему они именно это считали признакомъ роскоши, не знаю, но о желтыхъ туфляхъ я слышалъ десять разъ. ¹⁷

Все это случилось, какъ во снѣ. Въ началѣ марта освободители *in spe* ²⁾ еще пировали въ Парижѣ; въ половинѣ мая они, разбитые, переходили французскую границу. Гервегъ, образумившись въ Парижѣ, увидѣлъ, что прежняя садовая дорожка къ славѣ засыпана, дѣйствительность сурово напомнила ему о его границѣ; онъ понималъ, что его положеніе — поэта своей жены и бѣжавшаго съ поля диктатора — было неловко... ¹⁸ Ему приходилось переродиться или итти къ нулю. Мнѣ казалось, — и вотъ гдѣ худшая ошибка

¹⁾ Значенія, важности.

²⁾ Въ будущемъ.

моя,—что мелкая сторона его характера переработается. Мнѣ казалось, что я могу ему помочь въ этомъ больше, чѣмъ кто-нибудь.

И могъ ли я иначе думать, когда человекъ ежедневно говорилъ (впослѣдствіи писалъ): «Я знаю жалкую слабость моего характера,—твой характеръ яснѣ моего и сильнѣ,— поддержи меня, будь мнѣ *старшимъ братомъ, отцомъ*... У меня нѣтъ близкихъ людей,—я на тебѣ сосредоточиваю всѣ симпатіи; любовью, дружбой изъ меня можно сдѣлать все, будь же не строгъ, а добръ и снисходителенъ, не отнимай руки твоей... да я и не выпущу ея, я уцѣплюсь за тебя... Въ одномъ я не только не уступлю тебѣ, но, можетъ, сильнѣ тебя: въ безграничной любви къ близкимъ моему сердцу». Онъ не лгалъ, но это его ни къ чему не обязывало. Онъ не лгалъ, но истина ему ничего не стоила. Вѣдь, и въ баденское возстаніе онъ шелъ не съ тѣмъ, чтобы оставить своихъ товарищей въ минуту боя,—но, видя опасность, бѣжалъ. Пока нѣтъ никакого столкновенія, борьбы, пока не требуется ни усилія, ни жертвы,— все можетъ итти превосходно, цѣлые годы, цѣлая жизнь,... но не попадайся ничего на дорогѣ, а то быть бѣдѣ, преступленію или стыду.

Зачѣмъ я не зналъ этого тогда!

Къ концу 1848 года Гервегъ сталъ у насъ бывать почти всякій вечеръ. Дома ему было скучно. Дѣйствительно, Эмма ему страшно мѣшала. Она возвратилась изъ баденской экспедиціи тою же, какъ и поѣхала; внутренняго раздумья о случившемся у нея не было; она была попрежнему влюблена, довольна, болтлива, какъ будто они воротились послѣ побѣды,—по крайней мѣрѣ, безъ ранъ на спинѣ. Ее заботило одно — недостатокъ денегъ и положительная надежда вскорѣ ихъ не имѣть совсѣмъ. Революція, которой она такъ неудачно помогла, не освободила Германію, не покрыла лаврами чело поэта, но разорила въ конецъ старика банкира, ея отца. Она постоянно старалась *разсѣять мрачныя мысли* мужа, ей и въ голову не приходило, что онъ только этими грустными мыслями и можетъ спастись.

Внѣшней, подвижной Эммѣ не было потребности на эту внутреннюю, глубокую и, повидимому, приносящую одну боль работу. Она принадлежала къ тѣмъ несложнымъ натурамъ въ два темпа, которыя рубятъ своимъ *entweder*¹⁾ всякій гордіевъ узелъ—съ правой или съ лѣвой стороны, все равно,—лишь бы какъ-нибудь отдѣлаться

¹⁾ Entweder — oder, т.-е. или--или.

и снова торопиться. Куда? этого-то онѣ и сами не знаютъ. Она врывалась середь рѣчи или съ анекдотомъ или съ дѣльнымъ замѣчаніемъ, но дѣльность котораго была низшаго порядка. Увѣренная, что между нами никто не былъ одаренъ такимъ практическимъ смысломъ, какъ она, и вмѣсто того, чтобъ изъ кокетства скрывать свою дѣловую смышленность, она кокетничала ею. При томъ надобно еще сказать, что она серьезнаго пракческаго смысла нигдѣ не показала. Хлопотать, говорить о цѣнахъ и кухаркахъ, о мебели и матеріяхъ — очень далеко отъ дѣльнаго приложенія. У нея въ домѣ все шло безумнымъ образомъ, потому что все было подчинено ея мономаніи; она постоянно жила à qui vive ¹⁾, смотрѣла въ глаза мужу и подчиняла всѣ существенныя необходимыя жизни и даже здоровье и воспитаніе дѣтей его капризамъ.

Гервегъ, естественно, рвался изъ дома и искалъ у насъ гармоническаго покоя; онъ видѣлъ въ насъ какую-то идеальную семью, въ которой онъ все любилъ, всему поклонялся, — дѣтямъ столько же, сколько намъ; онъ мечталъ о томъ, какъ бы уѣхать съ нами куда-нибудь вдаль... и оттуда спокойно досматривать пятое дѣйствіе темной европейской трагедіи. И при всемъ этомъ, кромѣ одинаковаго или очень близкаго пониманія общихъ дѣлъ, въ насъ мало было сходнаго. Гервегъ какъ-то сводилъ все на свѣтъ на себя; онъ отдавался своекорыстно, искалъ вниманія, робко, самолюбиво былъ неувѣренъ въ себѣ и въ то же время увѣренъ въ своемъ превосходствѣ. Все это вмѣстѣ заставляло его кокетничать, капризничать, быть иногда преднамѣренно печальнымъ, внимательнымъ или невнимательнымъ. Ему былъ постоянно нуженъ проводникъ, наперсникъ, другъ и рабъ вмѣстѣ, именно такой, какъ Эмма, который бы могъ выносить холодность и упреки, когда его служба не нужна, и который при первомъ знакѣ готовъ снова броситься сломя голову и дѣлать съ улыбкой и покорностью, что прикажутъ.

И я искалъ любви и дружбы, искалъ сочувствія, даже рукоплесканій, и вызывалъ ихъ, но этой женско-кошачьей игры въ dépit ²⁾ и объясненія, этой вѣчной жажды вниманія, холенья никогда во мнѣ не было. Можетъ, непринужденная истинность, излишняя самонадѣянность и здоровая простота моего поведенія, *laisser aller* ³⁾, происходила тоже отъ самолюбія, можетъ, ими я накликалъ бѣды на свою голову, но оно такъ. Въ смѣхѣ и горѣ, въ любви и общихъ интересахъ я отдавался искренно и могъ насла-

¹⁾ На чеку.

²⁾ Огорченіе.

³⁾ Непринужденность.

ждаться и горевать, не думая о себѣ. Съ крѣпкими мышцами и нервами я стоялъ независимо и самобытно и былъ готовъ горячо подать другому руку, но самъ не просилъ, какъ милостыни, ни помощи, ни опоры. При такой противоположности нельзя себѣ представить, чтобы между мной и Гервегомъ не бывали иногда непріятныя столкновенія. Но, во-первыхъ, онъ со мною былъ гораздо осторожнѣе, чѣмъ съ другими; во-вторыхъ, онъ меня совершенно обезоруживалъ грустнымъ сознаниемъ, что онъ виноватъ; онъ не оправдывался, но во имя дружбы просилъ снисхожденія къ слабой натурѣ, которую онъ самъ зналъ и осуждалъ. Я игралъ роль какого-то опекуна, защищалъ его отъ другихъ и дѣлалъ ему замѣчанія, которымъ онъ подчинялся. Его покорность сильно не нравилась Эммѣ, она ревниво подтрунивала надъ этимъ.

Наступилъ 1849 годъ.

ГЛАВА XLV.

КРУЖЕНІЕ СЕРДЦА.

Мало-по-малу въ 1849 я сталъ замѣчать въ Гервегѣ разныя перемѣны. Его неровный нравъ сдѣлался еще болѣе неровнымъ, на него находили припадки невыносимой грусти и безсилія. Отецъ его жены окончательно потерялъ состояніе; спасенные остатки были нужны другимъ членамъ семейства... Бѣдность грубѣе стучалась въ двери поэта... Онъ не могъ думать о ней, не содрогаясь и не теряя всякаго мужества. Эмма выбивалась изъ силъ, занимала направо и налево, забирала въ долгъ, продавала вещи—и все это, чтобъ онъ не замѣтилъ настоящаго положенія дѣлъ. Она отказывала не только себѣ въ вещахъ необходимыхъ, но не шила дѣтямъ бѣлья для того, чтобъ онъ обѣдалъ у «Провансальскихъ братій» и покупалъ себѣ вздоръ. Онъ бралъ у нея деньги, не зная, откуда онѣ, и не желая знать. Я съ ней бранился за это, я говорилъ, что она губитъ его, намекалъ ему,—онъ упорно не понималъ, а она сердилась, и все шло по старому.

Хотя онъ и боялся бѣдности до смѣшнаго, тѣмъ не меньше причина его тоски была не тутъ. Въ его плачѣ о себѣ постоянно возвращалась одна нота, которая стала мнѣ надоѣдать; я, наконецъ, съ досадой слушалъ вѣчное повтореніе жалобъ Гервега на свою слабость, сопровождаемыхъ упреками въ томъ, что мнѣ не нуженъ ни привѣтъ, ни ласка, а что онъ вянетъ и гибнетъ безъ близкой руки, что онъ такъ одинокъ и несчастенъ, что хотѣлъ бы умереть; что онъ глубоко уважаетъ Эмму, но что его нѣжная, иначе настроенная душа сжимается отъ ея крутыхъ, рѣзкихъ прикосновеній и даже отъ ея «громкаго голоса». Затѣмъ слѣдовали

страстные увѣренія въ дружбѣ ко мнѣ... Въ этомъ лихорадочномъ и нервномъ состояніи я сталъ разглядывать чувство, испугавшее меня за него столько же, сколько за меня. Мнѣ казалось, что его дружба къ Natalie принимаетъ больше страстный характеръ... Мнѣ было нечего дѣлать, я молчалъ и съ грустью начиналъ предвидѣть, что этимъ путемъ мы быстро дойдемъ до большихъ бѣдъ, и что въ нашей жизни что-нибудь да разобьется... Разбилось все...

Постоянная рѣчь объ отчаяніи, постоянная молитва о вниманіи, о тепломъ словѣ, зависимость отъ него... и плачь, плачь...— все это сильно дѣйствовало на женщину, едва вышедшую изъ трудно пріобрѣтенной гармоніи и страдавшую отъ глубоко-трагической среды, въ которой мы жили.

«У тебя есть отшибленный уголокъ,—говорила мнѣ Natalie,— и къ твоему характеру это очень идетъ; ты не понимаешь тоску по нѣжному вниманію матери, друга, сестры, которая такъ мучитъ Гервега. Я его понимаю, потому что сама это чувствую... Онъ—большой ребенокъ, а ты совершеннѣйшій. Его можно бездѣлицей разогорчить и сдѣлать счастливымъ, онъ умретъ отъ холоднаго слова, его надобно щадить... Зато какой безконечной благодарностью онъ благодаритъ за малѣйшее вниманіе, за теплоту, за участіе...»

Неужели?!... Но нѣтъ, онъ самъ сказалъ бы мнѣ прежде, чѣмъ говорить съ ней... И я свято хранилъ его тайну и не касался до нея ни однимъ словомъ, жалѣя, что онъ со мной не говоритъ. Можно беречь тайну, не ввѣряя ея никому, но только *никому*. Если онъ говорилъ о своей любви, онъ *не могъ* молчать съ человѣкомъ, съ которымъ жилъ въ такой душевной близости, и тайну, такъ близко касающуюся до него. Стало быть, онъ не говорилъ... Я забылъ на это время старый романъ подъ заглавіемъ «Арминій». ¹⁹

Въ концѣ 1849 я поѣхалъ изъ Цюриха въ Парижъ хлопотать о деньгахъ моей матери, остановленныхъ русскимъ правительствомъ. Съ Гервегомъ мы разстались, уѣзжая изъ Женевы. На пути я зашелъ къ нему въ Бернѣ. Я его засталъ читающаго по корректурнымъ листамъ отрывки изъ «Vom andern Ufer» Симону Трирскому¹⁾. Онъ бросился ко мнѣ, какъ будто, мы мѣсяцы не видались. Я ѣхалъ вечеромъ въ тотъ же день,—онъ не отходилъ отъ меня ни на минуту, снова и снова повторяя слова самой вос-

¹⁾ Людвигъ, германскій политическій дѣятель. Въ 1848 г. былъ избранъ въ національное собраніе, послѣ паденія котораго бѣжалъ въ Швейцарію и былъ приговоренъ къ смертной казни въ Трирѣ.

торженной и страстной дружбы. Зачѣмъ онъ тогда не нашель силы прямо и открыто разсказать мнѣ свою исповѣдь?.. Я былъ мягко настроенъ тогда, все бы пошло человѣчественно. Онъ проводилъ меня на почтовый дворъ, простился и, прислонясь къ воротамъ, въ которыя выѣзжаетъ почтовая карета, остался, утирая слезы... Это чуть ли не была послѣдняя минута, въ которую я еще, въ самомъ дѣлѣ, любилъ этого человѣка... Думая всю ночь, я тогда только дошелъ до одного слова, не выходившаго изъ головы: «несчастье, несчастье!.. Что-то выйдетъ изъ этого?».

Мать моя вскорѣ уѣхала изъ Парижа, я останавливался у Эммы, но, въ сущности, былъ совершенно одинъ. Это одиночество было мнѣ необходимо; мнѣ надобно было одному вдуматься, что дѣлать. Письмо отъ Natalie, въ которомъ она говорила о своемъ сочувствіи къ Гервегу, дало мнѣ поводъ, и я рѣшился писать къ ней. Письмо мое было печально, но спокойно; я ее просилъ тихо, внимательно изслѣдовать свое сердце и быть откровенной съ собой и со мной; я ей напомнилъ, что мы слишкомъ связаны всѣмъ былымъ и всею жизнью, чтобы что-нибудь не договаривать.

«Отъ тебя письмо отъ 9-го (писала Natalie, и это письмо осталось, почти всѣ остальные сожжены), и я тоже сижу и думаю только: зачѣмъ это? и плачу, и плачу. Можетъ, я виновата во всемъ; можетъ, недостойна жить, но я чувствую себя такъ, какъ писала, какъ-то тебѣ вечеромъ, оставшись одна. Чиста передъ тобой и передъ всѣмъ свѣтомъ, я не слыхала ни одного упрека въ душѣ моей. Въ любви моей къ тебѣ мнѣ жилось, какъ въ божьемъ мірѣ, не въ ней, — такъ негдѣ, казалось мнѣ. Выбросить меня изъ этого міра, — куда же? — надобно переродиться. Я съ ней, какъ съ природой, нераздѣльна, изъ нея я опять въ нее. Я ни на одну минуту не чувствовала иначе. Міръ широкій, богатый; я не знаю богаче внутренняго міра, можетъ, слишкомъ широкій, слишкомъ расширявшій мое существо, его потребности, — въ этой полнотѣ бывали минуты, и онѣ бывали съ самаго начала нашей жизни вмѣстѣ, въ которыя незамѣтно, тамъ, гдѣ-то на днѣ, въ самой глубинѣ души что-то, какъ волосокъ тончайшій, мутило душу, а потомъ опять все становилось свѣтло». «Эта неудовлетворенность, что-то остававшееся незанятымъ, заброшеннымъ, — пишетъ Natalie въ другомъ письмѣ, — искало иной симпатіи и нашло ее въ дружбѣ Гервега».

Мнѣ было этого мало, и я писалъ ей: «Не отворачивайся отъ простаго углубленія въ себя, не ищи объясненій діалектикой, — не уйдешь отъ водоворота, онъ, все же, утянетъ тебя. Въ твоихъ письмахъ есть струна новая, незнакомая мнѣ, — не струна грусти, а другая... Теперь все еще въ нашихъ рукахъ... будемъ имѣть му-

жество идти до конца. Подумай, что послѣ того, какъ мы привели смущавшую нашу душу тайну къ слову, *Гервегъ взойдетъ фальшивой нотой въ нашъ аккордъ, или я... Я готовъ похоть съ Сашей въ Америку*, потомъ увидимъ, что и какъ... Мнѣ будетъ тяжело, но я постараюсь вынести; *здѣсь* мнѣ будетъ еще тяжелѣе—и я не вынесу!»

На это письмо она отвѣчала крикомъ ужаса; мысль разлуки со мной ей никогда не представлялась. «Что ты!.. Что ты!.. я—и разлучиться съ тобой!—какъ будто это возможно! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу къ тебѣ, къ тебѣ сейчасъ... я буду укладываться и черезъ нѣсколько дней я съ дѣтми въ Парижѣ».

Въ день выѣзда изъ Цюриха она еще писала: «Точно послѣ бурнаго кораблекрушенія я возвращаюсь къ тебѣ, въ мою отчизну съ полной вѣрой, съ полной любовью. Если-бъ состояніе твоей души похоже было на то, въ которомъ я нахожусь! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь! Люблю я тебя все такъ же, но твою любовь я узнала больше, и всѣ счеты съ жизнью сведены,—я не жду ничего, не желаю ничего. Недоразумѣнія!—я благодарна имъ, они объяснили мнѣ многое, и сами они пройдутъ и разсѣются, какъ тучи».

Встрѣча наша въ Парижѣ была не радостна, но проникнута чувствомъ искренняго, глубокаго сознанія, что буря *не* вырвала далеко пустившаго свои корни дерева, что насъ разъединить нелегко. Въ длинныхъ разговорахъ того времени одна вещь удивила меня, и я ее изслѣдовалъ нѣсколько разъ и всякій разъ убѣждался, что я правъ. вмѣстѣ съ оставшейся горячей симпатіей къ Гервегу Natalie, словно, свободнѣе вздохнула, вышедши изъ круга какого-то чернаго волшебства; она боялась его, она чувствовала, что въ его душѣ есть темныя силы, ее пугалъ его безконечный эгоизмъ, и она искала во мнѣ оплотъ и защиту.

Ничего не зная о моей перепискѣ съ Natalie, Гервегъ понялъ что-то недоброе въ моихъ письмахъ. Я, дѣйствительно, помимо всего другого, былъ очень недоволенъ имъ; Эмма рвалась, плакала, старалась ему угодить, доставала деньги,—онъ или не отвѣчалъ на ея письма, или писалъ колкости и требовалъ еще и еще денегъ.

Письма его ко мнѣ, сохранившіяся у меня, скорѣе похожи на письма встревоженнаго любовника, чѣмъ на дружескую переписку. Онъ со слезами упрекаетъ меня въ холодности; онъ умоляетъ не покидать его; онъ не можетъ жить безъ меня, безъ прежняго полнаго, безоблачнаго сочувствія; онъ прокликаетъ недоразумѣнія и вмѣшательство «безумной женщины» (т.-е. Эммы); онъ жаждетъ

начать новую жизнь,—жизнь вдали, жизнь съ нами и снова называетъ меня отцомъ, братомъ, близнецомъ. На все это я писалъ ему на разные лады: «подумай, можешь ли ты начать новую жизнь, можешь ли стряхнуть съ себя... порчу, растлѣнную цивилизацію»,—и раза два напомнилъ Алеко, которому старый цыганъ говоритъ: «оставь насъ, гордый человѣкъ, ты для одного себя хочешь свободы»¹⁾. Онъ отвѣчалъ на это упреками и слезами, но *не проговорился*. Его письма 1850 и первые разговоры въ Ниццѣ служатъ страшнымъ обличительнымъ документомъ... Чего? обмана, коварства, лжи?.. Нѣтъ; да это было бы не ново,—а той слабодушной двойственности, въ которой я много разъ обвинялъ западнаго человѣка. Перебирая часто всѣ подробности печальной драмы нашей, я всегда останавливался съ изумленіемъ, какъ этотъ человѣкъ ни разу, ни однимъ словомъ, ни однимъ прямымъ движеніемъ души не обличилъ себя? Какимъ образомъ, чувствуя невозможность быть со мною откровеннымъ, онъ старался дальше и дальше входить въ близость со мною, касался въ разговорѣ тѣхъ заповѣдныхъ сторонъ души, которыхъ безъ святотатства касается только полная и взаимная откровенность?

Съ той минуты, съ которой онъ угадалъ мое сомнѣніе и не только промолчалъ, но больше и больше увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, и *въ то же время* своимъ отчаяніемъ еще сильнѣе дѣйствовалъ на женщину, которой сердце было потрясено,—съ той минуты, съ которой отъ началъ со мной *отрицательную ложь* молчаніемъ и умолялъ ее (какъ я послѣ узналъ) не отнимать у него моей дружбы неосторожнымъ словомъ,—съ той минуты начинается преступленіе.

Преступленіе!... Да.. и всѣ послѣдующія бѣдствія идутъ, какъ простыя неминуемая послѣдствія его, идутъ, не останавливаясь гробами, идутъ, не останавливаясь раскаяніемъ, потому что онъ—не *наказаніе*, а послѣдствіе; идутъ за поколѣніе, по страшной неокружимости совершившагося. Искупленіе, раскаяніе можетъ примирить человѣка съ собой, съ другими, раскаяніе искупаетъ его, но послѣдствія идутъ своимъ страшнымъ чередомъ. Для бѣгства отъ нихъ религіи выдумали рай и его сѣни—монастырь.

... Меня выслали изъ Парижа и почти въ то же время выслали и Эмму. Мы собирались прожить годъ-два въ Ниццѣ,—тогда

1)

«Оставь насъ, гордый человѣкъ!

.
Ты для себя лишь хочешь воли.»

(«Цыганы» Пушкина).

это была Италія—и Эмма поѣхала туда же; черезъ нѣкоторое время, т.-е. къ зимѣ, должна была пріѣхать въ Ниццу моя мать и съ нею Гервегъ.

Зачѣмъ же я-то съ Natalie именно ѣхалъ въ тотъ же городъ? Вопросъ этотъ приходилъ мнѣ въ голову и другимъ, но, въ сущности, онъ мелокъ. Не говоря о томъ, что куда бы я ни поѣхалъ, Гервегъ могъ также ѣхать, но неужели можно было что-нибудь сдѣлать, кромѣ оскорбленія, географическими и другими внѣшними мѣрами? ²⁰

Недѣли черезъ двѣ-три послѣ своего пріѣзда, Гервегъ принялъ видъ Вертера въ послѣдней степени отчаянія, и до того очевидно, что одинъ русскій лѣкарь, бывшій проездомъ въ Ниццѣ, былъ увѣренъ, что у него начинается помѣшательство. Жена его являлась съ заплаканными глазами,—онъ съ ней обращался возмутительно. Она приходила часы цѣлые плакать въ комнату Natalie, и обѣ были увѣрены, что онъ не нынче-завтра бросится въ море или застрѣлится. Блѣдныя щеки, взволнованный видъ Natalie и снова овладѣвшій ею тревожный недосугъ, даже въ отношеніи къ дѣтямъ, показали мнѣ ясно, что дѣлается внутри.

Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвѣчивало ближе и ближе что-то зловѣщее, похожее на непрерывно пропадающія и опять являющіяся двѣ сверкающія точки на опушкѣ лѣса и свидѣтельствующія о близости звѣря. Все быстро несло къ развязкѣ. Ее задержало рожденіе Ольги ¹⁾.

¹⁾ 20 ноября 1850 г. Съ конца января 1850 г. Н. А. на была въ Парижѣ съ мужемъ, откуда и выѣхала съ нимъ въ іюнѣ.

ГЛАВА XLVI.

ЕЩЕ ГОДЪ.

1851.

Передъ новымъ годомъ Natalie принесла мнѣ показать акварель, которую она заказывала живописцу Guyot. Картина представляла нашу террасу, часть дома и двора, на дворѣ играли дѣти, лежала Татина коза, вдали на террасѣ была сама Natalie. Я думалъ, что акварель назначена мнѣ, но Natalie сказала, что она ее хочетъ подарить въ новый годъ Гервегу. Мнѣ было досадно.

— Нравится тебѣ?—спросила Natalie.

— Акварель мнѣ такъ нравится,—сказалъ я,—что, если Гервегъ позволитъ, я велю сдѣлать для себя копію.

По моей блѣдности и по голосу Natalie поняла, что эти слова были и вызовъ, и свидѣтельство сильной внутренней бури. Она взглянула на меня, слезы были у нея на глазахъ.

— Возьми ее себѣ,—сказала она.

— Ни подъ какимъ видомъ, что за *шалость*...

Больше мы не говорили.

Новый, 1851 годъ мы праздновали у моей матери. Я былъ въ сильно раздраженномъ состояніи, сѣлъ возлѣ Фогга ¹⁾ и, наливая ему и себѣ стаканъ вина за стаканомъ, сыпалъ остротами и колкостями. Фогтъ катался со смѣху, Гервегъ печально смотрѣлъ исподлобья. Наконецъ-то, онъ понялъ. Послѣ тоста за новый годъ онъ поднялъ свой бокалъ и сказалъ, что онъ одного желаетъ: «чтобъ

¹⁾ Карлъ.

наступающій годъ былъ не хуже прошедшаю, что онъ желаетъ этого всѣмъ сердцемъ, но не надѣется, напротивъ, чувствуетъ, что *все, все* распадается и гибнетъ».

Я промолчалъ.

На другое утро я взялъ свою старую повѣсть «Кто виновать?» и перечиталъ журналъ Любеньки и послѣднія главы. Неужели это было пророчество моей судьбы такъ, какъ дуэль Онѣгина была предвѣщаніемъ судьбы Пушкина?.. Но внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «какой ты Круциферскій! да и онъ что за Бельтовъ? Гдѣ въ немъ благородная искренность, гдѣ во мнѣ слезливое самоотверженіе?» И середь увѣренности въ минутномъ увлеченіи Natalie я былъ еще больше увѣренъ, что мы помѣряемся съ нимъ, что онъ меня не вытѣснитъ изъ ея сердца.

... Случилось то, чего я ожидалъ: Natalie сама вызвала объясненіе.

Послѣ исторіи съ акварелью и праздника у моей матери откладывать его было невозможно.

Разговоръ былъ тяжелъ. *Мы оба не стояли на той высотѣ, на которой были годъ тому назадъ*. Она была смущена, боялась его отъѣзда, хотѣла сама ѣхать на годъ въ Россію и боялась ѣхать. Я видѣлъ колебанье и видѣлъ, что онъ своимъ эгоизмомъ сгубитъ ее... а она не найдетъ силъ. Его я начиналъ ненавидѣть за молчаніе.

Еще разъ повторялъ я:

— Я отдаю судьбу свою въ твои руки. Еще разъ умоляю все взвѣсить, все оцѣнить... Я еще готовъ принять всякое рѣшеніе, готовъ ждать день, недѣлю, но только, *чтобъ рѣшеніе было окончательное*. Я чувствую,—говорилъ я,—что стою на предѣлѣ моихъ силъ; я еще могу хорошо поступить, но чувствую также, что долго меня не станеть.

— Ты не уѣдешь, ты не уѣдешь! — говорила она, заливаясь,—я этого не переживу.

На ея языкѣ такія слова были не шуткой. «Онъ долженъ ѣхать».

— Natalie, не торопись, не торопись брать послѣдняго рѣшенія, потому что оно послѣднее... Погоди... думай сколько хочешь, но скажи мнѣ окончательный отвѣтъ. Эти приливы и отливы сверхъ моихъ силъ... я отъ нихъ глупѣю, становлюсь мелокъ, схожу съ ума... требуй отъ меня все, что хочешь, но только сразу...

Тутъ заѣхала моя мать съ Колей звать насъ въ Ментону. Когда мы вышли садиться, оказалось, что одного мѣста не доставало. Я указалъ рукой мѣсто Гервегу. Гервегъ, вовсе не отлича-

шейся такой деликатностью, не хотѣлъ садиться. Я посмотрѣлъ на него, затворилъ дверцу коляски и сказалъ кучеру: «ступайте!». Мы остались вдвоемъ передъ домомъ на берегу моря. У меня на душѣ была плита, онъ молчалъ, былъ блѣденъ, какъ полотно, и избѣгалъ моего взгляда. Зачѣмъ я не началъ прямо разговора или не столкнулъ его со скалы въ море? Какая-то нервная невозможность остановила меня. Онъ сказалъ мнѣ что-то *о страданіяхъ поэта* и что жизнь такъ скверно устроена, что поэтъ вносить всюду несчастье, самъ страдаетъ и заставляетъ страдать все ему близкое... Я спросилъ его, читалъ ли онъ «Ораса» Ж. Сандъ. Онъ не помнилъ. Я совѣтовалъ ему перечитать. Онъ пошелъ за книгой къ Висконти ¹⁾).

Больше мы съ нимъ не видались.

Когда часу въ семьомъ всѣ собрались къ обѣду, его не было. Взошла его жена съ глазами, опухшими отъ слезъ; она объявила, что мужъ боленъ,—всѣ переглянулись; я чувствовалъ, что былъ въ состояніи воткнуть въ нее ножъ, который былъ въ рукахъ. Онъ заперся въ своихъ комнатахъ наверху. Этимъ *étalage* ²⁾ онъ покончилъ себя... Съ нимъ я былъ свободенъ.

Наконецъ, посторонніе ушли, дѣти улеглись спать,—*мы остались вдвоемъ*. Natalie сидѣла у окна и плакала; я ходилъ по комнатамъ; кровь стучала въ виски, я не могъ дышать.

— Онъ ѣдетъ,—сказала она, наконецъ.

— Кажется, это совсѣмъ не нужно; кажется, ѣхать надо мнѣ...

— Бога ради...

— Я уѣду...

— Александръ, Александръ, какъ бы ты не раскаялся... Послушай меня: спаси всѣхъ. Ты одинъ можешь это сдѣлать. Онъ убить, онъ совершенно палъ духомъ,—ты знаешь самъ, что ты былъ для него; его безумная любовь, его безумная дружба и сознание, что онъ нанесъ тебѣ огорчение... и хуже... Онъ хочетъ ѣхать, исчезнуть... но для этого ничего не надобно усложнять, иначе *она на одинъ шагъ отъ самоубійства*.

— Ты вѣришь?

— Я увѣрена.

— И онъ самъ это говорилъ?

— Самъ, и Эмма; онъ вычистилъ пистолеть.

Я расхохотался и спросилъ:

¹⁾ Книгопродавецъ въ Ниццѣ.

²⁾ Кокетничаніемъ.

— Не баденскій ли? Его надобно почистить: онъ, вѣрно, валялся въ грязи. Впрочемъ, скажи Эммѣ,—я отвѣчаю за его жизнь, я ее страхую въ какую угодно сумму.

— Смотри, какъ бы тебѣ не пожалѣть, что смѣешься,—сказала Natalie, мрачно качая головой.

— Хочешь, я пойду его уговаривать?

— Что еще выйдетъ изъ всего этого!

— Слѣдствія,—сказалъ я,—трудно предвидѣть и еще труднѣе отстранить.

— Боже мой! Боже мой! Дѣти, бѣдныя дѣти! что съ ними будетъ?!

— Объ нихъ,—сказалъ я,—надобно было прежде думать!

И это, конечно, самыя жестокія слова изъ всѣхъ сказанныхъ мною. Я былъ слишкомъ раздраженъ, чтобы человѣчески понимать смыслъ словъ; я чувствовалъ что-то судорожное въ груди и головѣ и былъ, можетъ, способенъ не только къ жесткимъ словамъ, но къ кровавымъ дѣйствіямъ. Она была уничтожена; наступило молчаніе.

Прошло съ полчаса ¹⁾; я хотѣлъ чашу выпить до дна и сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ; она отвѣчала. Я чувствовалъ себя раздавленнымъ; дикіе порывы мести, ревности, оскорбленнаго самолюбія пьянили меня. Какой процессъ, какая висѣлица могли устрашить? Жизнь свою я уже не ставилъ ни въ грошъ. *Это—одно изъ первыхъ условій* для дѣлъ страшныхъ и безумныхъ. Я ни слова не говорилъ. Я стоялъ передъ большимъ столомъ въ гостиной, сложа руки на груди... лицо мое было, вѣроятно, совсѣмъ искажено.

Молчаніе продолжалось. Вдругъ я взглянулъ на нее и испугался: лицо ея покрывала смертная блѣдность,—блѣдность съ синимъ отливомъ; губы были бѣлыя, ротъ судорожно полураскрытъ; не говоря ни слова, она смотрѣла на меня мутнымъ, помѣшаннымъ взглядомъ. Этотъ видъ безконечнаго страданія, нѣмой боли вдругъ осадилъ бродившія страсти, мнѣ ее стало жаль, слезы текли по щекамъ моимъ. Я готовъ былъ броситься къ ея ногамъ, просить прощенія... Я сѣлъ возлѣ нея на диванъ, взялъ ея руку, положилъ голову на ея плечо и сталъ ее утѣшать тихимъ, кроткимъ голосомъ. Меня угрызала совѣсть,—я чувствовалъ себя инквизиторомъ, палачомъ... То ли надобно было? это ли помощь друга? это ли участіе?.. И такъ, со всѣмъ развитіемъ, со всей гуманностью я въ припадкѣ бѣшенства и ревности могъ терзать несчастную женщину, могъ представлять какого-то Рауля-Синюю Бороду.

¹⁾ Частью изъ письма Гаугу, писаннаго въ мартѣ 1852. А. И. Г. (стр. 36 т. VII).

Нѣскольکو минутъ прошли прежде, чѣмъ она сказала что-нибудь, могла что-нибудь сказать, и потомъ вдругъ, рыдая, бросилась мнѣ на шею; я ее опустилъ на диванъ совершенно изнуренную; она только могла сказать: *«не бойся, другъ мой, это хорошія слезы, слезы умиленія... нтъ, нтъ, я никогда не разлучусь съ тобой»...*

Отъ волненія, отъ спазматическаго рыданья она закрыла глаза,—она была въ обморокѣ. Я лилъ ей на голову одеколонъ, мочилъ виски, она успокоилась, открыла глаза, пожала мнѣ руку и впала въ какое-то забытѣе, продолжавшееся болѣе часа; я простоялъ возлѣ на колѣняхъ. Когда она раскрыла глаза, она встрѣтилась съ моимъ печальнымъ покойнымъ взглядомъ,—слезы еще катились по щекамъ, она улыбнулась мнѣ...

Это былъ кризисъ. Съ этой минуты тяжелыя чары ослабли, ядъ дѣйствовалъ меньше.

— Александръ,—говорила она, нѣскольکو оправившись,—доверши свое дѣло: поклянись мнѣ,—мнѣ это нужно, я безъ этого жить не могу,—поклянись, что все кончится безъ крови, подумай о дѣтяхъ... о томъ, что съ ними будетъ безъ тебя и безъ меня.

— Даю тебѣ слово, что я сдѣлаю все, что возможно, отстраню всякую коллизію, пожертвую многимъ, но для этого необходимо одно,—чтобъ онъ завтра уѣхалъ, ну, хоть въ Геную.

— Это какъ ты хочешь... А мы начнемъ новую жизнь, и пусть все прошедшее будетъ прошедшее.

Я крѣпко обнялъ ее. На другой день утромъ явилась ко мнѣ Эмма. Она была растрепана, съ заплаканными глазами, очень безобразна, въ блузѣ, подпоясанной шнуркомъ. Она трагически медленно подошла ко мнѣ. Въ другое время я бы расхохотался надъ этой нѣмецкой декламацией... Теперь было не до смѣха. Я принялъ ее, стоя и вовсе не скрывая, что мнѣ ея посѣщеніе непріятно.

— Что вамъ надобно?—спросилъ я.

— Я пришла *отъ него* къ вамъ.

— Вашъ мужъ,—сказалъ я,—могъ бы самъ прійти, если ему нужно, или, можетъ, онъ уже застрѣлился?

Она скрестила руки на груди.

— И это *вы* говорите? вы?! его другъ?! Я васъ не узнаю! Неужели вы не понимаете трагедію, совершающуюся передъ вашими глазами?.. Его нѣжная организація не вынесетъ ни разлуки съ ней, ни разрыва съ вами. Да, да, съ вами!.. Онъ плачетъ о горѣ, которое нанесъ вамъ,—онъ велѣлъ сказать, что жизнь его въ вашихъ рукахъ, онъ проситъ, чтобы вы убили его...

— Что это за комедія!—сказалъ я, перерывая ея рѣчь.—Ну, кто же приглашаетъ людей такимъ образомъ, да еще черезъ свою жену, на убійство? Это—продолженіе пошлыхъ мелодраматическихъ выходокъ, отвратительныхъ для меня, я—не нѣмецъ...

— Herr Herzen...

— Madame Herwegh, зачѣмъ вы беретесь за такія трудныя комиссіи? Вы могли ожидать, что вы не услышите отъ меня ничего пріятнаго.

— Это роковое несчастіе,—сказала она, помолчавъ,— оно равно поразило васъ и меня... но посмотрите, какая разница въ вашемъ раздраженіи и въ моей преданности...

— Сударыня,—сказалъ я,— наши роли были не одинакія; прошу не сравнивать ихъ, а то какъ бы вамъ не пришлось покраснѣть.

— Никогда!—сказала она запальчиво.—Вы не знаете, что говорите, — и потомъ прибавила:—я увезу его, въ этомъ положеніи онъ не долженъ остаться, ваша воля исполнится. Но вы больше не тотъ въ моихъ глазахъ, котораго я такъ много уважала и котораго считала лучшимъ другомъ Георга. Нѣтъ, если бы вы были тѣмъ человѣкомъ, вы разстались бы съ Natalie,—пусть она ѣдетъ, пусть онъ ѣдетъ,—я осталась бы съ вами и съ дѣтьми здѣсь.

Я громко захохоталъ. Она вспыхнула въ лицѣ и голосомъ, дрожащимъ отъ досады и негодованія, спросила меня:

— Что это значитъ?

— Зачѣмъ же,—сказалъ я ей,—вы шутите въ серьезныхъ матеріяхъ? Однако, довольно, вотъ вамъ мой ultimatum: идите сейчасъ къ Natalie сами, однѣ, переговорите съ ней; если она хочетъ ѣхать, пусть ѣдетъ, я ничему и никому не буду препятствовать,—*кромя того*, извините меня, *кромя* того, чтобъ вы здѣсь остались; ужъ я какъ-нибудь съ хозяйствомъ самъ справлюсь. Но слушайте: если она не хочетъ ѣхать, то это—последняя ночь, которую я провожу подъ одной крышей съ вашимъ мужемъ; *живыми* здѣсь еще разъ ночевать мы не будемъ!!

Черезъ часъ времени Эмма возвратилась и мрачно возвѣстила мнѣ такимъ тономъ, какъ будто хотѣла сказать: «вотъ плоды твоихъ злодѣяній!»:

— Natalie не ѣдетъ; она погубила великое существованіе изъ самолюбія,—я спасу его!

— Итакъ?

— Итакъ, мы на дняхъ ѣдемъ...

— Какъ *на дняхъ*? Что вы это?! Завтра утромъ,—вы забыли, что ли, альтернативу?

(Повторяя это, я нисколько этимъ не измѣнялъ слову, данному Natalie: я былъ совершенно увѣренъ, что она его увезетъ).

— Я васъ не узнаю! какъ горько я ошиблась въ васъ!—за-мѣтила сумасбродная женщина и снова вышла.

Дипломатическое порученіе на этотъ разъ было легко,—она возвратилась минутъ черезъ десять, говоря, что онъ на все согласенъ: и на отъѣздъ, и на дуэль, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ далъ клятву не поднимать пистолета на мою грудь, а готовъ принять смерть изъ мѣхъ рукъ.

— Вы видите, онъ все у насъ шутить... вѣдь, и короля французскаго казнилъ просто палачъ, а не близкій пріятель. Итакъ, вы завтра отправляетесь?

— Право, не знаю, какъ это сдѣлать. У насъ ничего не готово.

— За ночь все можно приготовить.

— Надобно паспортъ визировать.

Я позвонилъ, вошелъ Рокка; я сказалъ ему, что М-ме Етта проситъ его сейчасъ визировать ихъ пасты въ Геную.

— Да у насъ даже нѣтъ на дорогу.

— Много ли вамъ надобно до Генуи?

— Франковъ *шестьсотъ*.

— Позвольте мнѣ вамъ ихъ вручить.

— Мы здѣсь должны по лавочкамъ.

— Примѣрно?

— Франковъ 500.

— Не безпокойтесь и—счастливый путь!

Этого тона она выдержать не могла: самолюбіе чуть ли не было въ ней главной страстью.

— За что? за что,—говорила она,—это обращеніе *со мной?* Меня вы не имѣете права ни ненавидѣть, ни презирать.

— Стало, *не васъ* имѣю?

— Нѣтъ,—сказала она, захлебываясь слезами,—нѣтъ, я только хотѣла сказать, что я васъ любила искренно, какъ сестра; я не хочу васъ оставить, не пожавъ вамъ руки, я уважаю васъ, вы, можетъ, правы, но вы—жестокій человѣкъ. Если-бъ вы знали, что я вынесла!..

— А зачѣмъ вы были всю вашу жизнь рабой?—сказалъ я ей, подавая руку; на ту минуту я не былъ способенъ къ состраданію.—Вы заслужили вашу судьбу.

Она вышла вонъ, закрывая лицо.

На другой день утромъ, въ десять часовъ, въ извозничьей каретѣ, на которую нагроузили всякіе коробки и чемоданы, отпра-

вился поэтъ mit Weib und Kind ¹⁾ въ Геную. Я стоялъ у открытаго окна,—онъ какъ-то юркнулъ въ карету такъ быстро, что я и не примѣтилъ. Она протянула руку повару и горничной и сѣла возлѣ него. Униженія больше этого буржуазнаго отъѣзда я не могу себѣ представить. Natalie была разстроена. Мы поѣхали вдвоемъ за городъ. Прогулка была печальна; изъ живыхъ, свѣжихъ ранъ струилась кровь. Возвратившись домой, первое лицо, встрѣтившее меня, былъ сынъ Гервега, Горасъ, мальчикъ лѣтъ девяти, шалунъ и воришка.

— Откуда ты?

— Изъ Ментоны.

— Что случилось?

— Вотъ отъ тата записка къ вамъ.

«Lieber Herzen,—писала она, какъ будто, между нами ничего не было,—мы остановились дня на два въ Ментонѣ; комната въ гостиницѣ небольшая,—Горасъ мѣшаетъ Георгу, — позвольте его оставить у васъ на нѣсколько дней».

Это отсутствіе такта поразило меня. вмѣстѣ съ тѣмъ Эмма писала К. Фогту, чтобъ онъ пріѣхалъ на *совѣщаніе*... Итакъ, чужіе люди будутъ замѣшаны! Я просилъ Фогта взять Гораса и сказать, что мѣста нѣтъ.

«Однако,—велѣла она мнѣ сказать черезъ Фогта,—квартира еще за нами цѣлыхъ три мѣсяца, и я могу ею располагать».

Это было совершенно справедливо, только деньги за квартиру *заплатилъ я*. Да, въ этой трагедіи, какъ у Шекспира, рядомъ со звуками, раздирающими сердца, со стономъ, съ которымъ исходитъ жизнь, мретъ послѣдняя вѣра, тухнетъ мысль,—площадная брань, грубый смѣхъ и рыночное мошенничество.

У Эммы была горничная Жаннета, французенка изъ Прованса, красивая собой и очень благородная. Она оставалась дня на два и должна была съ ихъ вещами ѣхать на пароходѣ въ Геную. На другой день утромъ Жаннета тихо отворила дверь и спросила меня, можетъ ли она взойти и поговорить со мной наединѣ. Этого никогда не бывало; я думалъ, что она хочетъ попросить денегъ, и готовъ былъ дать.

Краснѣя до ушей и со слезами на глазахъ, добрая провансалька подала мнѣ разные счета Эммы, незаплаченные по лавочкамъ, и прибавила:

— Madame приказывала мнѣ, да я никакъ не могу этого сдѣлать, не спросившись васъ,—она, видите, приказывала, чтобъ я

¹⁾ Съ женой и дѣтьми.

забрала въ лавкахъ разныхъ разностей и *приписала* бы ихъ въ эти счета... Я не могла этого сдѣлать, не сказавши вамъ.

— Вы прекрасно поступили. Что же она поручила вамъ купить?

— Вотъ записка.

На запискѣ было написано *нѣсколько кусковъ полотна, нѣсколько дюжинъ носовыхъ платковъ и цѣлый запасъ дѣтскаго бѣлья.*

Говорятъ, что Цезарь могъ читать, писать и диктовать въ одно и то же время, а тутъ какое обиліе силъ: вздумать объ экономическомъ приобрѣтеніи полотна и о дѣтскихъ чулкахъ, когда рушатся семейства, и люди касаются холоднаго лезвія Сатурновой косы ¹⁾. Нѣмцы—славный народъ!

¹⁾ Т.-е. смерти; Сатурнъ (Хроносъ)—богъ времени.

ГЛАВА XLVII.

Мы опять были одни, но это было не прежнее время,—все носило слѣды бури. Вѣра и сомнѣніе, усталъ и раздраженіе, чувства досады и негодованія мучили. А пуще всего мучила какая-то оборванная нить жизни, не было больше той святой безпечности, съ которой жилось такъ легко, не оставалось ничего завѣтнаго. Если все то было, что было,—нѣтъ ничего невозможнаго. Воспоминанія пугали въ будущемъ. Сколько разъ мы сходили вечеромъ обѣдать одни и, никто не притрагиваясь ни къ чему и не произнося слова, вставали, отирая слезы, изъ-за стола и видя, какъ добрый Рокка съ сердитымъ видомъ качалъ головой, унося блюда. Праздныя дни, ночи безъ сна... тоска... тоска. Я пилъ, что попало—скидомъ, коньякъ, старый bellet, пилъ ночью одинъ, и днемъ съ Энгельсономъ,—и это въ ниццскомъ климатѣ. Русская слабость пить съ горя совсѣмъ не такъ дурна, какъ говорятъ. Тяжелый сонъ лучше тяжелыхъ безсонницъ, и головная боль утромъ съ похмелья лучше мертвящей печали натошакъ.

Гервегъ прислалъ мнѣ письмо; я его, не читая, отослалъ. Онъ сталъ писать Natalie письмо за письмомъ. Печально смотрѣлъ я на это. Это время должно было быть временемъ глубокаго искуса, покоя и свободы отъ внѣшнихъ вліяній. Какой же покой, какая свобода могла быть при письмахъ человѣка, прикидывающагося бѣшенымъ и грозящаго не только самоубійствомъ, но и страшнѣйшими преступленіями? Такъ, напримѣръ, онъ писалъ, что на него находятъ такія минуты изступленія, *что онъ хочетъ перерѣзать своихъ дѣтей, выбросить ихъ трупы за окно и явиться къ намъ въ ихъ крови.* Въ другомъ писалъ, что онъ придетъ зарѣзаться при мнѣ и сказать: «вотъ до чего ты довелъ человѣка, который

тебя такъ любилъ!» Рядомъ съ этимъ онъ умолялъ Natalie *помирить* его со мною, *принять все на себя и предложить его въ ювернеры къ Сашъ.*

Десять разъ писалъ онъ о заряженномъ пистолетѣ. Natalie все еще вѣрила. Онъ требовалъ только ея благословенія на смерть; я уговорилъ ее написать ему, что она, наконецъ, согласна, что она убѣдилась, что выхода нѣтъ, кромѣ смерти. Онъ отвѣчалъ, что ея строки пришли *слишкомъ поздно*, что онъ теперь не въ томъ *расположеніи* и не чувствуетъ достаточно силъ, чтобъ исполнить, но что, оставленный всѣми, онъ уѣзжаетъ въ Египетъ. Письмо это нанесло ему страшный ударъ въ глазахъ Natalie.

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ изъ Генуи Орсини. Онъ разсказывалъ, смѣясь, о попыткѣ самоубійства мужа и жены.

Узнавъ, что Гервеги въ Генуѣ, Орсини пошелъ къ нимъ и встрѣтилъ Гервега, гуляющаго по мраморной набережной. Отъ него онъ узналъ, что жена его дома, и отправился къ ней. Она тотчасъ объявила ему, что *они рѣшились уморить себя голодомъ*, что этотъ родъ смерти избранъ имъ для себя, но что она хочетъ раздѣлить его судьбу,—она просила его не оставить Гораса и Адду ¹⁾).

Орсини обомлѣлъ отъ удивленія.

— Мы не ѣли тридцать часовъ,—отвѣчала Эмма,—уговорите его съѣсть что-нибудь, спасите. человѣчеству великаго поэта!—и она рыдала.

Орсини вышелъ на террасу и тотчасъ возвратился съ радостной вѣстью, что Гервегъ стоитъ на углу и ѣстъ салями. Обрадованная Эмма позвонила и велѣла подать миску супа. Въ это время мрачно возвратился мужъ и, ни слова о салями,—но обличительная миска стояла тутъ.

— Георгъ,—сказала Эмма,—я такъ была рада, услышавъ отъ Орсини, что ты ѣлъ, что и сама рѣшилась спросить супу.

— Я взялъ отъ тошноты кусочки салями,—впрочемъ, это вздоръ; голодная смерть самая мучительная,—я отравлюсь.

Жена подняла глаза къ небу и взглянула на Орсини, какъ бы говоря: «вы видите—его спасти нельзя». И онъ принялся за супъ. Орсини умеръ, но есть нѣсколько свидѣтелей его разсказа въ живыхъ, напримѣръ, К. Фогтъ, Мордини и Charles Edmond... Нелегко было Natalie отъ этихъ продѣлокъ. *Она была унижена въ немъ*, я былъ униженъ въ немъ, и она это мучительно чувствовала.

Весной Гервегъ уѣхалъ въ Цюрихъ и прислалъ жену въ Ниццу (новая дерзкая неделикатность). Мнѣ хотѣлось послѣ всего-

¹⁾ Дочь Гервеговъ.

бывшаго отдохнуть. Я придрался къ моей швейцарской натурализаціи и поѣхалъ въ Парижъ и Швейцарію съ Энгельсономъ.

Письма Natalie были покойны, на душѣ, будто, становилась легче ¹⁾).

На обратномъ пути я встрѣтилъ въ Женевѣ Сазонова. Онъ за бутылкой вина и съ совершеннѣйшимъ равнодушіемъ спросилъ меня:

— Какъ идутъ твои семейныя дѣла?

— Какъ всегда.

— Вѣдь, я знаю всю исторію и спрашиваю тебя изъ дружескаго участія.

Я съ испугомъ и дрожью смотрѣлъ на него; онъ не замѣчалъ ничего. Что же это такое? Я считалъ, что все это—тайна, и вдругъ человѣкъ за стаканомъ вина говорить со мной, какъ будто, это самое обыкновенное, обыденное дѣло.

— Что ты слышалъ и отъ кого?

— Я слышалъ всю исторію отъ самого Гервега и скажу тебѣ откровенно: я тебя вовсе не оправдываю. Зачѣмъ ты *не пускаешь* жену твою ѣхать или зачѣмъ не оставишь ее самъ? Помилуй, что за слабосты!—ты началъ бы новую, свѣжую жизнь...

— Да съ чего ты вообразилъ, что она хочетъ ѣхать? Неужели, ты вѣришь, что я могу пускать или не пускать?!

— Ты принуждаешь,—разумѣется, не физически, а *морально* твоими словами, твоей горестью. Я, впрочемъ, очень радъ, что нахожу тебя гораздо покойнѣе, чѣмъ ожидалъ, и не хочу быть съ тобой вполнину откровеннымъ. Гервегъ уѣхалъ изъ вашего дома, во-первыхъ, потому, что онъ—трусъ и боится тебя, какъ огня, а во-вторыхъ, потому, что твоя жена дала ему слово, когда ты успокоишься, пріѣхать въ Швейцарію.

— Это—гнуснѣйшая клевета!—вскрикнулъ я.

— *Это его слова*, и въ этомъ я даю тебѣ честнѣйшее слово.

Пришедши домой въ отель, я бросился, больной и уничтоженный, на постель, не раздвываясь, въ положеніи близкомъ къ помѣшательству или къ смерти... Вѣрилъ я или нѣтъ? Не знаю, но не могу сказать, *чтобы я вовсе не вѣрилъ* словамъ Сазонова.

«Итакъ, повторялъ я самъ себѣ, вотъ чѣмъ оканчивается наша поэтическая жизнь,—обманомъ и, по дорогѣ, европейской сплетней!.. Ха, ха, ха!.. Меня жалѣютъ, меня берегутъ, изъ пощады мнѣ даютъ вздохнуть, какъ солдату, котораго перестаютъ сѣчь и

¹⁾ См. №№ 503—507, 509, 511, 514, 518—520.

отдають въ больницу, когда пульсъ слабо бьется,—и усердно лѣчатъ для того, чтобы добавить, когда окрѣпнетъ, вторую половину... Я былъ обиженъ, оскорбленъ, униженъ.

Въ этомъ расположеніи я написалъ ночью письмо; письмо мое должно было носить слѣды бѣшенства, отчаянія и недовѣрія. Каюсь, глубоко каюсь въ этомъ *загазномъ* оскорбленіи, въ этомъ дурномъ письмѣ ¹⁾.

Natalie отвѣчала строками черной печали.

«Лучше мнѣ умереть,—говорила она;—вѣра твоя разрушена, каждое слово будетъ теперь вызывать въ тебѣ все прошедшее. Что мнѣ дѣлать и какъ доказать? Я плачу и плачу!»

Гервегъ солгалъ.

Слѣдующія письма были кротно печальны: ей было жаль меня, ей хѣтѣлось уврачевать мои раны, а что сама-то она должна была вынести... Зачѣмъ нашелся человѣкъ, повторившій мнѣ эту клевету?... и зачѣмъ не было другого, который бы остановилъ мое письмо, писанное въ припадкѣ преступной горячки?

¹⁾ См. № 524.

ГЛАВА XLVIII.

ОСЕАНО НОХ ¹⁾.

(1851).

ЛѢТОМЪ.

I ²⁾.

...Ночью, съ 7 на 8 іюля, часу во второмъ, я сидѣлъ на ступенькѣ Кариньянскаго дворца ³⁾ въ Туринѣ; площадь была совершенно пуста; поодаль отъ меня дремалъ нищій; часовой тихо ходилъ назадъ и впередъ, насвистывая пѣсню изъ какой-то оперы и лобрякивая ружьемъ... Ночь была горячая, теплая, пропитанная *запахомъ* сирокко.

Мнѣ было необычайно хорошо, такъ, какъ не бывало давно; я опять почувствовалъ, что я еще молодъ и силенъ силами въ груди, что у меня есть друзья и вѣрованія, что я полонъ любовью... какъ тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Сердце билось такъ, какъ я

¹⁾ Ночь на океанѣ.

²⁾ Этотъ отрывокъ (никогда еще не печатавшійся) принадлежитъ къ той части «Былого и думъ», которая будетъ издана гораздо позже, и для которой я писалъ всѣ остальные. Нѣсколько строкъ о страшномъ происшествіи, бывшемъ 16 ноября 1851, въ «Запискахъ» Орсини, принимавшаго самое горячее участіе въ несчастіи, поразившемъ меня, были поводомъ, что я напечаталъ второй отрывокъ ³⁾ въ «Полярной Звѣздѣ» 1859. А. И. Г. 21

³⁾ Дворецъ Carignano находится на площади, также носящей названіе Carignano.

⁴⁾ Главка II этой главы.

отвыкъ чувствовать въ послѣднее время. Оно билось, какъ въ тотъ мартовскій день 1838, когда я, завернувшись въ плащъ, ждалъ Кетчера у фонарнаго столба на Поварской.

Я и теперь ждалъ свиданья,—свиданья съ *той же* женщиной, и ждалъ, можетъ, еще съ большей любовью, хотя къ ней и примѣшивались грустныя, черныя ноты, но въ эту ночь ихъ было мало слышно. Послѣ безумнаго кризиса горести, отчаянія, набѣжавшаго на меня при моемъ проѣздѣ черезъ Женеву, мнѣ стало лучше. Кроткія письма Natalie, исполненныя грусти, слезъ, боли, любви, довершили мое выздоровленіе. Она писала, что ѣдетъ изъ Ниццы въ Туринъ мнѣ навстрѣчу, что ей хотѣлось бы пробыть нѣсколько дней въ Туринѣ. Она была права: намъ надобно было еще разъ однимъ всмотрѣться другъ въ друга, выжать другъ другу кровь изъ ранъ, утереть слезы и, наконецъ, узнать окончательно, *есть ли* для насъ общее счастье,—и все это наединѣ, даже безъ дѣтей и притомъ *вс друиомъ* мѣстѣ, не при той обстановкѣ, гдѣ мебель, стѣны могли не во-время что-нибудь напомнить, шепнуть какое-нибудь полузабытое слово...

Почтовая карета должна была во второмъ часу прийти со стороны Col di Tenda ¹⁾; ее-то я и ждалъ у сумрачнаго Кариньянскаго дворца: недалеко отъ него она должна была заворачивать.

Я пріѣхалъ въ этотъ же день утромъ изъ Парижа ²⁾, черезъ Montcenis ³⁾; въ Hôtel Feder мнѣ дали большую, высокую, довольно красиво убранную комнату и спальню. Мнѣ нравился этотъ праздничный видъ, онъ былъ кстати. Я велѣлъ приготовить небольшой ужинъ и пошелъ бродить, ожидая ночи.

Когда карета подъѣзжала къ почтовому дому, Natalie узнала меня. «Ты тутъ!»—сказала она, кланяясь въ окно. Я отворилъ дверцы, и она бросилась ко мнѣ на шею съ такой восторженной радостью, съ такимъ выраженіемъ любви и благодарности, что у меня въ памяти мелькнули, какъ молнія, слова изъ ея письма: «Я возвращаюсь, какъ корабль, въ свою родную гавань послѣ бурь, кораблекрушеній и несчастій,—сломанный, но спасенный».

Одного взгляда, двухъ-трехъ словъ было за глаза довольно... Все было понято и объяснено; я взялъ ея небольшой дорожный мѣшокъ, переброемилъ его на трости за спину, подалъ ей руку, и мы весело пошли по пустымъ улицамъ въ отель. Тамъ всѣ спали, кромѣ швейцара. На накрытомъ столѣ стояли двѣ незажженныя

¹⁾ Горный проходъ въ Приморскихъ Альпахъ.

²⁾ Изъ Женевы.

³⁾ Горный массивъ на границѣ Франціи и Италіи.

свѣчи, хлѣбъ, фрукты и графинъ вина; я никого не хотѣлъ будить, мы зажгли свѣчи и, сѣвши за пустой столъ, взглянули другъ на друга и разомъ вспомнили владимѣрское житье.

На ней было бѣлое кисейное платье, или блуза, надѣтая на дорогу отъ палящаго жара; и при первомъ свиданіи нашемъ, когда я пріѣзжалъ изъ ссылки, она была также вся въ бѣломъ, и вѣнчальное платье было бѣлое. Даже лицо ея, носившее рѣзкіе слѣды глубокихъ потрясеній, заботъ, думъ и страданій, напоминало выраженіемъ черты того времени.

И мы сами были тѣ же, только теперь мы подавали другъ другу руку, не какъ заносчивые юноши, самонадѣянные и гордые вѣрой въ себя, вѣрой другъ въ друга и въ какую-то исключительность нашей судьбы, а какъ ветераны, закаленные въ бою жизни, испытавшіе не только свою силу, но и свою слабость... едва уцѣлѣвшіе отъ тяжелыхъ ударовъ и неисправимыхъ ошибокъ. Вновь отправляясь въ путь, мы, не считаясь, раздѣлили печальную ношу былого. Съ этой ношей приходилось итти болѣе скромнымъ шагомъ, но внутри наболѣвшихъ душъ сохранилось все для возмужалаго, отстоявшагося счастья. По ужасу и тупой боли еще яснѣе разглядѣли мы, какъ мы неразнимчато срослись годами, обстоятельствами, чужбиной, дѣтьми.

Въ эту встрѣчу все было кончено, оборванные концы срослись, не безъ рубца, но крѣпче прежняго; такъ срастаются иногда части сломленной кости. Слезы печали, не обсохнувшія на глазахъ, соединяли насъ еще новой связью: чувствомъ глубокаго состраданія другъ къ другу. Я видѣлъ ея борьбу, ея мученье, я видѣлъ, какъ она изнемогала. Она видѣла меня слабымъ, несчастнымъ, оскорбленнымъ, оскорбляющимъ, готовымъ на жертву и на преступленіе.

Мы слишкомъ большой платой заплатили другъ за друга, чтобъ не понимать, чего мы стоимъ, и какъ дорого мы обошлись другъ другу. «Въ Туринѣ,—писалъ я въ началѣ 1852,—было наше второе вѣнчаніе; его смыслъ, можетъ быть, глубже и знаменательнѣе перваго; оно совершилось съ полнымъ сознаниемъ всей отвѣтственности, которую мы вновь брали въ отношеніи другъ къ другу, оно совершилось въ виду страшныхъ событій...»

Любовь какимъ-то чудомъ пережила ударъ, который долженъ былъ ее разрушить.

Послѣднія, темныя облака отступали дальше и дальше. Много, долго говорили мы... точно послѣ разлуки въ нѣсколько лѣтъ; день давно сквозилъ яркими полосами въ опущенныя жалюзи, когда мы встали изъ-за пустого стола...

Дня черезъ три ¹⁾ мы поѣхали вмѣстѣ домой, въ Ниццу по Ривьерѣ. Мелькнула Генуя, мелькнула Ментона, гдѣ мы такъ часто бывали и въ такомъ разномъ настроеніи духа, мелькнуло Монако, врѣзывающееся въ море бархатной травой и бархатнымъ пескомъ. Все встрѣчало насъ весело, какъ старые друзья послѣ размовки, а тутъ виноградники, рощи розъ, померанцевыхъ деревьевъ и море, стелящееся передъ домомъ, и дѣти, играющія на берегу... Вотъ они узнали, бросились навстрѣчу. Мы—дома.

Спасибо судьбѣ за эти дни, за эту треть года, шедшаго за ними: ими торжественно заключилась моя личная жизнь. Спасибо ей за то, что она, вѣчная язычница, увѣнчала обреченныхъ на жертву пышнымъ вѣнкомъ осеннихъ цвѣтовъ... и усыпала хоть на время, своимъ макомъ и благоуханіемъ!

Пропасти, дѣлившія насъ, исчезли, берега сдвинулись. Развѣ это не та же рука, которая черезъ всю жизнь была въ моей рукѣ, и развѣ это не тотъ же взглядъ?—только иногда онъ мутится отъ слезъ. «Успокойся же, сестра, другъ, товарищъ; вѣдь, все прошло,—и мы тѣ же, какъ въ юные, святыя, свѣтлыя годы!»

...«Послѣ страданій, которыхъ, можетъ, ты знаешь мѣру, иныя минуты полны блаженства; всѣ вѣрованія дѣтства, юности не только совершились, но прошли сквозь страшныя испытанія, не утративъ ни свѣжести, ни аромата, и расцвѣли съ новымъ блескомъ и новой силой. Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь»,—писала она своему другу въ Россію.

Разумѣется, отъ прошедшаго остался осадокъ, до котораго нельзя было касаться безнаказанно: что-то сломленное внутри, какой-то чутко дремлющій испугъ и боль.

Прошедшее—не корректурный листъ, а ножъ гильотины; послѣ его паденія многое не срастается и не все можно поправить. Оно остается, какъ отлитое въ металлѣ, подробное, неизмѣнное, темное, какъ бронза. Люди, вообще, забываютъ только то, чего не стоитъ помнить или чего они не понимаютъ. Дайте иному забыть два-три случая, такія-то черты, такой-то день, такое-то слово,—и онъ будетъ юнъ, смѣль, силенъ, а съ ними онъ идетъ, какъ ключъ, ко дну. Ненадобно быть Макбетомъ, чтобъ встрѣчаться съ тѣнью Банко; тѣни—не уголовныя судьи, не угрызения совѣсти, *а несокрушимыя событія памяти.*

Да забывать и ненужно: это—слабость, это—своего рода ложь; прошедшее имѣетъ свои права, оно—фактъ, съ нимъ надобно *сладить*, а не забыть его,—и мы шли къ этому дружными шагами.

¹⁾ Не раньше 13 іюля.

...Случалось, ничтожное слово, сказанное посторонними, какая-нибудь вещь, попавшаяся на глаза, проводила бритвой по сердцу, и кровь лилась и было нестерпимо больно; но я въ то же мгновение встрѣчалъ испуганный взглядъ, смотрѣвшій на меня съ безконечной мукой и говорившій: «Да, ты `правъ, иначе и быть не можетъ, но...», и я старался разогнать набѣжавшія тучи.

Святое время примиренія,—я вспоминаю о немъ сквозь слезы...

... Нѣтъ, не *примиренія*, это слово не идетъ. Слова, какъ гуртовья платья, впору до «извѣстной стѣпени» *встѣм* людямъ одинаковаго роста и плохо одѣваютъ каждаго *отдѣльно*.

Намъ нельзя было мириться: мы никогда не ссорились,—мы страдали другъ о другѣ, но не расходились. Въ самыя мрачныя минуты какое-то неразрывное единство, безсомнѣнное для обоихъ, и глубокое уваженіе другъ къ другу были присущи. Мы ходили скорѣе на людей, оправляющихся послѣ тяжелой горячки, чѣмъ на помирившихся; бредъ прошелъ, мы узнали другъ друга взглядомъ, нѣсколько слабымъ и мутнымъ. Боль вынесенная была памятна, утомленіе ощутительно, но, вѣдь, мы знали, что все дурное прошло, что мы на берегу.

...Мысль, нѣсколько разъ прежде мелькавшая у Natalie, занимала ее теперь больше и больше: она хотѣла написать свою исповѣдь. Она была недовольна ея началомъ, жгла листки; одно длинное письмо и одна страничка уцѣлѣли... По нимъ можно судить о томъ, что пропало... Читая ихъ, становится жутко, чувствуешь, что до-трагиваешься рукой до страдающаго и теплаго сердца, чувствуешь шопоть этихъ беззвучныхъ тайнъ, вѣчно скрытыхъ, едва просыпающихся въ сознаніи. Въ этихъ строкахъ можно было уловить, какъ мучительная борьба переходила въ новый закалъ и боль—въ мысль. Если-бъ этотъ трудъ не былъ грубо прерванъ, онъ составилъ бы великій антецедентъ въ замѣну уклончиваго молчанія женщины и надменнаго покровительства ея мужчиной; но самый безсмысленный ударъ разразился надъ нашей головой и окончательно все разбилъ. ²²

II.

Dans une mer sans fond, par une nuit sans lune,
Sous l'aveugle océan à jamais enfouis...

V. Hugo ¹⁾.

Такъ оканчивалось лѣто 1851. Мы были почти совѣмъ одни. Моя мать съ Колей и съ Шпильманомъ уѣхали погостить въ Па-

¹⁾ Въ бездонномъ морѣ, въ безлунную ночь, навсегда зарытые подъ слѣпымъ океаномъ.

рижѣ къ М. К. ¹⁾). Тихо проводили мы время съ дѣтьми. Казалось, всѣ бури были назади.

Въ ноябрѣ мы получили письмо отъ моей матери, что она скоро выѣзжаетъ, потомъ другое изъ Марсели, въ которомъ она писала, что на другой день, 15 ноября, они садятся на пароходъ и ѣдутъ къ намъ. Во время ея отсутствія мы переѣхали въ другой домъ, также на берегу моря, въ предмѣстіи С.-Еленъ. Въ домѣ этомъ съ большимъ садомъ было помѣщеніе для моей матери; мы убрали ея комнату цвѣтами; нашъ поваръ досталъ съ Сашей китайскихъ фонарей и развѣсилъ ихъ по стѣнамъ и деревьямъ. Все было готово; дѣти часовъ съ трехъ не сходили съ террасы. Наконецъ, въ шестомъ часу на горизонтѣ отдѣлилась отъ моря темная струйка дыма, а черезъ нѣсколько минутъ показался и пароходъ, стоявшій неподвижной и возрастающей точкой. Все засуетилось у насъ, Франсуа пустился на пристань, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ туда же.

Когда я пріѣхалъ на пристань, пароходъ уже вошелъ, лодки ждали кругомъ разрѣшенія *sanita*, ²⁾ сходить пассажирамъ. Одна изъ нихъ подъѣзжала къ дебаркадеру,—на ней стоялъ Франсуа.

— Какъ,—спросилъ я,—вы уже назадъ ѣдете?

Онъ мнѣ не отвѣчалъ; я взглянулъ на него и обмеръ: онъ былъ зеленаго цвѣта и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что это?—спросилъ я,—вы больны?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, минуя мой взглядъ,—только наши не пріѣхали.

— Какъ не пріѣхали?

— Тамъ что-то съ пароходомъ случилось, такъ не всѣ пассажиры пріѣхали.

Я бросился въ лодку и велѣлъ скорѣе отчаливать.

На пароходѣ меня встрѣтили съ какимъ-то злобѣщимъ почтениемъ и съ совершеннымъ молчаніемъ. Самъ капитанъ дожидаяся меня; все это совсѣмъ не въ обычаяхъ, и я ждалъ чего-нибудь ужаснаго. Капитанъ сказалъ мнѣ, что между островомъ Геромъ ³⁾, и материкомъ пароходъ, на которомъ была моя мать, столкнулся съ другимъ и пошелъ ко дну, что большая часть пассажировъ взята нами и другимъ пароходомъ, шедшимъ мимо. «У меня, сказалъ онъ, только двѣ молодыя дѣвушки изъ вашихъ», и повелъ меня на пе-

¹⁾ Тогда уже не Эрнъ, а Рейхель.

²⁾ Санитарнаго надзора.

³⁾ *Ils d'Hyères*—группа небольшихъ острововъ на Средиземномъ морѣ, принадлежащихъ Франціи.

реднюю палубу,—всѣ разступились съ тѣмъ же мрачнымъ молчаніемъ. Я шелъ безсмысленно, даже не спрашивая ничего. Племянница моей матери ¹⁾, гостившая у нея, высокая, стройная дѣвушка, лежала на палубѣ съ растрепанными и мокрыми волосами; возлѣ нея—горничная ²⁾, ходившая за Колей. Увидя меня, молодая дѣвушка хотѣла приподняться, что-то сказать, но не могла; она, рыдая, отвернулась въ другую сторону.

— Что же это, наконецъ? Гдѣ они?—спросилъ я, болѣзненно схвативши руку горничной.

— Мы ничего не знаемъ,—отвѣчала она;—пароходъ потонулъ, насъ заертво вытащили изъ воды. Какая-то англичанка дала намъ свои платья, чтобъ переодѣться.

Капитанъ грустно посмотрѣлъ на меня, потрясъ мою руку и сказалъ:

— Отчаиваться не надо; съѣздите въ Гіеръ, быть можетъ, и найдете кого-нибудь изъ нихъ.

Поручивъ Энгельсону и Франсуа больныхъ, я поѣхалъ домой въ какомъ-то ошеломленіи; все въ головѣ было смутно и дрожало внутри; я желалъ, чтобъ домъ нашъ былъ за тысячу верстъ... Но вотъ блеснуло что-то между деревьевъ, еще и еще; это были фонарики, зажженные дѣтьми. У воротъ стояли наши люди, Тата и Natalie съ Олею на рукахъ.

— Какъ, ты одинъ?—спросила меня спокойно Natalie.—Да ты хоть бы Колю привезъ.

— Ихъ нѣтъ,—сказалъ я;—съ ихъ пароходомъ что-то случилось, надобно было перейти на другой, тотъ не всѣхъ взялъ. Луиза здѣсь.

— *Ихъ нѣтъ!*—вскрикнула Natalie.—Я теперь только разглядела твое лицо: у тебя глаза мутны, всѣ черты искажены. Бога ради, что такое?

— Я ѣду ихъ искать въ Гіеръ.

Она покачала головой и прибавила:

— Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!—потомъ молча приложила лобъ къ моему плечу. Мы прѣшли аллеей, не говоря ни слова. Я привелъ ее въ столовую; проходя, я шепнулъ Роккѣ: «Бога ради, фонари...»; онъ понялъ меня и бросился ихъ тушить. Въ столовой все было готово: бутылка вина стояла во льду, передъ мѣстомъ моей матери—букетъ цвѣтовъ, передъ мѣстомъ Коли—новыя игрушки...

Страшная вѣсть быстро разнеслась по городу, и домъ нашъ

¹⁾ Луиза Суццеръ.

²⁾ Аделаида.

сталь наполняться близкими знакомыми, какъ Фогтъ, Тесье, Хоецкій, Орсини, и даже совѣмъ посторонними: одни хотѣли узнать, что случилось, другіе—показать участіе, третьи—совѣтовать всякую всячину, большей частью, вздоръ. Но не буду благодаренъ: участіе, которое мнѣ тогда оказали въ Ниццѣ, меня глубоко тронуло. Передъ такими бессмысленными ударами судьбы люди просыпаются и чувствуютъ свою связь.

Я рѣшился въ ту же ночь ѣхать въ Гіеръ. Natalie хотѣла ѣхать со мной, я уговорилъ ее остаться; къ тому же погода круто перемѣнилась: подулъ мистраль, холодный, какъ ледъ, и съ сильнымъ дождемъ. Надобно было достать пропускъ во Францію, черезъ Варскій мостъ; я поѣхалъ къ Леону Пиле ¹⁾, французскому консулу; онъ былъ въ оперѣ; я отправился къ нему въ ложу съ Хоецкимъ; Пиле, уже прежде что-то слышавшій о случившемся, сказалъ мнѣ:

— Я не имѣю права дать вамъ позволеніе, но есть обстоятельства, въ которыхъ отказъ былъ бы преступленіемъ. Я вамъ дамъ на свою отвѣтственность билетъ для пропуска черезъ границу, приходите за нимъ черезъ полчаса въ консулатъ.

У входа въ театръ меня ждали человѣкъ десять изъ тѣхъ, которые были у насъ. Я имъ сказалъ, что Леонъ Пиле даетъ билетъ.

«Поѣзжайте домой и не хлопочите ни о чемъ», говорили мнѣ со всѣхъ сторонъ; «остальное будетъ сдѣлано,—мы возьмемъ билетъ, визируемъ его въ интендантствѣ, закажемъ почтовыхъ лошадей». Хозяинъ моего дома, бывшій тутъ, побѣжалъ доставать карету; содержатель гостиницы предложилъ безденежно свою.

Въ 11 часовъ вечера я отправился по проливному дождю. Ночь была ужасная; порывы вѣтра были иной разъ до того сильны, что лошади останавливались; море, въ которомъ такъ недавно были похороны, едва видное въ темнотѣ, билось и ревѣло. Мы поднимались на Эстерель ²⁾, дождь замѣнился снѣгомъ, лошади спотыкались и чуть не падали отъ гололедицы. Нѣсколько разъ почтальонъ, выбившись изъ силъ, принимался грѣться; я ему подавалъ мою фляжку съ коньякомъ и, обѣщая двойные прогоны, упрасивалъ торопиться.

Зачѣмъ? Вѣрилъ ли я въ возможность, что найду кого-нибудь изъ нихъ, что кто-нибудь спасся? Трудно было предполагать это послѣ всего слышаннаго, но поискать, взглянуть на самое мѣсто, найти вещь, тряпку, увидѣтъ очевидца, наконецъ... была потреб-

¹⁾ Литераторъ, игравшій роль въ общественномъ движеніи 1830 года.

²⁾ Одинъ изъ западныхъ отроговъ Приморскихъ Альпъ.

ность убѣдиться, что нѣтъ надежды, и потребность что-нибудь дѣлать, не быть дома, прійти въ себя.

Пока на Эстерели мѣняли лошадей, я вышелъ изъ кареты; сердце мое сжалось, и я чуть не зарыдалъ, осмотрѣвшись: это было возлѣ той самой таверны, въ которой мы провели ночь въ 1847 г. Я вспомнилъ огромныя деревья, осѣнявшія ее; тотъ же видъ стался передъ нею, только тогда онъ былъ освѣщенъ восходящимъ солнцемъ, а теперь скрывался за сѣрыми не итальянскими тучами и мѣстами бѣлѣлъ отъ снѣга.

Живо представилось мнѣ то время, со всѣми мельчайшими подробностями: я вспомнилъ, какъ хозяйка насъ потчевала зайцемъ, тухлость котораго была заморена страшнымъ количествомъ чеснока; какъ въ спальной летали летучія мыши, какъ я ихъ гонялъ съ нашей Луизой полотенцемъ и какъ на насъ вѣяло въ первый разъ теплымъ южнымъ воздухомъ...

Тогда я писалъ: «Съ Авиньона начиная, чувствуется, видится югъ. Для человѣка, вѣчно жившаго на сѣверѣ, первая встрѣча съ южной природой исполнена торжественной радости: юнѣешь, хочется пѣть, плясать, плакать,—все такъ ярко, свѣтло, весело, роскошно. Послѣ Авиньона намъ надобно было переѣзжать Приморскія Альпы. Въ лунную ночь взобрались мы на Эстерель; когда мы начали спускаться, солнце всходило, цѣпи горъ вырѣзывались изъ-за утренняго тумана, лучъ солнца орумянилъ ослѣпительныя снѣжныя вершины; кругомъ яркая зелень, цвѣты, рѣзкія тѣни, огромныя деревья и мрачныя скалы, едва покрытыя бѣдной и жесткой растительностью. Воздухъ былъ упоителенъ, необычайно прозраченъ, освѣжающъ и звонокъ; наши слова, пѣнье птицъ раздавались громче обыкновеннаго. И вдругъ на небольшомъ изгибѣ дороги блеснуло каймой около горъ и задрожало серебрянымъ огнемъ Средиземное море ¹⁾».

И вотъ черезъ четыре года я снова на томъ же мѣстѣ!..

Прежде ночи мы не могли пріѣхать въ Гіеръ; я тотчасъ отправился къ комиссару полиціи; съ нимъ и съ жандармскимъ бригадиромъ пошли мы сначала къ морскому комиссару. У него были разныя спасенныя вещи; я ничего въ нихъ не нашелъ. Потомъ мы пошли въ больницу. Одинъ изъ утопавшихъ отходилъ, другіе сообщили мнѣ, что они видѣли пожилую женщину, ребенка лѣтъ пяти и съ нимъ молодого человѣка, съ бѣлокурой, окладистой бордой... что они видѣли ихъ въ самую послѣднюю минуту, и что...

¹⁾ «Письма изъ Франціи и Италіи» 9). А. И. Г.

9) Письмо V.

стало быть, они такъ же пошли ко дну, какъ и всѣ. Но тутъ-то снова и являлся вопросъ: вѣдь, рассказывавшіе были же живы, хотя и они, какъ Луиза и горничная, порядкомъ не помнили, какъ спаслись?

Найденныя тѣла лежали въ криптѣ монастыря; мы пошли туда изъ больницы; сестры милосердія встрѣтили насъ и повели, освѣщая намъ дорогу церковными свѣчами. Въ криптѣ стоялъ рядъ вновь сколоченныхъ ящиковъ, въ каждомъ ящикѣ было одно тѣло. Комиссаръ велѣлъ ихъ раскрыть; оказалось, что ящики заколочены. Бригадиръ послалъ жандарма за долотомъ и велѣлъ ему потомъ взламывать одну крышку за другой.

Этотъ осмотръ тѣлъ былъ нечеловѣчески тяжелъ. Комиссаръ держалъ въ рукѣ книжку и какимъ-то официальнымъ тономъ спрашивалъ при вскрытіи каждаго ящика: «Вы свидѣствуете, въ присутствіи нашемъ, что тѣло это вамъ незнакомо?»; я кивалъ головой, комиссаръ мѣтилъ карандашомъ и, обращаясь къ жандарму, приказывалъ снова закрыть. Мы переходили къ другому. Жандармъ приподнималъ крышку, я съ какимъ-то ужасомъ бросалъ взглядъ на покойника, и словно было легче, когда встрѣчалъ незнакомыя черты, а въ сущности еще страшнѣе было думать, что всѣ трое пропали такъ безслѣдно, такъ заброшенно лежатъ на днѣ моря, носятся волнами. Тѣло безъ гроба, безъ могилы страшнѣе всякихъ похоронъ, а тутъ не было и самихъ покойниковъ.

Я никого не нашелъ. Одно тѣло поразило меня: женщина лѣтъ двадцати, красавица, въ нарядномъ провансальскомъ костюмѣ; ея грудь была обнажена (съ нею былъ ребенокъ, разумѣется, унесенный волнами), и струя молока сочилась еще, скатываясь по груди. Лицо ея нисколько не измѣнилось, смуглый загаръ придавалъ ей совершенно живой видъ.

Бригадиръ не вытерпѣлъ и замѣтилъ: «какая прелесть какая!». Комиссаръ ничего не прибавилъ, жандармъ, накрывши ее, замѣтилъ бригадиру: «я зналъ ее—она изъ здѣшнихъ подгородныхъ крестьянокъ, ѣхала къ мужу въ Грасъ. Пусть подождетъ!».

Моя мать, мой Коля и нашъ добрый Шпильманъ исчезли безслѣдно, ничего не осталось отъ нихъ; между спасенными вещами не было ни лоскутка, имъ принадлежащаго,—сомнѣніе въ ихъ гибели было невозможно. Всѣ спасшіеся были или въ Герѣ, или на томъ же пароходѣ, который привезъ Луизу,—капитанъ выдумалъ для моего успокоенія какую-то сказку.

Въ Герѣ мнѣ рассказывали еще о пожилomъ чловѣкѣ, потерявшемъ всю семью, который не хотѣлъ оставаться въ больницѣ и ушелъ куда-то пѣшкомъ безъ денегъ, въ состояніи близкомъ къ

помѣшателству, и о двухъ англичанкахъ, отправившихся къ английскому консулу,—онѣ лишились матери, отца и брата!

Дѣло шло къ разсвѣту, я велѣлъ привести лошадей. Передъ отъѣздомъ гарсонъ водилъ меня на часть берега, выдавшуюся въ море, и оттуда показывалъ мѣсто кораблекрушенія. Море еще кипѣло и волновалось, сѣдое и мутное отъ вчерашней бури; вдали, на одномъ мѣстѣ, качалось какое-то особенное пятно; словно, болѣе густая, прозрачная влага.

— Пароходъ везъ грузъ масла; видите, оно отстоялось,—вотъ. тутъ и было несчастье.

Это всплывшее пятно было *все*.

— А глубоко тутъ?

— Метровъ сто восемьдесятъ будетъ.

Я постоялъ; утро было очень холодное, особенно на берегу. Мистраль, какъ вчера, дулъ, небо было покрыто русскими осенними облаками. Прощайте!.. Сто восемьдесятъ метровъ глубины и носящееся пятно масла!

Nul ne sait votre sort, pauvres têtes perdues,
Vous roulez à travers les sombres étendues,
Heurtant de vos fronts des écueils inconnus... ¹⁾

Съ страшной достовѣрностью приѣхалъ я назадъ. Едва-едва оправившаяся Natalie не вынесла этого удара. Со дня гибели моей матери и Коли она не выздоравливала больше. Испугъ, боль остались, вошли въ кровь. Иногда вечеромъ, ночью она говорила мнѣ, какъ бы прося моей помощи: «Коля, Коля не оставляетъ меня! Бѣдный Коля, какъ онъ, чай, испугался, какъ ему было холодно, а тутъ рыбы, омары!». Она вынимала его маленькую перчатку, которая уцѣлѣла въ карманѣ у горничной, и наставало молчаніе, то молчаніе, въ которое жизнь утекаетъ, какъ въ поднятую плотину. При видѣ этихъ страданій, переходившихъ въ нервную болѣзнь, при видѣ ея блестящихъ глазъ и увеличивающейся худобы, я въ первый разъ усомнился, спасу ли я ее... Въ мучительной неувѣренности тянулись дни,—что-то въ родѣ существованія людей между приговоромъ и казнью, когда человѣкъ разомъ надѣется и навѣрное знаетъ, что онъ отъ топора не уйдетъ!

¹⁾ Никто не знаетъ вашей участи, бѣдныя, погибшія головы, вы катитесь въ мрачномъ пространствѣ, наткаясь лбами на невѣдомыя скалы.

ГЛАВА XLIX.

1852.

Снова наступалъ новый годъ; мы его встрѣтили около постели Natalie: наконецъ, организмъ не вынесъ, и она слегла.

Энгельсоны, Фогтъ, человѣка два близкихъ знакомыхъ были у насъ. Всѣ были печальны. Парижское 2-е декабря лежало плитой на груди... Общее, частное, — все несло къ куда-то въ пропасть и такъ ужъ далеко ушло подъ гору, что ни остановить, ни измѣнить нельзя было; приходилось ждать тупо, страдательно, когда все сорвавшееся съ рельсъ полѣтитъ въ тьму.

Подали обычный бокаль. Въ двѣнадцать часовъ мы улыбнулись натянуто. Внутри была смерть и ужасъ, всѣмъ было совѣстно прибавить къ новому году какое-нибудь желаніе. Заглянуть впередъ было страшнѣе, чѣмъ обернуться.

Болѣзнь опредѣлилась: сдѣлалась плерези¹⁾ въ лѣвой сторонѣ.

Пятнадцать страшныхъ дней провела она между жизнью и смертью, но на этотъ разъ жизнь побѣдила. Наступило выздоровленіе, а съ нимъ послѣдній лучъ надежды блѣдно освѣтилъ тревожную жизнь нашу.

Силы ея духа возвратились прежде... Были минуты удивительныя, — послѣдніе аккорды навѣки умолкающей музыки...²³

Нѣсколько дней послѣ перелома болѣзни, я какъ-то утромъ²⁾, рано пришелъ къ себѣ въ кабинетъ и заснулъ на диванѣ. Вѣроятно, я крѣпко спалъ, потому что не слыжалъ, какъ входилъ

¹⁾ Воспаленіе легочной плевры, плевритъ.

²⁾ 28 января.

человѣкъ. Проснувшись, я нашель на столѣ письмо, — почеркъ Гервега! Съ какой стати онъ пишетъ, и какъ послѣ всего, что было, осмѣливается онъ писать ко мнѣ?! Повода я не подавалъ никакого. Я взялъ письмо съ тѣмъ, чтобы его отправить назадъ, но, увидѣвши на оборотѣ надпись: «Дѣло честнаго вызова», я открылъ письмо. Письмо было отвратительно, гнусно. Онъ говорилъ, что я моими *клеветами* на него *сбилъ* Natalie съ толку, что я воспользовался ея слабостью и моимъ вліяніемъ на нее, что она *измѣнила ему*. Въ заключеніе онъ *доносилъ* на нее и говорилъ, что *судьба* рѣшаетъ между мной и имъ, — «она топить въ морѣ ваше исчадіе (votre progéniture) и вашу семью. Вы хотѣли это дѣло кончить кровью, когда я полагалъ, что его можно было окончить человѣчески. Теперь я готовъ и требую *удовлетворенія*». Я никогда не перечитывалъ этого письма и разъ только развертывалъ его потомъ. Въ 1853 г., въ годовщину рожденія Natalie, 22 октября ст. ст., я, не читая, его сжегъ.

Письмо это была *первая обида, нанесенная мнѣ* со дня рожденія. Я вскочилъ, какъ уязвленный звѣрь, съ какимъ-то стономъ бѣшенства. Зачѣмъ не было этого негодяя въ Ниццѣ?! Зачѣмъ черезъ коридоръ лежала умирающая женщина!?

Обливши два-три раза голову холодной водой... я сошелъ къ Энгельсону (онъ занималъ, послѣ кончины моей матери, ея комнаты) и, выждавъ, когда его жена ушла, я сказалъ ему, что получилъ письмо отъ Гервега.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, получили его? — спросилъ Энгельсонъ.

— Да развѣ вы ждали, знали, ожидали его?

— Да, — сказалъ онъ, — вчера я слышалъ объ этомъ.

— Отъ кого?

— Отъ К. Фогта.

Я щупалъ себѣ голову: мнѣ казалось, что я сошелъ съ ума. Молчаніе наше было до того безусловно, что ни моя мать, ни Марія Каспаровна ни разу не заговаривали со мной о случившемся. Съ Энгельсономъ я былъ ближе, чѣмъ съ другими, но и съ нимъ я говорилъ разъ коротко, отвѣчая ему на вопросъ, сдѣланный имъ, гуляя въ окрестностяхъ Парижа, о причинѣ моего разрыва съ Гервегомъ. Я былъ пораженъ въ Женевѣ, услышавъ отъ Сазонова о болтовнѣ этого негодяя, но могъ ли я думать, что около меня, возлѣ, за дверью всѣ знаютъ, всѣ говорятъ о томъ, что я считалъ тайной, погребенной между нѣсколькими лицами... что знаютъ даже о письмахъ, которыхъ я *еще не получилъ*?

Мы пошли къ Фогту.

Фогтъ подтвердилъ мнѣ, что два дня тому назадъ Эмма показывала письмо мужа, въ которомъ онъ говоритъ, что пошлетъ мнѣ *страшное письмо*, что онъ сброситъ меня «съ высоты, на которую меня поставила Natalie», что «онъ покроетъ насъ *позоромъ*, хотя бы для этого надобно было пройти черезъ трупы дѣтей и посадить насъ всѣхъ и самого себя на скамью подсудимыхъ въ уголовномъ судѣ». Наконецъ, онъ писалъ своей женѣ (и она все это показывала Фогту, Шарлю Эдмону и Орсини!): «ты одна чиста и невинна, ты должна бы была явиться ангеломъ карающимъ», т.-е., стало быть, перерѣзать насъ. Быди люди, говорившіе, что онъ сошелъ съ ума отъ любви, отъ разрыва со мной, отъ униженнаго самолюбія. Это — вздоръ. Человѣкъ этотъ не сдѣлалъ ни одного *поступка* опаснаго или неосторожнаго; сумасшествіе было только *на словахъ*, онъ выходилъ изъ себя *литературно*. Самолюбіе его было уязвлено; молчаніе для него было тягостнѣе всякаго скандала; возвратившаяся тишина нашей жизни не давала ему покоя. Мѣщанинъ, какъ Орасъ Ж. Санда, онъ болталъ въ отмщеніе женщинѣ, которую любилъ, и человѣка, котораго называлъ братомъ и отцомъ,—и, мѣщанинъ-нѣмецъ, онъ грозилъ сочиненными мелодраматическими фразами на псевдо-шиллеровскій ладъ.

Въ то время, когда онъ писалъ свое письмо ко мнѣ и рядъ сумасшедшихъ писемъ къ своей женѣ, въ то самое время *онъ жилъ на содержаніи у старой покинутой любовницы* Людовика-Наполеона, разгульной женщины, извѣстной всему Цюриху. Съ ней проводилъ онъ дни и ночи, на ея счетъ роскошничалъ, ѣздилъ съ нею въ ея экипажѣ, кутилъ въ большихъ отеляхъ... Нѣтъ, это — не сумасшествіе!...

— Что вы намѣрены дѣлать? — спросилъ меня, наконецъ, Энгельсонъ.

— Ъхать и убить его, какъ собаку. Что онъ величайшій трусъ, это вы знаете и всѣ знаютъ,—шансы всѣ съ моей стороны.

— Да какъ же вамъ ѡхать?...

— Въ этомъ-то все и дѣло... Напишите ему покажѣсть, что не ему у меня требовать удовлетворенія, а мнѣ его *наказывать*, и что я самъ выберу средство и время его наказать, что для этого не оставлю больной женщины, а на его грубости плюю.²⁴

Въ томъ же смыслѣ я писалъ Сазонову и спрашивалъ, хочетъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ помочь¹⁾. Энгельсонъ, Сазоновъ и Фогтъ приняли съ горячностью мое предложеніе. Письмо мое

¹⁾ См. № 555.

было большой ошибкой и дало ему повод сказать впоследствии, что я принялъ дуэль и что только потомъ отказался отъ нея.

Отказаться отъ дуэли—дѣло трудное и требуетъ или много твердости духа или много его слабости.

Феодальный поединокъ стоитъ твердо въ новомъ обществѣ, обличая, что оно вовсе не такъ ново, какъ кажется. До этой святыни, поставленной дворянской честью и военнымъ самолюбіемъ, рѣдко кто смѣетъ касаться, да и рѣдко кто такъ самобытно поставленъ, чтобъ безнаказанно могъ оскорблять кровавый идолъ и принять на себя нареканія въ трусости.

Доказывать нелѣпость дуэли не стоитъ,—въ теоріи ея никто не оправдываетъ, исключая какихъ-нибудь бретеровъ и учителей фехтованія, но въ практикѣ всѣ подчиняются ей для того, чтобы доказать, чортъ знаетъ кому, свою храбрость.

Худшая сторона дуэли въ томъ, что она оправдываетъ всякаго мерзавца—или его почетной смертью или тѣмъ, что дѣлаетъ изъ него почетнаго убійцу.

Человѣка обвиняютъ въ томъ, что онъ передергиваетъ карты,—онъ лѣзетъ на дуэль, какъ будто, нельзя передергивать карты и не бояться пистолета.

И что за позорное равенство шулера съ его обвинителемъ!

Дуэль иногда можно принять за средство не попасть на висѣлицу или гильотину, но и тутъ логика не ясна, и я, все же, не понимаю, отчего человѣкъ обязанъ подъ опасеніемъ общаго презрѣнія не бояться шпаги противника и можетъ бояться топора гильотины.

Казнь имѣетъ ту выгоду, что ей предшествуетъ судъ, который можетъ человѣка приговорить къ смерти, но не можетъ отнять права обличить мертваго или живого врага. Въ дуэли остается все шито и крыто. Это—институтъ, принадлежащій той драчливой средѣ, у которой такъ мало еще обсохла на рукахъ кровь, что ношеніе смертоносныхъ оружій считается признакомъ благородства, и упражненіе въ искусствѣ убивать—служебной обязанностью.

Пока міромъ будутъ управлять военные, дуэли не переведутся; но мы смѣло можемъ требовать, чтобъ намъ самимъ было представлено рѣшеніе, когда мы должны склонить голову передъ идоломъ, въ котораго не вѣримъ, и когда явиться во весь ростъ свободнымъ человѣкомъ и, послѣ борьбы съ богомъ и властями, осмѣлиться бросить перчатку кровавой средневѣковой расправѣ... Сколько людей прошло съ гордымъ и торжествующимъ лицомъ всѣми невзгодами жизни, тюрьмами и бѣдностью, жертвами и трудомъ, инквизиціями и не знаю чѣмъ, и срѣзалось на дерзкомъ вы-

зовѣ какого-нибудь шалуна или негодяя. Эти жертвы не должны падать.

Основа, опредѣляющая поступки чловѣка, должна быть въ немъ, въ его разумѣ; у кого она внѣ его, тотъ рабъ при всѣхъ храбростяхъ своихъ.

Я не принималъ и не отказывался отъ дуэли. Казнь Гервега была для меня нравственной необходимостью, физиологической необходимостью,—я искалъ въ головѣ вѣрнаго средства мести и притомъ такого, которое не могло бы его поднять, а ужъ дуэлью или просто ножомъ достигну я ея,—мнѣ было все равно. Онъ самъ надоумилъ. Онъ писалъ своей женѣ,—а та, по обычаю, показывала знакомымъ,—что, несмотря на все, «я головой выше окружающей меня сволочи; что меня сбиваютъ люди, какъ Фогтъ, Энгельсонъ, Головинъ (!); что если-бъ онъ могъ увидѣться на одну минуту со мной, то все бы объяснилось»; «онъ (т.-е. я) одинъ можетъ понять меня»,—и это было писано *послѣ письма ко мнѣ!* «А посему, заключилъ поэтъ, я всего больше желалъ бы, чтобы Герценъ принялъ дуэль *безъ свидѣтелей.* Я *утреню*, что съ перваго слова мы пали бы другъ другу на грудь, и все было бы забыто».

Итакъ, дуэль предлагалась, какъ средство драматическаго примиренія. Если-бъ я могъ тогда отлучиться на пять дней, на недѣлю, я непременно отправился бы въ Цюрихъ одинъ и явился бы къ нему, исполняя его желаніе,—и живъ онъ бы не остался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ письма, часовъ въ девять утромъ взощель ко мнѣ Орсини. Орсини, по какой-то физиологической недѣпости, имѣлъ страстную привязанность къ Эммѣ; что было общаго между этимъ огненнымъ, чисто-южнымъ молодымъ красавцемъ и безобразной лимфатической нѣмкой, я никогда не могъ понять. ²⁵ Ранній приходъ его удивилъ меня.

Онъ очень просто, безъ фразъ сказалъ мнѣ, что вѣсть о письмѣ Гервега возмутила весь кругъ его, что многіе изъ общихъ знакомыхъ предлагаютъ составить jury d'honneur ¹⁾. При этомъ онъ сталъ защищать Эмму, говоря, что она ни въ чемъ не виновата, кромѣ безумной любви къ мужу и рабскаго повиновенія; что онъ былъ свидѣтелемъ, чего ей все это стоило. «Вамъ,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ ей протянуть руку; вы должны наказать виновнаго, но должны также *возстановить* невинную женщину».

Я рѣшительно, безусловно отказался. Орсини былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не понять, что я мнѣнія не перемѣню, и потому не настаивалъ. ²⁶

¹⁾ Судъ чести.

Между прочимъ, говоря о jury d'honneur, онъ мнѣ сказалъ, что уже писалъ обо всей исторіи къ Маццини и спрашивалъ его мнѣнія ¹⁾. Не странно ли опять? Дѣлають партіи, составляютъ приговоры, пишутъ Маццини—и все это помимо меня, и все это по поводу событій, о которыхъ недѣлю тому назадъ никто при мнѣ не смѣлъ заикнуться?

Проводивши Орсини, я взялъ листъ бумаги и началъ письмо къ Маццини. Мнѣ тутъ открывался своего рода *фемическій* судъ ²⁾, и судъ, который самъ запрашивался. Я написалъ ему, что Орсини мнѣ говорилъ о своемъ письмѣ, и что, боясь, что онъ не совершенно вѣрно представилъ дѣло, о которомъ онъ отъ меня никогда не слыхалъ ни слова, хочу и рассказать ему дѣло, и посоветоваться съ нимъ. Маццини тотчасъ отвѣчалъ. «Лучше было бы,—писалъ онъ,—покрыть все молчаніемъ, *но врядъ* теперь возможно ли это для васъ, а потому явитесь смѣло обвинителемъ и представьте намъ судъ» ³⁾.

Что я вѣрилъ въ возможность этого суда, — въ этомъ была, можетъ, послѣдняя моя мечта. Я ошибся и дорого заплатилъ за ошибку.

Вмѣстѣ съ письмомъ Маццини получилъ я письмо отъ Гауга, которому Маццини (зная, что онъ со мною хорошо знакомъ) сообщилъ письмо Орсини и мое. Гаугъ послѣ нашей первой встрѣчи въ Парижѣ служилъ у Гарибальди и отлично дрался подъ Римомъ. Въ этомъ человѣкѣ было много хорошаго и бездна неспѣтаго и нелѣлаго. Онъ спалъ непробуднымъ казарменнымъ сномъ австрійскаго лейтенанта, какъ вдругъ его разбудила тревога венгерскаго возстанія и вѣнскихъ баррикадъ. Онъ схватился за оружіе, но не съ тѣмъ, чтобы бить народъ, а съ тѣмъ, чтобы стать въ его ряды. Переходъ былъ слишкомъ крутъ и оставилъ кое-какія угловатости и недоцѣлки. Мечтатель и нѣсколько опрометчивый человѣкъ, благородный до преданности и самолюбивый до дерзости, буршъ и кадетъ, студентъ и лейтенантъ, онъ искренно любилъ меня. ²⁷ Гаугъ писалъ, что онъ ѣдетъ въ Ниццу, и умолялъ ничего не предпринимать безъ него. «Вы покинули родину и пришли къ намъ, какъ братъ; не

¹⁾ Jury никакого не было, но я получилъ въ послѣдствіи письмо въ смыслѣ вердикта Гервегу, подписанное дорогими мнѣ именами и, между прочимъ, героемъ-мученикомъ Пизакане, Мордини, Орсини, Бертани, Медичи, Меццокапо, Козенцомъ и пр. А. И. Г. ^{o)}

²⁾ Fehmgericht—извѣстное въ исторіи Германіи тайное уголовное судище, упоминаніе о которомъ впервые находится въ лѣтописяхъ XIII ст.

³⁾ Письмо Герцена и отвѣтъ Маццини не найдены.

^{o)} См. стр. 81—84 т. VII.

думайте, чтобъ мы позволили кому-нибудь изъ нашихъ заключить безнаказанно рядъ измѣнъ клеветой и потомъ покрыть все это дерзкимъ вызовомъ. Нѣтъ, мы иначе понимаемъ нашу круговую поруку. Довольно, что русскій поэтъ ¹⁾ палъ отъ пули западнаго искателя приключеній,—русскій революціонеръ не падетъ!»

Въ отвѣтъ я написалъ Гаугу длинное письмо. Это была моя первая исповѣдь, я ему рассказалъ все, что было, и принялся его ждать ²⁾.

...А между тѣмъ, въ спальнѣ догорала, слабо мерцаая, великая жизнь въ отчаянной борьбѣ съ недугомъ тѣла и страшными предчувствіями. Я проводилъ день и ночь возлѣ кровати больной: она любила, чтобъ именно я давалъ ей лѣкарства, чтобъ я приготовлялъ оранжады. Ночью я топилъ каминъ, и, когда она засыпала покойно, у меня опять являлась надежда ее спасти. Но бывали минуты тяжести невыносимой... Я чувствую ея худую, лихорадочную руку, я вижу мрачный, тоскливый взглядъ, остановленный на мнѣ съ мольбой, съ упованіемъ, и страшныя слова: «дѣти останутся одни, осиротѣютъ, все погибнетъ, ты только и ждешь... во имя дѣтей оставь все, не защищайся отъ грязи, дай же *мнѣ, мнѣ* защитить тебя,—ты выйдешь чистымъ, лишь бы мнѣ немного окрѣпнуть физически... Но нѣтъ, нѣтъ, силы не приходятъ. Не оставь дѣтей!»—и я сотый разъ повторялъ все обѣщаніе.

Въ одинъ изъ подобныхъ разговоровъ Наташе вдругъ мнѣ сказала:

— Онъ писалъ къ тебѣ?

— Писалъ.

— Покажи мнѣ письмо.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ хочется видѣть, что онъ могъ тебѣ сказать...

Я почти былъ радъ, что она заговорила о письмѣ; мнѣ страстно хотѣлось знать, была ли доля истины въ одномъ изъ его доносовъ... ³⁾

Я никогда не рѣшился бы спросить, но тутъ она сама заговорила о письмѣ, я не могъ переломить себя: меня ужасала мысль, что сомнѣніе, все же, останется, а, можетъ, и вырастетъ, когда уста ея будутъ сомкнуты...

¹⁾ Пушкинъ.

²⁾ См. № 564.

³⁾ Слухи обо всемъ, что дѣлалось, достигали до нея, и я полагаю, что это не было *случайно*. Насчетъ его письма былъ намекъ въ письмѣ Маріи Каспаровны, слышавшей все это *въ Парижѣ* отъ Н. А. Мельгунова. А. И. Г. ²⁸

— Письма я тебѣ не покажу, а скажи мнѣ, говорила ли ты что-нибудь подобное?..

— Какъ ты можешь думать?

— Онъ пишетъ это.

— Это почти невѣроятно... Онъ пишетъ это своей рукой?!...

Я отогнула въ письмѣ то мѣсто и показалъ ей... Она взглянула, помолчала и печально сказала потомъ:

— Подлецы

Съ этой минуты ея презрѣніе перешло въ ненависть, и никогда ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ она не простила ею и не пожалѣла о немъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора она написала ему слѣдующее письмо:

«Ваши преслѣдованія и ваше гнусное поведеніе заставляютъ меня еще разъ повторить, и притомъ при свидѣтелѣ, что я уже нѣсколько разъ писала вамъ. Да, мое увлеченіе было велико, слѣпо, но вашъ характеръ, вѣроломный, низко-еврейскій, вашъ необузданный эгоизмъ открылись во всей безобразной наготѣ своей во время вашего отъѣзда и послѣ, въ то самое время, какъ достоинство и преданность Александра росли съ каждымъ днемъ. Несчастное увлеченіе мое послужило только новымъ пьедесталомъ, чтобы возвысить мою любовь къ нему. Этотъ пьедесталъ Вы хотѣли забросать грязью, но Вамъ ничего не удастся сдѣлать противъ нашего союза,—неразрывнаго, непоколебимаго теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Ваши доносы, Ваши клеветы противъ женщины вселяютъ Александру одно презрѣніе къ Вамъ. Вы обезчестили себя этой низостью. Куда дѣлись вѣчныя протестаціи Ваши въ религіозномъ уваженіи моей воли, вашей любви къ дѣтямъ? Давно ли Вы клялись скорѣй исчезнуть съ лица земли, чѣмъ нанести минуту горести Александру? Развѣ я не всегда говорила Вамъ, что я дня не переживу разлуки съ нимъ, что если-бъ онъ меня оставилъ, даже умеръ бы,—я останусь одна до конца жизни?.. Что касается до моего обѣщанія увидѣться когда-нибудь съ Вами,—дѣйствительно, я его сдѣлала; я Васъ жалѣла тогда, я хотѣла человѣчески проститься съ Вами,—Вы сдѣлали невозможнымъ исполненіе этого обѣщанія.

«Съ самаго отъѣзда Вашего Вы начали пытаться меня, требуя то такого обѣщанія, то другого. Вы хотѣли исчезнуть на годы, уѣхать въ Египетъ, лишь бы взять съ собою самую слабую надежду. Когда Вы увидали, что это Вамъ не удалось, Вы предлагали рядъ нелѣпостей, несбыточныхъ, смѣшныхъ и кончили тѣмъ, что стали грозить публичностью, хотѣли меня посорить окончательно съ Александромъ, хотѣли его заставитьъ убить Васъ, драться съ

Вами, наконецъ, грозили надѣлать страшнѣйшихъ преступленій. Угрозы эти не дѣйствовали больше на меня,—Вы ихъ слишкомъ часто повторяли. Повторяю Вамъ то, что я писала въ послѣднемъ письмѣ моемъ: «Я остаюсь въ моей семьѣ, моя семья—Александръ и мои дѣти», и, если я не могу въ ней остаться, какъ мать, какъ жена, я останусь, какъ нянька, какъ служанка. «Между мной и Вами нѣтъ моста». Вы мнѣ сдѣлали отвратительнымъ самое прошедшее.

Н. Герцень».

18 февраля 1852 г.
Ницца. 29

Черезъ нѣсколько дней возвратилось письмо изъ Цюриха: Гервегъ отослалъ его назадъ нераспечатаннымъ. Письмо было послано страховое, съ тремя печатями и возвратилось назадъ съ подписью на томъ же пакетѣ.

«Если такъ,—замѣтила Natalie,—ему *прочтутъ* его».

Она позвала къ себѣ Гауга, Тесье, Энгельсона, Орсини и Фогта и сказала имъ:

— Вы знаете, какъ мнѣ хотѣлось оправдать Александра, но что я могу сдѣлать, прикованная къ постели? Я, можетъ, не переживу этой болѣзни,—дайте мнѣ спокойно умереть, вѣря, что вы исполните мое завѣщаніе. Человѣкъ этотъ отослалъ мнѣ назадъ письмо. Пусть кто-нибудь изъ васъ прочтетъ его ему при свидѣтеляхъ.

Гаугъ взялъ ея руку и сказалъ:

— Или я не останусь живъ, или письмо ваше будетъ прочтено!

Это простое, энергическое дѣйствіе потрясло всѣхъ, и скептикъ Фогтъ вышелъ взволнованный, какъ фанатикъ Орсини. Орсини сохранилъ горячее уваженіе къ ней до конца своихъ дней. Послѣдній разъ, когда я его видѣлъ передъ его отъѣздомъ въ Парижъ, въ концѣ 1857, онъ съ умиленіемъ упоминалъ о Natalie, а, можетъ, и съ затаеннымъ упрекомъ. Изъ насъ двоихъ, конечно, не на Орсини падаетъ обвиненіе въ нравственной несостоятельности, въ дуализмѣ дѣлъ и словъ!..

...Разъ поздно вечеромъ или, лучше, ночью мы долго и печально разсуждали съ Энгельсономъ. Наконецъ, онъ пошелъ къ себѣ, а я—наверхъ. Natalie спала покойно; я посидѣлъ нѣсколько минутъ въ ея спальнѣ и вышелъ въ садъ. Окно Энгельсона было открыто. Онъ, пригорюнившись, курилъ у окна сигару.

— Видно, такая судьба!—сказалъ онъ и сошелъ ко мнѣ.

— Зачѣмъ вы не спите? зачѣмъ вы пришли? —спрашивалъ

онъ, и голосъ его нервно дрожалъ. Потомъ онъ схватилъ меня за руку и продолжалъ: Вѣрите вы въ мою безпредѣльную любовь къ вамъ? Вѣрите, что у меня нѣтъ въ мірѣ человѣка дороже васъ? Отдайте мнѣ Гервега! Ненужно ни суда, ни Гауга; Гаугъ—нѣмецъ; подарите мнѣ право отмстить за васъ, я—русскій... Я обдумалъ цѣлый планъ, мнѣ надобно ваше довѣріе, ваше рукоположеніе.

Блѣдный стоялъ онъ передо мной, скрестивъ руки, освѣщенный занимавшейся зарей. Я былъ сильно тронутъ и готовъ былъ броситься со слезами ему на шею.

— Вѣрите ли вы или нѣтъ, что я скорѣе погибну, сгину съ лица земли, чѣмъ компрометирую дѣло, въ которомъ замѣшано для меня столько святого? Безъ вашего довѣрія я связанъ. Скажите откровенно: да или нѣтъ. Если *нѣтъ*,—прощайте, и къ чорту все! къ чорту и васъ и меня!! Я завтра уѣду, и вы обо мнѣ больше не услышите.

— Въ вашу дружбу, въ вашу искренность я вѣрю, но боюсь вашего воображенія, вашихъ нервъ и не очень вѣрю въ вашъ практическій смыслъ. Вы мнѣ ближе всѣхъ здѣсь, но, признаюсь вамъ, мнѣ кажется, что вы надѣлаете бѣдъ и погубите себя.

— Такъ, по-вашему, у генерала Гауга практическій гений?

— Я этого не говорилъ, но думаю, что Гаугъ—болѣе практическій человѣкъ, такъ, какъ думаю, что Орсини практичнѣе Гауга...

Энгельсонъ больше ничего не слушалъ. Онъ плясалъ на одной ногѣ, пѣлъ и, наконецъ, успокоившись немного, сказалъ мнѣ:

— Попались, попались, какъ куръ во щи!

Онъ положилъ мнѣ руку на плечо и прибавилъ вполслова:

— Съ Орсини-то я и обдумалъ весь планъ, съ самымъ практическимъ человѣкомъ въ мірѣ... Ну, благословляйте, отче!

— А даете ли вы мнѣ слово, что вы ничего не предпримете, не сказавши мнѣ?

— Даю.

— Рассказывайте вашъ планъ.

— Этого я не могу, по крайней мѣрѣ, теперь не могу...

Сдѣлалось молчаніе. Что онъ хотѣлъ, понять было нетрудно...

— Прощайте,—сказалъ я,—дайте мнѣ подумать,—и неволью прибавилъ: Зачѣмъ вы мнѣ объ этомъ говорили?

Энгельсонъ понялъ меня.

— Проклятая слабость! впрочемъ, никто никогда не узнаетъ, что я вамъ говорилъ.

— Да я-то знаю,—сказалъ я ему въ отвѣтъ, и мы разошлись.

Страхъ за Энгельсона и ужасъ передъ какой-нибудь ката-

строфой, которая должна была гибельно потрясти больной организмъ, заставили меня *остановить* исполненіе его проекта. Качая головой и съ жалостью смотрѣлъ на это Орсини... И такъ, вмѣсто казни, я *спасъ Гервега*, но ужъ, конечно, *не для него и не для себя!* Тутъ не было ни сентиментальности, ни великодушія...

Да и какое великодушіе или состраданіе было возможно съ этимъ героемъ *въ обратную сторону*. Эмма, чего-то перепугавшаяся, рассорилась съ Фогтомъ за то, что онъ дерзко отзывался объ ея Георгѣ, и упростила Шарля Edmond'a написать къ нему письмо, въ которомъ бы онъ ему посовѣтовалъ спокойно сидѣть въ Цюрихѣ и оставить всякаго рода провокаціи, а то худо будетъ. Не знаю, что писалъ Шарль Edmond,—задача была нелегкая. Но отвѣтъ Гервега былъ *замѣчательнъ*. Сначала онъ говорилъ, что «не Фогтамъ и не Шарлямъ Edmond'амъ его судить», потомъ,—что связь между имъ и мной порвалъ я, а потому да падетъ все на мою голову. Перебравши все, защищаясь даже въ своей двуличной роли, онъ заключалъ такъ: «я даже не знаю, *есть ли тутъ измѣна?* Толкуютъ еще эти шелопаи о деньгахъ,—чтобъ окончить навсегда съ этимъ дряннымъ обвиненіемъ, я скажу откровенно, что г. Герценъ *не слишкомъ дорого купилъ своими нѣсколькими тысячами франковъ тѣ минуты разсѣянія и наслажденія, которыя мы провели вмѣстѣ въ тяжелое время!*» — «C'est grand, c'est sublime» — говорилъ Ch. Edmond,—«mais c'est niederträchtig» ¹⁾).

На это Хоецкій отвѣчалъ, что на подобныя письма отвѣчаютъ палкой, что онъ и сдѣлаетъ при первомъ свиданіи. Гервегъ уможкъ. 30

¹⁾ Это велико, это—возвышенно, но это низко.

ГЛАВА I.

СМЕРТЬ.

Съ наступленіемъ весны больной сдѣлалось лучше. Она уже большую часть дня сидѣла въ креслахъ, могла разобрать свои волосы, нечесанные въ продолженіе болѣзни, наконецъ, безъ утомленія могла слушать, когда я ей читалъ вслухъ.

Мы собирались, какъ только ей будетъ еще получше, ѣхать въ Севилью или Кадиксъ. Ей хотѣлось выздоровѣть, хотѣлось жить, хотѣлось въ Италію.

Послѣ возвращенія письма все замолкло, точно, будто, совѣсть жены и мужа почувствовала, что они дошли до той границы, до которой рѣдко ходитъ человѣкъ, перешли и устали.

Внизъ Natalie еще не сходила и не торопилась: она собиралась сойти въ первый разъ 25 марта ¹⁾, въ мое рожденье. Для этого дня она приготовила себѣ бѣлую мериносовую блузу, а я выписалъ изъ Парижа горностаевую мантилью. Дня за два Natalie сама написала или продиктовала мнѣ, кого она хочетъ звать, сверхъ Энгельсоновъ: Орсини, Фогта, Мордини и Пачелли съ женой.

За два дня до дня моего рожденья у Ольги сдѣлался насморкъ съ кашлемъ: въ городѣ была influenza. Ночью Natalie два раза вставала, ходила черезъ комнату въ дѣтскую. Ночь была теплая, но бурная. Утромъ она проснулась сама въ сильнѣйшей influenz'ѣ, — сдѣлался мучительный кашель, а къ вечеру—лихорадка.

О томъ, чтобы встать на другой день, нечего было и думать: послѣ лихорадочной ночи ужасная прострація; болѣзнь росла. Всѣ

¹⁾ 6 апрѣля нов. ст.

вновь ожившія, блѣдныя, но цѣпкія надежды были прибиты. Неестественный звукъ кашля грозилъ чѣмъ-то зловѣщимъ.

Natalie слышать не хотѣла, чтобъ гостямъ отказали. Печально и тревожно сѣли мы за столъ безъ нея.

Паччели привезла съ собой какую-то арію, сочиненную ея мужемъ для меня. М-те Пачелли была печальная, молчаливая и очень добрая женщина. Словно, горе какое-нибудь лежало на ней; проклятіе ли бѣдности тяготило ее, или, быть можетъ, жизнь сулила ей что-нибудь больше, чѣмъ вѣчные уроки музыки и преданность челоуѣка слабаго, блѣднаго и чувствоваващаго свое подчиненіе ей. Въ нашемъ домѣ она встрѣчала больше простоты и теплаго привѣта, чѣмъ у другихъ практикъ, и полюбила Natalie съ какой-то южной экзальтаціей.

Послѣ завтрака она посидѣла у больной и вышла отъ нея блѣдная, какъ полотно. Гости просили ее спѣть привезенную арію. Она сѣла за фортепіано, взяла нѣсколько аккордовъ, запѣла и вдругъ, испуганно взглянувъ на меня, залилась слезами,—склонила голову на инструментъ и спазматически зарыдала. Это покончило праздникъ. Гости разошлись, почти не говоря ни слова, задавленные какой-то каменной плитой.

Пошелъ я наверхъ. Тотъ же страшный кашель продолжался. Это было начало похоронъ!

И притомъ двухъ!

Черезъ два мѣсяца послѣ моего рожденья схоронили и м-те Пачелли. Она поѣхала въ Ментону или Роккабруну на ослѣ. Ослы въ Италіи привыкли ночью взбираться на горы, не отступаясь. Тутъ бѣлымъ днемъ осель споткнулся, несчастная женщина упала, скатилась на острые камни и тутъ же умерла въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ... Я былъ въ Лугано, когда получилъ эту вѣсть.

И ее съ костей долой... *Nug zu* ²⁾),—какая-то слѣдующая нелѣпость?...

Далѣе все заволакивается... Настаетъ мрачная, тупая и неясная въ памяти ночь,—тутъ и описывать нечего или нельзя... Время боли, тревоги, безсонницы, притупляющее чувство страха, нравственного ничтожества и страшной тѣлесной силы...

Все въ домѣ осунулось. Особеннаго рода неустройство и безпорядокъ, суета, сбитые съ ногъ слуги—и рядомъ съ наступающей смертью новыя сплетни, новыя гадости... Судьба не золотила мнѣ больше пилюли, не пожалѣли меня и люди: благо, молъ, крѣпки плечи, пускай себѣ!

²⁾ Да ну же, смѣлѣй!

Дня за три до кончины ея Орсини мнѣ принесъ записочку отъ Эммы къ Natalie. Она умоляла ее «простить за все сдѣланное противъ нея, противъ *всѣхъ*». Я сказалъ Орсини, что записочку отдать больной невозможно, но что я вполнѣ цѣню чувство, заставившее написать ее эти строки, и принимаю ихъ. Я сдѣлалъ больше, и въ одну изъ послѣднихъ спокойныхъ минутъ я тихо сказалъ Natalie:

— Эмма просить у тебя прощенія.

Она улыбнулась иронически и не отвѣчала ни слова. Она лучше меня знала эту женщину. ³¹

Вечеромъ я слышу громкій разговоръ въ бильярдной, — туда обыкновенно приходили близкіе знакомые. Я сошелъ туда и засталъ горячій разговоръ. Фогтъ кричалъ, Орсини что-то толковалъ и былъ блѣднѣе обыкновеннаго. При мнѣ споръ остановился.

— Что у васъ? — спросилъ я, увѣренный, что вышла какая-нибудь новая гадость.

— Да вотъ что, — подхватилъ Энгельсонъ, — какіе тутъ секреты, это такая прелесть, такой нѣмецкій цвѣтокъ, что я бы на головѣ ходилъ, еслибъ-бъ это случилось въ другое время!... Рыцарственная Эмма поручила Орсини вамъ передать, что, такъ, молъ, какъ вы ее прощаете, то въ доказательство она просить, чтобъ вы возвратили ей *вексель въ десять тысячъ франковъ*, который она вамъ дала, когда вы ихъ выкупили отъ кредиторовъ... Stupendisch teuer, stupendisch teuer ¹⁾!

Сконфуженный Орсини добавилъ:

— Я думаю, она сошла съ ума.

Я вынулъ ея записку и, подавая Орсини, сказалъ ему:

— Скажите этой женщинѣ, что она слишкомъ дорого запрашиваетъ; что, если я и оцѣнилъ ея чувство раскаянія, то не въ десять тысячъ франковъ!

Записки Орсини не взялъ. ³²

Вотъ по какой грязи мнѣ приходилось итти на похороны. Что это: безуміе или порокъ, развратъ или тупость?

Это такъ же трудно рѣшить, какъ вопросъ: откуда вырвалась эта семья — изъ сумасшедшаго дома или изъ смирительной?..

Вечеромъ 29 апрѣля приѣхала Марія Каспаровна. Natalie ожидала ее со дня на день. Она звала ее нѣсколько разъ, боясь, чтобы m-me Engelson не захватила въ руки воспитаніе дѣтей. Она ждала съ часу на часъ, и, когда мы получили письмо, она послала Гауга и Сашу навстрѣчу къ ней на Варскій мостъ. Но, несмотря на это,

¹⁾ Безумно дорого, безумно дорого.

свиданье съ Маріей Каспаравной нанесло ей страшное потрясеніе. Я помню ея слабый крикъ, похожій на стонъ, съ которымъ она сказала: «Маша» и не могла ничего больше прибавить.

Болѣзнь застала Natalie въ половинѣ беременности. Бонфись и Фогтъ думали, что это исключительное положеніе помогло къ выздоровленію отъ плерези.

Пріѣздъ Маріи Каспаровны ускорилъ роды. Роды были лучше, чѣмъ ожидали, младенецъ ¹⁾ родился живой, но силы истощились. Наступила страшная слабость. Младенецъ родился къ утру. Къ вечеру она велѣла подать себѣ новорожденнаго и позвать дѣтей. Докторъ предписалъ наисовершеннѣйшій покой. Я просилъ ее не дѣлать этого. Она кротко посмотрѣла на меня.

— И ты, Александръ, слушаешься ихъ?!—сказала она. Смотри, какъ бы тебѣ не было потомъ очень жаль, что ты отъ меня отнимаешь эту минуту: мнѣ теперь полегче. Я хочу сама представить малютку дѣтямъ.

Я позвалъ дѣтей.

Не имѣя силы держать новорожденнаго, она его положила, возлѣ себя и съ свѣтлымъ радостнымъ лицомъ сказала Сашѣ и Татѣ:

— Вотъ вамъ еще маленькій братъ, любите его.

Дѣти весело бросились цѣловать ее и малютку. Мнѣ вспомнилось, что недавно Natalie повторяла, глядя на дѣтей:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть!

Оглушенный горемъ, смотрѣлъ я на этотъ апоѳеозъ умирающей матери... Когда дѣти ушли, я умолялъ ее не говорить и отдохнуть. Она хотѣла отдохнуть и не могла: слезы катились изъ глазъ.

— Помни твое обѣщаніе... Ахъ, какъ страшно думать, что они останутся одни, совсѣмъ одни... и въ чужой сторонѣ. Да неужели нѣтъ спасенья?!

И она остановила на мнѣ какой-то взглядъ просьбы и отчаянья. Эти переходы отъ страшной безнадежности къ упованію невыразимо раздирали сердце въ послѣднее время. Въ тѣ минуты, когда я всего меньше вѣрилъ, она брала мою руку и говорила мнѣ:

— Нѣтъ, Александръ, это не можетъ быть, это слишкомъ глупо, мы проживемъ еще, лишь бы слабость прошла...

¹⁾ Владиміръ.

Скользнули лучи надежды; они меркли сами собой и замѣнялись невыразимо печальнымъ, тихимъ отчаяніемъ ¹⁾).

— Когда меня не будетъ, — говорила она, — и все устроится; теперь я не могу себѣ вообразить, какъ вы будете жить безъ меня; кажется, я такъ нужна дѣтямъ, а подумаешь — и безъ меня они такъ же будутъ расти, и все пойдетъ своимъ путемъ, какъ будто и всегда такъ было.

Еще нѣсколько словъ прибавила она о дѣтяхъ, о здоровьѣ Саши; она радовалась, что онъ сталъ крѣпче въ Ниццѣ, что въ этомъ согласенъ и Фогтъ.

— Береги Тату, съ ней надо быть очень осторожно, это — натура глубокая и несообщительная... Ахъ, — добавила она — если бы мнѣ дожить до приѣзда моей Natalie ²⁾!.. А что дѣти спятъ? — спросила она, немного погодя.

— Спятъ, — сказалъ я.

Издали слышался дѣтскій голось.

— Это Оленька, — сказала она и улыбнулась въ послѣдній разъ. — Посмотри, что она. ³⁾

Къ ночи ею овладѣло сильное безпокойство. Она молча указывала, что подушка нехорошо лежитъ, но какъ я ни поправлялъ, ей все казалось безпокойно, и она съ тоской и даже съ неудовольствіемъ мѣняла положеніе головы. Потомъ наступилъ тяжелый сонъ.

Средь ночи она сдѣлала движеніе рукой, какъ будто хотѣла пить; я ей подаль съ ложечки апельсиновый сокъ съ сахаромъ и водой, но зубы были совершенно стиснуты: она была безъ сознанія. Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

Разсвѣтало. Я отдернулъ занавѣсъ и съ какимъ-то безумнымъ чувствомъ отчаянія разглядѣлъ, что не только губы, но и зубы мочернѣли въ нѣсколько часовъ.

За что же еще это! За чѣмъ это ужасное безпамятство! За чѣмъ этотъ черный цвѣтъ!?

Докторъ Бонфисъ и К. Фогтъ сидѣли всю ночь въ гостиной. Я сошелъ и сказалъ Фогту, что я замѣтилъ. Онъ миновалъ мой взглядъ и, не отвѣчая, пошелъ наверхъ. Отвѣта быдо не нужно: нульсь больной едва бился.

Около полудня она пришла въ себя и опять позвала дѣтей, но не говорила ни слова...

Она находила, что въ комнатѣ было темно. Это случилось!

¹⁾ Тетрадь эта писана года три тому назадъ. А. И. Г.

²⁾ Н. А. Тучковой.

во второй разъ въ день. Она спросила меня, зачѣмъ нѣтъ свѣчей (двѣ свѣчи горѣли на столѣ). Я зажегъ еще свѣчу, но она, не замѣчая ея, говорила, что темно.

— Ахъ, другъ мой, какъ тяжело головѣ,—сказала она, и еще два-три слова.

Она взяла мою руку,—рука ея уже не была похожа на живую— и покрыла ею свое лицо. Я что-то сказалъ ей, она отвѣчала невнятно,—сознаніе было снова потеряно и не возвращалось.

Въ этомъ положеніи она осталась до слѣдующаго утра—съ полдня или съ часа 1 мая до 7 часовъ утра 2 мая. Еще одно слово... одно слово... или ужъ конецъ бы всему!

Какіе нечеловѣческіе, страшные 19 часовъ!

Минутами она приходила въ полусознаніе, явственно говорила, что хочетъ снять фланель, кофту, спрашивала платокъ, но ничего больше.

Я нѣсколько разъ начиналъ говорить; мнѣ казалось, что она слышитъ, но не можетъ выговорить слова, будто выраженіе горькой боли пробѣгало по лицу ея. Раза два она пожала мнѣ руку, не судорожно, а намѣренно,—въ этомъ я совершенно увѣренъ. Часовъ въ 6 утра я спросилъ доктора, сколько остается времени.

— Не больше часа.

Я вышелъ въ садъ позвать Сашу. Я хотѣлъ, чтобы навсегда у него остались въ памяти минуты послѣднія его матери. Входя съ нимъ на лѣстницу, я сказалъ ему, какое несчастіе насъ ожидаетъ,—онъ не подозрѣвалъ всей опасности.

Блѣдный и близкій къ обмороку, вошелъ онъ со мной въ комнату.

— Станемъ рядомъ здѣсь на колѣни, — сказалъ я, указывая на коверъ у изголовья.

Предсмертный потъ покрывалъ ея лицо, рука спазматически касалась до кофты, какъ будто желая ее снять. Нѣсколько стенаний, нѣсколько звуковъ, напомнившихъ мнѣ агонію Вадима¹⁾, — и тѣ замолкли.

Докторъ взялъ руку и опустилъ ее, — она упала, какъ вещь.

Мальчикъ рыдалъ. Я хорошенько не помню, что было въ первыя минуты. Я брѣсился вонъ въ залъ, встрѣтилъ Ch. Edmond'a, хотѣлъ ему сказать что-то, но, вмѣсто словъ, изъ моей груди вырвался какой-то чужой мнѣ звукъ, я сталъ передъ окномъ и смотрѣлъ, оглушенный и безъ яснаго пониманія, на безсмысленно двигавшееся, мерцавшее море.

¹⁾ Пассекъ.

Потомъ вдругъ мнѣ вспомнились слова: «береги Тату». Мнѣ сдѣлалось страшно, что ребенка испугаютъ. Говорить ей я запретилъ прежде, но какъ же можно положиться? Я велѣлъ ее позвать и, запершись съ нею въ кабинетъ, посадилъ къ себѣ на колѣни и, мало-по-малу приготовивъ ее, сказалъ, наконецъ, что «мама умерла». Она дрожала всѣмъ тѣломъ, пятна вышли на лицѣ, слезы навернулись... Я ее повелъ наверхъ. Тамъ уже все измѣнилось. Покойница, какъ живая, лежала на убранной цвѣтами постели возлѣ малютки, скончавшейся въ ту же ночь. Комната была обита бѣлымъ, усыпана цвѣтами. Изящный во всемъ вкусъ итальянцевъ умѣетъ внести что-то кроткое въ раздражающую печаль смерти. Испуганное дитя было поражено изящной обстановкой.

— Мамаша вотъ,—сказала она, но когда я ее поднялъ, и она коснулась губами холоднаго лица, она истерически заплакала. Долше я не могъ вынести и вышла...

Часа черезъ полтора я сидѣлъ одинъ опять у того же окна и опять бессмысленно смотрѣлъ на море, на небо. Дверь отворилась, и вошла Тата одна. Она подошла ко мнѣ и, ласкаясь, какъ-то испуганно шептала мнѣ:

— Папа я *умно* себя вела? я не много плакала?

Съ глубокой горестью посмотрѣлъ я на сироту. «Да тебѣ и надо быть *умной*. Не знать тебѣ материнской ласки, материнской любви—ихъ ничто не замѣнитъ. У тебя будетъ пробѣлъ въ сердцѣ, ты не испытываешь лучшей, чистѣйшей, единой безкорыстной привязанности въ свѣтѣ. Ты ее, можетъ, будешь имѣть, но къ тебѣ ее никто не будетъ имѣть. Что же любовь отца въ сравненіи съ материнской *болью* любви?»... ³⁴

Она лежала вся въ цвѣтахъ. Шторы были опущены. Я сидѣлъ на стулѣ, на томъ же обычномъ стулѣ возлѣ кровати; кругомъ было тихо, только море шипѣло подъ окномъ.

Флеръ, казалось, приподнимался отъ слабого, очень слабого дыханія.

Кротко застыли скорби и тревоги, словно, страданія окончились безслѣдно, ихъ стерла беззаботная ясность памятника, не знающаго, что онъ представляетъ. И я все смотрѣлъ, смотрѣлъ всю ночь. Ну, а какъ, въ самомъ дѣлѣ, она проснется?

Она не проснулась. Это не сонъ, это—смерть!

Итакъ, это правда!

На полу, по лѣстницѣ было набросано множество красно-желтаго гераніума. Запахъ этотъ и теперь потрясаетъ меня, какъ гальванической ударъ, и я вспоминаю всѣ подробности, каждую минуту и вижу комнату, обтянутую бѣлымъ, съ завѣшаннымъ зер-

каломъ; возлѣ нея, также въ цвѣтахъ, желтое тѣло младенца, уснувшего, не просыпаясь, и ея холодный, страшно холодный любь... Я иду скорыми шагами безъ мысли и намѣренія въ садъ. Нашъ Франсуа лежитъ на травѣ и рыдаетъ, какъ дитя. Я хочу ему что-то сказать,—и совсѣмъ нѣтъ голоса. Я бѣгу назадъ, туда. Незнакомая дама, вся въ черномъ, и съ нею двое дѣтей потихоньку открываютъ дверь,—она проситъ позволенія прочесть католическую молитву,—я самъ готовъ молиться съ нею. Она становится на колѣни передъ кроватью, и дѣти становятся на колѣни; она шепчетъ латинскую молитву, дѣти тихо повторяютъ за ней. Потомъ она говоритъ мнѣ:

— И они не имѣютъ матери, а отецъ ихъ далеко. Вы хоронили ихъ бабушку.

Это были дѣти Гарибальди.

Толпы изгнанниковъ собрались черезъ сутки на дворѣ, въ саду, они пришли проводить ее.

Фогтъ и я, мы положили ее въ гробъ. Гробъ вынесли. Я твердо шелъ за нимъ, держа Сашу за руку, и думалъ: вотъ такъ-то люди глядятъ на толпу, когда ихъ ведутъ на висѣлицу. Какіе-то два француза (одного изъ нихъ помню—графъ Вогэ¹⁾) на улицѣ съ ненавистью и смѣхомъ указали, что нѣтъ священника. Тесье, было, прикрикнулъ на нихъ,—я испугался и сдѣлалъ ему знакъ рукой: тишина была необходима. Огромный вѣнокъ изъ небольшихъ алыхъ розъ лежалъ на гробѣ. Мы всѣ сорвали по розѣ... Точно, на cadaго капнула капля крови.

Когда мы входили на гору, поднялся мѣсяцъ, сверкнуло море, участвовавшее въ ея убійствѣ. На пригоркѣ, выступающемъ въ него, въ виду Эстерели съ одной стороны и Корниче²⁾—съ другой, схоронили мы ее. Кругомъ садъ. Эта обстановка продолжала роль цвѣтовъ на постели... ³⁵

Недѣли черезъ двѣ Гаугъ напомнилъ о послѣдней волѣ ея, о данномъ словѣ; онъ и Тесье собирались ѣхать въ Цюрихъ.

Марьѣ Каспаровнѣ было пора въ Парижъ. Всѣ настаивали, чтобъ я отпразднилъ Тату и Ольгу съ ней, а самъ съ Сашей ѣхалъ въ Геную.

Больно мнѣ было разставаться, но я не довѣрялъ себѣ. Можетъ, думалось мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ такъ лучше, ну, а лучше, такъ пусть такъ и будетъ. Я только просилъ не увозить дѣтей

¹⁾ Вѣроятно, маркизъ Леонсъ Вогэ, членъ законодательнаго собранія 1849 г., легитимистъ.

²⁾ Богатое прекрасными видами шоссе, соединяющее Ниццу съ Генуей.

до 9/21 мая: я хотѣлъ провести съ ними 14-ую годовщину нашей свадьбы.

На другой день послѣ нея я проводилъ ихъ на Варскій мостъ. Гаугъ поѣхалъ съ ними до Парижа. Мы посмотрѣли, какъ таможенные пристава, жандармы и всякая полиція тормозили пассажировъ.

Гаугъ потерялъ свою трость, подаренную мною, искалъ ее и сердился. Тата плакала. Кондукторъ, въ мундирной курткѣ, сѣлъ возлѣ кучера. Дилижансъ поѣхалъ по драгиньянской дорогѣ, а мы, Тесье, Саша и я, пошли назадъ черезъ мостъ, сѣли въ коляску и поѣхали *туда, идтъ я жилъ*.

Дома у меня больше не было. Съ отъѣздомъ дѣтей послѣдняя печать семейной жизни отлетѣла. Все приняло холостой видъ. Энгельсонъ съ женой уѣхалъ дня черезъ два. Половина комнатъ была заперта. Тесье и Edmond переѣхали ко мнѣ. Женскій элементъ былъ исключень. Одинъ Саша напоминалъ возрастомъ, чертами, что тутъ было что-то другое... напоминалъ кого-то *отсутствующаю*.

Post Scriptum.

...Дней черезъ пять послѣ похоронъ Гервегъ писалъ своей женѣ: «Вѣсть эта глубоко огорчила меня, я полонъ мрачныхъ мыслей—пришли мнѣ по первой почтѣ «I Sepolcristi» Уго Фосколо¹⁾».

И въ слѣдующемъ письмѣ²⁾: «теперь настало время примиренія съ Герценомъ. *Причина нашего раздора не существуетъ больше...* Лишь бы мнѣ его увидѣть съ глазу-на-глазъ—онъ *одинъ въ состояніи понять меня!*»

И понял!

9 сентябрю 1860, въ Bournemouth.

¹⁾ «Могилы», элегическое стихотвореніе итальянскаго поэта Ugo Foscolo.

²⁾ Оба письма ходили по рукамъ въ Ниццѣ. А. И. Г.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Гаугъ.

Гаугъ и Тесье явились однимъ утромъ ¹⁾ въ Цюрихъ, въ отель, гдѣ жили Гервеги. Они спросили, дома ли онъ, и на отвѣтъ кельнера, что дома, они велѣли себя прямо вести къ нему безъ доклада. При ихъ видѣ Гервегъ, блѣдный, какъ полотно, дрожащій, всталъ и, молча, оперся на стулъ.

«Онъ былъ страшень,—до того выраженіе ужаса исказило его черты»—говорилъ мнѣ Тесье.

— Мы пришли къ вамъ,—сказалъ ему Гаугъ,—исполнить волю покойницы: она на ложѣ предсмертной болѣзни писала вамъ, вы отослали письмо нераспечатаннымъ, подъ предлогомъ, что оно подложное, вынужденное. Покойница сама поручила мнѣ и Тесье дю Мотэ засвидѣтельствовать, что она письмо это писала сама по доброй волѣ, и потомъ вамъ его прочесть...

— Я не хочу, не хочу...

— Садитесь и слушайте!—сказалъ Гаугъ, поднимая голосъ. Они сѣли.

Гаугъ распечаталъ письмо и вынулъ изъ него... *записку, писанную рукой Гервега.*

Когда письмо, нарочно страхованное, было отослано назадъ, я отдалъ его на храненіе Энгельсону. Энгельсонъ замѣтилъ мнѣ, что двѣ печати были подпечатаны.

— Будьте увѣрены,—говорилъ онъ,—что этотъ негодяй читалъ письмо и именно потому его отослалъ назадъ.

¹⁾ 1 іюля 1852 г.

Онъ поднялъ письмо къ свѣчкѣ и показалъ мнѣ, что въ немъ лежала не одна, а двѣ бумаги.

— Кто печаталъ письмо?

— Я.

— Кромѣ письма, ничего не было?

— Ничего.

Тогда Энгельсонъ взялъ такую же бумагу, такой же пакетъ, положилъ три печати и побѣжалъ въ аптеку; тамъ онъ взвѣсилъ оба письма: присланное имѣло полтора вѣса. Онъ возвратился домой съ пляской и пѣніемъ и кричалъ мнѣ: «отгадалъ, отгадалъ!».³⁶

Гаугъ вынулъ записку, прочиталъ письмо, потомъ, взглянувъ на записку, которая начиналась бранью и упреками, передалъ ее Тесѣ и спросилъ Гервега:

— Это ваша рука?

— Да, да, это я писалъ.

— Стало, вы письмо подпечатали?

— Я не обязанъ вамъ давать отчета...

Гаугъ, изорвавъ его записку и бросивъ ему въ лицо, прибавилъ:

— Какой вы мерзавецъ!

Испуганный Гервегъ схватился за шнурокъ и сталъ звонить изо всей силы.

— Что вы, съ ума сошли?—спросилъ Гаугъ и схватилъ его за руку.

Гервегъ, рванувшись отъ него, бросился къ двери, растворилъ ее и закричалъ:

— Рѣжутъ! Рѣжутъ! (Mord! Mord!).

На неистовый звонъ, на этотъ крикъ все бросилось по лѣстницѣ къ его комнатѣ: гарсоны, путешественники, жившіе въ томъ же коридорѣ.

— Жандармовъ! Жандармовъ! Рѣжутъ!!—кричалъ уже въ коридорѣ Гервегъ.

Гаугъ подошелъ къ нему и, сильно ударивъ его рукой въ щеку, сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ, негодяй (Schuft), за жандармовъ!

Тесѣ въ это время взошелъ опять въ комнату, написалъ имена, адреса и молча подалъ ихъ ему. На лѣстницѣ собралась толпа зрителей. Гаугъ сначала извинился передъ хозяиномъ и ушелъ съ Тесѣ.

Гервегъ бросился къ комиссару полиціи, прося его взять его подъ *защиту законовъ* противъ подосланныхъ убійцъ, и спрашивалъ, не начать ли ему процессъ за пощечину.

Комиссаръ при содержателѣ отеля разспросилъ о разныхъ

подробностяхъ, изъявилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы люди, такимъ образомъ приходившіе бѣлымъ днемъ въ отель, не скрывши именъ и мѣста жительства, были подосланные убійцы. Что касается до процесса, онъ полагалъ, что его начать очень легко, и навѣрное думалъ, что Гаугъ будетъ приговоренъ къ небольшой пенѣ и къ непродолжительной тюрьмѣ. «Но въ вашемъ дѣлѣ вотъ въ чемъ неудобство, — прибавилъ онъ — для того, чтобы осудили этого господина, вамъ надобно публично *доказать, что онъ вамъ дѣйствительно далъ пощечину...* Мнѣ кажется, что для вашей пользы лучше дѣло оставить, оно же богъ знаетъ, къ какимъ ревеліціямъ ¹⁾ поведетъ»...

Логика комиссара побѣдила.

Я тогда былъ въ Лугано. Обдумавъ дѣло, на меня нашель страхъ: я былъ увѣренъ, что Гервегъ не вызоветъ Гауга или Тесье, но чтобы Гаугъ на этомъ остановился и спокойно уѣхалъ изъ Цюриха, — въ этомъ я не былъ увѣренъ. Вызовъ со стороны Гауга ²⁾ былъ бы явнымъ образомъ противъ характера, который я хотѣлъ дать дѣлу. Самъ Тесье, на благородный умъ котораго я могъ совершенно надѣяться, во всемъ былъ слишкомъ французъ.

Гаугъ былъ упрямъ до капризности и раздражителенъ до дѣтства. У него постоянно были контры и пики то съ Хоецкимъ, то съ Энгельсономъ, то съ Орсини и итальянцами, которыхъ онъ, наконецъ, дѣйствительно, возстановилъ противъ себя, — и Орсини, улыбаясь по-своему и слегка покачивая головой, говаривалъ пресмѣшно:

— Oh, il generale, il generale Augi ³⁾

На Гауга имѣлъ вліяніе одинъ Карлъ Фогтъ съ своимъ свѣтымъ практическимъ взглядомъ; онъ поступалъ агрессивно: осыпалъ его насмѣшками, кричалъ, — и Гаугъ его слушался.

— Какой секретъ открыли вы, — спросилъ я разъ Фогта, — усмирять нашего бенгальскаго *генерала*?

— Vous l'avez dit, ⁴⁾ — отвѣчалъ Фогтъ, — вы пальцемъ дотронулись до секрета. Я его усмиряю потому, что *онъ — генералъ и открытъ въ это*. Генералъ знаетъ дисциплину, онъ противъ начальства итти не можетъ: вы забыли, что я — викарій имперіи.

Фогтъ былъ совершенно правъ. Нѣсколько дней спустя, Энгельсонъ, нисколько не думая о томъ, что говорить, и при немъ сказалъ:

¹⁾ Révélation — открытіе.

²⁾ Онъ, дѣйствительно, его сдѣлалъ, — разумѣется Гервегъ не пошелъ.

А. И. Г.

³⁾ Охъ, ужъ этотъ мнѣ генералъ Гаугъ!

⁴⁾ Вы его сказали.

— На такую мерзость способенъ только нѣмецъ.

Гаугъ обидѣлся. Энгельсонъ увѣрялъ его, что онъ не спохватился, что у него сорвалась эта глупость нечаянно съ языка. Гаугъ замѣтилъ, что важность не въ томъ, что онъ сказалъ при немъ, а въ томъ, что онъ имѣеть такое мнѣніе о нѣмцахъ,—и вышелъ вонъ.

На другой день рано утромъ онъ отправился къ Фогту, засталъ его въ постели, разбудилъ и разсказалъ ему нанесенную обиду Германіи, прося его быть свидѣтелемъ и снести Энгельсону картель.

— Что же вы считаете, что я такъ же сошелъ съ ума, какъ вы?—спросилъ его Фогтъ.

— Я не привыкъ сносить обиды.

— Онъ васъ не обижалъ. Мало ли что сорвется съ языка,—онъ же извинялся.

— Онъ обидѣлъ Германію и увидить, что при мнѣ нельзя безнаказанно оскорблять великую націю.

— Да вы что же исключительный представитель Германіи?!—закричалъ на него Фогтъ.—Развѣ я не нѣмецъ? развѣ я не имѣю права вступаться такъ же, какъ вы, больше, чѣмъ вы?

— Безъ сомнѣнія, и, если вы берете это дѣло на себя, я вамъ уступаю.

— Хорошо, но ввѣривши мнѣ, надѣюсь, что вы не станете мѣшать. Сидите спокойно здѣсь, а я схожу и узнаю, точно ли такое мнѣніе у Энгельсона или это такъ, случайно сказанная фраза,—ну, а картель вашъ покажѣсть мы изорвемъ.

Черезъ полчаса явился Фогтъ ко мнѣ. Я ничего не зналъ о вчерашнемъ событіи. Фогтъ взошелъ, по обычаю, громко смѣясь, и сказалъ мнѣ:

— Что у васъ Энгельсонъ на волѣ ходитъ или нѣтъ? Я заперъ нашего генерала у себя. Представьте, что онъ за поганыхъ нѣмцевъ, о которыхъ Энгельсонъ дурно отозвался, хотѣлъ съ нимъ драться. Я его убѣдилъ, что расправа принадлежитъ мнѣ. Половина дѣла сдѣлана. Усмирите вы теперь Энгельсона, если онъ не въ бѣлой горячкѣ.

Энгельсонъ и не подозрѣвалъ, что Гаугъ до такой степени разсердился; сначала хотѣлъ лично съ нимъ объясниться, готовъ былъ принять картель, потомъ сдался, и мы послали за Гаугомъ. Викарій на это утро бросилъ медузъ и сальповъ и до тѣхъ поръ сидѣлъ, пока Гаугъ и Энгельсонъ совершенно дружески разсуждали за бутылкой вина и котлетами à la milanaise ¹⁾.

¹⁾ По-итальянски.

Въ Люцернѣ, куда я отправился изъ Лугано, мнѣ предстояла новая задача. Въ самый день моего прїѣзда Тесье разсказалъ мнѣ, что Гаугъ написалъ *мемуаръ* по поводу пощечины, въ которомъ изложилъ все дѣло; что эту записку онъ хочетъ напечатать, и что Тесье его только остановилъ тѣмъ, что, все же, безъ моего согласія такой вещи печатать невозможно. Гаугъ, нисколько не сомнѣваясь въ моемъ согласіи, рѣшился ждать меня.

— Употребите всѣ усилія, чтобы этотъ несчастный фактъ¹⁾,— говорилъ мнѣ Тесье,— не былъ напечатанъ; онъ испортитъ все дѣло, онъ сдѣлаетъ вась, память вамъ дороговую и насъ всѣхъ посмѣшищемъ на вѣки вѣковъ.

Вечеромъ Гаугъ отдалъ мнѣ тетрадь... Тесье былъ правъ: отъ такого удара воскреснуть нельзя бы было. Все было изложено съ пламенной, восторженной дружбой ко мнѣ и къ покойной, и все было смѣшно, *смѣшно для меня* въ это время слезъ и отчаянія. Вся статья была писана слогомъ Донъ-Карлоса въ прозѣ. Человѣкъ, который могъ написать такую вещь, долженъ былъ свое сочиненіе высоко поставить и, конечно, не могъ его уступить безъ боя. Не легка была моя роль. Писано все это было для меня, изъ дружбы, добросовѣстно, честно, искренно,—и я-то долженъ былъ, вмѣсто благодарности, отравить ему мысль, которая сильно засѣла въ его головѣ и привилась ему.

Уступки я сдѣлать не могъ. Долго думая, я рѣшился къ нему написать длинное посланіе, благодарилъ его за дружбу, но умолялъ его мемуара не печатать. «Если и надобно въ самомъ дѣлѣ что-нибудь печатать изъ этой страшной исторіи, то это печальное право принадлежитъ мнѣ одному».

Письмо это, запечатавши, я послалъ Гаугу часовъ въ 7 утра. Гаугъ отвѣчалъ мнѣ: «Я съ вами не согласенъ, я вамъ и ей ставилъ памятникъ, я вась поднималъ на недосыгаемую высоту, и, если бы кто осмѣлился заикнуться, того я заставилъ бы замолчать. Но въ вашемъ дѣлѣ вамъ принадлежитъ право рѣшать, и я, само собою разумѣется, если вы хотите писать, уступлю».

Онъ былъ день цѣлый мраченъ и отрывистъ. Къ вечеру мнѣ пришла страшная мысль: *умри я—вотъ, онъ памятникъ-то поставитъ*,—и потому, прощаясь, я ему сказалъ, обнявши его:

— Гаугъ, не сердитесь на меня; въ такомъ дѣлѣ, дѣйствительно, нѣтъ лучшаго судьи, какъ я.

— Да я и не сержусь, мнѣ только больно.

¹⁾ Фактъ, эпизодъ.

— Ну, а если не сердитесь, оставьте у меня вашу тетрадь, подарите ее мнѣ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Замѣчательно, что у Гауга съ тѣхъ поръ остался литературный зубъ противъ меня, и въ послѣдствіи въ Лондонѣ, на мое замѣчаніе, что онъ къ Гарибальди и Мурчисону пишетъ слишкомъ вычурно и фигурно, Гаугъ, улыбаясь, говорилъ:

— Я знаю, вы діалектикъ, у васъ слогъ рѣзного разума, но чувства и поэзія имѣютъ другой языкъ.

И я еще разъ благословилъ судьбу, что не только взялъ у него тетрадь, но, уѣзжая въ Англію, ее сжегъ.

Новость о пощечинѣ разнеслась, и вдругъ въ «Цюрихской Газетѣ» появилась статья Гервега съ его подписью. «*Знаменитая пощечина*»,—говорилъ онъ,—никогда не была дана, а что, напротивъ, онъ «оттолкнулъ отъ себя Гауга такъ, что Гаугъ замаралъ себѣ спину объ стѣну», что, сверхъ всего остального, особенно было вѣроятно для тѣхъ, которые знали мускульнаго и расторопнаго Гауга и неловкаго, тщедушнаго баденскаго военачальника. Далѣе онъ говорилъ, что все это — далеко вѣтвящаяся интрига, затѣянная *барономъ* Герценомъ на *русское золото*, и что люди, приходившіе къ нему, у меня на жалованьи.

Гаугъ и Тесье тотчасъ помѣстили въ той же газетѣ серьезный, сжатый, сдержанный и благородный рассказъ дѣла.³⁷

Къ ихъ объясненію я прибавилъ, что у меня на жалованьи никогда никого не состояло, кромѣ слугъ и Гервега, который жилъ послѣдніе два года на мой счетъ, и одинъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ въ Европѣ долженъ мнѣ значительную сумму. Это *ужудое мнѣ оружіе* я употребилъ въ защиту оклеветанныхъ друзей (занимала для него его жена).

На это Гервегъ возражалъ въ томъ же журналѣ, что «онъ никогда не находился *въ необходимости занимать у меня деньги и не долженъ мнѣ ни копѣйки*»¹⁾.

Съ тѣмъ вмѣстѣ какой-то докторъ²⁾ изъ Цюриха писалъ мнѣ, что Гервегъ поручилъ ему вызвать меня.

Я отвѣчалъ черезъ Гауга, что, какъ прежде, такъ и теперь, я Гервега не считаю человѣкомъ, заслуживающимъ удовлетворенія; что казнь его началась, и я пойду своимъ путемъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что два человѣка (кромѣ Эммы), принявшіе сторону Гервега—этотъ докторъ и Р. Вагнеръ, музыкантъ *буду-*

¹⁾ См. № 592.

²⁾ Франсуа Вилле.

цаю ¹⁾),—оба не имѣли никакого уваженія къ характеру Гервега. Докторъ, посылая вызовъ, прибавлялъ: «что же касается до сущности самаго дѣла, я его не знаю и желаю быть совершенно въ сторонѣ». А въ Цюрихѣ онъ говорилъ своимъ друзьямъ: «я боюсь, что онъ не будетъ стрѣляться, а хочетъ разыграть какую-нибудь сцену; только я не позволю надъ собой смѣяться и дѣлать изъ меня шута. Я ему сказалъ, что у меня будетъ другой заряженный пистолеть въ карманѣ—*этотъ для нею!*»... ³⁸

Что касается до Р. Вагнера, то онъ письменно жаловался мнѣ, что Гаугъ слишкомъ безцеремоненъ, и говорилъ, что онъ не можетъ произнести строгаго приговора надъ человѣкомъ, «котораго онъ любитъ и жалѣетъ», къ нему надобно снисхожденіе; можетъ, онъ еще и воскреснетъ изъ ничтожной женоподобной жизни своей, соберетъ свои силы изъ эксцентричной распущенности и иначе проявить себя ²⁾.

Какъ ни гадко было поднимать рядомъ со всѣми ужасами денежную исторію, но я понималъ, что ею я ему нанесу ударъ, который пойметъ и приметъ къ сердцу весь буржуазный міръ, т.-е. все общественное мнѣніе, въ Швейцаріи и Германіи.

Вексель въ 10.000 франковъ, который мнѣ дала M-me Herwegh и хотѣла потомъ вымѣнять на нѣсколько словъ поздняго раскаянія, былъ со мной. Я его отдалъ нотаріусу.

Съ газетой въ рукѣ и съ векселемъ въ другой явился нотаріусъ къ Гервегу, прося объясненія.

— Вы видите,—сказалъ онъ,—что это—не моя подпись.

Тогда нотаріусъ подалъ ему письмо его жены, въ которомъ она писала, что беретъ деньги для него и съ его вѣдома.

— Я совсѣмъ этого дѣла не знаю и никогда ей не поручалъ; впрочемъ, адресуйтесь къ моей женѣ въ Ниццу,—мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

— Итакъ, вы рѣшительно не помните, чтобъ сами уполномочили вашу супругу?

— Не помню.

— Очень жаль; простой денежный искъ этотъ получаетъ черезъ это совсѣмъ иной характеръ, и вашъ противникъ можетъ преслѣдовать вашу супругу за мошеннической поступокъ, escroquerie ³⁾.

На этотъ разъ поэтъ не испугался и храбро отвѣчалъ, что

¹⁾ Рихардъ, знаменитый композиторъ.

²⁾ Письмо Вагнера въ приложеніи. А. И. Г. ³⁸

³⁾ Мошенничество.

это—не его дѣло. Отвѣтъ его нотариусъ предъявилъ Эммѣ. Я не продолжалъ дѣла. Денегъ, разумѣется, они не заплатили.

— Теперь,—говорилъ Гаугъ,—теперь въ Лондонѣ!.. Этого негодяя такъ нельзя оставить...

И мы черезъ нѣсколько дней смотрѣли на лондонскій туманъ изъ четвертаго этажа Morley's Hôtel. ⁴⁰

Переѣздомъ въ Лондонъ осенью 1852 замыкается самая ужасная часть моей жизни,—на немъ я перерываю разсказъ.

(Окончено въ 1858).

Сегодня второе мая 1863 года... Одиннадцатая годовщина. Гдѣ тѣ, которые стояли возлѣ гроба? Никого нѣтъ возлѣ... иныхъ вовсе нѣтъ, другіе очень далеко,—и не только *географически*.

Голова Орсини, окровавленная, скатилась съ эшафота...

Тѣло Энгельсона, умершаго врагомъ мнѣ, покоится на островѣ Ламанша.

Тесье дю Мотэ, химикъ-натуралистъ, остался тотъ же кроткій и добродушный, но сзываетъ духовъ и вертитъ столы.

Charles Edmond, другъ принца Наполеона, библиотечкаремъ въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Ровнѣе всѣхъ, вѣрнѣе всѣхъ себѣ остался К. Фогтъ.

Гауга я видѣлъ годъ тому назадъ. Изъ-за пустяковъ онъ поссорился со мной въ 1854 году, уѣхалъ изъ Лондона, не простившись, и перервалъ всѣ сношенія. Случайно узналъ я, что онъ въ Лондонѣ. Я велѣлъ ему передать, что «настаетъ десятилѣтіе послѣ похоронъ; что стыдно сердиться безъ серьезнаго повода; что насъ связываютъ святыя воспоминанія, и что, если онъ забылъ, то я помню, съ какой готовностью онъ протянулъ мнѣ дружескую руку».

Зная его характеръ, я сдѣлалъ первый шагъ и пошелъ къ нему. Онъ былъ радъ, тронутъ, и при всемъ эта встрѣча была печальнѣе всѣхъ разлукъ...

Сначала мы говорили о лицахъ, событіяхъ, вспоминали подробности, потомъ сдѣлалась пауза. Намъ, очевидно, нечего было сказать другъ другу: мы стали совершенно чужіе... Я дѣлалъ усилія поддержать разговоръ, Гаугъ выбивался изъ силъ; разные инциденты его побѣдки въ Малую Азію выручили. Кончились и они,—опять стало тяжело.

— Ахъ, боже мой,—сказалъ я вдругъ, вынимая часы,—пять часовъ, а у меня назначено rendez-vous. Я долженъ оставить васъ.

Я солгалъ: никакого rendez-vous у меня не было. Съ Гауга тоже, словно, камень съ плечъ свалился.

— Неужели пять часовъ?—я самъ ѣду обѣдать сегодня въ Clapham ¹⁾).

— Туда часъ ѣзды, не стану васъ задерживать. Прощайте. И, выйдя на улицу, я былъ готовъ... захохотать?—нѣтъ, заплакать.

Черезъ два дня онъ пріѣхалъ завтракать ко мнѣ, — то же самое. На другой день хотѣлъ онъ ѣхать, какъ говорилъ, остался гораздо дольше, но намъ было довольно, и мы не старались увидѣться еще разъ.

Теддингтонъ. — Передъ отъѣздомъ.

Августъ 1863 г.

Бывало Огаревъ, въ новгородскія времена, пѣвалъ: «Cari luoghi io vi ritrovai» ²⁾; найду и я ихъ снова, и мнѣ страшно, что я ихъ увижу.

Поѣду той же дорогой черезъ Эстерель на Ниццу. Тамъ ѣхали мы въ 1847, спускаясь оттуда въ первый разъ въ Италію. Тамъ ѣхалъ въ 1851 въ Гіерь отыскивать слѣдъ моей матери и сына и ничего не нашель.

Туго старѣющая природа осталась та же, а человѣкъ измѣнился, и было отъ чего. Жизни, наслажденія искалъ я, переѣзжая въ первый разъ Приморскія Альпы...

... Были сзади небольшія тучки, печальная синева носилась надъ роднымъ краемъ, и ни одного облачка впереди. Тридцати пяти лѣтъ я былъ молодъ и жилъ въ какомъ-то беззаботномъ сознаніи силы.

Во второй разъ я ѣхалъ тутъ въ какомъ-то туманѣ, ошеломленный, я искалъ тѣла, потонувшій корабль, — и не только сзади гнались страшныя тѣни, но и впереди все было мрачно.

Въ третій разъ ѣду къ дѣтямъ, ѣду къ могилѣ, — желанія стали скромны: ишу немного досуга мысли, немного гармоніи во кругъ, ишу покоя, этого *polli me tangere* ³⁾, устали и старости.

¹⁾ Деревушка въ окрестностяхъ Лондона.

²⁾ Дорогія мѣста, я опять васъ увижу.

³⁾ Не тронь меня.

Послѣ приѣзда.

21 сентября 63 былъ я на могилѣ. Все тихо: то же море, только вѣтеръ подымалъ столбъ пыли по всей дорогѣ. Каменное молчаніе и легкій шелестъ кипарисовъ мнѣ были странны и чужды. *Она не тутъ*; здѣсь ея нѣтъ,—она жива во мнѣ.

Я пошелъ съ кладбища въ оба дома: домъ Сю и домъ Дуйса. Оба стояли пустыми. Зачѣмъ я вызвалъ опять этихъ нѣмыхъ свидѣтелей à charge ¹⁾?... Вотъ терраса, по которой я между розъ и виноградниковъ ходилъ задавленный болью и глядѣлъ въ пустую даль съ какимъ-то безумнымъ и слабодушнымъ желаніемъ облегченія, помощи и, не находя ихъ въ людяхъ, искалъ въ винѣ... Диванъ, покрытый теперь пылью и какими-то рамками,—диванъ, на которомъ *она* изнемогала и лишилась чувствъ въ страшную ночь объясненій.

Я отворилъ ставень дома Дуйса въ спальнѣ... Вотъ онъ старо-знакомый видъ. Я обернулся: кровать, тюфяки сняты и лежатъ на полу, словно, на дняхъ былъ выносъ... Сколько потухло, исчезло въ этой комнатѣ. Бѣдная страдальца—и сколько я самъ, безпредѣльно любя ее, участвовалъ въ ея убійствѣ!

Еще посѣщеніе.

(26 марта 1865) ²⁾.

¹⁾ Со стороны обвиненія.

²⁾ На этомъ рукописи кончается.

РУССКІЯ ТѢНИ.

I.

Н. И. САЗОНОВЪ.

Сазоновъ, Бакунинъ, Парижъ... Имена эти, люди эти, городъ этотъ такъ и тянутъ назадъ... назадъ—въ даль лѣтъ, въ даль странствъ, во времена юношескихъ конспирацій, во времена философскаго культа и революціоннаго идолопоклонства ¹⁾).

Мнѣ слишкомъ дороги наши *два юности*, чтобъ опять не пріостановиться на нихъ... Съ Сазоновымъ я дѣлилъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ наши отроческія фантазіи о заговорѣ à la Ріенци; съ Бакунинимъ, десять лѣтъ спустя, въ потѣ мозга завоевывалъ Гегеля.

О Бакунинѣ я говорилъ и придется еще много говорить. Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе вездѣ: въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Косидбера ²⁾, его рѣчи въ Прагѣ, его начальство въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача Россіи, гдѣ онъ исчезъ за страшными стѣнами Алексѣевскаго равелина,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятель-

¹⁾ Этотъ очеркъ принадлежитъ къ XXXIV гл. А. И. Г.

²⁾ Маркъ, франц. политич. дѣятель; въ 1848 г. образовалъ, для охраны префектуры, отрядъ «монтаньяровъ», составленный изъ прежнихъ членовъ тайныхъ политическихъ обществъ и политическихъ заключенныхъ.

ности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его куда хотите, только въ *крайній край*,—анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клѳотса, другомъ Гракха Бабефа, — и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы судьбами народовъ,—

Но здѣсь, подъ гнетомъ власти царской,

Колумбъ безъ Америки и корабля, онъ, послуживъ противъ воли года два въ артиллеріи да года два въ московскомъ гегелизмѣ, торопился оставить край, въ которомъ мысль преслѣдовалась, какъ дурное намѣреніе, и независимое слово,— какъ оскорбленіе общественной нравственности.

Вырвавшись въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не слалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

Поклонники цѣлесообразности, милые фаталисты рационализма все еще дивятся премудрому à propos, съ которымъ являются таланты и дѣятели, какъ только на нихъ есть потребность, забывая, сколько зародышей мретъ, гложетъ, не издавши свѣта, сколько способностей, готовностей вянутъ, потому что ихъ не нужно.

✱Примѣръ Сазонова еще рѣзче. Сазоновъ прошелъ безслѣдно, и смерть его такъ же никто не замѣтилъ, какъ всю его жизнь. Онъ умеръ, не исполнивъ ни одной надежды изъ тѣхъ, которыя клали на него его друзья. Легко сказать, что онъ виноватъ въ своей судьбѣ; но какъ оцѣнить и взвѣсить долю, падающую на человека, и ту, которая падаетъ на среду?

Николаевское время было временемъ нравственнаго душегубства, оно убивало не одними рудниками и бѣлыми ремнями, а своей удушающей, понижающей атмосферой, своими, такъ сказать, отрицательными ударами.

Хоронить затянувшіяся существованія того времени, выбившіяся изъ силъ, усиливаясь стащить съ мели глубоко врѣзавшуюся въ песокъ барку нашу,—моя специальность. Я — ихъ Доможировъ, теперь всѣми забытый, а нѣкогда всѣмъ въ Москвѣ извѣстный старикъ, отставной ординарецъ Прозоровскаго. Пудренный, въ свѣтло-зеленомъ павловскомъ мундирѣ, являлся онъ на всѣ выносы, на которыхъ бывалъ архіерей, становился впередъ процессіи и велъ ее, воображая, что дѣлаетъ дѣло.

...На второй ¹⁾ годъ университетскаго курса, то-есть осенью

¹⁾ Ошибка—третій: благодаря холерѣ въ Москвѣ, Герценъ и его товарищи пробыли въ университетѣ 4 года.

1831 ¹⁾, мы встрѣтили въ числѣ новыхъ товарищей, въ физико-математической аудиторіи, двоихъ, съ которыми особенно сблизились.

Наши сближенія, симпатіи и антипатіи шли изъ одного источника. Мы были фанатики и юноши, все было подчинено одной мысли и одной религіи: наука, искусство, связи, родительскій домъ, общественное положеніе. Тамъ, гдѣ открывалась возможность обращаться, проповѣдывать, тамъ мы были со всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже.

Мы вошли въ аудиторію съ твердой цѣлью въ ней основать зерно общества по образу и подобию декабристовъ и потому искали прозелитовъ и послѣдователей. Первый товарищъ, ясно понявшій насъ, былъ Сазоновъ; мы нашли его совсѣмъ готовымъ и тотчасъ подружились. Онъ сознательно подаль свою руку и на другой день привелъ намъ еще одного студента ²⁾.

Сазоновъ имѣлъ рѣзкія дарованія и рѣзкое самолюбіе. Ему было лѣтъ восемнадцать ³⁾, скорѣе меньше, но, несмотря на то, онъ много занимался и читалъ все на свѣтѣ. Надъ товарищами онъ старался брать верхъ и никого не ставилъ на одну доску съ собой. Оттого они его больше уважали, чѣмъ любили. ⁴⁾ Другъ его ⁴⁾, красивый собой и нѣжный, какъ дѣвушка, совсѣмъ напроказъ, искалъ, къ кому бы пріютиться; полный любви и преданности, едва вышедшій изъ-подъ материнскаго крыла, съ благородными стремленіями и полудѣтскими мечтами, ему хотѣлось теплоты, нѣжности, онъ жался къ намъ и отдавался весь и намъ и нашей идеѣ,— это была натура Владиміра Ленскаго, натура Веневитинова.

...День, въ который мы сѣли рядомъ на одной изъ лавокъ амфитеатра и взглянули другъ на друга съ сознаниемъ нашего обреченія, нашей связи, нашей тайны, нашей готовности погибнуть, нашей вѣры въ святость дѣла—и взглянули съ гордой любовью на это множество молодыхъ, прекрасныхъ головъ, окружавшихъ насъ, какъ на братственную паству, былъ великимъ днемъ въ нашей жизни. Мы подали другу руку и *à la lettre* ⁵⁾ пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой, «вселен-

¹⁾ Ошибка—1832,—годъ поступленія Сазонова въ университетъ.

²⁾ Н. М. Сатинъ.

³⁾ Родился 17 июня 1815 г. въ Рязани.

⁴⁾ Н. М. Сатинъ. Въ компаніи друзей его прозвали «Ritter aus Tambow» (рыцарь изъ Тамбова), въ чемъ нашли выраженіе одновременно: и его отличительное тогда качество—благородство и мѣсто рожденія.

⁵⁾ Буквально.

ной» ¹⁾, какъ четыре дьякона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ.

Проповѣдывали мы вездѣ, всегда... Что мы, собственно, проповѣдывали, трудно сказать. Идеи были смутны; мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же революцію; мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ; но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилью, ко всякому правительственному произволу. ⁴²

Общества, въ сущности, никогда не составлялось, но пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла университетскія стѣны.

Съ тѣхъ поръ наша пропаганда не перемежалась черезъ всю жизнь нашу, отъ университетской аудиторіи до дондонской типографіи. Вся наша жизнь была посильнымъ исполненіемъ отроческой программы. Прослѣдить нитку не трудно по затронутымъ вопросамъ, по возбужденнымъ интересамъ, въ журналахъ, на лекціяхъ, въ литературныхъ кругахъ... Видоизмѣняясь, развиваясь, наша пропаганда оставалась вѣрной себѣ и вносила свой *индивидуальный* характеръ во все окружающее. Казна подняла насъ и сдѣлала намъ на свой счетъ пьедесталь *тюрмой* и *ссылкой*. Мы возвратились въ Москву «авторитетами» въ двадцать пять лѣтъ. Къ намъ примкнули Бѣлинскій, Грановскій и Бакунинъ, а статьями въ «Отечественныхъ Запискахъ» мы сами примкнули къ петербургскому движенію лицейстовъ и молодой литературы. Петрашевцы были нашими меньшими братьями, какъ декабристы—старшими.

Умалчивать о значеніи нашего круга оттого, что я принадлежалъ къ нему, было бы лицемѣрно или глупо. Совсѣмъ напротивъ, встрѣчаясь въ моихъ разсказахъ съ тѣми временами, съ старыми друзьями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, я нарочно останавливаюсь и говорю, не боясь повтореній, лишь бы ближе познакомить съ ними молодое поколѣніе. Оно ихъ не знаетъ, забыло, не любить, отрекается отъ нихъ, какъ отъ людей менѣе практичныхъ, дѣльныхъ, менѣе знавшихъ, куда идутъ; оно на нихъ сердится и огуломъ отбрасываетъ ихъ, какъ отсталыхъ, какъ лишніхъ и праздныхъ людей, фантастовъ и мечтателей, забывая, что оцѣнка прошлыхъ *лицъ*, ихъ значеніе и «проба» меньше зависятъ отъ сравненія *суммы* знанія и образа постановленія задачъ прежняго времени и новаго, чѣмъ отъ энергіи и силы, которую вносили они въ свои рѣшенія. Мнѣ ужасно хотѣлось бы спасти молодое поко-

¹⁾ Universitas. А. И. Г.

лѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми ¹⁾), но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убивали стариковъ.

Смѣло и съ полнымъ сознаниемъ скажу еще разъ про наше товарищество того времени, что «это была удивительная молодежь, что такого круга людей талантливыхъ, чистыхъ, развитыхъ, умныхъ и преданныхъ я не встрѣчалъ», а скитался довольно по бѣлому и по *красному* свѣту. Я не только говорю о нашемъ близкомъ кругѣ, но то же и въ той же силѣ долженъ сказать о кругѣ Станкевича и о славянофилахъ. Молодые люди, испуганные ужасной дѣйствительностью, середѣ тьмы и давящей тоски, оставляли все и шли искать выхода. Они жертвовали всѣмъ, до чего добиваются другіе: общественнымъ положеніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что имъ предлагала традиціонная жизнь, къ чему влекла среда, примѣръ, къ чему нудила семья, изъ-за своихъ убѣжденій и остались вѣрными имъ. Такихъ людей нельзя просто сдать въ архивъ и забыть.

Ихъ преслѣдуютъ, отдають подъ судъ, отдають подъ надзоръ, ссылають, таскають, обижаютъ, унижаютъ,—они остаются тѣ же; проходитъ десять лѣтъ—они тѣ же, проходитъ двадцать, тридцать—они тѣ же.

Я требую признанія имъ и справедливости.

Противъ этого простого требованія я слышалъ странное возраженіе, и притомъ не одинъ разъ. «Вы и еще больше декабристы были дилетанты революціонныхъ идей; для васъ ваше участіе въ дѣлѣ была роскошь, поэзія; сами же вы говорите, что вы всѣ *жертвовали* общественнымъ положеніемъ, имѣли средства; для васъ, стало быть, переворотъ не былъ вопросомъ куска хлѣба и человѣческаго существованія, вопросомъ на жизнь и смерть...»

— Я полагаю,—отвѣчалъ я разъ,—что для казенныхъ *да...*

— По крайней мѣрѣ, не были роковыми, неизбѣжными вопросами. Вамъ нравилось быть революціонерами и это, разумѣется, лучше, чѣмъ, если бы вамъ нравилось быть сенаторами и губернаторами; для насъ же борьба съ существующимъ порядкомъ—не выборъ, это—*наше* общественное положеніе. Между нами и вами та разница, которая между человѣкомъ, упавшимъ въ воду, и купающимся: обоимъ надобно плыть, но одному по необходимости, а другому изъ удовольствія.

Не признавать людей потому, что они дѣлали изъ внутренняго влеченія то, что другіе *будутъ* дѣлать изъ нужды, сильно сби-

¹⁾ По греческой мифологіи, богъ Сатурнъ пожиралъ своихъ дѣтей.

вается на монашескій аскетизмъ, который высоко цѣнить только тѣ обязанности, исполненіе которыхъ очень противно.

Такого рода крайніе взгляды легко даютъ корень у насъ не то, чтобы глубокій, но трудно искореняемый, какъ хрѣнъ.

Мы—большіе доктринеры и резонеры. Къ этой нѣмецкой способности у насъ присоединяется свой національный, такъ сказать, *аракчеевскій* элементъ, безпощадный, страстно сухой и охотно палачествующій. Аракчеевъ засѣкалъ для своего идеала лейбъ-гвардейскаго гренадера живыхъ крестьянъ, мы засѣкаемъ идеи, искусства, гуманность, прошедшихъ дѣятелей, все, что угодно. Неустрашимымъ фронтомъ идемъ мы шагъ въ шагъ до *чура* и переходимъ его, не сбиваясь съ діалектической ноги, а только съ *истины*; не замѣчая, идемъ далѣе и далѣе, забывая, что реальный смыслъ и реальное пониманіе жизни именно и обнаруживается въ остановкѣ передъ крайностями... это—halte ¹⁾ мѣры, истины, красоты, это—вѣчно уравновѣшиваемое колебаніе организма.

Олигархическое притязаніе неимущества на исключительность общественной боли и на монополію общественнаго страданія такъ же несправедливо, какъ всѣ исключительности и монополіи. Ни съ евангельскимъ милосердіемъ, ни съ демократической завистью дальше милостыни и насильственной споліаціи ²⁾, дальше раздачи имѣнія и общаго нищенства не уйдешь. Въ церкви оно осталось риторической темой и сентиментальнымъ упражненіемъ въ состраданіи, въ ультра-демократизмѣ, какъ замѣтилъ Прудонъ,—чувствомъ зависти и ненависти, не переходя ни тамъ, ни тутъ ни къ какой построющей мысли, ни къ какой практикѣ.

Чѣмъ же виноваты люди, понявшіе боль страждущихъ прежде ихъ самихъ и указавшіе имъ не только ее, но и путь къ выходу? Потомокъ Карла Великаго—Сень-Симонъ, такъ же, какъ фабрикантъ Робертъ Оуэнъ, не отъ голодной смерти сдѣлались апостолами социализма.

Взглядъ этотъ не продержится, въ немъ недостаетъ теплоты, доброты, шири. Я бы не упомянулъ о немъ, еслибы въ его проскрипціонные листы вмѣстѣ съ нами не вошли и тѣ ранніе сѣятели всего, что взшло и всходитъ,—декабристы, которыхъ мы такъ грубо уважаемъ.

Отступленіе это здѣсь почти некстати.

Сазоновъ былъ, дѣйствительно, праздный человѣкъ и сгубилъ въ себѣ бездну силъ; затертый разными разностями на чуж-

¹⁾ Стой.

²⁾ Spoliation--грабежъ.

бинѣ, онъ пропалъ, какъ солдатъ, взятый въ плѣнъ на первомъ сраженіи и никогда не возвращавшійся домой.

Когда насъ арестовали въ 1834 году и посадили въ тюрьму, Сазоновъ и Кетчеръ уцѣлѣли какимъ-то чудомъ. Оба они жили въ Москвѣ почти безвыѣздно, говорили много, но писали мало, ихъ писемъ ни у кого изъ насъ не было. Насъ повезли въ ссылку; Сазонову мать выхлопотала заграничный паспортъ въ Италію. Участъ его, разрозненная съ нами, положила, можетъ, начало послѣдующей жизни его,—жизни какой-то блуждающей и безслѣдно падающей звѣзды.

Черезъ годъ онъ возвратился въ Москву; это былъ одинъ изъ самыхъ удушливыхъ и тяжелыхъ періодовъ прошлаго царствованія. Въ Москвѣ его встрѣтилъ мертвый *calme plat* ¹⁾, нигдѣ ни тѣни сочувствія, ни живого слова. Мы въ *регервахъ* ссылки хранили нашу прошлую жизнь, жили памятью и надеждой, работали и знакомились съ грубой реальностью провинціального быта.

Въ Москвѣ все Сазонову напоминало наше отсутствіе. Изъ старыхъ друзей одинъ Кетчеръ былъ налицо,—человѣкъ, съ которымъ Сазоновъ, чопорный и аристократъ по манерамъ, всего меньше могли итти рука въ руку. ⁴⁴ Кетчеръ, какъ мы говорили, былъ сознательный дикарь *изъ образованныхъ*, куперовскій піонеръ, съ премедитаціей ²⁾ возвращавшійся въ первобытное состояніе людского рода, грубый по принципу, неряха по теоріи, студентъ лѣтъ тридцати пяти въ роли шиллеровскаго юноши.

Сазоновъ побился, побился въ Москвѣ,—скука одолѣла его, ничто не звало на трудъ, на дѣятельность. Онъ попробовалъ перѣхатъ въ Петербургъ—еще хуже; не выдержалъ онъ *à la longue* и уѣхалъ въ Парижъ безъ опредѣленнаго плана. ⁴⁵ Это было еще то время, когда Парижъ и Франція имѣли на насъ всю чарующую силу свою. Туристы наши скользили по лакированной поверхности французской жизни, не зная ея шероховатой стороны, и были въ восторгѣ отъ всего: отъ либеральныхъ рѣчей, отъ пѣсней Беранже и карикатуръ Филипона ³⁾. Такъ было и съ Сазоновымъ. Но дѣла не нашель онъ и тутъ. Шумная, веселая праздность замѣняла нѣмую, подавленную жизнь. Въ Россіи онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, тутъ—чужой всѣмъ и всему. Другой длинный рядъ годовъ безцѣльно волнуемой, раздражаемой жизни начался для него въ

¹⁾ Штиль.

²⁾ *Préméditation*—преднамѣренность.

³⁾ Шарль, извѣстный рисовальщикъ и журналистъ, основатель «*Le Charivari*».

Парижѣ. Сосредоточиться въ себѣ, отдаться внутренней работѣ, не ожидая толчка извнѣ, онъ не могъ, это не лежало въ его натурѣ. Объективный интересъ науки не былъ въ немъ такъ силенъ. Онъ искалъ иной дѣятельности и былъ готовъ на всякій трудъ,— но на виду, но въ быстромъ приложеніи его, въ практическомъ осуществленіи и притомъ при громкой обстановкѣ, при рукоплесканіяхъ и крикѣ враговъ; не находя такой работы, онъ бросился въ парижскій разгулъ.

... А горѣли и его глаза и наполнялись слезой при памяти о нашихъ университетскихъ мечтахъ... Внутри его глубоко уязвленнаго самолюбія все еще хранилась вѣра въ *близкій* переворотъ Россіи и въ то, что онъ призванъ играть въ немъ большую роль. Казалось, онъ и кутилъ только *покаместъ*, въ скучномъ ожиданіи предстоящаго огромнаго дѣла, и былъ увѣренъ, что однимъ добрымъ вечеромъ его вызовутъ изъ-за стола *café Anglais* ¹⁾ и повезутъ управлять Россіей... Онъ пристально присматривался къ тому, что дѣлается, и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда нужно будетъ принять серьезное участіе и сказать послѣднее, завершающее слово.

... Послѣ первыхъ, шумныхъ дней въ Парижѣ, начались больше серьезные разговоры, причемъ сейчасъ обнаружилось, что мы строены не по одному ключу. Сазоновъ и Бакунинъ были недовольны (такъ, какъ впоследствии Высоцкій ²⁾ и члены польской Централизации), что новости, мною привезенныя, больше относились къ литературному и университетскому міру, чѣмъ къ политическимъ сферамъ. Они ждали разсказовъ о партіяхъ, обществахъ, о министерскихъ кризисахъ (при Николаѣ!), объ оппозиціи (въ 1847!), а я имъ говорилъ о кафедрахъ, о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, о статьяхъ Бѣлинскаго, о настроеніи студентовъ и даже семинаристовъ. Они слишкомъ разошлись съ русской жизнью и слишкомъ вошли въ интересы «всемирной» революціи и французскихъ вопросовъ, чтобы помнить, что у насъ появленіе «Мертвыхъ душъ» было важнѣе назначенія двухъ Паскевичей фельдмаршалами и двухъ Филаретовъ митрополитами. Безъ правильныхъ сообщеній, безъ русскихъ книгъ и журналовъ, они относились къ Россіи какъ-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освѣщеніе всякой дали.

Разница нашихъ взглядовъ чуть не довела насъ до размолвки. Это случилось такъ. Наканунѣ отъѣзда Бѣлинскаго изъ Парижа,

¹⁾ Кафэ на Boulevard des Italiens.

²⁾ Иосифъ, польскій генералъ, эмигрировалъ въ 1831 г.; принималъ дѣятельное участіе въ венгерской войнѣ и въ польскомъ возстаніи 1863 г.

мы проводили его вечеромъ домой и пошли гулять на Елисейскія поля. Страшно ясно видѣлъ я, что для Бѣлинскаго все кончено, что я ему въ послѣдній разъ жаль руку. Сильный, страстный боецъ сжегъ себя, смерть уже вываяла крупными чертами свою близость на изстрадавшемся лицѣ его. Онъ былъ въ злѣйшей чухоткѣ, а все еще полонъ святой энергіи и святого негодованія, все еще полонъ своей мучительной, «злой» любви къ Россіи. Слезы стояли у меня въ горлѣ, и я долго шелъ молча, когда возобновился несчастный споръ, разъ десять являвшійся *sur le tapis* ¹⁾).

— Жаль,—замѣтилъ Сазоновъ,—что Бѣлинскому не было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной.

— Кажется, трудно упрекать именно его, что онъ мало сдѣлалъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, съ такими силами, какъ у него, онъ при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ побольше сдѣлалъ бы...

Мнѣ было досадно и больно.

— Да скажите, пожалуйста, ну, вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? Или что вы дѣлаете? Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобъ еще разъ переговорить съ Служальскимъ или Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи,—дѣло? Или—что ваши бесѣды въ кафэ и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе пять ничего не понимаютъ и говорятъ,—дѣло?

— Постой, постой,—говорилъ Сазоновъ, уже очень неравнодушно,—ты забываешь наше положеніе.

— Какое положеніе? Вы живете здѣсь годы, на волѣ, безъ гнетущей крайности, чего же вамъ еще? Положенія создаются, силы заставляютъ себя признать, втѣсняють себя. Полноте, господа, одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей. Вы живете въ какомъ-то бреде и лунатизмѣ, въ вѣчномъ оптическомъ обманѣ, которымъ сами себѣ отводите глаза...

Меня особенно сердили тогда двѣ мѣры, которыя прилагали не только Сазоновъ, но и вообще русскіе къ оцѣнкѣ людей. Строгость, обращенная на своихъ, превращалась въ культъ и поклоненіе передъ французскими знаменитостями. Досадно было видѣть, какъ наши *пасовали* передъ этими матадорами красноречія, забрасывавшими ихъ словами, фразами и общими мѣстами, сказан-

¹⁾ На очереди.

ными съ *vitesse accélérée* ¹⁾. И чѣмъ смиреннѣе держали себя русскіе, чѣмъ больше они краснѣли и старались скрывать *ихъ* невѣжество (какъ дѣлають нѣжные родители и самолюбивые мужья), тѣмъ больше тѣ ломались и важничали передъ гиперборейскими Анахарсисами.

Сазоновъ, любившій еще въ Россіи студентомъ окружать себя *дворомъ* разныхъ посредственностей, слушавшихъ и слушавшихся его, былъ и здѣсь окруженъ всякими скудными умомъ и тѣломъ лацарони литературной кіаіи ²⁾, поденщиками журнальной барщины, ветошниками фельетоновъ, въ родѣ тощаго Жюля Векура, полуповрежденнаго Тардифа-де-Мело, неизвѣстнаго, но великаго поэта Буэ; въ его хорѣ были и ограниченнѣйшіе поляки изъ товянщины ³⁾ и тупоумнѣйшіе нѣмцы изъ атеизма. Какъ онъ не скучалъ съ ними, это—его секретъ; онъ даже ко мнѣ ходилъ почти всегда съ однимъ или съ двумя понятными изъ хора, несмотря на то, что я съ ними всегда скучалъ и не скрывалъ этого. Поэтому-то особенно странно поражало, что онъ самъ становился въ положеніе Жюля Векура въ отношеніи къ Маррастамъ, Рибейролямъ ⁴⁾ и даже къ меньшимъ знаменитостямъ.

Все это не совсѣмъ понятно для современныхъ посѣтителей Парижа. Никакъ ненадобно забывать, что настоящій Парижъ—не настоящій, а новый.

Сдѣлавшись какимъ-то *своднымъ* городомъ всего свѣта, Парижъ пересталъ быть городомъ по преимуществу французскимъ. Прежде въ немъ была вся Франція и «ничего, развѣ ея»; теперь въ немъ вся Европа да еще двѣ Америки, но *ею самою* меньше; онъ расплылся въ своемъ званіи мірового отеля, караванъ-сарая и потерялъ свою самобытную личность, внушавшую горячую любовь и жгучую ненависть, уваженіе безъ границъ и отвращеніе безъ предѣловъ.

Само собою разумѣется, что отношеніе иностранцевъ къ новому Парижу измѣнилось. Союзная войска, ставшія на бивакахъ на Place de la Révolution, знали, что они взяли *чужой* городъ.

¹⁾ Возрастающею быстротою.

²⁾ Встрѣчающееся около береговъ Италіи Франціи плоскотѣлое морское животное; здѣсь употреблено въ переносномъ смыслѣ, въ родѣ того, какъ говорятъ «литературная тля».

³⁾ Ученіе извѣстнаго польскаго мистика Андрея Товянскаго.

⁴⁾ Charles Ribeyrolles—фр. публицистъ и политическій дѣятель; въ 1848 былъ редакторомъ газеты «Réforme», гдѣ выступалъ яркимъ защитникомъ республики противъ нападокъ роялистовъ, засѣдавшихъ въ учредительномъ собраніи.

Кочующій туристъ считаетъ Парижъ своимъ; онъ его покупаетъ, жуируетъ имъ и очень хорошо знаетъ, что онъ нуженъ Парижу, и что старый Вавилонъ обстроился, окрасился, побѣлился не для себя, а для него.

Въ 1847 г. я еще засталъ *прежній* Парижъ, къ тому же Парижъ съ поднятымъ пульсомъ, допѣвавшій Беранжеровы пѣсни съ припѣвомъ: «Vive la réforme» ¹⁾, невзначай перемѣнившимся въ «Vive la République!». Русскіе продолжали тогда жить въ Парижѣ съ вѣчно присущимъ чувствомъ сознанія и благодарности провидѣнію (и исправному взысканію оброковъ), *что они живутъ въ немъ*, что они гуляютъ въ Palais Royal'ѣ и ходятъ aux Français ²⁾. Они откровенно поклонялись лвамъ и львицамъ всѣхъ родовъ—знаменитымъ докторамъ и танцовщицамъ, зубному лѣкарю Дезирабоду, сумасшедшему «Мапа» ³⁾ и всѣмъ литературнымъ шарлатанамъ и политическимъ фокусникамъ.

Я ненавижу систему дерзости *préméditée* ⁴⁾, которая у насъ въ модѣ. Я въ ней узнаю всѣ родовыя черты прежняго офицерскаго, помѣщичьяго дантизма, ухарства, переложенныя на нравы Васильевского острова и линій его. Но ненадобно забывать, что и кліентизмъ нашъ передъ западными авторитетами шелъ изъ той же казармы, изъ той же канцеляріи, изъ той же передней—только въ другія двери, а именно, обращенныя къ барину, начальнику и командиру. Въ нашей бѣдности поклоненія чему бы то ни было, кромѣ грубой силы и ея знаменій—звѣздъ и чиновъ, потребность имѣть нравственную *табель о рангахъ* очень понятна, но зато передъ кѣмъ и кѣмъ ни стояли въ умиленіи лучшіе изъ нашихъ соотчественниковъ? Даже передъ Вердеромъ и Руге, этими великими бездарностями гегелизма. Отъ *нѣмцевъ* можно сдѣлать заключеніе, что дѣлалось передъ французами, передъ людьми, дѣйствительно, замѣчательными, передъ Пьеромъ Леру, напр., или передъ *самой* Жоржъ-Сандъ...

Каюсь, что и я сначала былъ увлеченъ и думалъ, что поговорить въ кафэ съ историкомъ «Десяти лѣтъ» ⁵⁾ или у Бакунина съ Прудономъ,—нѣкоторымъ образомъ чинъ, повышение; но у меня всѣ опыты идолопоклонства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію.

¹⁾ Какъ извѣстно, требованіе реформъ было лозунгомъ дня въ эпоху политическихъ банкетовъ, завершившихся февральской революціей.

²⁾ Т.-е. въ Comédie-Française.

³⁾ См. стр. 18.

⁴⁾ Преднамѣренной.

⁵⁾ Луи Бланъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ моего прїѣзда въ Парижъ я началъ крѣпко нападать на это *чинопочитаніе*, и именно въ пушій разгаръ моей оппозиціи случился споръ по поводу Бѣлинскаго. Бакунинъ, съ обыкновеннымъ добродушіемъ своимъ, самъ вполнину соглашался и хохоталъ, но Сазоновъ надулся и продолжалъ меня считать профаномъ въ практически-политическихъ вопросахъ. Вскорѣ я его убѣдилъ еще больше въ этомъ.

Февральская революція была для него полиѣйшимъ торжествомъ: знакомые фельетонисты заняли правительственныя мѣста; троны качались, ихъ поддерживали поэты и доктора. Нѣмецкіе князьки спрашивали совѣта и помощи у вчера гонимыхъ журналистовъ и профессоровъ. Либералы учили ихъ, какъ крѣпче нахлобучить узенькія коронки, чтобъ ихъ не снесло поднявшейся вьюгой. Сазоновъ писалъ ко мнѣ въ Римъ письмо за письмомъ и звалъ *домой*, въ Парижъ, въ единую и нераздѣльную республику.

Возвращаясь изъ Италіи, я засталъ Сазонова озабоченнымъ. Бакунина не было: онъ уже уѣхалъ *поднимать* западныхъ славянъ.

— Неужели,—сказалъ мнѣ Сазоновъ при первомъ свиданіи,— ты не видишь, что наше *время* пришло?

— То-есть какъ?

— Русское правительство въ *impass'ѣ* ¹⁾.

— Что же случилось, не провозглашена ли республика въ Петропавловской крѣпости?

— Entendons nous ²⁾. Я не думаю, чтобъ у насъ завтра было 24-ое февраля, нѣтъ, но общественное мнѣніе, но наплывъ либеральныхъ идей, разбитая на части Австрія, Пруссія съ конституціей заставятъ подумать людей, окружающихъ Зимній дворецъ. Меньше нельзя сдѣлать, какъ *октроировать* какую-нибудь конституцію, или *simulacre de charte* ³⁾, ну, и при этомъ,—прибавилъ онъ съ нѣкоторой торжественностью,—при этомъ необходимо либеральное, образованное, умѣющее говорить современнымъ языкомъ министерство. Думалъ ли ты объ этомъ?

— Нѣтъ.

— Чудакъ, гдѣ же они возьмутъ образованныхъ министровъ?

— Какъ не найти, если-бъ было нужно; но мнѣ кажется, они ихъ искать не будутъ.

— Теперь этотъ скептицизмъ неумѣстенъ, *исторія* совер-

¹⁾ Въ тупикѣ.

²⁾ Постараемся понять другъ друга.

³⁾ Какое-нибудь подобіе хартіи.

шается, и притомъ очень быстро. Подумай,—правительство поневолѣ обратится *къ намъ*.

Я посмотрѣлъ на него, желая знать, что онъ, шутить или нѣтъ. У него лицо было серьезно, нѣсколько поднято въ цвѣтѣ и нервно отъ волненія.

— Такъ-таки просто *къ намъ*?

— Ну, то-есть *лично* ли къ намъ, или къ нашему кругу, все равно. Да ты подумай еще разъ, къ кому же они сунутся?

— Ты какой берешь портфель?

— Напрасно смѣешься. Это наше несчастье, что мы не умѣемъ ни пользоваться обстоятельствами, ni se faire valoir ¹⁾; ты все думаешь о статейкахъ; статейки—хорошее дѣло, но теперь другое время, и одинъ день во власти важнѣе цѣлаго тома.

Сазоновъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на мою *непрактичность* и, наконецъ, нашелъ людей меньше скептическихъ, увѣровавшихъ въ близкое пришествіе его министерства. Въ концѣ 1848 г. два-три нѣмца-рефужье очень постоянно посѣщали небольшіе вечера, устроенные Сазоновымъ у себя. Въ ихъ числѣ былъ австрійскій лейтенантъ, отличившійся, какъ начальникъ штаба, при Месенгаузерѣ ²⁾. Разъ, выходя часа въ два ночи по проливному дождю и вспомнивъ, что отъ Rue Blanche до Quartier Latin не то, чтобы было черезчуръ близко, офицеръ ропталъ на свою судьбу.

— Какая же вамъ неволя была въ такую погоду тащиться такую даль?

— Конечно, не неволя, да знаете, Herr von Sessanoff сердится, когда не приходишь, а мнѣ кажется, что съ нимъ надобно намъ поддерживать хорошія отношенія. Вы лучше меня знаете, что онъ съ своимъ талантомъ и умомъ... съ тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ своей партіи, что онъ далеко пойдетъ при предстоящемъ переворотѣ въ Россіи...

— Ну, Сазоновъ,—сказалъ я ему на другой день,—Архимедову точку ты нашелъ: есть человѣкъ, который вѣритъ въ твоей будущей портфель, и этотъ человѣкъ—лейтенантъ такой-то.

Время шло, переворота въ Россіи не было и пословъ за нами никто не присылалъ. Прошли и грозные июньскіе дни; Сазоновъ принялся за «передовую статью»—не журнала, а *эпохи*. Долго работалъ онъ за ней, читалъ небольшіе отрывки, поправлялъ, мѣнялъ и едва окончилъ къ зимѣ. Ему казалось необходимымъ «объяснить послѣднюю революцію Россіи». «Не ждите,—говорилъ

¹⁾ Ни заставить цѣнить себя.

²⁾ Венцель; въ 1848 г. главнокомандующій вѣнской націон. гвардіей.

онъ въ началѣ,—чтобъ я вамъ сталъ описывать событія,—другіе это сдѣлають лучше меня. Я вамъ передамъ мысль, идею совершившагося переворота». Простого труда ему было мало: сведенный на перо, онъ всякій разъ, когда бралъ его, хотѣлъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, громовое,—«Письмо» Чаадаева постоянно носилось въ его умѣ. Статья поѣхала въ Петербургъ, была прочтена въ дружескихъ кругахъ и не сдѣлала никакого впечатлѣнія.

Еще лѣтомъ 1848 завелъ Сазоновъ международный клубъ. Туда онъ привелъ всѣхъ своихъ Тардифовъ, нѣмцевъ и мессіанистовъ. Съ сіяющимъ лицомъ ходилъ онъ въ синемъ фракѣ по пустой залѣ. Онъ открылъ международный клубъ рѣчью, обращенной къ пяти-шести слушателямъ, въ числѣ которыхъ былъ я ¹⁾ въ роли публики, остальная кучка была на платформѣ въ качествѣ бюро. Вслѣдъ за Сазоновымъ предсталъ растрепанный, съ видомъ заспаннаго человѣка, Тардифъ-де-Мело, и грянулъ стихотвореніе въ честь клуба.

Сазоновъ поморщился, но остановить поэта было поздно.

Worcel, Sassonoff, Olinski, Del Balzo, Leonard
Et vous tous... ²⁾

кричалъ съ какимъ-то восторженнымъ остервенѣніемъ Тардифъ-де-Мело, не замѣчая смѣха.

На другой или третій день Сазоновъ мнѣ прислалъ экземпляровъ *тысячу* программы открытія клуба,—тѣмъ клубъ и кончился. Только впоследствии мы услышали, что одинъ изъ представителей челоѣчества,—и именно представлявшій на этомъ конгрессѣ Испанію и говорившій рѣчь, въ которой называлъ исполнительную власть *potence ehécoutive* ³⁾, воображая, что это по-французски,—чуть не попалъ въ Англію на настоящую висѣлицу и былъ приговоренъ къ каторжной работѣ за поддѣлку какого-то акта. ⁴⁶

За неудавшимся министерствомъ и лопнувшимъ клубомъ слѣдовали больше скромныя, но и гораздо больше возможныя попытки сдѣлаться журналистомъ. Когда устроилась «La Tribune des Peuples», подъ главнымъ завѣдываніемъ Мицкевича, Сазоновъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ редакціи, написалъ двѣ-три очень хорошія статьи и замолкъ; а передъ паденіемъ «Трибуны», т.-е. передъ 13 іюня 1849, былъ уже со всѣми въ ссорѣ. Все ему казалось

¹⁾ Я былъ тогда, какъ выражаются поляки, «паспортный» и не отрѣзалъ еще путей возвращенія въ Россію. А. И. Г.

²⁾ Ворцель, Сазоновъ, Гольинскій, Дель Бальцо, Леноардъ и всѣ вы...

³⁾ Potence—висѣлица, ehécoutive вмѣсто eхécutive—исполнительная; исполнительная власть по-французски: puissance eхécutive.

мало, бѣдно, il se sentait dérogé ¹⁾), досадовалъ за это, ничего не оканчивалъ, запуская начатое и бросая вполонину сдѣланное. ⁴⁷

Въ 1849 году я предложилъ Прудову передать иностранную часть редакціи «Voix du Peuple» Сазонову. Съ его знаніемъ четырехъ языковъ, литературы, политики, исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ, съ его знаніемъ партій, онъ могъ изъ этой части журнала сдѣлать чудо для французовъ. Во внутренней распорядокъ иностранныхъ новостей Прудонъ не входилъ, она была въ моихъ рукахъ, но я изъ Женевы ничего не могъ сдѣлать. Сазоновъ черезъ мѣсяцъ передалъ редакцію Хоецкому и разстался съ журналомъ. «Я Прудона глубоко уважаю,—писалъ онъ мнѣ въ Женеву,—но двумъ такимъ личностямъ, какъ его и моя, нѣтъ мѣста въ одномъ журналѣ». ⁴⁸

Черезъ годъ ²⁾ Сазоновъ пристроился къ воскрешенной тогда маццинистами «Реформѣ». Главной редакціей завѣдывалъ Ламеннэ. И тутъ не было мѣста двумъ великимъ людямъ: Сазоновъ поработалъ мѣсяца три и бросилъ «Реформу». Съ Прудономъ онъ, по счастью, разстался мирно, съ Ламеннэ—въ ссорѣ. Сазоновъ обвинялъ скупого старика въ корыстномъ употребленіи редакціонныхъ денегъ. Ламеннэ, вспомнивъ привычки клерикальной юности своей, прибѣгнулъ къ ultima ratio ³⁾ на Западѣ и пустилъ насчетъ Сазонова вопросъ: «Не агентъ ли онъ русскаго правительства?»

Въ послѣдній разъ я Сазонова видѣлъ въ Швейцаріи въ 1851. Онъ былъ высланъ изъ Франціи и жилъ въ Женевѣ. Это было самое сѣрое, подавляющее время, грубая реакція торжествовала вездѣ. Поколебалась вѣра Сазонова во Францію и въ близкую перемѣну министерства въ Петербургѣ. Праздная жизнь ему надоѣла, мучила его, работа не спорилась, онъ хватался за все безъ выдержки, сердился и пилъ. Къ тому же жизнь мелкихъ тревогъ, вѣчной войны съ кредиторами, добываніе денегъ, талантъ ихъ бросать и неумѣнье распорядиться вносили много раздраженія и печальной прозы въ ежедневное существованіе Сазонова; онъ и кутилъ уже невесело, по привычкѣ, а кутить онъ нѣкогда былъ мастеръ.

Кстати нѣсколько словъ о его домашней жизни и именно кстати потому, что она-то и сбивалась всего больше на кутежъ и не была лишена колорита.

Въ первые годы своей парижской жизни Сазоновъ встрѣтился

¹⁾ Онъ чувствовалъ себя униженнымъ.

²⁾ Описка—мѣсяцъ. Описка совершенно ясна—Герценъ, конечно, хорошо зналъ, что именно въ концѣ ноября Сазоновъ вступилъ въ «La Réforme».

³⁾ Послѣдній доводъ.

съ одной богатой вдовой ¹⁾, съ нею онъ еще больше втянулся въ пышную жизнь. Она уѣхала въ Россію, оставивъ ему на воспитаніе ихъ дочь и большія деньги. Вдова не успѣла доѣхать до Петрополя, какъ уже ее замѣнила дебелая итальянка, съ голосомъ, передъ которымъ еще разъ пали бы стѣны іерихонскія.

Года черезъ два-три вдова вздумала совершенно неожиданно посѣтить друга и дочь. Итальянка поразила ее.

— Это что за особа?—спросила она, оглядывая ее съ головы до ногъ.

— Нянька при Лили, и очень хорошая.

— Ну, какъ она научить ее говорить по-французски съ такимъ акцентомъ?.. Это—бѣда. Я лучше сыщу парижанку, а ты эту отпусти.

— Mais, ma chère...

— Mais, mon cher...—и вдова взяла дочь.

Это былъ не только чувствительный, но и финансовый кризисъ. Сазоновъ былъ далеко не бѣденъ. Сестры посылали ему тысячь двадцать франковъ въ годъ дохода съ его имѣнія. Но, тратя безумно, онъ и теперь не думалъ уменьшать свой train ²⁾, а бросился на займы. Занималъ онъ направо и налево, бралъ у сестеръ изъ Россіи, что могъ, бралъ у друзей и враговъ, бралъ у ростовщиковъ, у дураковъ, у русскихъ и не-русскихъ... Долго держался онъ и лавировалъ такимъ образомъ, но, наконецъ, все-таки, оборвался и попалъ въ Клиши ³⁾, какъ я уже упомянулъ.

Въ продолженіе этого времени старшая сестра его ⁴⁾ овдовѣла. Услышавъ, что онъ въ тюрьмѣ, обѣ сестры поѣхали его выручать. Какъ всегда бываетъ, онъ ничего не знали о житьѣ-бытьѣ Николиньки. Обѣ сестры были безъ ума отъ него, считали его за гения и ждали съ нетерпѣніемъ, когда онъ явится во всей силѣ и славѣ.

Ихъ встрѣтили разныя разочарованія; они ихъ тѣмъ больше удивили, чѣмъ меньше онѣ ожидали. На другой день утромъ, онѣ, взявши съ собой графа Хоткевича, пріятеля Сазонова, поѣхали его выкупать сюрпризомъ. Хоткевичъ оставилъ ихъ въ каретѣ и ушелъ, обѣщавши черезъ минуту явиться съ брагомъ. Часъ шель за часомъ, Николинька не являлся... Вѣрно, такія длинныя формальности, думали дамы, скучая въ фіакрѣ... Прибѣжалъ, наконецъ, Хоткевичъ одинъ, съ краснымъ лицомъ и сильнымъ виннымъ запахомъ.

¹⁾ Петрова.

²⁾ Образъ жизни.

³⁾ Clichy—тюрьма въ Парижѣ, служившая до 1867 мѣстомъ заключенія несостоятельныхъ должниковъ.

⁴⁾ Марія Ивановна Полуденская; мужъ ея † въ февралѣ 1845 г.

Онъ возвѣстилъ, что Сазоновъ сейчасъ будетъ, что онъ на прощанье съ товарищами угощаетъ ихъ виномъ и закусываетъ съ ними, что это ужъ такъ заведено. Кольнуло это немножко нѣжное сердце путешественницъ... но... но вотъ и толстый, потный, плотный Николинька бросился въ ихъ объятія,—и онѣ отправились, довольныя и счастливыя, дремой. ⁴⁹

Онѣ слышали что-то... объ какой-то итальянкѣ... Пламенная дочь Италиі, не устоявшая передъ сѣвернымъ гениемъ, и гиперборей, плѣненный южнымъ голосомъ, огнемъ очей... Онѣ, краснѣя и стыдясь, изъявили робкое желаніе съ ней познакомиться. Онъ согласился на все и отправился домой. Дня черезъ два сестры вздумали сдѣлать второй сюрпризъ брату, который еще меньше удался перваго.

Часовъ въ 11 утра, въ жаркій день, отправились сестры взглянуть на Франческу да Римини ¹⁾ и ея житье-бытье съ Николинькой. Меньшая сестра отворила дверь и остановилась... Въ небольшой гостиной, покрытой коврами, сидѣлъ на полу, въ глубокомъ неглиже Сазоновъ и съ нимъ—толстая signora P., едва прикрытая легкой блузой. Signora хохотала во всю мочь итальянскихъ легкихъ... разсказу Николиньки. Возлѣ нихъ стояло ведро со льдомъ, и въ немъ, склоняясь на бокъ,—бутылка шампанскаго.

Что было дальше и какъ, я не знаю, но эффектъ былъ сильный и продолжительный. Меньшая сестра пріѣзжала ко мнѣ совѣщаться объ этомъ событіи, о которомъ она говорила со спазмами и слезами. Я ее утѣшалъ тѣмъ, что первые дни послѣ Клиши не составляютъ норму.

За всѣмъ этимъ слѣдовала проза переѣзда на меньшую квартиру... Камердинеръ, который мастерски подавалъ галстукъ изъ непрободаемой шелковой матеріи, въ которую изловчился вонзять булавку съ жемчужиной, былъ отпущенъ, да и сама булавка вслѣдъ за нимъ явилась въ окнѣ какого-то магазина.

Такъ прошло еще лѣтъ пять. Сазоновъ возвратился въ Парижъ изъ Швейцаріи, потомъ опять уѣхалъ изъ Парижа въ Швейцарію. Чтобъ отдѣлаться отъ дебелой итальянки, онъ изобрѣлъ самое оригинальное средство: онъ женился на ней, потомъ разстался.

Между нами пробѣжала кошка: онъ неоткровенно поступилъ со мной въ одномъ дѣлѣ, очень дорогомъ мнѣ. Я не могъ перешагнуть черезъ это ²⁾.

¹⁾ Героиня эпизода изъ Дантова «Ада»; увлеклась братомъ мужа, красавцемъ Паоло, и вмѣстѣ съ возлюбленнымъ была убита оскорбленнымъ ревнивцемъ.

²⁾ См. т. VII.

Между тѣмъ, началась новая эпоха для Россіи; Сазоновъ рвался принять участіе въ ней, писалъ статьи неудававшіяся, хотѣлъ возвратиться и не возвращался ¹⁾ и оставилъ, наконецъ, Парижъ. Долго объ немъ не было ничего слышно.

...Вдругъ какой-то русскій, пріѣхавшій недавно изъ Швейцаріи въ Лондонъ, сказалъ мнѣ:

— Наканунѣ моего отъѣзда изъ Женевы хоронили стараго знакомаго вашего.

— Кого это?

— Сазонова, и представьте: ни одного русскаго не было на похоронахъ.

И стукнуло сердце—будто раскаянемъ, что я его такъ надолго оставилъ... ⁶¹

(Писано въ 1863).

¹⁾ Его статья «Мѣсто Россіи на всемірной выставкѣ» напечатана во II кн. «Полярной Звѣзды», А. И. Г. ⁶⁰

II.

ЭНГЕЛЬСОНЫ.

Они оба умерли; онъ не старше тридцати пяти лѣтъ, она моложе его.

*Онъ умеръ лѣтъ около десяти тому назадъ въ Джерси ¹⁾); за его гробомъ шла вдова, ребенокъ и коренастый, растрепанный старикъ съ крупными, рѣзкими, запущенными чертами; въ его лицѣ были зря перемѣшаны гений и безуміе, фанатизмъ и иронія, озлобленіе ветхозавѣтнаго пророка и якобинца 1793 г. Старикъ этотъ былъ *Пьеръ Леру*.*

Она умерла въ началѣ 1865 года въ Испаніи. О ея смерти я узналъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

*Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ мнѣ близокъ, былъ мнѣ дорогъ, онъ первый обтеръ глубокія раны, когда онѣ были свѣжи, онъ былъ моимъ братомъ, моей сестрой. *Она*, врядъ зная ли, что дѣлаетъ, отдала его отъ меня,—онъ сталъ моимъ врагомъ...*

Вѣсть о ея смерти опять вызвала ихъ въ памяти...

Я взялъ тетрадь, писанную мною объ нихъ въ 1859 году, и, вмѣсто псалтыря, прочелъ ее надъ покойниками.

Долго думалъ я, печатать ее или нѣтъ, и недавно рѣшилъ, что да. Намѣреніе мое чисто, рассказъ истиненъ. Не упрекъ хочу я бросить въ ихъ могилу, а вмѣстѣ съ читателемъ еще и еще разъ прослѣдить по новымъ субъектамъ всю сложную, болѣзненную, сломанность людей послѣдняго поколѣнія.

Château Boissière, 31 декабря 1865.

¹⁾ Принадлежащій Англіи о-въ въ Ламаншѣ.

I.

Въ концѣ 1850 года въ Ниццу пріѣхаль одинъ русскій съ женой. Мнѣ ихъ указали на прогулкѣ. Оба они принадлежали къ чающимъ движенію воды; онъ худой, блѣдный, чахоточный, рыже-вато-бѣлокурый; она—быстро увядающая красота, истомленная, полу-разрушенная, измученная.

Лѣкаръ, жившій у одной русской дамы, сказалъ мнѣ, что бѣлокурый господинъ—лицеистъ, что онъ читаетъ «*Vom andern Ufer*», что онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Петрашевскаго и по всему тому желаетъ со мной познакомиться. Я отвѣчалъ, что всегда радъ хорошему русскому, тѣмъ больше лицеисту да еще участвовавшему въ дѣлѣ, мало мнѣ извѣстномъ, но которое для меня было маслиной, принесенной голубемъ въ Ноевъ ковчегъ.

Прошло нѣсколько дней; я не видалъ ни лѣкаря, ни новаго русскаго. Вдругъ, какъ-то часу въ десятомъ вечера мнѣ подали карточку,—это былъ онъ. Мы сидѣли съ Карломъ Фогтомъ въ столовой; я велѣлъ гостя просить наверхъ въ гостиную и прежде другихъ пошелъ туда. Тамъ я засталъ его, блѣднаго, дрожащаго, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Онъ едва могъ сказать свою фамилію; успокоившись немного, онъ вскочилъ со стула, бросился ко мнѣ, расцѣлсвалъ меня, и, прежде чѣмъ я, въ свою очередь, успѣлъ прийти въ себя, онъ, со словами: «Такъ, наконецъ-то, я въ самомъ дѣлѣ вижу васъ!», поцѣловалъ мою руку.—«Что съ вами? Помилуйте!»—говорилъ я ему, но онъ уже плакалъ въ это время.

Я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ: что это—нервная распушенность или просто помѣшательство?

Извиняясь и осыпая меня комплиментами, онъ съ необыкновенной быстротой и сильной мимикой разсказалъ мнѣ, что я ему спасъ жизнь и именно вотъ какимъ образомъ. Пропадая съ тоски въ Петербургъ, исключенный изъ Лицея за какой-то вздоръ, гнушаясь службой, которую долженъ былъ принять ¹⁾, и не видя никакого выхода ни для себя лично, ни вообще, онъ рѣшилъ отравиться и, за нѣсколько часовъ до исполненія своего намѣренія, пошелъ бродить безъ опредѣленной цѣли по улицамъ, зашелъ къ

¹⁾ См. стр. 136—139 т. VII.

Излеру ¹⁾ и взялъ книжку «Отечественныхъ Записокъ». Въ ней была моя статья «По поводу одной драмы». Чтеніе мало-по-малу захватило его вниманіе, ему стало легче, ему стало стыдно, что онъ такъ подчиняется горю и отчаянію, когда общіе интересы растутъ со всѣхъ сторонъ и зовутъ все молодое, все имѣющее силы, и Энгельсонъ, вмѣсто яда, спросилъ полбутылки мадеры, еще разъ перечиталъ статью и съ тѣхъ поръ сдѣлался горячимъ поклонникомъ моимъ.

Онъ просидѣлъ до поздней ночи и ушелъ, прося позволенія скоро возвратиться. Сквозь его спутанную рѣчь, перерываемую отступленіями и эпизодами, можно было видѣть сильно устроенную голову, рѣзкую діалектическую способность и еще яснѣе—сломанность, бросавшую его изъ одной крайности въ другую: отъ негодованья, обиженного горемъ и удрученного печалью, до ироническаго гаерства, отъ слезъ до кривлянія.

Онъ оставилъ меня подъ страннымъ впечатлѣніемъ. Сначала я ему не довѣрялъ, потомъ уставалъ отъ него,—онъ какъ-то слишкомъ дѣйствовалъ на нервы, но мало-по-малу я привыкъ къ его странностямъ и былъ радъ оригинальному лицу, разрушавшему монотонную скуку, наводимую гуртовымъ большинствомъ западныхъ людей.

Энгельсонъ бездну читалъ и бездну учился, былъ лингвистъ, филологъ и вносилъ во все знакомый намъ скептицизмъ, который такъ много беретъ за боль, оставляемую имъ. Встарь объ немъ сказали бы, что онъ зачитался. Черезъ край возбужденная умственная дѣятельность была не по силамъ хилаго организма. Вино, которымъ онъ побѣждалъ усталъ и возбуждалъ себя, раздувало его фантазію и мысли въ длинныя и яркія пасмы огня, быстро сжигая его больное тѣло.

Безпорядокъ и вино, всегдашняя раздражительная дѣятельность ума, поразительная многосторонность и поразительная бесплодность, полнѣйшая праздность, крайность страстей и крайность апатіи, несмотря на большую разницу съ нашимъ прежнимъ московскимъ складомъ, живо напоминали мнѣ былое. Опять услышались звуки не только родного языка, но родной мысли. Онъ былъ свидѣтелемъ петербургскаго террора послѣ 1848 и зналъ литературные круги. Совершенно отрѣзанный тогда отъ Россіи, я съ жадностью слушалъ его рассказы.

Мы стали видаться часто, потомъ всякій вечеръ.

¹⁾ Иванъ Ивановичъ, петербургскій рестораторъ, содержатель «Минеральныхъ водъ».

Жена его тоже была странное существо. Ея лице, отъ природы прекрасное, было искажено невралгіями и какимъ-то тревожнымъ безпокойствомъ. Она была обрусѣлая норвеженка и говорила по-русски съ легкимъ акцентомъ, который ей шелъ. Вообще, она была молчаливѣе и скрытнѣе его. Домашняя жизнь ихъ шла не свѣтло; у нихъ было какъ-то нервно unheimlich ¹⁾, натянуто, чего-то недоставало въ ихъ жизни, что-то было лишнее въ ней, и это постоянно чувствовалось, какъ невидимое, грозное, электрическое въ воздухѣ.

Часто заставлялъ я ихъ въ большой комнатѣ, бывшей ихъ спальней и пріемной въ отелѣ, въ совершеннѣйшей простраціи: ее съ заплаканными глазами, обезсиленную въ одномъ углу; его, блѣднаго, какъ мертвецъ, съ бѣлыми губами, растеряннаго, молчащаго, въ другомъ... Такъ сидѣли они иногда часы цѣлые, дни цѣлые, и это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ синяго Средиземнаго моря, отъ померанцевыхъ роццъ, куда звало все—и яхонтовое небо, и яркое, шумное веселье южной жизни. Они, собственно, не ссорились, тутъ не было ни ревности, ни отдаленья, ни, вообще, уловимой причины... Онъ вдругъ вставалъ, подходилъ къ ней, становился на колѣни и, иногда съ рыданьемъ, повторялъ: «Сгубилъ я тебя, мое дитя, сгубилъ!». И она плакала и вѣрила, что онъ ее сгубилъ. «Когда же я, наконецъ, умру и оставлю ея на свободѣ?»—говорила она мнѣ.

Все это было для меня ново, и мнѣ ихъ было до того жаль, что хотѣлось съ ними плакать и дуще всего сказать имъ: «Да полноте, полноте, вы вовсе не такъ несчастны и не такъ дурны, вы оба славные люди, возьмете лодку и размыкаемъ горе по синему морю». Я это и дѣлалъ иногда, и мнѣ удавалось ихъ увозить отъ самихъ себя. Но за ночь пароксизмъ возвращался... Они какъ-то надразнили другъ друга и стояли въ такомъ раздражительномъ импассѣ, что пустѣйшее слово нарушало согласіе и снова вызывало какихъ-то фурій со дна ихъ сердца.

Иной разъ мнѣ казалось, что, непрерывно растравляя свои раны, они въ этой боли находятъ какое-то жгучее наслажденіе, что это взаимное разѣданье сдѣлалось имъ необходимо, какъ водка или пикули. Но, по несчастью, организмъ у обоихъ началъ явно уставать, они быстро неслись въ домъ умалишенныхъ или въ могилу.

Натура ея, вовсе не бездарная, но невыработанная и въ то же время испорченная, была гораздо сложнѣе и, въ нѣкоторомъ смыслѣ,

¹⁾ Жутко.

гораздо выносливѣе и сильнѣе его. Къ тому же въ ней не было ни тѣни единства, послѣдовательности, той несчастной послѣдовательности, которая у него оставалась въ самыхъ вопіющихъ крайностяхъ и въ самыхъ крутыхъ противорѣчяхъ. Въ ней рядомъ съ отчаяніемъ, съ желаніемъ умереть, съ привычкой ныть и изнывать была и жажда свѣтскихъ наслажденій и затаенное кокетство, любовь къ нарядамъ и роскоши, отвергаемая какъ-то преднамѣренно, на зло себѣ. Она всегда была одѣта къ лицу и со вкусомъ.

Ей хотѣлось быть женщиной свободной, по тогдашнимъ понятіямъ, и огромнымъ, оригинальнымъ психическимъ несчастіемъ, въ смыслѣ героинь Ж. Сандъ... Но ее, какъ гиря, стягивала прежняя, привычная, традиціональная жизнь совсѣмъ въ иную сферу.

То, что составляло поэзію Энгельсона и много выкупало его недостатковъ, то, что ему самому служило выходомъ, того она не понимала. Она не могла слѣдовать за его скачущей мыслью, за его быстрыми переходами отъ отчаянія къ остроумію и хохоту, отъ откровеннаго смѣха къ откровеннымъ слезамъ. Она отставала, теряла связь, терялась... Для нея были непонятны карикатурные профили печальныхъ мыслей его.

Когда Энгельсонъ, послѣ цѣлаго запаса каламбуровъ и шалостей, передразниваній, больше и больше монтируясь, дѣлалъ цѣлыя драматическія представленія, отъ которыхъ нельзя было не хохотать до упаду, она уходила съ озлобленіемъ изъ комнаты, ее оскорбляло «неприличное поведеніе его при постороннихъ». Онъ обыкновенно примѣчалъ это, и такъ какъ его нельзя было ничѣмъ остановить, когда онъ закусывалъ удила, то онъ вдвое дурачился и потомъ вальсировалъ къ ней и спрашивалъ ее съ горящими щеками и покрытый потомъ: «Ach mein lieber Gott, Alexandra Christianovna, war es denn nicht respektabel?» ¹⁾ Она плакала вдвое, онъ вдругъ мѣнялся, дѣлался мраченъ и moröse ²⁾, пилъ рюмку за рюмкой коньякъ и уходилъ домой или просто засыпалъ на диванѣ.

На другой день мнѣ приходилось мирить, улаживать... и онъ такъ отъ души цѣловалъ ея руки и такъ смѣшно просилъ отпущеніе грѣха, что она сама иногда не могла удержаться и смѣялась вмѣстѣ съ нами.

Надобно объяснить, въ чемъ состояли эти представленія, носившія столько печали бѣдной Александрѣ Христіановнѣ. Комическій талантъ Энгельсона былъ несомнѣненъ, огроменъ; до такой

¹⁾ Но, боже мой, Александра Христіановна, развѣ это не было прилично?

²⁾ Угрюмъ.

тъдкости никогда не доходилъ Левассоръ ¹⁾, развѣ—Грассо ²⁾ въ лучшихъ своихъ созданіяхъ да Горбуновъ ³⁾ въ нѣкоторыхъ разсказахъ. Къ тому же половина была импровизирована, онъ добавлялъ, измѣнялъ, придерживаясь одной рамы. Если-бъ онъ хотѣлъ развить въ себѣ эту способность и привести ее въ порядокъ, онъ, навѣрное, занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду *эдакхъ* комиковъ, но Энгельсонъ ничего не развилъ въ себѣ и ничего не привелъ въ порядокъ. Дикіе и полные силъ побѣги талантовъ росли и глохли въ неустоявшейся душѣ его и отъ домашнихъ тревогъ, отнимавшихъ половину времени, и отъ хватанья за все на свѣтѣ, отъ филологіи и химіи до политической экономіи и философіи. Въ этомъ смыслѣ Энгельсонъ былъ чисто русскій человѣкъ, несмотря на то, что отецъ его былъ финляндскаго происхожденія. ⁵²

Представлялъ онъ все на свѣтѣ: чиновниковъ и барынь, поповъ и квартальныхъ, но лучшія его представленія относились къ Николаю, котораго онъ глубоко, задушевно, дѣятельно ненавидѣлъ. Онъ бралъ стулъ à la Napoléon, садился на него верхомъ и сурово подбѣзжалъ къ выстроенному корпусу... Кругомъ трясутся эполеты, шлемы, каски... Это Николай на смотру; онъ сердится и, поворачивая лошадь, говоритъ корпусному командиру: «Скверно». Корпусный съ благоговѣніемъ выслушиваетъ, глядитъ вслѣдъ Николаю и потомъ, понижая голосъ и задыхаясь отъ бѣшенства, шепчетъ дивизионному генералу: «Вы, ваше превосходительство, кажется, заняты чѣмъ-то другимъ, а не службой; что за подлая дивизія! что за полковые командиры!! я имъ покажу!!!».

Дивизионный генераль краснѣетъ, краснѣетъ и бросается на перваго попавшагося полковника... Такъ отъ одного чина до другого, съ неуловимо-вѣрными нюансами императорское «скверно» доходитъ до вахмистра, котораго эскадронный командиръ ругаетъ по-площадному и который, ничего не говоря, эфесомъ сабли тычетъ изо всей силы въ бокъ фланговаго солдата, ничего не сдѣлавшаго.

Энгельсонъ представлялъ съ поразительной вѣрностью не только характеристику каждаго чина, но всѣ движенія всадника, дергающаго отъ бѣшенства свою лошадь и сердящагося на нее за то, что она не смирно стоитъ.

Другое представленіе было болѣе мирнаго рода. Императоръ

¹⁾ Пьеръ, знаменитый франц. комическій актеръ и разсказчикъ.

²⁾ Поль-Луи, замѣчательный франц. комическій актеръ и авторъ комическихъ сценъ.

³⁾ Иванъ Федоровичъ, извѣстный актеръ и авторъ сценъ изъ народного быта.

Николай танцуетъ французскую кадрили. Vis-à-vis съ нимъ иностранный дипломатъ, по одну сторону фронтовикъ-генералъ, по другую—сановникъ изъ штатскихъ. Это былъ своего рода оконченный chef d'oeuvre. Для представленія Энгельсонъ бралъ когнмибудь изъ насъ за даму. Цвѣтъ всего былъ Николай, *самодержавно царствующій* кадрили: сознательная твердость каждаго шага, доблесть каждаго движенія, притомъ пронзающій и милосердный взглядъ на даму, который тотчасъ превращается въ приказъ генералу и въ совѣтъ не забываться сановнику. Передать это словами невозможно. Генералъ, который, вытянувшись и немножко скругля локти, съ натянутымъ вниманьемъ идетъ по темпамъ на приступъ фигуры, подъ строгимъ наблюденіемъ государя императора, и растерянный сановникъ съ подкашивающимися отъ страха ногами, съ улыбкой и почти со слезою на глазахъ,—все это было представлено такъ, что человѣкъ, никогда не видавшій Николая, могъ совершенно основательно узнать, въ чемъ состояла пытка царской кадрили и опасность высочайшаго vis-à-vis. Я забылъ сказать, что дипломатъ одинъ танцевалъ съ изученной небрежностью и съ *большимъ fini* ¹⁾, скрывая то недовкое чувство безпокойства, которое ощущаетъ самый храбрый человѣкъ съ зажженной сигарой возлѣ бочки съ порохомъ.

Но изъ того, что это ломанье и кривлянье Энгельсона возмущало его жену, не слѣдуетъ, чтобъ въ ней самой было больше спѣлости и гармоніи; совсѣмъ напротивъ, у нея въ головѣ былъ дѣйствительный беспорядокъ, разрушавшій всякій строй, всякую послѣдовательность и дѣлавшій ее неуправимой. Я на ней на первой изучилъ, какъ мало можно взять логикой въ спорѣ съ женщиной, особенно когда споръ въ практическихъ сферахъ. Въ Энгельсонѣ неустройство напоминало беспорядокъ послѣ пожара, послѣ похоронъ, пожалуй, послѣ преступленія, а въ ней—неприбранную комнату, въ которой все разбросано зря: дѣтскія куклы, вѣнчальное платье, молитвенникъ, романъ Ж. Сандъ, туфли, цвѣты, тарелки. Въ ея полусознанныхъ мысляхъ и полуподорванныхъ вѣрованіяхъ, въ притязаніяхъ на невозможную свободу и въ зависимости отъ привычныхъ вѣшнихъ цѣпей было что-то восьмилѣтнее, восемнадцатилѣтнее, восьмидесятилѣтнее. Много разъ говорилъ я это ей самой. И, странное дѣло, даже лицо ея преждевременно завяло, казалось старымъ отъ отсутствія части зубовъ и въ то же время сохраняло какое-то ребяческое выраженіе.

Во внутреннемъ хаосѣ ея былъ кругомъ виноватъ Энгельсонъ.

¹⁾ Законченностью.

Его жена была избалованнымъ ребенкомъ своей матери, которая не чаяла въ ней души; за нее посватался, когда ей было лѣтъ восемнадцать, пожилой, флегматическій чиновникъ изъ шведовъ. Въ минуту досады и ребяческаго каприза на мать, она согласилась выйти за него. Ей хотѣлось сѣсть хозяйкой и быть своей госпожей.

Когда медовый мѣсяцъ воли, визитовъ, нарядовъ прошелъ, новобрачной стало невыносимо скучно; мужъ, несмотря на то, что тщательно сохранялъ респектабельность, возилъ ее въ театръ и дѣлалъ чайныя вечера, ей опротивѣлъ; она побилась съ нимъ года три-четыре, устала и уѣхала къ матери. Они развелись. Мать умерла, и она осталась одна, съ здоровьемъ, преждевременно разрушеннымъ въ борьбѣ съ нелѣпымъ бракомъ, съ пустотой, съ голодомъ въ сердцѣ, съ празднымъ умомъ, страдающая, печальная.

Въ это время Энгельсонъ былъ исключенъ изъ Лицея. Нервный, раздражительный, съ страстной потребностью любви, съ болѣзненнымъ недоверіемъ къ себѣ, снѣдаемый самолюбіемъ... Онъ познакомился съ ней еще при жизни матери и сблизился послѣ ея смерти. Мудрено было бы, если-бъ онъ не влюбился въ нее. Надолго ли, или нѣтъ, но онъ долженъ былъ полюбить ее сильно. Къ этому вело все... и то, что она была женщина безъ мужа, вдова и не вдова, невѣста и не невѣста, и то, что она томилась чѣмъ-то, была влюблена въ другого и мучилась своей любовью. Этотъ другой былъ энергическій молодой человекъ, офицеръ и литераторъ, но отчаянный игрокъ. Они поссорились за эту неистовую страсть къ игрѣ,—онъ въ послѣдствіи застрѣлился.

Энгельсонъ не отходилъ отъ нея, онъ утѣшалъ ее, смѣшилъ, занималъ. Это была первая и послѣдняя любовь его. Ей хотѣлось учиться или, лучше, знать, не учась; онъ взялся быть ея менторомъ,—она просила книгъ.

Первою книгою, которую Энгельсонъ ей далъ, была «Das Wesen des Christentums» ¹⁾ Фейербаха. Себя онъ сдѣлалъ комментаторомъ и ежедневно изъ-подъ ногъ своей Элоизы, не умѣвшей ступить на землю отъ китайскихъ башмаковъ стараго христіанскаго воспитанія, выдергивалъ скамейку, на которой она кой-какъ могла не потерять равновѣсія...

Освобожденіе отъ традиціонной морали, сказалъ Гете, никогда не ведетъ къ добру *безъ укрѣпившейся мысли*; дѣйствительно, *одишь разумъ* достоинъ смѣнять *религію дома*.

Энгельсонъ попробовалъ женщину, спавшую непробуднымъ

¹⁾ Сущность христіанства.

сномъ нравственной безпечности, убаюканную традиціями и грезившую все, что грезить слегка христіанская, слегка романтическая, слегка моральная, патріархальная душа, воспитать сразу, по методѣ англійскихъ нянекъ, которыя кричащему отъ боли въ животѣ ребенку наливаютъ въ ротъ рюмку водки. Въ ея незрѣлыя дѣтскія понятія онъ бросилъ разъѣдающій ферментъ, съ которымъ мужчины рѣдко умѣютъ справиться, съ которымъ онъ самъ *не справился*, а только понялъ его.

Ошеломленная ниспроверженіемъ всѣхъ нравственныхъ понятій, всѣхъ религіозныхъ вѣрованій и находя у самого Энгельсона одно сомнѣніе, одно отрицаніе прежняго и одну иронію, она потеряла послѣдній компасъ, послѣдній руль и пошла, какъ пущенная въ море лодка безъ кормила, вертятся и блуждая. Балансъ, выработанный самой жизнью, держашійся, какъ въ маятникѣ противоположными пластинками, нелѣпостями, исключаящими другъ друга и держащими на этомъ,—былъ нарушенъ.

Она бросилась на чтеніе съ яростью, понимала, не понимая и примѣшивая къ философіи нянюшекъ философію Гегеля, къ экономическимъ понятіямъ чопорнаго хозяйства—сентиментальный социализмъ. При всемъ этомъ здоровье шло хуже; скука, тоска не проходили; она чахла, томила, смертельно хотѣла ѣхать за границу и боялась какихъ-то преслѣдованій и враговъ.

Послѣ долгой борьбы, собравши всѣ силы, Энгельсонъ сказалъ ей: «Вы хотите путешествовать, какъ вы доѣдете однѣ?... Вамъ надѣлаютъ бездну неприятностей, вы потеряетесь безъ друга, безъ защитника, который имѣлъ бы право васъ защищать. Вы знаете, что за васъ я отдамъ мою жизнь... Отдайте мнѣ вашу руку,—я васъ буду беречь, покоить, сторожить... я буду ваша мать, вашъ отецъ, ваша нянька и мужъ только передъ закономъ. Я буду съ вами—близко васъ...»

Такъ говорилъ человѣкъ моложе тридцати лѣтъ, страстно любившій. Она была тронута и приняла его мужемъ безусловно. Черезъ нѣкоторое время они уѣхали въ чужіе края.

Таково было прошедшее моихъ новыхъ знакомыхъ. Когда Энгельсонъ все это рассказалъ мнѣ, когда онъ горько жаловался, что бракъ этотъ загубилъ ихъ обоихъ, и я самъ видѣлъ, какъ они изнывали въ какомъ-то нравственномъ угарѣ, который они преднамѣренно вздували, я убѣдился, что несчастье ихъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ мало знали другъ друга прежде, слишкомъ тѣсно придвинулись теперь, слишкомъ свели всю жизнь на личный лиризмъ, слишкомъ вѣрять, что они—мужъ и жена. Если-бы они могли развѣхаться, каждый вздохнулъ бы на свободѣ, усно-

коился бы, а, можетъ, и вновь расцвѣлъ бы. Время показало бы, въ самомъ ли дѣлѣ они такъ нужны другъ для друга; во всякомъ случаѣ, горячка была бы прервана безъ катастрофы. Я не скрывалъ моего мнѣнія отъ Энгельсона; онъ соглашался со мной, но все это былъ миражъ; въ сущности, у него не было силы ее оставить, у нея—броситься въ море... Они тайно *хотѣли* остаться при канунѣ этихъ рѣшеній, не приводя ихъ въ исполненіе.

Мнѣніе мое было слишкомъ просто и здорово, чтобъ быть вѣрными въ отношеніи къ такимъ сложно-патологическимъ субъектамъ и къ такимъ больнымъ нервамъ.

II.

Типъ, къ которому принадлежалъ Энгельсонъ, былъ тогда для меня довольно новъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ я видѣлъ только его зачатки. Онъ развился въ Петербургѣ подъ конецъ карьеры Бѣлинскаго и сложился послѣ меня до появленія Чернышевскаго. Это—типъ петрашевцевъ и ихъ друзей. Кругъ этотъ составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, болѣзненные и поломанные. Въ ихъ числѣ не было ни кричащихъ бездарностей, ни пишущихъ безграмотностей, это—явленія совсѣмъ другого времени, но въ нихъ было что-то испорчено, повреждено.

Петрашевцы ринулись горячо и смѣло на дѣятельность и удивили всю Россію «Словаремъ иностранныхъ словъ»¹⁾. Наслѣдники сильно возбужденной умственной дѣятельности сороковыхъ годовъ, они прямо изъ нѣмецкой философіи шли въ фалангу Фурье, въ послѣдователи Конта.

Окруженные дрянными и мелкими людьми, гордые вниманіемъ полиціи и сознаніемъ своего превосходства при самомъ выходѣ изъ школы, они слишкомъ дорого оцѣнили свой отрицательный подвигъ или, лучше, свой подвигъ въ возможности. Отсюда—безмѣрное самолюбіе; не то здоровое, молодое самолюбіе, идущее юношѣ, мечтающему о великой будущности, идущее мужу въ полной силѣ и въ полной дѣятельности, не то, которое въ былыя времена заставляло людей совершать чудеса отваги, выносить цѣпи и смерть

¹⁾ Изданный въ 1845 г. Буташевичемъ-Петрашевскимъ, скрывшимся подъ псевдонимомъ Н. Кирилова, при дѣятельномъ участіи Валеріана Майкова, замѣчательный «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка».

изъ желанія славы, но, напротивъ, самолюбіе болѣзненное, мѣшающее всякому дѣлу огромностью притязаній, раздражительное, обидчивое, самонадѣянное до дерзости и въ то же время неувѣренное въ себѣ.

Между ихъ *запросомъ* и оцѣнкой ближнихъ несоразмѣрность была велика. Общество не принимаетъ векселей на будущее и требуетъ готовую работу за свое наличное признаніе. Труда и поддержки у нихъ было мало, того и другого хватило только для поминанія, для усвоенія разработаннаго другими. Они хотѣли жатвы за намѣреніе сѣять и вѣнковъ—за то, что у нихъ закромъ были полны. «Обидное непризнаніе общества» ихъ мучило и доводило до несправедливости къ другимъ, до отчаянія и *Fratzenhaftigkeit* ¹⁾.

* На Энгельсонѣ я изучилъ разницу этого поколѣнія съ нашимъ. Впослѣдствіи я встрѣчалъ много людей не столько талантливыхъ, не столько развитыхъ, но съ тѣмъ же *видовымъ болѣзненнымъ надломомъ* по всѣмъ суставамъ.

Страшный грѣхъ лежитъ на николаевскомъ царствованіи въ этомъ нравственномъ умерщвленіи плода, въ этомъ душевредительствѣ дѣтей. Дивиться надобно, какъ здоровыя силы, сломавшись, все же, уцѣлѣли. Кто не знаетъ знаменитую инструкцію учителямъ кадетскихъ корпусовъ? Въ Лицеѣ было лучше, но ненависть Николая въ послѣднее время налегла и на него. Вся система казеннаго воспитанія состояла во внушеніи религій слѣпого повиновенія, ведущей къ власти, какъ къ своей наградѣ. Молодые чувства, лучистыя по натурѣ, были грубо оттѣсняемы внутрь, замѣняемы честолюбіемъ и ревнивымъ, завистливымъ соревнованіемъ. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее... вмѣстѣ съ жгучимъ самолюбіемъ прививалась какая-то обезкураженность, сознаніе безсилія, усталъ передъ работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя двадцати лѣтъ отроду. Они всѣ были заражены страстью самонаблюденія, самоислѣдованія, самообвиненія, они тщательно повѣряли свои психическія явленія и любили безконечныя исповѣди и рассказы о нервныхъ событіяхъ своей жизни. Мнѣ впослѣдствіи случалось часто имѣть на духу не только мужчинъ, но и женщинъ, принадлежавшихъ къ той же категоріи. Вглядываясь съ участіемъ въ ихъ покаянія, въ ихъ психическія себичеванія, доходившія до клеветы на себя, я, наконецъ, убѣдился потомъ, что все это — одна изъ формъ того же самолюбія. Стоило, вмѣсто возраженія и состраданія, согласиться съ кающимся, чтобъ увидѣть, какъ легко уязвляемы

¹⁾ Дурачество.

и какъ безпощадно мстительны эти Магдалины обоихъ половъ. Вы передъ ними, какъ христіанскій священникъ передъ сильными міра сего, имѣете только право торжественно отпускать грѣхи и молчать.

У этихъ нервныхъ людей, чрезвычайно обидчивыхъ, содрогавшихся, какъ мимоза, при всякомъ чуть неловкомъ прикосновеніи, была, съ своей стороны, непостижимая жесткость слова. Вообще, когда дѣло шло объ отместкѣ, выраженія не мѣрились,—страшный эстетическій недостатокъ, выражающій глубокое презрѣніе къ лицу и оскорбительную снисходительность къ себѣ. Необузданность эта идетъ у насъ изъ помѣщичьихъ домовъ, канцелярій и казармъ, но какъ же она уцѣлѣла, развилась у новаго поколѣнія, перескакивая черезъ наше? Это — психологическая задача.

Въ прежнихъ студентскихъ кружкахъ бранились громко, спорили запальчиво и грубо, но въ самой пущей брани *кой-что* оставалось внѣ битвы... Для нашихъ нервныхъ людей Энгельсоновскаго поколѣнія этого завѣтнаго мѣста не существовало, они не считали нужнымъ себя сдерживать, для пустой и мимолетной мести, для одержанія верха въ спорѣ не щадили ничего, и я часто съ ужасомъ и удивленіемъ видѣлъ, какъ они, начиная съ самого Энгельсона, бросали безъ малѣйшей жалости драгоценнѣйшія жемчужины въ ѣдкій растворъ и плакали потомъ. Съ переменной нервнаго тока начинаются раскаянія, вымаливаніе прощенья у поруганнаго кумира. Небезгнѣвные, они выливали нечистоты въ тотъ же сосудъ, изъ котораго пили.

Раскаянія ихъ бывали искренни, но не предупреждали повтореній. Какая-то пружина, умѣряющая дѣйствіе колесъ и направляющая ихъ, у нихъ сломана; колеса вертятся съ удесятенной быстротой, ничего не производя, но ломая машину; гармоническое сочетаніе нарушено, эстетическая мѣра потеряна, — съ ними жить нельзя, имъ самимъ съ этимъ жить нельзя.

Счастья для нихъ не существовало, они не умѣли его беречь. При малѣйшемъ поводѣ они давали безчеловѣчный отпоръ и обращались грубо со всѣмъ близкимъ. Ироніей они не меньше губили и портили въ жизни, чѣмъ нѣмцы приторной сентиментальностью. Странно,—люди эти жадно хотятъ быть любимыми, ищутъ наслажденія, и, когда подносятъ ко рту чашу, какой-то злой духъ толкаетъ ихъ подъ руку, вино льется наземь, и съ запальчивостью отброшенная чаша валяется въ грязи.

III.

Энгельсоны вскорѣ уѣхали въ Римъ и Неаполь; они хотѣли остаться тамъ мѣсяцевъ шесть и возвратились черезъ шесть недѣль. Ничего не выдавши, они таскали свою скуку по Италіи, мыкали свое горе въ Римѣ, грустили въ Неаполѣ и, наконецъ, рѣшились ѣхать обратно въ Ниццу, «къ вамъ на лѣченье»—писалъ онъ мнѣ изъ Генуи.

Мрачное расположеніе ихъ выросло во время ихъ отсутствія. Къ нервному разстройству прибавились размолвки, принимавшія все больше и больше озлобленный, желчевой характеръ. Энгельсонъ былъ виноватъ въ необузданности словъ, въ жесткихъ выраженіяхъ, но вызывала ихъ всегда она, вызывала преднамѣренно, съ затаенной колкостью и съ особеннымъ успѣхомъ въ самыя добродушныя минуты его; забыться онъ не могъ ни на минуту.

Молчать Энгельсонъ вовсе не умѣлъ, говорить со мною облегчало его, и потому онъ мнѣ рассказывалъ все, даже больше, чѣмъ нужно. Мнѣ было неловко, я чувствовалъ, что не могу быть съ ними такъ откровененъ, какъ они со мной. Ему говорить было легко, его на время успокаивала высказанная жалоба,—меня нѣтъ.

Разъ, сидя со мной въ небольшой тавернѣ, Энгельсонъ сказалъ, что онъ обезсилился въ ежедневной борьбѣ, что выхода изъ нея нѣтъ, что снова мысль о прекращеніи своего существованія ему представляется послѣднимъ спасеніемъ... При его нервной необузданности можно было ждать, что, если, наконецъ, ему попадется пистолетъ или склянка яда, то онъ когда-нибудь и попробуетъ то или другое...

Мнѣ было жаль его. И оба они были жалки. Она могла бы быть счастливой женщиной, будь она замужемъ за человѣкомъ свѣтлаго нрава, который умѣлъ бы ее тихо развивать, *весело веселиться* и, въ случаѣ нужды, дѣйствовать не только убѣжденіемъ, но и авторитетомъ,—авторитетомъ серьезнымъ, безъ ироніи. Есть несовершеннolѣтнія натуры, которыя не могутъ себя вести сами, такъ, какъ есть лимфатическія сложенія, которымъ необходимъ корсетъ, чтобъ позвоночный столбъ не гнулся.

Пока я думалъ объ этомъ, Энгельсонъ, продолжая свой рассказъ, самъ пришелъ къ тому же заключенію. «Женщина эта меня не любитъ,—говорилъ онъ,—да и не можетъ любить; то, что она понимаетъ во мнѣ и ищетъ, скверно, а что во мнѣ, есть хо-

рошаго—для нея китайская грамота; она испорчена буржуазностью, съ своимъ внѣшнимъ *respektabilität'*омъ ¹⁾, съ мелкимъ фамилизмомъ; мы замучимъ другъ друга, это для меня ясно».

Мнѣ казалось, что если мужчина можетъ такимъ образомъ говорить о близкой женщинѣ, то главная связь между ними разорвана, а потому я признался ему, что, давно съ глубокимъ участіемъ слѣдя за ихъ жизнью, часто задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ они живутъ вмѣстѣ?

— У вашей жены тоска по Петербургу, по братьямъ, по старой нянюшкѣ; отчего вы не устроите, чтобъ она ѣхала домой, а вы бы остались здѣсь?

— Тысячу разъ думалъ я объ этомъ, я только этого и хочу, но, во-первыхъ, ей не съ кѣмъ ѣхать, а во-вторыхъ, она въ Петербургѣ пропадаетъ съ тоски.

— Да, вѣдь, она и здѣсь пропадетъ съ тоски. Что не съ кѣмъ послать, это—воспоминанія нашихъ барскихъ затѣй; вы можете проводить вашу жену до парохода въ Штетинъ, а пароходъ самъ дорогу найдетъ. Если у васъ нѣтъ денегъ, я вамъ дамъ взаймы.

— Вы правы, и я это сдѣлаю непременно. Мнѣ больно, мнѣ жаль ее; все, что было во мнѣ любви, положилъ я на ея голову; я въ ней искалъ не только жены, но существо, которое я хотѣлъ развивать, воспитывать по своей фантази, я думалъ, что она будетъ моимъ ребенкомъ,—задача была не по силамъ; да и кто же зналъ, сколько противодѣйствій я найду, сколько упрямства?!—Онъ помолчалъ и потомъ добавилъ:—Сказать вамъ всю мою мысль? Ей надобно другого мужа... Если-бъ нашелся человекъ достойный ея, котораго бы она полюбила, я сдалъ бы ее съ рукъ на руки, и мы оба выздоровѣли бы... Это важнѣе Петербурга.

Я все это принималъ *au pied de la lettre* ²⁾. Что онъ былъ искрененъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; тутъ-то и лежитъ затвездка этихъ подвижныхъ, не владѣющихъ собой организацій; онѣ могутъ, какъ хорошіе актеры, выгратъ въ разныя роли и до того съ ними сродниться, что картонный кинжалъ имъ кажется настоящимъ, и они льютъ истинныя слезы о «Гекубѣ» ³⁾.

Мы тогда жили вмѣстѣ въ С.-Еленъ. Дня два спустя послѣ моего разговора съ Энгельсономъ, поздно вечеромъ вошла м-те Энгельсонъ въ гостиную, со свѣчей въ рукѣ и съ заплаканнымъ

¹⁾ Почтенностью.

²⁾ Буквально.

³⁾ Намекъ на восклицаніе Гамлета: «Что онъ Гекубѣ? что она ему?».

лицомъ, поставила свѣчу на стель и сказала, что желаетъ поговорить со мной. Мы сѣли... Послѣ небольшой и неясной прелюдии о судьбѣ, которая ее преслѣдуетъ, о несчастномъ характерѣ Энгельсона и ея самой, она объявила, что рѣшилась возвратиться въ Петербургъ и не знаетъ, какъ это сдѣлать. «Вы одни имѣете на него вліяніе; уговорите его меня *въ самомъ дѣлѣ* отпустить; я знаю, что онъ въ минуты досады на словахъ готовъ меня сейчасъ посадить въ почтовую карету, но все это *на словахъ*. Уговорите его, спасите насъ обоихъ и дайте слово первое время походить за нимъ, похолить его... ему будетъ тяжело, онъ больной, нервный чело-вѣкъ»,—и она, снова рыдая, покрыла лицо платкомъ.

Въ глубину горести ея я не вѣрнулъ, но очень хорошо понялъ, какого я далъ маху, говоря откровенно съ Энгельсономъ: для меня было ясно, что онъ передалъ ей нашъ разговоръ.

Выбора мнѣ не оставалось; я повторилъ свои слова, смягчивши ихъ въ формѣ. Она встала, поблагодарила меня и прибавила, что если она не побѣдетъ, то бросится въ море, что она вечеромъ сожгла многія бумаги и желаетъ мнѣ поручить какія-то другія въ запечатанномъ пакетѣ. Мнѣ стало ясно, что и онъ вовсе не такъ страстно хочетъ ѣхать, а хочетъ, по какому-то капризному баловству, тянуться и исходить грустью. Сверхъ того, я увидѣлъ, что если она колеблется безъ всякаго рѣшенія, то онъ и не колеблется, а вовсе не хочетъ, чтобъ она ѣхала. Она надъ нимъ имѣла большую власть, она знала это и, основываясь на ней, дозволяла ему бѣситься, покрывать пѣной удила, становиться на дыбы, зная, что бунтуя онъ, какъ хочешь,—дѣло пойдетъ *не по его волю, а по ея*.

Совѣта моего она мнѣ никогда не прощала, она боялась моего вліянія, хотя и имѣла явное доказательство моего безсилія.

Дней десять не было рѣчи объ отъѣздѣ. Потомъ пошли періодическія схватки. Въ недѣлю разъ или два она являлась съ заплаканными глазами, объявляла, что теперь все кончено, что завтра она будетъ собираться въ Петербургъ или на дно морское. Энгельсонъ выходилъ изъ своей комнаты съ зеленымъ лицомъ, съ судорожнымъ подергиваніемъ и дрожащими руками, онъ исчезалъ часовъ на десять и возвращался запыленный, усталый и сильно выпившій, носилъ визировать пассъ или брать пропускъ въ Геную; потомъ все утихало и приходило въ обыкновенное русло.

Наружно м-ме Энгельсонъ со мною совершенно примирилась, но съ этого времени у ней началось слагаться что-то въ родѣ ненависти ко мнѣ. Прежде она спорила со мной, сердилась, не скрывая... теперь она стала необыкновенно любезна. Она досадовала, что я

кое-что разглядѣлъ, что я не умилялся передъ ея трагической судьбой, не принималъ ее за несчастную жертву, а глядѣлъ на нее, какъ на капризную больную; что я не только не сдѣлался платоническимъ соплакальщикомъ ея, а сомнѣвался, не наслажденіе ли, вмѣсто горести, доставляютъ ей слезы, душераздирательныя сцены, объясненія въ нѣсколько часовъ и пр., и пр.

Время шло, и исподволь многое измѣнилось. Она съ быстротою, которая только встрѣчается у нервныхъ больныхъ, поздоровѣла, сдѣлалась веселѣе, стала еще внимательнѣе къ туалету, и хотя самые вздорные поводы снова приводили къ прежнимъ сценамъ между нею и Энгельсономъ, къ прощанью Сократа передъ цикутой и къ готовности итти по слѣдамъ Сафо въ пучину морскую ¹⁾, но въ суммѣ дѣла шли лучше. Вѣчно полулежащая отъ слабости, вѣчно утомленная женщина выпрямилась, какъ Сикстъ V, стала полнѣть, и до того, что разъ бѣдный Коля ²⁾, сидя за обѣдомъ и глядя на ея полную грудь, сказалъ, покачивая головой: «Sehr viel Milch!» ³⁾.

Видно было, что новый интересъ занялъ ея жизнь, что что-то разбудило ее отъ болѣзненной летаргіи. Съ тѣхъ поръ, какъ мы объяснились съ ней, она начала упорную игру, обдумывая всякій ходъ, не хуже игроковъ du café Régence ⁴⁾, и терпѣливо поправляя ошибки. Иногда она измѣняла себѣ, дѣлала промахи, увлеклась въ ту или другую сторону, но съ постоянствомъ возвращалась къ прежнему плану. Планъ этотъ шелъ уже дальше закрѣпленія въ свою власть Энгельсона, дальше отместки мнѣ; онъ состоялъ въ томъ, чтобъ завладѣть всѣми нами, всѣмъ домомъ и, пользуясь усиливающейся болѣзью Natalie, взять въ свои руки воспитаніе, всю жизнь, si поп, поп, т.-е. въ противномъ случаѣ разорвать, во что бы ни стало, мою связь съ Энгельсономъ.

Но прежде, чѣмъ она достигла послѣдняго результата, игра представляла много ходовъ очень трудныхъ, тяжелыхъ уступокъ, кошачей тактики и большого выжиданія; многое она сдѣлала, но не все. Безконечная болтовня Энгельсона мѣшала ей столько же, сколько мои раскрытые глаза.

На лучшее могла бы она употребить ту энергію, ту силу, ту настойчивость, которую она потратила на свой хитросплетенный

¹⁾ Согласно преданію; Сафо бросилось въ море съ Левкадской скалы, отвергнутая красавцемъ-юношей Фаономъ.

²⁾ Сынъ Герцена.

³⁾ Очень много молока!

⁴⁾ Café de la Régence, на улицѣ Saint-Honoré въ Парижѣ, традиціонное мѣсто свиданій шахматистовъ.

замысль... но личности и самолюбія пьянать и, вступая въ темную игру страстей, трудно остановиться и трудно что-нибудь разглядѣть.

Обыкновенно свѣтъ вносится въ комнату на шумъ уже совершившагося преступленія, т.-е. когда, съ одной стороны, несправимая бѣда, съ другой,—угрызение совѣсти.

IV.

О несчастіяхъ, обрушившихся на меня въ 1851 и 1852 годахъ, я говорю въ другомъ мѣстѣ. Энгельсонъ много облегченія внесъ въ мою печальную жизнь... Мы съ нимъ долго прожили бы возлѣ кладбищъ, но безпокойное самолюбіе его жены не пощадило и траура.

Нѣсколько недѣль послѣ похоронъ ¹⁾ Энгельсонъ, печальный, встревоженный, видимо нехотя и видимо не отъ себя, спросилъ меня, не думаю ли я поручить его женѣ воспитаніе моихъ дѣтей.

Я отвѣчалъ, что дѣти, кромѣ моего сына, поѣдутъ въ Парижъ съ Марьей Каспаровной, и что я откровенно ему признаюсь, что предложенія принять не могу.

Отвѣтъ мой огорчилъ его; огорчать его мнѣ было больно.

— Скажите мнѣ, положивши руку на сердце, считаете ли вы вашу жену способной воспитывать дѣтей?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ, въ свою очередь, Энгельсонъ,—но... но, можетъ, это—*planche de salut* ²⁾ для нея; она, все-таки, страдаетъ, какъ прежде, а тутъ ваше довѣріе, новый долгъ.

— Ну, а какъ опытъ не удастся?

— Вы правы, не будемъ говорить объ этомъ... а тяжело!

Энгельсонъ былъ, дѣйствительно, согласенъ со мной и замолчалъ. Но она не ожидала такого простого отвѣта; уступить на этомъ вопросѣ я не могъ, она не хотѣла и, внѣ себя отъ досады, тотчасъ рѣшилась увезти Энгельсона изъ Ниццы. Дня черезъ три онъ объявилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Геную.

— Что съ вами?—спросилъ я,—и *за что же* такъ скоро?

— Да что, вы видите сами: жена не ладитъ ни съ вами, ни съ вашими друзьями, я ужъ рѣшился... да оно, можетъ, и лучше.

И черезъ день они уѣхали.

¹⁾ Н. А—ны.

²⁾ Якорь спасенія. Буквально: доска спасенія.

А потомъ уѣхаль я изъ Ниццы. Въ Генуѣ, проѣздомъ, мы встрѣтились мирно. Окуженная нашими друзьями, въ числѣ которыхъ были Медичи, Пизакане, Козенць, Мордини, она казалась спокойнѣе и здоровѣе. Но, тѣмъ не меньше, она не могла пропустить ни одного случая, чтобъ не кольнуть меня самымъ злымъ образомъ. Я отходилъ, молчалъ,—это не помогало. Даже когда я уѣхаль въ Лугано, она продолжала свои отравленные *petits points* ¹⁾, и это въ рѣдкихъ припискахъ къ письмамъ мужа, какъ будто, съ его «визой».

Наконецъ, булавочные уколы въ такое время, когда я весь былъ задавленъ болью и горемъ, вывели меня изъ терпѣнія. Я ихъ ничѣмъ не заслужилъ, ничѣмъ не вызвалъ. На одну изъ злыхъ приписокъ, въ которой говорилось о томъ, какъ дорого еще Энгельсонъ поплатится за то, что беззавѣтно отдается друзьямъ, не зная, что они для него ничего не сдѣлаютъ, — я написалъ Энгельсону, что пора положить этому предѣлъ.

«Я не понимаю, — писалъ я, — за что ваша жена сердится на меня? Если за то, что я не отдалъ ей моихъ дѣтей, то врядъ ли она права». Я напомнилъ ему нашъ послѣдній разговоръ и прибавилъ: «Мы знаемъ, что Сатурнъ ѣлъ своихъ дѣтей, но чтобъ кто-нибудь *благодарилъ своихъ друзей за ихъ участіе* дѣтскимъ воспитаніемъ, это неслыханно».

Этой выходки она мнѣ не простила, но, что гораздо удивительнѣе, и онъ не простилъ, хотя сначала не показавъ вовсе вида... а попрекнулъ меня этими словами *черезъ юды*...

Я уѣхаль въ Лондонъ; Энгельсонъ поселился на зиму въ Женевѣ, потомъ перебрался въ Парижъ ²⁾.

V.

Пословицу: «кто на морѣ не бываль, тотъ Богу не молился», можно такъ передѣлать: женщина, у которой дѣтей не бывало, не знаетъ безкорыстной преданности, и это особенно относится къ замужнимъ женщинамъ; бездѣтность у нихъ развиваетъ почти всегда грубый эгоизмъ, разумѣется, если по дорогѣ не спасетъ какой-нибудь общій интересъ. Старая дѣва имѣетъ какія-то пось-

¹⁾ Маленькіе уколы.

²⁾ Къ этому времени относится рядъ очень замѣчательныхъ его писемъ, изъ которыхъ значительную часть я думаю когда-нибудь напечатать.

дѣвшія стремленія, смягчающія ее, она все еще ищетъ и все надѣется; но женщина безъ дѣтей и съ мужемъ въ гавани, она благополучно пріѣхала, сначала инстинктивно погрузила о томъ, что дѣтей нѣтъ, потомъ успокоилась и живетъ въ свое удовольствіе, а если и оно не удастся, въ *свое юре* или въ чье-нибудь неудовольствіе, въ чье-нибудь горе, хоть горничной. Рожденіе ребенка можетъ ее спасти. Ребенокъ пріучаетъ мать къ жертвѣ, къ подчиненію воли, къ страстной тратѣ времени *не на себя* и отучаетъ отъ всякой внѣшней награды, признанія, «спасибо». Мать съ ребенкомъ не считается, она ничего не требуетъ отъ него, кромѣ здоровья, аппетита, сна... и... и его улыбки. Ребенокъ, не выводя женщины изъ дому, превращаетъ ее въ гражданское лицо.

Совсѣмъ не то, когда бездѣтной женщинѣ въ домъ попадаетъ почему бы то ни было чужой ребенокъ, да еще по какой-нибудь необходимости. Она будетъ, пожалуй, наряжать его, играть съ нимъ, но когда ей *хочется*; она будетъ баловать его, но по-своему; во всѣхъ другихъ случаяхъ ребенокъ будетъ напрасно стучаться въ оконенное или ожирѣвшее сердце. Словомъ, ребенокъ можетъ навѣрное рассчитывать на всѣ льготы и ходенья, которыя дѣлаютъ шпицу, канарейкѣ, но не больше.

У одного изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ ¹⁾ была дочь, родившаяся отъ одной молодой вдовы. Въ видахъ *замужества* матери, ребенка хотѣли увезти и украли во время отсутствія отца. Послѣ долгихъ розысковъ дѣвочку нашли; но отецъ, изгнанный изъ Франціи, не могъ за ней пріѣхать въ Парижъ, да и къ тому же не имѣлъ денегъ. Не зная, куда дѣтъ ее, онъ попросилъ Энгельсона взять ее на первое время. Энгельсонъ согласился, но очень скоро раскаялся. Дѣвочка шалила и, вѣроятно, очень много, взявъ въ расчетъ ея неправильное воспитаніе; но, все же, она шалила, какъ пятилѣтній ребенокъ, и не съ гуманнымъ пониманьемъ Энгельсона можно были опрокинуться на дѣвочку за шалости. Да и бѣда была не въ томъ, что она шалила: *она мѣшала*, и пуше всего не ему, а ей, никогда ничего не дѣлавшей. Энгельсонъ съ какимъ-то ожесточеніемъ жаловался мнѣ письменно на ребенка!

Между прочимъ, насчетъ ея отца Энгельсонъ писалъ мнѣ: «Не странно ли, что Х., соглашавшійся когда-то съ вами, что жена моя *не способна воспитывать вашихъ дѣтей, поручивъ ей свою собственную дочь?*».

Энгельсонъ зналъ очень хорошо, что отецъ дѣвочки *не выбралъ* его жену воспитательницей, а былъ приведенъ матеріальной

¹⁾ Ш.-Э. Хоецкій.

нуждой въ необходимость прибѣгнуть къ ея помощи. Въ этомъ замѣчаніи было столько жесткаго, невеликодушнаго, что у меня перевернулось сердце. Я не могъ привыкнуть къ этому недостатку пощады, къ этой *смѣлости* языка, не останавливающагося ни передъ чѣмъ! Глубоко язвящіе намеки, которые могутъ въ минуту раздраженія прійти каждому въ голову, но которые губы наши отказываются высказать, говорятся людьми, къ которымъ принадлежалъ Энгельсонъ, съ легкостью и наслажденіемъ при малѣйшей размолвкѣ.

Давъ волю своему раздраженію, Энгельсонъ въ письмѣ своемъ, по дорогѣ, оборвалъ и Тесье, и другихъ пріятелей, даже самого Прудона, котораго очень уважалъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Энгельсона пришло изъ Парижа письмо Тесье; онъ дружески шутилъ о «гнѣвахъ и шалостяхъ» Энгельсона, не подозрѣвая, что онъ писалъ объ немъ. Мнѣ была противна роль какого-то отрицательнаго предательства, и я написалъ Энгельсону, что стыдно такъ бранить людей, съ которыми жизнь насъ свела, что, несмотря на ихъ недостатки, все же, они люди хорошіе, какъ онъ /самъ знаетъ. Въ заключеніе я говорилъ, что стыдно такъ преувеличивать всякое дѣло и ахать, и охать, и приходиться въ отчаяніе отъ шалостей пятилѣтняго ребенка.

Этого было довольно. Пламенный почитатель мой, другъ, цѣловавшій въ порывѣ энтузіазма мою руку, приходившій ко мнѣ дѣлать всякую печаль и предлагавшій мнѣ кровь свою и свою жизнь, не на словахъ, а *въ самомъ дѣлѣ*.. этотъ человѣкъ, связанный со мной своею исповѣдью и моими несчастіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ, гробомъ, за которымъ мы шли вмѣстѣ, — все забылъ. Его самолюбіе было затронуто... Ему надобно было отмстить, — онъ и отмстилъ. Черезъ *четыре дня* я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«2 февраля 1853.

«Слухи носятя, что вы рѣшились ѣхать сюда; здоровье Маріи Касп., кажется, возстанавливается (по крайней мѣрѣ, на прошедшей недѣлѣ она стала пободрѣе духомъ, встаетъ съ постели минутъ на пять, имѣетъ аппетитъ); о порученіи, данномъ вами мнѣ къ Т., имѣю только то сказать, что вещи, которая генераль¹⁾ просить его приготовить, не у Т., а оставлены имъ у Фоки²⁾ въ Женевѣ, что мадамъ Т. находитъ «*peu gracieux*»³⁾ ваше молчаніе противъ

¹⁾ Э. Гаугъ.

²⁾ Прозвище Фогта.

³⁾ Нелюбезнымъ.

нихъ и прибавляетъ, что переписка съ вами не могла бы причинить имъ неприятностей.

«Словомъ, до вашего прїѣзда я могъ бы и не писать вамъ, если-бъ мнѣ не пришло на умъ, что молчаніе часто можетъ быть принято на знакъ согласія. Я не хочу вводить или продержатъ васъ въ заблужденіи насчетъ меня: я не согласенъ съ тѣмъ, что сказано въ послѣднемъ вашемъ письмѣ ко мнѣ (отъ 28 янв.).

«Вотъ ваши слова: «Ну, скажите, стоило ли такъ расходиться—и биби—и младенецъ—и ужъ ай, ай, ай, и ужъ Боже мой. Ну, подумайте, достойно ли это васъ. И что новаго! Вы людей знали и видѣли. Я становлюсь съ каждымъ днемъ снисходительнѣе и дальше отъ людей».

«На это отвѣчаю, не вдаваясь нынѣшній разъ въ диссертацию о респектабельности вообще и даже не поздравляя васъ съ вашимъ довольствомъ самимъ собою, что, разумѣется, смѣшонъ человекъ, который, облѣпленный комарами или клопами, впадаетъ въ ярость и бѣшенство, но что еще смѣшнѣе тотъ, который, страдая отъ нападений такихъ насѣкомыхъ, усиливается придать себѣ видъ равнодушія стоическаго.

«Вы, можетъ быть, съ этимъ не согласны, потому что *вы ставите роль выше всего*. Не сердитесь! Погодите! дайте договорить. Въ первой главѣ вашего «*Vom andern Ufer*», въ русскомъ и нѣмецкомъ текстахъ, слѣдующія ваши слова: «Человекъ любитъ эффектъ, роль, особенно трагическую; страдать хорошо, благородно, предполагаетъ несчастіе; страданіе отвлекаетъ, утѣшаетъ.. да, да, утѣшаетъ».—Какъ я уже въ Ниццѣ вамъ говорилъ, я сначала принялъ, было, это ваше изреченіе за обмолвку, хотя и не хорошую. Тогда вы мнѣ возразили, что вы не помните этихъ словъ, что, должно быть, въ нѣмецкомъ текстѣ ваша мысль искажена переводчикомъ. Нѣтъ, переводъ вѣренъ: я сличилъ оба текста.

«Нисколько не относя исключительно къ вамъ эти слова, то есть не полагая, чтобъ вы о людяхъ, вообще, судили въ этомъ случаѣ по самому себѣ, я до сихъ поръ думалъ, что это ваше изреченіе, какъ большая часть *des Reflexions de La Rochefoucauld* ¹⁾, на которыя оно очень похоже, какъ мастерски однажды сдѣланная Бѣлинскимъ характеристика талантливыхъ людей нашего времени,—ипербола, шутка. И потому, когда я узналъ, что Эдм. въ Швейцаріи вознегодовалъ на генерала за его образъ дѣйствія въ вашемъ дѣлѣ, я принялъ это его негодованіе не за роль, а за чувство и написалъ вамъ: «Да, я вижу, Эдм. — мнѣ братъ». — Когда Т. (при

¹⁾ «Размысленій» Ларошфуко.

свидѣтель) объявлялъ, что онъ осужденъ «на вѣчность + два года», я также повѣрилъ этому и даже пересказалъ это нѣкоторымъ людямъ. Вчера мнѣ г-жа Т. сказала, что ея мужъ никогда не былъ осужденъ. Ergo, я въ глазахъ тѣхъ, кому я пересказалъ его ложь, такой же благѣрь, какъ онъ. Это мнѣ непріятно. Кто виноватъ? Разумѣется, я, потому что я былъ «молоды», легковѣренъ; но и они виноваты, потому что они лгали. Нѣтъ, такихъ благѣрьевъ, какъ я увидѣлъ въ Ниццѣ, я ни на Руси, ни индѣ еще не видалъ. Въ жисьмѣ моемъ къ вамъ отъ 19 января я сказалъ вамъ, что я хочу безъ эскландра ¹⁾ удалиться отъ этихъ людей, они бо мнѣ антипатичны. Написалъ же я вамъ это потому, что съ вами я хочу играть въ открытую. *Но, поруженный въ себя*, вы не поняли этой весьма простой мысли, иначе вы, вѣроятно, не дали бы мнѣ и самаго пустого порученія къ Т.—Вы тоже говорили, что вы удаляетесь отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ просите ихъ вамъ писать. Я не умѣю такимъ образомъ удалиться.

«Полагая, что ~~■~~ серьезныхъ дѣлахъ откровенность есть необходимое условіе честности, я имѣю еще слѣдующее сказать вамъ, не теряя времени: Вы пишете мнѣ, что, отправивъ генерала въ Австралію и давъ безсрочный отпускъ всѣмъ, вы останетесь при мнѣ и при врагахъ, и что, если-бъ къ тому же я поустоялся и меньше зависѣлъ отъ своихъ и не своихъ нервныхъ тревогъ и капризцовъ, то вы со мною сдѣлали бы un bout de chemin ²⁾ *въ цюрихскомъ дѣлѣ*. Я долженъ на это вамъ отвѣтить, что, не чувствуя въ себѣ ни охоты, ни таланта къ ролямъ, и особенно трагическимъ, я готовъ, если вамъ угодно, служить вамъ моимъ совѣтомъ, но не дѣломъ, тѣмъ болѣе, что, по моему убѣжденію, всякое дальнѣйшее дѣло для васъ и для дѣтей вашихъ было бы пагубно. А потому, если вамъ нужно помощниковъ, то, разсчитывая на меня напрасно, не давайте отпусковъ людямъ, болѣе меня готовымъ принимать дальнѣйшее участіе въ цюрихскомъ дѣлѣ. Мнѣ больно это вамъ написать, но нужно—для моей чести».

Конечно, я не предполагалъ, чтобъ человѣкъ, который слезами, рыданіемъ вызвалъ меня на трудно произносимыя довѣрія, человѣкъ, такъ близко подошедшій ко мнѣ, и на котораго я опирался, какъ на брата, въ минуты слабости и безсилія, когда боль переходила человѣческую ёмкость,—что очевидецъ, свидѣтель всего, что было, приметъ мои несчастія за котурны и декорации, которыми я воспользуюсь, чтобъ играть трагическую роль. Восхищаясь

¹⁾ Esclandre—шумъ, скандалъ.

²⁾ Часть дороги.

моей книгой, онъ заискивалъ въ ней камни и откладывалъ ихъ за пазуху, чтобъ при случаѣ пустить въ меня! Ему мало было оборвать настоящее, онъ грязнилъ, опошлялъ прошедшее: разрываясь со мной, онъ не почтилъ его унылымъ чувствомъ молчанія, а покрылъ его безжалостной бранью и ироническимъ шпыняньемъ.

Больно мнѣ было это письмо, очень больно.

Я отвѣчалъ ему грустно, сквозь затаенныя слезы, я прощался съ нимъ и просилъ его прекратить переписку.

Затѣмъ наступило между нами совершеннѣйшее молчаніе...

Съ Энгельсономъ еще разъ что-то оторвалось внутри, я становился еще бѣднѣе, еще разобщеннѣе; холодъ кругомъ, ничего близкаго... Иногда будто теплѣе протягивалась рука; какой-нибудь фанатикъ безъ пониманія, не разобравшій сначала, что мы не одной религіи, быстро подходилъ и такъ же быстро отворачивался... Впрочемъ, я и самъ не искалъ большой близости съ людьми; я привыкалъ къ встрѣчнымъ и проходящимъ, къ разнымъ анонимамъ, отъ которыхъ ничего не требовалъ и которымъ ничего не давалъ, кромѣ сигаръ, вина и иногда денегъ. Одно спасеніе было въ работѣ: я писалъ «Былое и думы» и устраивалъ русскую типографію въ Лондонѣ.

VI.

Прошелъ годъ. Типографія была въ полномъ ходу, ее замѣтили въ Лондонѣ и боялись въ Россіи. Весною 1854 я получилъ отъ Марьи Каспаровны небольшую рукопись. Догадаться было не трудно, что ее писалъ Энгельсонъ. Я тотчасъ напечаталъ ее.

Потомъ пришло отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ окончить несчастную размолвку и соединиться на общее дѣло. Разумѣется, я ему протянулъ обѣ руки. Въмѣсто отвѣта, онъ явился самъ въ Лондонъ на нѣсколько дней и остановился у меня. Рыдая и смѣясь, просилъ онъ забвенія прошлаго... осыпалъ меня словами дружбы и снова схватилъ мою руку и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Я обнялъ его, глубоко тронутый и въ твердой увѣренности, что ссора не возобновится.

Но уже черезъ нѣсколько дней показались облака, мало предвѣщавшія хорошаго. Оттѣнокъ фатализма, бонапартизма, который проглядывалъ въ его письмахъ изъ Женевы, выросъ. Изъ ненависти къ Николаю и хористамъ французской революціи 1848 года онъ переходилъ *arme et bagage* ¹⁾ во враждебный станъ. Мы поспорили;

¹⁾ Со всею амуницией.

онъ былъ упоренъ. Зная, какъ онъ бросается въ крайности и какъ быстро возвращается, я ждалъ отлива, но его не было.

По несчастью, Энгельсонъ возился тогда съ удивительнымъ проектомъ, въ который былъ страстно влюбленъ.

Онъ выдумалъ воздушную батарею, т.-е. шаръ, начиненный горючими веществами и вмѣстѣ съ тѣмъ печатными воззваніями. Дѣло было при началѣ Крымской кампаніи. Энгельсонъ предлагалъ пускать такіе шары съ кораблей на балтійскіе берега. Проектъ этотъ мнѣ очень не нравился: что за пропаганда съ прожектиями, что за смыслъ намъ, русскимъ, жечь финскія деревни, помогать Наполеону и Англии? Къ тому же Энгельсонъ не открылъ никакого новаго средства направлять воздушные шары. Я мало возражалъ на его планъ, воображая, что онъ самъ бросить эти бредни.

Не тутъ-то было. Онъ отправился съ своимъ проектомъ къ Маццини, къ Ворцелю. Маццини сказалъ, что онъ такого рода дѣлами не занимается, а готовъ переслать черезъ своихъ друзей его проектъ военному министру. Изъ министерства отвѣтили уклончиво и безъ отказа проектъ оставили въ сторонѣ. Онъ просилъ меня «собрать двухъ-трехъ военныхъ изъ рефужье и предложить имъ вопросъ о шарѣ. Всѣ были противъ, и я еще и еще разъ говорилъ ему, что и я противъ, что наше *déjà*, наша *сила*—пропаганда и пропаганда, что мы падемъ нравственно, становясь на одну сторону съ Наполеономъ, и погубимъ себя въ глазахъ Россіи *faisant cause commune* ¹⁾ съ врагами ея. Энгельсонъ сердился, выходилъ изъ себя. Онъ ѣхалъ въ Лондонъ на вѣрное торжество и, встрѣтивши оппозицію даже во мнѣ, незамѣтно возвращался къ неприязни.

Вскорѣ онъ отправился за женой и привезъ ее въ маѣ мѣсяцѣ въ Лондонъ. Въ ихъ отношеніяхъ сдѣлалась совершенная перемѣна; она была беременна, онъ—въ восторгѣ отъ будущаго ребенка. Ссоры, размолвки, объясненія,—все прошло. Она съ какимъ-то лунатическимъ мистицизмомъ и полупомѣшательствомъ вертѣла столы и занималась спиритизмомъ. Духи ей предсказывали многое и, между прочимъ, скорую смерть мою. Онъ читалъ Шопенгауэра и, улыбаясь, говорилъ мнѣ, что всѣми силами мирволитъ мистическому направленію ея, что эта вѣра и экзальтація вноситъ миръ и покой въ ея душу.

Со мной она обошлась дружески,—можетъ, въ ожиданіи близкой смерти,—приходила ко мнѣ съ работой и заставляла меня читать главы изъ «Былого и думъ» и новыя статьи. Когда черезъ

¹⁾ Дѣлая общее дѣло.

мѣсяць начались опять размолвки изъ-за бонапартизма и воздушныхъ шаровъ, она являлась примирительницей, — приходила ко мнѣ, прося пощады *больному* и увѣряя, что всегда весной на Энгельсона находитъ ипохондрическое расположение, въ которомъ онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

Ея покойная кротость была кротость побѣдителя, милосердіе полнаго торжества. Энгельсонъ, воображавшій, что онъ ее держитъ въ рукахъ вертящимися столами, упустилъ одно изъ виду: что она вертѣла не только столами, но и имъ, и что онъ больше, чѣмъ столы, всегда отвѣчалъ то, что она хотѣла.

Однимъ вечеромъ Энгельсонъ снова заспорилъ о своихъ шарахъ съ однимъ французомъ ¹⁾, наговорилъ ему разныхъ колкостей; тотъ отдѣлался ироніей и, разумѣется, взбѣсилъ Энгельсона еще больше. Онъ схватилъ шляпу и убѣжалъ. Поутру я пошелъ къ нему, чтобъ объясниться по этому поводу.

Я его засталъ за письменнымъ столомъ, съ лицомъ совершенно искаженнымъ вчерашней злобой, съ безумнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ сказалъ мнѣ, что французъ (рефюжье, котораго я зналъ давно и знаю теперь) — *шпіонъ*, что онъ его разоблачитъ, убьетъ, и подалъ мнѣ письмо, только-что написанное и адресованное какому-то доктору медицины въ Парижѣ; въ письмѣ онъ припуталъ людей, живущихъ въ Парижѣ, и клеветалъ на выходцевъ въ Лондонѣ. Я остолбенѣлъ.

— И вы это письмо намѣрены послать?

— Сейчасъ.

— По почтѣ?

— По почтѣ.

— Это — *доносъ*, — сказала я и бросилъ на столъ его маранье. —

• Если вы пошлете это письмо...

— Что? — закричалъ онъ, прерывая меня голосомъ сиплымъ, дикимъ, — вы хотите грозить мнѣ, чѣмъ? Не боюсь я ни васъ, ни подлыхъ друзей вашихъ! — при этомъ онъ вскочилъ, раскрылъ большой ножъ и, махая имъ, кричалъ задыхаясь: — Ну, ну, покажите-ка прыть... покажу и я вамъ, неужгодно ли попробовать?... милости просимъ!

Я обернулся къ его женѣ и, сказавши:

— Что это онъ у васъ совсѣмъ съ ума сошелъ? Вы бы убрали его куда-нибудь!.. — вышелъ вонъ.

И на этотъ разъ м-ме Энгельсонъ явилась примирительницей. Она пришла ко мнѣ утромъ, прося забыть, что было вчера. Письмо

¹⁾ Деманже.

онъ изодралъ,—былъ боленъ, печаленъ. Она принимала все это за несчастье, за физическое разстройство, боялась, что онъ сильно занеможетъ, плакала. Я уступилъ ей. ⁶³

Затѣмъ я переѣхалъ въ Ричмондъ, и Энгельсонъ тоже. Рожденіе сына ¹⁾ и первые мѣсяцы хлопотъ объ немъ оживили Энгельсона; онъ потерялъ голову отъ радости; въ минуту рожденія малютки онъ обнялъ и расцѣловалъ сначала горничную, потомъ старуху хозяйку дома... Страхъ о здоровьѣ маленькаго, новость отцовскаго чувства, новость самого младенца заняли Энгельсона на нѣсколько мѣсяцевъ, и все шло опять ладно.

Вдругъ получаю отъ него большой пакетъ при записочкѣ, чтобъ я прочелъ вложенную бумагу и сказалъ откровенно мое мнѣніе. Это было письмо къ французскому министру военныхъ дѣлъ. Въ немъ онъ снова предлагалъ шары, бомбы и статьи. Я нашелъ все дурнымъ, отъ пути, къ которому онъ обращался, до слога, мало сохранившаго достоинство, и высказалъ это.

Энгельсонъ отвѣчалъ дерзкой запиской и началъ дуться. ⁶⁴

Вслѣдъ затѣмъ онъ мнѣ далъ другую рукопись для напечатанія. Я не скрылъ отъ него, что дѣйствіе ея на русскихъ будетъ прескверное, и что я не совѣтую печатать. Энгельсонъ упрекнулъ меня въ желаніи завести цензуру и говорилъ, что я, вѣроятно, устроилъ типографію исключительно для печати моихъ «безсмертныхъ твореній». Я напечаталъ рукопись, но чутье мое оправдалось: она возбудила въ Россіи общее негодованіе.

Все это показывало, что новый разрывъ не далекъ. Признаюсь, на этотъ разъ я не много объ этомъ жадѣлъ. Перемежающаяся лихорадка съ пароксизмами дружбы и ненависти, цѣлованья рукъ и нравственныхъ заушеній мнѣ надоѣла. Энгельсонъ перешелъ за черту, за которой не могли даже спасать ни воспоминанія, ни благодарность. Я его меньше и меньше любилъ и хладнокровнѣе ждалъ, что будетъ. ⁶⁵

Тутъ случилось событіе, которое своей важностью покрыло на время всѣ споры и раздоры однимъ чувствомъ радости и ожиданья.

Николай умеръ!

Утромъ 4 марта я вхожу, по обыкновенію, часовъ въ восемь въ свой кабинетъ, развертываю «Таймсъ», читаю десять разъ и не понимаю, не смѣю понять трагическій смыслъ словъ, поставленныхъ въ заглавіи телеграфической новости: «The death of the Emperor of Russia» ²⁾).

¹⁾ Исаакъ.

²⁾ «Смерть русскаго императора».

Не помня себя, бросился я съ «Таймсомъ» въ рукѣ въ столовую; я искалъ дѣтей, домашнихъ, чтобъ сообщить имъ великую новость, и со слезами истинной радости на глазахъ подаль имъ газету... Нѣсколько лѣтъ сваливалось у меня съ плечъ долой, я это чувствовалъ. Остаться дома было невозможно. Тогда въ Ричмондѣ жилъ Энгельсонъ; я наскоро одѣлся и хотѣлъ итти къ нему, но онъ предупредилъ меня и былъ уже въ передней. Мы бросились другъ другу на шею и не могли ничего сказать, кромѣ словъ: «Ну, наконецъ-то, онъ умеръ!». Энгельсонъ, по своему обыкновенію, прыгалъ, перецѣловалъ всѣхъ въ домѣ, пѣлъ, плясалъ, и мы еще не успѣли прійти въ себя, какъ вдругъ карета остановилась у моего подъѣзда, и кто-то неистово дернулъ колокольчикъ: трое поляковъ прискакали изъ Лондона въ Твикнэмъ, не дожидаясь поѣзда желѣзной дороги, меня поздравить.

Я велѣлъ подать шампанскаго,—никто не думалъ о томъ, что все это было часовъ въ одиннадцать утра или ранѣе. Потомъ безъ всякой нужды мы поѣхали всѣ въ Лондонъ. На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая; я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это бѣльмо снято съ глазъ человѣчества, и не радовался бы, что этотъ тяжелый тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ, зачисленъ по химіи.

Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра; французскіе, польскіе рефюжье, нѣмцы, итальянцы, даже англійскіе знакомые приходили, уходили съ сіяющимъ лицомъ. День былъ ясный, теплый; послѣ обѣда мы вышли въ садъ.

На берегу Темзы играли мальчишки; я подозвалъ ихъ къ рѣшеткѣ и сказалъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфекты цѣлую горсть мелкаго серебра. «Upe! Upe!—кричали мальчишки,—Impernikel is dead! Impernikel is dead!»¹⁾ Гости стали имъ тоже бросать сикспенсы и трипенсы; мальчишки принесли элю, пироговъ, кековъ, привели шарманку и принялись плясать... Послѣ этого, пока я жилъ въ Твикнэмѣ, мальчишки всякій разъ, когда встрѣчали меня на улицѣ, снимали шапку и кричали: «Impernikel is dead! Upe!»

Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ «Письмо къ императору Александру» и рѣшилъ издавать «Полярную Звѣзду».

¹⁾ Императоръ Николай умеръ. Impernikel—сокращенное отъ emperor Nicolas.

«Да здравствуетъ разумъ!»¹⁾ невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы,—«*Полярная Звѣзда*» скрылась за тучами николаевскаго царствованія; Николай прошелъ, и «*Полярная Звѣзда*» явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями».

... Толчокъ былъ силенъ, живителенъ, работа закипѣла вдвое. Я объявилъ, что издаю «*Полярную Звѣзду*». Энгельсонъ принялся, наконецъ, за свою статью о социализмѣ, о которой еще говорилъ въ Италіи. Можно было думать, что мы проработаемъ года два или больше... но раздражительное самолюбіе его дѣлало всякую работу съ нимъ невыносимой. Жена его поддерживала въ немъ его опьянѣніе собой. «Статья моего мужа,—говорила она,—будетъ считаться *новой эпохой* въ исторіи русской мысли. Если онъ ничего больше не напишетъ, то мѣсто его въ исторіи упрочено». Статя «Что такое государство?» была хороша, но успѣхъ ея не оправдалъ семейныхъ ожиданій. Къ тому же она попалась не во-время. Проснувшаяся Россія требовала, именно тогда, практическихъ совѣтовъ, а не философскихъ трактатовъ по Прудону и Шопенгауэру.

Статья еще не была до конца напечатана, какъ новая ссора, иного характера, чѣмъ всѣ предыдущія, почти окончательно прервала всѣ сношенія между нами.

Разъ, сидя у него, я шутилъ надъ тѣмъ, что они послали въ третій-разъ за докторомъ для маленькаго, у котораго былъ насморкъ и легкая простуда. «Неужели оттого, что мы бѣдны,—сказала m-me Энгельсонъ, и вся прежняя ненависть, удесятеренная, злая, вспыхнула на ея лицѣ,—нашъ малютка долженъ умереть безъ медицинской помощи? И это говорите вы, социалистъ, другъ моего мужа, *отказавшій ему въ пятидесяти фунтахъ и эксплуатирующій его уроками*».

Я слушалъ съ удивленіемъ и спросилъ Энгельсона, дѣлать онъ это мнѣніе или нѣтъ? Онъ былъ сконфуженъ; пятна выступили у него на лицѣ, онъ умолялъ ее замолчать... Она продолжала. Я всталъ и, перерывая ее, сказалъ: «Вы больны, и сами кормите,—я отвѣчать вамъ не стану, но не стану и слушать... Вѣроятно, вамъ не покажется страннымъ, что нога моя не будетъ больше въ вашемъ домѣ».

Энгельсонъ, печальный и растерянный, схватилъ шляпу и вышелъ со мной на улицу. «Не принимайте необузданныя слова жен-

¹⁾ «Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!» («Вакхическая пѣсня» Пушкина).

щины съ разстроенными нервами au pied de la lettre...»¹⁾). Онъ путался въ объясненіяхъ. «Завтра я приду давать урокъ»,—сказалъ онъ; я пожалъ ему руку и молча пошелъ домой.

... Все это требуетъ объясненій, и притомъ самыхъ тяжелыхъ, касающихся не мнѣній и общихъ сферъ, а кухни и приходо-расходныхъ книгъ. Тѣмъ не меньше я сдѣлаю опытъ раскрыть и эту сторону. Для патологическихъ изслѣдованій брезгливость, этотъ *романтизмъ чистоплотности*, не идетъ.

Энгельсоны врядъ имѣли ли право себя включать въ категорію бѣдныхъ людей. Они получали изъ Россіи десять тысячъ франковъ въ годъ, и пять онъ легко могъ выработать переводами, обзорѣніями, учебными книгами; Энгельсонъ занимался лингвистикой. Книгопродавецъ Трюбнеръ требовалъ отъ него лексиконъ русскаго корнесловія и грамматику; онъ могъ давать уроки, какъ Пьеръ Леру²⁾, какъ Кинкель, какъ Эскиросъ³⁾. Но въ качествѣ русскаго, онъ брался за все: и за корнесловіе, и за переводы, и за уроки,—ничего не кончалъ, ничѣмъ не стѣснялся и не вырабатывалъ ни одной копѣйки.

Ни мужъ, ни жена не были расцетливы и не умѣли устроить своихъ дѣлъ. Постоянная лихорадка, въ которой они жили, не позволяла имъ думать о хозяйствѣ. Онъ изъ Россіи уѣхалъ безъ опредѣленнаго плана и остался въ Европѣ безъ всякой цѣли. Онъ не взялъ никакихъ мѣръ, чтобъ спасти свое имѣніе, и un beau jour³⁾, испугавшись, сдѣлалъ наскоро какое-то распоряженіе, въ силу котораго ограничилъ свой доходъ на 10,000 фр., которые получалъ не совсѣмъ аккуратно, но получалъ.

Что Энгельсонъ не вывернется съ своими десяти тысячами, было очевидно; что онъ не сумѣетъ, съ другой стороны, ограничить себя, и это было ясно,—ему оставалось работать или заниматься. Сначала, послѣ пріѣзда въ Лондонъ, онъ взялъ у меня около сорока фунтовъ... Черезъ нѣкоторое время попросилъ опять... Я имѣлъ съ нимъ серьезный дружескій разговоръ объ этомъ и сказалъ ему, что готовъ ссужать его, но рѣшительно больше десяти фунтовъ въ мѣсяцъ ему займы не дамъ. Нахмурился Энгельсонъ, однако, раза два взялъ по десятифунтовой бумажкѣ и вдругъ написалъ мнѣ, что ему нужны пятьдесятъ фунтовъ и, если я не хочу ему ихъ дать или не вѣрю, то просить меня занять ихъ подъ закладъ какихъ-то брильянтовъ. Все это очень похо-

¹⁾ Буквально.

²⁾ Генри-Альфонсъ, франц. литераторъ и политич. дѣятель, эмигрировалъ въ 1851 г.

³⁾ Въ одинъ прекрасный день.

дило на шутку; если онъ, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ заложить брильянты, то ихъ слѣдовало бы снести къ какому-нибудь pawnbroker'у ¹⁾, а не ко мнѣ... Зная его и жалѣя, я написалъ ему, что брильянты заложу въ 50 фунтовъ, если дадутъ, и деньги пришло. На другой день я послалъ ему чекъ, а брильянты, которые онъ непременно бы продалъ или заложилъ, спряталъ, чтобъ ихъ сохранить ему. Онъ не обратилъ вниманія на то, что пятьдесятъ фунтовъ были безъ процентовъ, и повѣрилъ, что я брильянты заложилъ.

Второй пунктъ, относящійся къ урокамъ, еще проще. Въ Лондонѣ С. ²⁾ давалъ у меня уроки русскаго языка и бралъ 4 шил. за часъ. Въ Ричмондѣ Энгельсонъ предложилъ замѣнить С. Я спросилъ его о цѣнѣ; онъ отвѣтилъ, что ему со мной считается мудрено, но такъ какъ у него нѣтъ денегъ, то онъ возьметъ то же, что бралъ С.

Пришедши домой, я написалъ Энгельсону письмо, напомнилъ ему, что цѣну за уроки онъ назначилъ самъ, но что я прошу его принять за всѣ прошлые уроки вдвое. Затѣмъ я написалъ ему, что заставило меня удержать его брильянты, и отослалъ ему ихъ.

Онъ отвѣчалъ конфузно, благодарилъ, досадовалъ, а вечеромъ пришелъ самъ и сталъ ходить попрежнему. Съ ней я не видался больше. ⁵⁶

VII.

Съ мѣсяць спустя, обѣдалъ у меня Зено Свентославскій и съ нимъ Линтонъ, англійскій республиканецъ. Къ концу обѣда пришелъ Энгельсонъ. Свентославскій, чистѣйшій и добрѣйшій человекъ, фанатикъ, сохранившій за 50 лѣтъ безразсудный польскій пылъ и запальчивость мальчика пятнадцати лѣтъ, проповѣдывалъ о необходимости возвращаться въ Россію и начать тамъ живую и печатную пропаганду. Онъ бралъ на себя перевезти буквы и пр.

Слушая его, я полушутя сказалъ Энгельсону: «А что, вѣдь, насъ примутъ за трусовъ, если онъ пойдетъ одинъ (on nous accusera de lâcheté)». Энгельсонъ сдѣлалъ гримасу, и ушелъ.

На другой день я ѣздилъ въ Лондонъ и возвратился вечеромъ. Мой сынъ, лежавшій въ лихорадкѣ, разсказалъ мнѣ, и притомъ въ большемъ волненіи, что безъ меня приходилъ Энгельсонъ, что онъ меня страшно бранилъ, говорилъ, что онъ мнѣ отмститъ; что онъ больше не хочетъ выносить моего авторитета; что я ему

¹⁾ Ростовщику.

²⁾ Иванъ Ивановичъ Савичъ.

теперь ненуженъ, *послѣ напечатанія его статьи*. Я не зналъ, что думать,—Саша ли бредилъ отъ лихорадки, или Энгельсонъ приходилъ мертвецки пьяный.

Отъ Мальвиды М. ¹⁾ я узналъ еще больше. Она съ ужасомъ рассказывала о его неистовствахъ. «Герценъ,—кричалъ онъ нервнымъ, задыхающимся голосомъ,—меня назвалъ вчера lâche ²⁾, въ присутствіи двухъ постороннихъ». М. его перебила, говоря, что рѣчь шла совсѣмъ не о немъ, что я сказалъ «on vous taxera de lâcheté ³⁾, говоря объ насъ вообще. «Если Г. чувствуетъ, что онъ дѣлаеть подлости, пусть говоритъ о самомъ себѣ, но я ему не позволю говорить такъ обо мнѣ, да еще при двухъ мерзавцахъ»...

На его крикъ прибѣжала моя старшая дочь, которой тогда было десять лѣтъ. Энгельсонъ продолжалъ: «Нѣтъ, конечно, довольно! я не привыкъ къ этому, я не позволю играть мною, я покажу, кто я!»—и онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и продолжалъ кричать: «Заряжень, заряжень... я дождусь его»...

М. встала и сказала ему, что она требуетъ, чтобъ онъ ее оставилъ; что она не обязана слушать его дикій бредъ; что она только объясняетъ болѣзнь его поведеніе. «Я уйду,—сказалъ онъ—не хлопчите, но прежде хочу попросить васъ отдать Герцену это письмо». Онъ развернулъ его и началъ читать; письмо было ругательное.

М. отказалась отъ порученія, спрашивая его, почему онъ думаетъ, что она должна служить посредницей въ доставленіи такого письма?

«Найду путь и безъ васъ»—замѣтилъ Энгельсонъ и ушелъ; письма не присылалъ, а черезъ день написалъ мнѣ записку; *въ ней, не упоминая* ни однимъ словомъ о прошедшемъ, онъ писалъ, что у него открылся геморрой, что онъ ходитъ ко мнѣ не можетъ, а проситъ посылать дѣтей къ нему. ⁵⁷

Я сказалъ, что отвѣта не будетъ, и снова дипломатическія сношенія были прерваны... оставались военныя. Энгельсонъ и не преминулъ ихъ употребить въ дѣло.

Изъ Ричмонда я осенью 1855 переѣхалъ въ St. John's Wood. Энгельсонъ былъ забытъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Вдругъ получаю я весной ⁴⁾ 1856 отъ Орсини, котораго видѣлъ дня два тому назадъ, записку, пахнущую картелью...

Холодно и учтиво просилъ онъ меня разъяснить ему, правда

¹⁾ Мейзенбургъ.

²⁾ Трусомъ.

³⁾ Насъ обвиняютъ въ трусости.

⁴⁾ Осенью.

ли, что я и *Саффи* распространяемъ слухъ, что онъ—австрійскій шпіонъ, Онъ просилъ меня или дать полный démenti ¹⁾, или указать, отъ кого я слышалъ такую гнусную клевету ²⁾.

Орсини былъ правъ; я поступилъ бы такъ же. Можетъ, онъ долженъ былъ бы имѣть побольше довѣрія къ Саффи и ко мнѣ, но обида была велика.

Тотъ, кто сколько-нибудь зналъ характеръ Орсини, могъ понять, что такой человѣкъ, задѣтый въ самой святѣйшей святынь своей чести, не могъ остановиться на полдорогѣ. Дѣло могло только разрѣшиться *совершенной* чистотой нашей или чьей-нибудь смертью.

Съ первой минуты мнѣ было ясно, что ударъ шелъ отъ Энгельсона. Онъ *вѣрно* считалъ на одну сторону орсиніевскаго характера, но, по счастью, забылъ другую: Орсини соединялъ съ неукротимыми страстями страшное самообузданіе, онъ середь опасностей былъ разсчетливъ, обдумывалъ каждый шагъ и не рѣшался сбрызгу, потому что, однажды рѣшившись, онъ не тратилъ время на критику, на перерѣшенія, на сомнѣнія, а исполнялъ. Мы видѣли это въ улицѣ Лепелетье ³⁾. Такъ онъ поступилъ и теперь; онъ, не торопясь, хотѣлъ изслѣдовать дѣло, узнать виновнаго и потомъ, если удастся, убить его.

Вторая ошибка Энгельсона состояла въ томъ, что онъ безъ всякой нужды замѣшалъ Саффи.

Дѣло было вотъ въ чемъ. *Мтыяцевъ шестъ* до нашего разрыва съ Энгельсономъ, я былъ какъ-то утромъ у m-me Мильнеръ-Гибсонъ (жены министра); тамъ я засталъ Саффи и Піанчани; они что-то говорили съ ней объ Орсини. Выходя, я спросилъ Саффи, о чемъ была рѣчь. «Представьте,—отвѣчалъ онъ,—что г-жѣ Мильнеръ-Гибсонъ рассказывали въ Женевѣ, что Орсини подкупленъ Австріей...»

Возвратившись въ Ричмондъ, я передалъ это Энгельсону. Мы оба были тогда недовольны Орсини. «Чортъ съ нимъ со всѣми!»—замѣтилъ Энгельсонъ, и больше объ этомъ рѣчи не было. Когда Орсини удивительнымъ образомъ спасся изъ Мантуи, мы вспомнили въ своемъ тѣсномъ кругу объ обвиненіи, слышанномъ Мильнеръ-Гибсонъ. Появленіе самого Орсини, его разсказъ, его раненая нога безслѣдно стерли нелѣпое подозрѣніе.

Я попросилъ у Орсини назначить свиданіе. Онъ звалъ вечеромъ на другой день. Утромъ я пошелъ къ Саффи и показалъ ему записку Орсини. Онъ тотчасъ, какъ я и ждалъ, предложилъ мнѣ

¹⁾ Опроверженіе.

²⁾ См. № 869.

³⁾ Покушеніе на Наполеона III.

итти вмѣстѣ со мною къ нему. Огаревъ, только-что прїѣхавшій въ Лондонъ, былъ свидѣтелемъ этого свиданія.

Саффи разсказаль разговоръ у Мильнеръ-Гибсонъ съ той простотой и чистотой, которая составляетъ особенность его характера. Я дополниль остальное. Орсини подумаль и потомъ сказаль:

— Что, у Мильнеръ-Гибсонъ могу я спросить объ этомъ?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ Саффи.

— Да, кажется, я погорячился, но,—спросилъ онъ меня,—скажите, зачѣмъ же вы говорили съ посторонними, а меня не предупредили?

— Вы забываете, Орсини, время, когда это было, и то, что *посторонній*, съ которымъ я говорилъ, былъ тогда не посторонній; вы лучше многихъ знаете, что онъ былъ для меня.

— Я никого не называль...

— Дайте кончить. Что же вы думаете, легко человѣку передавать такія вещи? Если-бъ эти слухи распространились, можетъ, васъ и слѣдовало бы предупредить, но кто же теперь объ этомъ говоритъ? Что же касается до того, что вы никого не называли, вы очень дурно дѣлаете; сведите меня лицомъ къ лицу съ обвинителемъ, тогда еще яснѣе будетъ, кто какую роль играль въ этихъ сплетняхъ.

Орсини улыбнулся, всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, обнялъ Саффи и сказаль:

— Атисі, кончимъ это дѣло, простите меня, забудемте все это и давайте говорить о другомъ.

— Все это хорошо и требовать отъ меня объясненія вы были въ правѣ, но зачѣмъ же вы не называете обвинителя? Во-первыхъ, скрыть его нельзя... Вамъ сказаль Энгельсонъ.

— Даете вы слово, что оставите дѣло?

— Даю при двухъ свидѣтеляхъ.

— Ну, отгадали.

Это ожидаемое подтвержденіе, все же, слѣлало какую-то боль,—точно я еще сомнѣвался.

— Помните обѣщанное,—прибавиль, помолчавши, Орсини.

— Объ этомъ не беспокойтесь. А вы вотъ утѣшите меня да и Саффи: разскажите, какъ было дѣло; вѣдь, главное мы знаемъ.

Орсини засмѣялся.

— Экое любопытство! Вы Энгельсона знаете; на дняхъ пришелъ онъ ко мнѣ; я былъ въ столовой (Орсини жилъ въ boarding house ¹⁾) и обѣдалъ одинъ. Онъ ужъ обѣдалъ; я велѣлъ подать гра-

¹⁾ Пансіонъ.

финчикъ хересу; онъ выпилъ его и тутъ сталъ жаловаться на васъ, что вы его обидѣли, что вы перервали съ нимъ всѣ сношенія, и послѣ всякой болтовни спросилъ меня, какъ вы меня приняли послѣ возвращенія. Я отвѣчалъ, что вы меня приняли очень дружески, что я обѣдалъ у васъ и былъ вечеромъ... Энгельсонъ вдругъ закричалъ: «Вотъ они!.. знаю я этихъ молодцовъ! давно ли онъ и его другъ и почитатель Саффи говорили, что вы—австрійскій агентъ? А вотъ теперь, вы опять въ славѣ, въ модѣ—и онъ вашъ другъ!» Энгельсонъ,—замѣтилъ я ему,—вполнѣ ли вы понимаете важность того, что вы сказали?—«Вполнѣ, вполнѣ», повторялъ онъ.—Вы готовы будете во всѣхъ случаяхъ подтвердить ваши слова?—«Во всѣхъ!» Когда онъ ушелъ, я взялъ бумагу и написалъ вамъ письмо. Вотъ и все.

Мы вышли всѣ на улицу. Орсини, будто догадываясь, что происходило во мнѣ, сказалъ, какъ бы въ утѣшеніе:

— Онъ поврежденный.

Орсини вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ, и античная изящная голова его скатилась окровавленная на помостѣ гильотины.

Первая вѣсть объ Энгельсонѣ была вѣсть о его смерти въ въ Джерси.

Ни слова примиренія, ни слова раскаянія не долетѣло до меня... (1859).

... P. S. Въ 1864 я получилъ изъ Неаполя странное письмо. Въ немъ говорилось о появленіи духа моей жены, о томъ, что она звала меня къ обращенію, къ очищенію себя религіей, къ тому, чтобы я оставилъ свѣтскія заботы...

Писавшая говорила, что все писано подъ диктантъ духа; тонъ письма былъ дружескій, теплый, восторженный.

Письмо было безъ подписи; я узналъ почеркъ: оно было отъ m-me Энгельсонъ.

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣд. читать</i>
12	13 св.	Вадке	Ватке
—	5 сн.	естествоиспытатель	богословъ
—	3 сн.	Вильямъ	Іоганнъ-Карлъ.
20	23 св.	Ксанфа	Ксанѳа.
107	2 св.	Глаховъ	Галаховъ
203	2 св.	болень	далекъ
325	1 сн.	Замѣнить всю строку: Вѳе—городъ въ Алжирѣ, извѣстный, между прочимъ, своимъ виномъ.	
338	3 сн.	Даніель	Даніэль
414	9 сн.	Бурбуновъ	Бурбоновъ

Цена 100 рублей

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка, 61; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 28), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.